

ДРУГИЕ
МИРЫ

Ирина Шевченко

ОСТОРОЖНО,
ЖЕНСКОЕ ФЭНТЕЗИ

Annotation

Когда-то я завидовала героиням романов и мечтала оказаться на их месте. Прямо скажем, завидовать мне не стоило. Хотя, возможно, все было бы иначе, окажись я на месте героини какой-нибудь другой книги, а не своей собственной, к тому же недописанной. Теперь, чтобы вернуться домой, придется закончить историю изнутри. Разобраться с таинственными исчезновениями студентов магической академии, влюбить в себя неприступного красавца и при этом не завалить учебу. Задача непростая, но с божьей помощью справлюсь. Только вот бог, который меня в это втянул, помогать не спешит...

- [Ирина Шевченко](#)
 -
 - [ГЛАВА 1](#)
 - [ГЛАВА 2](#)
 - [ГЛАВА 3](#)
 - [ГЛАВА 4](#)
 - [ГЛАВА 5](#)
 - [ГЛАВА 6](#)
 - [ГЛАВА 7](#)
 - [ГЛАВА 8](#)
 - [ГЛАВА 9](#)
 - [ГЛАВА 10](#)
 - [ГЛАВА 11](#)
 - [ГЛАВА 12](#)
 - [ГЛАВА 13](#)
 - [ГЛАВА 14](#)
 - [ГЛАВА 15](#)
 - [ГЛАВА 16](#)
 - [ГЛАВА 17](#)
 - [ГЛАВА 18](#)
 - [ГЛАВА 19](#)
 - [ГЛАВА 20](#)
 - [ГЛАВА 21](#)
 - [ГЛАВА 22](#)
 - [ГЛАВА 23](#)

- [ГЛАВА 24](#)
 - [ГЛАВА 25](#)
 - [ГЛАВА 26](#)
 - [ГЛАВА 27](#)
 - [ГЛАВА 28](#)
 - [ГЛАВА 29](#)
 - [ГЛАВА 30](#)
 - [ГЛАВА 31](#)
 - [ГЛАВА 32](#)
 - [ГЛАВА 33](#)
 - [ГЛАВА 34](#)
 - [ГЛАВА 35](#)
 - [ГЛАВА 36](#)
 - [ГЛАВА 37](#)
 - [ГЛАВА 38](#)
 - [ГЛАВА 39](#)
 - [ГЛАВА 40](#)
 - [ГЛАВА 41](#)
 - [ГЛАВА 42](#)
 - [ГЛАВА 43](#)
 - [ГЛАВА 44](#)
 - [ГЛАВА 45](#)
 - [ГЛАВА 46](#)
 - [ГЛАВА 47](#)
 - [ГЛАВА 48](#)
 - [ГЛАВА 49](#)
 - [ГЛАВА 50](#)
 - [ГЛАВА 51](#)
 - [ГЛАВА 52](#)
 - [ГЛАВА 53](#)
 - [ГЛАВА 54](#)
 - [ГЛАВА 55](#)
 - [ЭПИЛОГ](#)
-

Ирина Шевченко
ОСТОРОЖНО, ЖЕНСКОЕ ФЭНТЕЗИ

Андрею.

Мы будем жить счастливо и всегда.

ГЛАВА 1

Меня окружала темнота. Плотная, непроглядная. Потом над головой что-то щелкнуло, и широкий луч высветил на полу передо мной круг, в центре которого сидел на табурете мальчишка лет пятнадцати. Обычный такой мальчишка: белобрысая шевелюра, рваные джинсы, кроссовки, черная футболка с иероглифами.

— Привет, — улыбнулся он мне. — Я Мэйтин.

И не холодно ему в футболке? Все-таки зима на дворе.

— Привет, — поздоровалась я. — Марина. Я за Графом.

— Здесь таких нет.

— Граф — это кот.

Сволочь мохнатая! Все планы на вечер испоганил. Я пиццу заказала, сериал любимый включила, а тут — соседка: «Маришенька, котик твой на крышу вылез, плачет, бедненький». Снова чердачный люк открытым оставили, вот он и вылез. А обратную дорогу найти, видать, не судьба.

Пришлось натягивать куртку и лезть на чердак.

— Это не чердак, — заявил мальчишка.

— Что же тогда? — спросила я, отмечая, что для чердака тут и правда слишком просторно и чисто.

— Терминал. Буферный отсек между мирами.

— А, это у вас игра такая?

— Вся наша жизнь — игра.

Странный. Я барышня не хрупкая и не робкая, малолетки, даже когда они толпой у подъезда трутся, меня не пугают, но с этим точно что-то не так. Пойду-ка я отсюда.

— Куда? — любопытствовал пацан.

— Домой, — не отводя от него взгляда, я попятилась, но уже на втором шаге уперлась спиной в стену.

— Не получится. Проход в ту сторону заблокирован.

— Слушай, это не смешно! — я мелкими шажочками продвигалась вдоль стенки в надежде наткнуться на дверь. — Выпусти меня... как тебя там...

— Мэйтин, я же сказал.

— Мэй... Что за чушь? Нет такого имени. Я...

— Сама его придумала, — закончили за меня.

Придумала, да. Несколько лет назад решила книжку написать —

фэнтези, женское, романтическое. И был там такой...

— Вечно юный бог Мэйтин, — он спрыгнул с табурета и церемонно раскланялся.

— Бог? — зачем-то уточнила я. — Ты?

— Разве не похож? Ты имя как сочиняла? «Мэй» — май на английском. «Тин» — подросток. Майский подросток. Вот так как-то получилось.

Я медленно сползла по стене.

Ладно, кто-то мог влезть в мой компьютер, найти старые файлы и организовать розыгрыш с терминалом между мирами. Чердак расчистить, соседку подговорить, Графа на крышу выпихнуть. Но кто знал, как я придумывала имена для героев? А Мэйтин и не герой, просто упоминался как...

— Верховное божество Трайса, — важно кивнул подросток. Майский. — У тебя там, кстати, то «Трайс», то «Трейс», но я решил, что будет Трайс. И без путаницы с названиями проблем хватает.

Не знаю, какие у него проблемы, а вот у меня — серьезные. Минимум шизофрения.

— А максимум? — поинтересовалось божество.

Надоело, что он отвечает на мои мысли, и я начала рассуждать вслух:

— Максимум — предсмертный бред. Я выбралась на чердак, потом на крышу, оступилась и полетела вниз. Лежу сейчас с разбитым черепом и предсмертно брежу.

— Богатая у тебя фантазия, — похвалил Мэйтин. — Что же ты, с такой фантазией, книгу не закончила?

— Наскучило.

— Отлично, — нахмурился плод моего воображения. — История мира застряла в одной точке, потому что кому-то наскучило ее писать!

Он меня в чем-то обвиняет, что ли?

— Обвиняю. Мы в ответе за тех, кого сочинили, или как?

— Кого приручили, — поправила я машинально.

— А те, кого сочинили, пусть погибают, да? — божество подскочило ко мне, подхватило под мышки и рывком подняло с пола, на котором я уже освоилась и собиралась просидеть до приезда скорой. — Нет уж, автор наш дорогой, так не пойдет!

Вблизи он уже не казался обычным мальчишкой. Переместившийся за ним луч позволил рассмотреть лицо, может, и не красивое, но какое-то нереально правильное; рисунок-орнамент из тонких белых шрамов, тянувшийся от левого виска к подбородку, и серебряные искорки в волосах.

Глаза его непрерывно меняли цвет. За несколько секунд они успели побыть и голубыми, и карими, и — эталон фэнтези — фиалковыми. Точно помню, что ничего подобного не писала. Я вообще о нем не писала, если на то пошло, только имя придумала, чтобы в моем мире была какая-никакая религия.

— Если ты не уделила внимания внешности персонажа, это не значит, что он должен оставаться безликим, — высказал мне Мэйтин. — А я к тому же бог!

— Хорошо, — смирилась я. — И чего ты от меня хочешь, бог?

— Чтобы ты закончила историю. Тогда Трайс будет жить.

— Но я не писала историю Трайса. Я писала о девушке, которая учится в магической академии. Популярная тема. Просто девушка. Учится, гуляет с друзьями, влюбляется.

— В ректора, — бог хмыкнул. — Тоже популярная тема?

— Не поверишь насколько, — вздохнула я.

— Уже поверил. А теперь и ты поверь: твоя просто девушка оказалась центральной фигурой мироздания, и, пока ее история не будет закончена, история Трайса не может продолжаться.

— В смысле «закончена»? Мне что, ее жизнь вплоть до похорон расписывать?

— Зачем? Только до того места, где должна была закончиться книга. Героиня разгадывает все тайны, заканчивает академию и выходит замуж за любимого мужчину. Если планировала писать вторую часть — забудь.

С запозданием — с этого следовало начинать — я ущипнула себя за запястье и громко ойкнула.

— Это не сон, — подтвердил Мэйтин. — И не бред. Санитары за тобой не приедут.

— Понятно. Так я это... пойду?

— Куда?

— Книжку дописывать.

— Это уже не поможет. Чтобы закончить историю, ты должна стать ее частью. Или навсегда застрянешь в терминале. Я же сказал, путь в твой мир закрыт.

— С-совсем? — выдавила я.

— Совсем, но не навсегда. Спасешь мой мир — сможешь вернуться в свой.

Приехали. Я — спасительница мира? Боже, пусть это будет все-таки шизофрения!

— И не мечтай, — отвечивал боже. Приосанился и с пафосом

вопросил: — Готова ли ты исполнить свое предназначение?

Я собиралась отнекиваться до последнего, но вдруг подумала: а что я, собственно, теряю? Пусть я не из тех, кого нынче называют сильными независимыми женщинами, а подразумевают: одиночка за тридцать, живет с котом... То есть да, мне тридцать два, и кот есть, но у меня совсем другая история. И все же эта встреча в темноте — самое интересное, что случилось со мной в последние годы. Даже если это сумасшествие — очень уж симптомы занимательные. А если нет — какой у меня выбор? Остаться в пустом терминале с одной табуреткой и фонарем под потолком?

— Табурет я заберу, — предупредил Мэйтин. — И свет выключу.

— Ой! У меня же свет в квартире включен! И телевизор! А кот на крыше!

— Если сделаешь все правильно, вернешься в свой мир и в свою жизнь в тот же момент, на котором попала в терминал, — успокоил бог. Правда, неуверенное «если» вместо четкого «когда» немного настораживало.

Протянув руку за границу света, Мэйтин вытащил из пустоты толстый фолиант с неразборчивым тиснением на обложке.

— Читай.

— Все?!

— Хватит первой страницы.

С трудом удерживая книгу в руках, я открыла ее и пробежала глазами начальные строчки. Снова подумалось, что все это хитроумный розыгрыш.

— Вслух, — велел Мэйтин.

— Меня зовут Элизабет Аштон. Для своих — Элси. Уже третий год я учусь в магической академии на отделении боевой магии...

Никогда еще мне не было так стыдно, как сейчас, когда я зачитывала вслух свое бездарное сочинение. Но страдать пришлось недолго. Я и страницу закончить не успела, как свет погас, книга выпала из рук, а в следующий миг я поняла, что лежу с закрытыми глазами на чем-то мягком.

— Просыпайся! — встряхнули меня за плечи.

Не открывая глаз, я вздохнула: все-таки сон. Даже обидно...

— Просыпайся! — не умолкал над ухом женский голос. — Просыпайся же, Элси!

Не сон.

Открыв глаза, я увидела склонившуюся надо мной девушку. Пухленькая, невысокая, со вздернутым носиком, ореховыми глазами и копной вьющихся каштановых волос, она идеально подходила под

описание, которое я дала соседке своей героини — Маргарите. И, полагаю, ею и была. Хотя надежда, что все это бред и галлюцинации, еще не совсем меня оставила.

— Наконец-то! Я уже собиралась звать некромантов.

— Мэг? — прошептала я неуверенно.

— Что? — отозвалась целительница.

Здорово я придумала поселить героиню в одной комнате с целительницей. Вот сейчас хватит меня удар — будет кому откачивать.

Я медленно поднесла к лицу руку. Рука была чужая: изящная, с нежной кожей, длинными пальчиками и острыми розовыми ноготками. Но росла определенно из меня.

— Элси, что с тобой? — забеспокоилась Мэг. — Ты как себя чувствуешь?

— Плохо, — ответила я чужим, хриплым спросонья голосом.

— Сейчас будет еще хуже, — вздохнула соседка. — Тебя...

— Ректор вызывает, — закончила я, подражая Мэйтину.

— Откуда ты знаешь?

Откуда-откуда... Оттуда! Как раз на этом моменте я и забросила книгу.

— Элси? — Мэг все еще ждала ответа.

— Потом, — отмахнулась я.

Чужими руками ощупала свои-чужие волосы и почти не удивилась, что вместо короткой стрижки у меня длинная, растрепавшаяся за ночь коса. Светло-русовая — цвет совпадал с тем, что был у меня в реальности.

Откинув одеяло, поднялась с кровати. Я стала на несколько сантиметров выше, пол был дальше, чем обычно, и из-за этого, а еще от граничащего с паникой волнения у меня закружилась голова. К горлу подкатила тошнота. Ноги — длинные и стройные, конечно же, — дрожали. Грудь под легкой батистовой сорочкой тяжело вздымалась. А вздыматься там было чему.

Оглядев комнату, я нашла в углу большое овальное зеркало и направилась к нему, уже зная, что увижу. Прекрасное юное лицо, фарфоровая кожа, высокие скулы, аккуратный носик, полные коралловые губы и огромные сапфировые глаза — разве не так должна выглядеть героиня любовного романа, у которой ко всему отметились в родословной эльфы?

Однако отражение превзошло все ожидания.

Зато стало ясно, что мутит меня не только от волнения.

— Мэг, — простонала я, зажмурившись, — что вы... мы вчера пили?

— Все.

В предыдущей главе девчонки с прорицательского устроили небольшой сабантуй. Если бы знала, чем все обернется, не писала бы тот эпизод. Вообще книгу не писала бы, если б знала!

— М-мэйтин...

— Не время молиться, — мне в руку сунули стакан. — Пей.

Я опрокинула в себя походившую цветом на чай жидкость и скривилась. Как можно было забыть про антипохмельный эликсир Мэг? Сама же придумала. Гадость редкая! Но действенная. Во рту еще ощущалась терпкая горечь, а тошнота и дрожь в коленках исчезли без следа.

Повторный взгляд в зеркало показал, что все не так плохо. Черные круги под глазами — размазанная тушь. Пятна на щеках — осыпавшиеся тени. Глаза, как и положено, сапфировые, скулы высокие, а все остальное можно смыть...

Но как?! Как такое возможно? Читала я книги, в которых герои с бодуна попадают в другой мир, но чтобы ничего крепче кофе не пить и очнуться в уже похмельном теле?

— Мне пора, а ты не вздумай снова завалиться в постель! — строго наказала целительница. — Милорд ректор не любит ждать.

Едва она вышла за дверь, я рухнула на кровать.

Боже, сделай, чтобы это закончилось!

— Не сделаю.

Мэйтин! Вот кто во всем виноват!

Не найдя под рукой ничего тяжелого, я схватила подушку и кинулась на устроившегося на подоконнике майского гаденыша.

— Ты что удумала, смертная? — с любопытством спросил он, в тот же миг оказавшись у меня за спиной.

— А ты что удумал, недоросль?!

Я развернулась, но Мэйтин уже переместился на шкаф.

— План я сразу объяснил, — напомнил оттуда. — Ты согласилась.

— Я? Да разве я знала? Да если бы...

Ну кто в здравом уме предположил бы, что так получится? Любопытно было, необычно... Но чтобы так? И что мне теперь делать, а? Разве что усесться на пол и разрыдаться.

— Вот этого не надо. — Бог соскочил на пол, вырвал из моих рук подушку и стукнул меня ею по голове. — Ну? Как себя чувствуешь?

— Я...

Задумалась.

А как должна себя чувствовать женщина, в один миг сбросившая

десяток лет и столько же килограммов? Нет, толстой я никогда не была и внешность моя меня устраивала, но с Элизабет я и в юности не сравнилась бы. Ненадолго занять ее место показалось даже интересно...

Что ты сделал со мной, Мэйтин?

— Сэкономил тебе время и нервы. Ты осознала реальность происходящего и смирилась с неизбежным. Без меня на это ушло бы не менее двух недель.

— Знаешь, как это называется? Рояль. Необоснованная подачка герою.

— Если бы ты такое написала, был бы рояль, — не согласился он. — А в моем случае — божье чудо. Чувствуешь разницу?

Появление в сюжете бога-чудотворца, такого себе *deus ex machina*, — рояль из роялей, известный еще с античных времен, но я не стала этого говорить.

— Ты же помнишь, что я слышу твои мысли? — усмехнулся Мэйтин.

Угу.

— А то, что милорд ректор не любит ждать?

И это, к сожалению, тоже.

Милорд Оливер Райхон, мастер темных материй, лучший в академии специалист по проклятиям. При всех регалиях еще достаточно молод и невероятно хорош собой. Мужчина-мечта. Но к встрече с мечтой я была не готова: от встречи со сказкой еще не отошла.

— Мэйтин, — я с мольбой уставилась на юное божество. — Можешь сотворить еще одно чудо и разрулить ситуацию без меня?

— Думаешь, если бы мог, тащил бы тебя сюда? Я бог, а не автор.

Так сказал, что впору загордиться. Но я-то знаю, какой из меня автор.

— Как это вообще работает? В смысле, я написала, и получился мир?

— Ты написала, и получился мир, — пожал плечами бог.

— А как я сюда попала?

— Так через терминал же.

— А язык? Я понимаю местный язык, я с Мэг говорила. Это при перемещении автоматически настраивается?

— Ты на каком языке книгу писала? — закатил он глаза. — Что еще тебе должно было настроиться? Субтитры? Все, хватит вопросов! Ректор заждался уже. Умывайся, причесывайся, а я наряд тебе подберу. Как-никак на встречу с мужчиной своей мечты идешь.

— Ее мечты! Ее! Я не Элси.

— Неужели? — притворно удивился Мэйтин. — А так похожа. В ванную, бегом!

Прежде чем выполнить приказ, я осмотрелась: раз уж придется тут

задержаться, нужно хотя бы местность изучить.

При написании книги я не заостряла внимания на интерьерах, но, несмотря на это, а может быть, именно благодаря тому, что я не написала ничего лишнего, комната у Элси и Мэг получилась уютная. Не слишком большая, но и не тесная. Два высоких окна, в простенке — книжный шкаф, у противоположной стены рядом со входной дверью — большой платяной. Две кровати, письменный стол, пара стульев, туалетный столик — много ли нужно двум студенткам? И ванная — туда вела небольшая дверца в углу.

Взглянув в висящее над раковиной зеркало, я и правда почувствовала себя героиней. Только не фантастического романа, а бородатого анекдота.

— Я тебя не знаю, но я тебя умою, — пообещала отражению.

Умытая Элси понравилась мне больше. Выяснилось, что мы даже похожи. Как сестры. Только Элси — красивая сестра, а я — та, которой на ее фоне не осталось ничего, кроме как быть умной. Но судя по тому, где я оказалась, и с этим не сложилось.

Рефлексовать я себе не позволила. Стянула сорочку, ополоснулась холодной водой и растерлась полотенцем, чтобы взбодриться перед свершениями.

Хорошо, что я снабдила общежитие водопроводом и канализацией. Да и условную эпоху выбрала не слишком древнюю — примерно конец девятнадцатого века, если равняться на историю родного мира. Только подкорректировала кое-что и установила гендерное равенство. Вполне комфортный должен был получиться мирок.

В последнем, вернувшись в комнату и увидев приготовленные вещи, я несколько усомнилась.

— Что это?! — Длинные широкие панталоны вселяли ужас.

— У тебя это называлось «историческая достоверность костюма», — напомнил Мэйтин. — Тут еще лиф, корсет, нижняя юбка и чулки. От кринолинов и турнюров ты сразу отказалась.

— Слава богу.

— Слава мне, — согласился белобрысый.

— А может, ну его? Есть же эльфийские платья, — вспомнила я. — У Элси их аж три, одно она надевала на Осенний бал.

— Эльфийские — это которые «соблазнительно облегают грудь и бедра»?

— Они самые. Их носят без корсета.

— Их носят вообще без белья, — осклабился Мэйтин. — Чтобы облегалo лучше. И, когда ты в таком платье, все вокруг знают, что на тебе ничего больше нет.

— Я подобного не писала!

— А логику включить? Представь, как ты будешь выглядеть, если наденешь наряд из «легкой струящейся ткани» поверх вот этого, — он помахал панталонами.

— Может, эльфы уже изобрели стринги? — предположила я.

— Этого ты тоже не писала.

Прокол. Но все же странно: какие-то вещи, о которых я не писала, прекрасно себе существуют, а каких-то как не было, так и нет.

— Если есть предпосылки к возникновению чего-либо, оно появится, — разъяснил Мэйтин. — Если нет, то нет. Например, ты не расписывала географию мира, но она сформировалась сама собой. Как и общая демографическая картина. Естественно же, что академия — не единственное населенное место на планете.

— Хочешь сказать, предпосылок для появления нормального белья не было? — пробурчала я.

— На все нужно время. Лет через сто додумаются до привычных тебе фасонов.

Так долго я ждать не собиралась и, выставив бога-тинейджера из комнаты, принялась облачаться в исторически достоверный костюм.

Благодаря сайтам, посвященным истории моды, на которые я заглядывала, взявшись писать роман, процесс одевания был мне в теории знаком. На практике все оказалось гораздо сложнее, а всякий раз, глядя в зеркало, я шарахалась в сторону, увидев вместо привычного изображения незнакомую девицу. Зато появилось время обдумать, куда меня занесло и что теперь делать.

В том, что все это не сон и не бред, после чуда божьего я не сомневалась, но энтузиазм первых минут просветления уже иссяк. Легко сказать «закончи историю». А как это сделать, если не представляешь, чем она должна закончиться? Писала я по наитию, план был лишь примерный и только в части развития любовной линии: они встречаются, влюбляются, объясняются, женятся. Так себе план, мягко говоря, но детективная линия, которую я ввела, чтобы разбавить романтику, и такого не имела. Таинственные исчезновения, зловещие знаки — разгадка этому должна была появиться ближе к финалу, после объяснения, но до свадьбы. На роль главного злодея в равной степени претендовали эльфийские послы, уволенный профессор некромантии, амбициозный демонолог и красавица Камилла Сол-Дариен, читавшая основы магии у начальных курсов. Мотивы были у всех. Точнее, их можно было придумать. Например, эльфы

хотели использовать кровь юных магов в ритуале, который избавил бы мир от людского племени. Некромант желал отомстить за несправедливое смещение. Демонолог вступил в заговор с демонами и намеревался открыть им проход на Трайс. А Камилла Сол-Дариен — бывшая пассия милорда Райхона, любимого мужчины Элизабет, — входила в круг подозреваемых независимо от наличия мотивов и алиби. Если бы пришлось заканчивать книгу традиционным способом, я бы поставила именно на нее, чтобы одним махом избавиться и от злодейки, и от соперницы. Но теперь не поручусь, что Камилла имела отношение к исчезновениям. Мэйтин должен был бы знать, кто истинный виновник, но после фразы «Я бог, а не автор» я не слишком на это надеялась.

Плохо без плана. Но что говорить, если я даже название своему творению подобрать не смогла. Был один вариант, но он содержал спойлер, и я от него отказалась. Думала, потом само придумается, как и развязка. Наверное, нельзя так, но я же не настоящий писатель.

Идея написать книгу появилась у меня после развода. Это событие, само по себе не особо трагичное, завершало череду обрушившихся на меня бед и стало последней каплей, переполнившей чашу душевного равновесия. Я понимала, что должна хоть ненадолго отстраниться от реальности, чтобы не сойти с ума. Тогда-то и задумалась о романе. Ничего серьезного, простенькая историйка в жанре популярного романтического фэнтези. Героиня, у которой нет моих проблем, зато есть красота, молодость, магический дар, верные друзья, а главное — любимый мужчина, сильный и надежный.

— Точно!

Просунув голову в горловину платья, я хлопнула себя по лбу. У меня не было плана, когда я писала книгу, но сейчас-то он есть! Отличный план, состоящий всего из одного пункта: Оливер Райхон.

Я собиралась еще несколько глав помучить его полудетскими выходками Элси, вносящими в сюжет элементы юмора, но придется ускорить события. Объяснение состоится раньше, и после ректор просто обязан будет разобраться с тем, что творится во вверенном ему учебном заведении, и защитить возлюбленную от неведомого злоумышленника.

— Звучит оптимистично, — одобрил появившийся в комнате Мэйтин. — Думаешь, получится?

— А как же иначе?

Два года красавчик Оливер не обращал на Элси внимания (эти годы уместились у меня в два абзаца), но в начале третьего курса, на Осеннем балу...

— Куда Элизабет пошла без панталон, — вставил язвительный бог.

— Зато имела огромный успех!

Потерянные годы понадобились мне, чтобы сделать героиню старше и, насколько возможно, опытнее. Роман между преподавателем и юной первокурсницей отдает извращениями. А так все нормально: ей двадцать, ему около сорока. Она — хрупкая блондинка, он — жгучий брюнет атлетического сложения. Она немного легкомысленна, он рассудителен и сдержан. По всем параметрам прекрасная пара.

— Хм, — Мэйтин задумчиво потер подбородок. — Если так, идеальная пара для меня — это Гшин.

— Кто?

— Гшин. Мать демонов. О ней ты не писала, но практически во всех религиях у бога есть антипод. У меня это Гшин.

— А почему вы с ней идеальная пара?

— Как почему? Я юный, стройный блондин, а она жирная старуха с клочками тьмы вместо волос.

— Иди ты! — махнула я на шутника. — Только с мысли сбиваешь.

Перед встречей с мужчиной ее мечты я хотела припомнить все события с первой главы. Хотя первая была вводной, познакомила читателей с Элизабет и ее друзьями: целительницей Маргаритой, прорицательницей Сибил, магом-оборотнем Норвудом и эльфом Грайнвиллем, о котором, кроме того, что он эльф, я ничего не писала и сама теперь не знала, на каком факультете он учится. Но это и не важно. Главное начинается во второй главе. Элси без панталон... Тьфу ты! Элси в эльфийском платье идет на бал. Там она тайком наблюдает за милордом Райхоном и размышляет, попутно сообщая читателям, какой ректор красавец, как она бледнеет и краснеет, когда он входит в аудиторию, и как учащенно бьется ее сердце при звуках его голоса. Когда объявляют танец-загадку (в зале выключают свет, и никто не видит, кого выбрал в партнеры), Элизабет идет на хитрость: задействует заклинание ночного зрения, находит Оливера, танцует с ним, а затем целует в губы и убегает, прежде чем свет зажжется.

В третьей главе она обдумывала этот поступок и грустно вздыхала, а на практикуме по темным материям, который проводил Оливер, нечаянно наслала на него проклятье, проявившееся в виде отросшего у ректора хвоста.

В четвертой — отбывала наказание в книжном хранилище, где подслушала разговор преподавателей и узнала об исчезновении нескольких студентов. А в пятой главе, после того как Оливер отчитал Элси за маленькое недоразумение на уроке алхимии, она увидела на стене главного

корпуса кровавую надпись, но не успела прочесть, как та исчезла.

— Техника чтения у нее не очень? — насмешливо осведомился Мэйтин.

— Надпись была на древнем языке! — вступилась я за героиню. — Только не придумала еще на каком.

— И уже не придумаешь. Все произошло, как произошло. Трое студентов пропали. Декан факультета прорицания месяц не приходит в сознание после того, как пыталась определить их местонахождение. Кровавые буквы на неизвестном языке появляются то там, то тут. В восточной оранжерее белые розы стали черными, а попугай смотрителя твердит одно слово: «Берегись!» Смотритель на грани, вот-вот свернет бедной птице шею.

— Оливер с этим разберется. Сейчас Элси его как вдохновит!

— Тебя не смущает, что Элси в данный момент — это ты? — полюбопытствовал Мэйтин.

— Ни капельки. Я взрослая женщина, и пара поцелуев с незнакомым мужчиной карму мне не испортят.

А если мужчина окажется таким, каким я его себе представляла, готова не только на поцелуи. И плевать, что подумает обо мне божок-желторотик.

— Ничего не подумаю. И не забывай, внешность обманчива. Я старше, чем этот мир.

— Я тебя придумала, — напомнила я.

— Ты придумала меня уже старше, чем этот мир, — парировал белобрысый.

Не помню, чтобы писала, что вечно юный бог Мэйтин обладает специфическим чувством юмора и не может удержаться от подначек.

— Богу без чувства юмора нельзя, — вздохнул он. — Свихнуться можно с вами, смертными. Вот что ты ищешь в шкафу уже пять минут?

— Проход в Нарнию, — буркнула я. — Пальто я ищу, за окном зима, между прочим!

— За дверь выгляни, — посоветовал бог.

Оказалось, у комнаты имелась прихожая, где висела на вешалке верхняя одежда, а на обувной полке стояла обувь для улицы.

— Какие из этих вещей мои... то есть Элси? — растерялась я. — И вообще...

Почему я сразу об этом не подумала? Как я буду изображать Элизабет, если ничего тут не знаю? К ректору собралась — а куда идти? А занятия? А друзья? А...

Нет, все пропало, шеф, все пропало!

— Без паники, — приказал Мэйтин. — Ты сейчас в теле Элси. Ее память, как и ее способности, к твоим услугам. Просто я поставил защиту на первых порах. Хотел сначала предупредить тебя о возможных побочных эффектах от слияния личностей.

— Слияния? То есть я буду уже не я, а какой-то гибрид? Марина-Элизабет? Марибет?

— «Марибет» мне нравится, — беспечно объявил бог. — Но ты останешься собой. Ты же автор. А Элси — героиня, вторичная сущность. Она может давать знать о себе. Появятся новые слова в лексиконе или новые вкусовые пристрастия... Но ты — это ты, и «приветы» от Элси, если не станут частью твоей натуры, со временем пропадут.

— Со временем? — насторожилась я, хоть и понимала, что сделанного не отменить. — На сколько ты меня сюда забросил?

— До окончания истории. Так что в твоих интересах разобраться с ней поскорее. А пока готовься к еще одному божьему чуду.

Я ожидала, что он снова чем-нибудь меня стукнет, но Мэйтин так и стоял, сунув руки в карманы джинсов. И ничего необычного я не почувствовала. Почти...

— Мое пальто!

И вот эти сапожки — мои. А полосатый шарф, питоном свисающий с вешалки, — подарок Мэгги от бабушки. Подруга никогда его не надевает, но и выбросить не разрешает.

Так это и есть слияние? Как-то просто все с этим *deus ex machina*.

— Я делаю все, что в моей власти, чтобы облегчить тебе задачу, — сказал *deus*. — Но моя власть не безгранична.

ГЛАВА 2

Мне начинало нравиться это приключение. Разве не здорово получить во временное пользование биографию без темных пятен, чудесное тело, друзей и любимого мужчину? И я не шутила, говоря, что планирую извлечь из отношений с ректором максимум приятностей. В моих жизненных планах уже три года значился пункт «Завести любовника», но, едва представлялась такая возможность, я шла на попятную: то ли все еще ждала чего-то большого и светлого, то ли, наоборот, боялась, что мимолетная интрижка разовьется в нечто серьезное. Здесь же, в придуманном мире, все было игрой. Отчего не сыграть?

В таком приподнятом настроении я шла к нему, к мужчине ее мечты.

Идти было не близко. Описывая академию, кое-кто не удовлетворился парой-тройкой стоящих по соседству корпусов или переоборудованным под учебное учреждение замком. Нет, этот кое-кто придумал целый академический городок, занимавший обширную площадь в долине у подножия скалистых гор. Тут были парки, стадионы, оранжереи, музеи, театр, больница, пожарная часть и даже кладбище. Учебные корпуса и студенческие общежития разбросало по всей территории, а преподаватели и служащие академии жили в небольших поселках, жавшихся к окраинам городка. Сейчас все вокруг покрывал пушистый снег, блестящий в ярких солнечных лучах, и уверенность, что я попала в сказку, крепла с каждым шагом.

Дорога до главного корпуса заняла полчаса. Отчасти это обуславливалось непривычной обувью и моим неумением ходить в длинных платьях, еще и с пышной нижней юбкой, но к концу пути я худобно освоилась с обновками.

Оставила пальто в гардеробе. Полюбовалась собой-Элизабет в высоком зеркале, отметив, как удачно Мэйтин выбрал платье. Не эльфийское, но грудь и талию облегало и подчеркивало, а насыщенный синий цвет прекрасно гармонировал с глазами Элси. Или моими? После объединения сознаний отражение уже не казалось чужим, лишь непривычным, как бывает, когда кардинально меняешь прическу. Но эта прическа, как и все к ней предлагающееся, мне нравилась.

Оглядев себя с головы до ног, я направилась в приемную.

— А, мисс Аштон, — секретарь, молодой, но до ужаса неприятный брюнет, весь какой-то скользкий, прилизанный, поднял голову, отвлекшись

от кипы документов. — Милорд Райхон ждет вас... — он демонстративно посмотрел на настенные часы, — уже давно.

Сердце екнуло, коленки мелко задрожали. К чему бы это?

В кабинет ректора я не вплыла лебедушкой, а вползла недужной черепахой. И застыла в дверях, увидев его. Или, как принято писать в женских романах, — Его. Потому что это был именно Он, с большой буквы и никак иначе.

Он стоял у окна, как король, оглядывающий с дворцовой башни свои владения. Высокий, статный. Серая ткань сюртука натянулась на широких плечах. Блестящие черные волосы собраны на затылке в длинный, почти до пояса хвост. Когда я вошла, Он обернулся, и я увидела смуглое лицо, высокий лоб, резко очерченные скулы, прямой нос и плотно сжатые губы. Заглянула на миг в завораживающую ночь его глаз — и отвела взгляд.

— Здравствуйте, мисс Аштон. — Голос у него был красивый, сильный и властный. — Присаживайтесь.

Я послушно заняла кресло, на которое мне указали, и опустила голову.

— Не переигрывай, — посоветовал появившийся из ниоткуда Мэйтин. В джинсах и футболке он странно смотрелся рядом с безупречно элегантным Оливером, но ректор и не заметил присутствия божества.

— Вы знаете, почему я вас вызвал? — спросил он меня строго.

Я отрицательно замотала головой.

— Неужели? И вам неизвестно, отчего смотритель музея-бестиария разбудил меня телефонным звонком в третьем часу ночи? И кому я обязан счастьем через полчаса после этого лицезреть под своими окнами ожившее чучело василиска, трех горгулий, давно мумифицированных, но почему-то не утративших способности к передвижению, и не уступающий им в подвижности скелет плотоядной коровы?

Корову помню. Нравился мне в детстве этот мультфильм про страну невыученных уроков, вот шутки ради и упомянула в книге.

— Хороша шутка, — мрачно выговорил Мэйтин. — От клыков плотоядных коров погибает до ста человек в год.

— Как?! — воскликнула я ошарашенно.

— Вы не знаете? — переспросил милорд Райхон. — А я уже знаю об организованном вами вчера девичнике. О выпивке. О том, что вы покидали общежитие после полуночи, что категорически запрещено. И магический след на оживленных экспонатах я распознал, не сомневайтесь.

Не писала я такого. Про пьянку было. И о том, что ректора ждет сюрприз, но какой — я тогда еще не придумала. А Элси, видимо, неплохо повеселилась, потому что в ее памяти и следа о минувшей ночи не

осталось.

— Так оно и работает, — пожал плечами Мэйтин. — Ты создала предпосылки к определенному развитию сюжета, и...

— Вы и прежде не отличались примерным поведением, — сказал ректор, — но эта выходка превзошла все предыдущие. Хотя, следует отдать вам должное, оживляющее заклинание вы сплели идеально. Мне понадобилось полчаса, чтобы деактивировать его, и все это время я вынужден был слушать рев существ, которых вы прислали к моему дому.

— Это был не рев, — вздохнула я, решив, что наступил удобный момент. — Они пели вам серенаду.

— Подобные шутки только усугубляют ваше положение, мисс Аштон, — нахмурился глава академии.

— Мое положение сложно усугубить, — проронила я с грустью. — Что может быть хуже, чем любить вас?

Ректор застыл с приоткрытым ртом. Есть контакт!

— Да, я люблю вас, — продолжала я. — И уже отчаялась привлечь ваше внимание.

Подняла на него глаза. Нижнюю губу закусила. От страсти, ага.

— И давно вас посещают подобные фантазии? — осведомился мужчина нарочито холодно.

— Вы не верите в мои чувства? Или боитесь их?

— Чувств? — уточнил он бесстрастно. — Ничуть. Меня пугает перспектива снова обзавестись хвостом. Отравиться едким газом, который вы выдаете за ароматизатор помещений. Мертвых горгулий у себя под окнами я с недавних пор тоже опасаясь. А чувств — нет.

— Вы смеетесь надо мной! — обиделась я.

— А вы — надо мной?

— Я призналась вам в сокровенном!

— Лучше признайтесь, что вы вчера пили, мисс Аштон.

Крепкий орешек. Но Мэйтин говорил: если в тексте были предпосылки для возникновения какого-либо явления, оно должно возникнуть, а я написала достаточно, чтобы ректор вспылал к Элси страстью. К тому же я автор и знаю то, чего не знала Элизабет.

— Вы боитесь признаться, что тоже равнодушны ко мне, — сказала я прямо.

Оливер сел там же, где и стоял.

Правда, стоял он рядом с креслом, так что сел в него же. Откинулся на спинку и забросил ногу на ногу.

— Что-то новое, — произнес с расстановкой. — И что заставило вас

так думать?

— Я вижу это в ваших глазах, — прошептала я с придыханием. — Чувствую в биении сердца.

— Я далек от поэзии, мисс Аштон. Лучше поговорим об испорченных вами чучелах.

— Вы так боитесь признаться, что тоже любите меня?

— С чего вы взяли?

Отпираться бесполезно, Олли. Да, я буду звать тебя Олли...

— Ваши поступки говорят об этом, милорд.

— Взгляды и биение сердца?

— Не только. Разве вы не ищете повода встретиться со мной?

— Не ищу. Вы регулярно мне этот повод даете, как сегодня, к примеру.

Я вздохнула. С виду такой сильный, отважный мужчина, а как дошло до объяснений, засмутился, как институтка.

Словно услышав мои упреки, он решительно встал и приблизился ко мне.

— Элизабет...

Осознав торжественность момента, я поднялась навстречу.

— ...мне порой недостает слов...

Отличное начало.

— ...и такта. Потому я предпочел бы не продолжать этот разговор. Но раз вы настаиваете... Я не люблю вас. И если вы вдруг не шутили, хоть у меня и нет оснований так думать, зная вас, — выбросьте эти фантазии из головы.

— Вы мне не верите! — воскликнула я и по скептическому огоньку в его глазах поняла, что так и есть. — Опасаетесь, что это розыгрыш?

— В этом вы сильны.

— Я сказала правду! Я люблю вас. А вы любите меня. Это судьба! — Наверное, стоило подождать положенные пару глав, дать Оливеру свыкнуться с охватившим его чувством, но я твердо вознамерилась объяснить сегодня и, недолго думая, выложила главный козырь: — Вы предназначены мне, как и я вам. Я ваша истинная пара!

— Кто?

— У каждого дракона есть истинная пара, одна-единственная, та, кому он отдаст сердце! И я знаю, что вы последний дракон!

Даже книгу хотела так назвать: «Избранница последнего дракона», но отказалась от этого варианта, чтобы сохранить интригу.

— Драконы ушли из этого мира тысячи лет назад, — попытался спрятаться за фразой из учебника ректор.

— Не все! Вы последний, хоть и скрываете это.

— Почему ты решила, что он дракон? — удивленно спросил бог, о котором я позабыла в накале страстей.

— Я это придумала.

— Я догадался, — хмыкнул ректор.

Черт! Зачем я сказала это вслух?!

— Придумала, но не написала, — покачал головой Мэйтин.

В тексте говорилось, что, возможно, не все драконы ушли с Трайса!

— А возможно, все, — божество пожало плечами. — Но я понимаю задумку. Ничем, кроме предназначения, не объяснить внезапной любви между Элизабет и вот ним.

Он кивнул на ректора, который подошел к столу за блокнотом с разноцветными листочками. Цвет листочка определял степень поощрения или наказания.

«Только не красный!» — взмолилась я мысленно. И тут же одернула себя: я что, боюсь выговора от типа, которого сама придумала? Отставить! Еще не все потеряно. Дракон он или нет, Элси его получит!

Листок Оливер выбрал желтый. Предупреждение. Написал на нем несколько слов и протянул мне.

— Пойдете к профессору Милс и скажете, что я назначил вам дополнительный зачет по ее предмету. — И уточнил с почти нескрываемой издевкой: — Тема — «Драконы».

Я со злостью выдернула у него бумажку.

Ничего. Сейчас... Сейчас я его поцелую! Обовью руками шею и вопьюсь в губы. Пусть тогда скажет, что не чувствует ничего к Элси!

Но вместо того чтобы осуществить задуманное, вдруг хлюпнула носом.

— Вы такой... такой сухарь!

И, давась слезами, выскочила за дверь.

Вот так номер.

В гардеробной я остановилась перед зеркалом и строго взглянула на свое отражение.

— Что за нюни, Элси? Я тут для тебя стараюсь, а ты что устроила? Истеричка малолетняя! Ты... ы-ы-ы...

Слезы полились в два ручья. Так жалко себя стало. Оливер чуть ли не открыто посмеялся, еще и орет на меня... орет... В смысле, я ору.

М-да, эффект Марибет в действии.

Негромкое покашливание от двери дало знать, что в гардеробной мы с Элизабет уже не одни.

— Возьмите-ка и это, мисс Аштон. — Ректор вырвал из блокнота еще один желтый листочек. — Пойдете в лечебницу, найдете доктора Грина. Он возьмет у вас пробы крови. Мне все же интересно, что вы вчера пили. Если выяснится, что это не только алкоголь, я буду вынужден поднять вопрос о вашем отчислении. И пожертвования, которые ваш отец делает академии, в этот раз вас не спасут.

Главный корпус я покинула в слезах. Даже не пыталась анализировать, кто сейчас ревет: Элси, отвергнутая любимым мужчиной, или я сама, обманутая в своих ожиданиях.

— А чего ты ожидала? — спросил Мэйтин. Бог вышагивал по не расчищенной от снега обочине, не оставляя следов. — Что он тут же предложит Элизабет руку и сердце? Она ему сводный хор чучел среди ночи прислала. А до этого чуть не отравила дымом с ароматом лаванды. А еще раньше...

— Хвост наколдовала! — в сердцах оборвала я перечисление наших с Элси чудачеств. — И что? Это любовное фэнтези, юмористическое притом. И не такое могло быть!

— Так ты думаешь, что оказалась в дамской книжке?

— Ничего я уже не думаю! — огрызнулась я.

— Это зря. Думать надо.

Не был бы богом, отхватил бы пару подзатыльников, а так я лишь набрала в легкие побольше воздуха, чтобы сказать, куда ему пойти со своими поучениями... и медленно выдохнула, увидев идущего мне навстречу... человека? Вряд ли. Но, полагаю, это был мужчина. Высокий, тонкокостный. Двигался он быстро, но плавно, и темно-зеленый плащ колыхался в такт его шагам. Длинные волосы, белее, чем снег вокруг, развевались на ветру. А взглянув в лицо незнакомца, я уже не могла отвести взгляда. У людей не бывает таких лиц. Узкое, длинное, с тонким носом и неяркими, но четко очерченными губами, оно завораживало непривычной красотой. Сероватая, отливающая перламутром кожа. Высокий, абсолютно гладкий лоб. Серебристые ниточки изящно изогнутых бровей. От переносицы к вискам, полукругами ложась на щеки, тянулись дорожки тонких светлых шрамов, формировавших сложный рисунок, похожий на тот, что украшал мальчишескую физиономию Мэйтина. Но самое нереальное — большие миндалевидные глаза, обрамленные белесыми ресницами. Если волосы незнакомца цветом напоминали снег, то глаза — лед, в который вмерзла агатовая бусинка зрачка: блестящие, прозрачные, разве что слегка голубоватые, хотя, возможно, это небо отражалось в них.

— Э-э... эльф? — я проводила взглядом беловолосого, осмысливая пришедшую от Элси подсказку-воспоминание. — Мэйтин, ты издеваешься? Эльфы же не такие!

— Разве? — прищурился бог. — Сейчас проверим.

В руках у него появилась книга, забросившая меня сюда.

— Эльфы, эльфы, — он быстро переворачивал страницы. — Вот! Нечеловечески прекрасные. Нечеловечески же? Светловолосые. Так? Глаза как драгоценные камни.

— Какие камни? — я схватилась за голову. — Бриллианты?

— А что?

Я махнула рукой. Хорошо хоть не рубины.

— Уши длинные, острые, — закончил описание Мэйтин.

Ушей я не рассмотрела, но надеюсь, длинные — это не как у Будды, с оттянутыми до плеч мочками.

— Как надо длинные, — заверил бог.

— У Элизабет в роду были эльфы, — вспомнила я.

— В прошлом, после заключения мира, некоторые договоры скреплялись брачными союзами. Но редко: это людская традиция, эльфам она непонятна.

— Договоры? — расстроилась я. — А любовь?

— Между эльфом и человеком? О таком даже ты не писала.

— Рассказывай, — потребовала я. — О чем я писала, о чем не писала и о чем писала, но не так, как оно получилось.

— Получилось именно так, как писала, — заявил бог. — Понятнее писать надо.

Развлекалась я, вот и впихнула в книжку все, что хотелось. Канализацию, например. Поезда, дирижабли. Телефон, по которому из любого корпуса можно дозвониться ректору. Анализ крови: Мэг в третьей главе рассказывала...

Я с ненавистью поглядела на желтые бумажки: ускорила прогресс на свою голову!

— Нормально вышло, — утешил Мэйтин. — К тому же у нас тут магия, а это фактор немаловажный. Наука развивается другими темпами и идет другими путями. Разберешься по воспоминаниям Элси. А что не вспомнишь — сама узнаешь.

— Угу. Испытаю на собственной шкуре.

— Вот именно! В хорошем смысле, конечно.

И почему чем дольше я его знаю, тем меньше доверяю его словам?

Мэйтин мысленный вопрос проигнорировал.

— Куда сначала? — любопытствовал, кивнув на листочки с распоряжениями ректора.

— Кровь сдавать, — ответила я угрюмо. — Натощак, как положено.

Потом пороюсь в заемной памяти и наскребу что-нибудь на зачет по драконам. Нет, ну сложно было Оливеру оказаться одним из них?! Потому что белобрысый божок прав: если мир и люди, его населяющие, хотя бы на пятьдесят процентов реальны, без предназначения этот красавчик в Элси не влюбится. А в книжке все логично выходило.

— Логично? — Мэйтин насмешливо хмыкнул.

— Любовь зла, — промычала я. — И не такие влюбляются. И не в таких.

— А-а, в этом смысле...

— Ты же бог! — накинулась на него я. — Сделай так, чтобы он меня... ее полюбил!

— Я не такой бог.

— Ты никакой бог! Ничего не знаешь, ничего не можешь. Зачем такой нужен?

— Тебя вот привел, — передернул он плечами. — В твоей любимой античной мифологии боги тоже всемогуществом не отличались. Люди их все время обмануть норовили или украсть у них что-нибудь. Вот и я почти такой.

Бедный, несчастный, всеми обиженный. Обнять и плакать.

— Поплачь, если хочешь, — разрешил он с ухмылкой. — Только обниматься не лезь.

И исчез.

Вот же угораздило меня! Мир непонятно какой, ректор непробиваемый, эльфы нечеловеческие, бог ни на что, кроме как авторов в книжки заманивать, не способен.

Но вариантов нет: нужно со всем этим разбираться.

Для начала принесем новому миру кровавую жертву. Только сперва доберемся до жертвенника: больница располагалась на окраине академгородка, недалеко от кладбища. Чтобы выйти на ведущую туда дорогу, нужно было пройти между учебными корпусами алхимиков и иллюзионистов. Стоявшие близко друг к другу здания образовывали длинный коридор, куда не попадало солнце. К легкому морозцу тут добавился ветер, облюбовавший узкий проход, чтобы порезвиться вволю, и я шла, прикрыв лицо рукой. Не удивительно, что в какой-то момент споткнулась и едва не упала. Остановилась перевести дух... и охнула, увидев расплывающиеся на серой стене кровавые знаки...

— Мэйтин... Мэ-эй...

Путаясь ногами в юбках, я побежала к выходу из проулка. Красавец-ректор, неземная любовь и плотоядная корова — это одно, а вот это, простите, — совсем другое.

Мэйтин, где ты, когда нужен?!

— Элси! — окликнул кто-то.

Я обернулась. На требующегося мне бога стоявший в конце аллеи парень не походил. Среднего роста, крепко сбитый, с волнистыми каштановыми волосами до плеч и простоватым, но симпатичным лицом, он определенно кого-то напоминал. Но еще до того, как вспомнилось, кого именно, я почувствовала, что губы расплываются в улыбке, а ноги сами несут меня навстречу знакомому незнакомцу.

— Рысь! Хорошо, что ты здесь!

Марибет. Я бы даже сказала, полный Марибет.

Но теперь я знала, кто передо мной. Норвуд Эррол. Рысь.

ГЛАВА 3

Маги-оборотни — это совсем не то, что обычные оборотни. У таких, как Норвуд, смена ипостаси обуславливалась не только наличием звериного начала, но и особым магическим даром, не сопровождалась болезненными ощущениями и не грозила испортить одежду. Это по моей задумке. Во что она вылилась в реальности — бог знает.

Но бога поблизости не было.

— Что случилось? — обеспокоенно спросил парень. — Тебя что-то напугало?

Элси открыла рот.

Я закрыла.

Это для Элизабет Рысь — друг. А я его вообще не знаю. Что с того, что я его придумала? Встречи с Оливером хватило, чтобы понять: мои фантазии не во всем совпадают с реальностью. А Норвуд еще и вертелся поблизости, когда появилась надпись.

— Что ты тут делаешь? — спросила я, стараясь не выдать подозрительности.

— Мэг сказала, что тебя вызвали к ректору. Решил поддержать. За что в этот раз?

— Ожившие чучела, — покаялась я. — А у тебя занятий нет, или прогуливаешь?

— У меня освобождение. Официально я готовлюсь к докладу. Но у меня все давно готово, и до пятницы я совершенно свободен.

Угу. Не пойти ли нам к кому-нибудь в гости, Пятачок? Например, к доктору Грину.

— Мне в лечебницу нужно, не проводишь? — я взяла парня под руку. Возражений ни от него, ни от Элси не последовало — значит, подобное было между ними в порядке вещей.

— Плохо себя чувствуешь? — заволновался Рысь.

— Нет, это по поручению милорда Райхона.

Студенческие попойки казались мне обычным явлением для юмористического фэнтези, а сейчас стало стыдно рассказывать, что меня послали сдавать кровь на алкоголь и наркотики.

— Ты какая-то молчаливая, — заметил Норвуд. — Сильно влетело от ректора?

— Нет.

На самом деле я еще легко отделалась. Оливер о чучелах совсем забыл. Если бы в прошлом месяце, когда шеф вызывал меня на ковер из-за ошибки в графиках, я ему в любви призналась, может, и премии не лишили бы.

— Не хочешь говорить? — Рысь, кажется, обиделся, но старательно не подавал вида. — Ну ладно.

В молчании мы дошли до обнесенного невысокой оградой трехэтажного здания из красного кирпича. Табличка над входом гласила, что оно и есть лечебница, и у меня не было оснований не верить несуразному сочетанию кириллицы и латиницы, в моей голове непонятным образом сложившемуся в слова.

— Подождешь меня тут? — спросила я оборотня, предупредив его намерение пойти со мной внутрь. — Я недолго.

Внутри больница напоминала... больницу. Да, на стенах не пластик, а покрытые лаком деревянные панели, вместо электрических лампочек — газовые рожки, сейчас не зажженные, пол паркетный, лепнина на потолке, но специфическую атмосферу лечебных учреждений ни с чем не перепутать.

Пройдя через пустой холл, я оказалась в коридоре, по обе стороны которого располагались одинаковые двери темного дерева, все как одна закрытые и без табличек. У окна за маленьким столиком сидела пожилая женщина в белом переднике поверх серого платья и в белом чепце.

— Добрый день, — поздоровалась я. — Скажите, пожалуйста, где я могу найти доктора Грина?

В памяти Элси не нашлось ничего об этом человеке, но сама я помнила, что в книге Грин упоминался в эпизоде, где Мэг рассказывала о практике в лечебнице. Когда это писалось, у меня в наушниках пела Сольвейг и топали тролли в пещере горного короля, а я придумывала имя для персонажа. Эдвард Григ — Эдвард Грин. Был композитор, стал доктор.

Медсестра насупилась. Лицо под накрахмаленным чепцом приобрело знакомое выражение тетки из регистратуры районной поликлиники:

— Он занят, никого не принимает.

— Я по распоряжению ректора.

Женщина нахмурилась сильнее, но все же махнула в сторону росшего в широкой кадке деревца.

— Туда и направо. Дверь у лестницы, не перепутаете.

Перепутать было сложно: эта дверь была единственной, на которой имелась табличка. Даже две. На первой — имя доктора. На второй — предупреждение: «Перед осмотром избавьтесь от иллюзий». Я не сразу

поняла, что подразумеваются оптические иллюзии, которые используют, чтобы скрыть дефекты внешности. Без этого понимания фраза настораживала.

Как мне и сказали, доктор был занят. Когда я, постучав и не дождавшись ответа, открыла дверь, он спал прямо за столом, положив голову на толстую стопку бумаг. Я видела только спутавшиеся темно-русые волосы, в которых поблескивала седина.

— Доктор, — позвала с порога. — Доктор Грин.

— Какого же... к-хм...

Мужчина поднял голову. По его лицу можно было бы подумать, что ночью они с Элси пили вместе: красные глаза, пересохшие губы, нездоровая бледность на заросших щетиной щеках. Общая помятость не позволяла определить возраст медика: с одинаковым успехом ему можно было дать и тридцать, и пятьдесят лет.

— Кто вы? — спросил он хрипло. — Что нужно?

Видимо, вежливость была отличительной чертой всего персонала лечебницы.

— Я от милорда ректора, — протянула мистеру Грину желтый листочек и отступила от стола, ощутив странный давящий дискомфорт. Да и пахло от доктора не очень: потом, спиртом и болезнью.

Он взял записку Оливера и поморщился, словно та смердела не хуже. Потом, не меняя выражения лица, посмотрел на меня.

— Пророчества?

— Какие? — растерялась я.

— Факультет «Прорицания и пророчества»?

— Нет, боевой.

— Уже лучше.

— Кому?

— Вам, — бросил он раздраженно. — Ждите в коридоре, за вами придут.

Уточнять что-либо я не решилась и пошла к выходу, а доктор направился к стоящему в углу телефонному аппарату. Уже стоя под дверью, я слышала щелчки и хриплый голос целителя, просившего прислать к нему какую-то Анабель, чтобы «взять кровь у очередной малолетней пьянчужки».

На себя бы посмотрел!

Вскоре к кабинету Грина подошла девушка в таком же, как у виденной мной медсестры, наряде: серое платье, белый передник и чепец.

— Элизабет? — удивилась она, увидев меня.

— Да-а... — память Элси выдавала обрывки воспоминаний, в которых эта смуглая темноволосая девица фигурировала где-то на заднем плане.

— Ты меня, наверное, не помнишь, — догадалась она. — Анабель. В прошлом семестре я помогала Маргарите.

Точно! Мэг проходила практику под присмотром какой-то аспирантки, и та пару раз заходила в гости к ним с Элизабет.

— Ой, прости, — я изобразила застенчивую улыбку. — Не узнала сразу.

— Это у тебя нужно взять кровь?

— У меня, — вздохнула я, краснея.

— Пойдем. Только верхнюю одежду оставь где-нибудь. Тут ее никто не возьмет, не волнуйся.

Я сложила пальто и капор на скамеечке у стены, и Анабель провела меня в небольшую светлую комнату. Стены, потолок и чехлы на стульях тут были белыми. Единственное темное пятно — коричневый чемоданчик на столе, к которому меня подвели.

— Это не больно, — успокоила Анабель, достав из чемоданчика металлическую коробочку со шприцами.

Интересно, их тут стерилизуют?

Но не только это смущало в данной ситуации. Притворившись, что меня пугает длинная игла, я не торопилась закатывать рукав.

— Ваш доктор такой грубиян, — пролепетала жалобно.

— Не принимай на свой счет. Вечером привезли рабочего с угольного карьера. Сошел пласт породы, и беднягу завалило. Ноги раздробило, грудную клетку... Доктор всю ночь провел в операционной. Буквально по кусочкам собирал того человека.

— Зачем? В смысле, есть же целительская магия... Да?

— Есть, — улыбнулась Анабель. — Но прежде чем срастить кости, их нужно правильно собрать. Магии это не под силу. И не только это, иначе врачи были бы не нужны.

— А почему рабочего привезли сюда?

— У лечебницы государственная лицензия. Мы работаем не только на академию. Принимаем пациентов отовсюду. Это служит дополнительным источником дохода, а студенты-целители имеют возможность практиковаться на настоящих больных. Под присмотром специалистов, конечно.

— Доктор Грин — хороший специалист, да?

— Лучший, — глаза девушки вспыхнули неподдельным восторгом. — Так ты готова? Давай руку.

— Я... А почему он спросил, не с прорицательского ли я?

Да, вот оно! Именно этот вопрос меня смутил.

— Понимаешь... — Анабель замялась. — Студентам с прорицательского выдают специальные снадобья для погружения в транс. Расход препаратов сложно контролировать. Старшекурсники работают над индивидуальными пророчествами, иногда что-то не получается с первого раза... А некоторые добавляют эти препараты в спиртное. Для усиления эффекта. Согласно последнему распоряжению ректора, всех, кого уличат в подобном, отчисляют без возможности восстановления. Но тебе ведь нечего бояться? Алкоголь в академии не приветствуется, но ты совершеннолетняя, отделаешься предупреждением.

С моим-то счастьем? И пили мы у Сибил, а она-то как раз прорицательница. Контрабандную водку Сибил настаивала на травах, и та приобретала приятный привкус. А если не только в травах дело? Тогда Элизабет отчислят, лишив шансов завоевать Оливера и найти пропавших студентов, а я никогда не вернусь домой.

Я мысленно выругалась... и расплакалась.

Спасибо, Элси! Вот уж не думала, что моя героиня такая рева. Хотя, если в книге по моей милости у нее от одного обидного слова «слезы на глаза наворачивались», все закономерно.

— Что с тобой? — испугалась Анабель.

Не дожидаясь, когда мою вторую половинку отпустит, я поведала о своих страхах. Получилось в меру жалобно и убедительно. Я наивная, доверчивая, меня обмануть легко, гадостью напоить...

— Если бы ты могла, если бы... — я схватила девушку за руку и с мольбой заглянула в глаза.

— Прости, — она покачала головой. — У тебя направление от ректора, а такими анализами доктор Грин занимается лично.

Приехали. Человек, способный ночь напролет собирать пазлы из костей, выудит из крови Элси не только состав водки Сибил, но и все меню за последнюю неделю.

— Все кончено, — всхлипывали мы с Элси. — Исключат. С позором... Бедный папочка этого не переживет...

Папочка у Элизабет далеко не бедный, но ректор четко сказал, что в этот раз его деньги не помогут. Надо же быть таким принципиальным! И таким красавцем при этом.

— Не плачь, — Анабель легонько пожалала мою ладонь. — Я придумаю что-нибудь.

— Правда? — я посмотрела на девушку. Слезы в моих глазах и бившее

в окно солнце нарисовали нимб вокруг ее головы.

— Все мы совершаем ошибки, — изрекла она нравоучительно. — Главное — вовремя осознать их и больше не повторять.

— А как же... — я кивнула на коробочку со шприцами.

— Я выпила немного вина за ужином, — косясь на дверь, прошептала Анабель. — Для анализа этого хватит.

Хоть в чем-то реальность совпала с моими фантазиями: героине встретился добрый человек, готовый помочь в трудной ситуации.

— Куда теперь? — поинтересовался дожидавшийся меня на крыльце Норвуд.

Точно не к профессору Милс: никаких зачетов на пустой желудок.

— В столовую.

Я не мастер описывать местность и интерьеры. Я вообще так себе автор, но описания — мое самое слабое место. Обычно у меня получалось что-то вроде «уютная комната с окнами в сад» или «тесная полутемная каморка» — и понимайте как хотите. О столовой я писала, что она большая и при желании все студенты могли собраться там одновременно. Сложно представить, учитывая размеры академии и количество факультетов, однако, как говорит Мэйтин, написанного не изменить.

Столовая была огромна. Зал размерами с футбольное поле. Никаких перегородок — только поддерживающие крышу колонны. Столы всех форм и размеров. Десятки окошек-раздач. Нет, даже увидев воочию, я не смогу это описать.

Не зная, где присесть, я положила на память Элизабет, и ноги привели меня в часть зала, которую я мысленно окрестила зеленой. Тут были зеленый пол, зеленые салфетки, постеленные поверх белоснежных скатертей на небольших круглых столиках, зеленые подушечки на плетеных стульях, а колонны обвивал зеленый плющ.

— Доброго дня, мисс, — девушка в кружевном передничке положила передо мной листочек-меню и застыла в ожидании заказа.

— Возьму и себе чего-нибудь, — Норвуд развернулся и направился в другую часть столовой.

— Но... — я с недоумением глядела то на его удаляющуюся спину, то на меню.

— Рысь не позволит девушке платить за себя.

— Мэйтин! — радостно вскрикнула я, увидев расположившегося на соседнем стуле бога, и тут же потупилась, заметив удивление в глазах разносчицы. Беззвучно зашевелила губами, создавая видимость

внеплановой молитвы.

Что значит «не позволит девушке платить»? Разве питание студентов оплачивает не академия?

— Этого, — бог кивнул на меню, — академия не оплачивает. Цыплята на вертеле, суп с раковыми шейками — не слишком ли для бедных студентов? Поэтому бедные студенты едят вон там, — он махнул в сторону, куда ушел Рысь. — Сами идут к раздаче, получают миску супа и тарелку каши и усаживаются вон за те столы. Да-да, вон те длинные, на которые не хватило скатертей. Но Норвуд, как друг Элси, может присоединиться к ней в вип-зоне. Со своим супом.

Кто же платит за тот, что с раковыми шейками?

— Семьи состоятельных студентов. В академию при наличии дара принимаются молодые люди всех сословий, но ты же не думаешь, что тот же лорд Аштон позволит единственной дочери давиться пустой похлебкой в компании крестьянских детей или приютских выкормышей? Ты сделала Элси наследницей богатого дворянского рода. Другим повезло меньше.

Но почему Рысь в их числе? Я такого не писала!

— Давай посмотрим, — перед Мэйтином появилась знакомая книга. — Норвуд Эррол, вот он. Симпатичный парень. Каштановые волосы, карие глаза... Вот! Форменная куртка, потертая на рукавах.

Маленький штришок к описанию.

— Сбитые ботинки, потертая на рукавах куртка. Красноречивые штришки.

Мелочь, не стоящая внимания.

— Посмотри на тех девушек, — Мэйтин взглядом указал на двух студенток, одетых в одинаковые темно-синие платья с белыми воротничками и манжетами. — Это форменные платья. Их выдают студенткам при поступлении. Всего два. Если нужно, некоторые девушки получают брючный костюм для тренировок. У Элизабет такой есть, она даже надевает его иногда. Но платья у нее свои, полный шкаф. Она может себе это позволить. Ее родители оплачивают дополнительные счета. За отдельный столик, официантов и раковые шейки. За прачку. За горничную. Тем девушкам такое недоступно. Все, на что они могут рассчитывать, — это общая прачечная, куда относят нуждающуюся в стирке форму. Предварительно отпаривают воротнички и манжеты, которые стирают сами, как и белье. Если еще не догадалась, живут они не в том же общежитии, что и Элси. В комнатах там размещается до пяти человек. У них нет отдельных ванн, но есть помещения для стирки и глажки. Рысь тоже живет в подобном, только в мужском.

Только из-за того, что я «нарядила» его в потертую куртку?

— В тексте много подобных деталей. Помнишь, он порвал штаны, когда лазил за грушами для Элси? Что он сказал? — Мэйтин отыскал нужную страницу и зачитал: — «Ничего, потом зашью». Видишь оболтусов за соседним столиком? Они зашивали бы свою одежду?

Я хотела показать, какой Норвуд самостоятельный и хозяйственный.

— Навыки не для отпрыска аристократического рода, согласись.

Соглашусь. Но как же несправедливо! Несколько слов, написанных без задней мысли, испортили парню жизнь.

— Картофель в сливках, пожалуйста, — сказала я официантке. — Мясной рулет с грибами. Яблочный пирог и чай с молоком.

Когда оборотень, выстояв очередь у раздачи, вернулся с миской супа, мой заказ уже принесли. Выглядело все так аппетитно, что пришлось постараться, изображая отвращение.

— Зря я это взяла, — пожаловалась я присевшему напротив парню. — Мы вчера погуляли немного... Мне бы супчика теперь. Может, поменяемся? Пожалуйста.

Элизабет никогда не делала подобного, и Рысь, не разгадав моей хитрости, согласился на неравноценный обмен. Но на сердце легче не стало, и вскоре я сбежала из столовой, «вспомнив» о зачете.

Кафедра истории мистических существ относилась к факультету теоретической магии, а располагалась в здании факультета прикладной некромантии. Очевидно, проблема нехватки учебных помещений существовала и в этом мире. Впрочем, вход в аудитории, отведенные для изучения предмета мисс Аделаиды Милс, был отдельный, и риск повстречаться в коридоре с вышедшим из-под контроля зомби или иным творением некромантов сведен к нулю.

Сама профессор оказалась миниатюрной шатенкой лет пятидесяти. Не обладая привлекательной внешностью от природы, мисс Аделаида тщательно следила за собой. Ее одежда, прическа и макияж были идеальны настолько, что красавица Элси устыдилась наспех собранных волос и раскрасневшихся на морозе щек.

— Что у вас, мисс Аштон?

— Драконы, — промямлила я, показав желтый листочек.

— Рассказывайте, — профессор поглядела на часы. — У меня есть десять минут до следующей лекции.

Я ожидала, что у меня будет время подготовиться или придется отвечать на конкретные вопросы, и это «рассказывайте» поставило меня в

тупик.

— Драконы... это такие существа... были...

— Содержательно, — без улыбки кивнула женщина. — Но можно немного расширить ответ?

Меня словно отбросило на десять лет назад, и я поняла, кого напоминает мне мисс Милс. Тамару Андреевну, мою первую начальницу. Та так же кивала, рассматривая мое резюме, и с теми же интонациями произнесла, отложив документы:

— Красный диплом — это замечательно, но почему вы думаете, что сможете работать у нас?

На этот вопрос я отвечала три года. Из кожи вон лезла, но стоило войти в кабинет Тамары Андреевны, как я превращалась во вчерашнюю выпускницу вуза, благополучно забывшую, чему ее учили пять лет. Начальница, немолодая уже и некрасивая, но непременно ухоженная, одетая с иголки, уверенная в каждом своем слове, казалась недостижимым идеалом. Не помню, чтобы она хоть раз забыла что-нибудь, сделала неправильно или не в срок. Она никогда не повышала голоса, а задания ставила ясно и четко и ни от кого не требовала невозможного. За все это я безмерно ее уважала, но вместе с тем боялась до икоты, сама не знаю почему.

Примерно так же на Элизабет действовала мисс Милс.

— Все, что нам известно о драконах, — начала я медленно, по слову вытягивая ответ из памяти оробевшей Элси, — мы знаем благодаря древним преданиям, в основном эльфийским. Но, поскольку эльфы причастны к уходу драконов с Трайса, сложно сказать, насколько эти истории правдивы. Как гласят легенды, драконы были древнейшими существами Трайса и сочетали в себе мощь, разум и магию всех населявших мир народов. По некоторым источникам, каждый из них имел семь ипостасей, но свидетельства очевидцев подтверждают лишь два принимаемых драконами облика: облик гигантского крылатого ящера, дышащего огнем, и человекоподобного существа. Считается, что это драконы научили людей магии, из-за чего у них возникли разногласия с эльфийскими владыками, полагавшими, что люди, чей дар отличается от природной магии эльфов, несут угрозу миру своей волшбой...

— Вы с этим согласны? — прервала меня мисс Милс.

— С тем, что наша магия вредит миру? Нет, конечно.

— Вернитесь к драконам.

— Драконы тоже считали, что люди могут и должны владеть магией. Однако им не удалось убедить в этом эльфийских владык. Те предложили,

хм, эксперимент, чтобы выяснить, кто из них прав. Путем жребия они выбрали мага-человека и следили за тем, как он использует дар. Но тот человек оказался не лучшим представителем своего народа... со слов эльфов. Он стремился лишь к власти и величию и не останавливался ни перед чем. Обращался к запретным чарам... Вернее, он и изобрел запретные чары, как говорит легенда. В качестве источника силы он использовал энергию жизни — сначала животных, а после людей и эльфов. Драконы вынуждены были признать, что совершили ошибку, подарив магию людям, но уже не могли отобрать у них этот дар. Мучимые разочарованием и неутолимым чувством вины, они покинули Трайс... Но прежде они уничтожили человека, по вине которого проиграли спор, за то, как он извратил само понятие магии... Хотя некоторые источники говорят, что его убили эльфы. И поскольку тот маг был королем людей, его смерть стала причиной затяжной войны между нашими народами...

— Негусто, — резюмировала мисс Милс. — Невнятный пересказ параграфа из учебника. Зачет я вам поставлю, чтобы успокоить милорда Райхона, но, если хотите иметь положительную оценку по итогам семестра, придется поработать. Подготовьте развернутый доклад на тему, по которой сегодня пытались отвечать.

Она записала что-то на листочке и протянула его мне.

— Будет неплохо, если вы используете литературу из этого списка.

Придется на днях наведаться в библиотеку. Разгадать секрет кровавых надписей и стать леди Райхон в ближайшую неделю я вряд ли успею, а вот испортить Элси успеваемость или, не дай белобрысый бог, организовать исключение, — запросто. А этого допустить никак нельзя.

— Книги редкие, — предупредила профессор. — Возможно, после сегодняшней лекции кто-то из студентов решит их прочесть.

Хорошо, пойду сегодня же.

— Мне бы хотелось увидеть предварительный план доклада, мисс Аштон. Скажем, послезавтра.

Пойду сейчас же. Все равно на занятия Элси давно опоздала.

Расположенная недалеко от главного корпуса библиотека не уступала размерами столовой, а если вспомнить, что помимо верхних помещений имелось еще и подземное книгохранилище, — превосходила ту в несколько раз. Войдя внутрь, я забыла, зачем пришла, и долго бродила по залам, которые, если смотреть на стены, от пола до высокого потолка заняты книжными шкафами, казались построенными из книг. А какие тут были читальные залы! Мечта! С каминами, удобными диванами, торшерами и

чайными столиками, на которых кто-то заботливо расставил вазочки с печеньем. Так и представляешь, как сидишь здесь, укутав ноги пледом... и спишь.

Прежде я не задумывалась о таком, а сейчас осознала, что сон — это потребность разума, а не тела, и если Элси проснулась всего пару часов назад, то я на эти пару часов уже превысила лимит бодрствования. Да и денек выдался не из легких. Поэтому я отложила экскурсию и направилась к ближайшему библиотечному работнику.

— Вам в восьмую секцию, — услышав о драконах, отфутболила меня крючконогая гоблинша.

В указанной секции невзрачная дама средних лет взяла мой список и нашла в каталоге нужные карточки.

— Только «Город Драконов» мистера Дина уже читают, — предупредила она.

Ничего удивительного, мисс Милс говорила, что книги редкие, но мне показалось подозрительным, что библиотекаря, быстро взглянув на меня поверх очков, не убрала формуляр «Города Драконов» обратно в ящик, а спрятала под учетный журнал. Как только она отошла, я приподняла журнал и заглянула в карточку, чтобы прочесть, кто же никак не вернет в библиотеку сочинение мистера Дина. Сердце взволнованно екнуло: книгу взял Чарли Лост. Лост — потерянный. Именно такое имя я дала первому пропавшему студенту. Но это еще не все. Согласно формуляру, до Чарли «Город Драконов» читал доктор Э. Грин. Первый подозреваемый? Всем известно, что в романах не бывает беспричинных совпадений.

Эту версию следовало проверить, но, вернувшись в общежитие со стопкой книг и отмороженным носом, я разделась, влезла под одеяло и вместо Элизабет Аштон представила себя Скарлетт О'Хара, решив, что подумаю обо всем завтра...

ГЛАВА 4

Снилось мне что-нибудь или нет, память не сохранила. А вот вылитый мне на голову кувшин воды запомнится надолго.

— Я и трясла тебя, и по щекам хлопала — никакой реакции, — оправдывалась Мэг за подобный способ побудки. — А уже на ужин пора. И Сибил просит пойти с ней на отбор, нужно что-то решать.

— Не хочу никуда, — проворчала я, отжимая длинющую косу, которой следовало одарить не любимую героиню, а заклятого врага.

— Ты не заболела? — забеспокоилась соседка.

— Нет.

— Я должна тебя осмотреть. Покажи горло.

— Не нужно ме... А-а-а!

Милашка Мэг превратилась в злобную фурию и с силой наступила мне на ногу, а, пока я орала, успела заглянуть в рот.

— Горло розоватое. Нос заложен. Глаза слезятся.

— Нога же болит! — сквозь зубы объяснила происхождение слез.

— Вот, — целительница подняла палец. — Еще и нога болит. Немедленно в постель!

— Ты ее залила!

— Так высуши. А я пока скажу Сибил, что ты заболела, и мы никуда не пойдем. Не можем же мы тебя бросить?

Для девицы, волнующейся о здоровье подруги, сказано это было слишком радостно.

— Стоять! — крикнула я до того, как Мэг успела выскочить за дверь. — Почему это я заболела?

Соседка закатила глаза:

— Ты не слышала, что я сказала про отбор? Это же отбор на последнюю оставшуюся роль, роль призрака. И Сибил она не достанется так же, как не досталась роль принцессы, фрейлины, девушки с овечкой и дамы номер три в сцене карнавала.

Сознание раздвоилось: я твердо помнила, что не писала этого, а Элизабет не менее твердо знала, что Сибил с детства бредит сценой. Конечно, родители не позволили бы ей опуститься до актерства, но студенческий театр — это другое, играть там не зазорно и даже престижно... Было бы, если бы Сибил хоть раз дали роль.

— Она снова провалится, — тараторила Мэг, и Элси с ней

соглашалась. — Снова замкнется в себе. Будет носить то жуткое платье. Нужно сделать все, чтобы этого избежать... Тебе же под силу поболеть вечерок ради подруги? Вид у тебя и впрямь нездоровый. Может, действительно простудилась?

— Хуже. Влюбилась.

Зачем я это сказала, и я ли это сказала — навсегда останется для меня секретом.

— Ты чудо! — обрадовалась целительница. — Это намного лучше! Это... Это правда?!

Я потупилась.

— О, боги! — Мэг прижала ладони к щекам. — Тебе лучше прилечь. Я позову Сибил.

— Но...

— В постель! — она сердито топнула ногой.

Доктор сказал, в морг — значит, в морг. Даже интересно, что сейчас будет.

Подруги — еще одна моя фантазия. В реальности я их не имела. Светлана, с которой мы общались со школы и, казалось, даже дружили, была моей свидетельницей на свадьбе и потерялась после моего развода. Или это я потерялась, сведя общение к редким телефонным разговорам. С Леной, бывшей однокашницей, я худо-бедно поддерживала отношения, но близкой подругой она мне не стала. По-настоящему близких, любимых и незаменимых у меня не было. Это радовало в какой-то мере: никто не лез в душу, не учил жить. Но и просто поговорить было не с кем. Или просто помолчать...

Вот и узнаю, что за существа лучшие подруги и стоит ли заводить их в реальной жизни. Но сначала — высушить постель.

Элси решила бы эту проблему щелчком пальцев. Только я не Элси. Мэйтин говорил, что я смогу использовать ее способности, но не объяснил, как это сделать. А память Элизабет не давала подсказок. Она хранила видение сверкающих нитей — потоков силы, пронизывающих все вокруг. Вместе с Элси я помнила зыбкое сияние, излучаемое людьми, заметное в магическом зрении. Помнила яркие вспышки боевых заклинаний и мягкое свечение вспомогательных чар; холод, которым веяло от вернувшихся с практики некромантов, и тепло, сопровождавшее плетения целителей. Помнила, как я-Элизабет вхожу в поток, пропускаю его через себя, и сила растекается по телу...

Я помнила все, но не могла ничего.

С минуту поводила рукой над постелью и, не найдя иного выхода,

перевернула подушку сухой стороной вверх. Сменила сорочку, вытерла волосы, улеглась в кровать и закуталась в одеяло.

Лежать пришлось долго. Наконец хлопнула ведущая в общий коридор дверь, слышались шаги в прихожей, а запах шоколада заставил вспомнить, что за день я съела лишь тарелку постного супа.

— Раз мы не пошли в столовую, поужинаем тут, — вошедшая первой Мэг взгромоздила на стол поднос, на котором стояли чашки с горячим шоколадом и наполненная мороженым вазочка.

— Но, если у тебя нет аппетита, мы пойдем, — добавила Сибил.

Увлеченная ношей Мэг, я и не глянула на вошедшую за целительницей девушку. Но память Элси еще при первом упоминании подруги-провидицы нарисовала полный портрет: полудетское личико, щуплая фигурка, белокурые локоны. Сибил выглядела девочкой-подростком, таким невинным ангелочком. Однако водку на травах ангелочек настаивал со знанием дела и потреблял собственный продукт вполне взрослыми дозами.

— Есть у меня аппетит! — выкрикнула я, вскакивая на кровати и протягивая руки за чашкой.

— Я же говорила, что это стереотипы, — с превосходством глядя на провидицу, выдала Мэг. — И спала она как убитая.

Это они, наверное, симптомы влюбленности обсуждали: не ест, не спит... Что там еще?

— А покой ты потеряла? — с надеждой спросила Сибил.

— Она вообще знает, что это? — прежде меня ответила соседка. — Элси и покой — вещи несовместимые.

С наслаждением отпив немного шоколада, я пожала плечами. Девушки переглянулись, придвинули стулья к моей кровати и сели, прихватив свои чашки.

— Кто он? — с места в карьер взяла Мэг.

— Нельзя так, — укорила ее Сибил. — Это тайна ее сердца.

— Чушь, — отмахнулась целительница. Посмотрела на меня вприщур. — Что? Тайна?

— Угу, — закивала я. — Тайна.

— Тайна сердца, — со значением поправила провидица. — Элси поделится ею, когда будет готова.

Мечта, а не подруги! Ужин ради меня пропустили, шоколадом напоили, с расспросами не пристают...

Сибил резко подалась ко мне:

— Ну что? Уже готова?

— Нет.

Провидица откинулась на спинку стула. Ровно на три секунды.

— А теперь?

— Нет.

— Он хотя бы не оборотень? — спросила Мэг.

Я помотала головой.

— И не эльф? — поинтересовалась Сибил.

— Нет, — уверила я, поняв, куда они клонят. — Это не Норвуд и не Грайнвилль.

Как вообще в их компанию попал эльф? Нет, я помнила, что сама это написала, но я думала о других эльфах, более человеческих, что ли. А Грайнвилль в воспоминаниях Элси был обычным для этого мира эльфовским эльфом. Но тем не менее был.

— Мы его знаем? — продолжила допрос Мэг.

— Вряд ли.

Вряд ли кто-либо из студентов по-настоящему знал Оливера Райхона.

— Совсем не то, — вздохнула Сибил, не придумав нового вопроса. — Я думала, будет интереснее. Так ждала, чтобы кто-нибудь из нас влюбился...

— Я влюблялась, — призналась Маргарита. — На втором курсе.

— И нам не сказала? — воскликнула я. Сама не ожидала, как меня взволнует скрытность Мэг.

— Не успела, — ответила она. — Любовь прошла. За две недели, как простуда.

— У меня почти месяц было, — проговорила, уткнувшись в чашку, Сибил. — Прошлой зимой.

— Месяц? — одновременно переспросили мы с Мэгги.

Переглянулись и рассмеялись.

— Хороши подруги, — подвела итог соседка. — А обещали ничего друг от друга не скрывать. И что теперь делать?

— Мороженое есть, — предложила я.

Дружить мне в целом понравилось. Оказалось, что это легко и необременительно.

А когда мороженое закончилось, Сибил предложила погадать мне.

— Мы же договаривались, для нас — никаких пророчеств! — напомнила Мэг.

— Один уговор мы уже нарушили, и ничего страшного не случилось. Так ты хочешь, Элси?

Почему бы и нет? Вдруг подскажет, как добиться взаимности Оливера? Хотя одно я уже сама поняла: взбалмошная девица,

злоупотребляющая алкоголем и растрачивающая дар на детские чудачества, — не пара для милорда ректора.

— Ограничимся простым раскладом, — сказала Сибил, тасуя карты. Разрисованная звездами «рубашка» в ее руках меняла цвет с бледно-зеленого на золотисто-желтый и обратно. — Он позволяет в общих чертах представить, что тебя ожидает в ближайшем будущем.

Карты у нее были странные: никаких пик и червей, дам и королей — только черные закорючки, похожие на те, что красовались на футболке Мэйтина. Сибил изучила эти закорючки и начала, подпустив в голос загадочности:

— Элизабет Аштон, карты говорят мне, что ты... лгунья.

— Почему это? — насупилась я, хотя у прорицательских карт были все основания обвинить меня во лжи, ведь я даже не Элизабет.

— Ты вовсе не влюблена, — лукаво улыбнулась гадалка. — Но этот обман невелик, потому что ты уже стоишь на пороге любви. Ты уже встретила своего избранника! Но, — она состроила грустную мордашку, — ты не произвела на него должного впечатления.

— Как это? — поинтересовалась Мэг.

— Нашей Элси глянулся человек умный, серьезный, облеченный немалой ответственностью. Ума не приложу, кто это, но он полная противоположность Элизабет. И считает ее... легкомысленной.

Это еще мягко сказано. Спасибо за тактичность, Сибил.

— Но так будет не всегда, — утешила подруга. — Грядут большие перемены. Начало им положит недоразумение, продолжить помогут старательность и упорство. Ты многого сможешь добиться... Но без сложностей не обойдется. Тебя ждут серьезные испытания, разочарования и даже опасности.

С этого момента хотелось бы поподробнее, но Сибил собрала карты и спрятала в карман.

— Я предупреждала, это общий расклад. Для детального прогноза понадобится больше информации: имя твоего возлюбленного, точное место и время его рождения, желательно до минут, три его волоса и любой предмет одежды.

Имя я знала, место и время рождения могла бы узнать у Мэйтина, но, если я стану рвать у Оливера волосы или влезу в его дом, чтобы стащить рубашку, ничем хорошим история нашей зарождающейся любви не закончится.

— Пока хватит общего расклада, — решила я. — Спасибо.

— И все? — разочарованно вздохнула Мэг.

— Все, — развела руками провидица. — Я даже на отбор еще успеваю.

Маргарита в ужасе расширила глаза и задержала дыхание.

— Знаешь, Сибил... — начала я осторожно.

— Знаю, — поджала она губки. — Вы думаете, у меня не получится.

— Нет, мы...

— Думаете. Считаете, меня можно обмануть? Да я в прошлом месяце проект по предугадыванию общественного мнения на отлично защитила!

— Мы не знали. Да, Мэг? — Я попыталась сменить тему. — А зачем его предугадывать?

— Это по курсу управления, — отмахнулась провидица. — Реакция общественности на внесение поправок в налоговое законодательство и достижение положительного мнения при коррекции формулировок с использованием базовых слов-стимуляторов.

— Чего? — челюсть у меня отвисла самым неприличным образом. — Курс управления?

— Ну да. А чем, по-твоему, прорицатели занимаются? Влюбленным девицам на суженых гадают?

— Нет, — пробормотала я пристыженно. — Но управление — это так... скучно.

— Куда уж веселее друг в друга огнешары метать, — не осталась в долгу Сибил. — Я, если на финансового аналитика не выучусь, смогу хотя бы погоду предсказывать. А ты чем займешься? Войны в ближайшие полвека не ждут.

О таком я не думала. Я же фэнтези писала, а боевая магия для фэнтези — самое оно. И закончить книгу я планировала свадьбой, а не заниматься дальнейшим трудоустройством героини. Зачем ей работать? У нее отец — лорд, муж будет обеспеченный. Но, видно, тут не принято сидеть у мужа на шее, да и папа-лорд должен кому-то дела передать. По воспоминаниям Элси, он был не очень доволен ее выбором факультета.

— Девочки, только не ссорьтесь, — вмешалась Мэг.

— Мы и не думали, — миролюбиво улыбнулась Сибил. — Да, Элси? Я вообще о себе говорила, — улыбка ее померкла. — О том, что подруги не верят в мой талант! Да, я не получала прежде ролей, но эта стала бы моей! Я же такой образ придумала!

— Какой? — я рассудила, что пусть лучше она поделится идеями с нами, чем сорвется демонстрировать их режиссеру.

— Смотри, — провидица вскочила со стула. — Сначала платье.

Черное. Как ночь. Звездная ночь.

— С блесками? — предположила Мэг.

— Ага, — Сибил обрадовалась, что ее задумку поняли, и не заметила скептической ухмылки целительницы. — Потом туфли. Каблук четыре дюйма, чтобы сделать меня повыше.

— Нормального роста, — шепотом уточнила Маргарита.

— Ты же не сможешь в них ходить! — ужаснулась я.

— Смогу, я тренировалась, — заверила провидица. — Но главное — грим и прическа. Прическа высокая. Волосы растрепаны, где-то сбились в колтуны...

— Как у Элси наутро после Осеннего бала, — вставила Мэг.

Вот язва! Я-то полагала, ехидство — прерогатива главных героинь.

— Да, вроде того, — согласилась Сибил. — Лицо думала забелить, на щеки — лиловые румяна, сиреневые тени на веки, и черная помада. Здорово, да?

— Да, — сказала я.

— Но не страшно, — добавила целительница. — Я бы воспользовалась учебником по демонологии. Вот там жуть! Крылья, рога, хвосты. Хотя бы вторую пару глаз на лбу нарисовать.

— Не знаю, — протянула я неуверенно. — По-моему, чтобы было страшно, нужно что-то большее, чем лишние органы.

— Что? — заинтересовалась Сибил. — Ты бы чего испугалась?

— Я? Мертвой девочки из теле... зеркала.

— Девочки? — удивилась Мэг, не найдя повода для подначек. А вот муж, теперь уже бывший, долго надо мной посмеивался, когда я вздрагивала от телефонных звонков после того ужастика.

— Девочки, — подтвердила я и продолжила голосом, каким в лагере после отбоя рассказывали страшилки: — Мертвая девочка выходит из зеркала. Белая сорочка, босые ноги с темными прожилками вен. Длинные черные волосы падают на бледное лицо, почти скрывая его, но иногда видны бескровные губы и недобрые, совсем не детские глаза. Девочка идет к тебе. С волос ее стекает вода. Девочка протягивает руку и говорит глухо и хрипло: «Семь дней»...

— Почему семь? — робким шепотом спросила Сибил.

— Отсчитывает, сколько тебе осталось жить. Завтра девочка придет снова и скажет: «Шесть дней». Потом — пять. Четыре, три... В самый последний день девочка не скажет ничего...

— Жуть, — поежилась Мэг. — Это ты в книжках вычитала?

Она кивнула на связку, что я притащила из библиотеки.

— Нет, это для доклада. Собиралась просмотреть сегодня.

— Ой! — подскочила Сибил. — У меня же тоже доклад! Забыла совсем. Не обидитесь, если я уйду?

— Иди, — разрешила Маргарита. — Мне тоже кое-что дописать нужно. А Элси, видишь, читать — не перечитать.

Девичник закончился так же неожиданно, как и начался. Сибил убежала к себе, Мэг оккупировала стол и зарылась в конспекты, а я выбрала самую тонкую книгу и вернулась в кровать.

Выбор оказался неудачным. После бодрого начала, позволившего мне свыкнуться с местной письменностью, пошли унылые главы, в которых в стиле «Авраам родил Исаака» перечислялись жившие когда-то на Трайсе драконы и превозносились их мудрость и таланты. К третьей главе я поняла, что драконов было много, уверовала в исключительность каждого и отложила книгу. Решила отвлечься от доклада и посмотреть учебники Элизабет. Встроенная память — это удобно, но неплохо бы и самой в чем-нибудь разобраться.

Пролистала сборник практических заданий. На время абстрагировалась от воспоминаний Элси и поняла, что ровным счетом ничего не смыслю во всех этих плетениях, формулах и фигурах. Из последних у меня получилось бы сложить только фигу. А что? В моем мире некоторые верят, что она защищает от дурного глаза.

Учебник по артефакторике был понятнее. Настолько, насколько среднестатистической домохозяйке понятно устройство микроволновки: нажимаешь эту кнопку, и все работает. Наверное, справилась бы с какой-нибудь волшебной палочкой, если бы для ее активации не требовалось создание пресловутых плетений.

Следующим мне в руки попал учебник по основам врачебного дела: хоть что-то знакомое. Тоже не без магии, но в общем достаточно ясно. Основы симптоматики и фармакологии, описание отдельных манипуляций, рисунки, показывающие, как правильно накладывать повязки. Мне, дочери и внучке медиков, это было как бальзам на душу. И появился повод отвлечь Мэг от тетрадей и завести разговор о целительстве, чтобы ненавязчиво расспросить подругу о подозреваемом номер один, любителе книг о драконах, — докторе Грине.

Мэг восторженно сверкнула глазами, точь-в-точь как Анабель утром, но рассказать о субъекте смогла немного. Заведует лечебницей, специалист во всем, в чем только можно, попасть к нему на практику — удел избранных. О жизни доктора вне стен лечебницы никому ничего не известно.

Я подумала, что для первого дня этого достаточно, и вернулась к учебникам. Нашла «Историю Арлонского королевства», не продуманную мною при написании романа, и зачиталась, хоть организм настойчиво требовал еще мороженого и спать. Или, за неимением первого, хотя бы второе...

Организм победил.

Когда я открыла глаза, в комнате было темно. Мэг забрала у меня книгу, погасила свет и сопела на соседней кровати. А в нашей прихожей кто-то бродил впотьмах.

— Мэгги, — позвала я шепотом. — Мэг, там кто-то есть.

— Летти, — пробормотала она.

Да, Летти — их с Элси горничная, о которой говорил Мэйтин, — могла зайти, чтобы проверить, не нужно ли почистить юным мисс сапожки. Но она зажгла бы лампу!

В ответ на мои страхи в прихожей вспыхнул свет. Дверь распахнулась, и на пороге возникла мертвая девочка из телевизора: белая рубашка, босые ноги, облепившие лицо черные волосы.

Я онемела от ужаса. Мэг взвизгнула и натянула одеяло до глаз.

Мертвая девочка шагнула в комнату.

Медленно протянула к нам руки.

И сказала:

— Поздравьте меня! Я получила роль!

— С-сибил? — выдавила я, не определившись, верить мне ушам или глазам. — Ты... покрасила волосы?

— Ради театра я готова на все.

Точно Сибил.

— Который час? — спросила Мэг, как и я, решившая не портить подруге радость упреками.

— Только одиннадцать, — бодро отрапортовала новоиспеченная актриса. — Я немного задержалась на разборе сценария. Режиссеру так понравился мой образ, что у призрака будет четыре явления вместо двух. Я правда жуткая? Правда? Все визжали от восторга!

Не уверена, что от восторга. По крайней мере, в первые десять секунд.

— Это же твоя идея! — Сибил бросилась ко мне, и пришлось приложить усилия, чтобы с воплем не кинуться под кровать. — Спасибо, Элси!

— Спасибо, Элси, — мрачно повторила за подругой Мэг. — Но, может, мне дадут досмотреть сон?

— Ой, да, простите, — Сибил отпятилась к выходу. — Доброй ночи.

Она скрылась за дверь. Я глубоко вдохнула... И поперхнулась воздухом, когда дверь распахнулась снова.

— Три дня, — замогильным голосом протянула «мертвая девочка». — Кхе-кхе... В смысле, первая репетиция через три дня. Придете?

— Ни за что не пропустим, — обещала Мэг хмуро.

— Ни за что, — подтвердила я.

Дождалась, когда Сибил уйдет, теперь уже окончательно, и встала.

— Мэгги, у тебя, кажется, был пустырьник.

— Вторая полочка сверху. И мне накапай.

ГЛАВА 5

Удивительно, но после явления Сибил в образе моего персонального кошмара спала я крепко и даже сон видела. Хотя видела — не то слово. Что можно видеть в полной темноте? Только слышать: музыку, приглушенные голоса вокруг, дыхание партнера. Чувствовать, как он прижимает меня к себе, как его руки гладят спину и плечи, и нескромность жадных касаний заставляет раз за разом сбиваться с ритма. Как его губы, мазнув по щеке, находят мои, и сердце перестает биться на время долгого, умопомрачительно нежного поцелуя... А затем вспыхнул свет, и я увидела прямо перед собой жгучие очи милорда Райхона...

И проснулась с осознанием того, что мне срочно нужно в ванную, еще пустыряника и замуж за Оливера.

Романтическое настроение улетучилось, стоило вспомнить, что сегодня четверг, день практических занятий, а практические занятия в памяти Элси больше всего походили на попытку самоубийства, если только можно самоубиваться по принципу упражнений в спортзале — в три подхода по двадцать повторений.

Но, что странно, и мысли не возникло прогулять.

Я нашла в шкафу тренировочный костюм, а вместо пальто и сапожек надела теплую куртку и высокие ботинки на толстой подошве. Поняв, что чего-то не хватает, отыскала вязаную шапку. Кто-то внутри меня категорически возражал против головного убора, но я не пошла на поводу у двадцатилетней фифы: хочет уши отморозить — пожалуйста, но не тогда, когда это и мои уши тоже.

Перед выходом Мэг все-таки напоила меня чаем от простуды. Хотя тут не помешало бы что-нибудь для храбрости. Коньяк, например. Но чего не было, того не было, и чем ближе я подходила к полигону, где проходила практика, тем страшнее мне было. А когда взору открылись присыпанные снегом лестницы, рвы и веревочные переходы полосы препятствий, сердце трусливо сжалось и живот свело от страха.

У стартовой черты собралось около трех десятков студентов. За два с половиной года Элси ни с кем из них не сдружилась: все-таки она была аристократкой, а в боевики шли в основном выходцы из крестьянских семей и мещанства, те, для кого карьера военного или полицейского — единственный шанс пробиться в жизни. Но своеобразным авторитетом она в группе пользовалась.

— Элизабет! Иди к нам! — махнул рукой отделившийся от компании парней рыжеволосый здоровяк, идентифицированный Элси как Мартин Кинкин.

— Нечестно! — заорал с другой стороны блондин в черном плаще. — Снова набираешь в команду самых сильных, Март!

— Все честно, Брюс, — ответил рыжий. — Две девушки на курсе, по одной в каждой команде. У вас уже есть Шанна. Но если вам нужна Элизабет, пусть Шанна переходит к нам.

На третьем курсе факультета боевой магии стараниями автора, моими то бишь, училось всего две девушки: красавица и умница Элизабет Аштон и Шанна Раскес — тоже умница, тоже красавица и главная соперница Элси на полигоне. Она и внешне выглядела полной противоположностью Элизабет (не без авторского умысла, естественно). Вглядевшись в студентов, столпившихся за спиной Брюса, я отыскала взглядом смуглую брюнетку с раскосыми карими глазами. Длинные волосы девушки развевались на ветру, и моя шапочка ее, кажется, позабавила. Потому как иных причин улыбаться у мисс Раскес не было: Мартин сманил почти всех, кто на прошлой практике получил высший балл, и поскольку в этот раз оценивать будут работу всей команды, у Брюса Дилейна и его ребят не осталось шансов на победу.

Все это я поняла благодаря воспоминаниям Элизабет. Мартин давно пытался сместить Дилейна с поста старосты. Элси его методов не одобряла, но в команду Брюса все равно не пошла бы — из-за Шанны. И рыжий это знал. Вот только он не знал, что Элси здесь нет.

— С каких пор девушек делят как реквизит? — спросила я и, задрвав покрасневший нос, прошествовала мимо опешившего верзилы к не менее удивленному блондину.

Сильнее всех удивилась Шанна, но к рыжему не перебежала.

Я отдавала себе отчет в том, что оказываю Брюсу медвежью услугу. Как только начнется состязание, я, скорее всего, застыну на старте, а если куда и побегу, то в противоположную от устрашающих снарядов сторону. Но несколько минут справедливость в моем лице торжествовала. Ровно до появления мистера Саймона Вульфа — куратора нашей группы, оказавшегося возмутительно молодым для такой ответственной должности и довольно симпатичным. Мне никогда не нравились мужчины с усами, но платиновая шевелюра, ярко-зеленые глаза и улыбка кинозвезды компенсировали этот недостаток.

— Некроманты отказались от совместной практики, — сообщил мистер Вульф. — Побегать наперегонки с зомби не получится.

Вырвавшийся у меня вздох облегчения потонул в недовольном гуле.

— Но! — куратор поднял руку, призывая к тишине. — Я договорился с иллюзионистами. Будет вам кое-что поинтереснее ходячих трупов. Только учтите, использовать универсальные плетения не получится. Уничтожить имитацию можно лишь тем заклинанием, которым уничтожается скопированная сущность.

Заклинания, плетения, фигуры... Угу, а как же!

Я посмотрела на однокурсников Элси, разминающихся перед тренировкой, на огненные шары и молнии, вспыхивающие и гаснущие в их руках, и поняла, что у меня два варианта. Первый — притвориться трупом, все равно некромантов не будет. Второй — бежать без оглядки, оставив другим разбираться с иллюзорным противником.

На третий вариант — чудо божье — я и не рассчитывала. Мэйтин не объявлялся с разговора в столовой, и нельзя было исключить, что после ознакомительной экскурсии божество полностью сбросило дела мирские на меня.

Я посмотрела на полосу препятствий. Сразу от старта — ровное пространство шириной не больше десяти метров. Пролечу ураганом. Дальше — бревна, переброшенные через ров с вязкой мешаниной из грязи и снега. Потом стену перелезть...

— Готовы? — спросил куратор.

Нет!

— Готовы, — ответил за всех староста. — Только что-то я иллюзионистов не вижу.

— На то они и иллюзионисты, — хмыкнул в усы Вульф.

Начиналось классически: все побежали, и я побежала. Рванула за Брюсом, который сбросил плащ и остался в легкой безрукавке, обнажавшей жилистые руки, от запястий до плеч украшенные цветной татуировкой. Но когда староста запрыгнул на бревно, между нами неожиданно возник гигантский паук.

— Убу! — крикнули мне в спину. — Развей его!

То, что я с первого взгляда приняла за паука, оказалось жутким сочленением двух человеческих скелетов, еще не избавившихся от остатков плоти. Горизонтально распластавшись над землей, сросшиеся тазовыми костями, они таращились в разные стороны пустыми глазницами, быстро передвигаясь с помощью четырех пар конечностей, вывернутых в суставах на манер паучьих лап.

Я знала об этих тварях все, включая то, как их убить, но...

— Элизабет!

Стиснув зубы, я ринулась вперед, прямо в гущу костей. Главное, не угодить под лапы-руки с длинными ядовитыми когтями, и посильнее ударить в место «спайки». От такого удара убу рассыпаются. Правда, после быстро собираются, но я к тому времени буду уже на бревне.

Скелетопаук не успел увернуться и, как я и надеялась, развалился на несколько анатомических пособий. Пнув подвернувшуюся под ногу руку, я влезла на бревно и на четвереньках поползла на противоположную сторону рва. Сзади кричали: видимо, убу сросся быстрее, чем другие успели пробраться за мной. Затем послышался громкий хлопок, и спину обдало жаром.

— Молодец, Аштон, — догнала меня на другой стороне раскрасневшаяся от бега и злости Шанна. — Прорвалась, а убу оставила задержать остальных? Не забыла, что сегодня мы играем в команде? Или ты и играешь в команде, только не в нашей?

Незаслуженное обвинение хлестнуло пощечиной, но оправдываться было некогда.

— Дерево, — я указала пальцем за спину разгневанной девушки. — Одушевленное.

Недружелюбно настроенная коряга надвигалась на нас, перебирая по земле толстыми корнями и раззявив пасть-дупло.

— Так сожги его, — предложила Шанна и побежала к стене.

Я кинулась за ней. Вскарabкалась по вертикальной преграде с едва выступающими кирпичиками и, тяжело сопя, ухватилась за край. Подтянулась и чуть не слетела, получив пониже спины тяжелой веткой.

— Я же сказала, сожги! — заорала мне сверху Шанна. — Что с тобой такое?

Что-что... Котик у меня не вовремя на крышу вылез...

Раскес махнула рукой в сторону приставучего дерева, и оно вспыхнуло.

— Давай, — всем видом демонстрируя, насколько ей это неприятно, Шанна помогла мне влезть на стену, соскочила с другой стороны и побежала дальше.

Отдышавшись, я прыгнула следом, но не удержалась на ногах и упала лицом в снег. Полежала немного и поднялась, как герой одного из любимых фильмов повторяя про себя, что слишком стара для этого дерьма.

Следующие десять минут я проклинала тот час, когда отправила Элси учиться боевой магии. Полоса препятствий казалась бесконечной, фантазия иллюзионистов — неиссякаемой. Я ползла, бежала, падала, снова вставала, ползла, бежала и снова падала, ежеминутно шарахаясь от какой-нибудь

твари. Время от времени ловила на себе взгляды Шанны, Брюса или еще кого-нибудь из нашей команды. Сначала злые и укоризненные, затем — удивленные. Оно и понятно: Элизабет Аштон, лучшая из лучших, трусливо жмурится при появлении очередного монстра и прячется за спины тех, кто сам надеялся добраться до финиша с ее помощью.

Чем дальше, тем больше одноклассники Элси убеждались, что держаться рядом с нею не только невыгодно, но и опасно, и в конце концов я осталась одна в окружении иллюзорной, но оттого не менее пугающей нечисти. Чудом увернулась от объятий зловонного зомби, перелезла через забор и на четвереньках проползла под раскачивающимися на цепях бревнами — плевать, что переходить их полагалось поверху, балансируя на неустойчивых качелях. На этом везение закончилось. Неизвестно откуда налетела стая варгов, с другой стороны подтянулись гигантские саблезубые крысы, из-под ближайшего куста выполз еще один убу, а впереди маячило что-то темное и жуткое.

Выросшая на романах Дюма и Сабатини, я не придумала ничего лучше, чем встать в полный рост и гордо встретить всю эту компанию...

Мощная воздушная волна, слегка задев меня, смела варгов. Вторая не оставила и следа от убу и крыс, но и меня зацепила. Однако упасть я не успела: кто-то подхватил меня у самой земли и поставил на ноги. Подняв глаза на своего спасителя, я с удивлением узнала Оливера Райхона и, забыв обо всем, несколько секунд смотрела на него с восторгом и обожанием, пока нас обоих не всосало в вихрь портала.

В следующий миг мы уже стояли рядом с куратором Вульфом. Еще через секунду к стартовой черте вынесло остальных студентов.

— Простите, Саймон, — извинился ректор перед руководителем группы, — я решил прервать соревнование. Не думаю, что результаты справедливы, с учетом состояния мисс Аштон.

— О чем вы? — спросила я.

Судя по лицам одноклассников, их тоже интересовал этот вопрос.

— О том, что вы отстранены от занятий, — отчеканил Оливер. — По состоянию здоровья.

Шанна зашептала что-то Брюсу. Староста сочувственно покачал головой.

— Что с моим здоровьем? — поинтересовалась я с тревогой.

— Предлагаю обсудить это без свидетелей.

Мы отошли подальше от обступивших куратора студентов.

— Вы отстранены от практики, — сказал Оливер, когда никто, кроме меня, не мог его слышать. — Можете взять отсрочку, но не более чем на

два года, после чего продолжите обучение на факультете боевой магии, подтвердив контрольными экзаменами, что не забыли пройденный курс. Либо можете не прерывать учебу и перевестись на факультет с меньшими физическими нагрузками и рисками. Я просмотрел ваше дело: при поступлении у вас выявили способности к зоомагии и целительству. Если желаете, пишите прошение о переводе на одну из этих специальностей. Или попробуйте себя в чем-нибудь еще, правда, выбор в вашем положении невелик.

— В каком положении? — продолжала недоумевать я.

— В вашем положении, — с нажимом повторил ректор. — В вашем, как говорят, интересном положении.

Несколько секунд я могла лишь беззвучно открывать рот, как выброшенная на берег рыба. Это не мешало Оливеру Райхону говорить.

— Я подумал, что до поры вы не захотите огласки, поэтому решил никого не посвящать и побеседовать с вами лично. Я не могу не учитывать интересы лорда Арчибальда. Ваш отец — уважаемый, мною в том числе, человек, скандал ему ни к чему.

— Вы ему сообщили? — выдавила я.

— Не считаю себя вправе вмешиваться в ваши семейные дела, мисс Аштон. Моя роль ограничивается соблюдением общепринятых мер безопасности. Предписание мистеру Вульффу я оставил. Без указания реальных причин, естественно. Засим позвольте откланяться.

— Не позволю. Вчера вы обвиняли меня в склонности к фантазиям, а сегодня сами нафантазировали мне беременность? Откуда вы это взяли?

Я догадывалась откуда, но обязана была отыграть роль оскорбленной невинности до конца.

— Доктор Грин крайне серьезно относится к обязанностям, — подтвердил мою догадку Оливер. — Мне хватило бы проверки на содержание в вашей крови запрещенных веществ, но он провел полный анализ. Следов наркотиков или чрезмерного потребления алкоголя, кстати, не выявилось. И это хорошо, учитывая ваше положение.

— Да нет у меня никакого положения! Я... я вообще еще девица!

Выпалила и покраснела. Иногда «эффект Марибет» проявлялся весьма вовремя.

— Хотите сказать, доктор ошибся? — судя по тону, Оливер скорее поверил бы в мое непорочное зачатие, чем в то, что Эдвард Грин — чтоб ему икалось! — может ошибаться.

Однако далеко у них тут медицина шагнула. Даже в нашем мире анализ на ХГЧ начали делать относительно недавно.

— Да, ошибся, — произнесла я уверенно.

— Давайте разберемся, — невозмутимо предложил ректор.

Снова объятия без намека на нежность, снова головокружительный нырок в портал, и вот мы уже в кабинете дотошного доктора, которого хлебом не корми — дай чего-нибудь в студенческой крови обнаружить.

Хотя нет, хлеб Грин уминал за милую душу. Еще и с маслом. При нашем появлении он спокойно, будто порталы перед ним открываются по расписанию с интервалом в пять минут, отложил бутерброд и вытер рот салфеткой.

— Что случилось? — спросил обеспокоенно, но без паники. — Травма на практике?

— Нет, ничего такого, — махнул рукой ректор, отступив от меня на шаг. — Простите за вторжение, доктор. Это мисс Аштон, она приходила к вам вчера.

— Да-да, помню. Но с повторным визитом можно было так не торопиться.

Тонкие губы целителя насмешливо дрогнули, и я со злостью сжала кулаки: нашел повод для шуток — грязная девушка! Мог бы посочувствовать. Травмы, не травмы, но с десятков синяков я получила.

— К тому же я не занимаюсь подобными случаями, — доктор поглядел на оставленный бутерброд. — Пусть мисс Аштон подойдет на неделе. Миссис Томсон или леди Райс ее примут.

— Настоящая леди? — спросила я, на миг забыв, зачем я здесь. Понятно, что мир далек от нашего девятнадцатого века: равноправие, магия, работающие женщины. Но леди-то что забыла в больнице?

— Самая настоящая, — подтвердил целитель, но выражение лица у него стало такое, что я заподозрила подвох. Впрочем, лицо у него само по себе приятностью не отличалось, хотя сегодня мистер Грин был свеж и гладко выбрит.

— Мисс Аштон уверяет, будто вы ошиблись, — отвлек от посторонних тем ректор, — и она вовсе не в положении. Более того, еще девица.

— Что же, — протянул Грин с мерзкой ухмылкой, — осмотр легко подтвердит или опровергнет слова мисс Аштон.

«Осматривайте!» — хотела предложить я, но неожиданно онемела, чувствуя, как отхлынула от щек кровь. Ох, Элси!

— Аж настолько девица? — хмыкнул доктор, от которого не укрылся стыдливый испуг моего альтер эго. — Не бойтесь, я не собирался заниматься этим лично. Но если вы в принципе против осмотра, могу провести повторный анализ. Правда, это даст ответ лишь на вопрос о

беременности; определять невинность по крови пока не научились.

Хам. Независимо от того, грубит ли он открыто, как вчера, или, как сегодня, маскируя гадости вежливостью.

— Но есть способ ответить на все вопросы разом, — закончил Грин. Приблизился к ректору и зашептал ему что-то.

Оливер с сомнением взглянул в мою сторону. С сомнением, жалостью и разочарованием. А мне так не хотелось его разочаровывать! Сейчас, глядя на него, я понимала свою ошибку. Я написала его идеальным: умным, серьезным, уравновешенным. А как он красив! А манеры? А безупречные костюмы? Разве этот Мистер Совершенство обратит на меня внимание? Точнее, на Элси. Это ведь она о нем грезит. А я Марина, и я не влюбляюсь в книжных героев со времен капитана Блада.

Но Оливер нереально хорош!

— Пойдем, — решился он. — Доктор, покажите мисс Аштон, где она может привести себя в порядок.

Куда мы пойдем, он не сказал.

В уборной я отмыла от грязи лицо, кое-как очистила одежду, пригладила волосы и выкинула в мусорную корзину уродскую шапочку. Вернулась в кабинет, и Оливер переместил нас троих к высокой кованой ограде, за которой на некотором отдалении от ворот виднелся большой трехэтажный особняк. Высокие стрельчатые окна, остроконечные арки и резные вимперги создавали впечатление, что здание тянется ввысь. Черепица, похожая на подтаявшую плитку шоколада, выкрашенные в темно-коричневый декоративные балкончики и оконные рамы темного дерева контрастировали с песочного цвета стенами, а там, где своды кровли, соединяясь, образовывали острые углы, сидели химеры, и дай-то бог, чтобы каменные.

Милорд Райхон не вошел по-хозяйски в калитку, а позвонил и стал дожидаться ответа. Доктор, к моей недоброй радости забывший надеть верхнюю одежду, топтался по снегу в облепивших худые ноги брючках и куцем пиджачке, безуспешно делая вид, что ему не холодно.

Через минуту к ограде подошел эльф. Уже не первый эльф, которого я видела, но все равно трудно было удержаться от разглядывания этого прекрасного, но до того чуждого существа, что его инаковость, казалось, стоит между ним и нами, людьми, непробиваемой стеной. Ректор сказал ему несколько слов на эльфийском. Элси знала его на «отлично», но сейчас я поняла только, что мы прийти видеть какой-то кэллапаи, и сделала вывод, что академический минимум далек от полноценного владения языком.

Эльф распахнул калитку, которая даже не была заперта, и до меня

наконец дошло, что мы пришли в эльфийское посольство, на территорию соседней державы. Но какого кэллапия мы здесь забыли, я все еще не понимала.

Повели нас не к особняку, а к маленькому домику с округлыми оконцами. Цветом стен и черепицы он гармонировал с основным зданием, но в остальном походил скорее на крестьянскую избу, а не на жилище эльфов. Или даже на амбар, поскольку вместо дверей тут были раздвижные ворота. Сопровождавший нас нелюдь потянул вниз рычаг на стене, и деревянные створки разъехались, открывая вход в небольшое помещение, где вдоль стен стояли ящики с зерном и сеном. Далее шли еще одни «ворота», но в этих была дверца.

— Прошу, мисс Аштон, — ректор пропустил меня вперед.

Я решительно вошла в просторный и светлый... загон? Стоило? И застыла с идиотской улыбкой, прилипшей к губам вместе с детским тягучим: «Лошадка-а-а-а».

— Восхитительно, — сказали рядом со мной дрогнувшим от волнения голосом.

Доктор? Вот уж не думала, что он способен чем-то восторгаться.

Но единорог — это вам не что-то. Сказочно прекрасное существо с белоснежной шерстью, длинной гривой и касающимся серебряных копыт хвостом отличалось от самой породистой лошади не только витым рогом на лбу. Можно сказать, оно отличалось от лошадей так же, как эльфы отличались от людей. Но в случае с единорогом у меня не возникло внутреннего неприятия его непохожести на обычного коня, словно я всегда знала, что он и должен быть таким — невероятным, нереальным, волшебным. Правда, судя по лепешкам на полу, какало дивное создание отнюдь не радугами.

— Недавно наши эльфийские друзья сделали воистину королевский подарок академии, — сказал Оливер, заметно померкший для меня рядом с единорогом. — Нет, само животное они нам не подарили, но поселили тут, дав нам возможность приобщиться к его магии.

Сами вы животное, милорд! Примат. А это — чудо!

— Рискнете погладить? — спросил ректор.

Любуясь единорогом, я не сразу вспомнила, что эти существа безошибочно распознают девственниц и лишь их подпускают к себе.

— Поглажу, — заявила с вызовом.

Протянула руку, но единорог с фырканьем шарахнулся в сторону.

— Что и требовалось доказать, — глумливо констатировал Грин.

— Ничего не доказано, — не сдалась я. — Не могли бы вы отойти

подальше? Оба. Простите, но вы не слишком похожи на невинных девиц.

Ну, иди же сюда, чудо чудное, не выставляй меня лгуньей. Хотя я лгунья, конечно. Но не беременная же! И девственница... в этом теле.

Единорог повел ухом, втянул широко раздувшимися ноздрями воздух и пошел ко мне. Шаг, второй, третий, и вот уже влажная морда уткнулась в мою ладонь. От этого прикосновения мурашки пошли по телу, а внутри разлилось такое тепло и умиротворение, что я позабыла, зачем все это, и, лишь когда единорогу наскучило тереться о мою руку и он отошел к кормушке, обернулась к Оливеру.

— Что и требовалось доказать.

Ректор поглядел на доктора.

— Единороги не ошибаются, — пожал плечами тот. — Видимо, я поторопился с выводами. Во время беременности организм женщины интенсивно вырабатывает особый белок, но в редких случаях его высокая концентрация в крови может быть вызвана иными причинами. Тут, очевидно, тот самый исключительный случай.

Грин врал так складно, что даже я почти поверила.

— Мисс Аштон, — поклонился мне милорд Райхон, — примите мои искренние извинения. Надеюсь, ничем не оскорбил вас в ходе разбирательства этого недоразумения.

— Нет, милорд. Я понимаю, что вы стали жертвой чужой ошибки, — я бросила на доктора уничижительный взгляд и вслед за ректором покинула жилище единорога, пообещав себе любым способом вернуться сюда.

За оградой Оливер еще раз учтиво поклонился.

— Всего доброго, — лицо его не выдавало ни досады, ни неловкости, которую он обязан был испытывать. — Завтра можете возвращаться к занятиям, я отзову предписание.

Ректор исчез в портале, а я еще несколько минут смотрела в пустоту, с отчаянием осознавая, какая огромная пропасть между нами.

— До свидания, — буркнул, проходя мимо, Грин.

Его тон и враждебный взгляд раздражали, и я не удержалась:

— Не хотите извиниться, доктор? Благодаря вам я едва не стала объектом сплетен и насмешек.

Целитель развернулся и быстро приблизился ко мне.

— Поразительная наглость, — будучи всего на полголовы выше, он смотрел на меня сверху вниз с гадливым любопытством, как на редкую, но отвратительную на вид рептилию. — Вам же известно, что диагноз я поставил верный. Только не вам. И при желании мог раскрыть обман.

— Почему же не раскрыли? — спросила я дерзко, поборов

нарастающую в душе панику. — Неужели пожалели?

— Вас? Плевать я на вас хотел, мисс. Но в подмене участвовали двое, и мне не хотелось бы, чтобы Анабель пострадала за свою доброту. Не у всех, знаете ли, отцы состоят в совете попечителей, и работа в лечебнице академии ей нужна. Особенно сейчас, как вы понимаете. Точнее, если понимаете.

Пристыженная такой отповедью, я только и смогла, что спросить дрожащим шепотом:

— А отец ребенка?

Если он порядочный человек, должен взять на себя заботы об Анабель...

— Не ваше дело, — резко бросил Грин и пошел прочь.

Вместе с ним уходили неприятные ощущения и смутный подсознательный страх. Хорошо бы не встречаться больше с этим господином.

ГЛАВА 6

Дорога до общежития забрала добрый час и остатки сил, так что понадобилась вся моя воля, чтобы избавиться от грязных вещей и выкупаться, а не завалиться тут же в кровать. Разговор с Оливером и посещение единорога заставили на время забыть о результатах бега наперегонки с иллюзорными тварями, но теперь я ощутила их сполна. Каждый сустав, каждая мышца нещадно болели, на затылке зрела шишка, а синякам и царапинам не было числа.

Мне не помешала бы помощь целителя, но Мэг еще была на занятиях, а самовольно пользоваться ее снадобьями я не рискнула. Только йодом ссадины обработала и еще пустырника выпила. Интересно, он привыкания не вызывает?

— Не вызывает.

Я подпрыгнула от неожиданности, а рука тут же потянулась к пузырьку за новой дозой.

— Но лучше не часту, — посоветовал Мэйтин.

На полигон прийти он не мог, а влезть в комнату к полуголой девушке, на которой только синяки и сорочка, — запросто!

— Что я забыл на полигоне? — удивился бог.

— Меня! — С обиженным сопением я забралась под одеяло. — Мне там бег с препятствиями устроили и чудищ напустили. Меня ходячее дерево веткой огрело! Я падала раз сто! Я...

— Не понял, — он в недоумении тряхнул головой. — Это же обычная тренировка для Элизабет.

— Угу. Только я не Элизабет. Я по заборам прыгать не обучена и колдовать не умею. Если бы не беременность, до сих пор валялась бы в какой-нибудь канаве.

— Чья беременность? — бог коснулся кончиками пальцев моего лба. — Ну ты даешь, — выдохнул спустя секунду.

— Ты сейчас что сделал? — спросила я, приподнимаясь.

— Память считал. Но ты все-таки... М-да... Кровь почему сама не сдала? Сибил ничего не добавляет в спиртное.

Об этом я уже по его вопросу догадалась. Но тогда, в больнице, откуда мне было знать?

— Ладно, — отмахнулся он. — Не самая большая проблема. Лучше объясни, почему ты не используешь магию?

— Не могу.
— Почему?
— Не знаю! — окрысилась я. — Не могу, и все!
— Так не должно было случиться.
До чего же верно эта фраза характеризует мое нынешнее положение!
— Нормальное у тебя положение, — проворчал Мэйтин, оглядев меня. — Горизонтальное. Можешь пока в нем и оставаться.
— Долго?
— Зависит от того, собираешься ты на обед или нет.
— Обед? — протянула я страдальчески. — Почему нельзя было сделать отдельные столовые при каждом общежитии?
— Это ты меня спрашиваешь? — ухмыльнулся бог.
Нет, блин! Это был риторический вопрос!
— Тут есть буфет, — сжалился он. — И небольшая кухня, где тебе приготовят сэндвич или чашечку горячего шоколада. Но это потом. Сейчас обсудим твои проблемы, пока у меня есть немного времени.
— Немного? — я вскочила. — Снова бросишь меня?
— А у меня есть выбор? Кое-кто, не буду показывать пальцем, придумал для Трайса единую мировую религию. Единую! Для людей, эльфов, гоблинов — для всех. И кто-то из них действительно верит. И молится. А молитву истинно верующего не услышать невозможно. Это как многоканальный телефон, и тебя вызывают сразу по всем линиям.
— А нельзя игнорировать звонки?
— Если какая-нибудь ерунда — можно. А если что-то важное...
— Я на полигоне тебя звала, — высказала я ответную претензию. — По-твоему, это было неважно?
— Важно, наверное. Но ты звала. А они, — он обвел рукой комнату, словно весь мир, — молятся. Они в меня верят по-настоящему.
— А я?
— А ты нет. Ты знаешь, что я есть. Когда в меня верят, я чувствую.
Повисло неловкое молчание.
— Трудно быть богом? — спросила я, первой не выдержав тишины.
— Привык уже, — улыбнулся он. — Да и родня помогает.
— У тебя есть родня? — удивилась я. — Получается, ты не единственный бог на Трайсе?
Он поглядел на меня и скорбно вздохнул:
— Ты же сама обо мне написала: «Верховный». А раз я верховный, должны быть и другие, не такие... верховные.
В памяти Элси всплывали смутные подсказки вроде мифов о

заселении мира. Согласно этим мифам, эльфы и люди — это ожившие отражения богов, однажды подлетевших к планете, чтобы поглядеть, а что это тут вертится. И да, богов было больше одного. Восемь, если точнее. Мэйтин-Вершитель, Кирим-Воин, Лиджайя-Возлюбленная... Больше имен я не вспомнила, только прозвища: Пряха, Сказочница, Мудрец, Шутник... и еще кто-то...

— Аштоны не религиозны, — объяснил мое невежество Мэйтин. — Лорд Арчибальд поклоняется прогрессу и вместо свечей в храме скупает акции железнодорожных компаний. Леди Оливия посещает службы лишь по большим праздникам — это одна из ее светских обязанностей. А их дочь... ты лучше меня знаешь.

— Это плохо? — спросила я, уловив в его словах укор.

— Мы живем, пока в нас верят. — Он отвернулся к окну, а когда вновь повернулся ко мне, на его лице не осталось и тени печали. — Давай все же с магией разберемся.

А что с ней разбираться? Память о силе есть. Сила есть. Но сила эта, как и память, не моя, и, если воспоминания Элси мне еще удастся вытягивать в нужный момент, с магией так не получалось и вряд ли получится.

Мэйтин не счел это достаточным основанием для отстранения меня от должности спасительницы мира. Сказал, что вариантов все равно нет. Я автор. Значит, придумаю что-нибудь. Оспорить это утверждение я не успела: послышался скрип открывающейся в общий коридор двери, и в комнату постучали.

— Войдите, — прокричала я, нырнув под одеяло.

В комнату заглянула женщина лет тридцати пяти, в которой Элси узнала Летти, свою горничную.

— Мисс Элизабет, к вам посетитель, — доложила она. — Ожидает в комнате для гостей.

— Мне нездоровится.

— Это инспектор, — извиняющимся тоном объяснила Летти. — Сказал, если вы не спуститесь, сам поднимется. А это не совсем прилично.

Что за инспектор?

— Вильям Крейг, — ответил на мысленный вопрос Мэйтин. — Шеф внутренней полиции академии. Студенты пропадают — ты же не думала, что это не станут расследовать?

Одевалась я быстро и уже через пять минут предстала пред светлы очи инспектора. Вернее, попыталась предстать, но ввиду того, что очи его,

действительно светлые, выцветшие до блекло-голубого, жутко косили, удалось это лишь наполовину, и, когда одно око глядело на меня, второе высматривало что-то за моим плечом. Я даже обернулась, не Мэйтин ли там, но бог если и решил присутствовать при разговоре, то незримо.

— Мисс Аштон? — полицейский со свойственной пожилым людям медлительностью привстал с кресла, но, не успев подняться в полный рост, счел церемонию приветствия оконченной и опустил обратно. — Простите, что побеспокоил. Мистер Вульф сказал, что вы прихворнули, но дело важное.

Голос у него был простуженный, тон — донельзя виноватый, словно неловко ему не только за неурочный визит, но и за всего себя. За выдавшее виды коричневое пальто, в которое он кутался, хотя давно должен был отогреться в тепле. За редкие, будто присыпанные пеплом волосы, давно не стриженные и оттого завивающиеся на кончиках в забавные не по чину и не по возрасту колечки. За исчерченные морщинками щеки со следами порезов после бритья и руки с неровными обломанными ногтями, которые он прятал в рукава. За взгляд, что при всем желании не мог сфокусировать на моем лице. Но все это в совокупности вызывало к мистеру Крейгу такое снисходительное расположение, что, явись он ко мне среди ночи, я не возмущалась бы, а вежливо ответила на вопросы и попрощалась, пожелав всего наилучшего.

— Хотел о сегодняшней тренировке расспросить, мисс. Вы на полигоне ничего необычного не видели?

Помимо пауков из костей, злобных деревьев, крыс размером с волков и еще пары десятков монстров?

— Нет, господин инспектор. Если что-то и было, я этого не заметила или восприняла как элемент задания. У нас ведь была тренировка с иллюзиями. Не уточните, о чем речь?

— Да что у нас тут, — вздохнул полицейский. — Письмена кровавые, знаменья тревожные... Наверняка ведь знаете.

— Кто-то еще пропал? — встрепенулась я.

Инспектор задумчиво кивнул:

— Знаете. Все уж знают. Говорил я милорду Райхону, шила в мешке не утаишь. — Он достал из кармана мятый клетчатый платок и, отвернувшись, утер нос. — Не видели ничего, значит? И не слышали?

Я покачала головой.

— Жаль, очень жаль.

Он оперся рукою о подлокотник, чтобы встать, но вдруг передумал.

— А ваши товарищи одну странность отметили, — обронил

рассеянно.

— Какую же?

— Вас. Сказали, вели вы себя необычно, — инспектор с сомнением растягивал слова, словно сам не понимал, что же такого необычного было в моем поведении. — Вроде бы отказались в команду Мартина Кинкина пойти, хоть он вас и звал.

— И что тут странного?

— И правда, — он снова вынул платок, помял в руках и убрал обратно в карман. — Но товарищи ваши удивились чему-то.

— Тому, что я пошла в одну команду с Шанной Раскес, — сказала я, поняв, что этот человек не уйдет, не получив ответа.

— У вас с ней не очень хорошие отношения? — поинтересовался он тем же рассеянным тоном.

— У нас нормальные отношения. Здоровое соперничество. Но в соревновании команд этому соперничеству не было места, и я решила, что ничего не потеряю, если сыграю на одной стороне с Шанной против Мартина и его прихлебал.

— Мистер Кинкин вам не нравится? — закинул новый крючок инспектор.

— Мне не нравятся методы, которыми он пробивается на место старосты, и я не хочу помогать ему в этом.

— Ясненько, — теперь полицейский на самом деле поднялся и поправил воротник пальто. — Не буду вас задерживать. Отдыхайте, мисс. Отдых при любом недуге — первое дело.

— Вы так и не сказали, что случилось.

— Не сказал? — удивился он. — Так то и случилось. Студент пропал. Мистер Кинкин. Сразу, как тренировку прервали, не кинулись, а уж когда мистер Вульф стал задания раздавать, обнаружилось.

— Может, Мартин просто ушел, никого не предупредив? Не рано ли бить тревогу?

— Так метки же, — развел руками инспектор. — Метки на каждого ставят на полигоне. Считают, кто пришел, кто ушел. Мистер Кинкин вот не уходил...

Попрощавшись с полицейским, я вернулась в комнату, но от мысли снова улечься в кровать отказалась. Мэйтин говорил, что я что-нибудь придумаю, и я придумала.

Сибил напороочила перемены, начало которым положит недоразумение. По-хорошему, мое присутствие здесь — уже недоразумение, и перемены начались в тот момент, когда я влезла в

панталоны Элизабет. Но если требовалось другое предзнаменование, мнимая беременность подходила идеально. А милорд Райхон подсказал мне решение проблем с практикой по боевой магии.

Прости, Элси. Не думала, на что тебя обрекаю, отправляя учиться именно на этот факультет. Но если, несмотря на трудности, тебе там нравилось, тоже прости. Потому что я тебя переведу. Займемся чем-нибудь не таким опасным и изнуряющим. Нет, не зоомагией. Я вышла из того возраста, когда мечтают выучить язык животных. Графу сказала бы пару ласковых при встрече, но он у меня и человеческий неплохо понимает. А мы, Элси, пойдем на целительский. Медицина у меня в крови. Дед это часто повторял. Неделю со мной не разговаривал, когда я документы на экономический подала. Забыл, как сам говорил, что в наше время рядовому врачу себя прокормить нелегко. Я нерядовым вряд ли стала бы. И тут в светила рваться не буду, лишь бы от полигона держаться подальше.

— Неплохой план, — сказал вновь появившийся рядом бог. — А по исчезновениям что надумала?

— Пока ничего.

Наверное, стоит побывать на месте преступления? Или личные вещи жертвы осмотреть?

— На личные вещи взглянуть можно, — подмигнул Мэйтин. — Полиции пока не до этого. А Кинкин жил в том же общежитии, что и один из твоих друзей.

— Рысь?

— Ну не эльф же? — усмехнулся он и снова исчез.

Куратора я нашла на факультете. За неимением собственного кабинета мистер Вульф устроился в пустой аудитории, где проверял письменные задания, сверяясь со справочником. Глядя, как он, взяв очередную работу, с сомнением хмурит брови, листает книгу и расслабленно вздыхает, убедившись в своей правоте, трудно было сдержать улыбку.

— Мисс Аштон? — Саймон захлопнул справочник и сунул его под стол. — Вы ко мне?

— Да. Вот. — Приблизившись, я протянула ему заявление. — Милорд Райхон оставлял вам предписание на этот счет.

— Сразу — да, но после он его отозвал.

Не думала, что Оливер вспомнит обо мне после исчезновения Мартина. Какой у нас, однако, ответственный ректор!

— Но я ведь все равно могу просить о переводе? — спросила с надеждой.

— Да. Но почему вы хотите уйти... — Вульф заглянул в заявление и удивленно моргнул. — На целительский?

— Мне кажется, это более подходящая для меня специальность. И родители так считают. Они не одобряли мой первоначальный выбор, ведь боевая магия вряд ли пригодится мне в будущем.

— Моя мать тоже не обрадовалась, когда я поступил на боевой, — пожал плечами маг. — Тоже говорила, что я не найду приличной работы. Но я стал преподавателем. Достойная и уважаемая профессия.

— Мать, наверное, вами гордится.

— Пока не очень, — смутился молодой человек.

— Я преподавателем не стану, — вернулась я к тому, зачем пришла. — Вряд ли у меня получится учить других. А навыки целителя всегда пригодятся.

— Понимаю, — кивнул мистер Вульф. — Хоть мало кто решился бы на перевод на третьем курсе. Но некоторые вообще уходят из академии. Переводятся в Глисетский университет или в высшую школу Найтлопа. Уровень образования там ниже, зато спокойнее. Вы уже знаете о Мартине?

— Да.

— Вы не поэтому?.. — он поглядел на меня, на заявление и снова на меня.

— Не поэтому, — заверила я.

Саймон удовлетворенно кивнул, словно мой ответ совпал с тем, что он вычитал в справочнике, подписал заявление и пожелал мне удачи на новом месте.

— Подпишите у декана нашего факультета, а затем — у декана целителей. Вы же согласовали перевод?

— Конечно, — соврала я.

Решить вопрос я планировала в обход деканатов.

К четырем часам, когда бледное зимнее солнце уже опустилось к горизонту, я была в главном корпусе.

— Милорд Райхон занят, — с неприятной улыбочкой сообщил секретарь. — Можете записаться на прием. В будущую среду вас устроит?

— Нет. Будьте добры, сообщите милорду Райхону, что я хочу поговорить о происшествии на полигоне.

Игнорировать упоминание полигона он не посмел. Проскользнул в едва приоткрытую дверь ректорского кабинета и практически тут же вышел.

— Вас примут, — бросил так, словно согласие Оливера на разговор со мной оскорбило его до глубины души.

— Спасибо, — поблагодарила я, поборов соблазн сказать что-нибудь едкое или хотя бы одарить его уничижительным взглядом, хорошо удававшимся аристократке Элизабет.

Прошла в кабинет.

— Присаживайтесь, мисс Аштон, — пригласил сидевший за столом ректор. — Я верно понял, у вас есть информация о сегодняшнем происшествии?

— Да, — я опустила глаза, чтобы не смотреть ему в лицо. Отвлекало.

— Почему вы не поделились ею с инспектором?

— Не хотелось, чтобы кто-либо знал. Но и скрывать это не получится. — Я глубоко вдохнула, собираясь с духом, и выпалила: — Сегодня на полигоне пострадал не только Мартин Кинкин, но и я.

— Каким образом? — в голосе Оливера слышался скепсис: Элси давно исчерпала лимит его доверия.

— Во время тренировки что-то случилось. Что-то, из-за чего я... Я не могу использовать магию! — Эмоции Элизабет выплеснулись наружу, и последняя фраза прозвучала с неподдельным отчаянием.

— Что, простите? — не выказывая и толики обеспокоенности, переспросил ректор.

— Я не могу использовать магию, — всхлипнула я.

— И в чем это проявляется?

— Ни в чем. Ни в чем не проявляется! Плетения не плетутся, фигуры не складываются, потоков не вижу. Хорошо, на полигоне иллюзии были, а если бы настоящие зомби?

Взглянув мельком на мужчину, отметила, что он задумался. Теперь нужно не упустить инициативу и подтолкнуть его к принятию правильного решения.

— Я заявление написала, на целительский, — продолжила плаксиво. — К полигону и на сто ярдов не подойду! Лучше в больнице. Вы же сказали, что у меня способности... Но без магии даже там... Меня же не отчислят? Можно же это исправить? Вы ведь знаете как?

Это была самая рискованная часть плана, но у меня все равно не вышло бы долго скрывать отсутствие способностей. А если моя проблема заинтересует ректора, у нас появится повод для общения. Я ведь уже решила, что нужно завязывать с дурацкими выходками Элизабет, до этого дня бывшими единственной причиной их встреч с Оливером.

— Нельзя, чтобы все узнали, — лепетала я, кусая губы. — Это такой позор... Больше чем позор! Я была лучшей студенткой курса. Я... Я же все равно маг!

— Да, — кивнул ректор. — Вы маг. Я не замечаю никаких изменений.

Подняв руку над столом, он смотрел на меня, словно ждал чего-то, но дождался лишь того, что я вынула из кармана кружевной платочек и промокнула веки.

— Неужели? — пробормотал с сомнением.

— Вы же не скажете никому? — гнула я свое. — Это так ужасно.

Как я ошибалась!

Ужасное было впереди. Меня будто окатили ледяной водой и тут же сунули в морозильник. Тело сковало холодом, в глазах помутнело, словно их покрыла, а может, и правда покрыла, изморозь. От страха и боли хотелось орать, но закоченевший язык и губы не шевелились, лишь облачко пара вырвалось изо рта...

— Элизабет! — в другой ситуации волнение в голосе Оливера меня порадовало бы. — Вы... Почему вы не закрылись?!

Потому что не могу, идиот недоверчивый!

Включилась «разморозка», и новая боль заставила тихонько, сколько позволяли не оттаявшие еще связки, заскулить.

Затем — портал. Комната, утопающая в тумане. Чья-то неясная тень...

— Оливер! — возмутилась тень женским голосом. — Я говорила, как меня нервирует... О боги, кто это?

— В данный момент, леди Пенелопа, это ваша пациентка. А в будущем, думаю, ваша студентка.

Леди Пенелопа. Удивительно, но мозги мне не совсем отморозило. Настоящая леди, работающая в больнице.

Значит, меня переведут на целительский?

Я довольно вздохнула и позволила себе потерять сознание, обмякнув в сильных руках Оливера. Романтическая сцена. Занавес.

ГЛАВА 7

В чувства меня привели быстро. Уложили на кушетку, влили в рот что-то тягучее и горькое, накрыли шерстяным одеялом и оставили в маленькой плохо освещенной комнатухе «приходить в себя».

— Однако методы у вас, Оливер...

Голоса доносились из соседнего помещения, но их заглушал шум волн в моей голове.

— Не думал, что так выйдет, — оправдывался ректор. — Любой маг закрылся бы на рефлекторном уровне.

— Но она...

— Даже не пыталась. Хотя я не вижу отклонений.

Как я ни старалась, не смогла ничего больше расслышать, а через несколько минут разговор прекратился, и Оливер вошел в комнату.

— Как вы себя чувствуете? — спросил он, остановившись рядом с кушеткой.

— Спасибо, лучше, — прошептала я, еще дрожа от затаившегося внутри холода.

— Простите мое недоверие и...

— Я понимаю, — прервала я его со вздохом. — У вас были причины сомневаться.

Подобного смирения милорд Райхон от Элси не ожидал и растерялся, поняв, что инцидент исчерпан.

— Отдохните еще немного, — сказал после затяжной паузы. — Потом леди Райс хотела бы с вами побеседовать. Я рассказал ей о вашей проблеме. Не волнуйтесь, она сохранит это в секрете. Ко мне придете завтра. Подумаем, что можно сделать.

Да будет так. Он ректор, Элси — студентка, у нее возникли сложности, а ему под силу с ними разобраться. У подобных отношений тоже есть шанс перерасти в нечто большее...

— Милорд! — Я вскочила, сбросив на пол одеяло, и кинулась к тому месту, где минуту назад закрылся портал.

Поздно!

Как я вернусь в общежитие, когда мое пальто осталось в гардеробе главного корпуса?

— Вам уже лучше? — заглянула в комнату леди Пенелопа, из темного пятна, каким я видела ее после перемещения, трансформировавшаяся в

статную седовласую даму лет шестидесяти с приятным, хоть и несколько суровым лицом. — Тогда не будем откладывать разговор. Входите, мисс Аштон.

Каморка, где я отходила от заморозки, была чем-то вроде комнаты для отдыха и примыкала к кабинету, не такому просторному, как у Грина, но светлому и, если это слово применимо к рабочим помещениям, уютному.

Леди Пенелопа заняла место за столом и указала мне на стул для посетителей.

— Итак, вы хотите перевестись на целительский факультет?

Она вынула из ящика и поставила перед собой череп с выпирающими из глазниц глазными яблоками. Если надеялась, что я с визгом вскочу, — пустое. Череп был деревянным, глаза — с веселой голубенькой радужкой и розовыми прожилками сосудов — поделкой из стекла.

— Хочу, — сказала я черепу.

— Почему? — искусственная голова в руках женщины раскололась на две неравные части, и стало видно, что внутри находится мозг — тоже деревянный, только покрашенный в розовый цвет.

— Мне нравится медицина. А при поступлении у меня выявили соответствующие способности.

— Способности? — ловкие пальцы леди отделили друг от друга кости черепа и принялись разбирать по долям мозг. Наконец-то я узнала, как выглядит настоящая головоломка. — А вам известно, что девять из десяти поступающих обнаруживают при первичном тестировании расположенность к целительству? Это в природе не только человека, но и животных —лизывать раны, выкапывать лечебные корешки, выбирать из шерсти паразитов. Ваши способности обусловлены инстинктами. Этого вряд ли хватит, чтобы стать хорошим целителем.

— У меня получится.

— А если нет? — разобрав череп и его содержимое, леди Пенелопа достала салфетку и принялась протирать каждую деталь. — Почему не выбрать что-то попроще? Я понимаю Оливера Райхона и причины, по которым он приволок вас именно ко мне, но вас...

— Почему же именно к вам? — перебила я невежливо, но леди Райс, занятая полировкой мозгов, и тогда не взглянула в мою сторону.

— Потому что вы Элизабет Аштон, единственная дочь Арчибальда Аштона, члена королевского парламента и первого помощника лорда-канцлера. А я Пенелопа Райс. Мои предки основали это заведение, и мне принадлежит решающий голос в совете учредителей. Если придется вернуть лорду Аштону дочурку с заключением о ее магической

непригодности, милорд Райхон, получивший должность министерским указом, предпочтет наблюдать за этим с безопасного расстояния. Меня же не сможет уволить даже король. Может арестовать, сослать на острова, приговорить к смерти, но не уволить.

Получается, Оливер блефовал, отправляя Элси сдавать анализ на наркотики. И выходки ее терпел не от большой любви. Это плохо сочеталось с образом романтического героя, но, с другой стороны, кому охота портить себе жизнь и карьеру из-за избалованной золотой девочки?

— Отец не станет винить академию в моей непригодности, — оскорбленно выговорила я. — У него не будет повода.

Взяла со стола несколько деталей муляжа.

— Продолговатый мозг. Средний мозг. Мозжечок. Лобная доля. Теменная...

Анатомию со мной учил дед. Взаялся едва ли не с первого класса, и к тому времени, как этот предмет появился в школьной программе, я знала его настолько, что могла позволить себе подразнить биологичку расширенными ответами с использованием неведомых ей подробностей. Но леди Пенелопу я в недостатке знаний не подозревала, а потому в детали не углублялась. Да и забылось кое-что, если честно.

Соединив все кусочки мозга, я принялась за череп.

— Лобная кость. Височная...

Так киллеры в фильмах собирают только что смазанное оружие и под конец эффектно передергивают затвор. У черепа затвора не было, поэтому завершающим штрихом стало водружение на законное место глаз.

— Пожалуйста, — я поставила муляж перед леди Райс. — Ваша голова.

Назвать череп со всем содержимым просто черепом было бы неправильно.

— Моя пока еще у меня на плечах, — заявила целительница.

— На шее, — поправила я.

— И это замечательно, не находите?

Теперь она смотрела на меня, но не с удивлением, не с удовлетворением — с усмешкой, затаившейся на дне янтарно-карих глаз.

— Что ж, мисс Аштон, вы приняты. Тем более я уже обещала милорду Райхону, что возьму вас.

Сказать, что я почувствовала себя идиоткой, — ничего не сказать. Леди Пенелопа неплохо позабавилась за мой счет.

— Приходите на кафедру завтра к девяти, — велела она. — Закончим с формальностями и составим план подготовки по новым для вас

дисциплинам.

Покинув кабинет леди Райс, я попала в знакомый коридор и буквально через два шага увидела поблескивающую в свете газовых рожков табличку с именем доктора Грина. Прошла мимо, выбежала в вестибюль, а затем на крыльцо. Чертыхнулась, вспомнив о пальто, и припустила в сторону общежития, надеясь согреться на бегу или хотя бы не заоченеть — два раза за день было бы слишком.

— О боги, Элси! — кинулась ко мне Мэг, едва я ввалилась в комнату. — Где ты была? Мы слышали про вашего Кинкина, это ужасно, а тут еще ты пропала... Элси! Ты же ледяная!

— Д-да, — признала я, дробно отстукивая зубами. — И с-снежная... Я п-пальто в главном корпусе оставила и от б-больницы б-бежала в одном платье...

Соседка усадила меня на кровать и укутала одеялом.

— Что-то я не поняла: как ты и твое пальто оказались в разных зданиях?

— Д-долго объяснять, — отмахнулась я.

Подумала, что сейчас противопростудный чай мне не помешал бы, но умница Мэг, не дожидаясь просьб, уже завозилась у своего шкафчика, смешивая что-то в стакане.

— Пей, — подала она мне готовое снадобье. — Раздевайся и в постель.

— Мне нельзя в постель, — запротестовала я. — У меня встреча... с другом...

Правда, он об этом пока не знает.

Я отрыла в дальнем углу шкафа форменное платье, нашла в вещах Элизабет старое пальто и, воспользовавшись отлучкой Мэг, улизнула из общежития. В мужское, где жил Рысь, прошла без проблем. Опасалась, что меня проведут в комнату для гостей, откуда невозможно попасть на этажи, но у парней все оказалось проще. Меня лишь спросили, к кому я, подсказали номер комнаты и напомнили, что нужно уйти до полуночи.

Двойные стандарты действовали не только в отношении внутреннего распорядка. Официально все студенты в академии равны, но, если сравнивать общежитие Элси с тем, в которое я пришла, Элизабет жила во дворце. Нет, тут не было обшарпанных дверей и обвалившейся штукатурки, а по коридорам не маршировали полчища тараканов, но здание было куда скромнее, если не сказать беднее. Никаких изысков, тусклые краски, тусклое освещение.

Я почувствовала укол совести, вспомнив, что из-за меня Рысь живет в таком месте. Дело ведь не в том, что общежитие мужское. Небось в том, где селят сыновей аристократов, и краска на стенах повеселее, и газ на освещение не жалеют.

Поднявшись на второй этаж, я нашла нужную комнату и постучалась.

Открыл мне незнакомый молодой человек — худощавый брюнет с отрешенным взглядом. Видимо, с соседом Норвуда Элизабет никогда не общалась. Вернее, с соседями: взглянув поверх плеча парня, я увидела, что в комнате, ничуть не большей, а то и меньшей, чем наша с Мэг, стояло четыре кровати. Три из них в данный момент пустовали, а на четвертой поверх покрывала лежал, прикрыв глаза, тот, кого я искала.

— Рысь! — позвала я, не дождавшись, чтобы сосед оборотня спросил меня хоть что-нибудь.

— Элси? — приятель подлетел к двери и отодвинул странно тарачившегося на меня парня. — Что ты здесь делаешь?

— В гости зашла. Мы можем пообщаться наедине?

Он схватил меня за руку и потащил на лестницу, по пути бормоча, какой приятный сюрприз я ему сделала, заявившись на ночь глядя. Узнав же, зачем я пришла, сначала удивился, а после наотрез отказался помогать. Оказывается, комендант запер комнату, переселив соседа Мартина, и сказал никому не входить до того, как полицейские все осмотрят.

— Сказал? — уточнила я. — Не опечатал дверь? Не вывесил предупреждение? Значит, формально мы даже закон не нарушим.

— Проникновение в чужое жилье — уже нарушение, — не согласился оборотень. — Тем более со взломом.

— Обязательно взламывать? — задумалась я. — У парня, с которым Мартин делил комнату, остался ключ?

— Наверняка да. Но что я ему скажу? Ко мне пришла подруга и хочет покопаться в вещах твоего соседа?

— Ограничься первой половиной фразы. К тебе пришла подруга. И тебе нужна свободная комната. Возьми, — я сунула оборотню прихваченные на всякий случай деньги. — Думаю, это его убедит.

Настоящая Элси никогда не затеяла бы подобного, не рисковала бы репутацией, приходя в мужское общежитие, не предложила бы разыграть столь недвусмысленную ситуацию. Но именно это убедило Норвуда в том, что мне действительно нужно попасть в жилище Мартина.

— Хорошо, — сдался он. — Попробую договориться. Подожди в моей комнате. Росс и Тоби вернутся нескоро, а Владис тебя не потревожит. Просто не обращай на него внимания, он немного не в себе. Точнее, в себе,

но там не только он. Владис — медиум, работает с иными сущностями. Впускает их в себя и учится взаимодействовать.

— А эти сущности...

— Не опасны, — заверил Рысь. — Если не провоцировать.

Обещав не провоцировать ни медиума, ни его гостя, я зашла в комнату, сняла пальто и присела на кровать друга. Владис интереса к моей персоне не выказывал. Сначала долго смотрел в темное окно, потом с любопытством ощупывал стену. При следующей встрече он даже не вспомнит, что мы виделись этим вечером.

— Достал, — обрадовал вернувшийся вскоре Рысь. — Но если попадемся, Руперт мне ничего не давал. Скажу, что нашел ключ в умывальной.

Вечером большая часть студентов занята выполнением заданий и подготовкой к завтрашним занятиям, и, пока мы шли на третий этаж, к комнате Мартина, нам никто не встретился. Рысь бесшумно провернул ключ в замке и толкнул дверь, а когда мы оказались внутри, так же тихо ее закрыл и зажег «светляк». Сияющий шарик поднялся к потолку, осветив комнату. Она была меньше той, в которой жил Норвуд, и рассчитана лишь на двоих. Стол под окном, по обе стороны от него — кровати, у входной двери — шкаф для одежды, на стенах — книжные полки, наполовину пустые.

— Что ищем? — спросил друг.

— Что-то подозрительное.

Памятуя о Чарли Лосте, докторе Грине и «Городе Драконов», я начала с книг. Их было немного, а таких, на которых не стояла печать «Обязательное учебное пособие», всего четыре: приключенческий роман, мемуары какого-то полководца, сборник эльфийской поэзии и «Основы прикладной механики».

Самым подозрительным в мужской комнате был сборник стихов. Я пролистала его, но единственным результатом стало подтверждение зародившегося у меня в посольстве подозрения: Элси неважно знала эльфийский. В механике мы обе не разбирались. Открыв книгу на странице, заложеной листочком с изображением разделенного на шесть частей круга с закорючками в каждом секторе, я окунулась в удивительный мир чертежей и формул и тут же пошла ко дну...

— Глянь-ка, — окликнул меня Рысь, откопав в столе какую-то бумажку. — Схема полигона. Копия утвержденного плана, причем сегодняшняя. Мартин в комнату не возвращался. Значит, она была у него еще утром или даже вчера.

В мозгу что-то щелкнуло, но Рысь оказался быстрее одолженных у Элизабет воспоминаний.

— Полигон обновляют перед каждой тренировкой, — прошептал он до того, как эта мысль оформилась у меня в голове. — Меняют местами снаряды и препятствия, добавляют новые. До начала занятий никто из студентов не знает, как будет выглядеть полоса препятствий. Откуда же у Кинкина схема?

Я пожалала плечами.

— Сговорился с кем-то из зодчих, — сам себе ответил Норвуд. — Их факультет занимается реконструкцией полигона. Не знаешь, у Мартина были друзья с архитектурного?

Не знаю, но узнаю.

Я не успела сказать это вслух.

— Сюда идут, — прошипел Рысь, уставившись на дверь.

— Откуда ты знаешь?

— Слышу. Смотритель кого-то ведет. «Комната Кинкина там, господин инспектор», — скопировал он скрипучий голос консьержа и заметался по комнате. — В окно? Я спрыгну, а ты... Под кровать?

— На кровать, — предложила я, справившись с паникой.

Оборотень громко сглотнул.

— А что остается? — спросила я. — Сам подумай: лучше, если нас застанут роющимися в чужих вещах или... за другим занятием?

Я не надеялась, что, открыв дверь, инспектор извинится и уйдет, но после он станет разбираться, как мы сюда попали, и выжмет всю правду из соседа Мартина. Его рассказ не должен противоречить тому, что полицейский увидит своими глазами.

Очевидно, Рысь пришел к тем же выводам, легко оторвал меня от пола, бросил на ближайшую к нам кровать и осторожно пристроился рядом.

— Не думай обо мне плохо, — зашептала я, вцепившись в его рубашку, — но все должно выглядеть достоверно.

— Ага, — кивнул он, но действовать не спешил.

Я уже готовилась объяснить полиции, что мы устали за день и пришли сюда просто полежать, но звук вставляемого в замочную скважину ключа подействовал на парня как сигнальный выстрел. Рысь резко перекатился, подмял меня под себя и поцеловал. Сначала легонько, будто понарошку, а не встретив сопротивления — уже по-настоящему.

Учитывая, что в последний раз я целовалась в прошлом году на дне рождения у Ленки с ее трижды разведенным братом, обратившим на меня заинтересованный взор после полбутылки коньяка, а для Элси это вообще

был первый настоящий поцелуй, не сравнить с тем, как она неловко чмокнула ректора в губы на балу, неудивительно, что у нас обеих крышу снесло. Вернее, как пишут в книгах, дыхание перехватило, в глазах потемнело... А, нет, это Рысь погасил светляк. Но остальные симптомы — бабочки в животе, мурашки по телу и прочие не связанные с насекомыми явления — были в наличии.

То ли время замедлилось, то ли ключ застрял в замке, но, когда дверь наконец-то открылась, мы целовались уже с полной отдачей делу, и у вошедших в комнату людей не должно было возникнуть сомнений в том, что здесь происходит.

— Что здесь происходит?! — тем не менее заорал один из них.

Я взвизгнула, оттолкнула парня и ринулась к выходу, едва не сбив с ног застывших в дверях мужчин. Рысь не отставал. Остановились мы только на улице, отбежав от общежития и укрывшись за высаженными вдоль дорожки пушистыми елочками.

— Думаешь, они нас рассмотрели? — спросила я.

— Нет.

— А по другим следам не найдут? Слепок ауры? Остаточный магический фон?

— Колдовством мы там не занимались.

Прозвучало двусмысленно. Мол, колдовством не занимались, а вот чем-то другим...

Несмотря на пронизывающий холод, щекам сделалось жарко, а в животе, разогнав бабочек, заворочался скользкой змеей запоздалый стыд.

— Рысь, слушай, то, что там... Это только для конспирации. Чтобы никто ничего не понял.

— Для конспирации, — согласно повторил он. — Никто ничего не понял. Даже я.

Последнюю фразу произнес тихо, но я расслышала. Проваливаться под землю не захотелось, но сбежать куда подальше — это я бы с радостью.

— Твое пальто осталось у меня, — вспомнил оборотень. — Но...

— Не стоит возвращаться сейчас, — закончила я. — Ничего, доберусь и так. Только ты мне его потом занеси...

Рысь первым покинул укрытие, и я слышала, как удаляющиеся шаги сменяются мягкой звериной поступью. В другое время выглянула бы посмотреть на Норвуда в другом облике, но не сейчас. Сейчас хотелось поскорее попасть в свою комнату.

Консьержка, сидевшая в вестибюле с вязанием, как и в первый раз, не выказала удивления по поводу моего, мягко говоря, необычного вида в этот

дивный морозный вечер, а Мэг куда-то вышла, и не пришлось рассказывать, каким образом я потеряла второе пальто за день.

Когда она вернулась в компании Сибил, я уже лежала в постели, укутанная одеялом и разомлевшая от желанного тепла. Не дожидаясь, пока мне устроят допрос, сама рассказала о переводе на целительский и обрадовала соседку тем, что мы будем учиться вместе. В смысле, на одном отделении, потому что она выбрала при поступлении фармацевтику, а я даже не задумывалась, когда писала заявление: клиническая медицина и никак иначе.

Подруги сошлись на том, что крайне неразумно переводиться на третьем курсе, еще и в середине учебного года, но, поскольку дело уже сделано, нотации читали недолго и без особого энтузиазма.

А потом напоили горячим шоколадом.

ГЛАВА 8

Всего за два дня на Трайсе я успела выставить себя идиоткой перед ректором, свести на нет два года обучения Элизабет на факультете боевой магии и весьма оригинальным образом испортить отношения с лучшим другом. Плюсы: я погладила единорога, устроила Элси на мирную специальность и нашла достойный повод для встреч с Оливером.

Наступил третий день, и хотелось, чтобы он был не таким «плодотворным».

Когда я появилась на факультете целителей, занятия уже начались, и студенты разошлись по аудиториям. Только двое парней выясняли отношения в пустом коридоре первого этажа. Спорили они громко, на одно нормальное слово приходилось три бранных, и я удивилась, что гвалт до сих пор не привлек никого из преподавателей.

Стоило подумать об этом, как одна из дверей открылась, и в коридор выплыла леди Райс собственной персоной.

— Как не стыдно! — высказала она притихшим спорщикам. — Медицина дала вам анатомический атлас и справочник по симптоматике не для того, чтобы вы ругались как портовые грузчики. И почему вы не на лекциях?

Ответа студентов я не расслышала, но целительница кивнула и, убедившись, что ссора не возобновится, собиралась вернуться в кабинет.

— Леди Пенелопа, — окликнула я, быстрым шагом направившись к ней. — Подождите, пожалуйста.

— А, мисс Аштон, — узнала меня женщина. — Разве я назначила вам не в девять?

— Да, но...

— Вы рано. Придется подождать.

Была ли она занята или оставила меня под дверью из принципа, мне в любом случае нужно было как-то убить время, и я вернулась в вестибюль, где видела стойку с журналами и доску объявлений.

Журналы меня не заинтересовали, а вот среди объявлений встречались интересные. К намеченной через две недели практике по курсу «Лечение и заговаривание зубов» требовались пациенты-добровольцы, которым обещали бесплатно провести санацию ротовой полости, удалить зубной камень и восстановить эмаль, а если они смогут предложить проблему посolidнее, вроде запущенного кариеса, пульпита или пародонтоза, им

даже заплатят. С нарушениями прикуса и прочими зубочелюстными аномалиями просили подождать до следующего практического занятия.

Нужны были добровольцы и на курс эстетической хирургии. Этим гарантировалась полная анонимность. «Хотите удалить бородавку? — спрашивал нарисованный практикант — бесполое существо в белой шапочке. — Об этом будут знать лишь четверо: вы, я, мой куратор и бородавка!»

«Восстановление девственности. Легально», — приклеили рядом. На листке оставалось свободное место, и какой-то шутник приписал карандашом: «Лишение девственности. Приятно». «Кому?!» — с возмущением дописала, очевидно, прошедшая данную процедуру девушка.

На противоположной стене висело расписание занятий. Чуть дальше — графики преподавателей. Доктор Грин среди них не числился, но в дополнительной программе стояли его лекции. Вместо даты и времени в соответствующей графе значилось: «Будет сообщено дополнительно». Темы лекций: «Современные медицинские технологии», «Взаимодействие целительской магии с другими направлениями и создание комбинированных плетений»... Любопытно, что это за плетения такие и не пропадают ли после их применения люди?

Я подумала, не записаться ли мне на соответствующую лекцию, но вовремя взглянула на часы: пора было возвращаться к леди Пенелопе.

— Итак, вы все-таки пришли, — констатировала она, когда я присела у стола. — Чудесно. Потому что я уже собрала все недостающие подписи для вашего перевода.

— Спасибо, я...

— Не люблю впустую тратить время, — не слушала благодарностей целительница. — Все, от меня зависящее, я сделала, но студенткой нашего факультета вы станете, лишь сдав экзамены по дисциплинам, которые не преподавались вам на отделении боевой магии. Обычно на это дается три месяца. Если бы вы подали заявление в начале учебного года, было бы проще. Но вы переводитесь сейчас, когда до окончания очередного курса осталось всего четыре месяца. Улавливаете, о чем я? Три месяца, чтобы сдать экзамены для перевода, и всего месяц, чтобы подготовиться к экзаменам для перехода на следующий год обучения.

— Я... — несмотря на теплое платье и вполне приемлемую температуру в кабинете, кожа покрылась ледяными мурашками. Ну и влипли же мы, Элси!

— Что вы, мисс Аштон? Готовы усвоить годовую программу за месяц?

— Нет, — признала я. — Но, возможно...

— Возможно, — благосклонно кивнула леди Райс. — Будете готовиться уже с учетом поданного на третьем курсе материала, и результаты экзаменов зачтутся как для перевода, так и для перехода на следующий курс. Вас устроит такое решение?

— Да, — сказала я, хотя первым побуждением было сбежать куда подальше, пусть даже на полигон с чудовищами.

— Отлично. Потому что другого нет.

— Я правильно поняла, в этом случае на подготовку у меня будет не три, а четыре месяца?

— Неправильно. Переписывать устав ради вас не станут.

— Хорошо.

— Как сказать, — задумчиво выдала леди Пенелопа и протянула мне несколько листов, исписанных красивым крупным почерком. — Это примерное расписание, доработаем его в процессе. Но готовиться вам придется большей частью самостоятельно. У меня есть и другие студенты. И они уже доказали, что заслуживают моего внимания, а выйдет ли что-нибудь из вас, леди Аштон, я пока не знаю.

«Леди» в данном случае прозвучало как диагноз. В академии при обращении к студентам титулами не пользовались, тут все равны, пусть и едят в разных частях столовой, но целительница не преминула лишней раз напомнить, что я избалованная дочурка первого помощника канцлера, и мои способности объясняются исключительно базовыми инстинктами.

— Я могла бы... — начала я нерешительно, и женщина заинтересованно приподняла бровь. — Если можно, я приходила бы к вам в лечебницу. Я ведь пропустила не только лекции, но и практику, и, если бы вы разрешили мне присутствовать при осмотре пациентов и наблюдать лечение, это в чем-то компенсировало бы...

— Вы действительно хотите учиться? — вопрос целительницы оборвал поток сумбурных фраз. — Не повернете назад, не испугаетесь трудностей?

— Не поверну.

— Что ж, Элизабет, — она внимательно присмотрелась ко мне. — Если вы настроены серьезно, могу предложить другой график. Плотнее, но эффективнее. В дни, когда я на факультете, будете приходить сюда, посещать лекции, если я решу, что вам стоит их послушать, или читать отобранную мной литературу. Конспектировать обязательно, естественно. Когда я дежурю в лечебнице, будете со мной там. С утра и до вечера. Полагаю, это и впрямь пойдет вам на пользу. А в отсутствие пациентов сможем разбирать накопившиеся у вас вопросы. Но необходимости в

самостоятельной подготовке это не отменит. Согласны на такое?

Можно попробовать. Передо мной ведь не стоит цель за три месяца стать квалифицированным врачом, только дорасти до целительницы-третьекурсницы.

— Думаю, это лучший вариант для меня, леди Пенелопа. Значит, сегодня я остаюсь с вами здесь?

— Нет. Сегодня можете идти. Посмотрите списки литературы, сходите в библиотеку. Возьмите на кафедре мое расписание и узнайте график дежурств в лечебнице, это поможет вам распланировать собственное время. Следующее дежурство у меня, к слову, послезавтра. Вас не смущает, что это будет выходной?

— Начинаю забывать, что это такое.

— Правильно делаете, — хмыкнула целительница.

В коридоре я ознакомилась с перечнем экзаменов и приложенной к нему выпиской из устава о том, что перевод не освобождает от изучения общих дисциплин. Лекции я могла не посещать, но проверку знаний обязана была пройти в установленные сроки. По истории, правоведению и эльфийскому Элси уже обеспечила нам «автомат», но доклад по драконам придется сдавать мне.

Узнав все, что требовалось, на кафедре, я помчалась в библиотеку, взяла книги из списка, а когда возвращалась с ними к себе, увидела прогуливающегося у крыльца общежития Норвуда. Оборотень явно кого-то поджидал. Догадываясь, кого именно, я сошла с дорожки между кустами, чтобы войти в здание с черного хода. Но и двух шагов не сделала, как передо мной, с хрустом проломив покрывавшую снег ледяную корку, приземлилась крупная палево-дымчатая рысь. Оскалила клыки, дернула украшенным длинной кисточкой ухом и, расплывшись на миг бесформенным пятном, превратилась в усмехающегося парня.

— Здравствуй, Элси. Прячешься от меня?

— С чего ты взял? — я пожалала плечами, но со стопкой книг в руках вышло неуклюже и неубедительно.

— Зачем же свернула?

— Хотела через боковую дверь зайти. Оттуда до моей комнаты ближе.

— Да? — он посмотрел на здание общежития. — Разве это не твое окно прямо над главным входом? А лестница у вас одна, центральная.

— Рысь, я...

— Только не ври снова, ладно? — Он по-кошачьи дернул губой. Граф так же показывает зубы, когда раздражен. — Я твое пальто занес, оставил

консьержке. Завернул, не волнуясь, так что непонятно, что там.

— Спасибо.

— Не за что. Замерзла вчера?

— Немного.

— А сегодня?

Его взгляд скользнул по легкому плащу, надетому за неимением иных вариантов, и задержался на побелевших от холода пальцах. Рысь шагнул ко мне. Может, хотел взять книги, чтобы я могла спрятать руки, но я непроизвольно отшатнулась, зацепилась за что-то ногой и, не удержав равновесия, стала заваливаться на спину, успев подумать, что попаду в лечебницу раньше, чем договаривалась с леди Райс.

Оборотень оказался быстрее моих мыслей. Он поймал меня у самой земли, но на ноги не поставил, а бережно уложил на снег и навис надо мной так, что его волосы, к слову, не такие уж длинные почти касались моего лица. Если бы не холод, мгновенно расплывшийся по спине, было бы даже романтично...

— Зачем ты так, Элси?

— Как?

— Не понимаешь?

— Нет.

Рысь покачал головой:

— Не ври, я же просил. Давай поговорим начистоту, Элизабет Аштон?

— Давай. Только подними меня, пожалуйста.

— Ты мне нравишься и так. Собственно, это я и хотел сказать: ты мне нравишься.

— Рысь...

— Тш-ш-ш, — его пальцы коснулись моих губ. — Позволь закончить. Ты мне нравишься. Ты красивая, веселая, неглупая. Чудаковатая, но зато с тобой не скучно. А когда ты вчера меня поцеловала... м-м-м...

Его голос завораживал. Дыхание обжигало кожу. Я чувствовала, что еще немного — и совсем растаю, и даже не возмутилась заявлению, будто бы это я его поцеловала, когда он сам на меня вчера накинулся...

— Ты замечательная, Элси. Но еще такая маленькая.

— Что?!

Оттолкнув оборотня, я вскочила с земли.

Рысь негромко рассмеялся. Поднялся, отряхнулся от снега. Фыркнул, сдувая упавшую на лицо прядь.

— Кое в чем вам не мешало бы повзрослеть, мисс Аштон. Например, понять, что не нужно прятаться от меня из-за одного поцелуя.

— Я просто...

— Это и правда просто, Элси. Вчера мне показалось, что что-то может получиться. У нас с тобой.

— Нет. Рысь, прости, ты тоже мне нравишься, но... я тебя не люблю.

— И я тебя, — беспечно сообщил он. — Иногда люди просто нравятся друг другу. Они встречаются. Проводят вместе время, гуляют, разговаривают. Целуются тоже. А потом бывает и любовь до гроба, и свадьба со всеми вытекающими. Или нет.

Он втолковывал мне все это, как ребенку, и я не знала, радоваться мне или обижаться. Вот уж не ожидала, что, если парень сказал, что хочет поговорить начистоту, он именно это и будет делать.

— Можно было попробовать, — Рысь наклонился, чтобы собрать выроненные мной книги. — Но ты и сама запутаешься, и меня запутаешь, а мне это не нужно. Поэтому не бегай от меня больше. Если хочешь, останемся друзьями. Нет — я пойму.

Очередное доказательство, что я попала отнюдь не в мир любовного фэнтези. Ни одну приличную героиню не отшил бы лучший друг, обязанный сохнуть по ней до финала, где ему, может быть, перепадет внезапное счастье с какой-нибудь статисткой.

Но разве нам с Элси нужен отвлекающий фактор в виде обаятельного оборотня? Этак на милорда Райхона ни времени не останется, ни, возможно, желания.

— Будем друзьями, — поддавшись эмоциям, я кинулась парню на шею, крепко обняла и поцеловала в щеку.

От неожиданности он чуть не уронил только что собранные книги.

— Не делай так, — выговорил одними губами. — Иначе я забуду все, что сейчас сказал.

Я успокоенно вздохнула: вот теперь понятно, что у нас совершенно нормальные отношения.

— Тебе еще интересно, как Кинкин раздобыл схему полигона? — остановил меня Рысь, когда я уже хотела идти.

— Конечно! Ты узнал?

— Есть зацепка. За ужином расскажу.

В приемной пришлось подождать: у милорда Райхона была посетительница. Секретарь сообщил мне об этом без обычного недовольства и пренебрежительных усмешек, а после вперился невидящим взглядом в бумаги. Приболел, что ли?

К счастью, любоваться его кислой физиономией пришлось недолго. И

пяти минут не прошло, как из кабинета ректора вышла женщина. Невзрачная, не первой молодости, с худым бледным лицом и тусклыми глазами, она была мне откуда-то знакома, но я не успела вспомнить, где ее встречала: увидела Оливера, и все остальное отошло на задний план.

— Здравствуйте, Элизабет. Располагайтесь, где вам будет удобно, — встретив меня в дверях, ректор широким жестом обвел кабинет. — Я вернусь через минуту.

А одеколон у него сегодня другой. Пока мы стояли рядом, я успела почувствовать теплый запах дерева и кожи, дразнящие цитрусовые нотки и ветивер. И костюм скорее выходной, нежели рабочий: серо-стальной сюртук, жилет и брюки на полтона темнее, белоснежная рубашка с высоким воротником с отворотами и накрахмаленный галстук-платок.

Не к встрече же со мной он так готовился? Тогда с кем?

Я отогнала ненужные мысли и оглядела кабинет. Выбрала диванчик под окном. Оливеру придется или придвинуть кресло, нарушив интерьер, или сесть рядом со мной.

Проходя мимо стола, я заметила на нем картонные карточки, показавшиеся знакомыми. Такими же знакомыми, как побывавшая тут до меня женщина.

Формуляры из библиотеки! А недавняя посетительница — та дама, что выдавала мне книги о драконах и спрятала карточку с именем Чарли Лоста. Теперь эта карточка вместе с десятком других лежала на столе ректора.

Я бегло просмотрела все. Книги только из восьмой секции, мифология, магические существа, история магии. Ни Мартина Кинкина, ни других пропавших студентов среди читателей не значилось, зато еще в трех формулярах встретилось имя доктора Грина.

Дверь приоткрылась, и я едва успела отбежать к облюбованному для предстоящего разговора диванчику. Для Оливера это выглядело так, словно я вскочила при его появлении.

— Сидите-сидите, — улыбнулся он благожелательно. — Как прошел первый день с леди Пенелопой?

— Хорошо. Спасибо, что поспособствовали моему переводу.

— Не за что. Одна из первых задач академии — помочь начинающим магам с выбором специальности. Не всем это удается с первого раза.

«Я не сделал ничего, что выходило бы за рамки моих обязанностей», — как бы подчеркивал он. В сочетании с безупречным костюмом, выбритым до глянца подбородком и чувственным ароматом его парфюма такой тон наводил на нерадостные мысли. Мало того, что я ему не нужна, так у него еще и есть кто-то, ради кого он так расфуфырился!

— Вы хотели что-то сказать, мисс Аштон?

Да! Женись на мне!

— Я... — шмыгнула носом. — Замерзла, когда вчера возвращалась из лечебницы. Мое пальто осталось здесь, в гардеробе, а вы ушли...

И пусть тебе будет стыдно!

— Отчего же вы не сказали леди Райс? — удивился ректор. — Она открыла бы для вас служебный портал, смогли бы забрать вещи.

— Я не знала... забыла о служебных порталах...

— Простительно в вашем состоянии, — успокоил Оливер. — Вы по-прежнему не чувствуете магию? Никаких изменений со вчерашнего дня?

— Никаких, — вздохнула я.

— Признаться, я не сталкивался с подобным, но попробуем разобраться вместе. Расскажите, как это началось. Вспомните момент, когда вы поняли, что не можете использовать дар.

Отчего бы не вспомнить? Мне было шесть, я нашла в парке ровную ветку, очистила от коры, заточила об асфальт один конец и попыталась заколдовать себе порцию пломбира. Было очень обидно...

— Это случилось на полигоне. Сразу же после того, как...

Меня прервал трезвон стоявшего на столе телефона. Извинившись, ректор подошел к аппарату.

— Оливер Райхон. Кто? Соедините.

Пользуясь паузой, обернулся ко мне:

— Элизабет, вы не попросите мистера Адамса приготовить нам чай? Беседа предстоит долгая.

Никогда меня не выставляли за дверь под таким чудесным предлогом. Беседа нам предстоит! Долгая! А сейчас кто тебе звонит, дорогой?

Выйдя в приемную, я оставила дверь приоткрытой.

ГЛАВА 9

Мистера Адамса привычно перекосило, когда я, сославшись на распоряжение милорда Райхона, попросила чай.

— Больше милорду ничего не нужно? — буркнул он недовольно.

Адамс. Не я это придумала, но ему подходит. Кажется, я знакома с его семейкой.

Когда секретарь покинул приемную, я прильнула к двери.

— ...Хочешь отменить? — спрашивал неведомого собеседника Оливер. — Нет? Зачем тогда... Да, Ками, в два я у тебя...

Дальше можно не слушать. Ками — Камилла. Они с Оливером расстались в прошлом году, но я сама писала в своей дурацкой книжке, что она хотела его вернуть.

— Элизабет, где же вы? — выглянул в приемную ректор.

— Простите, — я опустила глаза. — Не хотела мешать разговору.

— Пустое, — отмахнулся он. — Обычный рабочий звонок.

Лжец! Так бы и стукнула чем-нибудь!

— На чем мы остановились?

Испорченное настроение не помешало продолжить беседу. Я рассказала, как на полигоне в разгар соревнований ощутила бессилие, как радовалась своевременному появлению милорда Райхона, как боялась признаться, что потеряла способности, чтобы меня не исключили из академии.

Оливер слушал, но мыслями был далеко.

Как и я.

Этот мужчина предназначен мне. Точнее, Элизабет, но сейчас я за нее. А Камилла Сол-Дариен писалась как досадная, но преодолимая преграда на пути к их счастью. И устранением этой преграды придется заняться лично. Потому что иначе мир погибнет, а я никогда не вернусь домой. А еще потому, что Оливер Райхон мне нравился. Он был живым воплощением моей мечты, от безупречной внешности и таких же безупречных манер до маленьких и, казалось бы, совсем не геройских черточек. Я понимала, как это глупо, ведь я все равно вернусь к себе, а Оливер останется здесь...

Но останется он с Элси!

— Спасибо, Элизабет. Я узнал все, что хотел. Увидимся после выходных. Надеюсь, у меня к тому времени появится решение.

После выходных? И у Камиллы будет целых два дня, чтобы отбить у

него желание даже смотреть на других женщин?

Ну уж нет!

На первом этаже недалеко от гардероба был установлен стенд с расписанием занятий на всех факультетах. Я нашла в графиках имя Камиллы и узнала, что сегодня она читает лекции на кафедре мистических существ и через полчаса должна освободиться. Кафедра мистических существ, как я уже знала, располагалась в одном здании с факультетом прикладной некромантии, и, по странному совпадению, от главного корпуса, идя неспешным шагом, туда можно было добраться именно за полчаса. Что я и сделала.

Как обычно, плана у меня не было. В голове вертелись всякие глупости, но подпалить сопернице волосы огнешаром у меня сейчас не вышло бы, а столкнуть с лестницы, чтобы она вместо моей жизни сломала себе ногу, — уже перебор.

Пока я, стоя в коридоре, отметала идею за идеей, прозвенел звонок, и Камилла вышла из аудитории с кипой скрученных в рулоны схем. Элси помнила ее по первому году обучения: мисс Сол-Дариен читала у них основы магии. Улыбчивая голубоглазая блондинка с первого занятия и до последнего зачета влюбляла в себя мальчишек-первокурсников, а девушки завидовали ей и пытались копировать — всё, от фасонов шляпок до легкой летящей походки. Вот и сейчас пассия Оливера была окружена толпой студентов.

— Кевин, вы не возьмете часть бумаг? — попросила она одного из них.

Прыщавый парнишка со встрепанным ежиком темных волос растаял от того, что красавица Камилла помнит его имя, и схватил все рулоны сразу.

— Куда нести, мисс?

— В хранилище.

Пропустив соперницу и ее верного бумагоносца, я пошла следом. Тихо спустилась за ними в подвал. Дождалась, когда Камилла откроет ключом дверь хранилища и заберет у помощника пособия, чтобы разложить по полкам.

— Дальше я сама. Спасибо, Кевин.

С ошалелой улыбкой парень прошел мимо меня к лестнице. Почти задел плечом, но даже не заметил, пребывая во власти несбыточных фантазий. Подумалось, что Оливер после встречи с Камиллой станет таким же.

Но если встреча не состоится...

Не до конца отдавая себе отчет в том, что делаю, я подбежала к двери хранилища, захлопнула, провернула оставленный Камиллой в замке ключ и, не дожидаясь, пока она начнет тарабанить изнутри, взбежала по лестнице.

До чего же глупо! Если Камилла не выберется сама, ее услышат, когда занятия закончатся и шумные студенты покинут здание. Или другой преподаватель спустится в хранилище. К обеду мисс Сол-Дариен опоздает, но ничто не мешает ей позвонить или приехать к Оливеру, чтобы рассказать о случившемся. Они вместе возмутятся выходками бессовестных юнцов или посмеются над ситуацией — тоже вместе. А несостоявшийся обед заменят ужином...

— Добрый день, мисс Аштон, — задумавшись, я не заметила подошедшую мисс Милс и испуганно подпрыгнула, когда та поздоровалась. — Вы ко мне?

— Я-а... Да.

В кабинете драконши меня ожидал сюрприз. Да и ее тоже, судя по удивленно взлетевшим бровям.

— Саймон? Что ты тут делаешь?

— Ем, — мистер Вульф запихнул в рот оставшийся у него в руке кусок сдобной булки и только тут увидел меня: — Здвафуйте, миф Афтон.

— Здравствуйте.

Я сделала вид, что мне совершенно не интересно, почему молодой симпатичный боевик ест булочки за столом профессора кафедры мистических существ, немолодой и несимпатичной, но вполне себе женщины. Не мое дело.

— Вы принесли план доклада? — поинтересовалась у меня мисс Милс.

Лишь после этих слов я вспомнила, что она назначала мне на сегодня. Захотелось умереть на месте, но здоровый организм, разве что со слегка потрепанной нервной системой, это желание не поддержал.

— Нет, я... хочу попросить об отсрочке в связи с переходом на другой факультет. Мне нужно готовиться к экзаменам для перевода.

— Какое отношение это имеет к моему предмету? — не повышая тона и не меняя интонации, спросила мисс Аделаида.

— Никакого, но...

— Во вторник жду вас с планом. Это максимальная отсрочка, которую я могу вам дать. Всегда доводите начатое до конца, мисс Аштон.

Доводить до конца. Все и всегда.

Мысль эта стучала у меня в висках, когда я вышла от драконши и остановилась у окна в коридоре. Доводить до конца...

— Простите, — я остановила проходившую мимо девушку. — У меня записка для мисс Сол-Дариен, но мне сказали, что она уже ушла. Не знаете, где ее можно найти?

— Наверное, дома, — пожала плечами студентка. — Она живет в коттедже на северной стороне, по соседству с мисс Милс. Второй или третий дом от пруда. Там имена на почтовых ящиках — найдете, если захотите.

Плохая была идея.

Я понимала это с самого начала, а пока пряталась в зеленых пихтах рядом с домом Камиллы, осознала окончательно. Даже в книге это было бы слишком. Не просто плохо — подло.

Когда-то я считала, что неспособна на подлость. Когда-то, когда у меня не было жизненной необходимости заполучить понравившегося мужчину. И это не вопрос личных предпочтений — существование целого мира на кону.

Путь к коттеджному поселку, где жили преподаватели и работники академии, будто специально пролегал мимо оранжереи, и я купила пышную желтую розу. К стеблю приколола записку и оставила на крыльце. Вот-вот появится Оливер. Взойдет по ступенькам, позвонит, потом заметит цветок. Наверняка поднимет, а там... «Спасибо за волшебную ночь», — я не придумала ничего лучше. Вернее, ничего хуже...

Нет! Не могу я так, ни ради себя, ни ради спасения мира! Найду другое решение.

Я посмотрела на ведущую к коттеджу дорожку и, убедившись, что никого на ней нет, выскочила из укрытия, чтобы в следующий же миг юркнуть назад и затаиться под душистыми ветками. Потому что Оливер Райхон не ходит пешком.

Портал открылся прямо перед домом. Быстро оглядевшись, маг взбежал на крыльцо. Позвонил... Все шло по плану, но меня это уже не радовало. Он позвонил еще раз и, не получив ответа, поднял цветок. Поднес к лицу, понюхал. Развернул записку...

...Так же спокойно сложил и вернул розу на порог и спустился со ступенек.

На дороге, ведущей из поселка в центр академгородка, меня нагнал автомобиль. Древний монстр для моего мира и техническое чудо для этого.

Обогнал, обдав черным дымом, и заглох через несколько метров. Из металлической коробки выскочил мужчина в кожаной куртке, брюках-галифе и высоких сапогах. На голове у него был кожаный шлем, верхнюю половину лица скрывали большие автомобильные очки, нижнюю — пышные усы. Он обошел свою колымагу, попинал колеса и, смачно выругавшись, открыл капот, из-под которого повалил густой белый пар.

Не знаю отчего, но эта сцена, словно вырезанная из одного из первых фильмов позапрошлого века, показалась мне до ужаса настоящей. Именно так. Настоящей. До ужаса.

Да, мне сразу сказали, что этот мир реален и мало похож на тот, который я придумала, что живут тут реальные люди. Я с первого дня все это знала. Но знать и верить — разные вещи, как объяснял недавно Мэйтин. Поверила я только теперь и, придавленная этой верой, села прямо в снег на обочине и разрыдалась. Потому что автомобиль был настоящим, и настоящий водитель сыпал без разбору настоящим матом, а мне было по-настоящему плохо и стыдно за только что сделанную настоящую гадость и за все, что я наворотила за несколько дней в судьбе настоящей Элизабет и ее близких.

— Мисс! — забыв о машине, усач побежал ко мне. — Вам плохо, мисс?

Он поднял меня и потащил к своей развалюхе, на ходу бормоча о вреде сидения в снегу, а я, глотая слезы, врала про подвернувшуюся ногу.

— Отвезу вас в лечебницу, — сказал мой спаситель, запихнув меня в провонявший бензином и гарью салон.

— Не надо, уже почти не болит, — замотала я головой. — Да и как? Автомобиль же сломался.

— Сломался, — подтвердил водитель. — Но поедет. Механике отбой, включаем магию!

Он стащил перчатки, схватился за руль, и двигатель заурчал.

Еще утром я улыбнулась бы, подумав, как просто все в этом мире, где магией можно заткнуть любые дыры. Теперь же видела, как напряглись лежащие на руле руки, как побелели пальцы. Ничто не давалось даром, у волшебства была своя цена, а оцененное волшебство автоматически теряло статус чуда.

— Так куда вас подвезти, мисс?

— Если можно... в храм.

Молиться я по-прежнему не умела, но, быть может, Мэйтин услышит меня в своем святилище. «Прости меня, боже, потому что я согрешила», — скажу я ему. А он ответит, что так было надо, что ради высшей цели можно

пожертвовать принципами, а в любви и на войне все средства хороши. И мне станет легче...

Я сама в это не верила.

Когда автомобиль остановился у храма, настолько огромного, что рядом с ним человек должен был чувствовать себя букашкой, я поблагодарила водителя и поднялась по ступеням к гигантской двустворчатой двери. За дверью ждал просторный зал. Пол, выложенный мозаикой. Потолок, такой высокий, что при попытке рассмотреть рисунок на арочных сводах начинала кружиться голова. Фрески на стенах. Витражи в окнах. Свет клонившегося к закату солнца пробивался сквозь цветное стекло, рождая тысячи радуг...

От красоты и величия этого места должно было дух захватывать, но не в моем нынешнем настроении. Даже картины из жизни богов, которая недавно так меня интересовала, рассматривать не хотелось. Я лишь отметила, что юный атлет в зеленой тоге, неизменно возглавлявший компании небожителей, ни капли не похож на знакомого мне мальчишку, и присела на одну из скамеек перед алтарем.

Тихо. Почти пусто. Лишь двое служителей рядом с курильницей, да с десяток прихожан разбрелось по залу.

— Илси! — окликнул кто-то.

Обернувшись, увидела идущего ко мне эльфа. На нем была обычная одежда, никаких длиннополых платьев и развевающихся плащей: строгое черное пальто, серый шарф, брюки, ботинки. Белые волосы аккуратно зачесаны назад и собраны на затылке в хвост. Но все же эльф: прозрачные глаза, острые уши и рисунок шрамами на щеках.

— Здравствуй, Илси.

Я выдавила улыбку, с которой положено встречать друзей:

— Здравствуй, Грайнвилль.

— Не ожидал встретить тебя здесь, — на языке людей он говорил чисто, а акцент появлялся, скорее, из-за необычного звучания его голоса, высокого и певучего.

— Сама не ожидала, что приду, — призналась я. — А ты часто тут бываешь?

— Да. В храме хорошо думается. Иногда прихожу сюда почитать.

— А это можно?

— Читать в храме? — Грайнвилль улыбнулся, и мне показалось, что рисунок на его лице поплыл, изменив форму. — Вряд ли богам есть до этого дело. И вообще до нас.

— Есть, — сказала я, вспомнив Мэйтина, круглосуточно отвечающего

на звонки-молитвы.

Эльф, не подозревавший за Элизабет подобной убежденности, удивленно повел белесой бровью.

— Извини, если оскорбил твои чувства, — произнес церемонно.

— Просто я верю, что мы им не безразличны.

— У тебя что-то случилось?

— С чего ты взял? — я непроизвольно коснулась щеки, убеждаясь, что слезы уже высохли.

— Люди редко вспоминают о богах, когда у них все хорошо.

Однако, логика. И не возразишь.

— Грайнвилль, ты веришь, что цель оправдывает средства?

— Зависит от того, что это за цель.

— Спасение мира, например.

— Тогда верю, — сказал он не раздумывая.

— И можно пойти на все что угодно? На подлость? Предательство?

Убийство?

— Можно.

— А жить потом как?

— Можно не жить.

Да, логика. Нужно запомнить на будущее: никогда не обращаться за советом к эльфам.

— Ты спасла мир, Илси? — спросил он серьезно.

— Да. От еще одного боевого мага, — я попыталась свести разговор к шутке. — Перевелась на целительство.

— Я уже знаю. Хорошее решение.

— Надеюсь.

— Думаю, ты не способна на убийство.

— Угу, — промычала я. — Поэтому и перевелась.

— Я не об этом. Об убийстве ради спасения мира. Ты не смогла бы.

«Что же тогда ты сделала?» — будто бы спрашивал он.

— Я давно хотела спросить: зачем эльфы учатся в академии? — если ему позволено без предупреждения менять тему, то и мне можно попробовать. — Ваша магия принципиально отличается от нашей, и я не думаю, что преподаватели-люди могут вас чему-то научить. Зачем тогда?

Мне вовсе не было это интересно. Не сейчас. В мыслях был Оливер. И Камилла. Вдруг она до сих пор в подвале?..

— Согласно седьмому пункту одиннадцатого параграфа мирного договора, заключенного между нашими народами в одна тысяча пятьдесят восьмом году, не достигшие возраста первой зрелости эльфы имеют право

на обучение в учебных учреждениях Арлонского королевства наравне с людьми, — без запинки выдал длинноухий. — Под этот же пункт подпадают магические учебные учреждения всех степеней.

Не удивилась бы, если бы он полный текст договора процитировал, но это ровным счетом ничего не объясняло.

— Я не говорю, что вам нельзя тут учиться. Но зачем? И чему?

— Есть ряд общеобразовательных курсов. История, религиоведение, эстетические направления...

— Мистические существа?

— Почему ты спросила? — в напевном голосе почудились новые нотки: словно журчащий по камням ручеек зарокотал, наткнувшись на внезапную преграду.

— Я готовлю доклад о драконах. Думала, вдруг у тебя есть какие-то конспекты.

— Мы не изучаем драконов. Мы достаточно знаем о них.

На этом разговор заглох. Мы сидели рядом и молчали. Эльф задумался о чем-то. Я страдала и пыталась подсунуть грызшей меня совести кость в виде всеблагой глобальной цели. Совесть воротила от кости морду и, выпустив кошачьи коготки, скреблась по сердцу.

В конце концов я не выдержала. Попрощалась с Грайнвиллем, вышла из храма, свернула с главной дороги на одну из боковых аллеек и припустила бегом...

Дверь в подвал была открыта, и двое старшекурсников заносили в хранилище стеклянный короб с мумифицированной головой рептилии. «Василиск реликтовый», — значилось на табличке, и я понадеялась, что эта голова — не все, что удалось спасти от того василиска, которого Элси отправила под окна к ректору.

Убедившись, что Камилла не проведет ночь взаперти, я еще час бродила в сгущавшихся сумерках между учебными корпусами, пока не вспомнила, что мы с Норвудом договаривались увидеться за ужином.

ГЛАВА 10

Рысь ждал меня у столовой. Увидев, схватил за руку и потянул внутрь:

— Пойдем скорее, пока она не ушла.

— Кто?

— Подружка Мартина, как раз с архитектурного, — он протащил меня через зал и остановился рядом с одной из поддерживавших крышу колонн. — Вон она.

За столиком, на который он кивнул, ужинали две девушки.

— Блондинка? — уточнила я.

— В том-то и дело, что нет.

— Точно? — голова была занята другим, но выбор Мартина, парня во всех смыслах видного, меня удивил. Девочка была некрасивая и невзрачная: обвисшие волосы мышиного цвета, бледное личико с бесцветными бровями, длинный нос. Она ужасно сутулилась и почти не поднимала глаз от тарелки.

— Думаю, у Кинкина к ней один интерес был, — шепнул мне на ухо Рысь.

— Полигон?

— Ага. В общежитии говорят, что Мартин еще с одной девицей крутил, и вроде как архитекторше об этом донесли. Что, если она ему неправильную схему подсунула? А там ловушка была, неисправный портал или еще что-нибудь?

Я с сомнением посмотрела на девушку. Такая не то что ловушку — скандал не устроит. Да и не вязалась версия Норвуда с остальными исчезновениями.

— Я бы все равно проверил, — не сдавался он.

— Полиция разберется. Ты же оставил схему в комнате?

Рысь прикусил губу, запустил руку под куртку и, быстро оглядевшись, показал мне уголок чертежа. Один к одному: где сама не напорчу, друзья помогут!

— Дай сюда, — я выдернула у оборотня схему и спрятала в сумочку. — Придумаю что-нибудь.

Должна придумать.

Потому что наворотила я уже достаточно, пора исправлять, пока не поздно.

Начать решила с драконов.

В детстве так загадывала: если пройду по бордюру от подъезда до гаражей, ни разу не оступившись, — напишу контрольную на отлично. Сейчас то же самое, только наоборот: сдам доклад и больше не оступлюсь.

Глупо, но все равно ничем другим ночью я заняться не смогла бы, и, пока Мэг переодевалась ко сну, разложила на столе книги.

— Недолго посижу, — пообещала я соседке, понимая, что у меня вряд ли получится сегодня уснуть.

Не из-за драконов, естественно. Даже не из-за Оливера и Камиллы Изза себя. Грайнвилль неправ: неважно, какая у тебя цель. Существует черта, которую не стоит переступать, — переход тут только в одну сторону.

Я листала учебники, выписывала цитаты, но мысли раз за разом возвращали меня в коттеджный поселок.

К трем часам худо-бедно набросала план.

К четырем поняла, что литературы, рекомендованной мисс Милс, недостаточно. Книг было много, но их авторы писали, по сути, одно и то же, только разными словами. А мне хотелось знать и другие мнения. Не знаю зачем, но хотелось... Ровно до пяти утра.

В пять тридцать я все же разделась и легла в постель.

В шесть встала и накапала себе пустырника.

В шесть десять снова полезла в шкафчик соседки и отхлебнула прямо из бутылки спиртовой настойки.

В семь уже стояла у закрытой двери главного корпуса.

Дура, конечно. Но, если выбирать между дурой и сволочью, я за первый вариант. Он мне привычнее.

Оливер появился, когда я еще не успела ни замерзнуть, ни пожалеть о своем решении.

— Доброе утро, мисс Аштон. Не ожидал встретить вас здесь в выходной.

Выходной. Я и забыла. Получается, он мог вообще не прийти.

— Доброе утро, — пролепетала я. — Вчера я не забрала свое пальто... другое... И мне нужно с вами поговорить.

— Пойдемте.

Он провел меня в свой кабинет. В приемной повесил на вешалку плащ и взял у меня пальто, которое я еле расстегнула — так дрожали пальцы.

— Так о чем вы хотели поговорить? — спросил, устроившись на рабочем месте.

— Хотела... признаться... — приходилось выдавливать из себя каждое слово. — Вчера я слышала, как вы... назначили встречу мисс Сол-Дариен,

и... — Я собралась с силами и выпалила на одном дыхании: — Это я подложила розу и записку на ее крыльцо.

— Ясно, — я ожидала громов и молний, но ректор и бровью не повел. — Мисс Сол-Дариен в подвале, как я понимаю, тоже заперли вы?

Он знает? Знал еще вчера? Или только что догадался?

После бессонной ночи голова работать отказывалась. Перед затуманенным взором вспыхнуло на миг окошко с предупреждением: «Приложение „Мозг“ выполнило недопустимую операцию и будет закрыто» — и тотчас погасло.

— Буду признателен, если вы объясните, зачем это сделали, — не повышая голоса, потребовал ректор.

— Затем, что... я не хотела, чтобы вы встречались. Вы мне нравитесь. Я говорила...

— Помню, — растянул Оливер, очевидно, вспоминая не столько мое признание, сколько предшествующую ему ночь и «серенаду» в исполнении экспонатов бестиария. — Скажите, Элизабет, раз уж я вам нравлюсь, что вы обо мне думаете? В общем.

— Вы... — я запнулась, почувствовав, как кровь прилила к щекам. — Вы красивый. И умный. Сильный... в смысле, маг... И настоящий джентльмен...

— Это все?

Я кивнула, не смея поднять глаз.

— То есть, — в ровном голосе звякнул металл, — идиотом вы меня не считаете? Спасибо, а то я уж волновался. Потому что ваши ухищрения рассчитаны как раз на идиота.

— Я сказала правду.

— Я говорю не о том, что вы сказали, а о том, что вы сделали. Какой реакции вы от меня ждали? Как я должен был поступить, прочитав ту записку?

— Уйти.

— Уйти, — повторил он. — И не возвращаться? И даже не задуматься, отчего мисс Сол-Дариен, женщина пунктуальная и аккуратная, опаздывает на встречу, которую сама назначила, в то время как у нее на крыльце выложены для свободного прочтения любовные послания? Вы точно не считаете меня идиотом?

Нет, милорд, вас — нет.

— Я раскаиваюсь в своем поступке, — прошептала я пристыженно. — И готова понести любое наказание.

— Чтобы назначить вам наказание, пришлось бы придумать вам

преступление. Уставом академии не предусмотрены взыскания для студентов за вмешательство в личную жизнь преподавателей. Так что придется учесть ваше искреннее раскаяние и поверить обещанию не делать больше ничего подобного. Вы же обещаете?

— Да, — прошептала я. Каждое слово Оливера, полное ледяного презрения, неподъемным грузом падало на плечи. Он еще говорить не закончил, а я уже чувствовала себя полностью раздавленной.

— Это все, что я хотел услышать, мисс Аштон. А теперь, — он брезгливо отмахнулся, словно сгонял со стола муху, — идите.

Идти хотелось только на пруд. Найти полынью и утопиться. Но я не дошла даже до приемной. Остановилась в дверях и обернулась.

— Мне... не приходите в понедельник?

— Можете не приходите, — холодно разрешил ректор. — И готовиться к отчислению. Это академия магии, тут учатся только маги.

— Но как...

— Как и договаривались. В понедельник после полудня. И пока вы не вбили себе в голову очередную глупость, поясню. Я буду заниматься вами не из-за особого расположения. И не потому, что хочу как наставник помочь молодому перспективному магу. В вашем случае перспективы весьма сомнительны. Но я хочу разобраться, что случилось с вами на полигоне, так как подозреваю, что в этом скрыт ключ к разгадке остальных происшествий. Запомните это, как и то, что я рискну пожертвовать этим ключом, если мы не придем к взаимопониманию.

Как шла в общежитие — не помню. Ноги сами несли знакомой дорогой, а перед глазами стояло лицо Оливера.

Мэг с ходу накинулась с расспросами, и пришлось сознаваться, что я не спала всю ночь, а с утра пораньше бегала в библиотеку, соглашаться с тем, что я все-таки больная, и на голову тоже, пить горький чай и укладываться в постель.

Не рассказывать же снова, что я влюбилась?

Сильные мужчины всегда были моей слабостью. Но слабостью неопасной: не так часто они мне встречались. А у тех, что встречались, как выяснялось, сила была строго лимитирована или не распространялась на некоторые жизненные ситуации. За одного такого семь лет назад я вышла замуж, но... лимит, жесткий лимит. Он так и сказал: «Это выше моих сил». Я поняла и отпустила. А когда спустя год он предлагал начать все сначала, закрыла перед ним дверь и неделю не отвечала на звонки. Потому что мне не нужно с лимитом — мне нужно, чтобы всегда и во всем, в горе и в радости.

Было бы проще, окажись Оливер типичным представителем условно-сильного пола, но что-то подсказывало, что нет в мире, во всяком случае в этом мире, преград, перед которыми он спасовал бы. Только я тут временно, и, судя по тому, как скоро загубила возможность Элизабет на счастье, время это скоро истечет. Если для спасения Трайса выполнение этого условия обязательно, мир обречен: мало того что Оливер меня презирает, так есть еще и Камилла...

Но шутница-судьба неожиданно решила мне подыграть. Камилла Сол-Дариен исчезла.

Я узнала об этом от явившегося после обеда инспектора Крейга, когда он вызвал меня в комнату для гостей, чтобы расспросить о вчерашних событиях. Оливер все ему рассказал. В интересах следствия, как деликатно объяснил старик, но чувствовать себя менее паршиво я после этого не стала.

— Я подозреваемая?

— Да нет, мисс. К подозреваемым я в одиночку не хожу, годы уж не те. А вот со свидетелем побеседовать могу. Вы одной из последних видели мисс Сол-Дариен, были у ее дома. Ничего необычного не видели?

— Нет.

— Сможете в этом поклясться?

— А вы сможете поклясться, что ни в чем меня не подозреваете? — дерзко, но я решила, что терять мне нечего.

— Честно? — Секунду оба глаза инспектора смотрели прямо на меня. — Нет, мисс, не подозреваю. Но приглядывать за вами постараюсь, потому как вы из тех людей, что обладают редким даром оказываться в ненужное время в ненужном месте. И ладно бы вы этот дар контролировали — так нет же, сами на свою голову приключений ищите.

— О чем вы?

— Сапожки у вас хорошие, — протянул он задумчиво. — Такие вещи, я вам скажу, в глаза бросаются. Бывает, идет девушка, бежит почти, лица не видно, платье обыкновенное, форменное... Но подол чуть приподняла, и смотришь, сапожки на ней непростые: кожа мягкая, каблук рюмочкой, пряжка нарядная...

Переборщил инспектор с намеками. Мог бы сразу сказать, что узнал меня тогда, выбегающей из комнаты Мартина.

— Это не то, что вы подумали, — пробормотала я.

— Не знаю, мисс, что, по-вашему, я подумал, но уж точно не то, что вы хотели бы. Неподходящее место для свиданий, как ни крути. Тем паче,

соседи вашего приятеля в тот день отсутствовали, кроме одного, но тот мог бы и в коридоре погулять — ему-то без разницы было.

Получается, инспектор не только меня узнал. Не было бы у Норвуда проблем.

— Что же вы подумали, мистер Крейг? — спросила я прямо.

— Да ничего плохого, мисс. Я ж ведь тоже молодым был, тоже тайны манили. Помню, мальчишкой бегал на соседнюю улицу покойников смотреть. Семья там одна угорела: то ли в дымоход что попало, то ли с печной заслонкой неладно было; запомятовал уже. А вот трупы хорошо помню, на неделю тогда от еды меня отворотило, вода — и та в горле застревала. Неприглядные они порой бывают, тайны-то. Но манят. Кровь бурлит, мозги идеями кипят...

— Так вы решили, что меня это интересует только потому, что у меня мозги вскипели? — возмутилась я.

— Не только. Оно ж понятно, не пустое любопытство, товарищ пропал.

— Мартин Кинкин мне не товарищ, — отрезала я, рассудив, что откровенность в малых дозах делу не навредит. — Да, его по-человечески жаль, но моя судьба волнует меня сильнее, уж простите. Милорд ректор ведь рассказал вам?

Рассказал, не сомневаюсь. Если и не сразу, то после исчезновения Камиллы точно.

— Для успешного продвижения следственных мероприятий важно иметь полную информацию, — пробубнил инспектор.

— Для успешного продвижения моей дальнейшей жизни мне тоже нужна информация о том, что произошло и как это исправить. А полиция и руководство академии несколько месяцев не могут разобраться с этими исчезновениями сту... Пойдите-ка! До мисс Сол-Дариен пропадали только студенты? И только мужчины, да? А она — преподаватель и женщина. Вы уверены, что она... ну, как все?

— К сожалению, да. Никто не застрахован, как выяснилось. Так что вы уж...

— У меня есть информация о Мартине, — выпалила я, пока он не начал страдать меня возможными последствиями. — Я нашла в его комнате схему полигона и... случайно забрала с собой. Сейчас принесу.

— Не стоит, — махнул рукой полицейский. — Знаем мы уже. Нехорошо, но с этим пусть преподаватели разбираются, к нашему делу оно отношения не имеет. Кроме схемы ничего не нашли?

Я покачала головой.

— Жаль. А может, и к лучшему. Не нужно вам, мисс, в это дело влезать. Даже при вашем интересе. Магию потерять — невелика беда, когда у нас тут люди теряются.

«Люди — тоже не большая проблема, у вас тут мир рушится», — подумала я.

Инспектор понял мое хмурое молчание по-своему.

— О результатах я докладываю милорду Райхону, — сказал, прощаясь. — Если он посчитает нужным, поделится с вами.

Поделится, а как же!

Нет, на Оливера рассчитывать нельзя. На божественное вмешательство — тоже. Остался один вариант. Друзья.

В библиотеке — неважно, в каком мире она находится, — полагается вести себя тихо, дабы не нарушать священный покой книжных полок и не мешать другим грызть гранит наук. Но как тут молчать, когда тебя сначала сшибает с ног воздушной волной, затем что-то ударяет в лоб, выбивая из глаз искры, а следом уже летит огромный огнешар? Естественно, я заорала так, что штукатурка с потолка посыпалась. Хотя не исключено, что потолок тоже пострадал от атакующих заклятий.

Нет, на меня не набросились силы зла. Я всего лишь собрала друзей в одном из уютных читальных залов, чтобы поделиться своей бедой. Но у магов на Трайсе не принято верить на слово, когда кто-то говорит, что утратил способности.

— Что тут происходит? — степенно вплыла в зал библиотекаряша. Мои крики не вызвали у пожилой женщины ни паники, ни удивления — только сдержанное возмущение нарушением дисциплины.

— Мы... э-э... заклинания отрабатываем, — нашелся Рысь.

— Хочу напомнить, что чары выше третьего уровня использовать в библиотеке запрещено, — с осуждением глядя на меня — на меня, сидящую на полу жертву дружеского недоверия, помятую и с дымящимися волосами! — выдала строгая тетка.

— Так второй же, — пискнула Сибил.

— Второй, — авторитетно подтвердила Мэг.

Библиотекаряша подняла палец, словно хотела определить направление несуществующего ветра, и согласно кивнула:

— Второй. Но не забывайте о порядке, вы тут не одни.

Вообще-то в секции художественной литературы, не слишком востребованной в разгар учебного года, мы были как раз одни. Потому я и выбрала этот зал: никто не помешает спокойно поговорить. И под

«спокойно» не подразумевала нанесение мне физических и моральных травм!

— А еще друзья! — всхлипнула обиженно, когда дверь за библиотекашкой закрылась.

Меня подняли, усадили в кресло, укутали пледом ноги, а в руки сунули чашку с горячим чаем, едва не пополнив коллекцию нанесенных мне повреждений ожогом. Вздохнули скорбно и уставились на меня тремя парами виноватых глаз.

— Теперь понимаете, почему мне нужно разобраться, что творится в академии? — чашка обжигала пальцы, лоб еще болел, как и место, которым я приложилась о пол при падении, так что страдание в моем голосе звучало отнюдь не притворное. — Сегодня магия пропала, завтра сама пропаду.

Я не хотела втягивать друзей в сомнительные приключения. Да и инспектор Крейг ошибался: не всех в юном возрасте манят тайны и опасности, большинство предпочитает держаться от них подальше. Поэтому я не просила о многом — только помочь собрать информацию.

— В академии тысячи студентов. Не может быть, чтобы никто ничего не видел и не слышал. А есть еще смотрители общежитий, горничные, дворники и разносчицы в столовой — на них никто не обращает внимания, а они между тем часто видят больше остальных. Кое-что я уже узнала, — я достала из сумочки записи, сделанные после разговора с инспектором. На двух страницах уместилось то, что Элси помнила о пропавших. — Слушайте. Чарли Лост — первый. Пропал в октябре. Второкурсник, специальность «Темные материи».

— Малефик, — поморщился Рысь.

Магов, специализирующихся на проклятиях, мало кто любит. Но я, увы, этой неприязни не разделяла.

— Второй — Герман Складовик, — продолжила, сдержав горький вздох. — Пропал в середине ноября, а до этого учился на четвертом курсе теормага. Третий — Виктор Нильсен, седьмой курс, выпускник. Специальность «Прикладная некромантия». Исчез в конце декабря. Четвертый, как вы знаете, — Мартин Кинкин. Третий курс, боевик, пропал три дня назад. Пятая... — я выдержала паузу, представляя, какое впечатление произведут на друзей последние новости. — Камилла Сол-Дариен. Теоретические основы магии. Преподаватель. Пропала... сегодня, наверное...

Рысь обалдело присвистнул, девушки недоверчиво переглянулись.

— Никто не застрахован, — повторила я слова инспектора. — Поэтому думайте, помогать мне или... переводиться. Мистер Вульф сказал, что

многие уходят в Глисетский университет или в Найтлоп.

— Вот еще! — фыркнула Мэг. — Мне нужен диплом академии, а не какого-то университета.

— А школа Найтлопа — жуткая дыра, — подала голос Сибил. — Прорицатели у них до сих пор работают с хрустальными шарами.

— И ни там, ни там нет отдельного курса для магов-оборотней, — развел руками Норвуд. — Так что мы с тобой. Кстати, почему только мы? Ты не звала Грайнвилля?

— Нет.

— Почему? — спросила Мэг так, точно уже знала ответ и хотела проверить, совпадет ли он с моим.

— Он эльф.

Целительница кивнула.

— Мы подозреваем эльфов? — встрепенулась Сибил.

— Это лишь одна из версий.

По странному совпадению мы встретили Грайнвилля всего через час, когда Рысь провожал нас с девочками в общежитие.

— Как твои дела, Илси? — спросил эльф так, чтобы никто из друзей не мог слышать. — Все еще спасаешь мир?

— Делать мне больше нечего, — пробурчала я.

И не соврала ведь: нечего, только мир спасти.

То ли моя паранойя обострилась, то ли луна как-то странно отразилась в прозрачных глазах эльфа, но подумалось, что он именно так и понял мой ответ.

В общежитии я первым делом отыскала Летти. Горничная обреталась в маленькой комнатке на первом этаже и удивилась, когда мисс Аштон лично пожаловала в ее скромное жилище.

— Вы умеете стричь? — я огорошила ее еще больше. — На практике мне подпалили волосы. Нужно обрезать... насколько приличия позволяют.

После «проверочного» огнешара на волосах было больше копоты, чем подпалин, но я с первого дня мечтала отделаться от косы.

Прощай, прекрасная героиня Элизабет Аштон.

Здравствуй, я.

ГЛАВА 11

Обрезанные чуть ниже лопаток волосы и приготовленная с вечера одежда существенно сэкономили время на сборы, и в лечебнице я появилась к восьми, успев перед этим позавтракать.

— Вы все же пришли.

Этой же фразой леди Пенелопа приветствовала меня в прошлый раз. Видимо, ей понадобится не один день, чтобы увериться, что я не отступлюсь.

— И книги взяли? — заметила она стопку учебников. — Не стоило. У меня есть все, что вам понадобится. Сюда берите лишь тетрадь для заметок и пару-тройку сэндвичей. Вы ведь не озаботились сегодня вопросами пропитания?

Я уныло покачала головой.

— Что же я, нелюдь какая? — рассмеялась леди Райс. — Отпущу вас в столовую. Но путь неблизкий, и, как по мне, лучше обойтись холодными закусками и горячим кофе. Впрочем, кофе я вас и так напою. Одна из пациенток презентовала мне зерен. Ее супруг ведет торговлю с колониями. Не всегда легально, как я поняла, но тем вкуснее кофе.

Дружелюбный тон целительницы наводил на мысль, что она хочет усыпить мою бдительность, прежде чем завалить невыполнимыми заданиями, но если подобное и планировалось, то не сразу.

Сразу меня напоили кофе, который леди Пенелопа лично смолочила в ручной мельнице и сварила на спиртовке, стоявшей в примыкавшей к ее кабинету комнатке. Затем мне вручили белый чепец и передник с огромными карманами.

— Это лечебница, Элизабет, и тут есть определенные правила, часть которых касается внешнего вида, — при этих словах наставница придирчиво оглядела меня, но поводов для замечаний не нашла: платье я выбрала простое и удобное, волосы скрутила на затылке и спрятала под сетку, а ногти, обломанные на полигоне, аккуратно обрезала. — Приходя сюда, будете надевать чепец и передник. Следить за их чистотой — также ваша обязанность. Что до распорядка, то в девять, если дежуривший ночью доктор не оставил иных рекомендаций, я делаю обход. На моем попечении пациентки, лежащие в палатах на втором этаже в левом крыле больницы. Женские заболевания, беременности, протекающие с осложнениями, — позже посмотрите истории. В одиннадцать начинается прием. К

сожалению, работать исключительно в рамках своей специализации не получается. К примеру, явится дама, чья репродуктивная система работает как часы, ничуть не беременная, но с вывихнутой лодыжкой или, упасите боги, с геморроидальным кровотечением, и потребует, чтобы ее осматривала непременно целительница-женщина, а никак не травматолог и не хирург, которых она к своему телу не допустит, так как оба они мужчины. И придется осматривать, ибо клятва целителя не содержит уточнений и после слов «не откажу страждущему» не добавляется «если страдания его вызваны такими-то и такими-то заболеваниями». Но не бойтесь, — женщина усмехнулась, — вы клятвы пока не давали, и, случись такое, от созерцания кровоточащей задницы я вас избавлю.

— И от вывихнутой лодыжки?

— А что той лодыжке? Вправим, — леди Пенелопа с хрустом размяла пальцы, и мне подумалось, что излишне привередливая дама еще пожалеет, что пошла не к тому доктору.

Обход мало отличался от того, что проводят в наших больницах. Наставница расспрашивала пациенток, как прошла ночь и есть ли жалобы. Некоторых ощупывала, кому-то вписывала в карточки, которые за ней носила пухленькая сестричка в таком же, как у меня, чепце, новые назначения. Все это делалось быстро, но без суеты.

В палате, где лежали беременные, наставница сбавила темп, а деловитое участие на ее лице сменилось материнской нежностью.

— Как тут мои девочки?

Обращение адресовалось огромному животу одной из женщин.

— Как вы, маленькие? — спрашивала леди Пенелопа, обхватив его ладонями. И отвечала сама себе: — Замечательно. У Гледис уже затягивается бочок, и правая ручка у Сью почти догнала левую. Пальчики... прекрасные пальчики...

— Доктор Грин тоже так сказал, — улыбнулась будущая мать. — Он заходил рано утром.

— Задам я ему, — проворчала целительница. — Ходит тут, будит моих девочек... молодец какой, плечико подтянул...

Второй пациентке и ее мальчику она уделила меньше времени. Ощупала живот, погладила круговыми движениями и взяла у сестры деревянный стетоскоп.

— Чудесно. Сильное здоровое сердечко. Элизабет, хотите послушать?

— Нет, я... — мое собственное сердце пропустило удар. — Боюсь, ничего не пойму...

Леди Пенелопа смерила меня долгим взглядом, но, если и подумала

что-то при этом, мыслями не поделилась.

— У миссис Лешвиц случай довольно простой для нашей лечебницы, — начала объяснять она, когда мы вернулись в кабинет. — Неправильное предлежание плода, и пуповина обвила левую ножку малыша, из-за чего был нарушен приток крови и наметились отклонения в развитии конечности. Хорошо, что акушерка направила ее к нам. До родов есть время все исправить, и осложнений не возникнет ни у матери, ни у ребенка. Случай миссис Перли намного сложнее. У нее однойцовые близнецы. На ранней стадии они не разделились полностью. Общая печень и легкое. У одной из девочек правая рука практически отсутствовала: недоразвитый плечевой сустав с коротеньким отростком... Обычно таким детям позволяют родиться и уже после проводят операцию по разделению. Это сложно, опасно и не дает гарантий полного исцеления. Операция на стадии внутриутробного развития еще сложнее и опаснее, но так как организм ребенка в этот период только формируется, больше шансов, что поврежденные органы, при определенном вмешательстве целителей, восстановятся в пределах нормы.

— Такие операции возможны? — не удержалась я от недоверчивого возгласа.

— Когда хирург обладает нужными навыками — да. Если в общих чертах, то делается небольшой надрез, в матку внедряются инструменты, и доктор путем телекинетического воздействия проводит операцию. Предвосхищая ваш следующий вопрос: нет, оперировала не я. Я лишь ассистировала доктору Грину вместе с еще несколькими целителями.

Взаимодействие целительской магии с другими направлениями. Вот, значит, как оно происходит. Я вспомнила счастливое лицо миссис Перли и мысленно вычеркнула Грина из списка подозреваемых... И снова вписала. Я не из тех, кто верит, что гений и злодейство несовместимы.

— Леди Пенелопа, скажите, целитель может определить беременность на взгляд?

Если так, зачем было пугать меня осмотром и водить к единорогу? Хотя, подозреваю, на единорога ему самому хотелось взглянуть, а я была предлогом.

— И не целитель тоже, — кивнула наставница. — К концу второго месяца у эмбриона формируется собственная аура. Но целитель, конечно, распознает ее раньше, чем маг иной специализации.

— А на совсем ранних сроках?

— На взгляд, как вы изволили выразиться? Зачем? Обычный осмотр даст ответ на этот вопрос. В случае сомнений можно провести анализы.

— Но если сравнивать сложнейшую операцию и простое определение беременности...

— Вот именно, простое, — не дала мне закончить наставница. — Та операция потребовала участия нескольких опытных магов и использования мощных артефактов. Артефакты вообще вещь полезная, — она сняла толстый медный браслет и, напоказ повертев в руке, убрала в стол. — А какой смысл тратить силу на ерунду? Если уж вы решили заняться целительством, первое, чему вам нужно научиться, это различать случаи, когда необходимо задействовать дар, а когда можно обойтись немагическими средствами. — На стол передо мной легла толстая книга. — Посмотрите потом. А сейчас, пока есть время и нет пациентов, устрою вам экскурсию.

Экскурсия вышла познавательной.

Как говорил Мэйтин, в мире, где существует магия, науки развиваются иными путями. К медицине это утверждение относилось не в последнюю очередь. Я задумывала Трайс как мир, похожий на мой родной конца позапрошлого века, но тогда на Земле и не помышляли о том, что было возможно здесь. Даже если бы я в свое время выучилась на врача и, попав сюда, решила бы подобно многим героям фэнтези заняться прогрессорством, сложно сказать, что я могла бы предложить этому миру. Разве что перчатки. Если бы была знакома с технологией производства латекса. Остальное, пусть не такое, как на Земле, тут было.

Комната для осмотров, оборудованная диагностическими артефактами. Операционная, похожая на наши, но с черным шероховатым полом, на котором, как объяснила наставница, иногда приходится чертить вспомогательные ритуальные рисунки. Лаборатории: клиническая, где при помощи микроскопа и магии проводились анализы и цитологические исследования, и фармацевтическая, занимавшаяся производством лекарств по собственной рецептуре.

Лечебница при Королевской академии была не просто студенческой больницей. Я уже знала от Анабель, что пациенты сюда съезжают отовсюду, а леди Райс сказала, что результаты проводимых тут исследований служат базой для работы других медицинских учреждений Арлона.

После экскурсии наставница напомнила мне об оставленной книге, открыв на странице, где были напечатаны данные по средней продолжительности жизни магов, работающих в разных направлениях. По статистике меньше всех жили некроманты и целители. Первые, вызывая души умерших и «оживляя» трупы, делились с ними жизненной энергией.

Вторые отдавали ее больным при исцелении. Наверное, это должно было заставить меня задуматься, действительно ли я хочу стать целителем. Но из курса истории я помнила, что в прошлом некроманты часто прибегали к человеческим жертвоприношениям, чтобы сохранить собственные силы, а у целителей практиковалась «замена», когда жизнь здорового раба, например, меняли на жизнь его хворого хозяина, и целитель при этом отдавал минимум энергии. А у нас тут доктор, творящий чудеса и не боящийся браться за опасные и энергоемкие случаи, в то время как пропадают молодые, полные сил маги. Если моя неприязнь к Эдварду Грину продиктована интуицией, а не первым произведенным им впечатлением, я, кажется, нашла мотив.

Чтобы проверить эту версию, я даже на обед не пошла, соврав леди Пенелопе, что еще одной чашки кофе и печенья мне вполне хватит, и, улучив момент, расспросила наставницу о заведующем.

Узнала я немного. Выпускник академии (его дипломная работа произвела фурор. Странно, что не переворот в науке). Холост (женат на своей работе). Сорок три года (но выглядит старше, особенно в сравнении с Оливером, которому тоже немногим за сорок). После выпуска работал в нашей лечебнице, а потом пропал на пять лет. Вернувшись, стал демонстрировать чудеса исцеления. Закономерный итог — народная любовь, уважение руководства и должность, которую Грин получил после смерти предыдущего заведующего. А тот умер внезапно, всего на шестьдесят втором году жизни, что для магов, даже целителей, далеко не старость.

Подозрительно? Еще как!

К сожалению, леди Райс сочла беседу о патологиях при беременности более интересной темой и, забыв о Грине, взялась пересказывать мне истории своих пациенток.

После у меня было два часа на самообразование. Затем мне позволили присутствовать при осмотре, в ходе которого я решила, что лучше выберу в качестве специализации патологическую анатомию, чем акушерство. Далее была «вывихнутая лодыжка»: явилась фифа-студентка, из тех, что в столовой занимают лучшие места и не носят форменных платьев, и пожаловалась на боль в спине. Наставница ее осмотрела, выписала целебную мазь и порекомендовала не так сильно затягивать корсет. Девушка оскорбленно заявила, что ничего она не затягивает, так как при ее фигуре это лишнее. Леди Райс пожалала плечами и будто невзначай заметила, что при такой фигуре лишнее — это пирожные к чаю, после чего фифа вылетела из смотровой пулей, пригрозив пожаловаться заведующему. Верь

я, что она это сделает, пошла бы следом, чтобы послушать, что ответит добрейший доктор.

К девяти вечера я, уставшая и голодная, вернулась в общежитие, где меня дожидались кусок шоколадного торта, горячий кофе и подруги, потратившие день на сбор информации о пропавших.

— Начнем по порядку, — Мэг положила перед собой стопку листов и сняла верхний. — Чарли Лост. Руководство тогда так старалось избежать огласки, что некоторые до сих пор считают, что он уехал домой. У Чарли были для этого причины: из-за плохих оценок его внесли в список на отчисление по результатам семестра.

— А еще — несчастная любовь, — театрально вздохнула Сибил.

Черт! У нее же вчера была первая репетиция, а я обещала прийти. Надеюсь, она не обиделась.

— В начале учебного года Чарли расстался с девушкой, — подтвердила Мэг. — Его друзья считают, что он потому и забросил учебу, а в день, когда он пропал, она согласилась на свидание, но, видно, ничего у них не сладилось, потому что Чарли вернулся в общежитие в плохом настроении и заперся в комнате. Больше его никто не видел.

— Он ничем не болел? — спросила я, пытаюсь увязать пропавшего с лечебницей и ее заведующим.

— Вроде бы нет, — ответила Мэг. — А что?

— Да так... Что по другим?

— Герман Складовик, — торжественно зачитала с листа Сибил. — Теоретик. Отличник. Красавчик. Девушки с его факультета до сих пор страдают. Вроде бы он состоял в каком-то спортивном клубе... или бойцовском... Его товарищи вскользь обмолвились, Рысь обещал проверить.

— Таких проблем, как у Чарли, у Германа не было? — уточнила я.

— Нет. Он вообще был счастливым, по словам приятелей.

— И здоровье, наверное, имел отменное?

— Да. Но перед самым исчезновением приболел. Во всяком случае, сказал так соседям по комнате. Они пытались расспросить, что с ним такое, но он рассердился и сказал, чтобы от него отстали. Они ушли в столовую...

— И Германа больше не видели, — поняла я.

— Точно, — подтвердила Сибил. — А почему тебя интересует их здоровье?

— Пытаюсь отыскать между ними что-то общее. Место, где они могли пересекаться. Лечебница подходит.

— А столовая — нет? — подозрительно посмотрела на меня Мэг. — Или библиотека? Темнишь, Элси. Скажи честно: ты узнала что-то в лечебнице? Или о лечебнице?

— Просто весь день там провела, вот и подумалось... Глупость.

— Хорошо, что глупость, — не отводя от меня взгляда, проговорила Мэг. — Потому что Рысь выяснил, что Виктор Нильсен как раз ходил в лечебницу, когда пропал. Пошел, — она подпустила в голос мрачных ноток, — а назад не вернулся.

Я встрепелась:

— Кто-нибудь знает, зачем он туда ходил?

— Знают, — хмыкнула целительница. — Преподаватели, доктора, полиция. Но с ними говорить не так просто, как со студентами.

— Со студентами легко, — закивала Сибил. — Многие любят посплетничать, и парни не меньше девушек. Я столько всего попутно узнала. И от двух свиданий отказалась. На третье согласилась, но не пойду. Или сходить? Он милый, хоть и некромант.

— Как и Виктор, — напомнила я, отвлекая подругу от мечтаний. — Как бы разузнать, что он делал в лечебнице?

— Леди Райс спроси, — поддела Маргарита. — Но если боишься, что она не ответит, я могу поговорить с Анабель. Помнишь Анабель?

Я помнила. И чувствовала себя виноватой перед ней. То, что наш обман раскрыли, сейчас не главная ее проблема, но Грин, пусть и не сдал ее ректору, после наверняка отчитал бедняжку. А если он, так сказать, лично причастен... Нет, не верю. Милая добрая девушка и этот желчный тип? Но она говорила о нем с таким восторгом...

— Ее не было сегодня на работе, — сказала Мэг. — Загляну завтра.

— Ты была в лечебнице? — удивилась я. — А ко мне не зашла?

— У меня нет повода для визита к леди Пенелопе, — усмехнулась соседка. — А ты, как мне передали, от нее ни на шаг не отлучалась. Да, у меня есть еще знакомые там, но о Викторе они ничего не знают. Он был пациентом доктора Грина, а значит, только Анабель может помочь. Она при заведующем — что-то вроде личной помощницы.

Все же Грин.

Нужно заняться этим господином вплотную. Только как к нему подобраться?

— Включи фантазию.

Обернувшись на голос, я увидела Мэйтина, восседающего на столе в позе лотоса. Вечно он появляется внезапно и не тогда, когда действительно нужен. Пришел бы в пятницу, после того как... А еще лучше — до...

— Что ты уже учудила?

Извинившись перед подругами, я зашла в ванную. Открыла воду и ополоснула лицо. Рассказывать долго. Пусть память считывает.

Длань божья, теплая и шершавая, как у обыкновенного мальчишки, легла мне на лоб, и я зажмурилась, предвкушая, сколько «хорошего» сейчас услышу.

— Не ошибается тот, кто ничего не делает, — сказал Мэйтин, и я осмелилась открыть глаза. — Только, прежде чем что-то делать, не мешало бы обдумать все как следует, — добавил он с укором. — Но теперь, надеюсь, подобного не повторится.

Угу. Как в том анекдоте про мальчика, сбросившего дяденьке кирпич на голову: «Я больше не буду!» — «А больше уже и не надо».

— Откуда пессимизм? Я в тебя верю. А я не во многих людей верю, обычно наоборот.

Он подмигнул мне, и на сердце сделалось легко. В меня бог верит, разве может что-то не получиться? С учебой почти наладилось, за расследование мы с друзьями взялись. И с Оливером решится. Конечно, натворила я дел, и он считает меня то ли влюбленной дурой, то ли эгоистичной дрянью, но это же классический сюжет, когда герой со временем меняет мнение о героине...

— Опять за свое? — поморщился Мэйтин. — Не книга это, не книга. Но мнение меняй, у истории должен быть счастливый финал по всем пунктам.

Не книга, но финал должен быть.

— Промежуточный, — уточнил бог. — Потому что история никогда не заканчивается. Она может только начинаться. Бесконечное множество раз. Потом поймешь. Сейчас тебя подружки ждут.

А сам снова исчезнет?

— У тебя своя миссия, у меня своя, — напомнил Мэйтин. — Не всегда есть время заглянуть, не обижайся.

Я и не обижаюсь. Боюсь. Вдруг снова что-то не то сделаю? А посоветоваться не с кем.

— Как это не с кем? А друзья? Всего им не расскажешь, но в целом, гляжу, вы поладили. Они свою Элси в беде не оставят.

Элси.

От мысли, которая еще в первый день должна была прийти мне в голову, но лишь сейчас нашла туда дорогу, похолодело внутри...

— Сейчас это неважно, — покачал головой Мэйтин. — Возвращайся к подругам. Расспроси Сибил о Камилле, это интересно. Подумай, что

общего у всех исчезновений.

Он что-то знал. Знал, но не говорил.

— Всего я не знаю, — сказал бог. — А то, что знаю, ты услышишь и от других. Потому что есть, скажем так, нормы божественного вмешательства. Не хочу исчерпать лимит прежде времени.

Он исчез, а я задержалась в ванной. Всмотривалась в отражение в зеркале, в глаза, которые и отъявленный романтик не назвал бы сейчас сапфировыми — до того они потускнели, — касалась бледных щек и потрескавшихся от холода губ...

Но Мэйтин сказал, что это неважно, и я решила ему поверить.

— Сибил, что ты узнала о мисс Сол-Дариен?

— Откуда ты знаешь, что именно я о ней разузнавала? — провидица смотрела на меня с удивлением и профессиональным интересом.

Не говорить же, что от знакомого бога?

— Догадалась. Ты сказала, что какой-то некромант пригласил тебя на свидание, а кафедра мистических существ, где Камилла читала лекции в последний день, в одном здании с отделением некромантии.

— Ух ты, я о таком и не подумала бы! — восхитилась подруга, не слышавшая о дедуктивном методе Шерлока Холмса. — Только я туда не ходила, сегодня же выходной. А с некромантом случайно встретилась, так забавно получилось...

— Камилла, — напомнила я.

— А, да, Камилла. Ты ошиблась, Элси. Она пропала не вчера, а позавчера.

У Сибил была знакомая на теормаге, она и рассказала, что произошло, начиная с того, что какой-то шутник запер мисс Сол-Дариен в подвале. На счастье, мисс Милс понадобилась голова василиска, и Камилле не пришлось сидеть в хранилище до понедельника. Как только ее освободили, пришел ректор. О чем они говорили, студенты не слышали, но знакомая Сибил уверяла, что Камилла была расстроена после его ухода. Неужели он все-таки поверил записке? И ни обеда, ни ужина не состоялось, домой мисс Сол-Дариен возвращалась одна. По дороге она встретила двух студенток, которым нужна была помощь с контрольной, и пригласила к себе. Дома предложила гостям чай и пошла на кухню. Когда прошла уже четверть часа, а она так и не вернулась, девушки решили ее поискать, но дом оказался пуст. Затем по стенам расползлись кровавые буквы. Студентки в ужасе сбежали и лишь на следующее утро решились рассказать обо всем куратору, а тот уже обратился в полицию.

Сибил записала имена тех девушек, но приятельница, от которой она

все это узнала, сказала, что они были так напуганы, что тут же уехали и в академию вряд ли вернутся.

— Чарли, Герман, Виктор, Мартин, Камилла, — я загнула все пальцы на руке и посмотрела на получившийся кулак. — Разные факультеты, разный возраст, разное социальное положение, интересы и проблемы. Но что-то общее у них должно быть. Что?

Подруги синхронно пожали плечами.

— Может... — Сибил потеряла переносицу, словно хотела разгладить появившуюся между бровей складочку. — Может, все состояли в каком-нибудь тайном обществе? Герман точно в каком-то состоял.

— И Камилла? — со скепсисом уточнила Мэг. — К тому же с тех пор, как их официально разрешили, эти общества уже не популярны. Детские игры!

Провидица надула губки. Тут и без дедукции понятно, что сама она числится в десятке подобных условно тайных организаций.

— Проверим, — пообещала я, чтобы ее успокоить. — Что еще? Что объединяет все случаи? Время? Нет. Фазы луны?

— Нет, — откликнулась Сибил.

Но что-то должно быть! Одна группа крови? Какая-нибудь редкая, четвертая отрицательная с повышенным содержанием мидихлорианов?

— Ничего общего, — покачала головой Мэг. — Разве что... Перед исчезновением все были чем-то расстроены. Правда, насчет Виктора не уверена, но в лечебницу по радостному поводу только дамы в положении ходят.

Оно? Что, если похититель использует какую-то ловушку, настраиваясь на определенные эмоции жертвы?

Я поделилась догадкой с подругами, и они согласились, что такое возможно. Отчасти единодушие обуславливалось поздним временем и общим желанием поскорее лечь спать, и, приняв мою версию как основную, мы пожелали друг другу спокойной ночи и неизменно хорошего настроения. На всякий случай.

ГЛАВА 12

В понедельник наставница проводила семинар у старших курсов, а меня отправила к профессору Эррори, пожилому гоблину, слушать со второкурсниками лекцию по паразитологии. И там выяснилась интересная вещь: на Трайсе существовала латынь. Я и прежде обращала внимание на специфические названия, общие для двух разных миров, но, когда зазвучали один за другим медицинские термины, знакомые мне по книгам из родительского шкафа, ошибиться стало невозможно: латынь. Правда, называлась она здесь «альс» и считалась языком древней, но развитой цивилизации. Возможно, драконов. Был бы рядом Мэйтин, я расспросила бы его, как из мира в мир мог попасть целый язык, но бог не появлялся, и вскоре я перестала ломать голову по этому поводу. Было о чем еще думать, ведь после познавательной лекции о богатом внутреннем мире человека, населенном занятными и не всегда дружелюбными существами, меня ждало испытание стократ серьезнее — встреча с Оливером.

Ровно в двенадцать я сидела в его приемной и раздражала и без того какого-то нервного сегодня мистера Адамса, щелкая крышкой часиков-кулона. Секретарь сказал, что ректор освободится через несколько минут, а я со страхом и нетерпением считала секунды.

Наконец, щелчке на пятидесятом дверь кабинета распахнулась, и оттуда вышел инспектор Крейг.

— Доброго дня, мисс, — кивнул он, проходя мимо.

— Здравствуйте, мисс Аштон, — выглянул в приемную провожавший посетителя ректор. — Проходите.

Если случившееся с Камиллой его и взволновало, внешне это никак не проявлялось. Милорд Райхон был как всегда спокоен и неотразим. В глазах ни тоски, ни следов бессонных ночей, подбородок выбрит, и вороная грива, которой я-автор его наградила, не задумываясь о практической стороне вопроса, причесана волосок к волоску и заплетена в тугую косу, змеей спускающуюся по широкой спине.

Ректорскую спину я разглядывала долго: впусив меня в кабинет, Оливер подошел к окну и почти минуту высматривал что-то на крыше соседнего корпуса.

— Я думал о вашей проблеме, Элизабет, — сказал наконец. — Не скажу, что нашел решение, но можно кое-что попробовать. Какую технику медитации вы обычно используете?

Память Элси на этот вопрос не отозвалась, а в моем мире техникой для медитации был телевизор: включаешь и думаешь о чем-то далеком под бессмысленную болтовню с экрана.

— Концентрация на внутренних ощущениях или на внешнем объекте?

— Наверное, лучше на внутренних... или на внешних... иногда...

— Вы нечасто это практикуете, — понял Оливер. — Не страшно, разберемся. Но не сегодня. Сегодня у меня есть еще дела, а вы одеты не лучшим образом для таких занятий. Подберите что-нибудь поудобнее, ничто не должно стеснять движений. И отнеситесь к этому серьезно, пожалуйста.

Он говорил со мной сдержанно и отстраненно, но в последней фразе прорезались царапнувшие слух нотки. «Не вздумайте выкинуть новый фокус, мисс Аштон, — слышалось в вежливой просьбе. — Я и от старых еще не отошел».

— Заберите в конце концов пальто, — сказал он при прощании. — Висит там который день, а гардеробщицы уже шепчутся о пропадающих в главном корпусе студентках. Будто у нас без этого пропаж мало.

На следующий день в то же время я снова была в ректорате. Тренировочные штаны, свободная темная блуза и жилет из тонкой шерсти — не подходящая для официальных встреч одежда, и другие посетители смотрели на меня с недоумением, а секретарь кривился больше обычного. Но Оливер мой наряд одобрил.

Он привел меня в зал на первом этаже, где вдоль стен стояли гимнастические снаряды, а пол был устлан толстыми мягкими ковриками, и велел разуться.

— Располагайтесь, — указал на пол.

Разулся сам, снял и повесил на брусья сюртук, развязал галстук... Сними он рубашку, на медитации можно было бы ставить крест ввиду моей чрезмерной концентрации на внешнем объекте, но на галстук сеанс разоблачения закончился. Однако, когда ректор сел на пол напротив меня, я на всякий случай закрыла глаза, потому как моей фантазии рубашка не помеха.

— Не торопитесь, мисс Аштон. Сядьте удобнее. Расслабьтесь. Пусть позвоночник удерживает ваше тело, он для того и предназначен.

Не открывая глаз, я чувствовала, как он переместился ближе. Его ладонь скользнула по моей спине от шеи до поясницы, заставляя выгнуться...

— Подумайте о чем-нибудь приятном. Представьте себе место, где

хотели бы оказаться. Место, где вам было хорошо и куда вы желали бы вернуться...

Его голос околдовывал. В ином, не связанном с чувственными томлениями смысле. Перед глазами промелькнула моя квартирка, старый диванчик со свернувшимся на нем клубком Графом, мамин клетчатый плед... Промелькнула и пропала, стоило подумать, что Оливер может посмотреть мои видения. Нет, нужно другое место — то, которое помнила Элси, а не я.

— Ищите, Элизабет. Пусть память приведет вас туда, где вы были счастливы...

Была? Разве?

Возможно, когда-то давно. Когда деревья были большими...

Деревья...

Старая яблоня. Качели на толстой ветке.

Вверх-вниз, вверх-вниз.

Дух захватывает от страха и восторга. В животе перекачивается щекочущий шарик — вверх-вниз. Ноги в потертых синих сандаликах взлетают выше головы... Ноги в атласных туфельках... Нет, в сандаликах. На левом оторвался ремешок, и теперь их можно носить только на даче... А туфельки розовые, под цвет развевающегося на ветру платья и лент в волосах...

Вверх-вниз, вверх-вниз...

— Маришка, смотри, улетишь!

Улечу.

Раскачаюсь еще сильнее, аж до неба!

— Элси, осторожнее! Не нужно так высоко.

Нужно! Нужно еще выше!

Выше кустов сирени, выше яблони, чтобы ноги в розовых туфельках касались облаков... Ноги в синих сандаликах...

Память — моя? чужая? — словно на тех качелях отбросила на много лет назад, а после резко швырнула вперед, на мягкий пол гимнастического зала... Но не удержала. Уронила на полпути, то ли вниз, то ли вверх. Замелькали перед глазами картинки прошлого, закружились опавшей листвой и потускнели, рассыпались серым песком...

— Все хорошо, — голос Оливера звучал на грани слышимости. — Вы прошли. Теперь идите ко мне.

— Куда идти? Где вы?

Только серый песок вокруг. Бескрайняя пустыня. И небо, такое же серое, сливается у горизонта с землей.

— Элизабет, посмотрите на меня.

— Не могу! — прокричала я, борясь с подступающим отчаянием. — Я вас не вижу!

Как в кошмарном сне я пыталась и пыталась открыть глаза, но всякий раз вслед за темной появлялась пустыня. Неизменный, пугающий безжизненностью пейзаж...

Я почти отчаялась вернуться в реальность, когда меня в эту реальность выдернули. За голову, наверное, потому что, когда я открыла глаза, теперь уже по-настоящему, Оливер сидел рядом, положив одну ладонь мне на лоб, другую на затылок, а голова при этом просто раскалывалась.

— Это был ваш первый выход? — спросил он. И сам себе ответил: — Первый, конечно. Но в первый раз так глубоко не погружаются. Нужны тренировки, чтобы научиться находиться там.

— Где — там?

— Там, — ректор неопределенно повел рукой. — Некоторые ошибочно называют это астралом, но выход в астрал под силу единицам. Место, куда я вас провел, — лишь некое подпространство, промежуточный уровень между физическим и астральным планами. Магия там зрима и осязаема, можно рассмотреть рисунок плетений, можно создавать нечто принципиально новое. Я хотел, чтобы вы увидели... Вы ведь видели что-то?

— Пустыню, — я опустила глаза. — Серые пески от края до края... Я безнадежна, да?

— Нет, — он резко вскинул голову. — Не смейте и думать о таком.

Что ж, не я сама, так моя проблема смогла его заинтересовать. Нужно радоваться хотя бы этому.

Но не получалось. Из головы не шли розовые туфельки. Похожие я видела много лет назад в витрине «Детского мира» — нереально красивые, как казалось мне тогда, маркие и неудобные, как сказала мама. И мне купили коричневые, из кожзама, «на каждый день».

— Мы что-нибудь придумаем, — ободряюще улыбнулся Оливер. — Приходите завтра.

— Завтра я должна быть в лечебнице с леди Райс.

— Тогда послезавтра. В три часа вас устроит?

Хоть в полночь, но я приду. Влзу в это треклятое подпространство, перерою вдоль и поперек серую пустыню, но найду свою магию. Свою, да. Пока я здесь, все, что принадлежит или будет принадлежать Элизабет, такое же мое, как и ее. И это касается не только магии.

В туфлях «на каждый день» я уже находилась. Дайте розовые

примерить.

Запала хватило ненадолго. Решительный настрой был похоронен лавиной сомнений. Должна ли я? Имею ли право? А главный вопрос даже сформулировать не получалось, и, появившись сейчас Мэйтин, я не знала бы, как спросить о том, что не давало мне покоя.

— А ты попробуй.

Бог возник рядом, когда я, заскочив в общежитие переодеться, топала на кафедру мистических существ сдавать мисс Милс план доклада.

— Уже пробовала, — ответила я вслух, пользуясь тем, что поблизости никого нет.

— И я сказал, что это неважно.

— Но я должна знать! Знать, что сейчас с Элси. Если я в ее теле, где она сама? Все люди тут — настоящие. Они живут, мыслят, чувствуют. Значит, Элизабет тоже. Значит, сейчас она должна быть где-то...

— Кто такая Элизабет? — перебил меня Мэйтин.

— Насмехаешься?

— И не думал. Ответ на мой вопрос — и все поймешь. А пока остановимся на первоначальной версии: Элси — твоя героиня, и ты, как автор, развиваешь ее сюжетную линию. Это похоже на правду.

— Но не правда?

— Не вся, — улыбнулся бог.

От него веяло спокойствием и уверенностью, и я решила принять это объяснение.

— Правильно, — одобрил он. — Береги нервы. Всею свое время. Сейчас, например, время приготовиться.

— К чему?

— Падать, — подмигнул Мэйтин и растворился в воздухе.

В ту же секунду что-то толкнуло меня в спину. В попытке удержать равновесие я взмахнула руками, папка с докладом выскользнула из пальцев и улетела в кусты, а я, как и предсказал бог, упала на снег, успев в последний миг выставить вперед ладони.

— Какая ты неловкая стала, Аштон, — неискренне посочувствовали со стороны. — Раньше шустрее была.

— А ты раньше не била в спину, Раскес, — поднявшись с земли, процедила я.

— Это не я, — ухмыльнулась она, потрянув длинными черными волосами.

— Это я.

Я обернулась: на дорожке позади меня стоял Брюс.

— Чего вам? — спросила я сердито.

— Поболтать, — усмехнулась Шанна. — Говорят, старик Крейг к тебе зачастил.

— А сама в ректорат каждый день бегаешь, — встал рядом с нею Брюс, лишив меня надежды добраться до торчащей из куста папки. — Не объяснишь, что происходит?

— Не объясню.

— Мы же по-хорошему спрашиваем, — Раскес угрожающе показала зубки. — Пока.

Слетевшая с ее ладони искорка больно царапнула щеку, и я, громко ойкнув, прижала к обожженному месту ладонь.

— Ты в порядке, Аштон? — поинтересовалась Шанна, озадаченно переглянувшись с приятелем.

— Буду, когда оставите меня в покое.

Использовать магию я не могла, но ничто не мешало мне оттолкнуть наглуую девицу с дороги. Раскес в ответ снова зарядила мне в лицо чем-то колючим. Я удержалась от того, чтобы вцепиться ей в волосы. Несolidно как-то. А вот присесть, сместиться в сторону и, резко выбросив вперед сжатую в кулак руку, ударить в живот — самое то.

Порадоваться тому, что мне знакомы боевые приемы, я не успела. Брюс ударил ладонью по воздуху, и меня отшвырнуло на пару метров, впечатав спиной в толстый ствол дерева.

Сбежать не позволяли гордость и опасения за папку с выстраданными набросками доклада. Я готова была рискнуть: кинуться на одного из боевиков, сшибить с ног и забрать драгоценные записи, — но появление нового действующего лица избавило от необходимости героизировать.

— Брюс! Шанна! — окликнул задир куратор Вульф. — Вы обещали, что не будет ничего подобного.

— Так нельзя с ней по-хорошему, — придерживаясь за бок, прошипела Шанна. — Она же бешеная!

— Вы первые начали! — выпалила я. И тут же растерянно обернулась к куратору: — Что значит «они обещали»? Вы что, заодно?

Знать бы еще, за какое одно и не проявятся ли сейчас на стене ближайшего корпуса кровавые письмена, сообщая миру о моем бесследном исчезновении.

— Мисс Раскес, мистер Дилейн, погуляйте пока, — приказал Саймон. Получилось неубедительно: приказывать он не умел, только просить — но студенты подчинились. — Элизабет, я, наверное, должен объясниться. И

извиниться за Брюса и Шанну. Их можно понять: пропал их товарищ...

— Вы о Мартине? — я невольно скривилась. — Думаете, он беспокоился бы, окажись Брюс на его месте?

— Это было честное соперничество, — хмуро заявил боевик. — Они оба подошли ко мне перед соревнованием. Если бы победила команда мистера Кинкина, Брюс согласился бы с тем, что не заслуживает занимать место старосты. Это ведь большая ответственность, и нужно пользоваться соответствующим авторитетом среди соучеников.

Брюс пользовался авторитетом. Мартин его покупал. Саймон Вульф как куратор должен был обо всем этом знать. А меня уже не должно было заботить положение дел на отделении боевой магии.

— Я узнал, что ребята задумали провести собственное расследование, — признался Саймон. — И решил подстраховать их.

— Не можешь остановить безобразие — возглавь его. Испытанная тактика. Только почему ваши сыскари-самоучки накинулись на меня?

— Они считают, что вам что-то известно. Инспектор Крейг приходил к вам, и у ректора вы появляетесь регулярно.

— Каждый день, — не опровергла я. — Могу при случае пожаловаться на ваше тайное общество. Если, конечно, вы не зарегистрировали его соответствующим образом.

— Не думаю, что руководство одобрит, — пробормотал он.

— Как и нападение на студентов, — продолжила я. — Мне не нравятся методы ваших подопечных, но... Я тоже хочу понять, что случилось с Мартином и остальными. И тоже думаю, что руководство академии не поддержит мою инициативу. Объединим усилия?

Идея возникла спонтанно, но почему бы и нет? Саймон — преподаватель, со сбором закрытой для студентов информации сумеет помочь. Если согласится.

Боевик задумался. С одной стороны, ему хватало своих студентов с их неумемной жадой деятельности, а с другой — в силу возраста и характера тянуло на авантюры.

— Какой у вас интерес в этом деле? — спросил он.

— Личный. Пока я не готова это обсуждать. Но другими сведениями поделюсь. Если мои друзья согласятся на сотрудничество. К слову, большая у вас команда?

— Семь человек, — ляпнул он, кажется, первое, что пришло в голову. — А у вас?

— Четверо. Человек. И один эльф.

Упоминание эльфа произвело впечатление: Вульф посмотрел на меня с

уважением.

— В семь мы с друзьями будем в библиотеке, — сказала я. — Читальный зал в секции художественной литературы. Приходите.

— Посмотрим, — усмехнулся Саймон.

Мальчишка в нем, несмотря на усы и солидный костюм, перевешивал серьезного преподавателя, и я не сомневалась, что вечером мы увидимся. Но до этого мне предстояло разобраться с драконами. Вернее, с драконшей.

Мисс Милс скептически хмыкнула, изучив мои заметки, но сказала, что даст мне на подготовку время до конца семестра. «Интересно, что у вас получится», — объяснила она свое решение.

«Самой интересно», — вздохнула я мысленно.

И почему было не взять стандартную тему? Потому что мы не ищем легких путей. А почему мы не ищем легких путей? Потому что у нас с головой не все в порядке, другого объяснения нет.

В библиотеку Саймон пришел с Брюсом и Шанной.

— Ты говорила, их семеро, — шепнула мне Мэг.

— Вы говорили, у них эльф, — нарочито громко выговорила куратору Шанна.

— Нас семеро, — уверил Вульф. — Но остальные четверо — рядовые бойцы... вроде того...

— У нас есть эльф, но он не смог прийти, — соврала я. — Занят. Вроде того.

— Нас все равно больше, — Брюс, видимо, решил определить главенство в совместном предприятии.

— Семь человек — одна специализация. — Сибил подняла глаза к потолку, что-то прикинула в уме и вывела: — Низкая эффективность.

— А у вас? — скривилась Шанна. — Гадалка, две... нет, — бросила на меня презрительный взгляд, — полторы целительницы и облезлый кошка?

— Облезлый? — прищурился Норвуд. — Где?

Он приподнялся с кресла, оттолкнулся ладонями от подлокотников и рысью приземлился рядом с Шанной, чтобы обойти ее по кругу, демонстрируя густую шерсть и крепкие клыки.

— Не нужно ссориться, — попросил Саймон, чувствующий себя явно не в своей тарелке. Влияние как преподаватель он имел только на Шанну и Брюса, но не на нашу компанию. Не нажалуетса же он куратору Норвуда или леди Райс на наше плохое поведение во время проведения тайного расследования?

— Рысь, — окликнула я друга. — Думаю, мисс Раскес уже убедилась,

что ты не облезлый, и готова извиниться.

Оборотень фыркнул и, запрыгнув обратно в кресло, принял человеческий облик.

— Не нужны мне ее извинения. На боевиков не обижаются.

Шанна вспыхнула, припомнив, как в оригинале звучит эта поговорка, но смолчала.

— Может, приступим к делу, пока не передрались? — предложила я. — Раз мы все здесь, значит, уже приняли решение насчет сотрудничества. Или вы пришли, чтобы сообщить, что не хотите с нами работать?

В родном мире я как-никак ведущий экономист и могу, если надо, приструнить и безалаберных расчетчиц, и зарвавшихся банковских операторов, и даже живущих в собственной вселенной айтишников, регулярно забывающих о существовании всего остального нуждающегося в их профессиональных услугах человечества. На боевиков деловой, немного резкий тон тоже подействовал.

— Хотим, — сказал Брюс, переглянувшись с подругой и куратором. — Но не уверены, что от этого будет толк.

— Как и мы, — заметила я. — У нас уже есть несколько версий, а добились ли вы чего-нибудь или только и можете, что девушек подавливать и с ног сбивать, — неизвестно.

— Не собирался я тебя сбивать, — отмахнулся раздраженно староста. — Хотел легонько толкнуть, привлечь внимание, но с заклинанием напутал.

Брюс Дилейн, с лету осваивавший новые плетения, — и вдруг напутал? Слабо верится.

— Давно это у тебя? — поинтересовался Рысь.

— Что — это? — недовольно уточнил Брюс.

— Плетения срабатывают неправильно. И татуировка углем и киноварью.

— Как узнал? — боевик непроизвольно обхватил себя за плечи.

— Запах, — оборотень потянул носом. — Свежая, не больше двух недель. Делал у артефакторов?

— Это не запрещено.

— Я и не говорю, что запрещено, — усмехнулся оборотень. — Но сам бы не доверился недоучке без диплома, пусть даже она хорошенькая блондинка с большими... хм...

— Глазами, — подсказала я, привлекая внимание Норвуда, чтобы хоть взглядом спросить, о чем это он.

— Я хотел сказать, с большими амбициями, — подмигнул мне друг. — Представляешь, учится только на четвертом курсе, а уже подрабатывает в профессиональной мастерской, делает татуировки-активаторы. Только имя ее забыл...

— Лилиан, — хмуро подсказал Брюс.

— Точно, Лилиан! — хлопнул себя по лбу Норвуд. — Все время путаю их.

— Кого? — одновременно спросили Мэг и Шанна.

— Подружек вашего Кинкина, — ответил Рысь, согнав с лица дурашливую улыбку. — Тамила с архитектурного, Лилиан с артефакторного.

— Не объясните, о чем речь? — не выдержал Саймон.

— Видимо, о том, что Мартин получил по заслугам, — вздохнула я, подумав, что теперь Брюс охладет к судьбе «честного» соперника.

Норвуд задал ему еще пару вопросов, и картинка сложилась.

Татуировку староста боевиков набивал в несколько заходов, с каждым разом добавляя к рисунку новые фрагменты. Началось это еще на первом курсе. Увидел объявление артефакторов: тем нужны были подопытные для отработки техники вживляемых артефактов, усиливающих и стабилизирующих заклинания. Во избежание осложнений (ведь работу выполняли, как сказал Рысь, недоучки) рисунок магически активными красителями имел краткосрочное действие, но сама татуировка оставалась, и можно было немного заработать, послужив пособием для зачета. Брюс попробовал и втянулся. Читала я когда-то о тату-зависимости — видимо, это оно и было. Ни для кого в группе, кроме Элизабет, не интересовавшейся жизнью соучеников, пристрастие старосты секретом не было, и Мартин придумал, как этим воспользоваться. Свел близкое знакомство с Лилиан (Брюс в последнее время набивал тату только у нее), и та согласилась помочь приятелю сместить конкурента. Всего-то и нужно было чуть-чуть поменять рисунок. Вредоносное действие артефакта должно было скоро закончиться, и никто ни о чем не догадался бы, а Мартин к тому времени уже занял бы пост старосты. К решающему соревнованию он подготовился хорошо: заклинания Брюса срабатывали бы с ошибками, а сам Кинкин, пользуясь схемой, полученной от второй подружки, прошел бы полосу препятствий с закрытыми глазами.

Боже, сколько подлости! И только чтобы удовлетворить свое честолюбие?

— Не только, — отозвался боже, материализуясь в свободном кресле. — Пост старосты — это повышенная стипендия, ряд льгот и

отдельная комната в общежитии. Элси Аштон не понять, но Брюс и Норвуд знают, чего оно стоит.

Я посмотрела на парней. Рысь как раз рассказывал боевику о найденной в комнате Мартина схеме.

— А твой друг — молодец, — заметил Мэйтин.

Молодец. Ухватился за ниточку и распутал весь клубок. Жаль, ниточка не наша. Инспектор Крейг, знавший о схеме, а возможно, и о татуировках, сказал, что к исчезновениям это отношения не имеет.

— Что у вас по другим пропавшим? — спросила я бывшего куратора, расстроенного тем, что не заметил вовремя проблем в группе. — Мы поделились информацией.

— Ага, — хмыкнул Рысь. Посмотрел на притихшую в сторонке Шанну: — Есть и от кошаков польза, да?

— Мы собрали кое-что, — сказала она неуверенно. — Знаете, что Лост расстался с подружкой?

— Знаем, — кивнул оборотень.

— И о проблемах Виктора Нильсена со здоровьем? — спросил Саймон, подержав себя за ус.

— В общих чертах, — ответил, чуть замешкавшись, Рысь.

— Если хотите, расскажем в деталях, — предложил Вульф, обменявшись взглядами с подопечными.

— Давайте, — снисходительно усмехнулся оборотень. — После того что мы сообщили, было бы неплохо получить что-нибудь взамен.

— Хорош! — заплодировал Мэйтин. — Нужно присмотреться к парню, задатки у него неплохие.

А как целуется... эх...

— Рассказывайте, — потребовала я у Саймона, раздосадованная невольно всплывшими воспоминаниями и последовавшей за ними ехидной улыбкой божества.

— Целители запретили Виктору практиковать некромантию из-за проблем с сердцем, — коротко выдал боевик. — Весной он должен был получить диплом, но с такой отметкой работу по специальности найти почти невозможно. Кому нужны некроманты-теоретики? Виктор прошел курс лечения, но доктор Грин все равно не подписал разрешение.

То есть практически поставил крест на карьере Нильсена. Интересно, у того действительно были серьезные проблемы, или дело все-таки в Грине?

— Разузнай, — сказал Мэйтин. — Справишься без меня?

Будто он только то и делает, что помогает!

— А я и не обязан. Я вообще за другим пришел. Мы утром не договорили, у тебя ведь был еще один вопрос.

Был. И есть. Я хочу знать, что рискую не напрасно и, когда все это закончится, вернусь к своему коту и остывающей пицце.

— Вернешься, — пообещал Мэйтин. — Даже если погибнешь здесь, очнешься там живая и невредимая.

Получается, можно обойти терминал?

— Можно. Но смерть моего мира будет на твоей совести, — сурово предупредил бог. — Да и умирать неприятно. Поверь.

Умирать не хотелось. Даже в чужом мире и в чужом теле.

Значит, побарахтаемся.

ГЛАВА 13

Разговор с Грином состоялся раньше, чем я рассчитывала. Вернее, я совсем не рассчитывала на разговор, хотела присмотреться к доктору со стороны, расспросить леди Пенелопу, но... Так вышло.

Утром я шла в лечебницу и заметила у боковой калитки автомобиль, на крыше которого были закреплены чемоданы, а рядом с машиной стояла в окружении больничных сестер Анабель. Меня она не увидела, но я и не хотела попадаться ей на глаза. Отчасти потому, что глаза эти были полны слез. Девушка улыбалась через силу, уверяла обступивших ее женщин, что «там» ей будет лучше, и тут же говорила, что осталась бы, если бы могла. И со значением добавила: «Вы же понимаете?»

Я понимала, но и дальше держала бы свое мнение при себе, если бы дверь кабинета Грина, когда я шла мимо, не оказалась распахнута настежь.

— Вы уволили Анабель? Как вы могли! — возмущенно высказала я доктору, как ни в чем не бывало попивавшему чаек на рабочем месте.

— Э? — он с недоумением уставился на меня поверх чашки.

— Вы же сами говорили, что ей нужна работа!

Грин отставил чашку и пригляделся ко мне.

— А, вы эта... Аштон. Снова направление на анализы? — Он поднялся, и я невольно отпрянула к двери, но та захлопнулась за моей спиной. — Что вы тут делаете, я вас спрашиваю?

— Хочу знать, почему вы уволили Анабель, — произнесла я четко, поняв, что отступать некуда.

— Может, все-таки сдадите кровь? — ласково предложил доктор. — Или полное обследование проведем? Кажется, вы не совсем здоровы. С чего вы взяли, что я ее уволил?

— Автомобиль стоит у ограды, чемоданы на крыше, Анабель прощается с подругами. Скажете, мне померещилось?

Грин подошел к окну.

— Нет, не померещилось. Автомобиль у ограды, чемоданы на крыше, Анабель прощается с подругами. Всё как вы сказали.

— Издеваетесь?!

— Я? Помилуйте, мисс, это вы ворвались ко мне с нелепыми обвинениями. Да, Анабель уезжает, но я ее не увольнял. Она сама уволилась.

— Сама? И поэтому теперь плачет?

— Люди нередко плачут при прощании. Вы бы плакали, если бы пришлось расставаться с друзьями? Если они у вас есть, конечно.

Этот человек меня бесил. Ему удавалось оскорблять меня каждой, казалось бы, нейтральной фразой, каждым взглядом и даже молчанием. Хотелось отплатить ему той же монетой, но, похоже, эту валюту я оставила в другом пальто, в другом мире.

— Дышите ровнее, — посоветовал Грин. — Этак вас удар хватит. Хотите знать, куда и почему уезжает Анабель? Хорошо. Ее муж получил назначение в другой город. Хорошее место, жалование выше, чем в академии, квартиру выделяют больше, чем была у них тут. Естественно, он согласился.

— Муж? — растерялась я. — У Анабель есть муж? Но я же спрашивала вас об отце ребенка, и вы сказали...

— Что это не ваше дело, — усмехнулся он. — Разве я был не прав? Кто вы Анабель? Подруга? Нет, иначе не задавали бы таких вопросов. Значит, не ваше.

Боже, как я устала чувствовать себя идиоткой!

— Я удовлетворил ваше любопытство? Не смею задерживать, — Грин указал на дверь. — Хотя... С вами все в порядке?

Он шагнул ко мне и протянул руку, словно хотел дотронуться, хоть между нами оставалось еще достаточное расстояние. От внезапного, непонятно чем вызванного страха я застыла на месте и не смогла бы пошевелиться, даже если бы Грин подошел вплотную и сжал пальцы у меня на шее.

Спасти меня могло только чудо. И оно не заставило себя ждать.

— Эдвард! — леди Райс без стука вошла в кабинет и остановилась, увидев меня. — Элизабет? Что вы тут делаете?

— Я зашла... спросить о книге. «Город Драконов». В библиотеке сказали, что ее читают, я посмотрела формуляр и...

Боже, зачем я вспомнила о книге? Это же улика!

— Что за чушь? — скривился Грин. — Я вернул ее еще осенью. Пусть ищут лучше. Что у вас, леди Пенелопа?

Он переключился на наставницу, и, пользуясь этим, я хотела выскочить в коридор, но леди Райс придержала меня за локоть.

— Я к вам как раз по поводу Элизабет, — сказала она. — Хочу попросить для нее разрешения присутствовать при вскрытии, которое будет проводить доктор Кленси. Вы же помните, вчера привезли того юношу...

— Помню. Но не понимаю, зачем Элизабет присутствовать при вскрытии.

— Она пропустила анатомический практикум, а это неплохая альтернатива.

Заведующий откашлялся.

— С каких пор на факультете боевой магии углубленно изучают анатомию? — спросил он. — Я чего-то не знаю?

— Того, что мисс Аштон больше не учится на том факультете, — улыбнулась наставница. — Теперь она моя студентка. Вернее, скоро станет ею. Пока же у нее подготовительный курс.

— Это, — палец доктора указал на меня, — ваша студентка? Вы не шутите?

— Ничуть. Элизабет готовится к экзаменам для перевода и, думаю, прекрасно их сдаст. Девушка она умная, целеустремленная и не боится сложностей.

— Хм... Никогда не сомневался в точности ваших оценок, леди Пенелопа, но... Хорошо, если вы считаете, что мисс Аштон нужен подобный опыт, пусть идет.

— Куда? — осмелилась спросить я.

— В морг, — мрачно изрек, глядя мне в глаза, Грин.

«Ура! В морг!» — возликовала я в душе. Компания покойников казалась привлекательнее проводившего меня задумчивым взглядом целителя.

Наставница провела со мной короткий инструктаж, снабдила блокнотом для конспекта и салфеткой, пропитанной чем-то с резким цитрусовым запахом, и отвела в расположенный в подвале морг. В прозекторской уже лежал подготовленный к вскрытию труп молодого человека лет двадцати. От мысли, что это кто-то из студентов, стало не по себе, но потом я вспомнила слова леди Райс о том, что его откуда-то привезли, и успокоилась. Хотя странно, что в лечебницу привезли уже умершего человека.

Странность эту разъяснил доктор Кленси, приятный мужчина лет пятидесяти, совмещавший обязанности хирурга и патологоанатома. Оказалось, юношу везли издалека, еще живым. Умер он в дороге, и причину смерти сейчас нужно было установить. Доктор предполагал перитонит — на это указывали симптомы, описываемые сопровождавшими больного в лечебницу, и некоторые внешние признаки, — но предположение нуждалось в подтверждении.

Помимо меня в прозекторской присутствовало двое старшекурсников. Их, обрядив в халаты и плотные фартуки, допустили непосредственно к

столу и позволили ковыряться во внутренностях, потому на меня, скромно стоящую в сторонке, они смотрели как на пустое место. Зато доктор, вероятно, выполняя просьбу леди Райс, обо мне не забывал. Объяснял, рассказывал, показывал.

Корректный и доброжелательный, он производил впечатление хорошего специалиста и хорошего человека. Наверное, потому и вскрытие, в итоге подтвердившее его выводы относительно причин смерти, я пережила без проблем. Правда, было несколько особо неприятных моментов. Тогда я жмурилась, прижимала к носу салфетку и несколько секунд слушала размеренный голос доктора, призывавший меня обратить внимание на структуру и цвет тканей или расположение сосудов, после чего открывала глаза, смотрела, запоминала и записывала.

— Вы молодец, — похвалил меня доктор Кленси, когда все закончилось. — Еще несколько раз понаблюдаете — и можете сами братья за скальпель.

Так далеко я в своих мечтах не заходила, но за комплимент поблагодарила и от чашечки чая в приватной обстановке не отказалась. Мне понравился этот уравновешенный джентльмен с интеллигентной бородкой и улыбчивыми голубыми глазами. Понравились добрые шутки, ничуть не похожие на тот циничный стеб, что обычно приписывают патологоанатомам, а в его приглашении не было ничего двусмысленного: время приближалось к обеду, позади выполненная работа, впереди еще полдня, и может случиться, что на чай уже не останется времени.

Кабинет доктора Кленси располагался в левом крыле лечебницы, тогда как кабинет леди Пенелопы — в правом, и я решила, что не стоит бегать туда-сюда, чтобы предупредить наставницу о короткой отлучке.

— Входите, мисс Аштон, входите, — пригласил меня внутрь радушный хозяин. — Сейчас вскипятим воды. Чашки здесь... Овсяное печенье?

— С удовольствием.

— Скажите, Элизабет, вам нравятся кошки? — спросил доктор.

— Конечно! У меня...

...замечательный котяра дома, но рассказывать об этом не нужно.

— Хотите поглядеть на котят, пока закипает чайник? — предложил мужчина, не обратив внимания на оборвавшуюся на полуслове фразу.

— У вас котята? — удивилась я. — Здесь?

— В соседней комнате. Доктор Грин не позволяет держать их на виду. Назвал мерзостью.

— Он и к людям не слишком добр, — пробормотала я.

— Пойдемте, — поманил меня хозяин.

К кабинету, как и у леди Райс, примыкала маленькая комната для отдыха, но если у наставницы это было скромно обставленное помещение — шкаф, кушетка, небольшой столик, — то интерьер личного уголка Кленси напоминал убранство кукольного домика. Занавески с оборочками, лаковые миниатюры на стенах, в креслах — украшенные цветной вышивкой подушки.

— Вот они, мои хорошие, — с умильной улыбкой доктор указал на накрытый клетчатой скатеркой стол у стены.

Там на маленьких стульчиках сидели два игрушечных котенка, судя по галстуку на одном и кокетливо сдвинутому на ухо бантику у другого — мальчик и девочка. На круглом столике между ними стоял миниатюрный чайный сервиз. Лапка мальчика тянулась к чашке, а девочка придвигала к себе блюдце с бумажным пирожным.

— Так вот какие у вас котята! — рассмеялась я.

Потянулась, чтобы погладить зверюшек, и замерла, поняв, что никакие это не игрушки. Это... мерзость!

— Вам нравится? — спрашивался на похвалу Кленси.

— Очень, — я заставила себя улыбнуться. И руку не отдернула — коснулась бантика на голове девочки.

— Тонкая работа. Они же такие маленькие. Представляете, как сложно снять шкурку без повреждений?

Представила. И прокляла свое слишком живое воображение.

Наверное, странно после того, как при мне только что «выпотрошили» человека, сокрушаться о судьбе зверят, попавших в руки таксидермиста. Но тот человек был уже мертв, и вскрытие — необходимая процедура, а котята... Чучело убитого на охоте медведя или волка не впечатлило бы меня так. Но это же котята! Не трофей, которым можно похвастать, не диковинка — просто котята!

Сама не знаю, как смогла после пить чай и слушать о тонкостях создания подобной «прелести», об обработке шкуры ядами, изготовлении каркаса и сложностях выбора набивочного материала. С чашкой в руке — увеличенной копией той, что стояла перед котенком-мальчиком, — чувствовала себя набитым соломой чучелом и отчаянно завидовала Грину, который на правах главного здесь мог, не стесняясь, высказать все, что думает о таком интересном хобби.

Я встретила его, когда, вырвавшись наконец от Кленси, шла к кабинету наставницы.

— Неважно выглядите, — заметил он с издевкой. — Не понравился

наш морг?

— Морг? — переспросила я отстраненно. — Нет, в морге все прошло хорошо. Мне не понравились котята.

— О, котята, — с пониманием протянул Грин; даже неприязни в обращенном ко мне взгляде поубавилось. — А что за ерунду вы несли о книге?

— Я пишу о драконах, и она мне нужна, но, если вы ее вернули, спрошу еще раз в библиотеке, — постаралась я замять тему.

— Пишете о драконах? — переспросил целитель, приблизившись, и холод пробежал у меня по спине. — В рамках учебной программы или по личному почину?

— В рамках. Простите, мне нужно к леди Райс.

Да, я постыдно сбежала и до вечера боялась выйти в коридор. Не знаю почему.

После того как лихо началась моя жизнь в новом мире, когда ежедневно случалось что-то, ставившее все с ног на голову, неожиданное затишье и радовало, и пугало. И удручало отсутствием каких-либо результатов.

Учеба понемногу продвигалась; с остальным же было совсем плохо.

Расследование зашло в тупик. Мы собирались по вечерам в библиотеке или встречались в парке, но обсуждать было нечего. Отношения с Оливером развивались не лучше. Точнее, не развивались. Я приходила к нему, мы шли в гимнастический зал или говорили в его кабинете, но и магия, и милорд Райхон оставались для меня недоступны.

Если с потерей дара я еще могла смириться, то равнодушие Оливера убивало.

Да, я все-таки увлеклась им. А он... Он был вежлив, даже приветлив, улыбался чаще, и от его улыбки меня бросало то в жар, то в холод, но я отдавала себе отчет в том, что это лишь новая тактика, чтобы стабилизировать мое эмоциональное состояние, как он сам обозначил цель наших занятий.

Так прошла неделя.

Учеба утомляла. Расследование удручало. Безответная влюбленность рвала душу.

Три условия счастливой развязки, обозначенные Мэйтином, — и все три казались невыполнимыми. Но хуже всего то, что меня начинал затягивать этот мир. Оливер, друзья, учеба. Я боялась, что привыкну и не захочу уходить.

Все же у суеты первых дней было одно неоспоримое преимущество: не оставалось времени на рефлексю. Неудивительно, что в глубине души я мечтала, чтобы что-то наконец уже случилось.

И почему из всех моих желаний сбываются только самые нелепые?

— Элизабет, я вынужден перенести нашу встречу, — скороговоркой проговорил милорд Райхон, положив трубку телефона. Я только пришла, когда ему позвонили, и по лицу ректора было видно, что известия не радостные. — Ранен эльфийский посол. Я должен быть в лечебнице.

— Можно с вами? — я вскочила с кресла, понимая, что Оливер исчезнет в любую секунду. — Я как раз собиралась потом к леди Пенелопе.

Если бы леди Райс сегодня дежурила, я уже была бы с ней. Ректор знал об этом, но, взволнованный новостями, не заметил лжи. А наставница была-таки в лечебнице. И она, и доктор Кленси, и другие целители, имен которых я не знала, и, конечно же, Эдвард Грин. К нему-то Оливер и направился, когда портал вывел нас в заполненный исположенными медиками коридор.

— Что с лордом Эрентвиллем?

— У лорда Эрентвилля арбалетный болт в груди, — зло выплевывая слова, отчитался заведующий. — А у его сородичей паралич ягодичной мышцы, которая по странной прихоти природы заменяет эльфам мозг!

— Как это произошло?

— Понятия не имею, — осклабился Грин, едва ли не с ненавистью глядя в сторону стоявшей особняком компании длинноухих. — Возможно, врожденная патология. Возможно, мутации под воздействием искаженного магического излучения.

— Я спрашивал про болт.

Действительно, не средневековье же?

— Если верить этим господам, — доктор кивнул на эльфов, — посол проводил ревизию коллекционного оружия и случайно разрядил арбалет в себя. Если бы речь шла о человеке, я сказал бы, что это невозможно. Но в физиологии эльфов я, как уже сказал, ничего не смыслю. Возможно, тела у них устроены иначе. Потому что мозги уж точно! За каким... они притащили раненого в мою больницу, если не позволяют его оперировать?!

Только после этих слов я обратила внимание, что, во-первых, персонал суетится в коридоре, вместо того чтобы оказывать помощь пострадавшему, и, во-вторых, эльфы не просто стоят в стороне, а закрывают собой дверь в приемный покой, где этот самый пострадавший, очевидно, истекает кровью.

— Доктор, держите себя в руках, — выдержка, восхищавшая меня в ректоре, и теперь его не оставила. — Мы во всем разберемся.

Когда он направился к эльфам, в коридоре воцарилась полная тишина: все хотели услышать, о чем они будут говорить. Правда, не думаю, что всем тут был понятен эльфийский.

— Я много тревожиться ваш лорд. Зачем вы не дайте человек-целитель лечить его рана? — примерно так я, пользуясь знаниями Элси, перевела вопрос Оливера.

Из ответа эльфов поняла только, что они тоже «много тревожиться», и слова «человек» и «сталь».

— Да слышали мы этот бред! — вскипел Грин. — «Никогда боле человек не обнажит клинок против эльфа и не обагрит рук в его крови» — это же идиотизм!

Эльфы с таким определением не согласились. То, что для доктора было идиотизмом, они считали незыблемым законом. Слова «незыблемый закон» я разобрала. Как и выражение «последний приют», сказанное одним из длинноухих, когда Оливер поинтересовался, зачем они принесли посла в больницу.

О последнем приюте Элизабет знала из курса, изучающего быт и традиции нелюдей: у эльфов существовало специальное место — то ли храм, то ли подобие хосписа, — куда приносили неизлечимо больных и смертельно раненных. Так как в людской культуре подобного не было, длинноухие решили притащить своего лорда умирать в лечебницу, чем расстроили ее заведующего, справедливо полагающего, что в лечебнице лечатся, а не умирают (за исключением отдельных случаев, но и тогда сначала все же лечатся). Теперь он требовал, чтобы эльфы либо позволили ему провести операцию, либо тащили раненого обратно в посольство.

— Они послали за своим лекарем, — негромко сказал Грину Оливер, вернувшись от эльфов.

— Знаю, — так же тихо процедил тот. — В Долину первоцветов. Прямые порталы там не открываются, он доберется не раньше чем за пять-шесть часов. Посол столько не протянет.

— Есть решение?

— Есть, — подумав с полминуты, произнес Грин.

Вокруг по-прежнему стояла невероятная при таком скоплении народа тишина, и, хотя голоса доктор не повышал, слова его слышали все, включая эльфов. Один из них вышел вперед.

— Какое решение вы имеете? — спросил он на людском наречии с сильным акцентом.

— Скальпель — это оружие? — уточнил доктор.

— Любая сталь — оружие.

— А если скальпель из стекла? Из вулканического стекла?

Длинноухий засомневался.

— Вы все равно намочите руки в кровь, — сказал он.

Грин брезгливо скривился, словно самому ему претила мысль испачкаться в эльфийской крови.

— Я и пальцем его не коснусь! — заявил он, продемонстрировав эльфу средний палец. Что-то подсказывало, что на Трайсе этот жест обозначал то же, что и в моем мире.

Нелюди собрались в кружок, с минуту пошушукались, и тот же эльф снова выступил вперед.

— Если скальпель из стекла, а вы не трогать кровь, можно. Но мы будем наблюдать.

— Хрен вам! — среагировал Грин. — Наблюдать! Вы будете помогать. Для начала подготовьте вашего лорда к операции. Вы же не хотите, чтобы кто-то из моих людей обагрил руки в его крови, пока будет снимать одежду? По той же причине ассистировать мне никто из них не сможет, придется вам.

— Среди нас нет лекарей, — сказал эльф.

— Вот и славно: никто не будет мешать советами. Многого от вас не потребуется, справитесь. Не могут же у вас и руки расти из того места, которым вы думаете?

Удивительно, что эльфы не обращали внимания на оскорбительные замечания Грина. А тот уже раздавал указания:

— Доктор Кленси, готовьте операционную. Миссис Ридли, перевязочного материала понадобится больше обычного, принесите еще какую-нибудь ветошь и тазы с водой. Господам эльфам придется подтирать каждую каплю крови, чтобы соблюсти свои законы...

— Элизабет, что вы тут делаете? — подошла, заметив меня, леди Пенелопа.

— Пришла с милордом ректором. А доктор... Он собирается оперировать посла так же, как разделил малышек? С помощью телекинеза?

— Других вариантов нет.

— Но что будет, если лорд Эрентвилль умрет во время операции?

— Нам с вами — ничего, — вздохнула леди Райс и вдруг схватила меня за руку и потащила к своему кабинету, недовольно интересуясь на ходу: — Что это за наряд на вас, мисс? Разве я не предупреждала насчет внешнего вида?

— Это одежда для медитаций. Я же не собиралась...

— Чепец и передник, — приказала она строго. — В таком виде я вас в операционную не пущу.

— В операционную? — опешила я. — Но доктор Грин будет...

— Польщен вашим вниманием. Он тщеславен в определенной мере. Зрители ему не мешают. Просто не сходите с места и молчите.

Разве можно было отказаться от возможности наблюдать уникальную даже для этого мира операцию?

— Идемте, — поторопила наставница. — Вот-вот дадут последний звонок.

У смотрового окошка операционной, к которому обычно подводят студентов-практикантов, собрался, наверное, весь персонал лечебницы. Избранные прошли внутрь. У меня благодаря леди Райс тоже был билет в первый ряд. Она завела меня за руку, словно ребенка, выбрала место у стены, откуда я, никому не мешая, смогу наблюдать весь процесс, и отошла к доктору Кленси, узнать, не нужна ли помощь.

Оливер находился тут же. Говорил с одним из эльфов — кажется, уверял того в абсолютной компетентности Грина.

Сам доктор объяснял остальным длинноухим назначение инструментов, уточняя, не считают ли представители дружественного народа что-нибудь из этого оружием. Черные обсидиановые скальпели, уже одобренные к использованию, лежали отдельно.

Сколько ни присматривалась я к Грину, так и не заметила признаков упомянутого наставницей тщеславия. Доктор Кленси, с озабоченным лицом расхаживающий вокруг стола, и то имел более важный вид, а Грин же, казалось, не осознавал серьезности ситуации и грозящих ему лично последствий. Зато уже понял, что эльфы никак не реагируют на издевки, и язвил по любому поводу.

— Тут у нас кетгут для внутренних швов, его делают из овечьих кишок. Можно сказать, после операции в лорде Эрентвилле будет что-то от барана. Это не запрещено вашими законами? Нет? И почему я не удивлен? А иглы стальные, не обессудьте. Мне придется ими в вашего лорда тыкать. Это не будет приравнено к покушению?

Раненого к моему приходу уже раздели, уложили на стол и усыпили. Со своего места я видела его лицо, ярко проступивший на посеревшей коже рисунок и торчавший из груди кончик металлического болта.

Закончив с представлением инструментов, Грин подошел к пациенту, протянул руку, но, вспомнив обещание не прикасаться к эльфу, убрал ее за спину.

— Пора.

Следующие его слова я в первый миг приняла за заклинание, но, когда один из нелюдей отозвался, осознала свою ошибку: это был эльфийский, какой-то незнакомый Элси диалект. Грин говорил на нем бегло, и я ничего из сказанного не разобрала, а в ответе эльфа поняла одно слово: «человек».

Доктор усмехнулся.

— Ну и ладно, — прошептал еле слышно.

Обсидиановый скальпель взмыл в воздух и завис над раненым.

ГЛАВА 14

Стой я ближе — наверное, смогла бы, даже при своих скудных познаниях, оценить мастерство хирурга-телекинетика, а так видела лишь мелькавшие над эльфом инструменты и через несколько минут перестала воспринимать это как нечто необыкновенное. Мне не хватало спецэффектов. Искр и сияния, стремительных росчерков черного скальпеля, ритмичных щелчков щипцов и зажимов, танца фарфорового лотка, подхватывающего в воздухе испачканные в неприкосновенной крови комочки марли. Или хотя бы намек на то, что стоящий рядом с операционным столом человек управляет всем этим действием.

Грин не шевелился. Не размахивал руками. Не вращал вытаращенными глазами. Но он вел эту операцию, один, без ассистентов. Расчищал рану, убирал кровь, вырезал вгрызшийся в плоть металлический стержень...

Но я этого не видела.

Прошло не менее десяти минут, прежде чем я поняла, что просто не вижу того, ради чего собрались остальные. Они не смотрели на летающие инструменты — они наблюдали истинное чудо.

Лицо Оливера оставалось серьезно и сосредоточенно, но глаза выдавали почти детский восторг. Леди Пенелопа щурилась, то напряженно, то одобрительно. Кленси глядел преувеличенно равнодушно. Миссис Ридли, старшая сестра, поддерживала под локоть незнакомую мне девушку. Видимо, привела посмотреть на доктора-чудотворца. Та и смотрит — с немым обожанием, широко распахнув зеленые глазища. Накручивает на палец медный локон, а с губ, кажется, вот-вот сорвется: «Доктор, я ваша навеки!»...

Так обидно стало. Зачем леди Райс позвала меня сюда? Все равно что привести глухого в оперу, да еще и усадить спиной к сцене, надеясь, что по выражению лиц других зрителей он сумеет понять суть постановки.

Захотелось уйти, но незаметно проскользнуть мимо стола мне не удалось бы, и я осталась. Наблюдала за слаженной работой инструментов. Видела, как толстые щипцы под дружный вздох извлекли из груди эльфа болт. Как засуетились над разрезом зажимы и пинцеты с тампонами. С раздражением, замешанным на зависти, вглядывалась в лица присутствующих. Леди Райс, Оливер, доктор Стоун, Кленси, операционная сестра, не помню ее имени, миссис Ридли, восторженная рыжеволосая

девица. И наконец остановила взгляд на Эдварде Грине.

Он все еще пугал меня, но сейчас этот страх затерялся в волнах других эмоций, и я, осмелившись посмотреть в его лицо, не отвела тут же глаз. Разглядывала его и пыталась понять, что же в нем такого ужасного. Да, не красавец, но и не урод: худое вытянутое лицо с тонким хищно изогнутым носом и постоянно прищуренными, то внимательно, то насмешливо, глазами, исчерченный мелкими морщинками лоб, густые русые волосы, местами уже высеребренные сединой, — ничего страшного или отталкивающего. Особенно сейчас, когда выражение презрительной брезгливости исчезло с лица, на лбу выступили бисеринки пота, а глаза блестят от слез, которые он боится сморгнуть, чтобы не потерять контроль над происходящим...

Мне не дано было видеть магию, но я видела, что Грин напряжен до предела, и испугалась, представив, что произойдет, не выдержит ли он этого напряжения. Буйное воображение нарисовало картину апокалипсиса, начавшегося со смерти доктора от острой сердечной недостаточности. Далее по сюжету умирал недоспасенный лорд, начиналась бойня между эльфами и персоналом больницы, а затем локальный конфликт перерастал в новую войну между двумя народами, не так уж давно, по меркам мировой истории, примирившимися. Когда Грин пошатнулся и невысоко взмахнул рукой, удерживая равновесие, показалось, что у моих фантазий есть все шансы сбыться.

Это случилось на завершающей стадии операции, и на доктора никто не смотрел — всех интересовал эльф, которого штопали сразу три иглы, а вокруг бабочкой порхали загнутые хирургические ножницы, обрезавшие лишние нитки. Грин торопился закончить, пока еще хватало сил. Когда был сделан последний стежок, завязан последний узел и ножницы в последний раз звякнули у груди пациента, целитель отвернулся от стола и направился к окну, хрипло бросив через плечо:

— Повязку сами.

Прижался лбом к стеклу.

Эльфы отмерли. Засуетились люди. Доктор Кленси и леди Райс подсказывали эльфам, как правильно обработать шов и наложить повязку. Остальные направились к выходу: спектакль закончен, и можно не дожидаться, когда исполнитель главной роли выйдет на поклон.

Мне не нравился Эдвард Грин, но подобное отношение со стороны недавних восторженных зрителей покорило. Может, еще рано говорить об успехе? Нет, будь так, медики не выглядели бы настолько спокойными, да и эльфов, похоже, уже не тревожила судьба сородича. Они переложили

посла на носилки и утащили в неизвестном направлении, кровь тщательно вытерли, а использованную ветошь унесли с собой. Оливер вышел, беседуя с одним из нелюдей, и в их разговоре не слышалось волнения. Леди Райс пригласила доктора Стоуна на чай. Кленси не позвали, и он ушел один — к своим котяткам. Сестры собрали инструменты...

Вскоре в операционной остались только мы с Грином.

Понятия не имею, что заставило меня подойти к нему.

— Доктор, я могу чем-нибудь помочь?

Он обернулся. Посмотрел на меня, и бессознательный ужас зашевелился под кожей, встопорщив волоски на руках.

— Анабель...

— Элизабет, — поправила я.

Внезапно Грин сцапал меня за воротник и притянул к себе.

— Начхать, кто ты, — прошипел мне в лицо. — Найди Анабель и скажи, что мне нужен кофе.

— Анабель нет, — прошептала я. — Она же уехала...

— Уехала, — он отпустил меня, посмотрел задумчиво на свою руку: пальцы заметно дрожали. — А кофе?

Голос его звучал растерянно, а в глазах отразилась такая обида — на меня, на Анабель, на весь этот мир, воспротивившийся тому, чтобы он получил заслуженную порцию бодрящего напитка, — что я решилась на еще большую глупость.

— Я могла бы сварить, если вы не против.

Стоило вспомнить, куда ведут благие намерения...

В следующее мгновение я узнала две вещи. Во-первых, не только ректор умел без подготовки открывать порталы и втягивать в них неразумных девиц. Во-вторых, человек способен чувствовать, как у него на коже проступают синяки: Грин стиснул мое плечо так, что отпечатки его пальцев обеспечат мне долгую память о сегодняшнем дне.

— Всё там, — в своем кабинете он толкнул меня к столику у окна, где расположилась спиртовка с латунной джезвой. Рядом стояли чашки и банка с молотым кофе.

Не было разумных объяснений тому, что я не возмутилась подобной бесцеремонностью и не ушла, хлопнув дверью. Словно сомнамбула зажгла трясущимися руками спиртовку, отмерила кофе, налила воды из кувшина...

В горле першило. Запах кофе — обожаемого кофе! — вызывал тошноту. Рубашка прилипла к спине, а пальцы стали холодными и влажными. Я перелила напиток в чашку и, рискуя разбить ее, донесла до стола доктора. Поставила рядом сахарницу.

Желудок скрутил болезненный спазм, но это мелочи в сравнении с ненавидящим взглядом Грина.

— Что за дрянь? — прорычал он, пригубив кофе. — Он несладкий!

— С-сахар перед вами...

— И что? Я должен сам положить его в чашку? — Грин почернел от злости... или у меня потемнело в глазах. — Идиотка! Какого ты пришла, если ничего не можешь? — он схватил чашку и швырнул в стену за моей спиной. — Вон!

Дверь я нашла на ощупь.

Вышла в коридор и, медленно переставляя ставшие ватными ноги, добрела до кабинета наставницы.

— Элизабет! — леди Пенелопу я уже не видела, только слышала ее голос. — Куда вы пропали? Милорд Райхон вас обыскался.

— Доктор Грин. Кофе... я сварила... дрянь...

Ничего больше я сказать не успела. Пол исчез из-под ног, и я провалилась в пустоту, чтобы, испытав секундную легкость полета, упасть в серый песок.

Серый песок, серое небо без солнца, холод и пустота.

Благие намерения, как и положено, привели в ад.

Страшно было лишь поначалу. С каждой безрезультатной попыткой вырваться из подпространства паника ослабевала, уступая место безразличию. Подумаешь, пусто и солнца нет. Зато не орет никто, ноги не дрожат и желудок не пытается вывернуться наизнанку. Не был бы песок таким холодным и колючим, как тертое стекло, можно было бы прилечь и вздремнуть. Но если сесть и уткнуться лбом в коленки, тоже неплохо...

— Не спите, — строго произнес у меня над ухом знакомый голос.

Чуть раньше я ему обрадовалась бы, но сейчас он не вызвал никаких эмоций, как и обнявшая меня за плечи рука. Хотя нет, рука была теплая.

— Элизабет!

— Да, милорд, — пробормотала я.

— Нельзя спать. Возвращайтесь.

— Не получается, — я удобнее устроилась на любезно подставленном ректором плече. — Можете снова вытащить меня за голову? Только не дергайте сильно...

— Элизабет! — он затряс меня, но мог с тем же успехом баюкать на руках. — Я не могу вас вытащить. Я и нашел-то вас с трудом.

— Угу...

— Мисс Аштон, если вы немедленно не проснетесь, я подпишу приказ

о вашем отчислении!

Это подействовало. Не как пощечина или ведро холодной воды, но подействовало.

— Не сплю, — я отстранилась от Оливера и заставила себя встряхнуться. — Уже не сплю, видите?

— Вижу. А вы меня?

Я посмотрела на сидящего рядом мужчину. Костюм, в котором он был с утра, галстук, туфли — одежду я могла разглядеть до мелочей. А лицо расплывалось, словно я смотрела на его отражение в воде.

— Вы слишком далеко забрались, Элизабет.

— Не знаю, как это получилось.

— Я, кажется, знаю. Вы были у доктора Грина?

— Он накричал на меня, — пожаловалась я. — Я ему кофе сварила, а он...

— Зачем вы к нему пошли? — с мягким укором спросил Оливер.

— Не знаю. Все ушли. Я подумала, что это неправильно, ведь он...

— Провел сложнейшую операцию. Устал и обессилел, а эмоциональное состояние при истощении довольно нестабильно. Грин работает в лечебнице не первый год, и персонал в курсе, что в таких случаях его лучше не беспокоить какое-то время. Леди Пенелопа не предупредила вас потому, что ей и в голову не пришло, что вы окажетесь такой сострадательной.

— Он на меня наорал, — повторила я.

— И сожалеет об этом.

— Он так сказал?

— Нет, но я бы сожалел.

— Вы в жизни, наверное, ни на кого голос не повысили.

— Почему же? — Оливер улыбнулся, и по его лицу вновь прошла мелкая волна. — Бывало. И сейчас иногда хочется. Но я не могу себе этого позволить.

— Репутация? — если бы разговор происходил в его кабинете, я не решилась бы задавать такие вопросы, еще и таким тоном, но тут это казалось вполне допустимым.

— Дар. Если на вас накричит целитель — это испортит вам настроение, но не жизнь. Если специалист по проклятиям пошлет вас к демонам — даже не знаю, где вы можете оказаться.

— Сюда меня отправили не вы, а именно добренький целитель!

— Сюда вы отправили себя сами, Элизабет.

— Нет, я... Грин накричал на меня, мне стало плохо...

— После того как он накричал на вас, или еще до этого?

— До, — созналась я.

— Но вы не связали свое состояние с присутствием доктора?

— Связала.

Его лицо смазалось набежавшей рябью, но можно представить, как он посмотрел на меня после этого признания.

— Почему вы не ушли? Есть же инстинкт самосохранения, в конце концов!

Есть. У нормальных людей.

На счастье, ректор решил, что я и так наказана за глупость, и не продолжал эту тему.

— Тут неуютно, мисс Аштон. Не уверен, что долго продержусь. Возвращайтесь.

— Куда?

— В себя. Вы лежите на кушетке у леди Пенелопы, а я сижу рядом на стуле, и, если посижу еще немного, спина и ноги совсем затекут. А мне завтра практику на полигоне проводить.

— По темным материям на полигоне? — не поверила я.

— Где же еще отрабатывать защиту от проклятий-ловушек? Вам бы понравилось: у тех, кто не справится с защитой, отрастут хвосты, и придется ходить с ними до конца недели. Но давайте я расскажу вам об этом, когда вернемся?

— Давайте, — согласилась я.

Хвосты — это мило. Пусть даже их временные носители так не думают.

— Элизабет, — Оливер требовательно потянул меня за руку. — Сконцентрируйтесь. Вспомните, как вы сюда пришли.

— Я не шла, я... Понятия не имею, что случилось. Вы говорили, что знаете.

— Догадываюсь, — поправил он. — Думаю, вы попали под возвратную волну.

— Откат? — переспросила я, используя распространенный в обиходе термин. — Но я ничего не делала.

— Вы попали под чужую волну. Чувствовали ведь, что вам не нужно находиться рядом с Грином?

При каждой встрече с ним чувствую...

— Я читал ваше личное дело, — продолжал Оливер. — Уровень эмпатического восприятия у вас в пределах нормы, согласно проведенным в прошлом году тестам. Но стоит повторить их сейчас. Думаю, из-за потери

способностей вы лишились естественной защиты, и находиться в зоне применения чар четвертого, а то и пятого уровня для вас опасно. В процессе обучения редко практикуются плетения выше третьего, а на операции был полный шестой и седьмой на отдельных этапах. Откат должен был быть мощнейший, и, если вы частично приняли на себя негатив, неудивительно, что вам стало плохо.

— Частично?

— Основной удар принимает маг, создавший изначальные заклинания. Но обычно он переносит это легче, ведь возвратная энергия имеет ту же природу, что и использованные чары.

Вроде бы логично: откат, отсутствие защиты. Но это не объясняет, почему меня с первой встречи угнетает и пугает присутствие Грина.

Или объясняет? Если в академии никто кроме целителей не использует магию выше третьего-четвертого уровня, то никто кроме целителя и не вызвал бы у меня таких эмоций. Леди Пенелопу я в деле не видела, а во время обходов она пользовалась артефактами, снижающими степень собственного воздействия мага и, соответственно, силу отката. Но у Грина я ничего подобного не заметила, и, если предположить, что он всегда работает без вспомогательных средств, можно списать производимое им впечатление на мой повышенный уровень эмпатии и помянутый Оливером инстинкт самосохранения.

Но не постоянно же Грин под негативом? Не работает же он денно и нощно?

— Элизабет, — Оливер с силой встряхнул меня за плечи. — Нельзя спать! Если уснете, можете не проснуться. Ни здесь, ни где-либо еще. Возвращайтесь.

— Как? Вы так и не объяснили, каким образом я сюда попала.

— Предполагаю, вы тут спрятались. От неприятных ощущений, от напугавшего вас Грина. И именно страх мешает вам вернуться. У вас сложилось не лучшее впечатление о докторе, но попробуйте его пересмотреть. Часто мы составляем мнение о людях, не зная их. Например, еще недавно на вопрос о некой Элизабет Аштон я ответил бы, что это одна из самых проблемных студенток, вздорная и легкомысленная. Но вы доказали, что можете принять ответственность за свои ошибки, быть серьезной и целеустремленной...

— Значит, вы больше не считаете меня взбалмошной дурочкой?

— Дурочкой, мисс Аштон, я вас никогда не считал.

Этого хватило, чтобы стряхнуть прилипчивую паутину сна.

— Я вернусь, — пообещала я. Сжала его ладонь, но вместо живого

тепла почувствовала холод песка, утекающего сквозь пальцы...

Нет! Почему сейчас?!

Вскочив, я топнула в сердцах ногой, и та увязла по колено. А когда я попыталась вырваться — почувствовала, что проваливаюсь в разверзшуюся подо мной дыру. Задержала дыхание...

...и с удивлением поняла, что стою на твердом полу.

Открыла глаза.

Вместо серой пустыни вокруг была темнота. Такая плотная, знакомая...

И луч света — только не сверху, а снизу, как будто кто-то открыл в полу люк.

Я осторожно приблизилась к источнику света.

Точно люк!

А внизу...

Дыхание перехватило, когда я узнала лестницу на чердак, кусочек выложенного грязной плиткой пола, деревянные перила и уходящие вниз ступеньки.

Дом! Мой дом!

— Опять? — сердито прошелестела тьма.

Порыв ветра с грохотом захлопнул крышку люка и сбил меня с ног. Но удара о пол я не почувствовала — упала на что-то мягкое...

— Я же говорил, что вы выберетесь.

Лица сидевшего рядом Оливера я не видела, хоть мы и находились уже не в подпространстве: наворачнувшиеся на глаза слезы растворили мир вокруг.

Я не выбралась. Я все еще здесь.

— Теперь можно спать, милорд?

— Нужно. Я должен уйти, но скоро вернусь. Если хотите...

Я ничего не хотела — только бы он не отпускал моей руки, пока я не усну.

Не отпустил...

Пробуждение было менее приятным, и дискомфорт я почувствовала еще до того, как открыла глаза. Попыталась сесть, но слабость и головокружение толкнули меня на кушетку.

— Занятно, — произнес надо мной хриплый голос. — Какие нынче барышни чувствительные. Как вы живы-то еще, эмпатичная наша?

— Вашими молитвами, — пробурчала я.

Собравшись с силами, села и отодвинулась подальше от с

любопытством разглядывающего меня Грина. Кто его позвал? Леди Пенелопа? Оливер решил проконсультироваться со специалистом?

Ни ректора, ни наставницы в комнате не наблюдалось.

— К вашей гиперчувствительности я непричастен, так что извинений не ждите, — заявил доктор. — Если ума не хватило определить источник негатива и держаться от него подальше — сами виноваты. За грубость, так и быть, простите. Но при вашем уровне эмпатии следовало бы понимать, когда человек не расположен к общению, и не навязываться со своим дурацким кофе.

Что? Я навязывалась?

— Дышите ровнее, мисс Аштон, — посоветовал Грин. — Раз, два — вдох, три, четыре — выдох. Других рекомендаций пока не дам. Скажу только, что чувствительность у вас, скорее всего, к видам воздействия, связанным с отдачей жизненной энергии. Поэтому к некромантам и целителям, когда те работают, лучше не приближаться. Я скажу леди Райс, что ваше присутствие в лечебнице нежелательно. Или же пусть держит вас в кабинете и берет с собой только в тех случаях, когда не планируется использование чар выше третьего уровня.

— Милорд Райхон говорил, до четвертого можно, — вставила я, исключительно чтобы не соглашаться.

— Милорду Райхону, конечно, виднее, — скривился целитель. — Но если планируете постоянно проваливаться на подуровень в критические моменты, оформите завещание. Единственный известный мне человек из тех, что увлекались работой в подпространстве, умер в возрасте двадцати семи лет от кровоизлияния в мозг.

— Мне двадцать.

— И жизнь уже наскучила? Что вы пререкаетесь все время?

— Я...

— Понятно, — Грин сцепил пальцы в замок и вывернул с мерзким хрустом. — Вы постоянно это чувствуете, когда я рядом?

— Нет.

— Не врать. В глаза смотрите.

Не желая этого, но и не в силах сопротивляться приказу, я подчинилась.

— Чувствуете, — Грин первым отвел взгляд. — Тогда поправка к рекомендациям: не приближайтесь к некромантам и целителям, когда они используют магию выше... пусть будет четвертого уровня, и не приближайтесь ко мне вообще. Это не критично, но нервы себе сохраните. И вот еще, — Грин взял со стола какую-то книгу и, не подходя, бросил ее

на кушетку. — В качестве извинений за причиненные неудобства и... вроде как благодарность за ваш дрянной кофе.

— Что это?

— «Драконий век» Эдриана Кроншайского. Вам же еще нужна литература для доклада? Это, на мой взгляд, лучшее, что написано по данной теме. Но в библиотеке вы эту книгу не найдете: редкое издание, и суждения автора отличаются от общепринятых. Это не подарок, чтобы вы не думали. Вернете, когда прочтете.

— А вы не боитесь, что я испорчу такую редкость?

— А вы не можете просто сказать «спасибо»? — вспыхнул доктор. — Отдайте!

Я успела первой схватить книгу и прижать к груди.

— Спасибо.

— Ваша избирательная чувствительность заразна, мисс Аштон, — процедил Грин. — Мне тоже не очень хорошо в вашем присутствии. До свидания.

В дверях он обернулся.

— Испортите книгу, хотя бы уголок страницы помнете — будете радоваться, если до конца дней застрянете в подпространстве.

После заглянула леди Пенелопа. Справилась о моем самочувствии, прочла короткую лекцию о том, как неосмотрительно игнорировать тревожные сигналы собственного организма, и предложила чаю с печеньями. К рекомендациям Грина она отнеслась серьезно и хотела запретить мне приходить в лечебницу, но потом согласилась, что держать меня в кабинете и брать только на обход — тоже вариант.

Оливер принес оставленное мной в главном корпусе пальто и предложил проводить меня до общежития. Умом я понимала, что это не более чем забота о пострадавшей по недосмотру старших студентке, но сердце жаждало романтики, и я представила, как мы рука об руку пройдемся по заснеженным аллеям...

Лучше бы вспомнила о порталах: прогулка оказалась удручающе короткой.

— Надеюсь, вы не в обиде, что я рассказал о вашей проблеме доктору Грину? — спросил ректор. — Если вы и дальше собираетесь изучать целительство, меры предосторожности не помешают.

— Конечно, — согласилась я и вздохнула: — Выбрала, называется, безопасную специальность.

— Замечательная специальность, — улыбнулся Оливер. — Главное —

не отчаивайтесь. Приходите ко мне завтра после занятий, и мы подумаем, что еще можно предпринять. Выводить вас на промежуточный уровень я уже не рискну, хотя... Вы действительно прежде не входили в подпространство? Я еще в первый раз заметил, как глубоко вы погрузились, а сегодня пробыли там более двадцати минут — это невероятно для новичка.

— Нет, до наших занятий — никогда, — ответила я не слишком уверенно.

Если терминал и люк мне не примерещились, буферный отсек между мирами связан с подуровнем, и я, прежде чем попасть на Трайс, достаточно долго говорила там с Мэйтином. То есть в подпространство выходила еще до медитаций с ректором. Через свой чердак. И сегодня могла вернуться тем же путем.

Только что случилось бы с Элси? Умерла бы от кровоизлияния в мозг? Или, наоборот, вернулась бы в свое тело, как и я — в свое?

Столько вопросов и ни одного ответа...

Вечер я провела в компании подруг.

Мороженое и горячий шоколад.

Восторг и зависть в глазах Мэг, когда я рассказала о сегодняшней операции. Заумные рассуждения Сибил, которую я, не вдаваясь в подробности, решила расспросить о выходе на иные пласты бытия.

Ночью, поняв, что с лихвой отоспалась в комнате наставницы, я зажгла лампу и открыла книгу Грина, но дальше первой страницы не пролистала, уставившись на дарственную надпись: «Эдварду. С теплом и нежностью. К. С-Д.».

К. С-Д. — Камилла Сол-Дариен?

Все страньше и страньше. Рано или поздно все девочки, оказавшиеся в волшебном мире, приходят к этому выводу.

ГЛАВА 15

Потерять магические способности не только плохо, но и хорошо. Во всяком случае, именно в этом пытался убедить меня Рысь.

Он нашел меня на целительском, где я самостоятельно штудировала учебники, пока леди Райс проводила семинар у пятого курса, и выманил из кабинета, чтобы поделиться грандиозной идеей.

Он выяснил, в каком бойцовском клубе состоял Герман Складовик. Точнее, в тайном обществе, если можно считать тайной студенческую организацию, официально зарегистрированную в ректорате. Лет сто назад парень по прозвищу Огненный Череп, устав от упреков обделенных даром сверстников в том, что маги ни на что не способны без своей силы, организовал клуб имени себя, члены которого состязались, нанося друг другу телесные повреждения разной степени тяжести, не используя дар.

Рысь решил, что для получения расширенной информации и об обществе, и о Германе нам нужно попасть в ряды безмагических бойцов. Обратной туда не принимали, они и без магии сильнее и быстрее обычных людей, поэтому друг планировал пройти в качестве приглашенного: каждый член клуба мог провести одного зрителя. А членом клуба должна была стать я. При вступлении кандидатов проверяли на способность удержаться от применения дара в экстремальных условиях, а поскольку сейчас я при всем желании ничего не применю, проблем с внедрением, по мнению приятеля, возникнуть не должно было. Специфику общества он, в отличие от меня, проблемой не считал.

— Рысь, признайся: тебе охота на мордобой поглазеть? А что морда, которую будут бить, — моя, тебя не смущает?

— Фу, мисс Аштон. Где вы слов таких набрались? Морда! У вас очаровательное личико, и рисковать им я не готов. Участие в боях — по желанию. Пусть тебя только примут, мы проберемся внутрь, разузнаем о Германе... ну и на мордобой поглазим. Да? Встречу тебя у общежития в половине девятого. Бойцовский костюм и маску найдешь?

— Маску?

— Маску, — Рысь закрыл одной ладонью лоб, а второй — нижнюю половину лица, так что остались видны только азартно блестящие глаза. — Общество же тайное!

Если бы я не торопилась на встречу с Оливером, возможно, обдумала бы все еще раз и отказалась.

Выводить меня в подпространство ректор теперь боялся, а альтернативы медитациям не нашел, и потому мы просто разговаривали.

Смысла в этих разговорах я не видела, но пообщаться с мужчиной мечты была не против. Если бы только он не был так настойчив в расспросах. Не оставляло ощущение, что Оливер подозревает, что со мной что-то не так. Небезосновательно, конечно. Но не могла же я рассказать ему, что я совсем не Элизабет, а по воле богов оказавшаяся в ее теле тридцатидвухлетняя тетка из другого мира?

В лучшем случае он мне не поверит. В худшем — поверит, и, вместо того чтобы стать для него объектом нежных чувств, я стану подопытным кроликом. Судя по тому, как ректора заинтересовала моя проблема с магией, исследовательское любопытство ему не чуждо.

— Побеседуем о чем-нибудь нейтральном, — предложил он. — Или о том, что волнует вас в настоящее время помимо вашего состояния.

— Эльфы, — выпалила я, лишь бы отвлечь мага от изучения моей персоны. — Меня волнуют эльфы. Вы выяснили, кто стрелял в посла?

— Нет. И не собираюсь. Это внутренние дела соседнего государства. Претензий к академии нет. Заявления о преступлении тоже.

— То есть вы согласны с их версией? Он сам в себя выстрелил?

— Согласен — да. Верю ли — конечно, нет. Это сложная тема, не рассчитывал обсуждать ее с вами.

— Тогда зачем спрашивать, что меня волнует?

— Я полагал, это будет что-то, не связанное с эльфами.

— На вопросы, не связанные с ними, вы тоже не ответите, — проворчала я. — О расследовании, например.

— Элизабет...

— Что еще, по-вашему, должно меня тревожить?

— Учеба, — невозмутимо предположил он. — К слову: как родители восприняли ваш переход на другую специальность?

— Они... рады.

Ой, дура! Нужно же написать родителям Элизабет!

— Хорошо, что близкие вас поддерживают, — Оливер сделал вид, что не заметил заминки в ответе. — Семья, друзья. Быть может, поговорим об этом?

— А может, все же об эльфах? — попросила я. — Всего один вопрос. Что они делают в академии?

— Седьмой пункт одиннадцатого параграфа мирного договора, заключенного в одна тысяча пятьдесят восьмом году, закрепляет за не

достигшими возраста первой зрелости эльфами право на обучение в учебных учреждениях Арлонского королевства наравне с людьми.

Я с сожалением вздохнула:

— Этот ответ я уже слышала. Думала, вы знаете правильный.

Оливер одарил меня задумчивым взглядом.

— Вы изменились, мисс Аштон. Прежде вы не интересовались подобным.

— Интересовалась. Но спросить было не у кого. Как и сейчас.

Ректор косо усмехнулся.

— Эльфы в академии учатся, — произнес с расстановкой. — Изучают нас, людей. Магов-людей. Это не официальная версия, а мое личное мнение, но другого объяснения я за все годы не нашел.

— Хорошее объяснение, — согласилась я. — Думаете, им и задания дают? Что-то вроде «Познакомься с несколькими магами, войди к ним в доверие и подготовь доклад по каждому»?

— У вас есть приятель-эльф? — догадался ректор.

— Есть, — признала я мрачно. — Видимо, отличник. А вы не думаете, что эльфы могут заниматься более углубленным изучением людей? Собирают опытные образцы?

— Нет. Уверен, они непричастны к исчезновениям, если вы об этом. Эльфы не используют темную магию. Потому их народ и пострадал так сильно в войне с людьми. Им нечего было противопоставить нашим боевым заклинаниям, проклятиям, поднятым некромантами армиям зомби и призванным путем кровавых ритуалов демонам. Они не слишком нас любят, да, но у них и нет причин для любви. Они присматриваются к нам, как к вероятному противнику, чтобы разработать способы защиты, и неукоснительно соблюдают законы, придуманные, чтобы не допустить новой войны. Вы же видели, они готовы были пожертвовать жизнью своего лорда, лишь бы не позволить человеку пролить кровь эльфа.

— Обагрить руки, — припомнила я дословно. — Если бы речь шла о пролитии крови, Грину не удалось бы обойти эти дурацкие правила. И знаете, даже при том, что я не питаю к доктору теплых чувств, в этом с ним солидарна: законы дурацкие.

— Странные, — не согласился ректор. — Но для эльфов они имеют смысл. И Грин это понимает.

— Да уж, понимание он вчера выказал всеми возможными способами.

— Ну, — Оливер мельком улыбнулся. — Он же извинился.

— Разве?

— Перед началом операции. Сказал, что наговорил лишнего от

волнения.

— Ни слова не поняла из того, что он говорил, — призналась я.

— Этот диалект эльфийского малоизвестен среди людей. Так что доктор перед эльфами извинился, но в глазах подчиненных остался бесстрашным и безнаказанным хулителем длинноухих.

— Ловко, — не могла не признать я. — А что ответил эльф?

— Сказал, что не заметил грубости.

— И только? — уточнила я с сомнением.

— «Слова человека, жужжание мух и собачий лай не нанесут обиды», — нехотя процитировал Оливер.

Я вспомнила лицо Грина в тот момент: беловолосый поставил его на место одной фразой. Жаль, мало кто это понял.

— Странная у нас беседа, — сказал ректор. — Я хотел поговорить о вас, а не об эльфах или докторе Грине. Это ведь вашу проблему с магией нам предстоит решить.

— Скажите, что бы вы хотели знать обо мне, и я отвечу.

— Вы помните, как впервые проявился ваш дар?

— Да. Мне было десять...

Я вытягивала из чужой памяти воспоминания и пересказывала их Оливеру, и, хоть говорила только правду, казалось, что он чувствует мою неискренность.

Когда наша встреча подошла к концу, я вздохнула с облегчением. На следующий день меня ждало дежурство с леди Райс, а затем — два выходных, за которые нужно было придумать, как отвлечь ректора от подозрений.

Сегодня были другие дела: написать письмо родителям Элси и подготовиться к посещению «Огненного Черепа».

Из-за письма я волновалась сильнее, но стоило макнуть перо в чернильницу, как все сомнения развеялись и нашлись нужные слова. Я извинилась за долгое молчание, объяснив его произошедшими в моей жизни переменами, расписала преимущества перехода на целительский, попросила прощения за то, что не посоветовалась, прежде чем предпринять ответственный шаг, и выказала надежду, что родители поймут и одобрят мое решение. Пожелала матери крепчайшего здоровья, передала горячий привет обожаемому отцу и, подписавшись «Любящая вас Элси», вложила письмо в конверт. После осталось запечатать его, снести в холл и опустить в ящик.

Найти маску для бойцовского клуба оказалось сложнее, но я и этот вопрос решила: отыскала в гардеробе Элизабет черную шелковую косынку,

сделала прорези для глаз и, собственно, все. Натянула до кончика носа, закрыв верхнюю половину лица, и завязала на затылке, как бандану. Костюм подошел тот же, что и для медитаций.

В условленный срок я сунула маску-косынку и тренировочные перчатки в карман куртки и вышла из общежития. Рядом тут же образовался Рысь и под ручку, словно выгуливал перед сном подружку, провел меня к зданию боксерского клуба. Действительно, где еще собираться бойцам, не в музыкальном же зале? В целях повышенной секретности главный вход был закрыт, даже свет над крыльцом не горел, а к боковой двери время от времени подходили люди.

Когда поток стремящихся в клуб иссяк, Норвуд вытащил из-за пазухи черную полумаску. Я тоже спрятала лицо, надела перчатки и вслед за оборотнем поднялась на крыльцо.

Рысь трижды стукнул кулаком по двери.

— Кто? — отозвались изнутри.

— Не подскажите, как пройти в библиотеку? — спросил друг.

И в этом мире не придумали ничего лучше! Я хихикнула, но под укоризненным взглядом оборотня сжала расплывающуюся в улыбке губы. Дело-то серьезное — в тайную организацию внедряемся.

— Не поздно для чтения? — резонно поинтересовались из-за двери.

— Никогда не поздно узнавать что-то новое, — ответил Рысь.

Послышался звук отодвигаемого засова.

— Нового хотите? — зловеще осведомился долговязый тип в длинном черном плаще. Лицо его закрывала маска в виде красного черепа. — Будет вам новое. Входите. Тигр, проверь их.

Из темноты коридора вынырнул коренастый парень в полосатом желто-коричневом трико и желтой шапочке с пришитыми к ней ушами, скорее медвежьими, нежели тигриными. Маску ему заменял покрывающий лицо грим, что наводило на мысли не о тайном обществе, а о детском утреннике.

Тигр поднял на уровень глаз квадратную металлическую рамку и оглядел нас сквозь нее.

— Зверь, — обличительно ткнул пальцем в оборотня.

— Человек, — оскорбился Рысь.

— Правила...

— Знаю, — отмахнулся друг. — Я с ней пришел.

Тигр и Череп обернулись ко мне.

— Драться любишь? — недоверчиво спросил долговязый.

— Люблю, умею, практикую.

— Без магии?

— Могу и без магии.

— Сейчас проверим, — пригрозил Тигр. — Видишь круг на полу? Становись в середину.

Круг, а скорее, неровный овал, был нарисован на паркете чем-то светящимся, и не увидеть его в полумраке было сложно. Еще сложнее было перебороть заворочавшийся в груди страх. Мало ли что там? Войду внутрь, и в меня полетят огнешары и молнии — проверку, устроенную друзьями, я помнила, как и ту, что организовал мне Оливер.

— Ты сможешь, — Рысь бесцеремонно вытряхнул меня из куртки и подтолкнул вперед.

Я вошла в круг и сжалась, ожидая «испытательных» заклинаний. Так и простояла минуты две.

— Принята, — провозгласил Череп. Видимо, я выдержала магическую атаку и умудрилась этого не заметить. — Прозвище уже придумала?

— Кому?

— Себе. Под каким именем драться будешь?

Драться?!

— Нам сказали, участие в боях по желанию, — выступил вперед Норвуд.

— С января правила поменялись, — прогундосил долговязый. — При вступлении в клуб первый бой обязателен. Так что решай, как зваться будешь. Только придумай что-нибудь оригинальное, а то у нас Молний уже три штуки и Ураганов аж четверо.

— Черная Мамба. — сказала я мрачно, глядя на друга.

Выйдем отсюда — я ему устрою! «Убить Рыся». Голливуд отдыхает.

В зале, куда нас провели, было темно и шумно. Вокруг огражденного канатами ринга, единственного освещенного тут места, собралось не менее ста человек. Они галдели, топали от нетерпения ногами и делали ставки на поединки. У самых канатов топталось несколько бойцов — очевидно, первые в очереди почесать кулаки.

Череп поймал за шкурку мелкого верткого парнишку в красном костюме и такого же цвета полумаске.

— У нас претендент.

— Да? — мелкий с любопытством посмотрел на Норвуда.

— Она, — показал на меня Череп.

— А-а, — интереса в блестящих в прорезях красной маски глазах поубавилось. — Ладно, подберу ей соперницу.

Ну, хоть соперницу.

— Это Сполох, — отрекомендовал Череп мелкого, когда тот скрылся в толпе. — А я Ночной Кошмар. Просто на Кошмара тоже отзываюсь. Запомни, пригодится: мы тут старшие.

— Как проходят бои? — поинтересовалась я. — Какие правила?

— Правило одно — не применять магию.

— А ничего вроде «по лицу и ниже пояса не бить» у вас нет?

— Про «ниже пояса» есть, — закивал долговязый. — Но там уж как получится. Тебе-то чего по этому поводу переживать?

И правда, чего это я? Ну сломают пару ребер, расквасят нос — завтра же все равно в лечебницу идти.

Не глядя на Норвуда, я впиалась ногтями в его руку. И на ногу бы ему наступила, но разнесшийся по залу звук гонга отвлек от этих намерений.

— Дамы и господа, — с ринга приветствовал собравшихся Сполох. — Сегодня особый день, мы все это помним. Но сегодня вдвойне особый день. Вы пришли, чтобы увидеть поединок наших лучших бойцов, и вы его увидите, однако прежде мы примем в свои ряды отважную девушку, готовую бросить вызов судьбе, не применяя магию. И сейчас она это докажет. Поприветствуем...

Ночной Кошмар впихнул меня на ринг, легко перебросив через канаты.

— Черная Мамба, — подсказал он.

— Черная Мамба, — громогласно провозгласил Сполох.

Зрители разделились на две части. Одна приветствовала меня унылым «Ы-ы-ы», вторая — не менее унылым «У-у-у». Воодушевляет, ничего не скажешь.

— Вызов Черной Мамбы принимает всем вам известная Гроза!

Под это представление на ринг вскарабкалось нечто. Серая ткань штанов и рубахи, по задумке закройщика, подозреваю, свободных, плотно облегла массивную тушу. Грудь, если она и была, терялась в волнах жира, а задницу Гроза имела прямо-таки выдающуюся.

«Мамочки! — взвизгнула я мысленно. — Это не Гроза, это Гора».

«Груша для битья, — успокоил внутренний голос. — Посмотри, как она ноги переставляет, каракатица. А костюмчик? Он же ей жмет в плечах. Она и рук нормально поднять не сможет!»

Так-то оно так, но... Не умею я драться. Элси умеет, а я нет. Шанну тогда ударила. Щелкнуло что-то в голове, и ударила. Но Элси Шанну давно недолголюбивала, а Грозу мы обе в первый раз видим.

Вот была бы на ее месте какая-нибудь... Наташка Мальцева.

Стерва Наташка из второго подъезда. Такая же толстозадая сейчас. В школе постройнее была, втискивала свой зад в леопардовые лосины,

красилась как индеец перед выходом на тропу войны и курила за гаражами. Рассказывала парню, с которым я тогда встречалась, гадости обо мне. Он не поверил, естественно, а Наташка прожгла сигаретой мою новую куртку...

Гонг я услышала словно издалека. Шагнула навстречу Грозе.

Пусть будет Наташка.

Не в куртке дело.

И не в парне...

Увернулась от нацеленного мне в голову кулака, ушла в сторону и ударила не успевшую закрыться соперницу в бок. Несильно... пока...

...Наташку я не видела после школы пять лет — она училась в другом городе. А когда увидела, не узнала. Задница, да. Полное отсутствие макияжа. Муж и двое детей. Но какой была сухой, такой и осталась. Только проявлялось это теперь иначе. Наташка бросила курить и ударилась в религию. При каждой встрече агитировала меня сходить в церковь и покаяться. В чем? Неважно. Наташка каялась регулярно. Это давало ей право в перерывах между покаяниями обливать кипятком собирающихся под окнами котов, обмазывать жиром скамейки, на которых вечерами собиралась молодежь, и материть продавщиц из магазинчика через дорогу. А меня, по ее словам, ждал ад кромешный.

И дождался...

Элси не ошиблась: Гроза оказалась до ужаса неповоротливой. Конечно, ударь она меня хотя бы раз, этого хватило бы. Но я ей такой возможности не давала. Порхала как бабочка, да. Когда удавалось — жалила как пчела. Маленькая такая, но очень злая пчелка. Даже не думала, что эта злость живет во мне до сих пор...

...Наташка была на похоронах. Оба раза. Подходила, крестилась, соболезновала фальшиво. Но не сказала ничего.

Сказала после, когда меня выписали. Наверное, караулила под подъездом не один день, чтобы сказать...

Гроза все-таки меня зацепила. Вскользь попала кулачищем по плечу, но боли я не почувствовала. Да и разве это боль?

...Бог без вины не карает — вот что она мне сказала.

А у меня даже послать ее сил не было, не то что ударить. Но хотелось безумно...

Остановиться вполоборота, подпуская к себе грозную тушу, на миг отпрянуть, перенося вес тела на левую ногу, а правой с силой ударить противницу в корпус. И еще раз, по уже оседающей на ринг фигуре, не думая, куда придется удар тяжелого ботинка. И...

Гонг.

— Победила Черная Мамба!

Редкие аплодисменты. Возгласы чуть более радостные, чем перед поединком. Браслет, натянутый мне на запястье шустрым Сполохом.

— Это пропуск, не потеряй.

Я пролезла между канатами и тут же угодила в объятия Норвуда. На вопрос, в порядке ли я, совершенно искренне ответила, что в полном. Кажется, я начинала понимать этих любителей мордобоя. Магия магией, но иногда хочется просто душу отвести. Даже через столько лет.

ГЛАВА 16

Внутри мы прошли, за членство в клубе я честно сразилась; пора бы заняться тем, ради чего все это затевалось, — разузнать что-нибудь о Германе. Но как? Во-первых, мы понятия не имели, под каким прозвищем тут появлялся Складовик. Во-вторых, вряд ли кто-то станет с нами разговаривать. Угораздило же попасть сюда в день поединка между лучшими из лучших! И чем дольше я смотрела на Норвуда, тем сильнее убеждалась, что угораздило нас не случайно.

— Ты знал! — зашипела я, оттащив его в темный угол.

— Об изменении правил? — сконфузился он. — Нет, конечно.

— О том, что у них намечен решающий бой! — Пришлось постараться, чтобы это прозвучало грозно, потому что злиться сейчас на Норвуда было все равно что злиться на ребенка, всеми правдами и неправдами заполучившего вождеденную игрушку: вроде и понимаешь, что он виноват, но жалко лишать малыша радости.

— Слышал что-то, — сознался «мальш». — Но нам это не помешает. Посмотрим поединок, а потом...

— Что потом? — распаялась я, подстегивая обиду напоминанием о том, что меня использовали как входной билет. — Как тут можно что-то узнать? У кого? И о ком?

— О бойце, который не появлялся в клубе с ноября. Герман показывал отличные результаты на полигоне, думаю, и тут был среди первых. Неважно, под каким именем он выступал, — его исчезновение не могло остаться незамеченным.

— Эй, что вы тут делаете? — послышалось из темноты.

Вместо того чтобы ответить приближающемуся к нам человеку, Рысь прижал меня к стене и залепил рот поцелуем.

— А, вы это...

Как только чужак убрался восвояси, я отпихнула от себя оборотня.

— Конспирация, — заявил он.

Вот же научила на свою голову!

— Р-рысь...

— Идем, — не дал мне начать воспитательную беседу оборотень. — Начинается!

Не знаю, что нервировало сильнее: то, что он отколол подобное, невзирая на заключенный между нами «пакт о ненападении», или то, что

меня эта конспирация оставляла равнодушной чуть меньше, чем хотелось бы.

Я вырвалась вперед, локтями проложив себе дорогу в плотных рядах зрителей, и остановилась почти у канатов.

— Встречаем Гробовщика!

Зал взорвался овациями, приветствуя вышедшего на ринг бойца в костюме из серой, похожей на мешковину ткани: свободные штаны и куртка без застежек, плотно запахнутая и перетянутая на поясе толстой веревкой. Лицо Гробовщика было наполовину скрыто широким капюшоном и замазано землистого цвета краской. Казалось бы, не ахти какая маскировка, но человека под ней не узнать. В обыденной жизни парень мог выглядеть утонченным белокожим аристократом.

— Его сегодняшней соперник — Стальной Волк!

Уши повторно заложило от радостного рева.

— Интересный костюмчик, — перекрикивая толпу, прокомментировал подобравшийся ко мне Рысь.

На мой вкус, места, на которые костюмчика не хватило, были поинтереснее: короткая жилетка из серебристого меха, покрывавшая плечи бойца, не сходилась на безволосой мускулистой груди и оставляла открытым рельефный живот. Темные штаны, плотно облежавшие ноги и то место, из которого у обычных волков растет хвост, тоже смотрелись неплохо. А накидка из такого же, как на жилетке, меха, закрывавшая волосы и шею сзади, и металлическая маска волка, полностью скрывавшая лицо, — это уже на любителя. Думаю, драться в таком душно и неудобно.

Сполох ударил в гонг, и бой начался.

Понятия не имею, за кого болел Норвуд, а я — за Волка. Никогда не думала, что можно получать удовольствие, наблюдая, как двое парней мутузят друг друга. Но оказалось, можно, еще и какое! К концу первого раунда я подпрыгивала на месте и реагировала на происходящее на ринге эмоциональными выкриками. К середине второго выяснилось, что я умею свистеть. А в начале третьего все внезапно кончилось. Волк оттеснил соперника к канатам и сокрушительным хуком слева отправил в нокаут, из которого Гробовщика не вывел даже гонг.

— Победил Стальной Волк! — объявил Сполох.

Чемпион издал звериный рев, который тут же подхватила толпа.

— Да! Я Стальной Волк! — голос из-под металлической маски звучал раскатисто и громко. — Первый из бойцов «Огненного Черепа»! Я был здесь, когда вас еще не было! Я буду здесь, когда вас уже не будет!

Не знаю, что означали эти слова, но народу бахвальство победителя

нравилось. И мне тоже. Особенно то, как он принимает демонстративно-угрожающие позы, поигрывая бицепсами.

— Налюбовалась? — спросил Рысь ехидно. — Теперь за дело, пока все не разошлись.

Расходиться никто не собирался. Когда Гробовщика привели в чувство и стащили с ринга, а Волк сошел сам, лихо перемахнув через канаты, у всех желающих появился шанс показать себя в деле.

— Зеленый Великан вызывает Могучего Льва! — выкрикнул Сполох.

Великан был в наличии. Действительно зеленый: и наряд, и измазанная краской физиономия. А Льва нужно было дождаться, если тот, конечно, примет вызов.

— Слышь, приятель, — Рысь по-свойски толкнул стоявшего рядом с нами парня в маске кривляющегося гоблина. — Не знаешь, этот сегодня не дерется... забыл, как его... высокий такой... С осени его не было, а сегодня, сказали, должен быть, но что-то я его не вижу...

— Чего? — обалдело протянул «гоблин».

— Ничего, друг, ничего, — оборотень успокаивающе похлопал его по плечу. — С другой стороны поищу.

Могучий Лев принял вызов, но посмотреть бой мне не удалось: Норвуд увел меня от ринга. Тащил сквозь толпу, высматривая кого-то, будто мог узнать тех, кто скрыт под масками и капюшонами. С некоторыми заговаривал, но безуспешно. «Того, вот этого» по невнятному описанию никто не опознавал.

— Так мы ничего не узнаем, Рысь.

— Не шипи, ядовитая моя. Прояви терпение.

Терпения мне было не занимать, но сейчас оно уходило на то, чтобы сдержаться и не отвесить наглому оборотню оплеуху.

— О, ты мне и нужен, — бросился он к невысокому парню в костюме какого-то насекомого: полосатое брюшко, короткий коричневый плащик, на голове — кожаный автомобильный шлем с прикрепленными к нему закрученными усиками и огромные очки. — Ты же этот, как его...

— Шмель, — вздохнул коротышка, должно быть, привыкший, что его прозвища никто не помнит. — Бешеный Шмель.

Я отвернулась, пряча улыбку. Заодно глянула на ринг: Великан побеждал.

— Точно, Шмель! — хлопнул себя по лбу Рысь. — Прости, голова дырявая, все забываю. Вот, парня одного ищу. Мы с тобой его бой в октябре смотрели. Точно с тобой, ты еще ставил на него... Высокий такой... Хоть убей, не вспомню, как звали. Он еще пропал куда-то на пару

месяцев, а сегодня тот, на входе, сказал, что должен быть...

— Не ставил я ни на кого в октябре, — снова вздохнул Шмель. — На мели был. А если ты о Стилете, не видел я его. Если бы он появился, уже на ринге был бы.

На ринг тем временем поднялся Сокол и вызвал на бой Урагана. Понятия не имею, как они определяют, какого из четырех он имел в виду.

— Поняла? — шепотом спросил Рысь, потащив меня дальше. — Стилет!

— А если нет?

— Складовик коллекционировал клинковое оружие. Ножи, кинжалы, пара рапир. Стилеты, думаю, у него тоже были.

Что ж, методы мистера Эррола, нужно отдать ему должное, работали.

— Слушай, приятель, — панибратски обратился он к новому невольному информатору, хлипкому на вид парнишке в наряде висельника: драное рубище, вместо маски — мешок с прорезями для глаз и свисающий с шеи обрывок веревки. — Я сюда давненько не заглядывал, а теперь понять не могу, Стилет что, на ринг уже не выходит?

— С осени его не видела, — парнишка оказался девушкой. — С того дня, как он сезонный турнир проиграл.

— Сезонный турнир? — влезла в разговор я. — Что это?

— Она новенькая, — пояснил Рысь, будто сам все понял.

— Я в курсе, — кивнула «висельница». — Видела вступительный бой, неплохо. А ты видела зимний сезонный турнир. Раз в три месяца проходят бои чемпионов — тех, кто одержал больше всех побед в промежуточных поединках. Стилет лидировал осенью. Но финальный бой проиграл. Видно, потому и ушел.

— Дикая Кошка вызывает Черную Мамбу! — послышалось с ринга.

В самом деле, хотелось надеяться, что послышалось. Но... индейская национальная изба...

— Дикая Кошка вызывает Черную Мамбу!

— Тебе не обязательно выходить, — вцепился мне в плечи Рысь.

— Знаю, — кивнула я, глядя поверх голов зрителей на расхаживающую по рингу девушку в черном костюме. Высокая. Стройная, даже худая. Наряд не броский, но эффектный: шелковая блуза с широким воротником и эльфийские брючки. Эльфийские — потому что такие узкие вряд ли удалось бы натянуть поверх местного белья. Лицо Кошки закрывала черная бархатная маска, виден был лишь подбородок и подведенный ярко-алой помадой рот. Гладкие темные волосы девушки были разделены на ровный пробор, свиты в два тугих жгута, закручены и

подколоты на манер рожек или, в данном случае, кошачьих ушек.

— Кошка всех новеньких вызывает, — просветила меня «висельница». — Задиристая. И дерется неплохо.

— Насколько неплохо? — спросила я, примериваясь к вероятной сопернице.

— Бывает, ее бьют, — ответили из-под мешка. — Но чаще — она.

— А что будет, если я не приму вызов?

— Ничего. Поулюлюкают, ногами потопают, какое-то время будут подначивать при встрече. Потом забудут.

Девчонка явно не понаслышке знала, о чем говорила. Только вот мне тут понравилось. Я собиралась еще не раз заглянуть в клуб «Огненный Череп» и не мечтала в следующие приходы стоять в задних рядах с мешком на голове.

— Ты куда? — поймал меня за руку Рысь.

— Туда, — кивнула я на ринг.

Не убьют же, в конце концов?

А у меня была еще одна причина принять вызов. В моменты, когда я делала что-то, мне не свойственное, во мне просыпалась Элизабет. Словно перехватывала управление нашим общим телом. Вдруг новый бой станет для меня ключом к способностям Элси?

— Черная Мамба принимает вызов! — прокричал, увидев меня, Сполох.

Пригнувшись, я змеей проскользнула между канатами. Нужно же оправдывать прозвище?

Гонг прозвучал, а мы с Дикой Кошкой все еще стояли друг напротив друга. Если Гроза облегчила мне задачу, первой ринувшись в бой и тут же обнаружив свои слабые стороны, то нынешняя соперница, похоже, ждала этого от меня. Мы с Элси решили, что не стоит потакать подобным желанием. Медленно, почти не отрывая ног от покрытия ринга, я сделала несколько шагов, обходя Кошку слева. Она, не отводя от меня взгляда, переместилась на пару футов вправо. Двигалась она легко и плавно, не шла — скользила. И вдруг бросилась вперед. Я успела уклониться. Даже перехватила руку Кошки в момент пришедшегося по воздуху удара, однако девица ловко выкрутилась, едва не сбив меня с ног. Пришлось отскочить подальше. Но роли уже распределились: Кошка нападала, я защищалась. Несколько раз пыталась перехватить инициативу, но безуспешно. Да, с Грозой драться было проще. Но с Кошкой — интереснее. Отразив очередную атаку, я с удивлением поняла, что в этот раз не вымещаю на противнице старые обиды, не испытываю даже подобия злости, но тем не

менее получаю удовольствие от поединка. Или это эмоции Элизабет? Некогда было анализировать. Я прогнулась назад, и рука в черной перчатке рассекла воздух в дюйме от моего лица.

Удар, еще удар. Блок. Подсечка...

Да, теперь я разбиралась во всем этом. В нужный момент знания всплывали из недр заемной памяти. Однако или всплывали слишком медленно, или Дикая Кошка просто превосходила меня в скорости, но каждая моя атака заканчивалась вынужденным уходом в оборону. Наконец, поймав момент, я поднырнула под руку противницы и выпрямленными пальцами ударила девушку под ребра справа, по печени. Прием был не «академический», но и грязным в бойцовских кругах не считался. Боль должна была вывести Кошку из равновесия, сбив дыхание и согнув пополам, но то ли я ударила не так и не туда, то ли у этой девицы особая анатомия и высокий болевой порог. Нет, охнуть она охнула и за бок схватилась, сгибаясь, но тут же переместилась в сторону и, выбросив вперед ногу, достала меня пяткой в бедро.

Удар был такой силы, что на ногах я не удержалась. Падая, успела вспомнить все о четырехглавой мышце. Такие травмы существенно уменьшают амплитуду движений, но ног-то у меня две, и, если правильно распределить вес...

Подняться помешали чьи-то тяжелые ладони, придавившие мои плечи.

— Вам не стоит продолжать бой, мисс Аштон.

Шокированная тем, что кто-то тут знает меня по имени, я пропустила момент, когда Сполох ударил в гонг. Только когда он прокричал: «Победила Дикая Кошка!», рванулась из рук неведомого доброхота, но крепкие пальцы сдавили мою шею, затронув какие-то болевые точки и придушив в зародыше недовольный вопль.

— Хотите научиться побеждать — научитесь сначала проигрывать.

Обернувшись через плечо, я увидела стальную морду волка.

— Через десять минут в сквере у корпуса теормага, — шепнул чемпион, прежде чем затеряться в толпе.

Я поднялась на ноги и, прихрамывая, сошла с ринга, пусть не под овации, доставшиеся Кошке, но под вполне дружелюбный гомон.

— Как ты? — подхватил меня под руку Рысь.

— Нога болит, — выдавила я сквозь зубы.

— Лед нужно приложить.

— Угу, — промычала я. — Сосулек по пути набиваем. Идем.

— Куда?

— Тут недалеко. Только давай помедленнее.

Рысь чувствовал себя виноватым в моей хромоте, а потому всю дорогу расхваливал мои бойцовские таланты, уверял, что нога заживет задолго до свадьбы, и даже грозился понести на руках. Спыхватился, когда мы уже пришли в небольшой скверик:

— Зачем мы здесь?

— Мне назначили свидание. Стальной Волк.

— Тот самый? — опешил приятель.

Я решила, что его взволновала грядущая встреча с чемпионом, но были другие причины:

— Ты же не знаешь! Пока ты была на ринге, я выяснил, кому Стилет проиграл последний бой...

— Он проиграл мне, — вышел из тени человек.

Еще до того, как луна осветила его лицо, я узнала сейчас не искаженный маской голос и громко сглотнула, уставившись на своего бывшего куратора.

— Еще раз здравствуйте, мисс Аштон, — кивнул он. — И вам доброй ночи, мистер Эррол.

— Здравствуйте, мистер Вульф, — проямлила я. Вспомнила, как пялилась на него во время боя, и порадовалась, что в темноте не видно моих вспыхнувших щек. — Вы... Как вы меня узнали?

Боевик откашлялся в кулак, словно услышал нечто неприличное.

— Возможно, вы уже не помните, кто обучал вас приемам, что вы демонстрировали на ринге, но у меня проблем с памятью нет, — выговорил он мне и взялся за Норвуда: — Грубо работаете, мистер Эррол. «Огненный Череп» на уши поставили, пустив слух о возвращении Стилета.

— А вы не грубо? — обиделась я за не нашедшегося с ответом друга. — «Я был тут, когда вас не было! Буду, когда вас не будет!», — процитировала с чувством. — Не бойтесь, что вас раскусят?

— Не боюсь. Стальной Волк сражался на турнирах в «Огненном Черепе» задолго до того, как я надел эту маску. Ночной Кошмар встречает новичков со дня основания клуба, а Сполох ведет поединки уже лет пятьдесят. Некоторые имена давно стали неотъемлемой частью истории общества. Но право носить их нужно заслужить.

Хвастун. И мальчишка.

А Вульф — это как раз «волк». Наверное, так я ему имя и придумывала. Или нет? Кажется, в книге вообще не указывалось имя куратора Элси...

— Вы там по заданию руководства? — пришла мне в голову новая мысль. — Присматриваете?

— Я там расслабляюсь, а не шпионю, — оскорбился боевик. — Клуб анонимный и...

— Анонимный, а как же, — перебил Рысь. — Небось всех там поименно знаете.

— Не всех. Некоторых получается вычислить, как Элизабет. Но специально ни за кем не слежу.

— Германа сразу вычислили? — спросила я. — Или, скажете, не знали, что один из пропавших был вашим соперником на прошлом турнире?

— Германа я сам привел в клуб, — ошарашил ответом Саймон. — Три года назад. А не сказал, потому что к делу это не относится.

— Или боялись стать главным подозреваемым, — выдвинула я другую версию.

— Именно, — кивнул боевик. — И поэтому сейчас решил вам открыться.

Да, нестыковка.

— Герман был моим другом, — сказал Саймон.

— Он же студент, еще и с теормага, — Норвуд посмотрел на боевика, а потом — на здание, очертания которого просматривались на фоне ночного неба.

— И что? — насупился Вульф. — Что мешает мне иметь друзей на факультете теоретической магии? Даже среди студентов?

Ровным счетом ничего.

Все сразу встало на свои места. Саймон не страховал своих учеников. Возможно, сам подтолкнул их к идее расследовать исчезновение Кинкина, чтобы заполучить помощников.

— Могли сразу рассказать, — упрекнула я. — Тогда бы нам не пришлось... э-э... проникать в клуб.

— Разве вам не понравилось? — улыбнулся он. — Но стоит заняться ногой не откладывая, а то распухнет к утру.

— Я же почти целительница, разберусь, — отмахнулась я, словно не чувствовала боли. — А сейчас, может быть, поговорим, раз уж выпал случай?

— Сейчас вам нужно вернуться в общежитие, — строго «как взрослый» выговорил Саймон. — Скоро полночь. Встретимся завтра в библиотеке.

— Хорошо. Но у нас получится прийти только после ужина. Я дежурю в лечебнице с леди Пенелопой.

— Ясно, — кивнул боевик. — А как продвигается работа над

докладом о драконах?

— Продвигается, — ответила я неуверенно. — Как-то.

— Дерзайте. Мисс Милс несколько преувеличивает значимость своей дисциплины для тех, кто не собирается посвятить жизнь изучению мистических существ, но еще никому не удалось убедить ее в том, что она неправа.

— Вы с ней хорошо знакомы?

— Она моя мать, — смутился он. — Думал, вы знаете.

Ага! Та самая мать, которая не одобряла выбранную сыном специальность и не очень им гордится. Наверное, воспитывает его до сих пор, нотации читает. А сама-то, между прочим, «мисс»!

Но вывод я сделала неожиданный.

— Знаете, мистер Вульф, — прошептала, приблизившись к Саймону, чтобы Рысь не слышал, — усы вам совсем не идут.

Есть другие способы показать родительнице, что уже вырос.

— «Вам надо заняться ногой, Элизабет», «Как продвигается доклад, Элизабет?», — перекривлял Рысь боевика, проводив его неприязненным взглядом. — Похоже, он к тебе неравнодушен.

— Он просто хороший.

— Не бывает хороших без причины, — мрачно изрек друг.

Его опасения можно было понять. Но мне хотелось верить, что в мире существуют хорошие люди «без причины». Хотя бы в этом мире.

ГЛАВА 17

Несмотря на лед и целебную мазь Мэг, нога выше колена распухла. Но до лечебницы я кое-как доковыляла.

— Доброго утра, мисс, — какой-то мужчина придержал передо мной дверь. — Все еще хромаете?

Все еще?

Я присмотрелась к любезному джентльмену. Первое, что бросилось в глаза, — букет хризантем, который он прижимал к груди. Второе — пышные усы, переходящие в бакенбарды. По усам я и опознала в нем водителя-мага, подвозившего меня к храму. Тогда я не рассмотрела его лица, закрытого автомобильными очками, и отчего-то решила, что он уже немолод, но сейчас поняла, что и не стар: лет сорок пять на вид, приятное лицо, темные волосы и светлые глаза, почти как у эльфов. Но у эльфов они холодные и равнодушные, а у знакомого незнакомца лучились теплом.

— Это хорошая лечебница, — сказал он мне доверительно, — вас быстро вылечат.

Поклонился и резвым шагом направился в ту же сторону, куда нужно было мне. Я шла следом и видела, как мужчина вошел в кабинет Грина. Меня это не заинтересовало. Бывший пациент, супруг недавней роженицы, отец счастливо исцеленного ребенка — мало ли у человека причин явиться к врачу с букетом? Больше волновало, что кабинет леди Пенелопы закрыт.

Видимо, наставницу вызвали в приемный покой или к кому-то из пациенток, и я решила, что будет лучше подождать ее под кабинетом, а не разыскивать по всей лечебнице. Тем более с больной ногой. Сняла пальто, положила на скамеечку и едва присела сама, как распахнулась дверь в кабинет Грина, и оттуда вышел усатый джентльмен с букетом, а за ним — наш добрейший доктор.

— Мисс Аштон, — заметил он меня. — Что это вы тут расселись, точно нищенка на вокзале? Так и хочется бросить вам мелочи.

Я вскочила, забыв о ноге, и ойкнула, когда она о себе напомнила.

— Леди Пенелопы нет, дверь закрыта...

— Привезли роженицу, леди Райс занята с нею, — сказал Грин сварливо. — Вам она оставила записку у дежурной сестры. И ключ. У меня, — он достал из кармана ключик, подал мне и отступил на шаг. — Надо было спросить, а не устраивать тут бивак. И леди Райс сказала, что вы можете прийти в родильную палату.

— Зачем? — я тоже отшагнула от него подальше.

— Полагаю, чтобы увидеть, как проходят роды.

— Но... она же не настаивала на том, чтобы я обязательно пришла?

— Не настаивала, — медленно выговорил, разглядывая меня, Грин. — Что у вас случилось?

— Ничего, — я отпятилась еще немного. — Просто не хочу мешать.

— Я имел в виду вашу ногу. Впрочем, это ваше дело.

Махнув рукой, он пошел к ожидавшему его усачу, а я подхватила пальто и похромала к кабинету наставницы.

Леди Пенелопа появилась через час. По поводу того, что я не пришла в родильную палату, ничего не сказала, а за ногу отругала.

— Лед нужно прикладывать сразу, а вы, небось, ходили еще полдня! — высказала, когда я пожаловалась, что неудачно упала. — А после льда что? Ладно, дар вы использовать не можете, но хотя бы свинцовая вода у вас есть? Спирт? Травы? Вы же будущая целительница, как можно не иметь под рукой самого необходимого?

О том, что у меня под рукой была Мэг и ее аптечка, я умолчала, а то наставница и по умениям подруги прошла бы. А так — ограничилась лекцией о первой помощи при ушибах и отправила на ставшую мне уже родной кушетку. Приказала разуться и снять чулки, после чего обложила припухший синяк медными пластинками и обернула влажной марлей. Обещала, что через полчаса и следа не останется, а я пока могу поразмышлять о своей легкомысленности, недостойной выбранной специальности.

Оставшись одна, я и правда задумалась, но не о том, о чем было велено. Ушиб не давал забыть о вчерашнем вечере. «Огненный Череп», Саймон, вскрывшиеся тайны... Но больше всего меня занимала Дикая Кошка. Кто она? С какого факультета? И — главное — смогу ли я побить ее в следующий раз?

От размышлений меня оторвало рычание мотора и неразборчивые голоса. Это было необычно. Окно выходило на хозяйственный двор, и автомобили туда не заезжали, а если какой и заехал бы, то выгрузил бы уголь или тюки с новым бельем и уехал, а не катался бы от забора до забора.

Я подобралась к украшенному узорной изморозью окну, прильнув к стеклу, надышала себе «глазок» и выглянула во двор, по которому ездил на небольшой скорости автомобиль. Странно так ездил: с десятков метров шел гладко, потом вздрагивал, выкашливал облако дыма и, дергаясь, как эпилептик в припадке, полз дальше, медленно разворачивался и

выравнивал ход до тех пор, пока опять не заходился рычащим кашлем.

Это был тот самый автомобиль, владельца которого я встретила сегодня в больнице. Подумала, что снова барахлит двигатель, но, когда машина в очередной раз поворачивала, увидела, что усач расположился на пассажирском сидении, а управляет чудом техники Грин.

Через пять минут мучений (в том числе моих — неудобно было стоять, поддерживая компресс) машина поехала более-менее ровно.

— У вас отлично получается, Эдвард, — похвалил усач, выйдя из салона, чтобы занять место за рулем. Мотор уже не рычал, и я легко разбирала слова. — Еще несколько занятий, и смело покупайте собственный автомобиль.

— Вы мне льстите, — покачал головой выпрыгнувший на исполосованный колесами снег Грин, улыбаясь при этом, как девица, получившая первый в жизни комплимент. — Водитель я бездарный.

— Зато врач хороший, — утешил владелец измученного авто. — А этот дар ценнее умения управлять горой железок.

Лицо доктора на миг искривила недовольная гримаса. Похоже, кто-то расстроился, что ему не дано «управлять горой железок».

Всю степень его расстройства я прочувствовала, когда автомобиль выехал со двора. Грин какое-то время глядел ему вслед и даже улыбался, но, когда рев мотора стих, со злостью ударил кулаком по воздуху. Одна из стоявших под забором металлических бочек со скрежетом смялась, а я отпрыгнула к кушетке.

Да-да, повышенный уровень эмпатии, отсутствие защиты... Но лучше держаться подальше от этого психа.

До вечера я просидела в кабинете наставницы с книгами и конспектами. Отек сошел, и нога почти не болела, так что после дежурства я успела сбегать в столовую, а оттуда уже направилась в библиотеку, где меня ждали друзья.

Саймон пришел с Брюсом и Шанной, но говорить с боевиками было не о чем. Ни у нас, ни у них новой информации не было.

Воскресенье я посвятила учебе, а вечером выбралась с Мэг на репетицию к Сибил. Премьера спектакля была назначена на конец мая, но уже сейчас можно было сказать: мертвая девочка обречена на успех и память в веках.

Утро понедельника прошло на факультете целительства. Поприсутствовала на лекции по травматологии (ее читали четвертому курсу, но в свете недавних событий леди Пенелопа настояла, чтобы я

послушала). Потом смотрела, как второкурсники на практике по анатомии терзают труп. Но полностью сконцентрироваться на учебе не могла: мысли занимал предстоящий визит к Оливеру. За выходные я успела соскучиться, но так и не придумала, как обходить его попытки влезть мне в голову и в душу.

Впрочем, в душу я его впустила бы. В ту ее часть, где жили наивные девичьи мечты, из окошек открывался вид на ромашковые поля, а на выкрашенных в нежно-розовый стенах висели портреты милорда ректора во всех ракурсах...

— Здравствуйте, Элизабет. Как прошел день?

— Еще не прошел.

Если он до сих пор не заставил меня говорить «правду и ничего кроме правды», то, скорее всего, не владел нужными навыками. Магия воздействия — сложнейшая область дара, доступная лишь избранным, иначе маги давно захватили бы мир. А улыбки Оливера, его мягкий голос и дружелюбный тон — это все-таки не то.

Однако и эти улыбки, и голос не лишены были чар, и, чтобы не попасть окончательно под их влияние, я отводила взгляд и искала нейтральные темы для разговора. На глаза попались разложенные на столе библиотечные карточки. Те самые.

— Проверяете сохранность книжных архивов? — спросила, понимая, что, если формуляры связаны с исчезновением студентов, правды я не услышу.

— А, это, — Оливер поморщился. — Еще одно неразгаданное дело. Но оно не стоит обсуждения.

— Почему же? Неразгаданные дела — это интересно.

— Да ничего интересного. Одна из библиотекарей недавно пожаловалась на следы постороннего присутствия во вверенной ей секции. Якобы некоторые формуляры заполнены чужим почерком, тогда как, судя по датам, она работала одна и книги выдавала лично. Принесла несколько карточек для примера, и мне действительно показалось, что они заполнялись разными людьми. Следов магии я не обнаружил, а спустя несколько дней... Вот, — он пододвинул ко мне формуляры, — взгляните сами. Один почерк?

— Да, — ответила я, присмотревшись.

Вспомнила женщину, выдававшую мне книги в мой первый день здесь. Выходит, взволновало ее не имя Чарли Лоста, а то, что карточка заполнена чужой рукой, и это не имеет отношения к пропаже студентов. Или все-таки имеет?

Я отыскала формуляр «Города Драконов».

— Такое случается, — продолжал Оливер. — Самопроизвольная оптическая иллюзия. Иногда древние книги создают искажения...

— Это не те формуляры, — прервала я его.

— Что значит «не те»? — удивился он.

— То и значит. Вот на этом, — я сунула карточку ректору под нос, — после доктора Грина должно быть имя Чарли Лоста. Я знаю, потому что сама хотела взять эту книгу. Но Чарли не успел ее вернуть до того, как пропал.

— Куда пропал?

— Ну... Туда же, куда и все. Он же первый, кто исчез. Еще в октябре.

— Вы что-то путаете, — покачал головой ректор. — Первый случай зафиксирован в середине ноября. Пропавший — Герман Складовик.

Бред. Зачем он так говорит? Да, поначалу исчезновение Чарли скрывали, но теперь-то всем известно, что студенты пропадают.

— Присядьте, мисс Аштон, — мне заботливо пододвинули мне кресло. — Хотите воды?

Я замотала головой.

— Чарли Лост, — повторила настойчиво. — Пропал в октябре. И не смотрите на меня так! Я не сумасшедшая!

— Она не сумасшедшая, — повторил возникший за спиной Оливера Мэйтин.

Ректор моргнул. Растерянная жалость в его глазах сменилась задумчивостью. Он обошел стол и снял трубку телефонного аппарата.

— Мистер Адамс, найдите инспектора Крейга и попросите прийти. Срочно.

Спасибо, хоть не целителей вызвал.

— Не за что, — мрачно отозвался бог. — Когда ты в последний раз обсуждала с кем-либо Лоста?

Позавчера, когда встречались с командой Саймона.

— Тогда о нем еще помнили? Значит, время есть.

Для чего? Что вообще происходит?

Бог не ответил.

Через пару минут, не иначе как порталами, пришел Крейг.

— Здравствуйте, инспектор, — приветствовал его глава академии и спросил без предисловий: — Кто из студентов пропал первым и когда?

— Доброго дня, милорд. И вам, мисс, — левый глаз полицейского глядел на меня, а правый, казалось, прямо на стоящего рядом Мэйтина. — Если память меня не подводит, о первом исчезновении заявили

восемнадцатого ноября. Студент четвертого курса Герман Складовик.

Ну вот, еще один!

— А если память вас все-таки подводит? — вкрадчиво поинтересовался Оливер. — Мисс Аштон вот утверждает, что до мистера Складовика пропал другой студент.

— А мисс Аштон можно верить, — сказал Мэйтин.

— А мисс Аштон можно верить, — повторил за ним ректор. — Потому что...

— Она сама попала под воздействие, — подсказал бог.

— ...она сама попала под воздействие чар, природу и источник которых нам не удалось установить. Возможно, это...

— Побочный эффект.

— ...побочный эффект, — Оливер продолжал выдавать навязанные божеством мысли за свои. — Элизабет лишилась способностей, но не ощущает теперь иных искажений...

— Реальности.

— ...реальности, — сказал ректор и, кажется, сам испугался своих слов. — Искажение реальности, конечно же! Не иллюзии, не морок... Все сходится.

— Умный он у тебя, — одобрительно кивнул Мэйтин.

С божьей помощью...

— Все, — обрубил бог. — Это было допустимое вмешательство. Дальше пусть сам. Только не давай ему забыть.

И исчез, так ничего и не объяснив.

— Реальность меняется? — нахмурился инспектор. — Слышал о таком. И некоторые признаки вроде как соответствуют.

— Вы о черных розах? — уточнил Оливер. — Мир в негативе, похоже на то. А попугай смотрителя до того, как начал предупреждать об опасности, желал доброго дня.

Всего-то? Было белое — стало черное, желал добра — стал угрожать?

— А надписи? — встряла я в разговор.

— Эхо, — неуверенно отозвался ректор. — Эхо ритуала, с помощью которого реальность заставили измениться. Начертание символов кровью используется во многих обрядах. Сейчас мы, вероятно, видим отражение исходной записи... Да! Многократно перевернутое зеркалами реальности отражение. Потому никто и не может прочесть. Даже язык не удастся определить!

Все же слишком легко. Почему тогда раньше о таком не подумали?

Ответ оказался прост: потому что ритуал, меняющий реальность, относился скорее к мифологии, нежели к практической магии. И если ректор после божественного вмешательства не сомневался в правильности своих выводов, то у Крейга не было причин принимать их на веру.

— Это, вы уж простите, не дождик наколдовать, — говорил он. — Даже не демона вызвать. Нужных заклинаний в учебниках не найдешь.

— Сами подумайте, — не сдавался Оливер. — Люди не просто пропадают, их как будто и не было. Исчезают все свидетельства и записи, и единственное, что могло бы привести к такому...

— Кроме слов мисс Аштон нет ничего, что говорило бы в пользу этой версии, — не спешил соглашаться Крейг.

— Слова мисс Аштон можно проверить, — вступился за меня ректор. — Реальность меняется не сразу. Если этот Чарли существовал, должны остаться следы его пребывания в академии. Даже если его самого уже не помнят.

Мне нравилось рвение, с которым он взялся за дело. Но и пугало тоже. Что такое изменение реальности — я понимала исключительно интуитивно, а Оливер знал, и глубокая складка, обозначившаяся между его бровей, и тревога в глазах лучше всяких слов говорили, что ничего хорошего в этом нет.

— Элизабет, расскажите все, что вам известно о мистере Лосте.

— Второкурсник. Специальность — темные материи, как у вас. Жил во втором мужском общежитии.

Я постаралась подробно припомнить все, что знала о Чарли, а под конец сказала, что у меня есть записи. Я ведь не скрывала, что интересуюсь расследованием.

— Тогда идем к вам за записями, — решил ректор. — Надеюсь, искажение их не задело. А того, что вы уже сказали, думаю, хватит инспектору, чтобы организовать поиск.

Открыв портал к общежитию, Оливер не стал ждать внизу: кивнул отложившей вязание консьержке и поднялся со мной на второй этаж. Но в комнату не входил.

Мэг уже вернулась с занятий, переоделась, водрузила на стол спиртовку и расставила вокруг баночки с порошками и сушеными травами, собираясь готовить очередной эликсир. Мой ранний приход в ее планы не входил.

— Я ненадолго, — успокоила я. — Только тетрадь возьму. И еще... Ты помнишь Чарли Лоста?

— Нет. А должна?

— Если я не ошибся, никто не помнит, — сказал мне ректор, встретив в коридоре. — А что с вашими записями? Они не изменились?

Я пролистала тетрадь.

— Кажется, нет. Но тут мало интересного.

Основную информацию собирал Рысь. Я помнила почти все, что мы обговаривали, но у оборотня был, к примеру, полный адрес родителей Чарли, — таких деталей моя память не сохранила.

— Давайте спросим еще одного человека? — предложила я Оливеру. — Если она уже пришла.

— Вы всех подруг посвятили в свое расследование? — недовольно осведомился он.

— Всех. Но у меня их немного.

В отличие от Мэг, сразу же взявшейся за домашние задания, Сибил дала себе время на отдых: вряд ли печенье, зефир и шоколад были частью какого-то гадания.

— Ты помнишь Чарли Лоста? — с ходу спросила ее я.

— Кто это? — провидица удивленно приподняла брови.

Я тяжело вздохнула.

— В смысле, кто это с тобой? — она понизила голос и ткнула пальчиком в дверь, за которой я оставила ректора. — Мужчина? У нас? А Чарли я, конечно же, помню.

— Вы помните? — влетел в комнату Оливер.

— Мивовд Вайфон?! — воскликнула Сибил, предварительно запихнув в рот надкушенную пастилу, словно спешила избавиться от следов преступления.

— Он самый, — пробормотал ректор, смущенный собственным порывом. Огляделся с недоумением. Девичьи спальни вообще зрелище для мужчин странное, а тут, вдобавок ко всему, полумрак, прозрачные пологи, свечи и траурные букетики высушенных трав. — Так вы говорите, что помните Чарли Лоста? И кто это?

Сибил, не жуя, проглотила пастилу.

— Студент, — произнесла медленно. — Один из пропавших. Учился на втором курсе. Темные материи.

Ура! Она помнит!

Но Оливера это не обрадовало, а озадачило еще больше.

— Будьте здесь, — приказал он девушке. — Не выходите из комнаты. Я попрошу инспектора Крейга прислать кого-нибудь.

— Хорошо, — согласилась Сибил. — А можно спросить?

Ректор кивнул.

— Вы волосы, бывает, лентой подвязываете, а бывает, в косу заплетаете. Это вопрос настроения или имеет какой-то скрытый смысл?

Не ожидавший такого вопроса маг ошалело замер. Потом махнул рукой и, не прощаясь с чудаковатой провидицей, схватил меня под локоть и вытащил в коридор.

— Кто еще знал о Лосте?

— Рысь. То есть...

— Я знаю, кто это.

Он открыл портал к общежитию, в котором жил Норвуд, но, когда потянул меня к двери, я вырвалась и осталась на месте.

— Знаете? — спросила подозрительно. — Откуда?

— Собрал некоторую информацию. Счел, что это поможет разобраться с вашей проблемой, а сами вы неохотно делитесь... таким...

— Каким? — вспыхнула я, подумав, что он каким-то образом узнал о нашей с Норвудом «конспирации».

— Интересами, увлечениями, подробностями отношений с друзьями... Давайте вернемся к этому позже?

Пришлось согласиться с тем, что сейчас есть дела поважнее, но это не значит, что я приняла его объяснения. Каким это образом информация о моих друзьях должна была помочь разобраться со сложностями в управлении даром?

— Вам лучше подождать тут, — уже в холле спохватился Оливер. — Это мужское общежитие.

— Я в курсе, — буркнула я. — Мне уже приходилось тут бывать.

— Замечательно. Значит, вас не смутит вид студента, возвращающегося из купален в одном полотенце.

Однако студенты ни в неглиже, ни в форменных костюмах нам не встретились. Только рядом с комнатой, где жил оборотень, бродил от стены к стене какой-то парень. Присмотревшись, я узнала Владиса. Судя по тому, что на нас медиум не реагировал, он снова впустил в себя гостей.

— Я бы советовал постучать, — сказал ректор, когда я уже взялась за дверную ручку.

И верно. Может, Рысь еще на учебе, а там студенты в полотенцах.

Ответа на стук не последовало, и я постучала еще раз, громче и настойчивее.

— Какого демона?! — послышался голос Норвуда. В дверном проеме показалась взъерошенная голова, обнаженное мускулистое плечо и волосатая нога. Полотенца я не заметила и не уверена, что оно было. — Элси? — вытаращился на нас парень. — Э-э... м-милорд?..

— Здравствуйте, мистер Эррол, — поздоровался Оливер, пока я хлопала глазами, пытаясь подобрать слова. — Уделите нам несколько минут?

— Да. Только я...

— Мы подождем, — ректор был, как обычно, само спокойствие, и меня это все больше злило. Особенно после того, как он назвал оборотня по имени: неприятно вдруг узнать, что о тебе «собирали информацию». Даже при том, что у нас действительно есть более серьезные проблемы.

ГЛАВА 18

Чтобы привести себя в порядок и выйти в коридор, Норвуду понадобилось не больше двух минут. О Чарли Лосте он уже не помнил, а на меня смотрел с нескрываемым недовольством: явилась непонятно зачем, еще и ректора притащила.

— Потом объясню, — шепнула я одними губами.

— На потом нет времени, Элизабет, — строго сказал услышавший меня Оливер. — Позвольте мне переговорить с мистером Эрролом. Без свидетелей.

Оставив меня топтаться у двери, они отошли в конец коридора, но долго скучать не пришлось.

— Хорошо устроилась, — приблизился ко мне Владис. Голос у него был тоненький, почти девичий, а глаза казались стеклянными.

— О чем вы?

— Ты хорошо устроилась, — повторил писклявый голосок. — Отобрала мое тело, мою жизнь. Теперь хочешь забрать и моего мужчину?

— Элси? — выдавила я хрипло.

— Кто же еще? — губы медиума искривила безумная улыбка. — Я слежу за тобой. И уже скоро...

Не дожидаясь окончания фразы, я рывком распахнула дверь в комнату Норвуда, влетела внутрь и остановилась: на кровати оборотня сидела Шанна Раскес в помятом, наспех натянутом платье и в одном сапоге. Второй она держала в руке и, кажется, всерьез подумывала швырнуть его мне в голову. Но после услышанного от медиума сапоги меня не пугали. Приняв невозмутимый вид, я уселась на пустую кровать напротив бывшей одноклассницы.

— Что там? — спросила она, решив-таки обуться.

— Ректор.

— Знаю. Что ему нужно?

Я пожала плечами.

— Сюда зайдет? — она затянула шнурки и опустила подол платья.

— Возможно.

— Тогда не буду задерживаться. — Шанна надела короткое пальтишко, посмотрела на окно, потом на меня и ухмыльнулась: — Проблемы, Аштон? Хочешь о чем-то спросить?

— Угу. Ты знаешь, кто такой Чарли Лост?

— Что? — растерялась она.

— Знаешь или нет?

— Нет. Это все?

— А ты чего ждала? Лекцию на тему, как уберечься от несвоевременной беременности? Так нам еще на первом курсе брошюры раздавали.

— Ну ты и...

— Кто? — я вскинула голову.

— Никто! — разозлилась она. — Ты мне никто. И плевать, что ты обо мне думаешь. Ясно?

— Никуда не торопишься? — я указала взглядом на окно. — Подтолкнуть?

— Сама справлюсь.

— Прыгай на козырек, а там — по колонне.

— Разберусь. С препятствиями я получше некоторых справляюсь.

— Богатый опыт лазанья из окон сказывается? — все-таки съязвила я.

Девушка вспыхнула, но с ответом не нашлась.

— Давай, — я услужливо приподняла занавеску. Судя по тому, что подоконник был ничем не заставлен, а окно открылось легко, пользовались этим выходом нередко. — Найди Саймона. Передай, что мне нужно с ним увидеться. Сегодня.

— В библиотеке? — вместо того чтобы ляпнуть какую-нибудь гадость, уточнила Шанна, поняв, что дело серьезное.

— Нет. Скажи: там, где нас не знают по именам. Он поймет.

Я закрыла за ней окно, поправила помятую постель и скромно примостилась на уголке. Только управилась, как в комнату вошел Рысь и застыл, не сделав и двух шагов.

— А где...

— Шанна? Я ее убила, а труп спрятала под кровать.

Реакция Норвуда меня ошарашила: он упал на пол и, перебираясь ползком, быстро заглянул под все четыре кровати.

— Рысь, ты идиот?

— У тебя шутки дурацкие, а идиот — я? — вспылил он. — Где Шанна?

— Ушла, — я указала на окно. — Сказала бы, что я ее скинула, — так побежишь же искать изувеченное тело.

Я нервничала, причем сильно. Страх превращался в злость, эмоции искали выход, а Норвуд просто подвернулся под руку.

— Давно это у вас? — спросила я. Хотела вальяжно забросить ногу на

ногу, но запуталась в юбках и вынуждена была вернуть конечности в исходное положение.

— С первой встречи, тогда, в библиотеке. Она меня заинтересовала.

Я почувствовала, как мои брови непроизвольно ползут вверх.

— Она назвала тебя облезлым кошаком!

— Она меня заинтересовала, — повторил Рысь раздраженно.

Ясно. Некоторые любят погорячей.

И вдруг меня словно током ударило, не больно, но неприятно.

— Значит, когда мы ходили в клуб «Огненный Череп», вы уже...

Конспиратор хренов! Уши ему оборвать за такое! Вместе с хвостом!

— Элизабет Аштон, чего ты от меня хочешь? — спросил он с усталым вздохом, словно за две минуты разговора я успела до смерти ему надоест.

Желание лишить наглого котяру выпирающих частей тела окрепло.

— Я от тебя? — переспросила я как можно равнодушнее. — Ничего. А чего хочет милорд Райхон?

— Демоны! — ругнулся Рысь, вспомнив об оставшемся в коридоре ректоре. — Ему нужно все, что мы нарыли по исчезновениям. Спасибо тебе, Элси, втянула в историю!

— Как втянула, так и вытяну, — пообещала я.

Мне такие помощники не нужны. Такие, которые... Не нужны, и все!

— Встань, пожалуйста, — избегая смотреть мне в глаза, попросил парень.

Когда я поднялась, он достал из-под матраса папку и направился к двери.

— Ты рассказал ректору о Саймоне? — остановила его я.

— За кого ты меня принимаешь?

— Уже и не знаю, — пробурчала я. — А Шанне о Стальном Волке?

— Нет, — резко ответил Рысь и стиснул зубы так, что желваки заходили на скулах.

— Молодец, — похвалила я сухо. — И не рассказывай. Давай заметки, сама отдам.

— Вот еще. Хочешь присвоить мою работу?

— Твою? Мы собирали это вместе!

Возможно, я все-таки опустила бы до рукоприкладства, не войди в этот момент Оливер. Он поглядел на нас с оборотнем, с двух сторон вцепившихся в бумаги, и укоризненно покачал головой:

— Не лучшее время выяснять отношения.

Рысь отпустил папку, и я тут же отдала ее ректору.

— И что теперь? — спросила угрюмо. — Посадите нас под домашний

арест, как Сибил?

— Что? — встрепенулся оборотень. — Сибил арестовали?

— Ваша подруга под охраной, а не под арестом, — успокоил милорд Райхон. — А вы сейчас пойдете со мной. Оба.

Через мгновение мы были уже в его кабинете.

— Нам нужно пригласить еще кого-нибудь? — спросил Оливер, намекая на других членов нашего детективного кружка.

Я замотала головой. Рысь возражать не посмел.

— Что ж, тогда... Чай? — предложил ректор. — Посидим, пообщаемся, подождем инспектора.

Крейг задерживался, но я по нему и не скучала. Кого я была бы рада увидеть, так это Мэйтина. Нежданная встреча с Элизабет, которую я привыкла считать частью себя и не воспринимала как отдельную личность, выбила из колеи, испугала, и никто кроме бога не ответил бы на появившиеся у меня вопросы. Да и по меняющейся реальности их хватало.

— Вы хорошо поработали, — Оливер отложил в сторону папку и по очереди посмотрел на нас с оборотнем.

Я, стараясь ничем не выдавать волнения, попивала чаек, вольготно развалившись в кресле. Рысь в таком же кресле рядом сидел как на иголках, но чай глотал исправно и даже печенье взял из вазочки, но так и не откусил — вертел в руках, пока не раскрошил. Когда Оливер закончил изучать наши записи, парень старательно и, как он думал, незаметно втапывал крошки в ковер.

— И что нам за это будет? — спросила я в ответ на похвалу ректора. Поняла, что выбрала неверный тон, и поспешила исправиться, сменив требовательные интонации просящими: — Вы расскажете, что происходит? Почему никто не помнит о Чарли? Ну, кроме нас с Сибил?

— Вы, как я уже сказал, скорее всего, помните его, потому что вас тоже коснулись искажения, — проговорил раздумчиво Оливер. — Хоть я не слышал о подобном, уверен, что именно так все и обстоит.

Еще бы он сомневался, когда сам Мэйтин вложил ему в голову эти мысли!

— Как прививка от оспы? — уточнила я все-таки.

— Да, очень похоже. А что касается вашей подруги...

Дверь распахнулась, и в кабинет вошел Крейг. Почудилось, что Оливер вздохнул с облегчением при его появлении, и я насторожилась: он как будто обрадовался возможности не объяснять ничего о Сибил.

— Есть что-нибудь? — спросил инспектора.

— Есть, — кивнул тот. И добавил угрюмо: — К сожалению.

Полиция сработала быстро. В общежитии, заселенном под завязку, в одной из комнат обнаружилась свободная койка. Живущий там парень сказал, что в начале года у него был сосед, но после съехал. Куда съехал и отчего в комнату никого не поселили, не смог объяснить ни он, ни комендант. И имени «съехавшего» студента отчего-то никто не помнил. В списках факультета тоже нашлись пробелы...

— А что с Сибил? — спросила я обеспокоенно. То, что Чарли был, я и так прекрасно знала, а вот о подруге тревожилась, и то, как Оливер посмотрел после моего вопроса на инспектора, мне не понравилось.

— Хорошо с ней все, — сказал Крейг скорее ректору, чем мне. — У себя, к завтрашним занятиям готовится. А не забыла она мистера Лоста, думаю, из-за своего дара. Прорицатели ведь и без всяких искажений видят разные варианты реальности. А мисс Сибил к тому же Лостом отдельно интересовалась, вот какие-то фрагменты и задержались в памяти.

— Вы в этом уверены? — Оливер сверлил старика напряженным взглядом.

— Да в чем тут будешь уверен? — вздохнул Крейг. — Но похоже на то. К тому же она не все и помнит, если с показаниями мисс Аштон сравнивать. Остаточная память.

Хотелось потребовать у них объяснений, но я понимала, что требовать что-либо не вправе, а потому просто попросила, надеясь, что меня не выставят тут же за дверь. Инспектор с ректором переглянулись... и не выставили.

— Нам мало что известно о механизме изменения реальности, — признался Оливер. — Я читал лишь о двух случаях, достоверность которых подтверждена свидетельствами очевидцев. Первый относится к эпохе Противостояния, второй, согласно хроникам, произошел еще раньше. Изменения спровоцировал некий ритуал, но подробности его неизвестны. Это не совсем людская магия.

— Эльфы? — предположила я.

Ректор покачал головой:

— Драконы. Они разработали ритуал, но проводили его люди. В первом случае — чтобы вернуть жизнь своему вождю. Во втором — чтобы изменить исход войны. Со временем эти истории перешли в категорию мифов, но изыскания по данному вопросу ведутся до сих пор. И, видимо, кто-то добился-таки успехов. Сложно сказать, что нас теперь ждет. Если верить древним источникам, старая реальность замещается новой, и никто, кроме тех, кто принимал участие в ритуале, не помнит изначальной версии.

Но в нашем случае уже два исключения...

— Вы подозревали, что Сибил причастна к исчезновениям? — догадалась я.

— Не исключали, — смягчил формулировку Крейг. — Но во время беседы с мисс Сибил не выявлено эмоционального сбоя, возмущения силы или иных косвенных признаков, что она говорит неправду или что-то скрывает.

Странно было слышать вместо простоватого говора четкие фразы, пестрящие научными терминами. Видимо, происходящее не на шутку взволновало инспектора, раз уж он вышел из образа.

— Меня тоже проверите? — поинтересовалась я хмуро.

— К вам, мисс, этот способ проверки неприменим. В настоящее время вы несостоятельны как маг, ваше энергетическое поле аномально стабильно. Но думаю, вряд ли вы стали бы понимать шум, если бы имели какое-то отношение к искажениям.

Даже жаль, что он так легко поверил в мою невиновность, я бы с удовольствием поскандалила. А теперь оставалось лишь мысленно злиться на всех и вся, особенно на одного блондинистого божка, втравившего меня непонятно во что и до последнего мне вравшего!

— Когда я тебе врал? — возник рядом Мэйтин.

Всегда! Я ведь спрашивала об Элизабет, хотела узнать, где она. И что он мне ответил? Ничего. А сегодня Элси угрожает мне через медиума.

— Через какого медиума? — Бог коснулся моего лба и успокоенно вздохнул: — Пугаешь. Я подумал, реальность совсем того.

А она еще нет? Потому что я, кажется, уже.

— Тебе кажется, — улыбнулся он.

— Элизабет, — отвлек от разговора с богом ректор, — расскажите, пожалуйста, все, что помните о Чарли Лосте и о других пропавших. Боюсь, вы последний достоверный источник информации.

Инспектор достал блокнот. Оливер попросил секретаря принести еще чая и печенья. Рысь попытался слиться с мебелью, чтобы о нем не вспомнили и не выдворили из кабинета. А Мэйтин уместился на подоконнике.

— Странное дело, — в который раз сказал инспектор, когда я закончила говорить.

— Странное, — согласился Оливер. — Меня не оставляет чувство, что мы что-то упускаем.

— Я, кажется, знаю что, — подал голос Норвуд.

— Что? — порывисто обернулся к нему ректор.

Рысь почесал затылок и выдал несмело:

— Похоже, до Чарли еще кое-кто пропал. Библиотекарь. Тот, что сделал в формулярах записи, которые теперь изменились. Исчезновение имени Лоста еще можно связать с ним самим, но ведь поменялся почерк во всех карточках. И разве это нормально, что целую секцию обслуживает всего один человек?

В кабинете воцарилась гробовая тишина, и никто кроме меня не слышал аплодисментов с подоконника.

— Нравится мне этот парень! Ух, как нравится!

Он и раньше хвалил Норвуда, и я не удивлюсь, если выяснится, что своим присутствием тут Рысь обязан божественному вмешательству. Ладно, я — ценный свидетель, но оборотня ведь можно было и не посвящать в дела.

На фоне этих размышлений я чуть было не упустила норовившую проскочить мимо мысль, но успела-таки за нее ухватиться. Библиотекарь пропал? Но разве я не должна этого помнить? Автор я или как?

— Ты автор, — подтвердил Мэйтин. — Автор незаконченной историйки, охватывающей определенный период жизни Элизабет Аштон. Но что, если на момент начала книги она, как и все в академии, уже что-нибудь или кого-нибудь забыла?

Если Элси что-то забыла, я этого изначально не знала, потому что помнила только то, что писала, и то, что случилось, когда я уже была здесь. Но если забыли Чарли, получается, что меняется уже написанное?

— И это главная проблема, — сказал бог.

— Простите, — приложив руку к виску, словно у меня началась мигрень, я поднялась с кресла. — Можно мне отлучиться ненадолго?

В уборной я, словно в шпионском фильме, заглянула в кабинки и оценила, насколько плотно закрывается дверь, прикидывая, можно ли тут говорить вслух.

— Можно, — заверил бог.

— Рассказывай, — выдохнула я. — Что там о главной проблеме?

— Реальность меняется. И меняется не только реальность Элизабет, но и реальность Марины.

— Как это? — вот теперь я совсем-совсем занервничала.

— Меняется то, что было написано. Значит, ты или написала другую книгу, или вообще ничего не писала.

— И что теперь? Если я не написала, не будет Трайса?

— Трайс уже есть. Причинно-следственные связи — сложная штука, не всегда поймешь, где причина, а где следствие. Мир появился, потому что

ты о нем написала, или ты о нем написала, потому что он был...

Что-то новенькое. Хотя неспроста же тут все не совсем так или совсем не так, как я себе представляла?

— Это сложно, — повторил Мэйтин. — И в данный момент несущественно. Просто подумай: если бы ты ничего не написала, как это отразилось бы на твоей жизни? Или что должно было случиться в той твоей жизни, чтобы ты не стала писать книгу?

Я сжала виски: похоже, и правда мигрень.

— Может, я не захотела? Или не смогла?

Или уже некому было придумать историю красавицы Элизабет Аштон...

А может быть, мне это было уже не нужно? Ведь не обязательно реальность меняется к худшему?

— Хочешь проверить? — серьезно спросил Мэйтин.

— Не знаю. Ты бог, скажи, как правильно.

— Игры с реальностью опасны, — сказал бог. — Даже если кажется, что вмешательство преследует благие цели. Меняя судьбу одного человека, можно изменить судьбу мира, и результат тут непредсказуем.

Я с сожалением вздохнула, признавая его правоту.

— Кто-то изменил свою судьбу? — озвучила я новую догадку.

— Да. Те, в кабинете, только что пришли к тому же выводу. Видимо, кто-то нашел описание ритуала и...

— Ты знаешь кто? — вцепилась я в футболку бога. Иероглифы на ней зашевелились потревоженными змеями, и я испуганно разжала пальцы.

— Нет, — ответил Мэйтин. — Реальность искажена, и все вероятности не отследить даже богам. Но если бы и знал... Я уже говорил, что не могу помогать тебе во всем. Иначе рискую сам нарушить естественный ход событий, и последствия будут непредсказуемыми.

— А когда ты меня сюда перетащил, ничего не нарушил? — высказала я сердито.

— Ничего. И что касается Элси и того медиума... Нет, это вообще всего касается: проверяй информацию.

Сказал и исчез. Но я к этому уже привыкла.

ГЛАВА 19

К моему возвращению в кабинете остался только Оливер. Он участливо справился о моем самочувствии, поблагодарил за уже оказанную помощь и высказал надежду, что я не откажусь от дальнейшего сотрудничества. Да-да, меня официально взяли в дело. Правда, не на должность помощника следователя, а в качестве ценного свидетеля. А ценные свидетели нуждаются в охране, и милорд ректор пообещал приставить ко мне постоянное сопровождение.

Именно этого мне и не хватало.

— Постоянное? — насупилась я. — Значит, будет к кому обратиться, если во время купания мне понадобится потерять спину?

Оливер, не ожидавший от мисс Аштон, а в данном случае даже леди Аштон, подобного вопроса, смущенно откашлялся.

— Как вы могли подумать? — укорил он меня. — Общежитие и без того прекрасно охраняется. Никто не собирается вторгаться в вашу частную жизнь.

— Моя частная жизнь не ограничивается общежитием, — сказала я, думая о назначенной Саймону встрече.

Я могла не пойти, а завтра нашла бы повод повидаться с бывшим куратором, но в свете сказанного об «охране» предпочла бы увидеться в клубе. Там, куда Ночной Кошмар не впустит чужака и где Тигр просканирует меня и наверняка заметит маячок, если кто-то решит наградить меня таким сувениром. В «Огненном Черепе» блюли традиции: никакой магии на ринге и рядом с ним. Сложно найти более подходящее место для разговора, который хочешь сохранить в тайне. А если Саймон не откажется и дальше заниматься этим делом сообща, пусть озаботится безопасностью наших последующих встреч. Я надеялась, что не откажется. Он занимался расследованием не из любопытства, как Рысь. Не по долгу службы, как Крейг. У Саймона были личные причины докопаться до правды, и это автоматически повышало уровень моего доверия к боевику. А я нуждалась в том, кому можно было бы верить.

Оливер на эту роль, увы, не годился.

— Скажите, милорд, от чего меня охранять? Полагаете, мне что-то угрожает?

— Вы сами угрожаете своей безопасности, Элизабет, ввязываясь в дела, от которых благоразумная девушка держалась бы подальше. А я не

могу позволить, чтобы с вами что-то случилось.

Потому и рассказал о сопровождении. Он ведь говорил, что не считает меня душой, а только дура, зная о слежке, станет заниматься тем, что ей запретили.

Что ж, если нельзя действовать тайно, придется играть в открытую.

— Что прикажете делать с вашим шпионом сегодня? Я собиралась посетить один закрытый клуб.

— В академии нет клубов, закрытых для полиции.

— Речь об «Огненном Черепе».

— Общество, в котором состоял Складовик? — припомнил ректор то, что узнал из моих заметок.

— Да, но я собиралась туда не ради дела. Общество анонимное, Германа там не знали как Германа. И ничего о нем не расскажут. Я хотела просто отдохнуть.

— Отдохнуть? — Оливер нахмурился. — За кого вы меня принимаете?

— За человека, который знает, как тяжело бывает сдерживаться и как хочется порой выпустить пар, — сказала я, глядя ему в глаза. — И не нужно так на меня смотреть. Я училась на боевом и умею драться. А в «Огненном Черепе» это нужно делать без магии — именно то, что мне сейчас подходит. И после всего случившегося сегодня я хочу пойти туда, вызвать на бой какую-нибудь девицу и отвести душу.

— Да, — ректор в задумчивости потер подбородок. — Вы умеете удивлять, мисс Аштон. Но вам придется подыскать другой клуб. Я еще не обсуждал это с инспектором, но, думаю, стоит наведаться в «Огненный Череп» и побеседовать с его членами. Возможно, кто-нибудь что-то вспомнит.

— Нет, — я с неподдельным ужасом замотала головой. — Так нельзя! Всех задержат для допроса, заставят снять маски? Это... Это же похоронит общество навсегда!

Положим, Саймона я сумела бы предупредить. Но меня в самом деле волновала судьба клуба.

— «Огненному Черепу» больше ста лет! — пыталась втолковать я ректору. — Все это время его члены хранят верность традициям. Некоторые имена и маски уже стали легендами. Ночной Кошмар со дня основания встречает новичков. А бои уже полвека проводит Сполох! Стальной Волк и Грбовщик сходились на ринге еще до моего рождения, а может, и до вашего! Нельзя заставить их снять маски и стать обыкновенными Джонами или Питами...

— Или Элизабет, — закончил Оливер. — Это так важно для вас?

Я закивала, понимая, что дело все равно останется для него на первом месте. Но, видимо, недооценила милорда Райхона.

— Хорошо, — сказал он. — Не стану пока обговаривать это с инспектором. Нужно хотя бы взглянуть на этот ваш клуб в естественных условиях. Поэтому... пойду с вами.

— Вы? Но вы же преподаватель!

— Правилам общества это не противоречит, — пожал он плечами. Перехватил мой подозрительный взгляд и усмехнулся: — Нет, я не знаком с уставом «Огненного Черепа». В академии около двухсот условно тайных организаций, все не упомнишь. Но это правило общее для всех: преподаватели имеют право на членство в любом подобном обществе наравне со студентами. Что нужно, чтобы меня приняли?

— Маска, — пробормотала я, все еще не веря, что он это серьезно. — Нужна маска, чтобы вас не узнали, и костюм, удобный для боя.

— Найду.

— На входе нужно пройти испытание: удержаться от использования магии.

— Справлюсь.

— И вам надо придумать прозвище.

— Хм... Последний Дракон — подойдет?

— Издеваетесь? — надулась я.

— Отнюдь. По-моему, подходящее имя для члена тайной организации.

— Слишком претенциозно.

— А вас, позвольте спросить, как там называют?

— Черная Мамба, — призналась я после заминки.

— Черная Мамба? Одна из самых ядовитых змей в мире? И вы меня обвиняете в претенциозности?

— Змея не дракон, — пробурчала я. Но сердиться всерьез не получалось.

— Во сколько нужно быть на месте? — поинтересовался Оливер.

— В девять.

— Встречу вас в половине девятого. Но до этого времени...

— Меня будут охранять, — поняла я. — Не волнуйтесь, до вечера посижу в комнате. Почитаю о драконах.

Я не шутила: доклад-то еще не дописан. Рядом с известием об искажениях реальности учеба казалась чем-то незначительным, но глупо будет спасти мир и на следующий день вылететь из академии. Да и Мэйтин условий не менял.

Однако заняться докладом не получилось. В комнате меня ждали

нервно поедаящие мороженое подруги. Мэг уже знала от Сибил, что что-то случилось, но что именно — провидица объяснить не могла: с нее взяли клятву мага. От меня подобного не требовали, поклясться магией в нынешнем состоянии я не могла, а прочие обещания не давали надежных гарантий. Не связанная словом, я рассказала подругам об изменяющейся реальности, после чего мы вместе попытались понять, принимали ли пропавшие участие в ритуале и стали жертвами ошибки или же чем-то мешали его инициатору, и тот заказал их устранение из своей жизни и из мира.

Естественно, ни до чего мы не додумались. Но хоть время убили.

В половине девятого я вышла из общежития и, выбирая безлюдные, плохо освещенные дорожки, пошла к клубу. Голова была забита драконами и обрядами, так что, задумавшись, я не услышала шагов за спиной и громко взвизгнула, когда чья-то рука легла мне на плечо.

— Мне кажется, мисс Аштон, для бойца с гордым именем Черная Мамба вы несколько трусоваты.

Я могла бы ответить, что для человека, возглавляющего Королевскую академию магии, он чересчур несерьезен, но смолчала.

— Где ваша маска? — спросил ректор.

— Вот, — я достала из кармана скомканную косынку. — А ваша?

Костюм я успела оценить и осталась не в восторге. Ожидала от Оливера более элегантного решения, а тут: свободные штаны, заправленные в высокие ботинки, короткая черная куртка с капюшоном и никакой надежды, что, оказавшись внутри, ректор ее снимет, дабы продемонстрировать мускулистый торс.

Маска несколько сглаживала впечатление. К нижней части обычной (во всяком случае, в моем мире) лыжной шапочки с узкой прорезью для глаз были приделаны чеканные металлические челюсти с острыми зубами. Длинные верхние клыки выступали наружу, на концах отливая красным. Смотрелось устрашающе. Но костюм Стального Волка мне нравился больше.

На заднее крыльцо боксерского клуба я поднялась первой. Постучала. Дождалась негромкого «Кто?» и назвала свое прозвище. Когда дверь приоткрылась, показала привратнику браслет и прошла внутрь. Оливер последовал за мной, но был тут же остановлен Ночным Кошмаром.

— С тобой? — спросил меня бдительный страж. — Гость или претендент?

— Претендент, — ответила я не задумываясь. В качестве гостя,

который будет таскаться за мной по пятам, милорд Райхон меня не устраивал.

— Условия знаешь? — не подозревая, кому он так свысока тыкает, обратился Кошмар к ректору.

— В общих чертах, — ответил тот.

Вынырнувший из темноты Тигр просканировал нового кандидата и велел стать в светящийся круг. Так же, как не уяснила сути своего испытания, я не увидела, что происходило с Оливером, но по тому, как Кошмар хлопнул ректора по плечу, поняла, что проверку он прошел.

— Добро пожаловать в «Огненный Череп». Прозвище есть?

— Последний Дракон.

— Хорошее имя. Посмотрим, насколько ты ему соответствуешь.

Могла бы поспорить, что привратник усмехался под маской.

— Что он имел в виду? — спросил меня Оливер по пути в зал.

— Вступительный бой.

— А что означало «претендент или гость»?

— Вы могли пройти как зритель, — призналась я. — Но так же неинтересно, да?

— Да, — согласился Оливер. Маска изменила его голос и сгладила интонации, но я надеялась, что он не слишком сердится.

Людей в зале было меньше, чем в мой прошлый приход. Значит, никаких знаковых боев сегодня не ожидалось. С запоздалой тревогой — вдруг Шанна не передала Саймону мою просьбу — я огляделась и с облегчением вздохнула: Стальной Волк стоял у канатов, наблюдая, как лохматый монстр гоняет по рингу невысокого паренька в синем костюме. Меня он увидел, когда Кошмар подвел нас с Оливером к Сполоху, но я быстро махнула рукой, призывая не подходить.

— Новенький? — Сполох оценивающе оглядел ректора. — Здоровый. Но против Молота я тебя не выставлю. Есть еще Зеленый Великан и Шторм. Постой пока... О! Мамба! — обрадовался, узнав меня, словно мы были давними приятелями. — Как нога? На ринг выйдешь? Народу не густо, а там Фурия размяться не прочь.

— А Дикая Кошка? — спросила я.

— Пока нет, — бросил Сполох, прежде чем убежать.

— Вас тут действительно знают, — проскрежетал ректор.

— А вы решили, что я вру? — демонстративно оскорбилась я, думая, как мне повезло. Саймон прав: честь носить легендарное имя нужно заслужить. Сполох и Ночной Кошмар обязаны были помнить каждого члена клуба, даже если видели его всего раз.

— Почему он интересовался вашей ногой? — спросил Оливер.

— Травма на ринге, — обронила я буднично.

— И вы планируете драться?

На этот раз я по-настоящему обиделась. Сложила руки на груди и отвернулась, сосредоточившись на ринге. Лохматый устал гонять синего, и тот, воспользовавшись этим, бросился в атаку. Бил больше ногами. В прыжке. Такую растяжку я видела только у Ван Дамма в его золотые годы.

— Я имел в виду, не помешает ли вам травма, — немного виновато прогудел Оливер.

— Не помешает.

Склонность к эффектным па сыграла с синим злую шутку. Лохматый пригнулся, ударил снизу и угодил сопернику в пах. Зал, заполненный в основном мужчинами, произвольно охнул.

— Нельзя так, — неуверенно проговорил ректор.

— Можно, — я передернула плечами. — Хоть и не поощряется. Тут одно правило: не использовать магию.

— Победил Зверь! — разнеслось над головами.

— Готовьтесь, — предупредила я Оливера.

Когда синему помогли перелезть через канаты, Сполох обрадовал присутствующих появлением в клубе нового бойца. Проводив ректора на ринг и мысленно обещав ждать, желательно подольше, я стала потихоньку подбираться к Саймону. Заметив это, он пошел в мою сторону. Мы встретились в тот миг, когда распорядитель боев объявил, что вызов претендента принял Зеленый Великан.

— Добрый вечер, Элизабет.

— Не очень, — поморщилась я. — За мной следят, поэтому... Что вы знаете о Чарли Лосте?

— Кто это?

Великан был великанский. Настолько, что большая часть присутствующих наверняка знала настоящее имя парня, которому сложно было затеряться среди студентов с такой комплекцией.

— Теперь никто, — ответила я, продолжая наблюдать за рингом. — Чарли нет и никогда не было. А пару дней назад мы его обсуждали как первого из пропавших студентов.

— Как? — растерялся боевик.

— Слышали об изменяющихся реальностях?

— Это сказки.

Разговаривать и следить за начавшимся боем было нелегко, все время хотелось обернуться к собеседнику, но я не сводила глаз с ринга. Великан,

конечно, огромен, но Оливер подвижнее и гибче и уже успел нанести несколько ударов, правда, слишком слабых, чтобы пробить броню массивных мышц.

— Не сказки, — сказала я уверенно. — Но разглашать это не станут.

— То есть я должен верить вам на слово?

— Вы не верите? — отвлекшись от поединка, я посмотрела в прорези стальной маски.

— Не вижу причин...

«Вам верить», — я подумала, что он ответит так, и мысленно попрощалась со Стальным Волком как с союзником.

— ...по которым вы стали бы обманывать, — закончил он. — Но изменение реальности — это неожиданно.

— Нужно встретиться в другой обстановке и все обговорить. Но с этой слезкой...

— Вас в чем-то подозревают?

— В том, что суну свой нос куда не следует.

— Тогда вряд ли слезка слишком пристальная. Мы могли бы случайно столкнуться в библиотеке.

— Десять раз подряд? — усмехнулась я, радуясь тому, как ловко Последний Дракон ушел из-под удара, поднырнув под руку Великану, и дважды ударил Зеленого по почкам. Будет мне еще о запрещенных приемах рассказывать! — Может, потренируете меня? Индивидуальные занятия два-три раза в неделю. Учебная программа целителей не предусматривает физическую подготовку, а мне не хочется терять форму.

— Да, конечно, — волчья морда качнулась вперед. — Но как мы будем... а-а-а...

Думала, он быстрее соображает.

— Это и есть ваша охрана? — сменил тему Волк, указав на ринг. — Неплохо дерется. Кто он?

— Клуб анонимный, — напомнила я. — А он Последний Дракон. И сейчас победит Зеленого Великана.

— Значит, мне пора, — по-своему согласился с моими выводами Саймон.

Великан, не сориентировавшись вовремя, получил кулаком в ухо, утратил координацию и теперь пропускал удар за ударом, вяло имитируя способность продолжать бой.

— Погодите, — остановила я бывшего куратора. — Фурия. Как она на ринге? Я ее побью?

— Попробуйте.

Дать развернутый ответ он не успел бы: Оливер провел серию ударов, закончившихся сокрушительным апперкотом. Зеленый Великан упал. Саймон исчез, смешавшись с воодушевленно галдящей толпой.

— Победил Последний Дракон!

Наверное, никогда прежде ректор не вызывал такого искреннего восхищения у студентов, как в эту минуту. На миг захотелось, чтобы он снял маску.

— Поздравляю! — улыбнулась я, когда Оливер подошел.

— Благодарю, — отозвался он скромно. — Попить бы. Я бывал тут днем, рядом с раздевалками есть умывальник. Нас туда пропустят?

— Давайте проверим.

Мешать нам никто не собирался. Спых объявил очередную пару бойцов, и внимание зрителей вновь сосредоточилось на ринге.

В маленькой темной комнатке Оливер стянул маску, нашел на ощупь умывальник, попил и умылся.

— А знаете, это интересно, — сказал он. — Действительно... расслабляет... Кто ваш приятель в волчьей шкуре?

Вопрос был задан безо всякого перехода, и я растерялась.

— Вы говорили с парнем в костюме волка, — не отставал ректор. — Ваш знакомый?

Хорошее у него зрение. С ярко освещенного ринга почти не видно тех, кто в зале.

— Разве тут могут быть знакомые? — отмахнулась я. — Здесь он Стальной Волк. Чемпион последнего турнира.

— Ого! И чего он от вас хотел?

— Он... вами интересовался. Видел, что мы вместе пришли, и решил спросить, не собираетесь ли вы претендовать на чемпионский титул. Собирает информацию о возможных соперниках.

— Понятно, — растянул Оливер, польщенный тем, что действительный чемпион счел его конкурентом. И выдал внезапно: — Думаете, стоит попытаться? Как я понимаю, претендент бросает вызов чемпиону, а не наоборот, да?

— Не знаю, — пролепетала я, обескураженная таким поворотом. — Но вы же не серьезно? Стальной Волк — опытный боец...

— А я, по-вашему, нет? — оскорбился ректор.

— Я не это имела в виду. Но Волк...

— Да-да, помню, выходил на ринг еще до моего рождения. Значит, он древний старец, и побить его не составит труда.

Днем, говоря, что считаю Оливера человеком, способным понять

необходимость активной разрядки, я и не представляла, насколько права. Но с ходу бросать вызов чемпиону — это слишком.

— Уверена, вы его победите, — сказала я. — Но давайте в другой раз? Сегодня мне хотелось бы пораньше вернуться в общежитие.

— А как же «вызвать какую-то девчонку и спустить пар»? — припомнили мне.

— Сейчас вызову, спущу и пойду спать.

Фурия оказалась невысокой плотно сбитой девицей. Перед началом поединка она улыбнулась мне и сказала: «Привет!»... И сразу же ударила. Я успела увернуться, но травму мне все же нанесли — душевную. А подобное вероломство должно быть наказано.

Наказание было показательным и, надеюсь, в меру болезненным.

— Победила Черная Мамба!

Под одобрительные выкрики и аплодисменты я перемахнула через канаты и пошла туда, где оставила Оливера, надеясь и от него получить порцию восторгов. Но ректора на месте не оказалось. Я решила, что он перешел на другую сторону, откуда было лучше видно, но не успела обойти ринг, как громкий, исполненный торжественности голос Сполоха заставил меня замереть.

— Дамы и господа! Давно не случалось такого, чтобы новичок вызвал на бой чемпиона! И вот этот день настал! Последний Дракон вызывает Стального Волка!

Этого я и боялась.

Сказали бы мне вчера, что Оливер Райхон, эталон сдержанности и безупречных манер, будет размахивать кулаками на ринге, не поверила бы. Но оказалось, мистер Совершенство — адреналиновый наркоман.

Вмешиваться поздно, оставалось наблюдать за поединком. Зная, кто скрывается под масками, это было занятно: ректор дерется с одним из преподавателей — на ученом совете такого не увидишь.

Начал Оливер резво. Я бы сказала, слишком резво. К Великану он и то дольше присматривался. Однако его самоуверенность осталась безнаказанной. Стальной Волк легко отражал удары, но решительных действий не предпринимал. Зал отозвался недоуменным гудением: настолько поведение чемпиона отличалось от его обычной тактики. Даже я, видевшая до этого всего один бой Саймона, заподозрила неладное, а потом поняла: боевик считал Оливера агентом полиции и сдерживался. Но все же он не знал, кто на самом деле скрывается под маской Последнего Дракона, а расквасить нос филеру — совсем не то, что отдубасить непосредственное начальство, и, стерпев еще пару дерзких атак, Вульф счел возможный

конфликт с представителем закона допустимым риском. Он позволил сопернику приблизиться вплотную и провел обманный прием, для Оливера, очевидно, выглядевший оплошностью соперника. Да что там для Оливера! Зрители как один вздохнули, кто удивленно, кто разочарованно, видя как глупо подставился чемпион... Но когда Дракон занес руку для удара, открывшись, кулак Саймона с силой врезался ему в основание плеча. Нужно отдать Волку должное: мог ведь и в лицо, и результатом стала бы сломанная челюсть и победа нокаутом.

Оливер отшатнулся, закрылся от возможного продолжения левой рукой, а правая у него обвисла, и, кажется, попытки пошевелить ею причиняли боль. Саймон ситуацией не воспользовался. Махнул, подзывая к себе Сполоха, и что-то быстро прошептал тому на ухо. Распорядитель подошел к ректору, сказал несколько слов, выслушал ответ и, выйдя на центр ринга, поднял руки, требуя тишины и внимания.

— Дамы и господа! Я вынужден остановить поединок. Один из участников не может продолжать бой. Но! Я уверен, что в скором времени Последний Дракон все-таки попытается победить Стального Волка! И, судя по тому, что мы сегодня увидели, у него есть все шансы стать нашим новым чемпионом!

Аплодисменты и одобрительные выкрики из зала свидетельствовали о том, что зрители вполне согласны с выводами Сполоха. Ректор покидал ринг практически новой звездой клуба.

Ай да Саймон! Надо же так все рассчитать! Даже если он клясться будет, что не предполагал, чем обернется случайный удар, не поверю.

— Вы были великолепны, — прошептала я Оливеру, не отказав себе в удовольствии повиснуть у него на шее.

— Не льстите. И удержитесь от объятий, пожалуйста. Не скажу, что это неприятно, но... больно. Мы можем уйти прямо сейчас?

Мы вышли из клуба, прошли с десятков ярдов, а дальше портал выбросил нас в маленький ельник неподалеку от моего общежития. Оливер уселся прямо на землю, стащил маску и, зачерпнув пригоршню снега, растер его по лицу. Все это в прямом смысле одной левой.

— Как ваша рука? — я присела на корточки рядом с ним. — Болит? Вам бы к целителям сходить.

— Да уж, теперь придется. Кажется, поврежден хрящ в плечевом сочленении... Что вы так смотрите? Я не целитель, но разбираюсь немного.

— Конечно, — улыбнулась я. Потому что он тоже улыбался, и отнюдь не познания в травматологии вызвали мое удивление, а эта его улыбка.

— Повел себя как зеленый первокурсник. Обычно я так...

— Не поступаете, — продолжила я. — Может быть, зря?

— Может быть, — улыбка стала задумчивой. — А этот Волк и правда отличный боец. Жаль, вы не знаете, кто он.

— А что бы вы сделали, если бы узнали?

— Жестоко отомстил бы, естественно! Я ведь малефик, мстительность и злопамятность — мои главные черты. Пару внеплановых зачетов ему подстроил бы. А если специальность предполагает, и по полигону погонял бы.

— И хвост ему! — рассмеялась я.

— И хвост! — поддержал «мстительный» ректор. — Кстати, хвостатые проклятья имели успех. Студенты ведь именно хвостами называют несданные зачеты? Так вот после той практики...

Неловкое движение, и он прервал рассказ. Улыбку сменила гримаса боли.

— Вам нужно в лечебницу, — напомнила я. — Расскажите после.

— Завтра. После того как у вас закончатся занятия с леди Райс. Как всегда.

Как же упоительно прозвучало это «как всегда»! А когда он взял мою руку, поднял и легонько коснулся губами пальцев, сердце едва не выскочило из груди.

— Спасибо за чудесный вечер, Элизабет.

Чудесный вечер в конце безумного дня. Кто бы мог подумать?

ГЛАВА 20

...Я шла через мрак терминала к светящемуся люку.

Еще немного, и буду дома.

Три комнаты, совмещенный санузел, телевизор, телефон, интернет. Уютный диванчик, плед и свернувшийся в ногах кот.

Вычеркну из жизни события последних недель. Не сразу, но смогу убедить себя в том, что все это было сном.

А быть может, это и есть сон? Академия магии — для той, кто давно уже не верит в чудеса. Подруги, которых у меня нет в реальной жизни. Больница, где я никогда не буду работать. Красавец-мужчина, который никогда не обратил бы внимания на меня настоящую.

Я буду скучать по нему. И по всему остальному тоже.

Но вернуться — это правильно.

Лучше сейчас, пока я не поверила, что все это мое.

Последние шаги, и я склоняюсь над люком. Смотрю на лестницу внизу, на выложенный плиткой пол и расшатанные перила.

Мое — там.

Я понимаю это, но не могу решиться...

Кто-то решает за меня.

— Опять? — спрашивает гневно темнота.

Крышка с грохотом захлопывается. А над закрытым люком стоит она. Элизабет. Смотрит на меня сердито... или испуганно? Отступает в сторону, а после делает шаг ко мне. Или я — к ней?

Протягиваю руку, и она тянется навстречу.

Но вместо теплой ладони чувствую гладкое стекло.

Зеркало.

Элси тут нет. Может быть, и меня тоже.

За спиной Элизабет выступает кто-то из темноты: черное пальто, длинные белые волосы...

Оборачиваюсь, но позади меня — никого.

Только непроглядная тьма терминала между мирами, один из которых — мой...

Странный сон.

Разбудил до рассвета и заставил вспомнить о вчерашней встрече с медиумом. Мэйтин отмахнулся от моих опасений, успокоил, но все же

хотелось объяснений, и я решила заглянуть к Норвуду и его соседу вечером.

Планы пошли наперекосьяк уже с утра.

Придя в учебный корпус, я полчаса простояла под кабинетом наставницы. Не дождавшись ее, пошла на кафедру, где узнала, что у миссис Томсон, работавшей в лечебнице штатной акушеркой, умер отец, и леди Райс на две недели отменила свои занятия на факультете, чтобы подменить коллегу и дать той побыть с семьей в нелегкое для них время.

Пришлось топтать в лечебницу, а там опять стоять под кабинетом, потому как леди Пенелопа была занята с пациенткой и ни ключа, ни записки мне в этот раз не оставила. Я даже к Грину отважилась заглянуть, но и того на месте не оказалось. Сидевшая за его столом смутно знакомая мне рыжая девица важным тоном сообщила, что доктор осматривает новоприбывшего пациента, а она ни о каких ключах не знает.

Ничего не оставалось, как снова изображать вокзальную нищенку и надеяться, что наставница появится раньше желчного господина Грина.

Но первым пришел Рысь — в выходной куртке вместо потрепанной каждодневной и с букетом белых хризантем.

— Здравствуй, Элизабет.

— Здравствуй, — я притворилась, будто не удивлена ни его видом, ни торжественным приветствием, и подвинулась, освобождая место на скамейке. — Присаживайся.

— Нет, я... и так долго тебя искал... Вот, — он сунул мне в руки букет. — Прости за вчерашнее.

Вчера столько всего случилось, что, не явись он, такой нарядный и виноватый, я и не вспомнила бы о нашей размолвке.

— И насчет того, что ты меня в историю втянула, — оборотень все-таки присел рядом. — Спасибо.

— За то, что втянула?

— Да. Понимаешь, я хотел летом в полицию на практику пойти, но соискателей много... А вчера с инспектором разговорились, и он сказал, чего, мол, до лета ждать, когда тут такое дело и я уже вроде как участвую... Здорово, да?

— Угу. Просто чудо божье.

— Сердишься еще, — неверно понял мою усмешку Норвуд. — Имеешь право. Но, честно, Элси, я не хотел ничего такого. Прости, если дал тебе надежду, что между нами возможно что-то кроме дружбы, но...

— Рысь! Не мели ерунды! Нет у меня никаких надежд!

— Мне показалось, ты расстроилась вчера, — промямлил он

неуверенно. — Из-за Шанны.

— Вот еще! Встречайся с кем хочешь. Или ты решил, что после пары поцелуев я лишилась сна, аппетита и остатков мозгов?

— Я думал...

— Думай лучше о расследовании, — посоветовала я. — В этом направлении у тебя мозги лучше работают.

— Правда? — просиял он. Выражение раскаяния стерлось с его лица довольной улыбкой. — И ты не станешь «вытягивать» меня из истории, как обещала?

— Так ты потому и пришел? — поняла я. — Ну ты и...

— Знаю. Зато ты самая замечательная девушка в мире!

В порыве, даже отдаленно не напоминая благодарностью, оборотень попытался меня обнять и схлопотал по физиономии букетом.

— У нас с тобой точно ничего не получилось бы, — сказала ему, так и не определившись, разозлиться мне или рассмеяться. — Я хочу серьезных отношений. А ты для этого еще маленький.

О том, что собиралась поговорить с ним о Владисе, я вспомнила, когда Норвуд уже дошел до конца коридора и свернул в сторону холла. Тогда же заметила рыжую девицу, стоящую у приоткрытой двери в кабинет Грина. Может, и не с начала, но наш с оборотнем разговор она слышала и ничуть не смутилась, что ее в этом уличили.

— Лихо ты его отшила, — сказала она, выходя в коридор.

Я всегда теряюсь, когда со мной заговаривают незнакомые люди. Рыжая это, видимо, поняла и решила представиться:

— Белинда Лемон. — И добавила гордо: — Личная помощница доктора Грина.

Какое счастье! Теперь есть кому варить кофе великому и ужасному!

Я тут же прониклась к рыжей симпатией, назвалась, скромно отрекомендовавшись ученицей леди Райс, и согласилась на предложение в отсутствие наших патронов попить чая в кабинете заведующего. А еще — «цветочки в вазочку поставить, чтобы не завяли».

Одно я забыла: за все в жизни приходится платить. Мне в качестве платы за чай пришлось слушать восторженный лепет Белинды. Нет, она могла говорить и нормально, но когда разговор заходил о Грине — а он, несмотря на мои старания сменить тему, заходил о нем то и дело, — связная речь девушки превращалась именно в лепет. За полчаса мои знания о заведующем пополнились эпитетами «гениальный», «непревзойденный», «бесподобный» и — апогей эмоций — «невероятный душка». К счастью, когда Белинда выдала эту «душку», чай я уже допила, иначе поперхнулась

бы.

От новых перлов рыжей меня спасло возвращение леди Райс. Мы согласовали график на время, пока она замещает миссис Томсон, и следующие две недели мне предстояло проводить в лечебнице первую половину дня: никаких дежурств до позднего вечера и два законных выходных.

— Я так устала, — пожаловалась наставница, — а день только начался. Почитаете самостоятельно? Если будут вопросы, я отвечу.

Вопросы появились у нее самой, когда в кабинет вошел без стука Грин, прошествовал к столу в углу, где я сидела с учебниками, и, не здороваясь, положил поверх раскрытой книги букет хризантем, забытый мной в его кабинете. Развернулся и вышел. Затем, наверное, решил, что нужно как-то объяснить это явление, вернулся и высказал с порога:

— Я не люблю хризантемы, мисс Аштон. В следующий раз приносите ирисы или фрезии!

К счастью, леди Пенелопа не из тех, кто станет додумывать подробности, когда можно узнать все из первых уст. Единственное, чего я сама не поняла, — действительно ли Грин подумал, что я оставила цветы для него, или решил сострить. Но я недолго задавалась этим вопросом. Других хватало. Изменение реальности, странные сны, Владис, профессор Милс, к которой я собиралась зайти перед тем, как отправиться к Оливеру. Оливер. А ко всему приближался срок сдачи экзамена по анатомии, и я нервничала из-за него не меньше, чем из-за возможного конца света.

Когда закончилось отведенное на учебу время, оставила злополучные хризантемы в кабинете наставницы, сходила в столовую, а оттуда направилась на кафедру мистических существ.

Мисс Милс приветствовала меня традиционно сухо, без энтузиазма взяла мои заметки, но чем дольше вчитывалась, тем сильнее разгорался в ее глазах интерес.

— Впечатляет, — призналась она, отложив черновики. — Вы указали среди источников «Драконий век». В нашей библиотеке этой книги нет, насколько я знаю.

— Мне ее одолжили.

— Что ж... Я уже сейчас готова принять вашу работу.

«Уже сейчас» меня не устраивало.

— Я думаю, ее рано сдавать, — сказала я. — Я хотела бы расширить раздел о роли драконов в формировании основ человеческой магии.

— Хотели бы? А не хотели бы... перевестись на мою специальность?

Неожиданное предложение, но я над ним даже не задумалась.

— Нет. Простите. Мне правда интересны драконы... Но только драконы, а не все мистические существа.

— Жаль. Значит, я не смогу выставить вашу работу на ежегодный конкурс, он только для студентов нашего отделения. Но рада буду видеть результат.

— Если бы вы посоветовали мне дополнительную литературу, не только то, что можно найти в нашей библиотеке... Я бы попросила знакомых...

— Боюсь, ничем вам не помогу, — от ученой дамы, хоть она и сделала вид, что мой отказ ее не задел, повеяло холодом. — У меня нет знакомых, которые в состоянии добыть редкие издания, так что все известные мне источники — из перечня обязательной литературы.

Да, повезло Саймону с мамочкой. Стерва подвида «снежная королева». Книг она не из программы не знает! А о «Драконьем веке» ей откуда известно?

Попытка получить информацию о драконьих ритуалах успехом не увенчалась.

Оставалось уповать, что хотя бы встреча с Оливером пройдет так, как мне хотелось бы. Приятная беседа, воспоминания о вчерашнем вечере, планы на новый...

Но и тут не сложилось. Причем по всем пунктам.

Пункт первый — приятные воспоминания.

Наличие воспоминаний никто не оспорил бы: правая рука ректора покоилась на перевязи. Приятного в этом не было.

— Ничего страшного, — уверил меня Оливер. — Рекомендовали ограничить движения на пару дней, вот и все.

Пункт второй — непринужденная беседа.

— Позвольте быть с вами откровенным, Элизабет, — начал ректор серьезно. — Я считаю нецелесообразным в сложившейся ситуации продолжать попытки вернуть ваши способности. Понимаю, вам тяжело, но ваша память о прежней реальности сейчас ценнее магии, и, если это обусловлено вашим состоянием, возвращение дара приведет к тому, что вы забудете стертую реальность, как и мы все.

— Лишь бы от моих воспоминаний был толк, — пробормотала я.

— Будет. Мы уже установили, что сделанные вами записи, как и ваша память, не меняются. Поэтому хочу попросить вас сделать копии некоторых полицейских отчетов.

А это уже пункт третий — планы на вечер.

— Желательно переписать их сегодня, — добавил Оливер. —

Документы я взял под свою ответственность и завтра с утра должен вернуть, потому что в обед уже уезжаю.

— Уезжаете? Надолго?

— До следующего понедельника, — он поморщился, словно от зубной боли. — Вызывают в министерство. По нашему вопросу. Потому попрошу еще об одном одолжении. Я так и не узнал, в каких вы отношениях с родителями, особенно с отцом. Надеюсь, что в близких и доверительных. Но не нужно сообщать ему, что у нас тут происходит. Мы с инспектором решили, что не стоит пока докладывать наверх об изменении реальности. Поднимется шумиха, и, если этот процесс управляем, тот, кто стоит за ритуалом, может попытаться его ускорить. А это грозит появлением новых жертв.

— Понимаю. И благодарю за доверие.

Но о наблюдении помню. О том, что мои контакты проверяются и ничего не стоит перехватить, прочитать, а при необходимости задержать отправленное мною домой письмо.

Видимо, Оливер тоже подумал об этом. Отвел взгляд. Срочно нужно было сменить тему, отвлечься, и бог услышал-таки мои молитвы: дверь приоткрылась, и в кабинет заглянул невесть как миновавший секретаря Саймон.

— Входите, — махнул здоровой рукой ректор.

Я улыбнулась, хотя, если подумать, забавного было мало. Присмотрелась к боевику, и улыбка стала шире: он сбрил свои нелепые усики.

— Здравствуйте, мистер Вульф, — приветствовала я его радостно. — Прекрасно выглядите.

— Спасибо, мисс Аштон, — он непроизвольно провел пальцами над верхней губой, — вы тоже.

— Вы чего-то хотели, мистер Вульф? — прервал обмен любезностями ректор.

— Я по поводу программы предварительных зачетов. Оставлял на согласование. Если есть какие-то вопросы...

— Вопросов нет. Программу я подписал и отдал мистру Адамсу.

— Уже? Спасибо. Тогда... до свидания.

— Всего доброго, — попрощался милорд Райхон.

Когда за Саймоном закрылась дверь, обратил на меня суровый взор.

— Ваше поведение по-прежнему оставляет желать лучшего, мисс Аштон. Или вы считаете допустимым делать фривольные комплименты преподавателю?

— Я лишь отметила, что без усов ему лучше. Они ведь были ужасны, разве нет?

— Были, — признал Оливер. — Но это не повод...

Дверь снова отворилась.

— Простите, милорд, — извинился вернувшийся боевик, — но у мистера Адамса программы нет, и он не знает, где она.

— Как не знает? — нахмурился ректор. — Я сам ему ее отдал. Хотя... Точно! Вы забыли согласовать ее с проректором. Я передал ее мистеру Крафту. Подождите, узнаю...

Конец фразы мы не расслышали: Оливер исчез в портале. Сейчас так же внезапно окажется рядом со столом проректора Крафта. У старика, должно быть, нервы уже ни к черту.

— Что у милорда Райхона с рукой? — нарушил Саймон повисшую с исчезновением ректора тишину.

Я собиралась сказать, что понятия не имею, но вместо этого глупо хихикнула.

— Что смешного в моем вопросе? — не понял боевик.

— Ничего, — пискнула я и зажала рот ладонью.

— О нет, — медленно покачал головой мой бывший куратор. — Только не говорите...

— Не говорю. Молчу. Совсем.

— Ну знаете ли...

— Знаю.

— А он?

— Нет. И не узнает. Не от меня.

— Спасибо.

«Спасибо» Саймона было не то чтобы «спасибо», а такое обиженное «ну спасибо», будто это я подбила ректора на тот поединок.

— Ваша программа, — Оливер вынырнул из портала и протянул боевику бумаги.

— Благодарю, — отрешенно кивнул тот.

— Я помешал разговору? — поинтересовался милорд Райхон, глядя то на Саймона, то на меня.

— Немного, — не стала скрывать я. — Я спросила мистера Вульфа, не сможет ли он проводить со мной индивидуальные тренировки. Он не против, но никак не определится с днями занятий.

— Зайдите ко мне завтра после трех, — сказал Саймон, принимая мою версию разговора. — Я посмотрю расписание и выберу время. Милорд... скорейшего выздоровления.

— Значит, ничего фривольного? — спросил Оливер после его ухода.

— Ничего, — улыбнулась я, уловив ревнивые нотки.

Почудилось, наверное. Новых вопросов не последовало, да и вообще, хоть я и пробыла у ректора до позднего вечера, мы почти не говорили. Я переписывала полицейские отчеты. Он разбирал документы, из живого раскрепощенного человека, с которым накануне я провела замечательный вечер, превратившись опять в роботоподобного главу академии.

Только когда пришло время прощаться, он стал на миг тем, вчерашним.

— Меня не будет всего неделю, Элизабет. Постарайтесь держаться подальше от неприятностей.

ГЛАВА 21

Если день накануне отъезда Оливера был днем поломанных планов, то следующее утро ознаменовалось чередой внезапно исполнившихся желаний. Надо ли говорить, что исполнялись они не самым подходящим образом?

Например, по дороге в лечебницу я вспомнила, что, провозившись допоздна с полицейскими отчетами, не успела увидеться с медиумом Владисом. И я его увидела. Парня внесли в приемный покой на носилках: ходил, будучи в трансе, и упал с лестницы. Сотрясение мозга, пара переломов, а главное — вывих челюсти, который как минимум неделю не позволит ему говорить.

Затем я мысленно посетовала, что не успеваю подготовиться к экзамену по анатомии, и леди Пенелопа откомандировала меня в морг, где доктор Кленси проводил показательное вскрытие для первокурсников. Все бы ничего, но какую-то девицу стошнило на подол моего платья.

Пожелала отдохнуть и не думать о проблемах, и щедрое мироздание послало мне Белинду, рядом с которой думать невозможно в принципе. Летом девушка получила диплом и выхлопотала себе прохождение последипломной специализации в нашей лечебнице, тогда как все, с кем она общалась на протяжении семи лет, разъехались кто куда. Белинда осталась без друзей и подруг, в больнице за полгода ни с кем не сошлась, а во мне какого-то демона углядела родственную душу. Мне жаль было рыжую, которой и поговорить не с кем... Но если бы она говорила о чем-нибудь помимо Грина!

Вряд ли Белинда была влюблена в него или настолько преклонялась перед его гением. Скорее, она фанатела от него, как девочки-подростки в моем мире — от артистов, поп-певцов и смазливых мускулистых спортсменов. Будь мы на Земле, мисс Лемон уже создала бы фан-клуб бесподобного доктора, вытатуировала бы у себя на груди его имя и караулила под кабинетом с плакатом «Эдвард, я хочу от тебя ребенка!».

И это было бы чудесно. Потому что тогда я смотрела бы на все это со стороны и посмеивалась, а не выслушивала бы слащавые сюсюканья.

После такого бодрого утра к Саймону я шла с опаской и старалась ничего не загадывать. Возможно, именно ввиду отсутствия у меня определенных ожиданий встреча не сорвалась и не обернулась курьезом. Если забыть о том, что я явилась в платье. Но, может, я и не собиралась

тренироваться в первый же день? Мы ведь еще не обговорили условий и не согласовали расписание.

Не знаю, следили ли за мной, но главное, чтобы не подслушивали. Сидят себе на скамейке в тренажерном зале преподаватель и студентка, обсуждают будущие занятия.

— Я была вчера у мисс Милс, — призналась я. — Подумала, что, если ритуал изменения реальности разработан драконами, она может о нем знать. Прямо, конечно, не спросила...

— А стоило, — нахмурился боевик. — Не мисс Милс, естественно, а меня. Считаете, вам легче что-либо узнать у нее, чем мне?

Признаю, сглупила.

— Поговорю с ней, — пообещал Саймон в ответ на мой виноватый взгляд. — Вы правы, в академии нет лучшего специалиста по драконам. Но я не хочу посвящать мать в то, что у нас тут творится, поэтому нужно подумать, как спросить, чтобы она ничего не заподозрила.

Как и в предыдущие встречи, говорить нам, в принципе, было не о чем.

— Расскажите о Германе, — попросила я.

— Зачем?

— Он следующий. Если мы не успеем ничего предпринять, его забудут.

— А вы...

— А я нет.

Рассказ у боевика вышел недлинным и по-мужски скупым на эмоции. Герман был студентом его матери. Одаренным студентом. Профессор Милс готовила для парня отдельную программу и нередко занималась с ним дома. Так они с Саймоном и познакомились. У молодого преподавателя было немного друзей, в этом его история напоминала историю Белинды: приятели по студенчеству разъехались, а с коллегами, за которыми недавно бегал с зачеткой, непросто перейти на новый уровень общения. А Герман, помимо драконов, единорогов и химер, интересовался боевыми искусствами. Потом нашлись и другие общие увлечения...

— Теперь ваша очередь, Элизабет. Как вышло, что вы помните то, чего не помнят остальные?

— Дело в том, что я тоже пострадала от искажения. Потеряла способности. Дар остался, но управлять им я не в состоянии...

Помня, как восприняли это признание Оливер и друзья, я готовилась к очередной «проверке», но Саймон лишь участливо покачал головой.

— Это и есть ваш личный интерес? — спросил он. — Хотите

остановить изменения и вернуть способности?

— Считаете, это мелко?

— Это честно. И понятно. Мне представить страшно, каково это — жить без дара. А вы прекрасно держитесь.

— И в «Огненный Череп» прошла без труда, — усмехнулась я, поддерживая имидж оптимистки. — Кстати, я серьезно хочу тренироваться. Собираюсь взять реванш у Кошки.

— Приходите завтра, — улыбнулся в ответ Саймон. — Не знаю, успею ли к тому времени выяснить что-либо по изменяющимся реальностям, но час-полтора для занятий выделю. Только оденьтесь должным образом, а то ваш сопровождающий неверно истолкует смысл наших встреч. Или верно, что тоже нежелательно.

— Сопровождающий? — я с трудом удержалась, чтобы не начать озираться, хоть и знала, что в зале кроме нас никого нет. — Где?

— Ходит под окнами. На нем заклинание, позволяющее не бросаться в глаза. Не невидимка, просто неприметный человек. Тот, кто к вам его приставил, знает о ваших проблемах; магов такими чарами не обмануть.

Все-таки меня охраняли. Но я и не собиралась нарушать данное Оливеру обещание не влипать в неприятности до его возвращения. Вот вернется, тогда и посмотрим.

Следующие два дня прошли спокойно и, если не считать тренировок, бесполезно. Саймон ничего интересного не узнал; Рысь, на которого в связи с его практикой в полиции я возлагала большие надежды, также не радовал новостями. А к исходу второго дня выяснилось, что Сибил уже не помнит о Чарли Лосте даже того, что я рассказывала им с Мэг после разговора с ректором и Крейгом. Мэг тоже позабыла о той беседе, но я решила, что это к лучшему: если я не хотела вовлечь подруг в новые проблемы, не стоило мешать им забывать о старых.

Не зная, что еще можно предпринять, я занялась тем единственным, что было мне по силам: подготовкой к экзаменам. Леди Пенелопа брала меня с собой только на обход, а остальное время я сидела в кабинете с учебниками, от которых меня минимум трижды за день отвлекала Белинда очередным рассказом о своем обожаемом докторе. Ее болезнь прогрессировала, а я только начала изучать медицину и подсказать действенное лекарство не могла. Иногда хотелось ее стукнуть, но если кому от этого и полегчало бы, то только мне.

На третий день я пришла в лечебницу раньше обычного, но весь персонал уже стоял на ушах. Во-первых, ночью в нескольких милях от

академии сошел с рельсов поезд. К счастью, никто не погиб, но несколько пассажиров травмировалось, и их привезли к нам. Сильно пострадал маленький мальчик — лет семи, как сказала мне дежурная сестра, — им занимался Грин, и к моему приходу операция еще не закончилась. Вторых — собственно, поэтому я и пошла к дежурной за ключом, — у миссис Перли начались роды. Близняшки выбрали не лучшее время, чтобы появиться на свет, но я надеялась, что они достаточно окрепли после разделения и леди Пенелопа примет их без участия Грина.

Сама я ничем не могла помочь. Сидела в обнимку с учебником, который даже не открывала, и, пусть не умела молиться по-настоящему, мысленно просила одного знакомого бога, чтобы все было хорошо и с миссис Перли, и с ее девочками, и с пострадавшим в аварии мальчиком.

Не знаю, сколько времени прошло, когда в кабинет, давясь слезами, влетела Белинда. Увидев ее, я схватилась за сердце:

— Что? Кто?

— Доктор Грин, — провыла она, уткнувшись мокрым носом мне в плечо.

Первой мыслью было: «Все-таки не выдержал». Работал на износ, следовало ожидать, что этим кончится...

— Кофе, — всхлипнула рыжая. — Чашку разби-и-и-ил...

Ей повезло, что я недолюбливала Грина и потрясение от ее первых слов не было для меня слишком сильным.

— Сахар не положила? — уточнила я, вздохнув.

— Положила-а-а... Два кусочка. А надо три... Откуда я знала? Он раньше всегда два кла-ал...

Видимо, после использования магии повышается потребность в углеводах. Или доктор искал повод разбить чашку. Может, Белинда и его достала своим сюсюканьем?

— Я не знала, — причитала она. — А он теперь без кофе... Бедненький...

— Что с мальчиком?

— С каким? — рыжая захлопала мокрыми ресницами.

Уф... Хорошо, что у меня в руках чашки нет!

— С тем, которого он оперировал.

— Все хорошо. А думали, не выживет, — Белинда поймала привычную волну и воодушевленно вцепилась мне в рукав. — Представляешь, все сказали, что шансов нет. Никаких. А он... Он волшебник, да?

— Дипломированный маг-целитель. Широкой специализации.

— Очень широкой, — согласилась рыжая с придыханием. — А я ему даже кофе не сделала-а-а... — завывала она снова.

Я отодвинула ее в сторонку и прошла в комнату для отдыха. Зажгла спиртовку.

Заслужил. За мальчика.

В готовый кофе демонстративно бросила три кусочка сахара, по одному вынимая из сахарницы щипцами, поставила чашку на поднос и кивнула Белинде:

— Иди, осчастливь своего гения.

Она попятилась и замотала головой.

— Нет. Он...

— Душка? — подсказала я.

— Он меня видеть не хочет... Может, ты отнесешь?

— Я?

— Ага, — закивала она, не отводя от меня щенячьего взгляда.

— А если он и в меня чашкой швырнет?

— Ты что! В людей он ничего не кидает. Он же не совсем того...

Он — нет. Я с сомнением посмотрела на поднос. Потом — на дверь. Вспомнила прошлый раз, но не летящую в стену чашку, а вселенскую скорбь во взгляде Грина, когда до него дошло, что Анабель уехала и некому сварить ему кофе.

— Повтори, что там с мальчиком, — велела Белинде.

— С мальчиком все хорошо, — отчеканила она.

Ладно. Зайду, поставлю, и все.

Рыжая даже проводить меня не отважилась, поэтому дверь в кабинет заведующего я открыла ногой. Грин, сидевший за столом, уткнувшись лицом в сложенные перед собой руки, приподнял голову и несколько раз моргнул.

— Вам не мерещится, — сообщила я, подходя ближе. — Это я. Это, — поставила на стол поднос, — кофе. С тремя кусочками сахара. Хотите — положите четвертый. Хотите — разбейте чашку. Но предупреждаю: она из сервиза леди Райс, объясняться после придется с ней.

Что мне будут рады, я не надеялась, но и последовавшей за моими словами реакции не ждала.

— Вы нормальная? — выцедил Грин. Стукнул кулаком по столу и рывкнул, указав на стену, к которой жался телефонный столик: — Туда! Быстро!

Не успев подумать, что к чему, я отскочила и застыла рядом с аппаратом.

— Я говорил держаться от меня подальше? Так какой, к демонам, кофе? Где леди Райс? Как она вам позволила?

— Ее нет, — пролепетала я. — У миссис Перли начались роды...

— Что?!

Он вскочил из-за стола, задел поднос, и чашка полетела вниз. Но звона бьющегося фарфора не последовало. По полу расплылась коричневая лужица, а чашка повисела еще немного в нескольких дюймах над ней и медленно поднялась к руке Грина.

— Неплохо, — прокомментировал он со вздохом, допив оставшийся внутри кофе. — И сахара в самый раз.

— Не надо вам туда ходить, — осмелилась сказать я. — Леди Пенелопа справится.

— Миссис Перли нельзя рожать самостоятельно, — целитель устало прикрыл глаза. — Шов на матке может разойтись.

— Уверена, леди Райс это знает. Вы не можете заниматься каждым пациентом лично.

Не мог, но хотел бы — взгляд, которым Грин наградил меня за неуместное сочувствие, говорил об этом как нельзя лучше.

— Туда! — сердито велел доктор, кивнув на окно. Когда я перебежала на указанное место, подошел к телефону. — Грин, — бросил в трубку. — Почему не сообщили о миссис Перли? И что с того? Кто оперировал? Хорошо.

Он отошел от аппарата и остановился у шкафа с книгами.

— Поговорил с дежурным врачом, — произнес, не глядя в мою сторону. — Прошло без осложнений. Миссис Перли уже наложили швы. Позже ее осмотрю. И девочек. Когда вернется леди Райс, попросите у нее историю родов и заключение по новорожденным. Принесете мне. Но не раньше чем через полчаса.

— Может, леди Пенелопа сама...

— Нет. Вы принесете. Ясно?

Спорить я не решилась, но подумала, что можно притвориться больной и отпроситься у наставницы. На пару месяцев.

— Чашку не забудьте, — не оборачиваясь, напомнил доктор.

Белинда меня не дождалась, справедливо рассудив, что после общения с Грином я не буду настроена на милую беседу, и отмеренные ее обожаемым патроном полчаса я провела в тревожном одиночестве. Если бы пришла леди Пенелопа, я придумала бы, как отвертеться, но она задерживалась, и в назначенный час, не рискнув нарушить распоряжение, я

стояла перед столом Грина, без историй и с полной несуразных мыслей головой.

— Присаживайтесь, мисс Аштон.

Тридцати минут хватило доктору, чтобы прийти в себя. Выглядел он вполне сносно, а я, находясь рядом, почти не испытывала желания сбежать.

— Леди Райс еще не вернулась, — промямлила я, не спеша садиться. — Историй нет.

— Знаю. Они у старшей акушерки, я их уже видел. А леди Райс наверху с новорожденными. Кстати, там все сестры, и практикантки, и, кажется, вообще все. Кроме вас. Вам неинтересно взглянуть на малышей?

— Я... потом...

— Потом так потом. А сейчас сядьте, у меня к вам разговор. Вы все еще девственница?

— Что вы себе позволяете?! — я вскочила, едва присев.

— Я доктор, — заявил Грин невозмутимо. — Мне можно. Так да или нет?

— Не ваше дело.

— Значит, нет, — он сокрушенно покачал головой. — И когда только успели?

— Ничего я не успела! — вспыхнула я и умолкла, наткнувшись на взгляд целителя.

— Так я и думал, — усмехнулся нахал. — Но просто ответить на вопрос вы не могли. Любите сложности?

— Не люблю вопросов, смысла которых не понимаю.

— Я объясню. Только присядьте, прошу. Или... хотите кофе?

— Нет.

— Жаль. Думал, заодно и мне сварите.

Подозрительно хорошее настроение, а вместо привычного хамства — бесцеремонность. К чему бы это?

— Скажу как есть, — решил не испытывать мое терпение доктор. — Лорд Эрентвилль в благодарность за скромный вклад в дело спасения его жизни позволил мне приходить на территорию посольства, чтобы увидеть единорога. Но только видеть — не то, чего мне хотелось бы, а в силу некоторых особенностей организма... организмов — моего и, собственно, единорога — более близкое общение невозможно. Поэтому я и решил, что мне нужна помощница.

— У вас есть помощница, — напомнила я исключительно из вредности: если предложение Грина заключалось в том чтобы пойти с ним к единорогу, я уже была согласна. Единственная встреча с чудом

эльфийских лесов крепко засела в памяти как самое приятное, что случилось со мной в этом мире.

— Есть, — поморщился Грин. — Но я передумал. К демонам помощниц. Мне нужна мышь. Маленькая лабораторная мышка для опытов.

— Которую не жалко?

— Отчего же? Я не планирую опасных экспериментов. И готов предложить за работу сыр. У вас же скоро первый экзамен? Анатомия?

— Откуда вы...

— От леди Райс. Согласитесь помочь — сдадите гарантированно.

— Вы серьезно? — я осмелилась посмотреть ему в глаза.

— Вполне. Не деньги же мне вам предлагать, леди Аштон?

— Может, поискать на должность мыши не леди? — предложила я раздраженно, хотя ничего оскорбительного в тоне Грина, когда он подчеркнул положение Элси, не было.

— Можно, — согласился он. — Но не хочется тратить время. Вы подходите. И не только по указанному признаку. Девственность — лишь физиологический показатель, не дающий никакого представления о человеке. Необходимое условие, но не единственное.

— То есть, несмотря на мои, хм, физиологические показатели, единорог мог не подойти ко мне в тот раз?

Представляю, что подумал бы обо мне Оливер!

— Да нет, скорее всего, подошел бы, — сказал Грин. — Позволил бы дотронуться. Но у вас был длительный контакт. Значит, он почувал в вас что-то еще.

— Что?

— Ну... вашу доброту, например. Вы же добрая. Даже чересчур. Если бы мне в вашем присутствии становилось плохо, я бы и не подумал вам кофе принести... кхе-кхе... — доктор понял, что его не туда занесло, и вовремя остановился. — В общем, вы подходите, единорог вас уже знает, а я не хочу терять время, подыскивая другую девицу. Тратить его на уговоры я тоже не планировал, поэтому решайте сейчас, интересуется вас это или нет.

— Предлагаете стать вашей ассистенткой?

— Мышью.

— Вам не кажется, что мышь — это, мягко говоря, унижительно?

— Не кажется. Это выгодное предложение. Ассистент получает кучу заданий и нагоняи в случае их невыполнения. Мышь получает только сыр.

— О сыре можно подробнее?

— Я уже сказал: помогаете мне — сдаете анатомию.

— Как?

— Легко, — махнул рукой доктор. — Поговорю с профессором Джакоби, и он поставит вам «отлично». Согласны?

— Нет. Я хочу стать целительницей. Выучиться, а не просто получить бумажку с печатью.

— Тогда, быть может, это вас устроит? — Грин положил на стол передо мной стопку листов. — Экзаменационные билеты с краткими ответами. Чтобы сдать необходимый минимум, достаточно их заучить. Хотите оценку выше — готовьте расширенные ответы. Что скажете?

— Что именно от меня понадобится?

— Для начала — установить стойкий контакт с единорогом. Если вам это удастся, обсудим дальнейшие планы. Если нет — признаем эксперимент неудавшимся. Но сыр, — он пододвинул ко мне билеты, — в любом случае ваш.

— Хорошо.

Почему бы и нет? Билеты получу, с единорогом пообщаюсь, доктора, пользуясь случаем, прощупаю...

— Вот и чудно, — он довольно потер руки. — Собирайтесь.

— Сейчас? — опешила я.

— Я же сказал, что не хочу терять время.

Грин торопился так, словно всерьез опасался, что эльфы, все разом, исчезнут вместе со зданием посольства и неизученным единорогом. Даже не позволил мне дождаться возвращения леди Райс, обещал после сам объяснить ей мою отлучку.

Посольство было на месте. Мы переместились к нему служебным порталом. Домик единорога тоже никуда не делся. Грин первым делом нашел его взглядом и лишь потом позвонил.

— Доктор Эдвард Грин, — чинно представился он подошедшему к калитке эльфу. — По приглашению лорда Эрентвилля.

Калитка распахнулась, и длинноухий пригласил нас войти.

— Лорд Эрентвилль занят, — произнес он с легким акцентом. — Но леди Каролайн вас примет.

Каролайн — не эльфийское имя. Вышедшая к нам девушка эльфийкой не была. Примерно моих лет. Вернее, лет Элси. Высокая. Стройная. Темноволосая. Глаза не прозрачные, а насыщенно-синего цвета. Но все же было в ней что-то нечеловеческое. Не свойственная людям плавность движений. Слишком гладкая кожа. Тонкое, по-эльфийски удлиненное лицо. Когда она приветственно склонила голову, я-Элизабет, прекрасная героиня романа, почувствовала себя неуклюжей коровой рядом с этим образцом аристократизма и женственности.

— Рада видеть вас, доктор, — улыбнулась красавица Грину. — Кто ваша спутница?

— Взаимно, леди. Это моя... мисс Аштон...

— Приятно познакомиться, мисс Аштон, — проворковала леди Каролайн.

— Мы не хотели бы отнимать ваше время...

Полуэльфийка — а кем еще могла быть эта особа? — с легким укором покачала головой:

— Всего несколько минут на положенные приличия, доктор. Не выставляйте меня плохой хозяйкой.

Она скосила глаза на здание посольства, словно намекала, что за нами наблюдают. А я вспомнила о своей охране. Не забил ли «неприметный человечек» тревогу, когда я исчезла из лечебницы? Или он уже знает, где я, и нарезает сейчас круги вдоль ограды? На территорию посольства его не пустят.

Мысль о том, что мне удалось сбежать из-под наблюдения, порадовала. Смысла в подобном побеге не было, но мне нравилось осознавать себя свободной и независимой... мышью.

— Передайте лорду Эрентвиллю мою благодарность за возможность приобщиться к чуду, — сказал Грин, когда, покончив с церемониями, полуэльфийка повела нас к желанному домику.

— Ну что вы, — с царственной непринужденностью отмахнулась она. — Это меньшее, что отец может сделать для вас.

Отец. Я механически складировала новую информацию. У лорда Эрентвилля, посла и, если не ошибаюсь, дальнего родственника эльфийского владыки, дочь-полукровка. Бесплезный факт. Но интересный.

— Вы с мисс Аштон, верно, хотите побыть наедине с эноре кэллапиа? — спросила она, остановившись у входа в жилище единорога.

— Если это возможно.

— Возможно. Полагаю, вы, будучи целителем, как никто осознаете ценность жизни. И я без опаски могу вверить вам свою. Прошу вас, — она распахнула перед нами двери. — Я погуляю в саду на случай, если понадобится.

— При чем тут ее жизнь? — спросила я доктора, оказавшись с ним в первом, проходном помещении.

— Леди дала понять, что мы тут под ее ответственностью. Если по нашей вине пострадает единорог, ее накажут. Может быть, казнят.

— Она же дочь посла!

— Да хоть сын владыки, — передернул плечами доктор. —

Эльфийские законы едины для всех: эноре кэллапия неприкосновенны.

— Значит, — я тяжело сглотнула, — нас тоже, если что?..

— Не нас, а вас, — осклабился Грин. — Вы же помните, я к единорогу подойти не смогу. — И не дав мне опомниться, поинтересовался вкрадчиво: — А что вы собрались делать с бедной лошадкой?

— Ничего, — буркнула я. — Сейчас вообще уйду.

— Идите, — не возражал он. — Я вам даже дверь открою.

И открыл. Но не ту, что вела наружу, а другую, за которой мелькнула белоснежная грива. Змей-искуситель, блин!

Забыв скорчить недовольную физиономию, я рванула вперед и, как и в первый раз, застыла на пороге, замороженная красотой диковинного существа.

— Этот мир не так уж плох, если в нем еще живут подобные ему, — сказал за моей спиной Грин. Что-то в его голосе заставило меня обернуться, но чудеса тут ограничивались одним отдельно взятым единорогом, а доктор оставался все тем же доктором: прищурился насмешливо, перехватив мой взгляд, и достал из внутреннего кармана пальто блокнот: — Ну что, мышка моя, готовы отработать свой кусочек сыра?

— Обязательно называть меня так? — поморщилась я.

— А как? — удивился он.

— Я по-прежнему мисс Аштон.

— Шутите? Я не могу обращаться к мышке «мисс».

— Тогда Элизабет, — предложила я; близость единорога не располагала к пререканиям.

— Длинно, — не согласился Грин. — Как вас зовут друзья?

— Элси.

— Элси. Мне нравится. Если решу завести золотую рыбку, назову ее Элси. Но для мышке это имя не подходит.

— Вы невыносимы.

— Спасибо, — Грин принял мои слова как комплимент. — А вы... Бет. Коротко и очень по-мышкиному.

Спорить с ним желания не было. А вот забыть о его существовании и остаться наедине с дивным созданием...

Но доктор забываться не желал.

— Скажите, Бет, что вы чувствуете ко мне?

— Я? К вам?! С чего вы взяли? Если из-за того букета, то это недоразумение, я...

— Бет! — Грин щелкнул пальцами у моего лица. — Что за глупости у

вас в голове? Я имел в виду эмоции, которые вы испытываете в моем присутствии. Все без изменений?

— А, вы об этом. Конечно... — я умолкла на секунду и протянула удивленно: — Не-ет.

В лечебнице я ощущала страх и подспудную неприязнь к доктору. А уже в «прихожей» единорожьего домика почти не реагировала на его подначки. Это было так... обычно. Обычный человек стоял рядом, и мне не хотелось отступить от него подальше или, как бывало, убежать и спрятаться.

— Не так уж я страшен, как выяснилось? — усмехнулся Грин.

— Не так уж. Признаюсь, раньше вы мне больше нравились, — я не удержалась, чтобы не отомстить ему за все пущенные в меня шпильки: — Была в вас некая демоническая харизма. А сейчас вы такой заурядный.

— Переживу, — равнодушно бросил он, записывая что-то в блокнот.

— Вы потому и позвали именно меня?

— Отчасти, — кивнул доктор. — Было предположение, что присутствие эноре кэллапия нейтрализует негатив. Оно подтвердилось. Можем приступать к следующему опыту.

— К какому?

— Мы это обговаривали. Установите контакт. Дотроньтесь до него, погладьте, — он захлопнул блокнот и посмотрел на меня. — Ну?

Будто мне самой не хотелось. Только вот единорогу было куда интереснее наблюдать за нами со стороны. Когда я шагнула навстречу, он недоверчиво фыркнул: «Ты это серьезно?»

Сделала еще шаг: серьезно. Да, я не та, за кого себя выдаю. Но в прошлый раз нам это не помешало.

Он кивнул. Опустив голову, заглянул в лицо. Стало видно, что глаза у него не черные, а так же, как у моего знакомого бога, меняют цвет. Оставаясь темными, отливают то зеленью глубоководья, то лиловыми сполохами грозового неба. А если всматриваться в них долго-долго, можно увидеть ночное небо и звезды... моего мира... Орион и Большую Медведицу...

«Правда?» — потянулся ко мне снежной мордой единорог.

«Правда», — я коснулась его лба в основании длинного рога.

Мысли улетучились. Страхи и сомнения, тревоги последних недель — ничего не осталось. Только мягкая шерсть под рукой. Грива, молочными струями просачивающаяся между пальцев. Теплое дыхание. Запах прогретого солнцем луга, трав и влажной земли... хрустящего хлеба... моря... осеннего леса, прелых листьев, хвои и грибов... свежей наволочки

под щекой...

— И как?.. — Грин откашлялся и попросил деловито: — Опишите свои ощущения.

— Приятно.

— И только?

— Нет.

Слов не хватило бы, чтобы рассказать о далеких звездах в темных глазах, о тысяче запахов, сплетшихся между собой, но не смешавшихся, и разливающейся по телу неге...

Доктор это понял.

— Попробуйте подобрать ассоциации, — сказал он. — Первое, что приходит на ум.

— Первое? — в голове смешалось столько образов, что сложно было выбрать один. — Наверное, солнце. Солнце в лужах... Или дождь. Капли текут по стеклу, ветер гудит... а ты дома, в тепле, в руках чашка с горячим чаем, кот на коленях...

— Продолжайте.

— Смех. Без причины, когда тебе просто хорошо и радуешься всему... Музыка во сне. Полет... Мамина улыбка. Качели на яблоне...

И печаль. Тихая, спокойная печаль, когда отпускаешь боль, понимаешь, что ничего не изменить, никого не вернуть и надо жить дальше. За миг до того, как снова защемит сердце и слезы польются из глаз. Но этот миг, целый миг, ты счастлив...

— Тепло, — продолжила для Грина. — Приятное... мурашечное такое тепло.

— Мурашечное тепло, — растянул он, записывая под собственную диктовку. — Пожалуй, на сегодня хватит.

Единорог, потершись напоследок о мою ладонь, послушно отбрел в сторону.

А как же грандиозные научные эксперименты?

— Пойдемте, Бет, — поторопил доктор, заметив мою растерянность. — Мне нужно возвращаться в лечебницу, вам тоже, а леди Каролайн мерзнет в саду.

— Да, леди, — вспомнила я. — Зачем она вообще? Чем мы можем навредить единорогу?

— Мы целители. Я, по крайней мере. А это существо, капли крови которого хватит, чтобы вылечить всех наших сегодняшних пациентов. Вы же слышали о свойствах его крови? Лекарство от всех болезней, бальзам для любых ран и абсолютное противоядие. Заманчиво, согласитесь.

— Вы же не собираетесь...

— Нет, конечно! — с негодованием посмотрел на меня доктор. — Если бы мне позволили, аккуратно, шприцем... Ан нет, это еще хуже, чем оперировать эльфов! Там только рук обагрять нельзя, а тут запрет на любое кровопускание!

Единорог тихонько заржал: я тут ни при чем, таковы законы.

— Идемте, — смягчившись, повторил Грин. — Продолжим в другой раз.

ГЛАВА 22

Прощание с леди Каролайн, портал, больничное крыльцо.

Мы отсутствовали не дольше получаса, а все вокруг изменилось. Что-то потеряло смысл, что-то обрело новый. Эмоции утратили остроту. Мысли не металась в голове всполошенными птицами, а текли плавно и размеренно. Хватайся за любую — и, быть может, она приведет тебя к ответу. Приятный, но, увы, проходящий эффект от общения с волшебным существом. Магия, не людская и не эльфийская, а истинная магия этого мира, привязавшись ко мне словно запах чужих духов, постепенно таяла...

— Благодарю за помощь, мисс Аштон, — поклонился Грин, остановившись у дверей своего кабинета.

От него снова веяло тревогой, неминуемой бедой, болью. Но пока эти чувства были еще недостаточно сильны, не сильнее понимания, что это тоже побочный эффект. К сожалению, стойкий.

— Я больше не мышь? — успела улыбнуться я до того, как знакомая дрожь коснулась пальцев.

— Сегодня уже нет.

Судя по тому, как быстро закрылась за ним дверь, доктор понял, что все вернулось на круги своя, и решил не играть с моей повышенной восприимчивостью. Я подумала, что при следующей встрече нужно поблагодарить за это.

Но следующая встреча состоялась скорее, чем я рассчитывала, и о благодарности я к тому времени забыла.

— Доктор Грин отдал вам вопросы? — спросила леди Райс, закончив рассказ о чудесных малышах миссис Перли.

— Какие вопросы? — я ждала, что наставница поинтересуется, куда и зачем я отлучалась, и сразу не поняла, о чем она говорит.

— К экзамену по анатомии. Я объяснила профессору Джакоби вашу ситуацию с переводом, и он обещал дать билеты, по которым вам придется отвечать. На кафедру мне сейчас зайти некогда, вот я и попросила Эдварда... доктора Грина. Он играет в лото с миссис Джакоби, вчера должен был быть у них... Элизабет, куда вы?

— Простите, леди Пенелопа. Я на минуточку.

Только убью кое-кого и вернусь.

В кабинет заведующего я ворвалась без стука, но одного взгляда на сидевшего за столом доктора хватило, чтобы запал сошел на нет. Один его

взгляд — и захотелось бежать обратно.

— Как вчера сыграли в лото? — зло осведомилась я, пересилив гнавший прочь страх.

— Проигрался вчистую. При том что вместо фишек было миндальное печенье, которое я обожаю, горю моему не было предела.

— Вы бесчестный человек!

— Обычно нет, — покачал он головой. — Но вы ведь не поверите?

— После вашего тухлого сыра?

— Сыр не тухлый, он... с плесенью. Сыр с плесенью и под хорошее вино, а? Хотя признаю, это на любителя. Но ведь анатомия не единственный экзамен, который вам предстоит сдавать, да... Бет?

Что я должна была сказать? Что сдам экзамены без его помощи, а в посольство больше не пойду? И кому бы я сделала хуже?

Нет, я согласилась.

Может, кое-кто и мнил себя гениальным манипулятором, думая, что заполучил себе послушную мышку, — пусть. Зато этот кое-кто никогда не сможет подступиться к единорогу и будет слюнки глотать, наблюдая со стороны, как я «устанавливаю контакт» с дивным существом.

Я думала о единороге остаток времени в лечебнице, рассеянно просматривая билеты. В столовой. В своей комнате, когда переодевалась для тренировки с Саймоном. По дороге на боевой факультет. Вспоминала переливчатые глаза под инеевыми ресницами. Теплые губы, осторожно касавшиеся моей ладони. Шелковистую гриву под пальцами...

И не сразу заметила появившегося передо мной эльфа.

— Добрый день, Илси.

— Добрый... — я едва успела притормозить, чтобы не врезаться в него. — Грайнвилль.

О нем я тоже думала. Давно, еще до единорога. Хотела поговорить, но так и не придумала, как спросить притворяющегося моим другом нелюдя, что он делал в зеркале из моего сна рядом с Элси?

— Ты была в посольстве, — сказал эльф.

— Была, — признала я.

— Что сказал тебе кэллапия?

— Разве единороги умеют говорить? — неискренне удивилась я.

— А как тебе понравилась леди Каролайн? — забыв о предыдущем вопросе, спросил Грайнвилль.

— Она милая.

— Лорд Эрентвилль сделает преемником того, кто станет ее мужем. А

я уже в том возрасте, когда мужчина моего народа может взять в дом жену.

— Зачем ты мне это рассказываешь?

— Чтобы ты поняла, что я по-прежнему честен с тобой. И тоже была честна. Ты обижена на меня, Илси?

— С чего ты взял?

— Ты не говоришь со мной, как раньше, после той ночи в бестиарии.

Я оступилась, сердце забилося о ребра. Элси не помнила той ночи. А наутро на ее месте уже была я.

— Тайны на обмен, — сказал эльф.

— Что? — я остановилась и посмотрела в сверкающие льдинки, заменявшие ему глаза.

— Тайны на обмен. Я сказал тебе тайну, а ты скажешь мне свою. Разве друзья так не делают?

Все это было бы смешно...

— Нет, Грайнвилль, друзья так не делают. Люди так не делают. То, что ты открыл мне тайну, не обязывает меня поступать так же.

— Я знаю. Но подумал, что, если сделаю первый шаг... Я тревожусь о тебе. Ты изменилась, и мне неприятно думать, что в этом есть моя вина.

Что же там произошло? Хоть намекнул бы.

Элизабет пошла в бестиарий, чтобы устроить «сюрприз» Оливеру. Так она сказала подругам. А на самом деле хотела встретиться с Грайнвиллем? Нет, я бы помнила. Пусть не сама ночь, а то, как договаривалась с эльфом о встрече. Значит, увиделись они случайно.

— Почему ты думаешь, что в чем-то виноват? — спросила я осторожно.

— Я помог тебе тогда, хоть и не должен был этого делать.

Шрамы на его щеках зашевелились. Рисунок расплылся на мгновение, а после вновь стал четким, но будто немного другим. Это отвлекало. Завораживало... Гипнотизировало?

— Ты молода и неопытна, Илси. В тебе есть кровь моего народа — это дополнительная сила для тебя, но и дополнительная опасность. Мне стоило подумать об этом, но я... заболел твоим вдохновением. Не знаю, говорят ли так люди.

— Не говорят. Но я понимаю, о чем ты.

Оливер сказал, что потратил полчаса, чтобы утихомирить разгулявшихся мумий. С его силой возиться так долго с заклинанием, сплетенным третьекурсницей? Странно, что он сам ничего не заподозрил. Наличия у этой третьекурсницы приятеля-эльфа, например, который «заболел ее вдохновением» к розыгрышам.

Наши способности не сочетаются. Даже полукровки владеют либо только людской, либо только эльфийской магией. Однако если в эльфийских чарах они, как правило, слабы, то, получив в наследство человеческий дар, часто превосходят по силе чистокровных людей. Элизабет этого превосходства прежде не чувствовала, но, видимо, Грайнвилль каким-то образом помог ей нарастить мощь заклинания, используя силу эльфийской крови. Теперь переживал из-за последствий этого эксперимента.

— Все в порядке, — уверила я его. — С утра мне влетело от ректора, но это уже в прошлом.

— Я беспокоюсь не из-за этого, Илси. Я боюсь, что новый опыт был преждевременным для тебя. Ты стала странно вести себя после того случая. Говорить странные вещи.

Угу. О спасении мира, например.

— Не обращай внимания, — отмахнулась я. — У меня сложный период. Перевод. Новые дисциплины. Практика. Устаю, вот и... А что ты делал в бестиарии в ту ночь? Ты говорил, но я уже забыла.

— Ты не забыла, — покачал он головой. — Я не говорил. Но скажу сейчас. Я рисовал горгулий, тех самых. Хотел представить их в полете, но мне это не удавалось. До твоего прихода.

Улыбка коснулась его губ и тут же растаяла.

— Вижу, ты торопишься, Илси. Не стану задерживать. Просто знай, что я все еще твой друг. Если захочешь поговорить, я буду рад.

Никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь. Я рассчитывала на Саймона, как на помощника в расследовании, а получила персонального тренера. Учитывая, что от такого чудесного средства отдыха, как бойцовский клуб, я отказываться не собиралась, тоже неплохо.

Эффект от тренировки даже с воздействием единорога не сравнить. Единорог — это эйфория, безмятежность, накрывающая с головой, как волна, а затем откатывающаяся, оставляя тебя с прежними проблемами. Бой — это дренаж, освобождающий душу от избытка эмоций, а разум — от ненужных мыслей. Во время спарринга ты сконцентрирован на одной цели. Сконцентрирован и предельно собран... иначе получишь ногой в живот и согнешься пополам, отброшенный к канатам.

— Скорость, ничего не решает, Элизабет, — продолжил лекцию Саймон. — Сила ничего не решает. Ловкость, хитрость или опыт — ничего. Если хотите победить, нужно использовать все и сразу.

Мне так нравились занятия с ним, что я почти забыла, зачем

изначально затевались наши встречи. Но сегодня, в воскресенье, Вульф принес книги. Сказал, это все, что удалось разузнать у матери: названия книг, где описывались заклинания, которым люди научились у драконов. Голая теория, и ничего похожего на наш случай. «Возможно, вы заметите что-то, что я пропустил», — добавил он.

Замечу, а как же. Вдобавок к стопке учебников на моем столе — два увесистых фолианта, которые нужно прочитать, чтобы что-нибудь «заметить». Убить его была готова после такого предложения. Кстати, что мы были на ринге.

— Собираюсь сегодня в клуб, — поставила я в известность. — Как думаете, Дикая Кошка придет?

— Возможно. В выходные людей собирается больше. Но выходить против Кошки вам еще рано.

— Сегодня, — сказала я упрямо. — Завтра возвращается милорд Райхон.

— И что? Кажется, он вполне разделяет ваши интересы.

— Сегодня, — уперлась я.

Потому что, если я пойду в клуб с Оливером, буду думать только об Оливере. О том, что он смотрит на меня. Буду бояться показаться смешной или, наоборот, решу покрасоваться не к месту.

— Дело ваше, — не спорил Вульф. — Я тоже приду. Потому что, как вы и сказали, завтра возвращается ректор, и, если он повадится ходить на наши бои, я на время сделаю перерыв.

— Опасаетесь, что он захочет взять реванш?

— Опасаюсь. В следующий раз придется уложить его на ринг.

— Даже не допускаете, что он может победить?

— Никогда нельзя исключать случайностей. У милорда Райхона неплохие данные, но сказывается недостаток практики. Через пару месяцев тренировок его и вы побьете.

— Заманчиво, — улыбнулась я. — Но пока меня интересует Дикая Кошка.

А расследование? Никуда мне от него не деться. Но этим вечером я не хочу думать о проблемах.

Однако некоторые вещи выбросить из головы не получалось.

— Я сильно изменилась? — спросила я у подруг, прежде чем отправиться в клуб.

Мы общались теперь редко, в основном за ужином или собираясь в нашей с Мэг комнате перед сном. Изредка говорили о пропавших студентах, чаще — об учебе или спектакле Сибил, но наши разговоры

казались порой такой же постановкой, где каждый следует своей роли.

— Изменилась, — вздохнула Сибил.

— Новые увлечения, — Мэг окинула взглядом мой наряд. — Новые знакомые.

— Мы понимаем, — поспешно вставила провидица. — Потеря способностей, перевод. Ты пытаешься найти себя в новых условиях.

— Только ищешь в странных местах, — хмыкнула Мэг. — Но мы понимаем, да. А если придешь в синяках, я смогу испытать на тебе новый бальзам.

Все-таки повезло мне с подругами. Вернее, Элси повезло.

— Ради испытаний парочкой синяков разживусь, — обещала я, уходя.

Саймон не ошибся: в выходные в клубе собиралось намного больше адептов Огненного Черепа, чем обычно.

— О, Мамба, здорово! — приветствовал меня Сполох. — Гляжу, ты вошла во вкус.

— Не то слово. Дикая Кошка здесь?

— Уверена, что она тебе нужна?

— Да.

— Сегодня много желающих размяться. У меня уже семь пар. Но если Кошка примет твой вызов, пойдете третьими.

То, что хозяин ринга выставял нас с Дикой Кошкой вне очереди, было своеобразным комплиментом с его стороны. А какая девушка не любит комплиментов?

— Все-таки решились? — прозвучал над ухом искаженный маской голос.

— Ожидали, что я передумаю? — не оборачиваясь, спросила я Саймона.

— Если бы ожидал, то, возможно, и не пришел бы.

— А сами? Не выйдете на ринг?

— Не с кем. Разве что кто-то вызовет. Но, боюсь, в отсутствие Последнего Дракона смельчаков не найдется.

— Вы же радовались, что его не будет.

— Радовался. А потом вспомнил, как мне навязали факультатив в прошлом семестре...

Я рассмеялась, хотя и понимала истинный смысл этого «признания». Саймон хотел приободрить меня перед поединком, к которому, по его мнению, я была не готова. Пока шел первый бой, он стоял рядом и комментировал происходящее на ринге. С иронией отмечал просчеты

обоих соперников или сдержанно одобрял удачные действия.

Когда вышла вторая пара, Сполох подозвал меня к себе.

— Готовься.

— Всегда готова.

Даже если проиграю, впустую вечер не пройдет. Опыт тоже чего-то стоит.

Но все же я настраивалась на победу.

— Черная Мамба вызывает Дикую Кошку!

Она отозвалась мгновенно. Легко, словно весила не больше перышка, перепрыгнула через канаты и кивнула Сполоху.

— Дикая Кошка принимает вызов!

Губы, как и в прошлый раз подведенные яркой помадой, растянулись в улыбке:

— Ты мне нравишься, — шипящий шепот. — Смелая.

— Какая есть, — я поклонилась, не опуская глаз.

Лишь на миг отвлеклась бы — и пропустила бы первый удар.

Сегодня все было иначе. С первой секунды Кошка задала бешеный темп, но я, честь мне и хвала, не отставала. Она била, я уклонялась или выставляла блоки, чтобы тут же ударить самой. Но будь это не бой, а танец, я сказала бы, что Кошка вела. Оставалось приноровиться к ее ритму. Двигаться в одном временном потоке с нею. Когда мне это удалось, движения соперницы уже не напоминали работу ветряной мельницы, а стали различимы и, значит, предсказуемы.

Когда Кошка отшагнула назад, перенося корпус вправо, я поняла, что она сделает в следующий момент. Перехватила замахнувшуюся для удара ногу, ухватившись за пятку и голень, и резко крутанув, опрокинула противницу на пол. Но, потеряв равновесие, та не потеряла самообладания: не мешкая, ушла перекатом в сторону и тут же вскочила. Я провела серию ударов руками и ногами, а затем — обманный прием, которому научил меня Саймон. Кошка перестроилась на нижнюю защиту и пропустила прямой в голову. На ногах устояла, однако держалась не слишком твердо. Еще парочка точных ударов...

И тут она сделала подсечку!

Я думала, ее шатает и она вот-вот упадет, а она присела, перенося вес на одну ногу, а второй быстрым круговым движением ударила меня по стопе. Тело лишилось опоры...

— Полиция академии! — искусственно усиленный голос раздался за мгновение до того, как мне удалось выровняться и стать в оборонительную стойку. — Прошу всех оставаться на своих местах.

— Размечтался, — прошипела Кошка, обращаясь сквозь поднявшийся в зале гул к невидимому полицейскому. — Я ухожу. Ты со мной, Мамба?

— Как?

— Так, — она подняла рукав и показала мне обхвативший запястье медный ободок. Наверное, будь у меня способности Элси, я бы поняла, что это и как оно поможет нам выбраться.

Хотя нет, не нам. Мне бежать ни к чему. Полиции и так известно, что я тут.

— Я не пойду, — зашептала я Кошке, схватив ее за грудки и притянув к себе. — Сможешь увести моего друга?

— Я не...

— Стальной Волк.

Имя произвело эффект.

— Договорились, — ухмыльнулась она.

Саймон по-прежнему стоял у канатов. Наверное, единственный, кто внял предупреждению и сохранял спокойствие. Маска все еще скрывала его лицо.

— Привет, чемпион, — соскочив с ринга, Кошка повисла у него на шее. — Прогуляемся?

— Элизабет? — он обернулся ко мне, но ничего объяснить я не успела.

Вспыхнул свет, я зажмурилась, а открыв глаза, увидела, что ни Саймона, ни Дикой Кошки рядом уже нет. Зато появился кое-кто другой.

— Здравствуйте, милорд, — процедила я зло. — Значит, так...

Темный зев портала поглотил нас, и заканчивала фразу я, уже стоя посреди ректорского кабинета:

— ...Последний Дракон отыгрывается за поражение?

ГЛАВА 23

— Вы так думаете? — спросил Оливер с обычной невозмутимостью, но взгляд его горел негодованием. — Думаете, я способен на мелочную месть?

— Я уже не знаю, что думать, — пробурчала я. Сняла ставшую ненужной маску. — Вы же мне обещали!

Он покачал головой:

— Я ничего не обещал. При всей симпатии к вам. Ситуация такова, что нельзя упускать ни одной зацепки.

Сказано это было таким тоном, что я не сразу отметила слова о симпатии.

— Ситуация? — переспросила настороженно. — Проблемы в министерстве? Хотя, конечно, проблемы. Пять человек пропало... Вернее, четыре. Они же не помнят о Чарли?

— Все еще хуже. У нас трое пропавших. О Складовике там, — Оливер указал глазами на потолок, — тоже не помнят.

— Как?! Но... Вы же помните? Или прочли в моих записях?

— Помню. И я, и инспектор Крейг. И все, кто знал Германа в академии, думаю, тоже. Но это говорит лишь о том, как мало нам известно об изменении реальности. Действие стандартных чар — это круги на воде. Преобразования начинаются в одной точке и постепенно расходятся, сила воздействия по мере удаления снижается. А тут все наоборот. Это как...

— Воронка.

— Воронка, — ректор произвольно бросил взгляд на стоящие на шкафу песочные часы. — Я подумал об этом же.

— Центр воронки — место проведения ритуала?

— Академия. Все жертвы отсюда. Возможно, они же участники обряда. Но я не затем вас пригласил, чтобы обсуждать это.

Не помню, чтобы меня приглашали — просто притащили прямо с ринга, — но обстоятельства не располагали к выяснению отношений.

— Мне нужна ваша помощь. В этом, — ректор указал на стопку документов. — Здесь новые отчеты и протокол министерского собрания, на котором обсуждались происшествия в академии. Думаю, за час успеете переписать. Потом провожу вас в общежитие.

— Благодарю за заботу, — скривилась я. — Нелишне, учитывая, что моя куртка осталась в клубе.

— Элизабет, не нужно, — попросил ректор устало. — Вы не ребенок и должны понимать...

— Что, если бы мои записи не оставались неизменными при смене реальностей, меня бы тут не было, — закончила я. — Я это понимаю, милорд.

Не глядя на Оливера, прошла мимо и уселась на его рабочее место. Пододвинула к себе чистую бумагу и чернильницу.

— С чего начинать?

— С протокола совещания, — ректор положил передо мной лист с машинописным текстом, но тут же накрыл его ладонью. — Насчет клуба... Возможно, это вас успокоит: я просил инспектора действовать по возможности деликатно и не раскрывать участников друг перед другом. Их пригласят в отдельные комнаты, опросят и отпустят. Никого не заставят снимать маску при всех.

— Некоторые уже сняли их, как только появилась полиция.

— Разве «Огненный Череп» не учит магов сдержанности и самоконтролю? Считайте, что открывшие раньше времени лица провалили испытание на верность традициям общества.

Я не продолжала эту тему. Даже если большинство членов клуба остались в масках, вряд ли завтра они соберутся как ни в чем не бывало.

— Вы были там с начала вечера?

— Был, — не спорил ректор. — Собирался посмотреть ваш бой.

— Но прервали его.

— Вы проигрывали.

— Что? Вы... — Я задохнулась от стыда и обиды: он считал, что спас меня от позорного поражения? — Мы дрались на равных! Я могла победить!

— Кошка играла с вами, со стороны это было хорошо заметно. Когда я подал сигнал полиции, игра ей уже наскучила.

Я со злостью воткнула перо в чернильницу и выдернула, посадив на бумаги россыпь мелких клякс.

— Позволили бы мне проиграть, если не верили в мою победу!

— Неважно, во что я верил, — тон ректора стал ледяным. — Вы были нужны мне здесь, за этим столом, а не в лечебнице, стонущая от синяков и ушибов.

Сногсшибательная честность! Я взяла протокол и принялась переписывать слово за словом. Надо же оправдывать ожидания!

— Хотите кофе? — примирительно спросил Оливер через несколько минут.

— Хочу, — буркнула я. — И шоколадное пирожное.

Я осознавала, что подобные требования — невероятная наглость, но решила, что как уникальная копировальная машина имею право на элитное техобслуживание.

— Пирожных нет, — судя по улыбке, ректора мой тон не задел, а позабавил. — Есть просто шоколад. Будете?

— Буду, — вздохнула я.

Странно все-таки сбываются мечты. Вот уже Оливер Райхон лично варит мне кофе с кардамоном и корицей, а после услужливо подносит чашку и блюдце с неровными кусочками колотого шоколада, а меня это отчего-то не радует...

— «Создать экспертную комиссию из числа сотрудников академии», — зачитала я выдержку из решения министерского совещания. — Значит, к нам не пришлют никого со стороны?

— Кого они могут прислать? — поморщился Оливер. — Мы в Королевской академии. Лучшие специалисты по всевозможным проклятиям, темным чарам и ритуалам — здесь, у нас. А лорд-министр не спешит продемонстрировать сомнения в моей компетентности. Проблема не в этом.

— А в чем?

Он молчал так долго, что я уже решила, что он не ответит. Но ошиблась.

— Я не знаю, кому могу доверять. Не знаю, что настоящее, а что появилось по чьей-то воле. Инспектор Крейг — опытный сыщик, честный и беспристрастный. Я знал его еще в те годы, когда был студентом... И тут же думаю: а знал ли? Реальность изменилась, и в той, прежней, быть может, не было никакого инспектора. Или же он был пьяницей и взяточником. Опустившимся опиоманом, чудом заполучившим описание древнего обряда и решившим изменить судьбу... Затем начинаю размышлять, что сам инспектор может думать обо мне. «Это же Райхон, — думает он. — Тот самый Олли Райхон, что на первом курсе частенько ночевал в участке, а на втором устроил поджог. Его не вышибли из академии только потому, что его отец был на короткой ноге со старым ректором. И вот он сам — ректор. Стал им всего в тридцать шесть. Как, если не с помощью обряда, стершего из жизни несколько человек?»...

— Он так не считает, — сказала я. — Уверена. А что вы подожгли?

— Что? — он не сразу понял, что, рассуждая, сболтнул лишнее, и на миг стушевался. — Вы не о том думаете, Элизабет.

— Просто я всегда считала, что вы были отличником во время учебы.

— Я был отличником. Но успеваемость и дисциплина — разные вещи. Вы должны это понимать.

Один-один.

Я с удовольствием продолжила бы разговор о юных годах милорда Райхона, если бы этот самый милорд не напомнил, зачем я здесь. Незапланированный сеанс откровенности закончился, пора браться за перо.

Я почти управилась, когда раздался телефонный звонок. Оливер снял трубку и долго слушал кого-то, изредка бросая в ответ короткие «да», «нет» и «понятно».

— Это инспектор, — сказал он мне, завершив разговор. — Полиция закончила опрашивать людей в клубе.

— Что-нибудь узнали?

— О Складовике — нет. Установили предположительно, под каким прозвищем он выступал: сопоставили с тем, кто из бойцов не появлялся с ноября. Выяснили, кто был его соперником в последнем поединке. Но поговорить с этим человеком не смогли.

— Его не было в клубе? Ну, не все же ходят туда каждый день...

— Он был в клубе, — прервал меня Оливер. — Я сам его там видел. Рядом с вами.

Не уверена, что мне удалось достоверно изобразить недоумение, но я старалась.

— Стальной Волк, — отчеканил ректор. — Вы говорили с ним до того, как подняться на ринг. Он наблюдал за боем вплоть до появления полиции. Затем я отвлекся, а он исчез. Из здания, все выходы из которого были перекрыты, откуда никто, кроме меня, не открыл бы портал. Не знаете, как такое возможно?

— Нет, — глядя ему в глаза, соврала я.

— Вы с ним знакомы.

— Как со Стальным Волком.

— О чем же вы так мило беседовали? Только не говорите, что он снова интересовался мной.

— Нет, — заявила я дерзко. — Он интересовался мной. Вас это удивит, милорд, но меня многие считают интересной. Мужчины, я имею в виду. Подходят познакомиться. Говорят комплименты, пытаются завести разговор, шутят.

— И что же? — навис надо мной Оливер. — До чего вы дошутились с Волком? Он назначил вам встречу? Может, назвался?

— Мы не закончили разговор. Должны были продолжить его после боя. Возможно, тогда я и узнала бы, кто он. А теперь — увы.

— Элизабет, это не шутки. Он сбежал — значит, ему есть что скрывать.

— Например, свое имя, — пожала я плечами. — Может, он испугался внеплановой пробежки по полигону?

Глаза ректора полыхнули огнем.

— Занятно. Выходит, вы не знаете, кто он, но он знает, кто дрался с ним под маской Последнего Дракона, и даже в курсе моих угроз?

— Я не это имела в виду! — запротестовала я. — Просто к слову пришлось.

Оливер ничего не сказал.

Собрал со стола бумаги. Накрыл чернильницу.

— Уже поздно, мисс Аштон. Вам пора в общежитие.

На крыльце, куда нас вывел портал, он тут же отпустил мою руку.

— Доброй ночи, — попрощался сухо.

— Милорд...

— Я говорил вам о доверии. Жаль, что вы меня не поняли.

Мэг к моему возвращению уже легла.

— Бальзам нужен? — спросила она, приподняв над подушкой голову.

— Только от душевных ран. Но вряд ли у тебя такой есть.

— Проиграла?

— Можно и так сказать. Мэгги, ты помнишь Германа Складовика?

— Один из пропавших? Алхимик, кажется? Второкурсник?

Теормаг. Четвертый курс.

Мэг не страдала расстройствами памяти. Значит, изменения реальности добрались и до академии. Чья-то невидимая рука переписывает судьбу Германа, черкая и исправляя прожитую им жизнь, чтобы потом вырвать с концами испорченный листок.

Так странно и так обычно. Сколько людей точно так же исчезло из моей прошлой жизни? Терялись номера телефонов. Стирались из памяти лица, и имя не вспомнить уже было с первого раза. Оставался лишь расплывчатый образ — кто-то, с кем мы когда-то пересеклись где-то и зачем-то. А затем и этот смутный образ таял подобно туману. Может, и те люди пропадали оттого, что им не нашлось места в новой реальности?

— Что-то случилось, Элси? — забеспокоилась соседка.

— Ничего. Спи. Завтра на учебу.

Я и сама разделась и легла в постель. Но разве получилось бы уснуть?

Мир менялся, и уже завтра все будет иначе. Инспектор Крейг не вспомнит, по какой причине его люди задержали накануне членов некоего

тайного общества. Бойцы из «Огненного Черепа» забудут, о чем расспрашивали их полицейские. Оливер перечитает мои записи и лишь из них узнает о том, что Герман Складовик когда-то существовал. А Саймон Вульф забудет своего друга. Вероятно, единственного в последние годы друга.

Нужно было хотя бы попытаться остановить тотальную амнезию.

Возможно, с Саймоном получится. Он ведь знал Германа лучше других.

Только ждать до утра нельзя.

Где живет Вульф, я примерно знала. Но как выйти из общежития? После полуночи это запрещено, и консьержка, если заметит, поднимет шум. Еще и «охрана» дежурит под окнами.

Думай, Марина, думай. Думай, Элси.

В памяти Элизабет, словно в кладовке бережливой пенсионерки, не привыкшей выбрасывать вещи, будь то крышка от сгоревшей кастрюли или сломанная давно выросшим внуком игрушка, скопилось множество самой разной информации. Была совершенно бесполезная, а была такая, что в определенный момент могла пригодиться, как та старая крышка, которая вдруг подходила размерами к новой сковородке.

Например, Элси помнила разразившийся два года назад скандал: девушка с третьего этажа тайно проводила к себе по ночам молодого человека. Это вряд ли всплыло бы, не поссорься она с соседкой и не нажалуйся та в отместку комендантше. Но не в этом суть. Главное, что так же, как тот парень проходил внутрь, можно выйти наружу. Через прачечную в подвале. Элизабет там никогда не была, но после того случая знала, что из прачечной есть тоннель, ведущий в водонапорную башню.

Но двери теперь запирают на ключ. Или нет? Скандал был два года назад и мог уже забыться. В любом случае, замки вряд ли зачарованные, а значит, их можно взломать.

Я выбралась из кровати и, не зажигая света, достала из шкафа белье и первое подвернувшееся под руку платье. Оделась и вышла из комнаты в пустой коридор. Спустилась в подвал и нашла прачечную, которую опознала по характерной влажности и запаху мыла и щелока. Мысленно поставила галочку напротив первого пункта плана. Следующим пунктом было не повернуться впотьмах, ища дверь в коммуникационный тоннель. Элси воспользовалась бы заклинанием ночного зрения, но у меня ее способностей не было. Как, впрочем, и у местной obsługi, и, пошарив по столам и полкам, я нашла керосиновую лампу и спички. Еще одна галочка.

И еще одна — дверь в углу. К моей огромной радости, открытая.

По холодному тоннелю я добралась до водонапорной башни. Ведущая на улицу дверь была закрыта снаружи, но единственное окно открывалось изнутри. Через него я и выбралась, шепотом ругая себя за то, что напялила платье, когда можно было одеться так же, как в клуб.

На путь до коттеджного поселка у меня ушло не меньше часа и еще четверть часа, чтобы найти нужный дом. Я знала, что мисс Милс с сыном жили неподалеку от Камиллы Сол-Дариен, однако они были отнюдь не единственными ее соседями. Пришлось побродить, вчитываясь в скудном свете затянутой облаками луны в имена на почтовых ящиках. Но мало было найти дом. Даже живи Саймон один, я опасалась бы звонить в дверь: вдруг в доме ночует прислуга? Учитывая же присутствие мисс Милс, делать это нельзя было категорически.

Я обошла вокруг коттеджа, надеясь найти какую-нибудь подсказку. Идеальным вариантом была бы надпись рядом с одним из окон: «Комната Саймона» и стрелочка, чтобы наверняка...

«Комната Саймона».

Я остановилась и протерла глаза. Сделанная углем надпись со стены не исчезла. Правда, вместо стрелочки были нарисованы череп и кости, а приписка внизу гласила: «Некромантам и Гарри Суону вход строго запрещен!»

Обожаю мальчишек!

От умиления расплывшись в улыбке, я тихонько постучала в окно, а когда за стеклом показалась заспанная физиономия Саймона, помахала рукой. Стоило заявиться сюда только за тем, чтобы увидеть его глаза.

— Элизабет? Что вы тут делаете?

К тому времени, как он открыл окно, я уже не улыбалась.

— Нужно поговорить. Можно войти?

— Полагаете, это... э-э... удобно?

— Не очень, — вздохнула я, думая о чертовом платье.

Сообразив, что из-за ерунды я не пришла бы, боевик подал руку и помог мне забраться в комнату. Закрыв окно и без спичек зажег свечи в массивном бронзовом подсвечнике в виде головы демона. Свечи, естественно, символизировали рога.

— Подождете несколько минут? — попросил сконфуженно. — Я... надену что-нибудь приличное.

Фланелевая пижама с крупными пуговицами, на мой взгляд, уже была верхом приличия.

— Ваш костюм Волка выглядит более откровенно, — успокоила я.

— Так то костюм, — пробормотал боевик и, поняв, что времени на

переодевание ему не дадут, замотался в плед.

Был Стальной Волк — стала клетчатая гусеница.

Я же, напротив, избавилась от пальто и без приглашения устроилась в кресле. Не дожидаясь расспросов, пересказала то, что узнала от Оливера. Не забыла и о путанице в голове Мэг.

— Завтра пойду к ректору, — заявил Саймон. — Скажу, что Стальной Волк — это я. Нельзя, чтобы полиция тратила время, идя по ложному следу. Так что... С рукой ведь у него уже все в порядке?

— Не нужно ни в чем признаваться, — пришедшая в голову мысль и радовала, и огорчала одновременно. — Волка не будут искать. Германа вскоре забудут. О том, что он был членом «Огненного Черепа», — тоже. Возможно, сотрется даже память о сегодняшнем вечере. Или у полицейского рейда найдется другое объяснение. Я ведь не успела переписать новые протоколы — кто знает, что будет в них завтра?

— Разве вы раньше не писали об «Огненном Черепе»?

— Да, когда переписывала свои заметки для милорда Райхона. Но о том, что Стилет дрался со Стальным Волком, он узнал только сегодня и никак вас с Германом не свяжет.

— Нет, хватит детских игр.

Сказал человек, до сих пор не стерший со стены дома надпись, запрещающую вход некромантам!

— Мне сразу нужно было пойти в полицию и рассказать все, что я знал о Германе, — продолжил Вульф, не заметив моей усмешки.

— Почему же не пошли? И, кстати, почему они сами не пришли к вам? Если вы дружили, вас должны были расспросить в первую очередь.

— Дело в том... — Саймон понизил голос до смущенного шепота: — Мы не афишировали наше знакомство. Встречались в основном в клубе или в тренажерном зале. Друзья Германа не поняли бы общения с преподавателем. Да и мне не пристало сходиться со студентами... настолько близко.

— Понимаю, — я невольно скривилась. Ничего не имею против подобных отношений. Теоретически. Но... Нет, пожалуй, это — самое большое разочарование сегодняшнего вечера.

— Что понимаете? — уточнил боевик, заметив мою гримасу.

— Ну, это... Вы не подумайте, я нормально отношусь к такому...

— К какому? — переспросил он. А в следующую секунду резко покраснел, но не от стыда, а, судя по заходившим на скулах желвакам, от гнева праведного.

— К дружбе преподавателей со студентами, — выпалила я, пока этот

гнев не обрушился на мою голову. Надо же было такое подумать!

— Знаете что, мисс Аштон? — сердито выговорил Вульф, дав понять, что с оправданиями я опоздала. — Я... Я пойду завтра к милорду Райхону и все ему объясню.

— Не надо, — попросила я. — Если вы признаетесь, ректор поймет, что я его обманывала. Он не поверит, будто я не знала, что вы Стальной Волк. Мы как раз сегодня говорили о доверии; боюсь, после вашего признания он перестанет мне доверять окончательно. А если перестанет... Если он не будет рассказывать мне о расследовании, мне, единственной, кто помнит... Я должна быть в курсе всего, что происходит.

— Должны, — согласился боевик. — Милорд Райхон это понимает.

И на должности ксерокса меня оставит, да. Но об остальном можно и не мечтать.

— Не ходите, пожалуйста, — взмолилась я. — Стальной Волк — ложный след. Не будет ничего плохого, если его не найдут. А я не могу рисковать добрым расположением ректора. Он обещал помочь мне восстановить способности!

Я помнила, как пришла к Оливеру каяться в том, что подбросила на крыльцо Камиллы ту записку. Второй раз я подобного позора не переживу. А он не простит больше.

— Хорошо, — согласился боевик без энтузиазма. — Стальной Волк просто исчезнет. Ваш приятель-оборотень умеет хранить тайны? Тогда — исчезнет. Но я попрошу вас об ответной услуге.

Он сбросил на пол плед, прошел к стоявшему у окна столу и выдвинул один из ящичков. Нашел там что-то и, вернувшись ко мне, принялся расстегивать рубашку.

— Все, что вы пишете, остается неизменным в новой реальности, так? — спросил, оставшись в одних кальсонах. — Тогда пишите. Здесь, — он указал себе на грудь. — Вот этим.

Пламя свечей отразилось на узком клинке, и я испуганно отшатнулась.

— Пишите. Герман, Виктор, Мартин, Камилла. Я никого больше не хочу забывать.

— М-м... мистер Вульф... — в горле запершило, и я негромко откашлялась. — Вам не кажется, что это слишком? Давайте я запишу имена на бумаге? Имена и все остальное?

— И что мне делать с этими записями, когда реальность изменится? Какая-то бумага, исписанная чужим почерком, — полагаете, я поверю ей?

— Но ректор... и инспектор Крейг...

— Возможно, у них есть свои способы сохранить информацию и

доверие к ней. У меня — свои. Пишите, Элизабет.

Ненормальный! Нужно быть совершенно чокнутым, чтобы такое требовать!

Но, если подумать, идея не лишена смысла.

— Хорошо, — я взяла у него нож. Расхожее выражение «врезаться в память» обростало новым смыслом. — У вас есть бинты и что-нибудь для дезинфекции?

— Найду.

Он вышел из комнаты и через две минуты, которых мне, наверное, хватило бы, чтобы вылезти в окно и бежать отсюда подальше, вернулся со стопкой салфеток и бутылкой анисовой водки.

— Подойдет?

Я открыла бутылку и принялась.

— Подойдет.

Сделала глоток прямо из горлышка.

— Элизабет!

— Мне нужно настроиться, — я сморгнула выступившие слезы. — Не каждый день такой живописью занимаюсь.

— Отдайте, — Вульф отобрал у меня бутылку и сам отхлебнул немного. Достал из-под стола сумку, с которой ходил на занятия, и вынул из нее пузатую баночку. — Кровоостанавливающий бальзам, ношу с собой на практику.

— Нужен другой свет, ярче. И вам придется сесть... нет, лечь. Лучше на пол, чтобы не испачкать кровать.

Я надеялась, что крови будет не слишком много. Вспоминала расположение крупных сосудов, чтобы не повредить ненароком... Экзамен по анатомии, блин!

Саймон зажег газовые рожки и растянулся на полу. Я села рядом, подогнув под себя ноги. Смочила салфетку водкой и протерла нож, затем — грудь боевика.

— Щекотно, — улыбнулся он.

— Это ненадолго, — утешила я угрюмо.

Поглядев на бутылку и усилием воли отказавшись от мысли выпить еще чуть-чуть, сжала нож, ухватившись за клинок почти у самого острия, как держат карандаш, и провела на коже бывшего куратора короткую линию. Посмотрела на появившиеся капельки крови и все-таки глотнула еще водки.

— Вы меня царапаете, — укоризненно выговорил Саймон. — А нужно резать. Достаточно глубоко, чтобы остались шрамы, но не настолько, чтобы

пришлось накладывать швы.

— Как это?

— Вы у нас целительница, вам лучше знать. И отставьте бутылку. А то я потом не разберу ваши письма.

— Ладно... — я облизала пересохшие губы и провела новую черточку, глубже и длиннее. Крови тоже выступило больше. Я стерла ее пропитанной бальзамом салфеткой.

Вырезав таким образом три буквы первого имени, я столкнулась с новыми сложностями.

— Неудобно. Надо с другой стороны. Или... Это будет не совсем прилично...

— Полагаете, еще не поздно беспокоиться о приличиях? — кривясь от боли, спросил боевик.

Я сочла это разрешением, подобрала юбки и уселась ему на живот. Дело пошло быстрее. Но видел бы это кто-нибудь со стороны!

— Мистер Вульф, вопрос несколько запоздал...

— С-саймон, — выдохнул он с присвистом.

— Что?

— Вы сидите на мне с ножом в руке. Думаю, этого достаточно, чтобы обращаться ко мне по имени.

— Саймон, — мне самой так нравилось больше, — а ваша мать...

— Не войдет сейчас? — понял он. — Нет. Во-первых, я закрыл дверь на ключ. Во-вторых, у мамы проблемы со сном, и доктор Грин прописал ей снотворные капли. До утра ее и канонада не разбудит.

— Грин? Он ее доктор?

— Да. А что?

— Да так, — я пожала плечами. — Знаю его немного. Неприятный человек.

— Доктор? — не поверил Саймон. — По-моему, он интересный. Умный, начитанный. Знает много занимательных вещей.

Угу. В частности, о драконах. И водит дружбу со специалистом по мистическим существам.

— Вам не кажется, что он странный? — спросила я боевика.

— Нет. А вот вы странная... в хорошем смысле. Не обидитесь, если я скажу?

— Не знаю. Но у меня нож.

— Вы не очень мне нравились, когда были моей студенткой. Возможно, потому что я не знал вас как сейчас.

— Возможно, — согласилась я, приготовившись вырезать очередную

букву. — Подобные занятия сближают, да?

Дальше общаться уже не получалось. Обменивались короткими фразами время от времени, чтобы разрядить напряженную тишину, но Саймону все же было больно, а мне — страшно и тревожно. Наконец все четыре имени были вырезаны на груди боевика. Я стерла кровь, смазала порезы бальзамом и накрыла салфеткой. Поднялась на ноги, успевшие затечь за время сидения, и тут же рухнула на стул. Руки только теперь, когда все закончилось, мелко задрожали.

Саймон встал с пола вслед за мной. Выглядел он после «росписи» неважно: в лице ни кровинки, волосы надо лбом взмокли, — но держался бодро. Во всяком случае, на стул он не упал, а аккуратно опустился, придерживая салфетку, уже напитавшуюся кровью.

— Я могу спать в кресле, — заявил без предисловий. — Вы ляжете на кровати.

— Но...

— Одну я вас не отпущу. Проводить сейчас не смогу. Поэтому вы остаетесь. Утром активируют порталную сеть, и я выведу вас, куда скажете.

— А...

— Мать уходит рано, мы не столкнемся, не волнуйтесь.

На самом деле я не думала о мисс Милс. Хотела сказать, что должна вернуться в общежитие тем же путем, что и вышла, чтобы моя охрана могла поутру встретить меня у крыльца. Но, подумав, махнула рукой.

— Утром — в лечебницу, — согласилась на предложение Саймона. — Но на кровати ляжете вы. В кресле вам будет неудобно. А я...

Посмотрела на кровать. Места на ней хватило бы для двоих. Но не в мире, полном условностей... которые мы сегодня то и дело нарушаем...

Саймон проследил за моим взглядом и кивнул:

— Я лягу справа, вы — слева. Одеяло берите себе.

Приятно, когда тебя понимают без слов.

Еще приятнее, сняв сапоги, растянуться на постели и закрыть глаза.

— Вы же не считаете меня распушенной? — спросила я боевика, устроившегося с другого края.

— Нет, — заверил он. — Распушенной — нет.

«А какой?» — хотела спросить я, но сама придумала ответ.

Не от мира сего.

ГЛАВА 24

Мне снился сон.

Обычно, когда спишь, не понимаешь, что все не по-настоящему. Но сейчас я точно знала: это сон. Только во сне можно висеть в безбрежном космосе, наблюдая вокруг себя движение сверкающих мириадами звезд галактик.

Завораживающее зрелище. Волшебное, нереальное...

Угнетающее.

Несложно осознать себя одной из многих женщин в жизни мужчины, одним из сотни винтиков в машине огромного предприятия, одной из нескольких тысяч студенток магической академии... песчинкой в океане... Но совсем другое — почувствовать себя ничтожной пылинкой в безмерности Вселенной. Понять, что ты — никто и ничто, пустота в пустоте, и сказочные эти галактики, в которых непрерывно загораются и умирают миллиарды солнц и рассыпаются пылью сходящие с орбит планеты, никогда не узнают о твоём существовании, а если и узнают, то лишь на тысячную долю секунды и тут же забудут, отвлекшись на рождение очередной сверхновой. И ты никогда не поймешь, о чем они говорят между собой, зажигая и убивая звезды лишь для того, чтобы послать друг другу короткий сигнал...

Или поймешь? Увидишь, всмотревшись в закручивающиеся спирали туманностей? Услышишь в мерцании цефеид?

Если захочешь. Если тебе позволят...

— Кто вообще это придумал? — гневная изумрудная вспышка в звездном скоплении ближайшей ко мне галактики отдается в мыслях знакомым мальчишеским голосом.

— Драконы, — лениво отвечает расплывшаяся туманность, пронизанная сетью серебряных нитей.

— Очень смешно, Эллой. Предлагаешь вернуть их, чтобы все исправить?

— Это будет слишком просто, Мэй, — еще одна туманность вступает в разговор. Ее солнца горят золотом, а голос звучит нежным альтом. — Просто и неправильно. Ты найдешь другое решение. Ты уже его нашел... Да?

Она оборачивается ко мне... Туманность? Нет, девушка с длинными черными волосами и смуглой кожей, на которой блестит золотом рисунок-

орнамент, стекая с лица на шею и ныряя за воротник белой блузки.

— Так лучше?

Вместо бескрайнего космоса — просторный конференц-зал. Крыши современного мегаполиса за высокими окнами. Длинный полированный стол, кожаные кресла. Вместо далеких галактик — мужчины и женщины в деловых костюмах. Похожи на людей, но не люди. Как и белобрысый мальчишка, сидящий во главе стола.

— Разве это по правилам? — спрашивает его пепельноволосая девица с чертами азиатки. — Ей нельзя здесь находиться.

— Она автор, — отвечает Мэйтин.

— Автор, — фыркает бритоголовый здоровяк. — Скажи еще, демиург.

— Все возможно.

— Все относительно, — поправляет здоровяк.

— Потому и возможно, — подмигивает мне верховный бог Трайса.

В наглухо застегнутом френче, с зачесанными на бок волосами он кажется старше и серьезнее, а беспечность выглядит немного фальшиво. Но я улыбаюсь в ответ.

— Какая разница? — красивый старик с густой пшеничной шевелюрой и окладистой бородой пожимает плечами. — У нас тут не одна проблема, а две. И если первую можно исправить с ее помощью, то вторую...

Он разводит руками, задевая сидящую рядом щупленькую брюнетку в темно-синем костюме. Та недовольно морщится, проводит рукой по щеке, словно проверяя, не исчезли ли с нее затейливо переплетенные серебристые линии, и выговаривает, задумчиво глядя сквозь меня:

— Да, это так. Она закончит свою историю на Трайсе и восстановит естественный ход событий и границы миров. Но к искажениям реальности она отношения не имеет.

— Она написала об этом, — напоминает девушка с золотым рисунком. Смотрит, ожидая поддержки, на Мэйтина.

— Не написала, — отмахивается пепельноволосая. — Конкретно об искажении — нет.

— Но она создала предпосылки к такому развитию событий, — говорит старик.

— Хочешь сказать, она все-таки демиург? — уточняет скептически бритоголовый.

— Я бы так не сказал, — заговаривает сидящий слева от верховного божества молодой мужчина. Длинными белоснежными волосами и серокожей кожей с рисунком белесых шрамов он похож на эльфа, но в

глазах у него горит лиловое пламя, а кроваво-красные губы, приоткрываясь в улыбке, обнажают два ряда мелких, острых как иглы зубов. — Демиург — создатель миров. А как назвать создателя проблем?

— Мэйтин, — отвечает брюнетка в синем. — Это ему все время нейдет. Зачем были нужны новые отражения? Я говорила, что хватит и эльфов. А он? «Они слишком похожи на нас, с ними скучно»! Зато с людьми теперь весело!

— Да-да, — соглашается полная дама с уложенными ракушкой синими волосами. Рисунок на ее коже тоже синий, а сама кожа — алебастрово-белая. — Это все он: а давайте создадим новые отражения, а давайте наделим их магией...

— А кто научил их переписывать судьбу? — «обвиняемый» строгим взглядом обводит божественное семейство. — Тоже я?

Небожители сникают. Все, кроме «зубастика».

— Драконы, — усмехается он, и я вспоминаю: галактикой его звали Эллой.

— Драконы, — ворчит Мэйтин. Смотрит на меня лукаво и немного виновато: — Разберешься?

— Разберусь, — отвечаю я, не подумав. Во сне плохо получается думать.

— Вот и славно, — хлопает он в ладоши. — Все слышали? Она разберется. Совецание закончено.

Что значит «закончено»? Я... Я не это хотела сказать!

Но сказать ничего не получается. Я ничто. Пылинка во Вселенной. Боги не слышат и не видят меня, если сами того не хотят.

А они не хотят. Встает с кресла и растворяется в воздухе бородатый старик. Синяя дама рассыпается песком и просачивается под пол. «Азиатку» уносит порывом ветра вместе с куском стены, и становится видно, что снаружи нет никакого мегаполиса — только бесконечность космоса...

Наконец на висящем в вакууме клочке комнаты с болтающимся на одном креплении окном и огрызком стола остаемся лишь мы с Мэйтином.

— Испугалась? — улыбается он. — Думала, уйду, не дав ответов?

— Дашь? — спрашиваю с надеждой.

— Не все.

Кто бы сомневался!

— Кто-то изменил свою судьбу, — говорит он. — Был в древности ритуал, позволяющий сделать это, объединив на добровольной основе силу нескольких магов.

— Хочешь сказать, что пропавшие добровольно... — начинаю я, но меня прерывают:

— Такой была изначальная идея. Но любое заклинание можно изменить. Извратить. Люди преуспели в этом.

— И что же...

— Отыщи книгу. Узнай, почему маги отдавали свои судьбы в чужие руки. А главное — найди того, кто все это организовал.

— Как?

— Ты писала судьбы этого мира. Чья пошла по другому пути?

— Я не писала обо всех! — голос срывается на крик. — Не писала! Не знала их до того, как попала сюда!

— Тогда думай, — следует ответ, после которого — я точно знаю — он исчезнет...

— Подожди! — успеваю выкрикнуть, пока он еще здесь. — Книга. Ты сказал отыскать книгу. Какую?

Моргаю. Всего на секунду закрываю глаза, а открыв, оказываюсь в знакомой темноте терминала.

— Такую, — отвоевав у мрака светлое пятнышко, появляется передо мной Мэйтин. У него в руках книга, которую я читала, прежде чем попасть на Трайс. — Книга судеб. Она может выглядеть иначе, но ты узнаешь ее, когда увидишь.

— Как?

Но в этот раз он уже исчезает, вместе с книгой и светом. Остается лишь голос:

— Дверь позади тебя.

Шарю рукой по стене, нахожу, тяну за ручку... и замираю на пороге нашей с Мэг спальни. А когда вижу, кто сидит в обнимку с подругой-целительницей, способность удивляться пропадает начисто. Словно так и должно быть: терминал, дверь — и вот она я. Точнее, Элизабет Аштон собственной персоной.

— Это было чудесно! Как сон, но не сон, а будто на самом деле, понимаешь?

— Понимаю, — соглашается Мэг. — Пить надо меньше.

— При чем тут это! Говорю же тебе: это была я. Но и не я. В годах уже, рыжеволосая. А он — противный такой старикашка. Сидит с газетой в этом дурацком синем халате...

...Противный старикашка в синем халате. Закрылся газетой и делает вид, что не замечает меня. Притворяется, что обижен. Знает, что я не выдержу первой, подойду. Обниму сзади за плечи, наклонюсь, чтобы

шепнуть на ухо, как сильно я его люблю, но лишь носом потрუსь о висок. А что люблю — он и сам знает, уже много-много лет...

Что за ерунда?

Встряхиваю головой, прогоняя воспоминание о том, чего никогда не было, а в следующий миг меня за шиворот выдергивают в темноту.

— Как тебе это все время удается? — проявившись в круге света, спрашивает Мэйтин.

— Что?

— Находить не ту дверь! — он глядит на меня сурово, но суровость эта напускная, и я чувствую, что он вот-вот рассмеется. Но он не смеется. Прислушивается к чему-то и говорит мне голосом Саймона: — Просыпайтесь, Элизабет...

— Доброе утро.

За окном уже рассвело, а Саймон успел побриться и облачиться в костюм, в котором я часто видела его на лекциях.

— Доброе, — отозвалась я. — Как вы себя чувствуете?

Он повел плечами и удовлетворенно кивнул:

— Неплохо. Вы не торопитесь? Мать уже ушла, можете воспользоваться ванной, а потом... позавтракаем?

— Обязательно, — согласилась я без ложного стыда.

Я бы и душ принять не отказалась, и помявшееся за ночь платье отутюжить, но на это не было времени. Пришлось ограничиться самыми необходимыми процедурами.

До того как идти в лечебницу, стоило бы поговорить с Мэг. Обычно соседка крепко спала до утра, а в последнее время я просыпалась раньше, и не исключено, что моей отлучки она не заметила. А если все-таки заметила? Следовало узнать и предупредить подругу, чтобы не забила тревогу. Но как? В общежитие возвращаться нельзя. Встретить Мэг на факультете?

— Напишите записку, я передам, — предложил Саймон.

— А если за ней следят?

Разговор проходил уже в столовой за скромным завтраком, который боевик сам и приготовил: кофе, хлеб с маслом, сыр, яйца «в мешочек» — так по-домашнему мило, что я искренне растрогалась, увидев этот натюрморт.

— Я же не лично передам. До начала занятий попрошу Шанну найти вашего приятеля Эррола... кажется, она теперь хорошо знает, где его искать... А он уже ходит к мисс Маргарите. Они ведь друзья, и в их

встрече не будет ничего подозрительного.

После насыщенной событиями ночи сама я ничего лучшего не придумала, а потому согласилась с предложением Саймона.

К лечебнице он, как и обещал, проводил меня порталом. Едва войдя в кабинет леди Пенелопы, я ощутила знакомую тревогу и услышала голос Грина:

— Вы знаете, как я ценю ваше мнение, но данный вопрос не в вашей компетенции.

С наставницей доктор всегда был вежлив, но в конце фразы все-таки прорезалось недовольство. А леди Райс и не скрывала, что сердита:

— Не в моей? А кто еще вправит вам мозги, Эдвард? Связь с этой женщиной вас погубит!

Беседа явно не предназначалась для чужих ушей, и мне стоило бы унести куда подальше свои, чтобы их после не оторвали, но я и с места не сдвинулась.

— Я не стану спокойно наблюдать, как вы идете к гибели, — продолжала выговаривать заведующему наставница. — Я... Я расскажу все ее мужу!

— Только посмейте, — прорычал Грин.

— Посмею, вот увидите!

Вот тут и надо было сбежать. Потому как спорить с леди Пенелопой невозможно, и, если Грин не собирался ее убивать (а я искренне надеялась, что не собирался), он должен был выйти.

И вышел.

— Простите, — пролепетала я, когда наши взгляды пересеклись. Даже дурак понял бы, что я все слышала, а Грин дураком не был.

— Станный способ здороваться, — вместо того чтобы рассвирепеть, усмехнулся он. — Доброе утро, мисс Аштон.

Прошел мимо меня, окатив острым предчувствием боли, и скрылся в коридоре.

Леди Райс от неприятной беседы отошла нескоро. Даже после обхода она еще хмурилась и бормотала что-то себе под нос, мысленно продолжая бесполезный спор. Потом, чтобы отвлечься, спросила, не хочу ли я вечером пойти с ней на собрание кружка молодых матерей. Я не хотела, но это не удержало наставницу от объяснений, насколько важны подобные кружки. Ведь студентки, из которых они, как правило, состояли, на время учебы отрезаны от семьи и лишены помощи старших родственников. У некоторых семей вообще не было. У кого-то — и мужей. Последние особенно нуждались в поддержке — как после родов, так и до.

— В наше время существует немало способов предохранения от нежелательной беременности, но некоторые девицы по глупости ими пренебрегают, — вещала она лекторским тоном. — Потом — слезы, скандалы. Попытки самоубийства, попытки вытравить плод. Второе порой равноценно первому, до того дремучие методы используют эти дурочки. А случаются и вовсе жуткие вещи. Помню, как-то зимой нашли на кладбище младенца. Я тогда только начинала самостоятельную практику, и тут такое. Кроха, несколько часов всего. Его сразу же принесли к нам, но спасти малыша было поздно. Вскоре нашли и мамашу. Можно до последнего скрывать беременность нарядами и иллюзиями, но родить самостоятельно, избежав осложнений, практически нереально...

— Ее осудили? — спросила я, опасаясь, что жуткий рассказ затянется.

— Нет. Она заявила, что ребенок родился мертвым. Следов насильственной смерти на тельце не было, эха чар тоже... Мы-то знали, что малыш родился живым. Но она, как заключила комиссия, могла этого не понять. Такие ошибки случаются даже у акушерок при отсутствии опыта... Чушь! Я видела ту девицу. Все она понимала. И ребенок кричал наверняка, особенно когда она его на мороз выволокла...

Именно такой истории мне не хватало. Нервы и так на взводе, а тут еще наставница с ужасами.

— Не помню, что с ней стало, — нахмурилась она. — Думала, до смерти тот случай не забуду, а вот, надо же, совсем из памяти вылетело.

Если бы совсем! Нет, самое главное леди Пенелопа мне рассказала. И после этого рассказа ни о чем уже не думалось, кроме оставшейся в комнате Саймона бутылки водки.

— Вас не интересует акушерство? — наконец-то догадалась леди Райс.

— Нет, простите.

Да, водка пришлась бы кстати.

Но было средство и получше. Взвесив в уме все «за» и «против», я попросила у наставницы разрешения отлучиться и вышла в коридор, чтобы, пройдя несколько шагов, постучать в дверь заведующего.

— Входите, — послышалось изнутри.

Я отважно переступила порог, но тут же остановилась, не рискуя приближаться к источнику еще больших тревог.

— О, мисс Аштон, — улыбнулся Грин. — Я отмечу этот день в календаре: вы в кои-то веки постучались.

Мне бы его хорошее настроение. Впрочем, я за этим и пришла.

— Я составляю расписание на день и хотела узнать, понадобится ли я вам сегодня.

— Нет.

Я с сожалением вздохнула.

— Нет, вы не за этим пришли, Бет, — продолжил он. — Вы пришли, потому что хотите к единорогу. У вас что-то случилось?

— С чего вы взяли? — непроизвольно ощерилась я в ответ на слышавшееся в его голосе сочувствие. — У меня все хорошо!

— Тогда не понадобитесь. Продолжайте радоваться жизни.

— Ладно, я хочу к единорогу, — призналась я зло. — Но это не значит, что у меня что-то случилось. Мне просто понравилось...

— А мне нет, — отрезал Грин. — Мне не нравится, когда мне врут. Что мешает сказать, что, да, у вас проблемы и хочется немного развеяться? Считаете, я потребую подробностей? Простите, я не по этой части доктор.

Нет так нет.

Я выскочила за дверь и с ходу налетела на шедшего по коридору человека, оказавшегося не кем иным, как Оливером Райхоном.

— Элизабет?!

Голос, а еще пуще взгляд ректора красноречиво свидетельствовали, что милорд пребывает не в лучшем расположении духа, и попытаться обратно в кабинет Грина показалось мне не самой плохой идеей.

— Здравствуйте, доктор, — вернув лицу невозмутимый вид, проговорил Оливер, глядя мне за спину. — Мисс Аштон, уделите мне минуту?

— Нет, — замотала головой я. — Мы с доктором... говорили. Да?

Я обернулась на хозяина кабинета. Грин с интересом смотрел на нас с ректором, и я не удивилась бы, достань он блокнот, чтобы записать наблюдения. Озаглавить запись можно «Кормление черного аспиды перепуганными мышами», ибо глядел на меня милорд Райхон так, что и сомнений не возникало: останемся наедине — как есть сожрет.

— Всего один вопрос, Элизабет.

— Спрашивайте, — я равнодушно (надеюсь, именно равнодушно, а не нервно) передернула плечами.

— Хорошо, — проскрежетал Оливер, поняв, что вытащить меня в коридор можно только силой. — Не соблаговолите сказать, где вы были?

Сказала бы. Если бы знала, когда меня хватились. А так и не представляла, что соврать. Пришлось говорить правду.

— Провела ночь с мужчиной, — заявила нагло. — Молодым, красивым и полным сил мужчиной.

— На меня не смотрите, — не смолчал Грин, угодив под случайный взгляд ректора. — Я ни по одному пункту не подхожу. Хотя, возможно,

насчет сил и поскромничал.

— Заткнитесь, доктор, — процедил Оливер сквозь зубы. Глянул на меня и приказал зло: — Ровно в час в моем кабинете.

Но дверью, уходя, не хлопнул.

— «Заткнитесь, доктор», — повторил раздумчиво Грин. — Не могу вами не восхититься, мисс Аштон. Вам удалось пошатнуть незыблемую цитадель спокойствия, в просторечии именуемую Оливером Райхоном.

— Вы сами напросились, — буркнула я.

— Я, как и положено хирургу, вскрыл нарыв, — с насмешливой поучительностью выговорил целитель. — А занозой, вызвавшей, собственно, нагноение, были вы. Ночь с женщиной! Хе-хе...

— Это не то, что вы подумали, — пробормотала я, запоздало сожалея, что сцена разыгралась в присутствии этого невыносимого человека.

— А что я мог подумать, если минуту назад вы просились к единорогу? — поинтересовался он едко. — Только то, что не хотел бы оказаться на месте того, с кем вы коротаете ночи. У вас кровь на рукаве, Бет. И, кажется, это не ваша кровь.

Не утруждаясь объяснениями, я вылетела в коридор. Карауль меня там ректор — не заметила бы и сшибла.

Вернувшись в кабинет наставницы, закопалась в учебники и собственные путаные мысли, главная из которых была о том, что если человек дурак, точнее, дура, то это ничем не исправить. Когда через какое-то время открылась дверь, даже головы не подняла и вздрогнула, услышав голос Грина:

— Леди Пенелопа, вы не отпустите со мной вашу ученицу? Возьмите пальто, мисс Аштон.

— Я сказал, возьмите, а не наденьте, — напомнил доктор, дождавшись меня в коридоре. — Оставьте пока. Хотя бы здесь, — кивнул на скамью у стены. — Мы еще не уходим. Сначала хочу познакомить вас кое с кем.

— Зачем? — растерялась я.

Правильнее было спросить «с кем?», но вопрос уже прозвучал, заставив мужчину задуматься.

— Не знаю, — пожал плечами он. — Наверное, мне нужен совет.

— Мой?

— Отчего бы не ваш? Эноре кэллапиа признал вас достойной доверия. Почему я должен сомневаться в его выборе?

— Может, потому что у вас нет рога во лбу? — пробормотала я, но пальто, как он и велел, оставила.

В последние дни все разговоры сводятся к доверию. Но с Грином бесед на эту тему я не ожидала. Да и нужно ли мне его доверие? Не стоит лезть в чужой шкаф в поисках скелетов, если не хочешь пополнить их ряды.

— Расслабьтесь, Бет, — усмехнулся доктор. — Я не собираюсь посвящать вас в смертельные тайны или каяться в грехах. Но... вас это тоже касается в какой-то мере.

Если бы существовал приз за умение говорить загадками, он стоял бы на видном месте в кабинете Грина. А мне полагалась бы награда за любопытство.

Вслед за целителем я поднялась на третий этаж. Ощущение тревоги, которое я испытывала в присутствии этого человека, возрастало с каждой ступенькой, а когда он открыл дверь в одну из палат, желание развернуться и бежать прочь стало практически невыносимым.

— Потерпите, — сказал он, — мы ненадолго. И простите, я не предупредил, что знакомство будет односторонним.

Палата была маленькой, рассчитанной на одного человека, и такой уютной, что, казалось, из больничного коридора я перенеслась в чей-то дом и вошла в спальню. Цветочные горшки на подоконнике, коврик на полу, детские рисунки на стенах. На маленьком столике — букет пестрых хризантем в хрустальной вазе.

На кровати лежала женщина. Лицо, лишенное мимики, — не умиротворенное, не расслабленное — застывшее неживое лицо делало ее похожей на куклу. Очень красивую куклу. Точеный носик, четко очерченный алый рот, высокие скулы, тонкие брови и длинные черные ресницы. Вьющиеся волосы цвета темного шоколада...

— Миссис Ева Кингслей, — представил Грин. — Декан факультета прорицаний и пророчеств. Моя пациентка и основная причина того, что вы сейчас либо упадете в обморок, либо сбежите в другое крыло.

— А давайте пойдём к единорогу? — выдавила я.

— Давайте, — согласился доктор. — Встретимся на крыльце. Идите вперед. Бегите. Бегите, Бет.

Когда мы с друзьями только начали собирать информацию обо всем, что связано с исчезновениями, имя Евы Кингслей всплыло и тут же забылось. Она ведь ничем не могла помочь — всего лишь случайная жертва. Моя жертва. Я написала об этом. Придала истории загадочности. Надо же, даже декан прорицателей не смогла определить, что случилось со студентами, и сама впала в кому, пытаясь увидеть, где они сейчас. А они

сейчас нигде. Как и разум миссис Кингслей.

Я обхватила руками шею единорога и прижалась щекой к мягкой шерсти. В этот раз не пришлось звать и уговаривать. Он сам подошел, почувствовав мое состояние, и позволил себя обнять.

— Отпустило? — спросил со стороны Грин.

— Да, благодарю.

То-то он удивился моему приветствию-извинению. Я полагала, что подслушала нечто пикантное, а это был лишь разговор двух медиков, обсуждающих целесообразность дорогостоящего лечения. Для врача дорогостоящего.

— Леди Пенелопа права? — спросила я, прячась под пышной, но невесомой, как паутинка, гривой.

— Нет. Я контролирую процесс.

Ложь, которая не может меня обмануть, как бы уверенно ни звучала. Я ведь даже не человек с индикатором уровня магии. Я сама — индикатор. И понимаю, что никаким контролем тут и не пахнет. Если я при каждой встрече с ним чувствую негатив от этой связи, что должен чувствовать он?

— Вы с ней...

Любовники? Близкие друзья? Родственники?

— Соседи, — ответил Грин, без продолжения поняв вопрос. — Живем рядом. Всего-то в полчаса ходьбы друг от друга.

— Снова язвите?

— Ничуть. Мы даже здоровались при встрече до того, как ее привезли в лечебницу уже такой. Правда, я был уверен, что имя у нее другое, какое-то цветочное — Роза или Виолетта. А ее муж, Роберт, подвозил меня однажды, порталы тогда сбоили из-за грозы. У него автомобиль...

Пышные усы и светлые, почти как у эльфа, глаза. Он приносит жене букеты ее любимых цветов и учит ее лечащего врача водить машину. Считает его хорошим доктором и не сомневается, что он поставит супругу на ноги. А тот бесится от бессилия и срывает злость на пустых бочках, понимая, что ничего не может сделать — только поддерживать жизнь в неподвижном теле, непрерывно подпитывая его собственной энергией.

— Потому вы и не любите хризантемы?

— Нет, — Грин усмехнулся, проследив ход моих мыслей. — Они мне никогда не нравились. Но теперь, — усмешка растаяла, оставив в уголках тонкого рта жесткие морщины, — терпеть их не могу.

И все же многое еще непонятно. Самое главное...

— Зачем? Почему так?

— Это единственный выход. Если разорвать связь, она умрет в течение

суток.

— А если не разорвать, сколько протянете вы?

— Вы слишком хорошо обо мне думаете, Бет. Или плохо. Смотря что вы больше цените в людях: чуткость и сострадание или трезвый расчет. Ваша наставница подозревает меня в избытке первого. Хочет рассказать Роберту Кингслею, во что обходится лечение его жены, и надеется, что он, как порядочный человек, не примет подобной жертвы.

— Но это не жертва для вас?

— Жертвенность не в моей натуре.

— А что в вашей? Бросать вызов смерти и побеждать любой ценой? Леди Пенелопа права, вы не знаете, когда нужно остановиться. Что с вами не так? Почему вы настолько не цените собственную жизнь? Мне неизвестны все случаи, но вспомнить того же эльфа: представляете, что с вами сделали бы, умри он на операционном столе? Ни один целитель... нормальный целитель не исключал бы такой возможности и хорошо подумал бы, прежде... Разве что сам умирал бы...

Новое предположение казалось логичным и отчего-то совсем не страшным. Напротив, это объяснило бы все, сделало понятным. Непонятное меня пугало. Даже в присутствии единорога.

— Вы умираете? — задала я вопрос в лоб. — Что-то неизлечимое? Рак?

— Помилуйте, Бет, — рассмеялся Грин. — Зачем мне рак? У меня кошка. А жизнь... Это и есть моя жизнь. Разве она плоха?

— Кроме того, что может оказаться слишком короткой?

— Я знаю свой предел. И, что бы вы с леди Райс ни думали, готов разорвать связь в случае угрозы. А до этого буду искать решение.

— Хорошо, — кивнула я. — Правда, вы молодец. Чудотворец, талантище, посланец и любимец богов. И при этом разумный человек.

— Это был сарказм? — уточнил доктор.

— Он самый. Прячу под ним зависть к вашему гению.

— Не стоило. Мне нравится будить в людях низменные чувства, а зависть — как раз из их числа. Но продолжайте. Вы, кажется, хотели о чем-то спросить?

— Да. Зачем вы мне это рассказали?

— Просто так? — предложил он вариант. — Каждый временами испытывает потребность выговориться... Нет? Тогда потому, что вы тоже невольно страдаете от негативных последствий и имеете право знать, чему обязаны... Снова не то? Неужели сложно поверить, что мне неприятно, когда красивая девушка млеет в моем присутствии вовсе не по той

причине, которая польстила бы моему самолюбию? Боится меня, считает чудовищем, вот я и решил оправдаться. Глядите-ка, я не монстр, а благородный герой!

— Долго вы собираетесь паясничать? — спросила я холодно.

— Планировал еще пару минут. Но если вы против... — Грин посмотрел на меня. В серых глазах не было и намека на насмешку. — Вы не спросили, что случилось с Евой Кингслей. Впрочем, это ни для кого не секрет. Но немногие знают, как с этим делом связаны вы. То ли случайная жертва, которую лишь вскользь зацепило темными чарами, то ли магическая аномалия. Зачем я рассказал вам? По многим причинам. Возможно, даже та чушь, что я сейчас нес, — чушь лишь наполовину. Но главное — я хотел, чтобы вы увидели и поняли, зачем нужны мне.

— Но что я могу?

Доктор открыл рот... и закрыл. Вздохнул, как вздыхает человек, уже потерпевший не одно поражение и близкий к тому, чтобы опустить руки.

— Не знаю. Но у меня ничего больше нет. Вы и единорог. И если я пойму, как это можно использовать...

— Если состояние миссис Кингслей связано с исчезновениями, не разумнее ли направить усилия на решение этой загадки?

— Возможно. Но я целитель. Не специалист по темной магии, не сыщик. Я делаю то, что в моих силах. Если выясню что-то, что будет полезно милорду Райхону или инспектору Крейгу, — сообщу им. Каждый должен заниматься своим делом.

А мое, значит, — быть подопытной мышью? Хотя при Оливере я занимаю ту же должность. Грин всего лишь называет вещи своими именами. И если он непричастен к изменению реальности, его мотивы вполне понятны.

Если непричастен.

Доктор — идеальный подозреваемый. Умен, амбициозен, интересуется драконами. Мог под видом анализов собрать кровь. Даже не так — ему добровольно отдавали кровь.

Но тогда что он изменил в своей судьбе? Что получил? Уникальный целительский талант? Купил возможность спасти жизни ценой других жизней? Наверное, он пошел бы на такое, если бы счел, что людьми, исчезнувшими впоследствии, допустимо пожертвовать. Чарли Лост — неудачник. Герман, напротив, — везучий лоботряс. Виктор — некромант без будущего. Мартин — расчетливый подлец. Камилла? Я вспомнила дарственную надпись на книге. Бывшая любовница, бросившая его ради другого? Нет, личная месть в придуманную схему не вписывалась. Да и

схема так себе. Не похоже, что Грин многого добился. Тратит силы на спасение пациентов, спит в кабинете, бьет чашки и орет на ассистенток.

— Как вы поняли, что кровь на рукаве не моя? — спросила я, как могло показаться, невпопад. Однако вопрос имел смысл. Целитель способен опознать пятно крови на взгляд. Но без тестов определить, кому эта кровь принадлежит, невозможно. Что, если Грин «заказал» себе некие сверхспособности?

— Предположил. А ваша реакция это предположение подтвердила. Я подумал, что вы, наверное, кого-то убили.

— Что?!

— Не волнуйтесь, Бет, вы оправданы, — усмехнулся он. — Единороги чутко реагируют на преступные деяния и даже на помыслы, но к вам он подошел.

— Единороги чувствуют такое?

— Вы не знали? — в вопросе слышалось разочарование. — Я полагал, вы заинтересовались данными существами. Хотя бы почитали о них.

— У меня не было времени. Но это правда?

— Да. Будь вы убийцей, он не потерпел бы вас рядом. Даже в одном помещении. Были случаи, когда единороги сами нападали на преступников и поднимали на рога.

— А если бы я не лично убила кого-то, а, скажем, сделала бы нечто, в итоге навредившее многим людям?

— Без разницы. А вы планируете нечто подобное?

— Просто интересно.

Получается, вы тоже оправданы, доктор. И я этому, признаться, рада. Но помочь не смогу. Мои проблемы с магией не связаны с исчезновениями, сменой реальностей и состоянием миссис Кингслей. Просто я не Элси Аштон.

ГЛАВА 25

Вернувшись в лечебницу, я решила, не откладывая, встретиться с Владисом, которого, как я знала, еще не выписали. Нужно же разобраться, кто прикинулся Элизабет, чтобы пообщаться со мной через медиума?

Так что Рысь появился вовремя.

— Во что ты снова влипла? — зарядил он вместо приветствия.

Оказалось, сразу после того, как к нему пришла с моей запиской Шанна, оборотня навестили люди из полиции. Интересовались, когда он видел меня в последний раз. А к тому времени, как он нашел Мэг, блюстители закона успели побывать с тем же вопросом и у нее. Подруга сказала, что я ушла до того, как она проснулась, и до визита полицейских у нее этот факт беспокойства не вызвал.

— Надоело, что за мной следят, — объяснила я. — Встала до рассвета и выбралась через подвал. Погуляла немного, а к восьми пришла сюда.

— На тебя похоже, — проворчал друг. — А что другие будут волноваться, не подумала?

— Подумала. Как раз встретила Саймона и попросила передать записку.

— Любишь ты все усложнять, — укорил Рысь, но обмана не заподозрил: подобное вполне в духе Элси. Значит, и Оливер поверит в эту версию. Главное, ему неизвестно, что меня не было всю ночь.

Предложение вместе навестить Владиса оборотня удивило. Пришлось объяснить, что медиум сказал нечто странное во время последней встречи, и я хочу понять, выдал ли его «гость» пророчество или наплел ерунды. Рысь не сомневался, что ерунды, но к соседу заглянуть согласился.

— Только он ничего не скажет. Мы с Россом и Тоби были у него вчера. У него еще эти железки.

Да, «железки», фиксирующие вывихнутую челюсть, Владису еще не сняли. Это мешало не только говорить, но и питаться нормально: парень, и до болезни худой, сейчас совсем отощал. На вытянутом лице одни глаза остались. Зато сейчас, в отличие от предыдущих встреч, эти глаза были живыми и разумными, а когда мы с Норвудом вошли в палату, в них отразилась радость.

— Здорово, приятель, — негромко, чтобы не разбудить дремавшего на соседней койке пожилого мужчину, приветствовал соседа Рысь. — Как ты тут?

«Как видишь», — приподнявшись на кровати, медиум развел руками.

— Это ненадолго, — уверил оборотень. — А мы... Вот, — он выдвинул меня вперед, — Элизабет. Вы не знакомы. Вернее, она тебя знает, а ты ее, кажется, нет.

Владис присмотрелся ко мне и покачал головой.

— Теперь знаешь, — улыбнулся Рысь. — Элси хотела с тобой поговорить... как-нибудь...

— Мы с вами виделись неделю назад, — начала я. — И вы... вернее, не вы, а кто-то через вас сказал мне кое-что. Я хотела бы узнать, кто это был. Если вы помните, конечно.

Медиум покачал головой.

— Не помните?

— У-у, — кивнул он. Заворочавшись, сунул под подушку руку и вытащил толстую тетрадь в клетчатой обложке.

Не запоминает, но записывает!

— А-да ы-о?

— Он спрашивает, когда это было, — перевел Рысь, хоть в том и не было нужды.

Я назвала дату, и Владис нашел нужную страницу. Ткнул пальцем:

— А-и!

Почерк у него был неразборчивый, с таким только на целительском учиться.

— Тихорис? Тино... Тиморис?

— У-у.

— Тиморис рассеянный, класса «С»? Что это?

Владис задумался. Некоторые понятия не объяснить на пальцах.

Я вытащила вложенный между страниц тетради карандаш и протянула медиуму.

— Так будет быстрее.

— У-у! — согласился парень. Вырвал чистый лист и что-то быстро записал. Сложил, отдал мне и мотнул головой, показав на оборотня. — Э-э!

— Ему нельзя читать?

— Э-э.

Рысь был бы не Рысь, если бы не попытался узнать содержание записки. В коридоре он в прямом смысле припер меня к стенке и заявил, что ему не нравятся такие секреты.

— Ты же говорил, что это ерунда, — напомнила я, спрятав бумажку за спину.

Наставница все еще злилась на Грина и, видимо, на меня за то, что я

ушла с ним без объяснений, но сама этих объяснений не требовала, и, вернувшись в кабинет, я уселась в своем углу, закрылась учебником и развернула записку.

«Встретимся, когда меня выпишут?» — гласила таинственная надпись.

«Не дождешься!» — написала я поверх каракуль Владиса и, смяв, отправила записку в корзину. Он же медиум, должен почувствовать ответ. Достала чистый лист и записала вычитанное в клетчатой тетрадке название. Схожу в библиотеку и найду по каталогам. Знать бы еще, в каком разделе искать.

— Психиатрия? — подсказал голос с небес.

Я вздрогнула и с облегчением вздохнула, увидев неслышно подошедшую леди Пенелопу.

— Решили отвлечься от анатомии? — она взглядом указала на отложенный мною листок.

— Я? А, да... решила...

— Но у вас ведь только общая психиатрия. Зачем настолько углубляться? Или вам интересна эта область медицины?

Вопрос прозвучал как обвинение. После того как я призналась, что не планирую посвятить жизнь акушерству, наставница во мне разочаровалась. А изменить акушерству с психиатрией было, очевидно, страшнейшим из возможных грехов.

— Встретилось в тексте, — я стыдливо прикрыла «тиморис» учебником. — Хотела разузнать подробнее. А вы не...

— Нет, — отрезала леди Райс. — Боюсь, я некомпетентна в данном вопросе. Спросите у Грина, если вам интересно.

— Не так уж и интересно, — улыбнулась я миролюбиво.

Пойти сейчас к заведующему — лишиться доброго расположения наставницы если не навсегда, то надолго. С Грином-то она помирится, в крайнем случае простит его посмертно, а мне нужно соблюдать осторожность и нейтралитет, если хочу сдать экзамены и учиться дальше. Поэтому я высидела положенное время с леди Райс, даже сходила с ней в смотровую, когда доставили новую пациентку, и была досрочно амнистирована.

Но, уходя, заглянула к Грину.

— Простите, доктор, у меня вопрос по психиатрии, и леди Пенелопа посоветовала обратиться к вам. Только не говорите ей, что я заходила.

— Психиатрия? — уточнил он, судя по лицу, прокручивая в уме то, что я только что сказала. — Ну да, я так и понял. Что за вопрос?

— Тиморис рассеянный, класса «С», — отчеканила я без бумажки.

В обращенном на меня взгляде промелькнуло удивление и — неожиданно — тревога.

— С вами все хорошо, мисс Аштон? С утра были расстроены, теперь интересуетесь эфирными образованиями, вызывающими параноидную шизофрению.

— Это для экзамена.

— Я говорил, что не терплю лжи? — высказал Грин резко. — Тиморисы — это не общий раздел. И не тема третьего курса.

— Я...

— Повторюсь: мне нет дела до ваших секретов. Не хотите объяснять — не объясняйте. Но не лгите. Возьмите справочник: шкаф слева от вас, третья полка, темно-красная обложка.

— Спасибо, — пролепетала я, найдя нужный томик.

— Куда? — рявкнул доктор, когда я попятилась к двери. — Читайте здесь! Этак все мои книги к вам перекочают.

Всего одну книгу дал, а разговоров-то...

Нужные мне тиморисы, рассеянные и класса «С», занимали в справочнике всего один абзац. Но большой. И озадачил он меня серьезно.

— Благодарю, доктор, — я поставила книгу на место. — Простите за беспокойство.

— Бет, вы... — в его голос вернулись озабоченные нотки.

— В порядке, — улыбнулась я, прежде чем выйти за дверь.

Просто у меня шизофрения. Как говорится, *quod erat demonstrandum*.

Тиморис — это тоже латынь. В смысле, драконий альс. *Timoris* — страх. Когда он рассеянный, да еще и класса «С», — речь о подсознательном страхе. Тиморис, проникая в человека, делает этот страх навязчивым, что со временем приводит к развитию психических отклонений, для лечения которых иногда используются те же тиморисы: врач лично или через медиума призывает их, чтобы определить, какие именно страхи терзают пациента.

Получается, мой подсознательный страх — Элси?

Я думала об этом всю дорогу до ректората, куда отправилась, минуя столовую, и пришла к выводу, что так и есть. Мой страх — Элси. Я боюсь, что она вернется и вытолкает меня обратно в мой мир. Мэйтин, интриган белобрысый, мог бы сразу объяснить. А заодно сеанс психотерапии мне устроить, потому что, хотя тайный страх и стал явным, легче мне не сделалось.

У двери в приемную ректора мысли сменили ход, и, если бы встреча с тиморисом состоялась сейчас, он говорил бы со мной голосом Оливера

Райхона. Потому как Элси когда еще вернется, а Оливер уже тут.

— Добрый день, милорд, — поздоровалась я, остановившись перед его столом.

— Здравствуйте еще раз, мисс Аштон. Присаживайтесь. Читайте.

Он пододвинул ко мне отпечатанное на официальном бланке академии письмо. Увидев, кому адресовано послание, я быстро прочитала его от начала до конца.

— Не хватает только моей подписи, — сказал ректор, когда я, задыхаясь от негодования, отложила листок, который хотелось разорвать в клочья.

— Вы этого не сделаете!

— Вы не оставили мне выбора. Приходится рекомендовать лорду Арчибальду забрать вас домой до разрешения возникших в академии проблем. Если я не в состоянии обеспечить вашу безопасность, пусть этим займется ваш отец.

— Вы блефуете! Я нужна вам. Без меня вы не разберетесь с этим делом!

— Будет трудно, не спорю, но у меня появится дополнительное время — то, которое я сейчас трачу, чтобы убедиться, что вашей жизни и здоровью ничего не угрожает.

— Блефуете, — повторила я. — Знаете, что я не уеду. Я совершеннолетняя, и мне не нужно согласие родителей, чтобы продолжить учебу.

— Согласие — нет. А деньги на оплату обучения?

— Подаю ходатайство на выделение стипендии.

— Вы — и стипендиатка? — заинтересовался ректор. — Переедете в другое общежитие и будете питаться за общим столом?

— Без проблем, — я с вызовом посмотрела ему в глаза. — Еще и работу найду, чтобы хватало на мелкие расходы. Пойду санитаркой или сиделкой в лечебницу — там нужны люди. Особенно в ночную смену.

— Работа как раз для вас, — проговорил Оливер мрачно. — Вам же по ночам не спится. Но стипендию вы не получите. Вы не сдали экзамены для перевода.

— Сдам.

— И магическую практику? Не советую продолжать спор, мисс Аштон. Добьетесь того, что вас исключат как не прошедшую аттестацию.

Он блефовал, и при желании я могла его дожать. Хлопнуть дверью и идти паковать вещи: сами же папеньке писали, милорд! Или все-таки к Грину? Так, мол, и так, господин доктор, из академии меня выперли, а я

уже прониклась медициной и единорогами, и, если нужна вам еще в роли мыши, будьте добры пристроить меня каким-никаким младшим персоналом.

Только вот Оливер тоже понимал, что скандал мне не нужен. Не нужно, чтобы завтра примчался отец, который и слушать не захочет о моем совершеннолетию, а молча упакует вместе с багажом — и прощай, академия, прощай, теперь уже навсегда, магия.

Шантажист!

Но этот раунд он выиграл.

— Если я обещаю больше не сбегать от охраны — этого будет достаточно? — спросила я тихо.

— Обещаете? — на столь быструю капитуляцию Оливер не рассчитывал. Все-таки я сильно его разозлила. Пошатнула, как выразился Грин, цитадель спокойствия. — Вы считаете, я еще могу вам верить?

— Могли бы хоть попытаться меня понять, — шмыгнула я носом. — Приставили ко мне это сопровождение. Ни секунды не чувствую себя свободной! Я лишь хотела избавиться от ваших шпионов. Проснулась пораньше и вышла... через подвал. Просто побродила без охраны...

О подвале ректор откуда-то знал. Когда я сказала, как именно вышла из общежития, взгляд его смягчился: я не соврала, и он это отметил. Но у него имелось свое мнение о произошедшем, и это мнение он во что бы то ни стало должен был высказать.

— Почувствовали себя свободной, да? А о чувствах других вы думали? Вчера мы не закончили с протоколами, и я решил перехватить вас по пути в лечебницу, прождал полчаса...

— Вы сами за мной приходили? — удивилась я.

— Я же не знал, что придется час топтаться на холоде.

— Вы сказали, полчаса...

— Я сказал, что ждал вас и не дождался! — начал свирепеть Оливер. — Зашел, попросил позвать вас. Но в комнате вас не оказалось. И вообще в общежитии. А охрана утверждала, что наружу вы не выходили. Что я должен был подумать, помня, что у нас бесследно пропадают люди? Поставил на уши службу общежития, послал к вашим друзьям... Хорошо, кто-то вспомнил о ходе в водонапорную башню. Вы бросили там лампу и оставили открытым окно. Но пока это выяснилось, я мысленно успел попрощаться с вами навеки.

— Простите, — я в искреннем раскаянии опустила глаза.

— А после вы устроили сцену из дешевого балагана в кабинете Грина.

— Я лишь хотела...

— Разозлить меня еще больше, — закончил он. — Я заслужил это? Насмешки, унижение?

— Я не думала...

— В том и беда. Вы не думаете. Мне казалось, я ошибался, считая вас избалованным ребенком, или случившееся заставило вас взяться за ум, но вы все та же Элизабет Аштон. И я снова не знаю, как мне с вами поступить.

— Никак, — выдала я с угрюмой злостью. — Просто подождите. Неделю. Месяц. Два. Спустя это время вы все также будете ректором Королевской академии, откуда никогда — слышите, никогда! — не пропадали люди. А я буду никчемным уродом, при непонятных обстоятельствах потерявшим дар. Меня какое-то время будут жалеть и даже лечить... Обязательно лечить, потому что я начну нести какой-то бред об исчезновениях, кровавых надписях и драконьих ритуалах. А когда меня не удастся исцелить от бессилия и навязчивых идей, меня отправят в лучшем случае домой, а в худшем — в специальное заведение закрытого типа. И если я научусь делать вид, что ничего не случилось... все равно окажусь однажды в том заведении. Потому что я буду знать и помнить, разрываться между тем, что было, и тем, чего, по мнению остальных, никогда не было, и рано или поздно сойду с ума по-настоящему!

Слезы текли по щекам, и я стирала их испачканным кровью Саймона рукавом. Описанное мной будущее могло стать явью. История Элси замрет на стыке реальностей, а я в конце концов устану от чужого безумия и перережу себе вены, чтобы вернуться домой...

— Вы не знаете, как поступить? Это я не знаю! Это я каждый раз, приходя к вам, боюсь услышать: «Разве я вас вызывал, мисс Аштон?» Боюсь написать родителям о том, что со мной произошло. Боюсь, что однажды меня не окажется ни в моей комнате, ни в этом мире! Вы не представляете, что я чувствую! Вам плевать! Сначала приставили ко мне шпионов, теперь хотите отстранить от расследования. Отобрать даже надежду на то, что я могу повлиять на происходящее...

— Элизабет, пожалуйста...

Я не заметила, когда Оливер встал из-за стола, только услышала его голос совсем близко и почувствовала, как его ладони коснулись моих плеч. Был повод броситься к нему, припасть к груди... Но, если бы он обнял меня, я бы его ударила. И пощечиной, коими девы регулярно одаряют возлюбленных в дамских романах, не обошлось бы.

Видимо, мои намерения отразились в заплаканных глазах, и мужчина отступил. Стоял с полминуты, глядя, как я, пытаясь сдержать новый приступ рыданий, глотаю непроливишиеся слезы, а проливишиеся

остервенело размазываю по лицу, а затем схватил неподписанное письмо, разорвал, бросил обрывки на стол и припечатал ударом кулака.

— Все! Довольны?

— Д-довольна? — я чувствовала, как сам по себе кривится при этих словах мой рот. Герой, задери его демоны! Создал проблему — решил проблему. Теперь благодарностей ждет?

Я вскочила с кресла и рванула к двери.

В душе надеялась, что он меня остановит. Сумеет найти правильные слова. Но я миновала приемную, сбежала по ступенькам и чуть не пролетела гардероб, спеша скорее вырваться из здания, а меня так никто и не догнал. Не окликнул даже.

ГЛАВА 26

Я ушла уже далеко от главного корпуса, когда поняла, что направляюсь не к общежитию. Ноги сами вели в лечебницу. Видимо, к Грину, чтобы снова уверять его, что у меня все в порядке, просто опять захотелось поглядеть на единорога. А он мне тут же диагноз поставит. По справочнику в красной обложке.

Нет уж! Есть и другие способы успокоиться.

— Я все помню, — первым делом сказал Саймон, когда мы остались вдвоем в тренажерном зале. — Но остальные забывают. Я заходил к матери в обед, она уверена, что Герман перевелся в Найтлоп... Представляете, в Найтлоп? А что говорят другие? Инспектор? Ректор?

— С инспектором я сегодня не встречалась. А с милордом Райхоном мы виделись только мельком.

На фоне происходящего ссора с Оливером выглядела особенно глупо.

— Он знает, что вы не ночевали у себя? — встревожился боевик, заметив, как я помрачнела.

— Лишь то, что я тайком ушла из общежития. Но этого хватило.

— На ринг? — с пониманием предложил Саймон.

— А вы...

— Не волнуйтесь, вряд ли вам удастся меня задеть, — усмехнулся он самоуверенно.

Часа на ринге хватило мне, чтобы сбросить накопившееся раздражение и ликвидировать разброд в мыслях. План сложился сам собой. Обиды — прочь, гордость — в кулак, и напрямик в ректорат, пока Оливер не ушел. Пусть что хочет обо мне думает — дело страдать не должно.

Помешал реализации этих планов сам ректор, карауливший меня у корпуса боевиков.

— Уделите мне несколько минут, мисс Аштон? — спросил он ровно, будто не было перепалки в лечебнице и разговора в его кабинете.

Чурбан непробиваемый!

— Что вам угодно, милорд?

Хотелось верить, что ему угодно извиниться, но маг протянул мне запечатанный конверт:

— Пришло сегодня, когда почту уже развезли. Я подумал, вам будет приятно получить его скорее, а не ждать до завтра.

— Так вы и переписку мою отслеживаете! — вспыхнула я. — Может,

еще и читаете?

Я выхватила у него конверт, проверила целостность печати и только затем прочла имя отправителя: леди Оливия Аштон. Стало не по себе. Не полиция и не Оливер — я сама влезла в чужую переписку. Но что-то во мне требовало скорее разорвать конверт и прочитать письмо. Отстраниться от чужих чувств не получилось, и я радовалась вместе с Элси полученной из дома весточке и тому, что родители благосклонно приняли ее переход на другой факультет, а в начале апреля собираются приехать в академию.

Но сегодня уже... Второе марта! Я пропустила приход весны. Не заметила, как растаял снег, обнажив черную землю с крохотными островками молоденькой травки. Машинально ставила даты в тетрадях, но даже не поняла, что название месяца изменилось. Апрель совсем скоро, а значит, нет времени на ссоры: нужно успеть разобраться с проблемами, чтобы Элизабет — она, а не я — встретила с родителями. Наверное, она скучает по ним.

Я по своим скучаю...

— Спасибо, что взяли на себя роль почтальона, милорд. Но вы ведь не только за этим пришли?

— Нет, я... Помните, однажды я сказал вам, что мне тяжело находить общий язык с юными девушками — недостает такта и сложно подобрать правильные слова...

— В искусстве прозрачных намеков вы тоже не преуспели, — вздохнула я.

— О чем вы? — будто бы не понял ректор.

— О том, что вы только что спросили меня, помню ли я, как однажды призналась вам в любви. Не очень благородно с вашей стороны играть на моих чувствах.

Обвинение его задело. В глазах вспыхнули злые огоньки, губы сжались в тонкую линию. Но, очевидно, пока я поправляла нервишки на ринге, в пошатнувшейся цитадели тоже провели ремонт. Сердитые морщинки на лбу разгладились, и ярость во взгляде сменилась грустью.

— Я сказал только то, что сказал. Ваша реакция — лишнее подтверждение тому, что я не умею находить нужные слова.

— Особенно с юными девушками.

— Особенно, — согласился он, сделав вид, что не услышал иронии. — Нужно быть предельно тактичным, даже если собираешься отчислить девицу за неуспеваемость или дурное поведение. К счастью, мне редко приходится общаться со студентами лично: есть кураторы, деканы, проректоры...

— Но если чей-то отец — первый помощник лорда-канцлера и регулярно отчисляет на развитие академии немалые суммы, то приходится.

— Нет. Но если кто-то осчастливит меня хвостом, например, я не стану делиться радостью с другими преподавателями, а поблагодарю благодетельницу лично.

— Исключили бы меня давным-давно — сейчас и горя не знали бы, — пробурчала я.

— Не знал бы, — согласился Оливер. — Я это понимаю. Как и важность вашего участия в расследовании. Поэтому хотел бы...

Принести свои глубочайшие извинения?

— ...чтобы между нами установилось полное доверие, Элизабет.

Снова доверие! У меня скоро аллергия будет на это слово!

— Доверие, милорд, может быть только обоюдным, — заметила я. — А вы требуете его, при этом контролируете каждый мой шаг и проверяя каждое слово.

— Элизабет...

— Что вы сожгли?

Мой вопрос не просто поставил ректора в тупик — он даже не понял, о чем я. Пришлось объяснить:

— Вчера вы сказали, что на втором курсе устроили поджог. Мне интересно, что вы подожгли.

Ну, доверяйте мне, милорд. Прямо сейчас.

— Это было давно. И не имеет значения... Пожарную часть.

При том, как он начал, я уже не ждала ответа и, услышав его, ошалело выпучила глаза:

— Как?

Как можно поджечь то, что в принципе гореть не должно?!

Ректор скромно развел руками:

— На спор.

Да уж. Теперь понятны его опасения насчет того, что может думать о нем инспектор. Но даже с такими яркими пятнами в биографии Оливер вне подозрений. Это не ритуал, а я сделала его ректором в столь молодом возрасте, он изначально был в моей истории.

— Мы можем продолжить не здесь? — спросил он и, не встретив возражений, взял меня за руку, чтобы через портал провести в свой кабинет.

Инцидент исчерпан? Ладно, пусть. Он, скажем так, извинился как смог. Я вообще извиняться не собираюсь, хоть тоже виновата. А историю нужно заканчивать: мир спасти, личную жизнь устроить.

— Кофе? Чай? — предложил ректор, надев маску приветливого хозяина. — Шоколадное пирожное?

— У вас есть пирожные? — я вдруг осознала, что голодна настолько, что за кусочек бисквита готова простить ему обиды на неделю вперед.

— Нет. Но я бы мог послать за ними. Хотите?

— Хочу, — не стала скромничать я. — Я не обедала.

— Я и не завтракал, — вздохнул он, враз становясь мне собратом по несчастью. — А скоро и ужинать пора. Вы бы не отказались...

— Не отказалась бы, — даже не дослушала я. Будем считать, мужчина моей мечты пригласил меня на ужин. Во всяком случае, хоть поем.

Пока он выходил, чтобы отдать соответствующие распоряжения, я избавилась от верхней одежды и привела в порядок костюм для тренировок, которому предстояло исполнить роль вечернего наряда.

— Хотите, чтобы я занялась протоколами, пока доставят ужин? — демонстрируя готовность к сотрудничеству, спросила вернувшегося в кабинет ректора.

— Нет, копии протоколов не нужны. Можно переписать только сводный отчет, в нем учтено основное.

Я села за стол и открыла поданную мне Оливером папку.

— Это все? — уточнила, пробежав глазами отчет, согласно которому операция в «Огненном Черепе» не принесла результатов: никто там не знал Германа, не мог предположить, под каким именем тот выступал на ринге, и, конечно же, и не заикнулся о его бое со Стальным Волком. Однако сам Волк в записях фигурировал, как и Дикая Кошка. Их видели в клубе, а затем оба исчезли непонятным образом.

— Вчера было еще что-то? — подозрительно поглядел на меня Оливер.

— Нет, но вчера вы и не рассказали мне всего, — нашлась я и снова уткнулась в отчет.

После того как всех отпустили, в зале обнаружили «бесхозные вещи»: женский плащ на меховой подстежке, мужское пальто (не новое, в нескольких местах подшитое) и теплая куртка, пол владельца которой полиция определить затруднялась. В моем мире это называется унисекс, чтоб они знали!

По мнению инспектора, найти владелицу плаща, ввиду отсутствия на том меток, будет затруднительно, но полицейский планировал выделить людей, дабы опросить женскую половину студенческой общины с целью опознания данной детали гардероба. С мужским пальто, как казалось Крейгу, было проще: на подкладке обнаружилась затертая метка с

инициалами «М.С.», и полиция обещалась составить списки студентов и сотрудников академии, кому эти инициалы подходили бы. Что ж, пусть попробуют. Пальтишко для похода в клуб Саймон брал старенькое, очевидно, висевшее в чулане со времен учебы, а имя у него сейчас новое. Вульф, а не Милс. Взял фамилию отца? Возможно. Исходя из того, как Саймон фигурировал в учебных планах, поменял он паспортные данные официально и не вчера, и вряд ли кто-то вспомнит, что он имеет какое-то отношение к «М.С.».

— Куртка — моя, — сказала я ректору, взявшись за перо.

— Я догадался. А о хозяевах плаща и пальто вы по-прежнему ничего не знаете?

По тому, как он спросил, я поняла, что и в изменившейся реальности вчера мы поссорились на этой почве.

— Знаю. Стальной Волк и Дикая Кошка. С Кошкой я дралась до вашего появления. Кто они в повседневной жизни — понятия не имею и сомневаюсь, что установление их личностей поможет расследованию.

— Они сбежали, — заметил Оливер, но уже без резкого осуждения.

— У них могли быть причины. Кошка, судя по плащiku, из состоятельной семьи. Вероятно, опасалась разоблачения и скандала с родителями, у которых наверняка свой взгляд на то, как благовоспитанные девушки должны проводить досуг. Волк мог спасти даму.

На самом деле дама спасла его. Но я ведь ничего об этом не знаю, да?

Закончив копировать отчет, я отложила перо и посмотрела на сидящего напротив мужчину.

— Вы никогда не задумывались о том, что однажды можете не вспомнить, откуда у вас мои записи?

— Задумывался. Но ненадолго. Давайте надеяться, что мы разберемся со всем этим до того, как изменения станут необратимы.

— Знать бы, как это сделать, — вздохнула я.

— Узнаем. Будучи в столице, я побродил по тамошним библиотекам. Нашел, что смог, по интересующему нас обряду. Сведений немного, в основном легенды, пересказ которых грешит витиеватым слогом и невнятными формулировками, но какие-то выводы сделать можно. Во-первых, сам факт существования этих легенд говорит о том, что не все участники ритуала исчезали после его проведения. Кто-то ведь записал те события? Помните, я рассказывал, что подобный обряд вернул жизнь предводителю людей? Я нашел записки о том событии, составленные одним из непосредственных участников. Автор не раскрыл подробностей ритуала, но много рассказал о стыке реальностей. О том, что его память

странным образом вместила события, имевшие место в двух разных вероятностных потоках, и это едва не свело его с ума. Или, как он пишет, возможно, свело, поскольку мир со дня ритуала уже не был для него прежним...

Теперь понятно, отчего Оливера проняли мои слова о возможном безумии. Интересно, без исторических свидетельств он мне посочувствовал бы?

— Упоминался еще один случай, — продолжал ректор. — Солдат, бывший рядом с вождем, когда того убили, но не принимавший участия в ритуале, тем не менее долго помнил стертую реальность. Смерть предводителя произвела на него такое сильное впечатление, что, даже увидев того живым, он не мог забыть случившегося.

Эмоциональная связь, как та, что не дает Саймону забыть пропавшего друга? Возможно, мои «художества» ни при чем.

— Что известно о самом ритуале? — спросила я.

— Мало. Точно можно сказать лишь то, что маги принимали участие в обряде добровольно, а заклинания писались их кровью в специальной книге. В легенде она названа книгой судьбы. Можно предположить, что в нее были вписаны не только заклинания, но и новая судьба погибшего вождя.

— А что было бы, если бы кто-нибудь нашел эту книгу и что-то в ней подправил? Или уничтожил бы ее?

— Наверное, он уничтожил бы и новую реальность, — понял ход моих мыслей Оливер. — Считаете, в нашем случае есть такая же книга?

— Заклинания ведь должны были куда-то записываться? И чья-то новая судьба...

Стук в дверь не позволил мне договорить. А когда секретарь вкатил в кабинет столик, на котором теснились тарелки, обсуждать дела расхотелось напрочь.

— Благодарю, мистер Адамс. Дальше мы с мисс Аштон сами разберемся. Можете быть свободны.

Из сейфа — вот уж не подумала бы, что там хранится что-то помимо особо важных документов, — ректор вынул бутылку вина и два высоких бокала, а я тем временем набрала себе полную тарелку кушаний. Жаркое с грибами, яичный рулет и тушеные овощи, сваленные вместе, представляли собой не самый живописный натюрморт, но меня, далекую от живописи, но уже близкую к голодному обмороку, эта картина несказанно радовала.

— У вас хороший аппетит, — деликатно заметил Оливер, наполнив бокалы.

Для романтического ужина аппетит у меня был слишком хороший: трепетная дева могла бы ограничиться кусочком рулета и листиком салата. Но, поглядев на тарелку, я решила, что трепетной побуду в другой раз.

Поначалу ели молча, не утруждая себя созданием видимости светской беседы. Потом Оливер рассказал, что встречал упоминание о книгах судебных и ранее, без привязки к определенным ритуалам, но тоже в легендах.

— Элизабет, я хотел бы...

— Да? — уловив, как изменился его тон, я отложила вилку.

Ректор последовал моему примеру, но тут же схватился за бокал. Показалось, хрусталь вот-вот треснет.

— Раз уж сегодня мы делимся секретами... я делюсь... хочу попросить вас записать еще кое-что. Не прямо сейчас. У вас ведь хорошая память? Запишете потом. Это касается мисс Сол-Дариен. Камиллы. И этого нет в полицейских отчетах.

В отчетах было практически все. Имя, возраст, прежнее место работы. Фраза о том, что в день исчезновения у Камиллы было назначено свидание с Оливером Райхоном, и целый абзац о моей роли в «организации» этого свидания. Чего в них не было? Причины, по которой Оливер отменил — именно отменил, а не перенес — их встречу.

— Мы познакомились пять лет назад, — издалека начал он. — Мисс Сол-Дариен была первой, кого я, вступив в должность, принял на работу. Это тоже можете записать, потому что в свое время ходило много слухов о том, как я стал ректором. Поговаривали, что ради этого места я соблазнил то ли дочь министра, то ли племянницу, то ли его самого, — улыбка на миг коснулась его губ. — Но все куда проще. Мою кандидатуру рекомендовал прежний глава академии. На тот момент несколько моих работ получили королевскую премию, а составленный мною учебник заменил старые пособия по темным материям. Но на решение министерства повлияло не это. Близилась парламентские выборы, и наш лорд-министр пытался всеми способами упрочить свое положение. Льготы для ушедших на покой магов и предоставление освободившихся мест перспективной молодежи...

— «Молодым везде у нас дорога, старикам везде у нас почет», — вспомнилось невольно.

— Да, именно. Это цитата?

— Не уверена. Возможно.

— Возможно, — кивнул ректор. — Но вы поняли тогдашнюю политику. Мне просто повезло. Хотя стоило задуматься, так ли хороша эта должность, если никто из старших коллег не пожелал составить мне конкуренцию... Что до мисс Сол-Дариен, о наших с ней отношениях тоже

ходило немало слухов. И в большинстве своем правдивых. У нас был роман, да. Начался практически сразу после знакомства и закончился год назад. Я сделал Камилле предложение, она его не приняла, и мы расстались.

Она отказалась? Какая нормальная женщина так поступила бы?!

— Она считала, что того, что было между нами, недостаточно для принятия серьезных решений, — разъяснил Оливер. — А я... Должность главы академии накладывает определенные обязательства. Мне казалось, что нужно что-то делать с этой неопределенностью, слухами, косыми взглядами...

«Этого действительно недостаточно», — подумала я, принимая сторону пропавшей соперницы.

— Мы расстались, но часто виделись по работе или в гостях у общих знакомых, да и связывало нас слишком многое, чтобы это можно было просто вычеркнуть из жизни. Поэтому, когда Камилла предложила встретиться, я согласился. Что было дальше, вы знаете. Я пришел в назначенное время, увидел цветок и записку. Ни секунды не сомневался, что это розыгрыш, но решил проверить. Нашел Камиллу, узнал, что кто-то запер ее в подвале... Было понятно, что это звенья одной цепи. Но я все-таки спросил. Просто спросил, с кем она провела прошедшую ночь.

— И? — пискнула я робко, когда он умолк и, казалось, не собирался продолжать.

— Я не сказал о записке, — произнес он, сквозь бокал глядя на свет. — Не объяснял, чем вызван мой вопрос, и она, очевидно, решила, что я узнал от кого-то или следил за ней... Так или иначе, оправдываться не стала.

Я громко сглотнула. Бывают же совпадения!

— С ее слов, это была просто встреча. Ничего... такого... — Оливер неопределенно повел рукой и поморщился. — Она сказала, прежде чем возобновлять наши отношения, ей нужно было поставить точку в других. А я сказал, что точку нужно было ставить до того, как назначать мне свидание. Неприятно чувствовать себя запасным вариантом. Или даже основным при наличии запасных. Я высказал ей это, и мы снова поссорились. А помириться уже не получилось. И не знаю, получится ли. Потому и хочу, чтобы вы записали это на случай, если я начну забывать и Камиллу.

Я отвернулась. Боялась увидеть в его глазах хотя бы тень тех чувств, что он должен был испытывать ко мне.

— Нужно было рассказать инспектору, — проговорил он. — Возможно, человек, с которым Камилла встречалась накануне, имеет

отношение к ее исчезновению. Но я хотел найти его сам. Не подумайте... А впрочем, думайте. Я же малефик. Но в первую очередь я хотел разобраться, причастен ли он к случившемуся. Если нет, то нет и смысла сообщать полиции. Понимаете?

Я понимала. Он защищал не мужчину, с которым Камилла провела последнюю ночь. Он защищал ее. Ее доброе имя. Даже зная, что это имя скоро, быть может, забудется навсегда.

— Я не смог ничего узнать. Понятия не имею, кто он. Камилла сказала, что между ними не было ничего серьезного, просто «милый мальчик»...

Грина, о котором я подумала, вспомнив надпись на книге, милым мальчиком не назвала бы и леди Райс в приступе сентиментальности. А значит, был еще кто-то. Кто-то, кого стоило найти...

Однако обсуждать это сейчас было выше моих сил.

Я прошла к рабочему столу ректора и записала услышанный только что рассказ, чтобы потом не пришлось возвращаться к этому разговору. Когда высохли чернила, протянула листок Оливеру.

— Вы, наверное, ненавидите меня? — выдавила хрипло.

— Что за глупости? — в голосе человека, которому я сломала жизнь дважды, сперва написав ее такой, замкнутой и одинокой, а затем беспардонно в нее вмешавшись, слышалась улыбка. — Честно сказать, я уже даже не сержусь за тот детский поступок. А в том, что случилось после, вашей вины нет.

— Вы... — Я закусила губу, чувствуя, что вот-вот расплачусь.

— Элизабет, нам есть чем заняться помимо пустых сожалений. Но уже не сегодня. Вы наверняка устали и хотите отдохнуть.

Я закивала, стиснув зубы. Только провожать меня не нужно, милорд. Меня ведь охраняют? Пройдусь.

ГЛАВА 27

Отдохнуть мне, как ни странно, удалось. Подруги ушли на музыкальный вечер, организованный новыми приятелями Сибил из театра, и ничто не помешало мне лечь в постель и тут же отключиться после трудного дня. Утром, запретив себе вспоминать и сожалеть, я сходила в столовую и после плотного завтрака отправилась в лечебницу с твердым намерением зазубрить к завтрашнему экзамену оставшиеся билеты.

Но, как известно, человек предполагает, а бог располагает.

Сегодня в роли бога выступил не мальчишка в черной футболке, а солидный господин в кофейной сюртучной тройке, в котором сложно было узнать одетого обычно небрежно и неброско Грина.

— Мисс Аштон, — окликнул он меня, когда я проходила мимо открытой двери его кабинета. — Зайдите.

— Доброе утро, — поздоровалась я, перешагнув порог.

— Доброе, — согласился заведующий. Обернулся к притихшей у книжного шкафа Белинде. — Мисс Лемон, оставьте нас, пожалуйста.

Рыжая послушно засемила к выходу, но взглядом меня одарила далеко не дружеским. И дверь закрыть забыла — это сделал Грин, не вставая с места.

— Не бойтесь, — сказал он, видя, что я не рискую к нему подойти. — Еще два шага вам не навредят. Выглядите значительно лучше, чем вчера.

— Вы тоже, — заметила я. Он не только приоделся и побрился, но и волосы аккуратно зачесал назад, воспользовавшись для укрощения строптивой шевелюры воском, и наодеколонился чем-то приятно-цитрусовым. — Особый день?

— Да. Собираюсь сделать предложение одной милой девушке.

— О!

— Вам. У меня нет неотложных дел, и я предлагаю прямо сейчас отправиться в посольство. Лорд Эрентвилль любезно разрешил мне воспользоваться его библиотекой. Вернее, позволил прочесть несколько книг о единорогах, не вынося их. Книги. Единорогов, впрочем, тоже выносить не допускается. Поэтому мы пойдем туда, будем изучать труды эльфийских мудрецов и по возможности использовать их знания на практике. Затем пообедаем в компании посла и его очаровательной дочери.

— Вас пригласили на обед в посольстве?

По крайней мере, объяснился непривычный вид Грина.

— Нас пригласили, — поправил он. — Было неловко признаваться, что вы моя штатная мышь. Пришлось назвать вас своей ученицей. А у эльфов особое отношение к этому. Учитель и ученик для них — практически отец и сын. Или дочь, как в нашем случае. Так что предполагается такая себе семейная встреча: лорд Эрентвилль, я и наши юные дочурки.

— Заманчиво, но у меня завтра экзамен...

— Анатомия? — доктор разложил перед собой несколько листов и ткнул в один из них: — Анатомия. Вы ее сдали вчера.

— Как? — вырвалось у меня.

— Хорошо, — без намека на издевку ответил Грин. — Чуть-чуть не дотянули до высшего балла. А по психиатрии — отлично. Не зря, значит, интересовались тиморисами.

Если после того, как он заявил, что я сдала анатомию, подумалось, что реальность опять изменилась и новая ее версия включила в себя экзамен, то упоминание психиатрии избавило от этих тревог. И породило другие.

— Как это понимать? — осведомилась я сердито.

— Так и понимайте, — пожал плечами целитель. — Я сэкономил вам время, а теперь по праву забираю это время себе. Честно?

— Нет!

— Нет? — смешинки как плясали в серых глазах, так и продолжили безудержный хоровод. — Что именно не устраивает девушку, в день нашего знакомства подменившую образцы для анализа?

— Тот случай был исключительным для меня. А вы...

— Для меня это тоже исключительный случай. Химия — отлично.

— Мистер Грин!

— Да, мисс Аштон?

— Как вы можете предлагать такое?

— Легко, — он сложил листочки в стопку и пододвинул ко мне. — Паразитологию сдадите самостоятельно. Профессор Эррори не доверяет мне в том, что касается аскарид и бычьих цепней. Вам будет о чем поговорить. После у вас останутся еще два экзамена и два зачета по специальным предметам курса и общие дисциплины, ими я не интересовался.

— Но так нельзя!

— Можно. Я вам сразу предлагал. Вы выбрали билеты. Выучили?

— Да. Но это...

— Нечестно? — усмехнулся он. — Давайте начистоту, Бет. Да, это нечестно, и обычно ни я, ни леди Пенелопа, ни преподаватели, поставившие подпись в ваших экзаменационных листах, так не делаем. Я

вообще не имею отношения к учебному процессу и крайне редко ходатайствую за студентов. Но вы особый случай. Во-первых, я отдаю себе отчет в том, что отбираю у вас время, которое вы тратили бы на учебу, и считаю себя обязанным это компенсировать. Во-вторых, я доверяю мнению леди Райс, а она не сомневается в ваших знаниях. В-третьих, я оказываю услугу преподавателям, которым пришлось бы перекраивать графики, чтобы принять экзамены у девицы, в середине семестра решившей сменить специальность. Думаете, они жаждут с вами возиться? И в-четвертых: это лишь третий курс, Бет. У вас впереди четыре года обучения. Если вы не заслуживаете выставленных вам авансом оценок и не годитесь в целители, вы успеете не раз это доказать и себе, и окружающим. Поэтому, если нет иных аргументов для отказа, зайдите к леди Пенелопе и пожелайте ей доброго утра. Об остальном я ее уже предупредил.

— Я... одета не лучшим образом для визита в посольство. Тем более для обеда в таком обществе...

— Поверьте моему скромному мнению, мисс Аштон, вы украсите собой любое общество. Независимо от того, во что будете одеты.

Леди Каролайн встретила нас у калитки и проводила в дом. Особняк, величественный и роскошный снаружи, внутри казался нежилым и даже заброшенным. Нет, тут не было пыли и паутины, в высокие окна беспрепятственно проникал солнечный свет, но в целом обстановка соответствовала скорее жилищу аскета, а не официальному представительству соседнего государства. Более чем скромный интерьер; ни картин, ни статуй, ни живых растений, коими, по слухам, любят украшать свои дома эльфы. В огромном пустынном холле, где гулкое эхо повторяло каждый шаг и произнесенное слово, молчаливый эльф в простом черном платье забрал наши пальто, после чего мы вслед за дочерью лорда Эрентвилля поднялись на второй этаж. Тут было все то же: обшитые светлым деревом стены, до блеска натертый паркет и неестественная скудность обстановки.

Меня это угнетало. Хотя, возможно, не последнюю роль играло присутствие Грина, который не замечал ничего странного и беседовал с леди Каролайн, если можно назвать беседой непрерывный обмен комплиментами, начавшийся еще у калитки. Я чувствовала себя лишней в их компании, но, когда мы вошли в отданный под библиотеку зал, который уж точно нельзя было упрекнуть в аскетизме — столько богатства разместилось на растянувшихся от пола до потолка стеллажах, — оказалось, что мы с дочерью посла обе лишние.

— Леди Каролайн, — не гася сверкающей улыбки, проговорил Грин, — не хотел бы обременять вас, но все же попрошу об услуге. Элизабет мечтает увидеть вашу оранжерею. Все утро только об этом и говорила...

Я?!

Быстро брошенного на меня взгляда доктора хватило, чтобы я осознала, что именно этого я и желаю. Искренне и всей душой.

Оранжерея не заставила пожалеть об этом желании. Если имелось в посольстве по-настоящему живое место, то это было оно. Строение со стеклянными стенами и прозрачным куполообразным потолком, соединенное с основным зданием длинным переходом, вмещало в себя несколько участков-зон, в каждой из которых, не иначе как с помощью эльфийских чар, поддерживался свой собственный климат и росли растения из различных уголков мира. Была тут пустыня с кактусами, влажные тропические джунгли, кусочек хвойного леса и огромное множество цветов, от скромных колокольчиков до прихотливых орхидей. Мы не меньше часа бродили от участка к участку, а я не увидела и половины представленной здесь флоры.

— Срезать для вас цветок, Элизабет? — предложила леди Каролайн. — Я же могу называть вас Элизабет? А вы зовите меня Карой. Так ко мне обращаются друзья. К слову, у нас с вами есть общие друзья.

— Да, есть...

— Взгляните, — не слушая меня, она указала на смутно знакомое мне растение с голубыми цветами-звездами. — Бродия. Подходит к вашим глазам и будет неплохо смотреться на платье.

Как я и говорила Грину, платье на мне сегодня было не для визитов — серое, закрытое, с воротником-стойкой и широкими рукавами. Но качество ткани и идеальный крой не позволяли назвать наряд излишне скромным, а когда леди Каролайн пришила булавкой мне на грудь три голубые звездочки, платье автоматически перешло в разряд выходных.

— Теперь прическа, — улыбнулась полуэльфийка. — Позволите?

Поддерживающие тутой узел на затылке шпильки выскользнули сами по себе и повисли в воздухе рядом с моей головой, волосы на миг упали на плечи, а после принялись сплетаться по-новому.

— Простите, стоило предупредить, — извинилась моя сопровождающая.

Она ничего не делала, только таращилась своими синими глазищами, а волосы шевелились у меня на голове до тех пор, пока шпильки не воткнулись в них, приколов к новой прическе несколько цветков.

— Эльфийская магия? — спросила я, потрогав голову.

— Человеческая, — леди Каролайн, которую у меня и в мыслях не получалось назвать Карой, поморщилась: видимо, я протопталась по больной мозоли. — Я телекинетик, как и ваш учитель. А по специальности — артефактор, учусь на пятом курсе.

— В нашей академии?

Ничего глупее я спросить не могла, и она рассмеялась.

— В нашей, да, — она поймала подлетевшую к ней ярко-красную, как и ее платье, розу и воткнула ее себе в волосы. — Желаете продолжить осмотр оранжереи?

— Да, тут...

— Скучно. Доктор мог бы отослать нас в другое место. Но, думаю, он не станет возражать, если мы сами решим, чем заняться.

Мое смущение лишь рассмешило ее снова.

— Вы же понятия не имели, что у нас есть оранжерея, до того как доктор о ней заговорил, — угадала она безошибочно. — А он и не скрывал желания остаться в одиночестве, но, видимо, счел неудобным попросить об этом прямо. Так что вам показать? Портретную галерею? Музыкальную комнату? У нас есть автоматон-пианистка — весьма любопытное устройство.

— А можно взглянуть на вашу оружейную? Говорят, у вашего отца богатая коллекция старинного оружия.

— В другой раз. — От ее улыбки повеяло холодом. — Пойдемте в музыкальную комнату, а после навестим доктора. С моей стороны невежливо надолго оставлять гостя, даже если он сам не против.

А с моей стороны невежливо было вспомнить об оружейной. У леди Каролайн были причины избегать места, где едва не погиб ее отец.

В музыкальной комнате — еще одном «живом уголке», радующем глаз домашним уютом, долгожданными картинами на стенах, старыми продавленными креслами под цветастыми накидками и статуэтками разномастных кошек на каминной полке, — она первым делом подвела меня к стоящему в углу стеклянному ящику с куклой-автоматомом. Покрутила ручку, и маленькая пианистка подняла фарфоровое личико, поставила хрупкие ручки на клавиши уменьшенной копии фортепиано и со старательностью дебютантки исполнила короткую грустную пьесу, после чего поклонилась слушателям и застыла с опущенной головой.

— Я хотела бы кое-что узнать о вашем учителе, Элизабет, — сказала леди Каролайн. — Надеюсь, вы не сочтете мой вопрос нескромным. Мне известно, что он не женат, но, возможно, у него есть подруга? Невеста?

Любовница?

Да, вопрос можно было бы счесть нескромным, но сухой деловитый тон сводил на нет пикантность темы.

— Не знаю, — ответила я честно.

— Значит, нет, — рассудила хозяйка. — Хорошо. Хоть и странно. Такой интересный мужчина... Вам так не кажется?

— Э...

— Нет, — ответила она сама себе. — Хорошо.

Я не успела поинтересоваться, что же такого хорошего она во всем этом находит, как полуэльфийка вновь сменила тему:

— Уже весна. Пока лишь по календарю, но со следующей недели, если верить прогнозам, она окончательно утвердится в правах, и отец организует традиционные празднества. Вы же никогда не поднимались на «Крылатом»? А хотели бы?

— Конечно! — выпалила я еще до того, как в памяти Элизабет всплыло изображение парящего над академией корабля под голубыми как небо парусами.

— Хорошо, — с непроницаемым лицом изрекла в очередной раз леди Каролайн. — Идемте, узнаем, не утомило ли доктора чтение.

На утомленного Грин не походил. Но и на встретившего меня в лечебнице джентльмена тоже. Сюртук он снял. Галстук развязал, и тот болтался на шее мятым лоскутом. Волосы разлохматились — видать, не раз доктор в задумчивости запускал в них пальцы.

— Вы без нас не скучали? — спросила леди Каролайн.

С учетом того, что он не замечал нашего возвращения до тех пор, пока она не подала голос, вопрос можно было счесть насмешкой.

— О, я... — Грин вскочил из-за стола и принялся спешно приводить в порядок костюм. — Простите, увлекся...

— Читаете на старом эленари? — восхитилась полуэльфийка, обратив внимание на открытый перед ним фолиант. — И на альсе?

— Немного.

— Позвольте, я помогу, — она указала на галстук, из которого Грин пытался свить себе петлю.

Широкая шелковая лента разгладилась под ее взглядом и сама собой завязалась на аккуратный узел. Жаль, я не владела телекинезом. Какой, оказывается, замечательный способ ненавязчивого флирта.

— Как вам понравилась оранжерея, Элизабет? — вспомнил обо мне Грин. — Смотрю, вы... просто цветете...

— Это весна, — улыбнулась полуэльфийка.

Угу, по весне я всегда покрываюсь цветочками. К лету ждите ягодок.

— Простите, леди Каролайн, — извинился за мою недовольную физиономию доктор. — Вы же понимаете, что Бет приходит сюда не ради цветов. А я засел в библиотеке, вместо того чтобы отвести ее к единорогу. Вот она и дуется.

Замечательно устроился! Сначала я хотела в оранжерею. Теперь захотела к единорогу. Что еще он попросит «для Бет»?

Но к единорогу я и правда хотела.

Когда мы миновали угрюмый холл и вышли из особняка, наконец-то вздохнула с облегчением.

В домике единорога стало совсем хорошо. Грин устроился на ящике с зерном, а я вышла вперед и зажмурилась в предвкушении момента, когда мое чудо приблизится и склонит голову, позволяя себя обнять.

— Что вас расстроило, Бет? — спросил целитель. — Только не обманывайте, вы явно не в настроении.

— Не знаю. Посольство. Странное место. И леди Каролайн — не пойму, как себя с нею вести. Иногда она очень мила, а иногда настоящая эльфийка.

— Вас еще ждет обед с ее отцом.

Прозвучало угрожающе, так что единорог подошел вовремя. Но не ткнулся привычно мордой мне в лоб, а потянулся губами к моей груди.

— Эй, ты что творишь?!

— Его заинтересовали цветы, — сказал со своего места Грин. — Не мешайте, пусть поню... а, ладно, пусть ест!

Собрав цветочки с платья, единорог обнаружил, что продолжение банкета прячется у меня в волосах, но, когда я хотела вытащить цветы, чтобы бросить ему и избавиться от посягательств на прическу, фыркнул мне в лицо.

— Не шевелитесь, — велел доктор. — А то он решит, что вы жадничаете. Позвольте ему самому... Ваши отношения перешли на новый уровень. Стали ближе, замечаете?

Как не заметить, когда тебе жуют волосы?!

— Вы ему нравитесь! — радостно прокомментировал Грин следующую выходку единорога, а именно то, что магическое создание в благодарность за дополнение к ежедневному рациону облизало мне лицо.

Кошмар.

— Идите сюда, — негромко позвал доктор, когда единорог, не наевшийся цветочками, отошел, чтобы продолжить трапезу сеном.

— Только попробуйте засмеяться! — прошипела я сердито.

— И не думал. Не дергайтесь, а то ваш друг решит, что я хочу причинить вам вред. А я хочу лишь... — он вынул из кармана платок и, пока я неподвижно стояла перед ним, сбитая с толку внезапным проявлением заботы, отер мне лицо. — Вот так, — сложил платок и аккуратно убрал в карман. — У нас есть первый образец.

— Вы...

— Изучаю эноре кэллапия. Мы ведь за этим... О! Не шевелитесь!

— Что там? — испугалась я, когда он потянулся к моим волосам.

— Лепесточек! — Грин показал выловленный из испорченной прически голубой лепесток. — Вкусный-вкусный лепесточек.

Единорог заинтересованно обернулся.

— Хочешь? — спросил его доктор.

Он протянул руку, и на миг показалось, что диво дивное, круша стереотипы, ринется за вожделенным лакомством, — таким заинтересованным стал его взгляд. Но чуда не произошло.

— Не хочешь — как хочешь, — доктор сунул лепесток в рот и, чавкая от притворного удовольствия, сжевал.

— Развлекаетесь? — спросила я угрюмо.

— Работаю. И не нойте — радуйтесь. Слюна единорога — не кровь, но тоже целебная субстанция. Избавляет от прыщей и морщин.

— У меня и до этого прыщей не было!

— А морщины уже появляются, — заметил с ехидцей Грин. — Оттого что постоянно хмуритесь. Вот, возьмите, — он вынул из другого кармана чистый платок и расческу и протянул мне. — Зеркала нет, извините.

— У меня есть, — буркнула я.

Достала маленькое зеркальце и с опаской взглянула на свое отражение. Оказалось, все не так страшно: нужно только поправить прическу.

— Давайте помогу, — доктор вызвался подержать зеркало. — И не смотрите с такой злостью, будто это я вас облизал. Мы работаем с уникальным разумным существом, но разум у него нечеловеческий, надо быть ко всему готовыми. А о слюне я сказал правду.

— Угу. Уже чувствую, как хорошею.

— Зря не верите, — Грин пожал плечами, и зеркальце сдвинулось. Пришлось дернуть доктора за рукав, чтобы настроить нормальный обзор. — Я выбрал из книг несколько рецептов. Можно попробовать изготовить какой-нибудь омолаживающий крем. Для настоящего лекарства все равно нужна кровь или рог.

Он с сожалением вздохнул, и мне стало стыдно. Подумаешь, облизал

волшебный конь. Тут человек лекарство от всех болезней хочет получить, а может — только крем от морщин. Вот что обидно.

— Кроме рецептов ничего не нашли? — поинтересовалась я.

— История, мифы. Думаю, лорд Эрентвилль позволит мне продолжить чтение. Возможно, что-нибудь еще отыщется.

— А зачем вы выставили из библиотеки леди Каролайн?

— Я ее не выставлял, — он снова передернул плечами, но я уже подколола волосы, и зеркало можно было убрать. — Я отправил погулять вас, Бет. Вы не высидели бы рядом со мной и получаса... О! Обратите внимание, как ваш друг на нас смотрит, — Грин сменил тему, одновременно понизив голос. — Он сердится. Вы ведь пришли к нему, а говорите со мной — с человеком, отобравшим у него последний лепесток. Не будем его злить. Идите. Пожалейте его и пообещайте принести много вкусных цветов.

Просить себя я не заставила. Когда я подошла, единорог развернулся и стал так, чтобы закрыть меня от Грина.

— Ревнивец какой, — укорила я его, запуская пальцы в шелковистую гриву. — Значит, я правда нравлюсь тебе? Только не облизывай меня больше... Нравлюсь? Говорят, единороги дружат только с хорошими людьми...

Хотелось верить, что я, несмотря на все совершенные и в старой, и в новой жизни ошибки, — все-таки хороший человек. И, слыша над ухом ласковое сопение, я в это верила.

Ради этого и стремилась сюда. Ради воспоминаний без боли, радости без причин и ничем не подкрепленной, но непоколебимой уверенности, что все будет хорошо, можно было часами обнимать гибкую шею, тереться носом о гладкую шерсть в том месте, где пульсировала под кожей жилка, гладить гриву, плести и тут же распускать косички...

А какой смысл Грину наблюдать за всем этим?

Единорог недовольно тряхнул головой и укоризненно заржал: видно, еще сердился на доктора и возмутился, что тот появился в моих мыслях.

«Не обижайся, — я почесала дивное создание за ухом. — Ты все равно нравишься мне больше. Но доктор тоже хороший. И обычно не ест цветочки. А то, что я с ним говорила... Мы только у тебя и можем поговорить. У меня неприятие целительской магии, а он всегда... Из-за миссис Кингслей. Ты же знаешь миссис Кингслей? Можешь ей помочь?»

Он тряхнул головой. Нет.

— О чем вы говорите? — спросил Грин. — Вы ведь говорите с ним?

— Да. Так... о своем, о девичьем, — соврала я, не решаясь признаться

доктору, что даже волшебный эноре кэллапа не сумеет вернуть потерявшуюся на переломе реальностей душу его пациентки.

— О девичьем? Он же самец.

— Зато я девушка.

Единорог фыркнул, но согласился, что не стоит лишать человека надежды. Позволил обнять себя и умиротворяюще задышал мне в затылок.

— Вы и правда ему нравитесь, — сказал Грин.

— Я не ем его лепесточки.

— Это был не его лепесточек. Скорее, ваш. К слову, довольно приятный на вкус... Можно вопрос? Не о единороге?

— Спрашивайте.

— Наше с вами знакомство началось неудачно. Хочу понять, что вынудило вас тогда пойти на обман. Сейчас вы не производите впечатления заядлой мошенницы.

— Я испугалась, — призналась я. — Милорд Райхон пригрозил мне отчислением. Вы с ходу спросили, не с прорицательского ли я. А я накануне провела вечер как раз с прорицательницами и не была уверена, что они не добавляли ничего запрещенного в напитки.

— А они добавляли?

— Нет, я узнала после. Можно и я полюбопытствую? Вы всех студенток проверяете на предмет беременности?

— Нет. Я заметил, что с вами что-то не так, но по предписанию ректора решил, что это последствия выпивки. А когда алкоголя в крови не обнаружилось, захотелось разобраться, в чем же дело. Провел все возможные тесты... Но кровь-то была не ваша. А отклонения, видимо, были связаны с вашими проблемами с магией.

— Может быть, — согласилась я.

— Не может.

Я вздрогнула от того, как изменился его голос.

— Не может, Бет. Способности, с ваших слов, вы утратили во время происшествия на полигоне. Это было на следующий день после того, как вы сдали кровь. Поэтому мне до сих пор интересно, что же я упустил тогда.

— Ничего вы не упустили, доктор. Просто... то была не моя кровь. А в моей вы обнаружили бы алкоголь.

В конце концов, я всех в этом мире обманываю.

Затем был обед.

Огромная комната с высоким потолком, с которого угрожающе свисали бронзовые люстры, украшенные тяжелыми бутонами кованых роз.

Длинный-предлинный стол, накрытый белоснежной скатертью. На одном конце стола мы с Грином, на другом, так далеко, что и лиц не рассмотреть, — лорд Эрентвилль с дочерью.

Я думала, посол достаточно прожил среди людей, чтобы понимать истинный смысл званых обедов, но нет: нас вкусно и сытно накормили и на этом сочли хозяйский долг исполненным. Не удивилась бы, если бы эльф, закончив трапезу, тут же удалился, но он все же подошел к Грину по окончании обеда, неторопливо и степенно, спрятав, как в муфту, руки в широкие рукава темно-зеленого платья. Нереально прекрасный и непоправимо чужой нам, как и все эльфы. Белые волосы заплетены в сложную косу, непроницаемое лицо, неподвижный рисунок шрамов. Если я правильно поняла, этот рисунок был у эльфов чем-то вроде индикатора эмоций. Лорд Эрентвилль никаких эмоций не выказывал.

— Счастлив был принимать в своем доме вас, доктор, и вашу ученицу, — проговорил он ровно с едва уловимым акцентом. — И надеюсь вскоре увидеть вас снова. Скоро поднимется в небо «Крылатый» и мы по традиции приглашаем в полет друзей из академии, — эльф вынул из рукава две золоченые карточки и протянул доктору. — Для вас и леди Элизабет.

— Благодарю. Для нас это большая честь...

— Это не честь для вас, — перебил Грина посол. — Ежегодно мы приглашаем более сотни человек. Многих из них даже не знаем лично. Это для нас честь — пригласить тех, кого действительно хотели бы видеть.

Должно быть, этой речью он превысил лимит отложенных для нас слов, и на прощание их уже не осталось. Эльф развернулся к нам спиной и вышел из столовой.

Леди Каролайн пыталась сгладить произведенное родителем впечатление. Повторила приглашение, поблагодарила за визит. Я ее не слушала. Обед не затянулся, но Грин сидел слишком близко, и благотворный эффект от посещения единорога уже прошел. Доктор понял, что надолго меня не хватит, и поспешил откланяться. Вывел меня за ограду и провел через портал к общежитию.

— Держите, — сунул мне в руку полученные от посла пригласительные и отступил подальше. — Скажете, что я отдал вам их в последний момент, так как появились дела в лечебнице. Они не именные, возьмете с собой подругу.

— Но... Леди Каролайн расстроится...

— Бет, вы же умная девушка, — покачал он головой. — И леди Каролайн тоже. Если она желает продемонстрировать отцу, что ее не устраивает будущее, которое он для нее выбрал, найдет другой способ. Или

другого человека. Я слишком стар для подобных игр.

— Вы вовсе не старый и... — я запнулась и, кажется, покраснела.

— Всего доброго, Бет, — с усмешкой поклонился мне доктор, прежде чем исчезнуть в портале.

А у меня остались пригласительные на летучий корабль.

Пригласительные, подписанные экзаменационные листы — с сыром мне сегодня подфартило. Еще и единорог облизал — то, что нужно перед встречей с Оливером. Только переодеться и причесаться все же не помешает.

ГЛАВА 28

Ни вылизанное дивным созданием лицо, ни аккуратная прическа, ни подобранное под цвет глаз нежно-голубое платье не заставили ректора задержать на мне взгляд. Когда я вошла в кабинет, он лишь на миг поднял голову, сказал «Добрый день» и вновь уткнулся в разложенные на столе бумаги.

Казалось, я здесь не нужна, но милорд Райхон, не отвлекаясь от чтения, махнул рукой на кресло, веля присесть.

— Простите, это срочно. По нашему делу.

Хотелось узнать больше, но отвлекать Оливера вопросами я не стала. Ждала, когда он сам заговорит со мной, а в ожидании любовалась его сосредоточенным лицом, изящным изгибом бровей, смолью волос, сегодня заплетенных в тугую как хлыст косу.

Мужчина-мечта, прекрасная и далекая.

— Я собираю чрезвычайную комиссию, — пояснил он. — Предписание министерства, да и сами мы, как уже понятно, не справимся. Вот, изучаю личные дела кандидатов. Нужно отобрать хотя бы четверых. Трое уже есть, осталось...

— Кто? — выпалила я, не сдержавшись.

Оливер подал мне листок с записанными в столбик именами.

— Леди Райс? — с удивлением прочла я первое.

— Ваша наставница — не простая акушерка. Она член учредительного совета и имеет определенное влияние. Заручиться ее поддержкой нам нелишне. А еще... Два года назад: колесный пароход, взрыв котла, тут, в двух милях вверх по реке — не помните? Муж леди Райс лишился обеих ног. Сын погиб.

— Какое отношение... — начала я и осеклась: сама поняла. Тот, в чьих силах изменить реальность, вряд ли сменил бы ее на ту, где страдают близкие ему люди.

— Я говорил, нельзя ни в ком быть уверенным, — Оливер отвел глаза. — А так хотя бы что-то...

— Профессор Аделаида Милс, — прочла я следующее имя.

Вторая в перечне — и снова моя знакомая.

— Она наш лучший специалист по драконам, — пояснил ректор.

— Должна быть первой подозреваемой, — сказала я, хотя виновность мисс Милс меня огорчила бы. Из-за Саймона.

— Я думал об этом, — согласился с моей логикой Оливер. — Но ее судьбу не назовешь счастливой. В один год потеряла и жениха, и родителей, осталась без денег, без поддержки и, что немаловажно в нашем обществе, с ребенком и без мужа. Сейчас мисс Милс кажется успешной ученой дамой, но я знаком с ней еще со времен своего студенчества и знаю, что жизнь ее устроилась не мгновенно.

Верю. И теперь понимаю, отчего у главного драконоведа академии такой драконий характер.

Далее в списке шел профессор Элиот Брок. Тоже в каком-то роде мой знакомец — никак себя не проявивший претендент на роль главного злодея в недописанной мной книге.

— Бывший декан некромантов? — уточнила я. — Его ведь уволили. Кажется, была какая-то неприятная история.

— Элизабет, — ректор укоризненно покачал головой, — где вы наслушались этих сплетен? Мистер Брок ушел с кафедры из-за проблем со здоровьем. Сейчас работает в исследовательском корпусе... если самочувствие позволяет. В прошлом, помимо некромантии, изучал историю магии, имеет ученую степень в этой области.

— Что с ним? В смысле...

— Опухоль мозга. Заклинания, с которыми работают мастера смерти, часто приводят к негативным последствиям, потому сейчас некромантам рекомендуют проходить обследование раз в полгода. Но Брок — упрямец старой школы. Боли мучали его не один год, а к целителям он обратился лишь прошлой весной. Слишком поздно. Даже Грин не берется оперировать.

Ясно. Профессор Брок вне подозрений. А доктор, выходит, не кривил душой, говоря, что видит предел своих возможностей.

— Вот такая у нас собирается комиссия, — подвел итог Оливер. — Председатель — я. Осталось найти еще одного члена.

— Возьмите Грина, — предложила я. — Он тоже разбирается в истории магии и драконах, как главный целитель знаком практически со всеми в академии, ну и... он вообще умный...

— Это вам единорог нашептал?

Я досадливо цыкнула. Естественно, меня же охраняют, и милорду Райхону известен каждый мой шаг.

— Сама поняла, когда познакомилась с доктором поближе.

— Поближе, — ректор нахмурился. — Вы уже забыли, к чему приводит ваше близкое общение с Грином? Я надеялся, хотя бы он об этом помнит.

— Он помнит. Как и я. Но присутствие единорога нейтрализует негатив. А еще единороги чувствительны к злым намерениям, а наш реагирует на доктора спокойно, почти дружелюбно. Значит, Грин к искажению реальности непричастен. Кстати, я думала, что мы могли бы...

— Вычислить преступника с помощью эноре кэллапия? — разгадал мой замысел Оливер. — Не выйдет, к сожалению. Единороги оценивают зло по-своему. Кухарка, зарезавшая к обеду курицу, для них тоже убийца. Алхимиков, работающих с ядами, и некромантов за редким исключением они терпеть не могут. К магам моей специализации относятся настороженно. Не любят женщин, ведущих слишком свободный образ жизни... Множество факторов влияет на их реакцию. Да и как вы представляете себе проверку? Водить людей в посольство для освидетельствования? Хотя было бы неплохо. Потому что я совершенно не знаю, что делать. Только не говорите никому, хорошо? — он улыбнулся устало. — Сейчас придет инспектор, а позже хочу, не откладывая, собрать комиссию. Что скажете о профессоре Гриффите?

Вопрос прозвучал безо всякого перехода, и я недоуменно нахмурилась в ответ.

— Я не могу последовать вашему совету и пригласить Грина, — разъяснил Оливер. — Доктор не является сотрудником академии, как и лечебница не является ее подразделением. Некоторые целители совмещают преподавание и работу по специальности, но не Грин. Поэтому я остановился на мистере Теодоре Гриффите. Вы с ним знакомы?

— Правовед? — припомнила я смутно. — Он читал у нас несколько лекций. Такой...

Я прикусила язык, чтобы не ляпнуть «уродливый». По воспоминаниям Элси, у профессора Гриффита был жуткий в пол-лица шрам от ожога и стеклянный глаз.

— Несчастный случай три года назад, — сказал ректор, хмурясь так, что брови сошлись у переносицы. — Помогал сыну с заданием по алхимии, но что-то напутал с реактивами. Сын лишился двух пальцев на руке и оглох на одно ухо.

— Не комиссия, а клуб неудачников, — резюмировала я.

— Я в этом клубе председательствую, — напомнил милорд Райхон. — А вы сейчас напишете заявление с просьбой принять вас на должность младшего архивного работника и будете официально приписаны к комиссии как протоколист.

— Официально?

— Устав академии разрешает студентам работать в свободное от учебы

время. Поэтому, да, я официально принимаю вас на работу. С оплатой, естественно. Это поможет избежать лишних вопросов. Если вы не возражаете, конечно.

Я не возражала.

Оливер Райхон — человек слова. Сказал, что соберет комиссию уже сегодня, и через два часа новоиспеченные чекисты, отменив запланированные на вечер дела, сидели за длинным столом в примыкавшем к ректорскому кабинету зале для совещаний. Сам ректор — во главе. По правую руку от него — инспектор Крейг. По левую — штатный протоколист комиссии, то есть я. И именно на меня с порога устремлялись взгляды приглашенных. Важность и секретность мероприятия, о которых их известили, не вязались с присутствием какой-то студентки.

— Мисс Аштон здесь по моей просьбе, — открывая совещание, ответил Оливер на не заданный вслух вопрос. — Позже поймете, чем это продиктовано. А пока позвольте объяснить, зачем я вас пригласил. Ни для кого не секрет, что на прошлой неделе меня вызывали в министерство, и всем вам известно, по какому поводу. В академии бесследно пропадают люди, и есть основания считать это результатом неких темных чар. Поэтому наряду с полицейским расследованием, меня обязали организовать разбирательство случившегося квалифицированными магами из числа членов ученого совета.

— И вы выбрали нас? — не дослушав, воскликнула леди Райс. — Что же это за темные чары, с которыми предстоит разбираться акушерке, теоретику и правоведу? К некромантам, — наставница обернулась к сидевшему слева от нее профессору Броку, — никаких претензий.

— Благодарю, леди Пенелопа, — проскрипел старик, неестественной худобой и лысым, обтянутым болезненно-желтой кожей черепом больше походивший не на мастера смерти, а на одно из его творений, которое зачем-то обрядили в торжественный черный костюм, намотали на шею галстук и украсили костлявые пальцы массивными перстнями. — Однако милорд Райхон осведомлен о том, что я оставил практику. Так что подобное назначение удивило и меня.

— Полагаю, для милорда Райхона создание комиссии — лишь формальность, — фыркнула мисс Милс. — Вот он и собрал самых бесполезных, на его взгляд, чтобы не нарушать учебный процесс.

Бедный Оливер! Каково ему работать с этими динозаврами? Ведь не только Крейг помнит Олли-поджигателя: мамаша Саймона небось дрожала за свои реликтовые мумии, когда он появлялся на ее факультете. Не

возмущался только профессор Гриффит — тоже не старый еще крупный русоволосый мужчина. Сидел, подперев обожженную щеку ладонью, и смотрел на ректора с сочувствием. Даже в стеклянном его глазу светилась неподдельная скорбь.

— Беспольных?! — оскорбилась леди Пенелопа. — Уж простите...

— Вы меня простите, леди Райс, но я все же продолжу, — не повышая голоса, прервал целительницу Оливер. — Я выбрал не беспольных. Я выбрал тех, чей опыт и знания должны помочь разобраться с проблемой. Например, к кому, как не к мисс Милс, обращаться, когда речь идет о наследии драконов?

Наверняка он и присутствию остальных нашел бы объяснение, но не понадобилось: упоминания драконов хватило, чтобы недовольство на лицах собравшихся сменилось тревожным интересом.

— Прежде чем рассказать, что мы уже узнали, — ректор переглянулся с инспектором, — попрошу вас, не обсуждая друг с другом, написать, сколько человек исчезло из академии и, если вам это известно, их имена. Элизабет, раздайте, пожалуйста, бумагу.

Я опасалась, что наставница или скелетоподобный профессор Брок возмутятся, что их вынуждают тратить время на игры вместо того, чтобы сразу раскрыть подробности дела, но никто и слова не сказал, пока я обходила стол и клала перед каждым чистый лист. И когда обошла снова, собирая записи.

Прежде чем отдать их Оливеру, с его молчаливого дозволения просмотрела сама.

«Трое», — написал Гриффит. Из имен — лишь мисс Сол-Дариен.

«Трое», — у мисс Милс. Имя Мартина Кинкина она знала, очевидно, от Саймона. Камиллу просто знала. О третьем исчезнувшем вспомнила лишь то, что он был некромантом.

«Виктор Нильсен, — написал профессор Брок. Он ушел с кафедры не так давно и Виктора мог знать лично. — Студент боевого факультета, мисс Камилла Сол-Дариен». Старик единственный записал пропавших в порядке исчезновения. Остальные, видимо из классовой солидарности, первой называли Камиллу.

«К. Сол-Дариен, В. Нильсен, М. Кинкин», — с деловой сухостью перечислила леди Пенелопа. Виктора она могла знать как пациента Грина. А Мартина? Запомнила имя из-за истории, приведшей меня на факультет целительства?

Так или иначе, все помнили только троих.

— Благодарю, — кивнул мне Оливер. — Теперь раздайте членам

комиссии наши списки.

До совещания он попросил меня переписать в четырех экземплярах выдержки из протоколов. Сейчас внимательно наблюдал за читающими их преподавателями.

— Получается, — леди Райс наморщила лоб, — от нас скрывали информацию?

— Нет, — покачала головой мисс Милс. — Не скрывали. Потому что, если это правда...

Некрасивое лицо ее сделалось просто уродливым. Если это правда, то как она могла не заметить, что пропал один из ее студентов, — наверное, хотелось спросить ей. Но она молчала и продолжала хмуриться, дурнея на глазах с каждой появляющейся морщинкой.

— Если вы хотели нас впечатлить, вам это удалось, — повернулся к ректору череп Брока. — Самое время объяснить, что все это значит.

— Реальность меняется.

Вновь мои ожидания не оправдались: слова Оливера не вызвали недоверия, к ним сразу отнеслись серьезно. Но доказательства все же потребовали.

Ректор начал с рассказа о том, как лично убедился, что прежняя картина бытия замещается новой, когда ездил в столицу, а закончил тем, что сам теперь не вспомнил бы ни Германа, ни Чарли, не будь у него записей.

— Позвольте, — протянул некромант. — Какие записи? Как я помню, если реальность меняется, она меняется целиком и полностью, вместе со всеми свидетельствами, и лишь тот, кто непосредственно причастен к этим изменениям, помнит и старую, и новую действительность.

— А если кто-то помнит лишь старую? — спросила я.

— Тогда, мисс, это аномалия какая-то.

— Мы с инспектором неоднократно все проверили и пришли к выводу, что изменение реальности — единственное объяснение происходящему, — вернул себе внимание собравшихся Оливер. — Что до записей, позволяющих нам отслеживать искажения, то тут мы возвращаемся к вопросу присутствия мисс Аштон.

Все разом обернулись ко мне.

— Аномалия, — буркнула я. — Приятно познакомиться.

Ректор еще рассказывал, что стало причиной моей аномальности, а меня уже проверяли. Слава богу, без боевых заклинаний — просто прощупывали, убеждаясь, что я не могу использовать дар. Так колют иглками отнявшиеся конечности, определяя степень чувствительности. А

чувствительность, в отличие от способностей, у меня была. Даже гиперчувствительность...

— Прекратите! — стукнула по столу леди Райс. — Вам говорят, что у девочки сломаны барьеры эмпатического восприятия, а вы навалились на нее скопом! Милорд, вы-то куда смотрите?

— Я? — Оливер виновато поежился. — Я не могу отслеживать степень воздействия...

— Малефик, — выцедила наставница.

— Да, — отрезал ректор, прежде чем его ладонь сжала мою руку. — Элизабет, как вы себя чувствуете?

— Можно воды? — прошептала я хрипло. Головокружение прошло, но во рту еще было горячо и сухо.

Он наполнил стакан из стоявшего рядом с ним графина и подал мне. Строго оглядел притихшую комиссию, но сказать ничего не успел: когда появлялась возможность вправить кому-нибудь мозги, леди Пенелопа не терпела конкуренции.

— Мисс Аштон — моя студентка, — громко произнесла она, вставая, чтобы глядеть на всех сверху вниз, — честная и ответственная девушка. И если кто-то сомневается в ее словах или думает, что Элизабет причастна к тем бесчинствам, что у нас творятся, я без труда докажу вам, что она заслуживает доверия больше, чем кто-либо из вас.

— Единорог, — сказал Оливер, испортив леди Пенелопе эффектную паузу. Милорд ректор тоже не любил, когда его перебивают. — Мисс Аштон помогает доктору Грину в работе с эноре кэллапиа и свободно контактирует с изучаемым объектом. Вам известно, что это лучший тест на честность. Благодарю, что напомнили, леди Райс. Теперь, надеюсь, мы можем продолжить обсуждение нашей проблемы?

— И не вздумайте применять магию к моей ученице, — пригрозила наставница, все-таки оставив за собой последнее слово.

За обсуждение проблемы взялись без энтузиазма. Об искажениях реальности известно слишком мало, чтобы вот так, посоветовавшись, найти решение.

— Мы даже не знаем, сколько у нас пропавших, — вынужден был признаться Оливер. — Некоторые факты говорят, что исчез как минимум еще один человек. Библиотекарь.

Историю с формулярами он пересказывал, подглядывая в мои записи, и я с ужасом подумала, что, не будь этих заметок, он ее и не вспомнил бы. Хорошо, что тогда я сразу же все записала. Но...

Когда я писала книгу, там и слова не было о пропавших

библиотекарях!

— Элизабет, — ректор поглядел на меня с тревогой, — вам все же нехорошо? Или я что-то неверно запомнил?

— Нет, все правильно, но я вдруг подумала, что, если помню старую версию реальности, должна помнить и исчезнувшего библиотекаря, — проговорила я неуверенно. — А я не помню. Значит, я либо помню не все, либо этот человек не исчез, а... Если он изменил свою судьбу — это ведь не то же, что исчез, да? И я о нем забыла. Или никогда и не знала. Потому что его... не было?

Как же сложно с этими искажениями! Что было? Чего не было? Но библиотекарь подходит. Библиотека подходит. Мы гадали, где могли пересекаться пропавшие, — почему бы не в восьмой секции, где хранятся книги о драконах?

— Сомневаюсь, что библиотекарь организовал бы такое, — леди Райс скептически поморщилась.

— Отчего же? — впервые с начала совещания подал голос Гриффит. — Все наши библиотекари — маги той или иной квалификации. А многие идут на эту работу именно затем, чтобы эту квалификацию повысить. Я сам в бытность аспирантом подрабатывал в книгохранилище. Имел неограниченный доступ к литературе и достаточно времени для ее изучения.

Слова правоведа, с одной стороны, подтверждали мою догадку. С другой — я уже набросала в уме портрет подозреваемого, исходя из сформировавшейся еще в детстве уверенности, что библиотекари рождаются уже тетками «за сорок» или занудными стариками, а нашему ничто не мешало быть молодым аспирантом. Или аспиранткой. Или магистром любого пола и возраста, не сумевшим в свое время устроиться по специальности.

— Мог библиотекарь, мог, — поддержал Брок. — Помню, я еще студентом был, работала в секции некролибрики одна дамочка. Так она без всяких научных степеней, только книжек начитавшись, половину нашего кладбища подняла. Горе у нее приключилось, супруг со студенткой роман закрутил. Вот и разошлась в гнев... библиотечарша... А нас, все старшие курсы с преподавателями, погост упокаивать отправили.

Старый некромант с ностальгической улыбкой провел по лысому черепу растопыренными пальцами, будто хотел взъерошить оставшуюся в прошлом шевелюру, и умолк, ожидая, что скажут другие.

— Думали мы о таком, — Крейг на миг сфокусировал на мне взгляд. — Один мой стажер несколько дней в восьмой секции провел,

выяснял, хранятся ли там книги об интересующих нас ритуалах. Талантливый юноша, на такие дела у него прямо-таки нюх.

Знаю я этого юношу. Судя по тому, как полицейский вновь взглянул на меня, точно знаю. И ведь ни словом не обмолвился, стажер хвостатый!

— Леди Райс, — обратился инспектор к целительнице, — вы помните книги, которые передали четыре года назад в дар библиотеке?

— Конечно. Если вас интересует, у меня есть полный список. Там были редкие издания.

— «Истоки волшебства», например.

— «Истоки волшебства», — кивнула леди Пенелопа. — Едва ли не первые печатные книги по истории магии. Отпечатаны в единственном экземпляре в трех томах.

— В трех, — согласился Крейг. — Если верить библиотечной описи. А если верить Эдриану Кроншайскому, в своих трудах ссылавшемуся на «Истоки», — в четырех.

— Эдриан Кроншайский? — переспросила я в воцарившейся тишине. — Тот самый, что написал «Драконий век»?

— Тот самый, что в позапрошлом столетии преподавал в нашей академии историю мистических существ и попутно проводил изыскания по этой теме, — дополнил милорд Райхон. — Очевидно, он имел доступ к личной библиотеке тогдашнего главы академии, где и ознакомился с четырехтомником, как теперь оказалось. Реальность меняется не сразу, но, если мы ничего не предпримем, в скором времени изменения коснутся и книг Кроншайского, и «Истоки волшебства» навсегда превратятся в трехтомник. Тогда как в четвертом томе, подозреваю, содержатся инструкции по проведению нужного нам ритуала.

— Ненужного нам ритуала, — прогудел Гриффит. — Совсем это нам не нужно. Искажения реальности, одно меняет все... Убивать за такое. Просто брать и убивать.

Произнес он это негромко, размеренно, но у меня мурашки поползли по спине. О чем думал этот человек? Не о том ли, что в прежней реальности, возможно, не произошло несчастного случая, изуродовавшего его и лишившего его сына слуха? Или что-то хорошее, чего он теперь не помнит, навсегда осталось там?

— Да, искажения реальности влекут за собой изменения помимо тех, ради которых был проведен ритуал, — подтвердил ректор. — И лучшее, что можно сделать, — вернуть историю в ее естественное русло.

Другие люди, успешные, счастливые, никогда и ничего не терявшие, могли не согласиться с ним в том, что касалось обратных изменений. Они

боялись бы за свое настоящее, которое, быть может, являлось следствием искаженного прошлого. У тех, кто сидел за столом, таких сомнений не было.

— Первое, чем мы должны озаботиться, — строжайшая секретность, — продолжал Оливер. — Если у злоумышленника есть возможность влиять на скорость изменений, не будем давать ему повод это сделать. Второе: сбор информации. Все, что нам известно о магии драконов... Мисс Милс, этот вопрос должны курировать вы. Профессор Брок вам поможет. Мистера Гриффита я хотел бы попросить...

— Да? — правовед поднял голову.

— Для записей мисс Аштон нужен носитель с долгосрочной защитой. Вам ведь известна технология оформления законодательных документов? Что-то, что невозможно испортить или подделать.

— Пергамент из человеческой кожи подошел бы, — без намека на шутку произнес Гриффит, коснувшись обожженного лица. — Но можно оформить в виде «золотой грамоты». Раньше так скреплялись вассальные клятвы. Пергамент обычный... обработать специальным раствором. Писать кровью...

— Чьей? — спросил Оливер.

— В идеале — самого писца. — Гриффит смерил меня оценивающим взглядом. — Но мисс Аштон быстро испишется. Поэтому моей, вашей — любого, кому не жаль отдать полпинты для общего блага. Ритуал, последствия которого мы хотим обратить, тоже проводился на крови. Возможно, у нас получится создать противовес и замедлить изменения. Листы пергамента сшить в книгу — и под замок. Мисс Аштон лучше тоже под замок...

— Я не хочу под замок! — выкрикнула я испуганно.

— Не будем излишне усердствовать с осторожностью, — едва заметно улыбнулся мне ректор.

— Как знаете, — обронил правовед. Прикрыл здоровый глаз ладонью, а стеклянным продолжал тарашиться на нас. — На изготовление такой книги понадобится время. Неделя-две... Потом еще писать... Найти бы мерзавца — быстрее было бы.

— Убить? — уточнил Брок. — Обычно незавершенное заклинание разрушается, если устранить создавшего его мага.

— Книга, — прошептала я одними губами, перехватив взгляд Оливера. Ректор кивнул.

— Наказание преступнику определит суд, — произнес он. — А нейтрализовать последствия ритуала, как мы полагаем, можно, уничтожив

книгу, в которой записана новая судьба его инициатора. Не исключено, что это уничтожит и его самого, и суд не понадобится.

Кровожадность последней фразы вызвала удовлетворенную улыбку у Гриффита и заставила нервно поежиться мисс Милс.

— Думаете, человек, устроивший это, еще в академии? — спросила она.

— Уверен.

Слова свои Оливер ничем не подтвердил, но никто этого и не требовал. То ли доверяли его чутью, то ли сами хотели верить, что преступник далеко не ушел.

— Проводить вас? — спросил ректор, когда с разговорами закончили, и члены комиссии один за другим покинули зал.

Я, как и накануне, отказалась.

В холле меня поджидала мисс Милс.

— Мисс Аштон, хотела сказать вам... отлично...

Я непонимающе мотнула головой.

— По моему предмету — отлично, — разъяснила драконша. — Можете не тратить время на оформление доклада. У вас, как я понимаю, хватает забот. И понимаю теперь, чем вызван ваш интерес к этой теме.

Она пошла к выходу, а ко мне уже спешила леди Райс.

— Простите, леди Пенелопа, — потупилась я. — Я не могла вам рассказать.

— И не должны были, — отмахнулась она. — Мне так жаль, что это случилось именно с вами... Доктор Грин в курсе?

— Нет.

— Вот и хорошо. Мы и сами справимся, да?

Согласившись с тем, что не стоит отвлекать от прямых обязанностей ее нежно опекаемого заведующего, я наконец-то смогла зайти в гардероб за пальто. Оделась и вышла на крыльцо, над которым, разгоняя вечернюю мглу, горел фонарь...

— Мисс Аштон.

...выругалась мысленно и мило улыбнулась караулившему меня на ступеньках Броку.

— У меня к вам предложение, — заявил он с ходу. — Вы не могли бы презентовать мне немного своей крови? Для работы. Я сейчас почти не практикую, но кровь девственницы, проверенной и, так сказать, одобренной эноре кэллапия и обладающей аномальными способностями... м-м-м...

— Я подумаю, — пообещала я, лишь бы от него отвязаться.

Сбежала с крыльца и нырнула в темную аллею, надеясь, что там меня не подстерегает Гриффит с интересными предложениями. Например, для пущей верности, снять-таки с кого-нибудь кожу. Но правовед, если и решил озаботиться этим вопросом, то без меня, и, пробежавшись немного, я остановилась, перевела дух и пошла дальше неспешным шагом...

— Элизабет.

Да они издеваются!

— Это я, — возникший из темноты Оливер выставил вперед ладонь, ошибочно подумав, что я замахнулась на него, потому что не узнала. — Решил все же проводить вас. Не порталом, так.

Ну, если так... Я оперлась на предложенную мне руку и мечтательно — хоть на мечты почти не осталось сил — прикрыла глаза: возможно, прогулка окажется лучше, чем я рассчитывала.

— Я хотел сказать вам...

Деловой тон разбил мечты в прах.

— Милорд, если это не требует немедленного решения, давайте отложим разговор.

И будем считать, что прогулка удалась.

ГЛАВА 29

Я стояла посреди зеленого луга. Над головой — глубокое чистое небо, солнце в зените. Впереди, далеко-далеко, начинается синий лес. Слева и справа тянутся до самого горизонта поля. Сзади...

Обернулась, и на сердце потеплело, когда увидела, кто идет ко мне по волнующемуся на ветру морю трав.

Здравствуй, чудо чудное. Здравствуй, мой хороший.

Наверное, так выглядели мои мечты: лето, солнце, белоснежная грива единорога под пальцами и никаких проблем...

Но мечты потому и зовутся мечтами, что они — не явь. Шаг, и под рукой вместо гладкой шерсти — холодная стена. Вместо летнего солнца — темнота терминала. Но и это ненадолго. Пол исчез из-под ног, а воздух стал густым и плотным, чтобы удержать меня какое-то время, а затем уронить в колючий серый песок. Снова.

И чего меня вечно тянет на промежуточный уровень?

— Промежуточный уровень — не синоним унылой пустоты, — передернул плечами Мэйтин. — Тот луг, лес, солнце — тоже промежуточный уровень. Но ты не удержалась на нем, ты не веришь.

— Во что?

Бог-мальчишка покачал головой:

— Не могу сказать. Потому что тогда ты будешь знать. А я уже объяснял: знание и вера — разные вещи.

— Значит, будем сидеть на песочке и молчать?

— Зачем? Наверняка у тебя много вопросов.

Вопросов хватало, но что-то подсказывало, что он и на половину не ответит.

— Не спросишь — не узнаешь, — подбодрил меня Мэйтин.

— Ладно, попробую. Начнем с простого. У меня две подруги и всего один лишний приглашенный на летучий корабль. Кого из них мне пригласить, и как сделать так, чтобы вторая не обиделась?

— Да у тебя сплошь проблемы, как я погляжу, — ухмыльнулся бог. — Но эту я помогу тебе решить. Пригласи обеих.

— Шикарное решение. Отдать оба билета? Я вообще-то тоже хотела полетать на «Крылатом».

— Полетаешь, — отозвался Мэйтин беспечно. — Помнишь, в прошлом году вы с Мэг поднимались на гоблинскую башню?

— С Сибил, Мэг не поднималась, — поправила я. — У нее голова разболелась.

— У нее всегда болит голова в таких ситуациях, — кивнул бог. — Она даже в ваше окно со второго этажа старается не выглядывать, а на лестницах крепко держится за перила.

— У Мэг боязнь высоты?

— Точно. Так что смело приглашай обеих. Даже ради полета на «Крылатом» Мэг себя не пересилит: там нужна длительная терапия.

Выходит, у подружки серьезные проблемы, а я этого даже не замечала.

— Ты многого не замечаешь, — упрекнул Мэйтин. — Нельзя так. Любая мелочь может оказаться ключом. У каждой странности должно быть объяснение. Учись видеть. И, меня ради, доводи начатое до конца!

Он набрал в горсть песка, сдвинул в ладони и резко разжал пальцы. В воздух поднялся десяток разноцветных бабочек... И осыпался серой пылью.

— Вот и с тобой так, — поморщился Мэйтин.

— А можно прямо сказать, кто виноват и как все исправить?

— Как исправить — я говорил. Найди книгу. С виноватым сложнее. Человек, в стертой реальности прошедший ритуал, в этой не делал ничего подобного. Понимаешь?

— Нет, — я замотала головой. — Как реальность могла измениться, если ритуала не было? Это же парадокс. Как с путешествиями во времени. Если я вернусь в прошлое и убью своего отца до собственного рождения, я никогда не появлюсь на свет. А если меня не будет, как я смогу отправиться в прошлое и убить своего отца?

— Это не путешествия во времени, — не согласился Мэйтин. — Переписывая реальность, ты можешь создать такую ее версию, в которой не будет ни твоего отца, ни тебя, и парадоксов это не вызовет. Но пока новая версия не заменила прежнюю, их предостаточно. Я бы сказал, что сейчас время парадоксов. Пользуясь предложенной тобой аналогией, это так, словно твоего отца уже нет, а ты почему-то есть. А вот когда исчезнешь и ты... Знаешь, как говорят: жизнь все расставит по местам? И она расставит. Но даже я не скажу, насколько сильными будут перемены. За каждым исчезнувшим тянется длинная цепочка жизней и судеб. Вот Чарли Лост — он никогда не рождался. Почему? Его родители бесплодны в этой реальности? Или они все же завели ребенка? Того ребенка, которого не было бы, родился у них Чарли. И у этого ребенка со временем тоже появятся дети, которых не предполагала старая версия реальности. А если Чарли не родился потому, что его родители не встретились? Если новая реальность

свела их с другими людьми? Кому предназначалась женщина, в измененном мире ставшая женой мистера Лоста? Кем должен был стать ребенок, которого она никогда уже не родит? Кем станет тот, что родится в браке, которого не было в изначальном плане бытия? Продолжать можно до бесконечности, ведь иногда для изменений хватает одного слова, сказанного или несказанного. А ты мне тут о парадоксах.

Он вздохнул, и мне сделалось не по себе. Одно дело, когда в бессилии признается человек, но когда бог вздыхает так обреченно — это страшно.

— Не верю, что ты и твоё семейство не можете повлиять на ситуацию, — решила я не поддаваться панике.

— Мы можем, — вечно юное божество снова вздохнуло. — Но последствия нашего вмешательства предсказать ещё сложнее.

— Реальность меняется не впервые, — напомнила я ему.

— В прошлые разы ритуал контролировали. Драконы. С их стороны это было... Скажем, это был эксперимент. И он не предполагал стирания людей из новой версии. У них был шанс остаться в зависимости от того, насколько искренна была их жертва и чего они сами хотели для себя. Но все же драконы признали ритуал опасным и уничтожили все документальные свидетельства, чтобы никто и никогда не смог его повторить.

— Выходит, не все, — я обняла себя за плечи: серая пустыня никогда не баловала теплом.

— Все. Но не учли роль фольклора в людской культуре. Былины, сказания. Через века после ухода драконов нашелся умник, собравший все эти истории в одной книге. А недавно другой умник решил проверить правдивость сказок на деле.

— Знаешь, было бы проще, если бы ты не выдавал информацию частями, а сразу рассказал, с чем мы имеем дело.

— Сразу не могу. Но пару деталей к тому, что ты уже знаешь о ритуале, добавлю. Во-первых, число участников. Их должно быть не меньше семи.

— Семь? — всполошилась я. — Но ведь у нас всего шестеро с библиотекарем.

— Пишущий судьбы — не в счет.

— Но...

— Это все, что я хотел сказать об участниках, — не позволил продолжить расспросы Мэйтин. — Теперь о пишущем. Ритуал, разработанный драконами, не предусматривал изменения собственной судьбы. Это опасно для самого пишущего, ведь он обречен жить на стыке

реальностей. Если память о чужих изменившихся судьбах сводила людей с ума, подумай, что чувствует человек, чье сознание хранит две версии воспоминаний о собственной жизни. Время парадоксов не закончится для него никогда.

— Хочешь сказать, мы имеем дело с психом?

— Зависит от того, насколько глубоки изменения, — ответил бог уклончиво. — Прожить два разных дня — не то же самое, что прожить два разных года. Два года — не то же, что два десятилетия.

Боже, ну почему все так сложно? У меня же и в мыслях ничего похожего не было, когда я писала свой роман.

Мэйтин встал с песка, и я вскочила вслед за ним. Успела подняться за ноги за миг до того, как серая пустыня сменилась темнотой.

— Почему терминал? — спросила я, не надеясь на ответ. — Почему все время так: подуровень, терминал, выход? Почему нельзя сразу...

— Дверь за твоей спиной, — послышался глас божий. — Открой. Посмотрим, куда тебя в этот раз вынесет.

...За дверью было лето. Не солнечный день, не цветущий луг, но теплый летний вечер: звездное небо над спящим садом, ласковый ветерок, колышущий занавески на террасе маленького домика, пение цикад и запах печеных яблок...

Пирог готов. Осталось вытащить из духовки и переложить на блюдо. Заварить чай...

Смотрю в последний раз на звезды и закрываю ведущую в сад дверь. Аромат печеных яблок и сдобы становится сильнее. Дразнит...

Его любимый пирог.

Неужели так и будет молчать? Прятаться за раскрытой газетой от меня и от запаха лакомой выпечки? Будет, я его знаю.

И он меня.

Знает, что извиняться я не умею. И не стану. Но все равно подойду первой. Не потому, что виновата... хоть и виновата, да... А потому, что мне сил не хватает терпеть его обиженное молчание. Подойду, обниму сзади за плечи...

— Вот так всегда, — усмехнулся Мэйтин, выдернув меня с летней террасы.

— Что это было? Как...

— Не та дверь.

— Я уже была там раньше! Вернее, Элси была...

«Противный старикашка в синем халате» — она рассказывала об этом Мэг в последнюю ночь перед тем, как я заняла ее место.

— Я и так сказал больше, чем имел право, — проворчал Мэйтин. — Дальше сама. Думай, вспоминай. Верь...

Я открыла глаза и рывком села на постели.

Тикали знакомо настенные часы. Сопела во сне Мэг. А я до сих пор чувствовала запах яблочного пирога...

— Мэгги, — закутавшись в одеяло, я перебежала на кровать к подруге. — Мэг, проснись.

— Утро? — зевнула она, не открывая глаз.

— Нет, но...

— Элси, давай утром.

— Мэг, пожалуйста. Всего один вопрос. Помнишь ночь, когда я оживила мумий в бестиарии? Накануне мы праздновали что-то у Сибил, а потом я уходила... Помнишь?

— Угу.

— Помнишь, я рассказывала тебе про старика в синем халате?

— Элси, — простонала Мэг, — снова ты за свое?

— Это важно, правда. Что я тогда говорила?

— Ерунду, — она пыталась спрятаться от меня под одеялом, но я не позволила. — Ладно. Если важно... Ты сказала, что шла по темному коридору. Как после смерти: темный коридор, свет в конце... Ты увидела свет, пошла на него и оказалась в чужом доме, в чужом теле... Бред же!

— Нет. Не бред. Продолжай.

— Оказалась в чужом теле. В какой-то рыжей тетке в возрасте, у которой был муж-старик. Тетка жутко его любила... Ты мне все уши прожужжала, как чудесно почувствовать такое... Сказала, что хочешь туда вернуться...

Она засыпала, глотая слова, и я уже не видела причин ей мешать.

Темный коридор — терминал. В моем мире тоже ходят байки о свете в конце тоннеля, но до слов Мэг я никак не связывала эти истории с буферным отсеком между мирами, хотя похоже ведь: тоннель — терминал, свет — открытая дверь.

Не та дверь. Мэйтин сказал, что я все время открываю не ту дверь. И Элси открыла не ту. Попала в яблочно-пироговое лето и прониклась духом любви, витавшим в тамошнем воздухе. Это можно понять: я тоже прониклась. Словно на несколько минут стала той женщиной, много лет влюбленной в своего мужа и так же сильно и искренне любимой. Не

каждому дано испытать такое, и неудивительно, что Элизабет хотела попасть туда еще раз.

Но как она планировала это сделать? Как она вообще оказалась в терминале?

Я догадывалась, кто может об этом рассказать.

Где искать художника, пусть даже он эльф?

На факультете искусств, конечно же.

Аудитория — огромный амфитеатр — не заполнилась слушателями и на треть, однако Грайнвилль все равно забрался на самый верх. Любопытные взгляды находили его и там, но не такие долгие и пристальные, какими были бы, сиди эльф на одном уровне с остальными.

— Здравствуй, Илси, — в прозрачных глазах не прочесть эмоций, но уголки губ дрогнули, и рисунок на щеках слегка поплыл: кажется, рад. — Интересуешься живописью?

— Нет. Другим. Расскажи о той ночи, когда помог мне оживить горгулий.

— Ты их не оживила. Только заставила двигаться.

— Заставила двигаться, — признала я справедливость уточнения. — Прежде мне не удавалось такое. Я знала нужное заклинание, но приходилось поддерживать чары непрерывно. А в ту ночь я навела плетение на мумии, и оно больше часа держалось без подпитки. Как?

— Ты не помнишь, — констатировал он.

— Нет. Но догадываюсь, что случилось. Я сплела заклинание не в вещественном мире, да? Ты каким-то образом провел меня в подпространство?

Грайнвилль покачал головой:

— Не проси меня делать это снова.

— Не прошу. Но мы можем обсудить теорию? Я слышала, что с промежуточного уровня можно не только в астрал выйти, но и найти путь в другие миры...

— Тс-с, — он приложил палец к губам, и я настороженно умолкла. — Скучная лекция, — проговорил Грайнвилль, прислушавшись к оживленно жестикулирующему мужчине за кафедрой. — Прогуляемся? Ты же собиралась в лечебницу после встречи со мной? Можем поговорить по пути.

Выйдя из корпуса, он застегнул пальто, поправил шарф и подал мне руку. Ни человеческая одежда, ни заимствованные у людей манеры не делали его ближе и понятнее, но он хотя бы пытался казаться своим, тогда как я, будучи для него такой же чужой, даже не думала о том, чтобы как-то

сгладить различия между нами.

— Почему ты думаешь, что нашла путь в другой мир, Илси? — спросил эльф. В мысленно составленном мною диалоге этот вопрос предваряли не менее десяти реплик, но нечеловеческая логика помогла сэкономить время.

— Звезды, — ответила я коротко. Небо над спящим садом. Когда я была там, была той женщиной и смотрела вокруг ее глазами, я не заметила ничего необычного, ведь она видела это небо тысячи раз и помнила его так же, как я помню небо над моим городом, а Элси — звезды, что светят ночами над академией. Но вспоминая после, я поняла: то было чужое небо и чужие звезды, не мои и не Элизабет.

Умолчав о Мэйтине и серых песках, я рассказала Грайнвиллю о рыжеволосой женщине и ее муже, представив все так, будто побывала в их мире в ту ночь, когда ожившие бестии пели серенады под окнами Оливера.

— Так бывает, — словно не услышав ничего удивительного, кивнул эльф. — Ты отсутствовала недолго. Я думал, успела лишь сплести нужное заклинание. Но там иное понятие времени. И много дорог, на которых легко заблудиться. Хорошо, что ты вернулась. Я слышал от старших, что, если человек попадет в иной мир, он может остаться там навсегда. Ты ведь не была собой, когда смотрела на чужие звезды, ты ощущала себя той женщиной. И могла стать ею. Приняла бы ее память и ее жизнь и потеряла бы себя.

— Но как...

— Хочешь знать, кто это был?

Я закивала, хотя собиралась задать другой вопрос.

— Есть теория, — начал неспешно эльф. — О бесконечном множестве миров. Все, что ты только можешь себе представить, где-нибудь существует. Все, о чем ты мечтаешь или чего боишься, где-нибудь сбывается. Миров так много, что возможно абсолютно все. Где-то ты королева. Где-то — нищенка. Всесильная чародейка или посудомойка.

— Хочешь сказать, та женщина — это я из другого мира?

— Ты. Такая, какой могла бы быть, родись в другом мире, у других родителей, с другой внешностью и другой судьбой. Сколько есть миров, столько есть вероятностей каждого человека.

— Только человека? А эльфы?

— Людская жизнь коротка. Ее не хватает, чтобы осуществить все задуманное. Потому людям дана возможность проживать бесчисленное количество жизней. Эльфы и так живут достаточно долго. Но это только теория. Мы ведь обсуждаем теорию, да, Илси?

Я склонила голову, соглашаясь, да так и пошла дальше, глядя под ноги, на дорожку, выложенную щербатой гранитной брусчаткой. Неделю назад серых плит не видно было под снегом, а сейчас между ними уже пробивалась молодая травка — лишнее напоминание о том, как долго я уже здесь.

— Почему ты уверен, что та женщина — вероятность меня? — спросила я эльфа, продолжая считать трещины на плитах.

— Так говорят, — отозвался он. — Говорят, попасть в другой мир человек может лишь по пути, связывающему все его возможные судьбы.

— Но кто подтвердит, что это так?

— Были те, кто знал. Они сказали моим предкам.

— Драконы?

Эльф остановился. Мягко развернул меня к себе.

— Не ищи доказательств, Илси. Просто поверь. И не ищи больше другие миры. Бывает, маги погружаются в подпространство, чтобы работать с плетениями, и не возвращаются. Умирают для этого мира. А в другом не живут, а лишь наблюдают чужую жизнь. Ты можешь захотеть остаться в одной из своих версий. Какое-то время будешь думать, что управляешь новой судьбой. Но вскоре забудешь себя прежнюю, и новая судьба будет управлять тобой. В одном мире может быть лишь одна версия человека — изначальная, и никак иначе.

С этим я поспорила бы.

Изначальная версия для Трайса — Элизабет. Мне следовало раствориться в ней, как это было, пусть всего на несколько минут, когда я оказалась в мире рыжеволосой женщины и ее «старикашки». Но я не растворилась. У меня был доступ к ее памяти, и эмоции порой прорезывались, мне не свойственные, но я оставалась собой, как и обещал Мэйтин.

В том, что Элси — местная версия меня, я не сомневалась с первой секунды, как услышала объяснения Грайнвилля. Я сама написала это. В своей книге, в самом первом абзаце: «Меня зовут Элизабет Аштон». Но если нужны другие доказательства, они есть. В доме, пахнущем счастьем и яблочным пирогом, у нас с Элси была одна и та же версия — обе мы на несколько бесконечных мгновений окунулись в одну и ту же память, успев испытать одни и те же чувства.

Не это ли имел в виду Мэйтин, говоря, что я пойму, что случилось с Элизабет, поняв, кто она такая? И, кажется, я поняла. Ничего с ней не случилось. Бог-мальчишка поменял нас местами. При слиянии сознаний я, а не она оказалась доминирующей личностью, и сейчас Элси воспринимает

мои мысли и поступки как свои. Когда я уйду, Мэйтин заберет у нее лишнюю память, и Элизабет продолжит жить, уверенная, что по собственной воле перевелась на целительский, затеяла расследование исчезновений и вступила в бойцовский клуб...

— Почему об этом никто не знает?

— Об этом все знают, Илси. Но подобные случаи — редкость. И нет прямых доказательств существования иных миров. Поэтому ты не найдешь упоминания о таком в учебниках. Разве только в сборниках легенд. Люди не способны принять истину без доказательств. Я знаю, потому что верю. Ты веришь, потому что знаешь. Но другим тяжело будет принять твое знание.

Люди не верят в легенды, пока они не оживают у них на глазах. Как та, о ритуале, способном изменить реальность.

Мы с Грайнвиллем простились на ступенях лечебницы. Мне о многом хотелось его расспросить. И о промежуточном уровне, и о терминале, и о других мирах. И о драконах, хоть он вряд ли ответил бы. И об эльфах. Понять, почему они такие: хранят тайны, которые совсем не тайны, и соблюдают кажущиеся людям нелепыми законы. Но мысли перепутались, и не нашлось нужных слов.

— Занятные у вас знакомые, — опустив приветствие, объявил мне Грин, с которым я столкнулась в холле. Доктор стоял у окна и, несомненно, видел, кто меня провожал. — Сначала оборотень с букетом, теперь эльф. Есть еще интересные экземпляры в вашей коллекции?

Я приказала себе вспомнить, что эмоции, которые будит во мне этот человек, — лишь реакция лишённого магической защиты организма, и выдавила улыбку:

— Есть. Вы, например.

Шутка не удалась. Грин нахмурился, заставив меня испытать знакомый иррациональный страх и желание скорее закончить разговор.

— Меня не будет до полудня, — прежде чем я успела сбежать, предупредил он. — А на два назначена операция.

Я рассеянно кивнула и лишь потом поняла, что он сказал: к единорогу сегодня не пойдём. Жаль: мне хотелось обсудить с моим чудом слова Грайнвилля и разобраться с остатками сомнений. Но их не так много и осталось. Теперь я знала, что не просто «дописываю» историю Элси — я устраиваю свою судьбу. Ту судьбу, которая могла бы быть моей, родись я в этом мире...

Но откуда Грин знает, что цветы принес оборотень?

Я споткнулась об эту внезапную мысль и обернулась, но целителя уже

не было в холле.

ГЛАВА 30

Тренировочный зал, куда я пришла вечером, был пуст. Я подумала, что Саймон не рассчитывал на встречу и уже ушел, когда заметила его в дальнем, плохо освещенном углу. Усевшись на пол, боевик разложил перед собой студенческие работы и проверял правильность вычерченных схем. В этот раз со справочником не сверялся.

— Добрый вечер, мистер Вульф.

— Добрый, — согласился он. — Одну минуту, сейчас закончу.

Я села рядом и взяла один из листов:

— Новая тема? Не помню такого.

— Конечно не помните. Это пятый курс. Ледяной щит. Плетение не то чтобы эффективное, скорее эффективное. Но и сложное, поскольку оттягивает дополнительную энергию для преобразований. Пар в воду, воду в лед... — Он проверил последнюю схему и собрал листы в стопку. — Хотите, покажу?

— Покажите.

Саймон поднялся и вышел в центр зала. Уже не скромный молодой преподаватель, а непобедимый Стальной Волк: твердая походка, неторопливые, но вместе с тем четкие движения, легкость и кажущаяся небрежность, какую может себе позволить лишь тот, кто на сто процентов уверен в том, что делает. Он поднял руку, и под потолком сверкнула молния. В воздухе засеребрился мелкий снежок, повеяло холодом. С порывом ветра крошечные частички льда устремились с немыслимой скоростью к открытой ладони мага и завертелись, складываясь в причудливый узор. Тонкие струйки воды змейками вплетались в кружево рисунка и тут же замерзали. Даже при том, что я не могла видеть магию, это было красиво.

— Вот так, — выглянул из-за щита Саймон. — Можно сделать перепад температур резче, молний будет побольше и ветер сильнее. Маги древности любили такие штуки.

— Заклинание исключительно защитное? — спросила я, ощупав острую кромку щита. — А если использовать как метательный диск?

— Не пробовал, — призадумался боевик. — Великоват он.

Ледяной диск имел около двух футов в диаметре и весил, должно быть, прилично, хоть Вульф и удерживал его без видимых усилий.

— А давайте рискнем? — Саймон присмотрелся к обшитой деревом

стене. — Если что, скажем, что заклинание сбилось.

Велев мне отойти, он обеими руками взялся за острые края, раскрутил и метнул диск в стену. Я представила, как огромный ледяной сюрикэн словно в масло входит в деревянную панель... и испуганно взвизгнула, когда щит, даже не коснувшись стены, полетел в обратном направлении.

Скрикошетив от противоположной стены и изменив угол полета, диск просвистел над моей головой.

— На пол! — Саймон сшиб меня с ног и накрыл собой.

— Что с ним? — прошептала я, глядя из-за плеча боевика на мечущийся из стороны в сторону ледяной летающий объект.

— Зеркалка, — процедил маг. — Воспринимает стены как угрозу и отталкивает... отталкивается...

Значит, заклинание все-таки защитное. Но хоть не разобьет тут ничего. Если не доберется до наших голов: судя по тому, что я без проблем к нему прикасалась, живую плоть он как угрозу не воспринимает.

— Сейчас я его сниму, — пообещал Саймон.

Откатился в сторону, завертел головой, поймал ледяной диск в прицел взгляда и, выбрав момент, резко выбросил вверх руку.

Тепловая волна впечатала щит в потолок и разбила на тысячи осколков, которые на несколько секунд зависли в воздухе и, растаяв, пролились на пол щедрым дождем.

— Скажем, что заклинание сбилось? — спросила я, поднявшись на ноги и оценив кляксу на потолке и лужи по всему залу.

— Скажем, что нас здесь не было. А к утру все высохнет.

Тренировку пришлось заменить прогулкой.

Я рассказала Саймону о созданной ректором комиссии. Мисс Милс ничего ему об этом не говорила и, думаю, неприятно удивилась бы, узнай, что сын уже «в деле». Равно как и он не обрадовался, узнав, что родительницу привлекли к разбирательству искажений реальности.

— У мамы проблемы со здоровьем, — сказал хмуро. — Я говорил вам: нервы, нарушение сна. Но в академии действительно нет других специалистов по драконам.

До общежития Саймон меня не провожал, мы распрощались в парке рядом со столовой. Но скучать в одиночестве мне не пришлось. Только я свернула с освещенной фонарями дороги на узкую тропку, из кустов ко мне метнулась быстрая тень.

— Гулять перед сном полезно. — Рысь, не спрашивая согласия, сцапал меня за руку и пошел рядом. — Но смотря с кем гулять. Со мной вот

полезно.

— Угу. Если только не встретим Шанну. Тебе она хвост оторвет, а мне, за неимением хвоста, — сразу голову.

— Шанна сейчас общается с мистером Вульфом, чтобы он не передумал и не пошел за тобой. Знаешь, как бывает: встретила куратора, вспомнила о скором зачете...

— Вы за нами следили?!

— Не следили. Случайно увидели, — сердито прошипел Рысь. — Я тебе говорил быть с ним осторожнее?

— Потому что он тебе не нравится? — я вырвалась и недовольно уперла руки в боки, требуя ответа.

— Потому что он странный. Шанна сказала, что он прикрыл их «детективное агентство». Запретил ей и Брюсу совать носы в это дело.

— Правильно, — одобрила я решение Саймона. — Ты сам хочешь, чтобы твоя подружка в это лезла? Или удержишь ее в курсе?

— Нет, естественно, — фыркнул Рысь. — Говорю, что расследование пока не дало результатов, ищем... Но Вульф — это другое. Я проверял библиотечные карточки...

— Знаю. Но не от тебя.

— Рассказал бы при встрече, — отмахнулся Норвуд. — Ты тоже подробностями с заседания комиссии не делишься, я же претензий не высказываю? Так вот, слушай. Я все думал, как нам вычислить этого библиотекаря, и появилась одна мыслишка. Если человек работает в определенной секции и хочет взять из нее какую-нибудь книгу, он будет отмечаться в формулярах или просто возьмет тихо, а потом так же тихо вернет?

— Наверное, от человека зависит.

— Наверное. Но, если верить записям, которые, возможно, не до конца еще изменились, Саймон Вульф ни разу не брал книг в восьмой секции. Я проверил: читательские карточки хранятся в алфавитном каталоге, найти было несложно. Точнее, не найти.

— Если знать, кого искать или не искать, — поняла я. — Рысь, ты серьезно копаешь под Саймона?

— Не копаю. Проверяю. Восьмая секция, Элси! История, мифология, мистические существа — общие дисциплины. Он должен был взять хоть что-то. Не в последние годы, так тогда, когда сам учился, разве нет?

— Когда учился? — усмехнулась я, радуясь, что в кои веки оказалась умнее этого хвостатого Шерлока. — А ты не помнишь, Саймон Милс тоже ни одной книги не брал?

Лицо оборотня в одну секунду отразило все стадии мыслительного процесса: удивление, сомнение, осознание. И признание своего полного поражения.

— Проверь информацию, прежде чем кого-то обвинять! — высказала я приятелю.

И у самой от сердца отлегло.

— Поговорили? — вывернула из-за угла Шанна. Кивнула мне. — Неважно выглядишь, Аштон. На боевой вернуться не собираешься? А то, гляжу, совсем тебя целители замучили.

— Зато ты цветешь, Раскес. Только вряд ли это от пробежек по полигону.

Она улыбнулась почти дружелюбно, проплыла мимо меня и взяла Норвуда под руку.

— Пойдем, котик.

Котик, надо же. А при первой встрече, помнится, был кошак.

Глядя вслед удаляющейся парочке, я с сожалением вздохнула. У всех весна, любовь, а у меня...

У меня был единорог.

Следующее утро я снова провела с наставницей. Сопровождала на обходе, заполняла истории, выслушивала жалобы, и не только от пациенток. Леди Райс и до этого волновалась, что слишком долго отсутствует на факультете из-за того, что приходится замещать миссис Томсон, а теперь узнала, что та вообще собирается уволиться. Заведующий обещал найти миссис Томсон замену, но наставница опасалась, что поиски затянутся.

На этом месте явился помянутый заведующий и заявил, что ему я нужнее, чем леди Пенелопе.

— Поторопитесь, мисс Аштон, у нас сорок минут.

Всего сорок минут. Конечно же, я торопилась.

Портал, калитка, леди Каролайн...

Когда она учится? Как ни придем — она в посольстве.

Этот вопрос интересовал меня ровно до того момента, как я оказалась в домике единорога.

— Не спешите, Бет, — в «предбаннике» Грин придержал меня за руку. — Я не объяснил вам задание. Сегодня берем образцы.

— Чего?

— Бет, не разочаровывайте меня, — протянул доктор. — Слюна у нас уже есть, хотя, если получится, не помешает собрать еще, но я рассчитывал

обратить ваше внимание на отходы жизнедеятельности эноре кэллапиа. Да-да, те кучки и лужицы на полу. Все, что можно взять у единорога, будь то кровь или навоз, обладает уникальными свойствами. Кровь нам недоступна, но остальное я намерен изучить.

— Изучайте, — пожалала плечами я. — С кучками, положим, проблем не будет, а как вы собираетесь брать образцы из лужиц?

— Шприцем, конечно. Только заниматься этим предстоит вам.

— Мне?

— Во-первых, в этом нет ничего зазорного, — оставив насмешливый тон, сказал Грин. — Вы же хотите стать целительницей, а наша работа предполагает вещи и более отвратные. Во-вторых, я не смогу сам взять образцы, потому что для этого придется нарушить личное пространство единорога. Боюсь, он будет недоволен моим вторжением, и я рискую получить копытом в лоб.

— Может, у него и копыта чудотворные? — проворчала я.

— Предлагаете мне это проверить?

Я покачала головой.

— Бет, я не могу вас заставить, но...

— Да понимаю я все! Просто стыдно. Перед единорогом. Представляете, что он обо мне подумает? Вот вы что подумали бы о человеке, воруящем содержимое вашего ночного горшка?

Мой вопрос Грина озадачил. Но не заставил отказаться от планов.

— Хорошо, — произнес он после недолгих раздумий. — Поступим так: вы его отвлекете, а я соберу образцы. Только следите, чтобы он не заметил, а то мне тоже будет неловко... особенно если все-таки получу копытом в лоб. Но кое-что под силу добыть лишь вам, Бет.

— Что?

— Волос из его гривы. Хотя бы один. Они прочные, ни с ножом, ни с ножницами единорог вас к себе не подпустит, поэтому придется грызть. Справитесь?

— Попробую, — улыбнулась я, довольная, что все так решилось. — Я же все-такимышь.

Грин распахнул дверь в соседнее помещение, мы одновременно перешагнули порог и застыли на месте: прямо перед нами стоял единорог. Одно ухо отведено в сторону, ноздри широко раздуваются, верхняя губа насмешливо задрана. Ни дать ни взять — конь ехидный, классический персонаж женского фэнтези.

— Он нас слышал, — обреченно констатировал доктор.

«Конь ехидный» с издевкой проржал, отступил на несколько шагов и

остановился у свежей кучки навоза. На случай, если мы не поняли намека, копытом брезгливо пододвинул «отходы жизнедеятельности» в нашу сторону.

— Видимо, это вам, доктор, — я пропустила Грина вперед.

— Как щедро с его стороны, — сконфуженно пробормотал целитель.

Щедрость эноре кэллапия навозом не ограничивалась. Перешагнув на чистое пространство, диво дивное с шумом напрудило пенную лужу и, обернувшись к нам, продемонстрировало крупные белые зубы.

— Издевается, — насупился Грин.

— Все для науки, — перевела я фыркание единорога. — Берите ваши образцы, он не возражает.

— А вот и возьму, — заявил доктор. — И скажите ему, мне безразлично, что он станет обо мне думать.

Ой ли?

Оставив целителя за спиной, я пошла к единорогу. Тот все еще скалился, но уже не так злорадно. Наверняка Грин не первый, кто заинтересовался подобными образцами. Оливер говорил, что эльфы позволили сотрудникам исследовательского корпуса изучать чудесное существо. Интересно, у тех тоже есть штатная девственница?

Единорог кивнул, но так пренебрежительно, что и без слов понятно: девственница есть, но со мной ей не сравниться. Теплая морда ткнулась мне в висок. Захотелось обхватить ее руками и поцеловать в покрытые мягкими волосками губы — вдруг мое чудо превратится в прекрасного принца? Ведь никто больше меня тут не любит...

Единорог с готовностью подставил морду. Но в принца не обратился.

Любопытно: другие девицы тоже так пробовали?

От мысли, что есть и другие, которые приходят сюда, точно так же обнимают его и трутся носом о шелковистую шерсть, сердце сжималось от самой настоящей ревности. Вот честно, застukaю — этим непорочным не поздоровится!

Единорог рассмеялся. Не как конь и не как человек, а как единорог: его добродушный смех звучал в моей голове, напоминая, что таких, как я, больше нет.

Но, может быть, в звездных очах каждая по-своему прекрасна и неповторима?

«Не каждая», — диво дивное тряхнуло длинной гривой.

Но встречаются, да?

До сегодня я и не думала, а теперь не избавлюсь от навязчивых мыслей. Что за девицы? Как часто приходят? Люди? Эльфийки? Эльфиек я

в академии не видела. Женщины эльфов редко показываются людям, и, если в посольстве и жила чья-то жена, сестра или дочь, мне об этом неизвестно. Я знала лишь леди Каролайн, а та эльфийка только наполовину...

Вот леди Каролайн приходит? С нами ни разу не заходила. Возможно, не может технически...

Эноре кэллапиа недовольно взбрыкнул: не смей так о Каре!

О Каре? Вот и нарисовалась еще одна особенная. И ей не нужен пропуск в виде язвы-доктора, чтобы приходить сюда, когда заблагорассудится.

Единорог печально вздохнул.

Не приходит теперь? Так, может, она и правда... Ладно-ладно, молчу. Значит, придет. Я погладила понурившуюся голову, потрепала за гриву... Вспомнила о поручении Грина... Доктор закончил со сбором образцов и наблюдал за нами с облюбованного в предыдущие приходы ящика.

Единорог, отвлекшись от грустных мыслей, смешливо фыркнул: грызи, разрешаю.

— Благодарю, — кивнул Грин, когда уже в «прихожей» я отдала ему два прочных волоса. — Надеюсь, это не причинило неудобств.

— Чуть зубы о них не сточила, — пожаловалась я.

— Я не о том, — он замялся. — Вы его поцеловали. Я подумал, что это некая плата.

— Нет, — рассмеялась я. — Это исключительно по любви.

На выходе нас встретила леди Каролайн, чтобы проводить до калитки, привычно построить глазки доктору и распрощаться до новой встречи. Но я нарушила устоявшийся ритуал.

— Он скучает по вам, — сказала, пересилив ревность.

Она отвела взгляд.

— Передайте ему, что я... Я не могу сейчас. Но приду. Обязательно.

Грин, о котором прекрасная леди тут же забыла, хотел о чем-то спросить то ли ее, то ли меня, но, видимо, не сумел сформулировать вопрос.

ГЛАВА 31

На следующий день, когда я уже собиралась уходить из лечебницы, Грин влетел в кабинет наставницы, бросил, не здороваясь, «Бет, вы мне нужны!» и выскочил, хлопнув дверью.

Леди Райс неодобрительно покачала головой:

— Не позволяйте ему вас использовать, Элизабет. Помните, вы не его подчиненная.

Я-то помнила. Но когда человек врывается вот так, растрепанный, с горящими глазами и нездоровым румянцем во всю щеку, нельзя это игнорировать. Да и любопытно, что там у него произошло.

Грин топтался у своей двери.

— Что случилось? — спросила я, не рискуя подходить к нему слишком близко.

В последнее время я научилась не так остро реагировать на исходящий от него негатив, но все равно было неприятно.

— Я объясню, — доктор бегло огляделся. — Входите.

В кабинете у открытого секретера сидела Белинда. Когда мы вошли, рыжая обернулась, предварительно нацепив очаровательную улыбку, но, увидев меня, скисла.

— Я попросил мисс Аштон нам помочь, — скороговоркой отчитался перед ней Грин и быстрым шагом двинулся к двери в смежную комнату.

Проследовав за ним, я едва не присвистнула от изумления. Если у леди Райс и доктора Кленси к кабинетам примыкали помещения для отдыха, у Грина была оборудованная по всем правилам лаборатория. В углу, правда, стояла кушетка, но вряд ли она предназначалась для сна — скорее, для осмотра пациентов.

Где этот человек отдыхает? В смысле, он отдыхает вообще?

— Да входите уже! — раздосадованный тем, что я слишком долго топчусь на пороге, он втолкнул меня в комнату и захлопнул дверь. Выдохнул тяжело. Махнул на стоявший под окном стул, а сам отошел к противоположной стене. — Помещение полностью звукоизолировано, можно говорить свободно.

— Что происходит? — занервничала я, узнав о таких мерах безопасности.

— Ничего, — он затравленно зыркнул на дверь. — Просто сказал, к сведению... Бет, мне нужна ваша помощь. Помните, мы вчера брали

образцы?

Я кивнула: до смерти теперь не забуду.

— А до этого я выписывал рецепты из книг в библиотеке лорда Эрентвилля, помните?

Снова кивнула.

— Я приготовил один препарат... снадобье... по тем рецептам. Ночью опробовал его на мышах... настоящих мышах, они у меня там... — он махнул в сторону стола, на котором стояла конструкция из стекла и металла, и впрямь похожая на домик для грызунов. Но за прозрачными перегородками не наблюдалось никакого движения.

— Эксперимент не удался? — я мысленно посочувствовала мышкам.

— Почему? — удивился доктор. Нервно пригладил волосы, провел рукой по лицу, сегодня какому-то особенно помятому. — Все прошло... хорошо прошло. Мыши живы, здоровы... Немного истощены, но это закономерный итог. Поспят, поедят... Не верите — сами посмотрите.

Я подошла к стеклянному домику, заглянула внутрь... и поежилась, когда Грин встал у меня за спиной.

— В углу за перегородкой, видите? Объект А, самка. Пришлось отсадить ее. Нейтрализатор подействовал, но... мало ли... Объект Б, самец... вон там, зарылся в опилки...

— Они точно спят? — спросила я обеспокоенно.

— Да, они... Тот препарат, что я изготовил, он... стимулирует влечение к особи противоположного пола. Приворотное зелье, говоря понятным языком. Наносится на шерсть... или кожу... объекта А, женской особи... смешивается с естественным запахом тела... В общем, как я и сказал, эксперимент прошел успешно. Мыши... они же животные, их не сдерживают моральные нормы...

— Через три недели ждете прибавления? — усмехнулась я. — Доктор, я совершеннолетняя, к тому же будущая целительница. Некоторые темы меня не смущают, не волнуйтесь.

— Я и не вол... не волнуюсь...

— Вам бы поспать, — посоветовала я с сочувствием. — Небось до утра наблюдали, как ваши объекты... хм, размножаются?

— Нет, не совсем, я... Я говорил, что мне нужна ваша помощь? Дело в том, что я решил повторить эксперимент... на людях...

— Ой, нет! — я отскочила от жилища утомленных бурной ночью мышей и, соответственно, от Грина. — И не мечтайте. На себе я подобные опыты ставить не позволю!

— И не думал. На вас. Нужно убедиться, что препарат действует,

поэтому... на себе...

— Что?! — жаль, комната была не настолько велика, чтобы мне отодвинуться от него еще дальше. Я взялась на всякий случай за дверную ручку и с опаской принялась: — Знаете, по-моему, не действует. Во всяком случае, на меня.

Целитель вымученно улыбнулся:

— Вы меня не слушали. Препарат наносится на женскую особь. А я... объект Б. Оцениваю свои ощущения, длительность и... глубину полученного эффекта...

— И кто же у вас объект А? — поинтересовалась я, хотя тут тоже было без вариантов.

— М-м... мисс Лемон, — со странным выражением лица выдавил Грин. — Я попросил ее помочь мне с документацией. И незаметно... Вот, — он вынул из кармана и поставил рядом с мышинным домиком маленький флакончик, — незаметно капнул несколько капель... на голову...

Он постучал себя ладонью по макушке. А надо бы кулаком. И по лбу.

Экспериментатор, блин! Николаус Миновици местного разлива!

— Сколько уже длится ваш эксперимент? — спросила я.

Доктор вынул карманные часы.

— Два часа и... семнадцать минут...

— Проходит успешно, судя по вашему виду, — не удержалась я от едкого замечания.

— Д-да, вполне... я сказал бы... Люди не мыши, и я знаю... знаю, чем спровоцировано мое... э-э...

— Тяга к размножению, — подсказала я.

— Нет! — запротестовал экспериментатор. — Это... не так действует на людей... не только так. Влечение... иного толка. И я же понимаю... К тому же начальные данные объекта... мисс Лемон... Она не вызывала у меня интереса... до того как... До того как я понял, какая она невероятная, потрясающая, ошеломительная и я жить не могу без нее! Уф... — Грин схватился за голову. — Вот так оно... так и работает. Разумом я понимаю... но разум слаб, а магия единорога...

— Только не говорите, из чего сварили зелье, — предупредила я. — И знать не хочу. Лучше объясните, что вам нужно от меня.

— От вас? — он нахмурился, будто забыл, для чего меня звал. — От вас... Да. Мне хотелось бы... установить, насколько долго длится эффект, но... А вы... мы же вместе изучаем единорога?

— Ближе к делу, — поторопила я.

— Подстрахуйте меня. Посидите... с нами... Во избежание осложнений...

Угу. Если Грин потеряет контроль и забудет, что его чувства к Белинде вызваны чудодейственным средством из даже-не-хочу-думать-чего, придется спасать. Самого Грина от ответной страсти рыжей.

— Вы понимаете, какая это глупость? — я попыталась воззвать к остаткам его разума. — Ладно бы лекарство или та же мазь от прыщей... Но приворотное зелье? Вы же не станете его продавать? Это подпадает под статью о незаконном воздействии. Зачем тогда?

— Затем, что лекарство я сделать не могу! — целитель со злостью стукнул кулаком по стене.

Узнаю душку Грина.

— Как долго вы намерены страдать? — поинтересовалась я. Пропустить обед не проблема, но опаздывать к Оливеру не хотелось.

— Не дольше часа.

— Хорошо. Посижу с вами. На всякий случай. Но учтите, доктор, завтра вам будет очень стыдно.

Чтобы оправдать мое присутствие, Грин объявил Белинде, что попросил меня переписать конспекты лекций, которые он должен читать в следующем месяце на целительском. На деле же усадил меня за телефонным столиком, откуда хорошо просматривался кабинет, и велел по возможности фиксировать наблюдения, что я и делала с превеликим удовольствием.

«13:05

Объект Б, мужская особь на начальной стадии небритости и нервного истощения, на своем рабочем месте. Заполняет листы назначений. Использует справочник лекарственных средств. Справочник толстый, по виду новый. Некоторые страницы склеились, и объект Б вынужден разделять их. Следовательно, после выхода из типографии книгу даже не пролистывали, то есть ранее для назначения лечения объект Б ею не пользовался. Данный факт говорит о высокой квалификации объекта Б, его хорошей памяти и о том, что в настоящее время он занимается ерундой тем, что изображает абсолютную занятость, а сам тайком пялится на объект А.

Объект А, рыжая женская особь, на расстоянии четырех ярдов от объекта Б. Разбирает документы, ревизию которых в последний раз проводили, видимо... никогда. С интервалом в две-

три минуты вздыхает и бросает томные взгляды на объект Б. Если объект Б не успевает спрятаться за справочником, объект А ему улыбается. После этого объект Б прячется надолго.

13:15

У объекта Б нервный тик.

Объект А думает, что он ей подмигивает. Пытается смущаться.

13:25

Объект А инициировал диалог...»

Женская особь, наморщив лобик, с минуту рассматривала какие-то бланки, после чего встала и направилась к столу заведующего.

— Простите, доктор, не могу понять, что делать с этими инструкциями.

— С какими, мил... мисс Лемон?

Милая мисс Лемон опасно приблизилась к объекту Б. Положила перед ним документы.

— Вот это министерская инструкция по использованию дезинфицирующих средств, утвержденная в январе прошлого года, — Белинда нагнулась над столом, тыча пальчиком в один из листов. — А вот — исправленная инструкция, утвержденная в августе. Она отменяет и заменяет январскую. Но есть еще приказ от десятого октября о внесении изменений в инструкцию по использованию дезинфицирующих средств, но почему-то в январскую, которая тут значит как действующая...

Грин невидящим взглядом уставился на лежащие перед ним бумажки. Видимо, старался сконцентрироваться, и ему это удалось. Правда, внимание доктора сосредоточилось не на министерских бланках, а на нежной ручке объекта А, придерживавшей инструкции.

Момент, когда Грин вцепился в эту самую ручку, я, моргнув, пропустила.

— Белинда, радость моя... — завладев ладонью рыжей, доктор потянул ее к себе, но, честь ему и хвала, сумел обуздать внезапные желания. Лишь погладил осторожно пальчики и отпустил, к немалому разочарованию ошалевшей от начала фразы девицы. — А оставьте-ка обе. И приказ... Хорошо, дор... аг-гая? Кх-кх...

«...после чего хотел путем телекинетического воздействия налить воды из графина в стакан.

13:30

Объект Б собирал с пола осколки и порезал руку. Объект А кинулась на помощь, но была остановлена словами: „Не волнуйтесь, милая, всего лишь царапина“. Затем объект Б вышел в соседнее помещение.

Объект А смотрит на меня так, словно это я во всем виновата.

13:32

Объект Б вернулся. Перевязал руку. Учитывая, что способности позволяют ему залечить неглубокий порез, полагаю, что он намеренно оставил данный источник боли, чтобы проверить действие испытуемого препарата при наличии неких отвлекающих факторов.

13:40

Отвлекающие факторы на действие препарата не влияют: объект Б отложил справочник и глазеет на объект А открыто. Во взгляде просматривается желание приступить к процессу размножения. Мое присутствие его не смущает.

Объект А дура не понимает значения посылаемых ей объектом Б невербальных призывов. Старательно стесняется и чаще смотрит на меня, чем на объект Б.

13:43

Возможно, объект А не такая и дура. По-прежнему смотрит на меня. Кажется, думает, как выпроводить меня из кабинета.

13:45

Думает, нельзя ли меня убить.

Как намекнуть ей, что нельзя?

13:47

Объект Б поднялся из-за стола...»

Часа еще не прошло, но я решила, что пора заканчивать. Препарат работает, далее можно ограничиться теоретическими изысканиями или продолжать радовать мышей.

— Доктор Грин, — бросилась я наперерез целителю, медленно, но уверенно шагавшему к своей цели, — можно вас на минутку?

— Н-нет...

— Мне нужно с вами поговорить, — произнесла я с нажимом.

Бесполезно.

Объект Б пытался меня обойти, но, наткнувшись на меня во второй раз, решил попросту отодвинуть с дороги.

Зря.

— Простите, доктор, это для вашего же блага.

— Что? — очнулся на миг он.

— Это.

Я сжала его пальцы. Влажные и холодные, они норовили выскользнуть из захвата, но мне удалось вывернуть кисть, как показывал недавно Саймон, и, собой прикрывая Грина от рыжей, подтолкнуть его в сторону смежной комнаты.

— Это не займет много времени, — обещала я громко, чтобы мой голос перекрыл недовольное бурчание.

Кое-как впишула мужчину в мини-лабораторию и закрыла за собой дверь.

— Что вы... себе позволяете... э-э...

М-да, похоже, он уже и имени моего не помнит.

— Зачем вы... это... а?

Учащенное сердцебиение, дыхание неровное, затрудненное, реакции заторможенные, речь бессвязная. Вот что с людьми любовь делает! И собственная дурь, помноженная на самоуверенность.

— Доктор, вы помните, что находитесь под действием приворота?

Грин засопел громче. Сжал в кулак перевязанную руку, и я непроизвольно выставила блок, подумав, что он собирается меня ударить. Но нет, этот объект Б, от слова «болван», что-то прятал.

— Что у вас там? — гаркнула я грозно. — Быстро показывайте!

— Н-не... кольцо...

— Что?!

— Кольцо, — выпалил Грин, которого, кажется, понемногу отпускало. — Я... собираюсь сделать мисс Лемон пр... предложение... а вы...

Предложение? Ничего себе приворот!

— Какое кольцо, доктор?

— В-вот, — он разжал ладонь.

— Вы серьезно? — обалдела я. — Это канцелярская скрепка? Вы ее только что под столом скрутили?

Еще и что-то наподобие цветочка умудрился наvertеть. Талантище!

— Это кольцо! — оскорбился он. — Если Белинда примет... мы... поженимся сегодня же...

Угу. И счастьем ее не будет предела. Еще несколько часов — или сколько там действует это навозное снадобье? А потом что? Развод? Слезы, сопли и затяжная депрессия? Белинда Лемон ничем этого не заслужила.

А вот Грин за свои бестолковые эксперименты заслуживал хорошей выволочки.

— Вы меня не остановите! — ринулся он к двери.

— Да ну?

Удар стал для него неожиданностью. Слишком слабый, чтобы отправить в нокаут, но достаточно сильный, чтобы мужчина пошатнулся и отступил назад, а я цыкнула от боли, растирая сбитые костяшки...

— Уф-ф... — Грин тяжело выдохнул и осторожно ощупал челюсть. — Отличный хук...

— Теперь джеб и апперкот? — я показала ему кулак.

— Спасибо... в другой раз...

Он попятился, нашарил стул и сел. Сжал руками виски.

— Все еще планируете жениться? — поинтересовалась я осторожно.

— Возможно... однажды... Можно мне воды?

— Нет, — отказала я жестко, прикинув, что, пока буду ходить за водой, он успеет реализовать свои матримониальные планы. — Сначала закончим ваш дурацкий эксперимент.

— Да... заканчивайте...

— Как? Хотите, чтобы я выставила рыжую из кабинета, а там на ней кто-нибудь другой женится?

— Кто? — озадачился Грин. Соображал он все еще туго.

— Нейтрализатор, — напомнила я. — Вы говорили, он у вас есть.

— Да?

— Да! Возьмите себя в руки! Экспериментатор недоделанный! Вы хоть представляете себе, что было бы, если бы вы не додумались позвать меня?

— Нет, — он медленно покачал головой. — Но я же... додумался, да?

— Да! Вы гений! А теперь говорите, где нейтрализатор, а то я вас так отделаю, что мало не покажется!

— Бет... — Слава богу! Вспомнил, как меня зовут! — А вы... вы представляете, что я мог с вами сделать, если бы... не сдержался?

Не закрывая глаз, я ясно увидела перед собой сплюснутую металлическую бочку и тяжело сглотнула.

— Простите, — прошептал Грин. — Я повел себя глупо и... Нейтрализатор в пробирке на столе. Бесцветная жидкость... синяя крышка...

— Что делать?

— Несколько капель на волосы... незаметно... или как вам удобно...

— Как мне удобно, — решила я.

Белинда еще сидела у секретера. Подойдя достаточно близко, я сделала вид, что споткнулась, выставила вперед руку с открытой пробиркой и выплеснула нейтрализатор на рыжие кудри. Естественно, она поняла, что я сделала это намеренно, но ни на что другое фантазии у меня уже не хватало.

— Ты что?! — она вскочила, схватилась за голову, размазала жидкость по волосам. — Ты... ты...

— Я нечаянно, — вздохнула я. — Извини.
Вернулась к телефонному столику.

«14:00

Эксперимент закончен при моем непосредственном участии».

— Мисс Лемон, благодарю за помощь, дальше я сам, — голос Грина, когда доктор вышел из соседней комнаты, звучал ровно, но длинные предложения все еще требовали усилий. — Можете быть свободны.

— Но...

— Вы свободны. Спасибо.

Как она выходила, я не видела — закрыла глаза. Хотелось надеяться, что после этого эпизода фанатичная страсть Белинды поутихнет, но... для нее ведь ничего страшного не произошло. Просто я облила ее водой...

— Бет, я...

— Как вы себя чувствуете? — спросила я, не открывая глаз.

— Дерьмово.

Все же посмотрела на него. Кивнула:

— Выглядите так же.

— Спасибо.

— Нейтрализатор действует так быстро? Раз — и прошла любовь?

— Не совсем, — Грин поглядел на дверь, за которой не так давно скрылась рыжая. — Но я же... не мышь...

— Угу. Мышь тут я. Будете теперь страдать?

— Пойду к Кленси. Посмотрю на котят. Мерзость редкая, должна быстро избавиться от остатков романтического настроения. Пойдете со мной?

— Я? Ну уж нет! Я почти час наблюдала, как вы пускаете слюни на Белинду Лемон, так что мерзости мне на сегодня довольно.

— Понимаю, — криво усмехнулся мужчина. — А я схожу... ненадолго...

Он вышел, не попрощавшись. Возможно, рассчитывал, вернувшись, еще застать меня в своем кабинете, но я не собиралась задерживаться. Меня ждал Оливер.

А в соседней комнате стоял рядом с мышинным домиком флакончик, и пары капель его содержимого хватило бы, чтобы к утру сделать меня леди Райхон. Соблазн был слишком велик, и я поддалась ему. Всего на несколько секунд, которых хватило, чтобы войти в лабораторию, протянуть руку и понять, что это не решение. Смотреть на Грина под действием приворота было гадко. Пусть Оливер не будет ничего знать и не станет сопротивляться чарам, его не замучит одышка, а слова и поступки будут казаться естественными даже ему... Но нет.

Рядом с флаконом лежал блокнот, в котором доктор делал заметки во время наших визитов к единорогу. Я пролистала его механически и не поверила своим глазам: кроме сделанных мелким беглым почерком записей в блокноте были рисунки. Такие же беглые, скорее наброски, но у их автора определенно был талант. Несколько зарисовок единорога в разных ракурсах. Эльф... Возможно, лорд Эрентвилль, рисунок шрамов передан не слишком четко. Через две странички записей — леди Каролайн: изящная головка, печальный взгляд. Снова единорог. Единорог и дева. Хм... Шея у девы длинновата, словно природа наградила ее лишними позвонками, руки слишком тонкие, улыбка сонная какая-то... Но в целом сходство есть.

Я захлопнула блокнот и вышла из лаборатории, а затем и из кабинета.

ГЛАВА 32

Идти в главный корпус не пришлось: я попрощалась с леди Пенелопой и, выйдя от нее, нос к носу столкнулась с Оливером.

— Хорошо, что вы здесь, Элизабет, — волнение в его голосе скорее угадывалось, чем слышалось. — Не знаете случайно, где доктор Грин?

— Нет, — солгала я. — А вы тут... Что-то случилось?

— Пожар в библиотеке, есть пострадавшие. Пострадавший.

Он не добавил ничего больше, но я поняла. По неловкости, которую не получилось скрыть. По промелькнувшему во взгляде сочувствию.

— Рысь, — прошептала, чувствуя, как оборвалось и рухнуло в бездонную пропасть сердце. Рванулась вперед, сама не зная куда, но тут же была остановлена, прижата к широкой груди.

— Он жив. Слышите? Давайте найдем Грина и...

И что? Толку сейчас от него! О чем он думал, затеяв свой эксперимент? На рабочем месте, днем, когда он в любую минуту мог понадобиться... Уже понадобился! Самовлюбленный самоуверенный болван!

— Милорд! — влетела в коридор дежурная сестра. — Доктор Грин просит вас прийти.

— Грин? — Оливер отпустил меня и отступил на шаг. — Где он?

— В приемном покое. Осматривает вашего погорельца.

Как он успел? Откуда узнал?.. Нет, не то. Какого черта он там делает?! В его состоянии...

Паниковала я зря. Встретивший нас в приемном покое доктор ничем не напоминал дерганого типа, страдавшего от наколдованных чувств. Серьезный, собранный. Глаза красноватые, но не безумные. Руки не дрожат.

Дальше я к нему не присматривалась: взгляд скользнул по комнате и остановился на лежащем на смотровом столе парне. Остановился, застыл на свесившейся вниз руке со скрюченными, темными от копоти пальцами...

— Мисс Аштон, — Грин приблизился, заслоняя собой оборотня. — Подождите в коридоре.

— Или что? — спросила я сквозь зубы.

— Или возьмите себя в руки. Милорд Райхон? — целитель посмотрел на Оливера, затем на меня.

— Элизабет нам не помешает, — заверил его ректор.

Мне все равно пришлось бы все узнать и записать в подробностях, чтобы еще одно происшествие не стерлось из памяти его участников. Иначе он первый выставил бы меня отсюда.

— Вы закончили осмотр, доктор? Что скажете?

— То, что вы и без меня знаете, — уголок рта Грина нервно дернулся. — Целитель тут не поможет.

Перед глазами все смазалось и поплыло, и только пальцы Оливера, вцепившиеся в мое плечо, удержали от падения...

— Демоны! Я не то хотел сказать. Бет... — Грин пододвинул стул, позволил усадить меня и отпихнул ректора в сторону. — С вашим приятелем все будет хорошо, мисс Аштон. Но помощь ему нужна в первую очередь не целительская. Так понятно? — И тут же вызверился на Оливера: — Сразу не могли снять эту дрянь?

— Сниму, — пообещал тот, отодвигая доктора от моего стула. — Элизабет, простите, я должен был объяснить. От вас, — бросил на Грина недовольный взгляд, — требовалось подтверждение, что физическое состояние пострадавшего не помешает...

— Не помешает, — буркнул целитель. Прошел к столу, поднял свисавшую руку оборотня, придержал, нащупывая пульс. — Ждете инспектора?

— Да.

— Не тяните. Я усыпил его и провел первичное обезболивание, но после молодому человеку все же понадобится помощь медиков.

Он вышел, оставив нас вдвоем... втроем...

— Элизабет, — Оливер опустил передо мной на корточки. — Простите. Я собирался все объяснить до прихода инспектора, но нужно было сразу, пока Грин не...

— Что с Норвудом? Проклятие?

Голова работала, как ни странно. Целитель не поможет. Оливер сказал, что снимет «это». Если не проклятие, что тогда?

— Поводок, — ответил ректор. — Одна из разновидностей подчиняющих чар. По действию напоминает проклятие, да. Дождемся Крейга... Возможно, удастся снять оттиск начального плетения и найти создавшего его мага.

— Но что произошло?

Оливер рассказал все, что знал. Рысь вместе с двумя полицейскими с утра находился в библиотеке. Им выделили стол в подсобке, куда они снесли все документы и учетные карточки. Ближе к обеду один из парней

вызвался принести из столовой что-нибудь перекусить, а второй остался с Норвудом. Через несколько минут Рысь, со слов полицейского, вдруг взбесился, вышвырнул его из каморки и закрылся внутри. Пока полицейский гадал, что к чему, из подсобки потянуло гарью...

— Поводок, — я закусила губу. — Ему приказали сжечь архивы и сгореть самому?

— Сомневаюсь. Если это сделал тот, кого мы называем библиотекарем, он вряд ли рассчитывал, что мистер Эррол погибнет в огне. Библиотека защищена от пожаров. Даже если облить все маслом из ламп, как это сделал ваш друг, охранная магия локализует очаг возгорания и не позволит ему разрастись, а отток воздуха постепенно потушит пламя. Так что, возможно, убийство не входило в планы преступника, достаточно было уничтожить записи.

Дверь отворилась, и в приемный покой, тяжело дыша, словно добирался пешком, а не служебным порталом, вошел Крейг. Кивнул нам и, не останавливаясь, направился к столу.

— Нашли что-нибудь в библиотеке? — оставив меня, Оливер подошел к полицейскому.

— Нет. После огня сложно след поймать. И на поводке вряд ли что заметим.

Может, для того и нужен был пожар? Не убить, а оборвать след?

— Но попробуем, — закончил инспектор. — Эд что сказал, хуже не сделаем?

— Сказал, можно снимать.

— Значит, можно. А там наш мистер Эррол и сам оправится, без целителей. Снова будет девицам головы кружить... Да, мисс Аштон?

— Да, — улыбнулась я. Крейг ни на что не намекал, просто хотел приободрить меня. И себя заодно. И Оливера.

Впрочем, для ректора у него нашлись другие слова:

— Начинайте, милорд, но потихонечку, не загубите парня. Перспективный он у меня... поджигатель.

Я не смотрела, что они делают, — все равно не поняла бы. Уставилась на беленую стену, по которой ползла от пола к потолку извилистая трещинка, и прислушивалась к редким негромким фразам.

— Хитро, — это инспектор. В простуженном голосе — тревога и задумчивость. — Видел такое раньше? На круг некрота похоже.

— Некрот, — согласился Оливер. — Ошейник как на зомби, полное подчинение...

— Паскуда, — прошипел полицейский со злостью, и я поежилась от

прошедшего по спине холода — до того не вязались ни это ругательство, ни неприкрытая ярость с обычным образом добродушного простака Крейга. — И нашел же, гад, на кого нацепить! На моих ребятах защита, сам проверяю, а про мальчишку забыл... Видишь здесь? Снова некрос?

— Сделаете оттиск, чтобы показать Броку?

— Отчего не сделать? — Я, не глядя, представила, как инспектор пожимает плечами. — Да толку с него...

Даже не стараясь вникнуть в разговор, я уловила его смысл: след оборван, и того, кто надел на Норвуда поводок, по нему не найти.

Но хоть снять получилось?

Обернуться я не решалась. Сидела, по-прежнему видя лишь трещину на стене, пока чья-то рука не коснулась моего плеча. Взглянула — сначала на эту руку с красивыми длинными пальцами, сейчас мелко дрожащими, затем в усталые глаза, но спросить не хватило духа.

— Все хорошо, — натужно улыбнулся ректор. — Вам не обязательно было присутствовать, но...

— Если б эта дрянь в парня въелась и стала на ту сторону тащить, пришлось бы его сюда, к нам перетягивать. А для такого дела лучше, чтобы кто-то свой рядышком был, — разъяснил, подойдя, инспектор. — Мы-то люди чужие. А вы, мисс, — другое дело. Не первый год ведь дружите? А что сразу не сказали, так пугать не хотели. Оно и так... эх... — он махнул рукой и поковылял к двери. — Идемте, что ли. Парнем целители займутся, а мы местечко подходящее найдем, поговорим, протокол составим.

Оливер подал мне руку, чтобы помочь подняться.

— Протоколы подождут, — сказал он инспектору. — Хотя бы до утра.

— Я запишу, — отказалась я от предложенной отсрочки. — Но мы ведь вернемся? Когда будет можно?

Можно было и сейчас. Никто не помешал бы мне подойти к другу. Коснуться обожженной руки. Посмотреть, что огонь сделал с лицом, которого я не представляла себе без улыбки... Но решимости не хватило. Это ведь из-за меня все, из-за моей треклятой книжки!

— Да мы и уходить не будем, — сказал инспектор. — Тут где-нибудь приткнемся.

«Приткнулись» в кабинете леди Райс.

Крейг первым делом подсунул мне уже составленный его людьми отчет о случившемся в библиотеке. После велел перерисовать схему плетения — тот самый поводок. Эlsi схема была незнакома, но один элемент я по ее воспоминаниям опознала: круг некроса, входивший почти во все заклинания мастеров смерти.

— Это ни о чем не говорит, — не спешил с выводами Оливер. — Разве только, что наш библиотекарь — не менталист, иначе мы могли и не увидеть привязки. Тут же имеем простое, по сути, плетение, и не обязательно его накладывал некромант.

— Как близко Рысь должен был находиться от мага, надевшего на него поводок? — спросила я для протокола и лично для себя.

— Зависит от способа, которым это было сделано, — ответил ректор. — Заклятье могли накладывать не напрямую, а опосредованно, через какую-нибудь вещь, принадлежавшую мистеру Эрролу.

— Носовой платок, к примеру. Лучше использованный, — инспектор повертел в руке собственный платок, вздохнул и убрал в карман. — Рубашка ношенная.

— Волосы, ногти, кровь, — расширила список леди Пенелопа. — Если маг достаточно силен, хватит нескольких строк, написанных жертвой. Стакана, из которого та пила. Зеркала, в которое гляделась.

— Значит, никаких зацепок?

— Попробуем зацепиться, — утешил полицейский. — На поводке парень дня три проходил. Разузнаем, где бывал, с кем встречался. Сам он вряд ли вспомнит, но всегда отыщется кто-нибудь...

— Шанна! — осенило меня. — Это его подруга, они в последние дни много времени проводили вместе. Но... нужно, чтобы ей сказал кто-то...

Только не я. Я не смогу.

Оливер понял. Кивнул успокаивающе:

— Думаю, мистер Крейг найдет, кого послать к девушке. А вы... Вы обедали?

Видимо, всем хотелось отвлечься, так почему бы не на оголодавшую девицу? Леди Пенелопа ухватилась за этот предлог первой. А если наставница за что бралась, перепадало всем. Досталось и ректору с инспектором — за то, что «совсем девочку задержали, даже поест некогда», — и самой «девочке», от которой, по словам целительницы, только кожа да кости остались. Голода я не чувствовала, но заикнуться об этом было себе дороже. Оставалось радоваться, что Оливер не додумался послать за полноценным обедом в несколько блюд: сэндвич я в состоянии была жевать, запивая чаем, в который леди Райс плеснула успокоительной настойки. А когда пришла сестра с известием, что Норвуда уже устроили в палате, никто не заметил, как я завернула надкушенный бутерброд в салфетку и спрятала в карман.

За окном, занавешенным дешевым тюлем, собирались сумерки, но света в палате не зажигали. Возможно, специально, хотя смысла в таких

ухищрениях не было: все равно не рассмотреть ничего за бинтами в желтых пятнах целебной мази и розовых — просочившейся крови. Лишь закрытые глаза видны, краешек распухшей губы, подбородок, кончики пальцев...

— Доктор Кленси обещал, что восстановление не затянется, — тихо сказал Оливер. Обнял за плечи, оттащил меня от Норвуда и усадил на пустую кровать. — Все будет хорошо.

— Будет, — повторила я.

Зажмурилась, но не смогла сдержать слез. Они просто лились из глаз, текли по щекам, капали с подбородка на платье.

Откуда-то появился мягкий платок, стер с лица влажные дорожки, промокнул веки. Платок пах ветивером и грейпфрутом, деревом и солнцем... мужчиной, услужливо подставившим плечо под мою отяжелевшую голову...

— Давно вы дружите?

Он и раньше спрашивал о родителях и друзьях, словно верил, что среди маленьких личных тайн отыщется разгадка тому, что происходит со мной сейчас, а я не могла ничего рассказать, ведь те тайны не были моими. Прежде не были. Слезы размыли грань между моей и чужой памятью. Прошлое Элси стало моим прошлым. Я помнила, будто это и впрямь происходило со мной, первый день в академии, знакомство с Маргаритой... Форменные платья, которые нам выдала строгая пожилая дама, тогда казавшаяся олицетворением власти в новом для нас обеих месте, а на деле бывшая лишь кастеляншей при общежитии. Но мы с Мэг и не подозревали об этом, как не знали и здешних правил, а потому на посвящение недели именно эти платья, решив, что так положено. Летти ушивала мое с вечера, но оно все равно сидело ужасно, и я думала, что ничего кошмарнее, чем выйти в таком на люди, со мной еще не случалось... А сейчас поняла, что, если бы не те платья, Рысь к нам не подошел бы. Мы с Мэг были такие обычные в них и ничуть не походили на избалованных аристократок. А то, что какой-то второкурсник взялся устроить нам экскурсию по академии, сочли одним из местных порядков. Он шутил, смешил нас. Яблоками угощал... Мы же не знали, что он их из сада при земледельческом отделении таскал. А еще мог оборачиваться рысью. И уши разрешал трогать. А Сибил — с ней мы через два дня познакомились — даже прокатил один раз. В ней весу же всего ничего... Потом мы на Грайнвилля набрали, он гербарий у реки собирал... Сказал, что гербарий. А Сибил сказала, что прорицатели этими травами помещения перед медитацией окуривают, и Рысь хмыкнул так знающе...

Я рассказывала и снова плакала. И улыбалась сквозь слезы, вспоминая, как хорошо все было. Как легко.

Неужели это осталось в стертой реальности?

— Все вернется, Элизабет. Обязательно вернется...

Воспоминания, мои и чужие, смазываются медленными взмахами ресниц, растворяются в аромате грейпфрута и ветивера, тают под гладящими мои волосы пальцами. Мир постепенно гаснет, как экран старого лампового телевизора, и на смену полутемной палате приходит непроглядный мрак терминала.

Ну здравствуй, боже.

— И тебе не хворать, — Мэйтин посветил мне в лицо карманным фонариком. — Укатали сивку крутые горки. Еще и леди Райс с настойкой перестаралась.

— В смысле?

— Спишь ты. Можно поговорить.

ГЛАВА 33

— Рысь... — начала я, но божество не изволило слушать.

— Не волнуйся о нем. Ожоги не настолько глубокие, чтобы организм оборотня не справился. К тому же твой друг под присмотром целителей, а на что эти господа способны, ты знаешь.

Да уж, способны. Особенно некоторые гении!

Но Оливер говорил, что Норвудом занимался Кленси...

— Доктор Кленси — хороший хирург. Но действительно сложный случай Грин ему не доверил бы. Это еще раз подтверждает, что с твоим приятелем все не так плохо.

Подтверждает, конечно. Подтверждает, что мозг у некоторых с горошину, а совести совсем нет. Как единорожий навоз собирать и приворот на рабочем месте тестировать — энтузиазм так и прет, а как пострадавшему внимание уделить, так случай для него недостаточно сложный!

— Что ты прицепилась к Грину, будто он источник всех бед? — строго высказал мне бог. — У него свои проблемы, у нас — свои. Вот и давай их решать.

— Давай. Скажи как — вмиг тебе решу! — огрызнулась я.

— Говорил уже. Найди книгу.

— Какую? Где?

— Не ори, — он поморщился. — Не знаю.

— На кой тогда явился?

— Хотел морально поддержать. Но могу и уйти.

— Не нужно, — вздохнула я. — Прости, нервы...

— Совсем никаких подвижек?

Я удрученно покачала головой. Хотя...

— Я знаю, кто такая Элизабет.

— Да? — Мэйтин подался ко мне. Опустив в пол фонарик, дотронулся свободной рукой до лба. — М-да... — протянул разочарованно.

— Что? — встрепенулась я. — Разве Элси — не одна из моих версий?

— Грайнвилль все сказал. Мне добавить нечего. Пойми, я не могу подавать тебе ответы на блюдечке. Ты у нас героиня или как? Должна сама что-то уметь? Вот сейчас, например... — физиономия божества расплылась в шкодливой улыбке. — Сейчас начинается один интересный разговор. Тебе неплохо бы знать о нем, поэтому... Вспомни, что лучше всего

получается у тебя в терминале?

— Открывать не те двери?

Однажды я подсмотрела так разговор Элизабет с Мэг, тот, где она делилась впечатлениями от посещения чужого мира. А если открыть дверь, за которой библиотекарь проводит ритуал, и узнать...

— Для начала — время и место, — вклинился в мои рассуждения Мэйтин. — Куда и когда ты хочешь попасть. Ты знаешь? Тогда забудь. Иди в сейчас. Первый этаж лечебницы, кабинет леди Райс. Представь и попробуй найти дверь.

Боже, ну к чему такие сложности?

— Не бухти, а принимайся за дело, пока тебя не разбудили.

— Фонарик дашь?

— Когда ты тут с фонариком бродила? Не будем нарушать чистоту эксперимента.

Он погасил свет.

Еще один экспериментатор на мою голову!

Я чертыхнулась и пошла вперед, выставив перед собой руки. Хорошо, что пол ровный и посторонними предметами не заставлен, а то я со своей удачей раз десять навернулась бы, пока ладони уперлись в гладкую стену.

И куда теперь? Если миров бесчисленное множество, не может быть отдельной двери в каждый, иначе терминал заполонил бы собой вселенную. Значит, дверь тут одна. Вернее, дверь тут везде. Или — бредить, так от души! — дверь тут всё.

Я толкнула то, что секунду назад было стеной, и в глаза ударил свет. За плечом одобрительно хмыкнул Мэйтин, а впереди в дверном проеме показался кусочек кабинета леди Пенелопы. Самой целительницы не было, а за ее столом сидели Оливер и Крейг.

Говорил инспектор.

— ...Все, что парень знал, он наверняка библиотекарю выложил. Тому уже известно, что у нас за секретное оружие. И если есть хоть малейшая возможность, что мисс Аштон своими записками остановит изменения, тот, кто все дело затеял, постарается такого не допустить, верно?

— Верно, — мрачно кивнул Оливер.

— И что?

— Отошлю Элизабет из академии. Свяжусь с ее отцом и организую охрану.

— Дурак вы, милорд.

Ректор косо усмехнулся:

— Вы уж определитесь: или «дурак», или «милорд».

— Значит, дурак, — определился старик. — Ты дело раскрыть хочешь? И как ты это без девчонки сделаешь?

— У нас есть ее записи.

— Сказать, куда их засунуть можно будет, если упустим гада? Нет в этих писульках ничего, чтобы библиотекаря найти. Не в прошлом его искать надо, в настоящем. Сегодня он себя проявил и еще проявит, нужно только подождать.

— Я не стану использовать Элизабет как приманку, если вы об этом.

— За девицу волнуешься? Или папашу ее боишься?

— Я...

— Ты-ты, — снисходительно усмехнулся Крейг. — Правильно боишься. Я Арчи Аштона со времен его учебы помню, а уж такого, каким он стал, и сам побаиваюсь. Потому и проследим, чтобы ничего с красавицей нашей не случилось, да?

— Нет. Я не рисковал бы жизнью Элизабет, даже будь она сиротой.

— О жизни ее печешься? А ты думал, что это за жизнь будет, без силы и с лишней памятью?

— Главное, что она будет, — Оливер оставался непреклонен. — А когда все закончится...

— Не когда закончится, а как, — перебил инспектор. — А оно может так закончиться, что ты и имени ее не вспомнишь. А кое-кто не забудет. Думаешь, если библиотекарь ее через год встретит, через два, через десять, не решит на всякий случай, так сказать... Нет? Хочешь девицу защитить — защищай. Только спрятать и уберечь — разные вещи. Сам не понимаешь, так хоть мне не мешай. Ты же ректор, у тебя, чай, своих хлопот хватает: экзамены скоро, защита, программу празднования очередного выпуска утвердить. А ерунда всякая, вроде запретной магии, исчезновений и покушений, на моей совести. Вот и оставь это мне, а сам в сторонке постой.

— Грубая провокация. Вы бы еще пари предложили.

— А чего б и нет? — хмыкнул инспектор. — Сколько готов поставить?

— Много. Но не чужую жизнь.

— Невелика ставка, если подумать. Одна жизнь против пяти. Пять, помнишь? Если уж про ответственность говорить, то за тех ребят ты тоже отвечал. И за Камиллу.

Я подалась вперед, всматриваясь, но при упоминании бывшей возлюбленной во взгляде Оливера не промелькнуло и тени новых эмоций.

— Охрану нужно усилить, — проговорил он задумчиво.

— Куда уж больше? Осталось только в комнату ей агента подселить. В

лечебнице она при Пенни, а та в курсе. Кто остается? Эд и Саймон? Им не доверяешь?

— С Саймоном она на виду, — сказал Оливер. — Тренируется.

— Угу. Вчерашний отчет читал?

Ректору, как он ни старался, не удалось сдержать улыбку, а инспектор — тот и вовсе открыто хохотнул:

— Вот оболтус! Додумался же, ледяной щит — и в стену! То ли уши надрать, то ли маменьке пожаловаться.

— Пожалейте парня, — рассмеялся, не выдержав, Оливер, — не нужно маменьке. Сам повоспитываю при случае.

Непривычно было видеть его смеющимся. Непривычно и радостно. Жаль только, радость оказалась недолгой.

— Повоспитываешь ты, а как же, — отмахнулся инспектор. — Небось второй раз вместе запускать будете. Еще и подскажешь, как отражатель снять, чтобы щит от стенки к стенке не швыряло.

— И диаметр уменьшить, — серьезнее на глазах, закончил Оливер тихо. — Проверьте контакты Саймона Вульфа.

— Шутишь? — растерялся Крейг.

— Нет. То, что его мать входит в состав следственной комиссии, не дает никаких гарантий. К тому же, если библиотекарь решит подобраться к мисс Аштон, он использует тех, с кем она чаще всего общается. Хочу быть уверен, что на следующей тренировке Саймон не свернет ей шею. А что касается Грина... Вы с ним говорили?

— Ну, — инспектор пожал плечами. — С ногами у меня снова неладно, на ветра, видать, крутит, вот и заходил к Эду пару раз. Заодно и про мисс нашу спросил.

— И?

— Ничего, говорит, хорошая девочка. Единорогу очень понравилась. Единороги — они ж капризные, и девицы им надоедают быстро, какие б там непорочные ни были. А наша до сих пор не наскучила.

— И все?

— Я о другом не спрашивал. Интересно — сам с ним поговори.

— Не сегодня. Только...

— Наблюдение оставляю, — заверил Крейг. — Хотя за Эда я спокоен. Единорог неладное враз почуял бы, ему, поди, с изменениями этими память не отшибло. Так что насчет Грина подумай. Сам сказал, лишний присмотр нашей мисс не повредит, вот он бы и приглядел, пока она с ним. Все равно, если хотим все правильно провести, надо, чтобы она жила как живет, распорядок не меняла: занятия, тренировки, единорог опять же. Чтобы

библиотекарь ничего не заподозрил, правильно?

— Правильно, — нехотя согласился Оливер.

— И самой ей знать не надо. Спокойнее будет.

— И беспечнее, — ректор уткнулся лбом в сцепленные замком руки. — Нет, если идти на такое, то...

Конец фразы я не расслышала. Уши заложило как в самолете во время взлета, и меня резко отбросило назад, в темноту. Я рванулась обратно к закрывающейся двери, но что-то, вернее, кто-то крепко держал меня за плечи. И ладно бы просто держал, так он еще и тряс меня.

— Бет!

Ну почему сейчас? Почему он?

Осознав, что сопротивление бесполезно, я позволила двери закрыться и, очутившись в крошечной темноте, открыла глаза. В неярком свете газовых рожков увидела перед собой лицо Грина и закрыла снова.

— Это лечебница, а не гостиница, — высказал мне доктор. — Вам что, спать негде?

— Простите, — пробормотала я. — Леди Пенелопа дала мне успокоительное, и, видимо...

— Покиньте палату.

Я села и покрутила головой, разминая затекшую шею.

— Сейчас же, — поторопил целитель.

— Почему?

Вместо ответа он снова приблизился ко мне.

— Неприятно? — в вопросе Грина непостижимым образом мешались сочувствие и издевка. — Это я еще ничего не делаю.

— Вы собираетесь...

Доктор отвернулся. Подошел к кровати, на которой лежал Рысь, в бинтах похожий на мумию.

— Выйдите, мисс Аштон. Закройте дверь и отойдите не менее чем на десять ярдов.

— Почему?

Вопрос тот же, но смысл другой.

Грин, не оборачиваясь, передернул плечами.

— Первый ответ: сам не знаю. У меня случаются бездумные и в чем-то благородные порывы. Второй: давно не лечил ожоговые раны и хочу убедиться, что помню, как это делается. Третий: сегодня я совершил безответственный поступок, теперь компенсирую это чем-нибудь полезным. Четвертый: вы оказали мне услугу, минимизировав негативные последствия моей беспечности, и в благодарность я решил ускорить

выздоровление вашего друга. Пятый: интересно пронаблюдать, какой эффект окажет целительская магия на организм оборотня, мне нечасто приходилось с ними работать. Шестой: я стараюсь держать все здесь под личным контролем и участвовать в лечении всех и каждого. Это гордыня, но я не отказываю себе в маленьких слабостях. Седьмой... Вам еще недостаточно, Бет? Если нет, зайдите ко мне завтра, я составлю список подлиннее.

— Третий и четвертый мне нравятся, — сказала я, прежде чем выйти в коридор.

Прошла отмеренные мне Грином десять ярдов и остановилась. В кабинете наставницы решалась моя судьба, а я, вместо того чтобы бежать туда, топталась на лестнице. То спускалась на несколько ступенек, скользя ладонью по отполированным перилам, то поднималась, но в конце концов решила не дожидаться, пока Грин закончит, и поблагодарить его завтра, не рискуя быть выброшенной в серую пустыню.

Оливер и инспектор до сих пор заседали за столом леди Райс, которая ушла, доверив гостям ключи и запасы контрабандного кофе. Мне предложили выпить чашечку, «чтобы взбодриться». Извинились, что оставили в палате. О деле говорить избегали, зато настойчиво интересовались моим самочувствием. К согласию по вопросу «Нужно ли приманке знать о том, что она приманка» они, судя по всему, не пришли.

— Поздно уже, — сказал Крейг. — Завтра все обсудим. Как раз поджигатель наш в себя придет. Доктор Кленси сказал, утром заговорит уже.

— Утром? — переспросила я.

— Да, — подтвердил Оливер. — Мистер Эррол — сильный молодой человек, но беседовать с ним сейчас было бы жестоко с нашей стороны. Движения и даже разговор причинят ему боль, а к утру, как обещал доктор, лекарства и восстанавливающие заклинания подействуют, и можно будет...

— Кленси обещал? — уточнила я. В мозгу с треском заворочались шестеренки. — Он занимался ожогами, но о поводке он не знал, да?

— Да, я попросил доктора Грина не разглашать эту информацию.

Потому он и искал заведующего, когда Норвуда доставили в лечебницу. Грин вне подозрений благодаря нашим прогулкам к единорогу, а остальным знать не нужно.

— А что вы объяснили самому Грину по поводу поводка? — спросила я ректора.

— Что полиция и руководство академии разберутся.

— То есть, по сути, сказали, что это не его дело?

Я рассмеялась, не дождавшись ответа. Как все, оказывается, просто!

— Что с вами? — встревожился Оливер.

— Ничего. Можно еще кофе? В чистую чашку, пожалуйста. И три кусочка сахара.

Ожидание могло затянуться. Или закончиться ничем, ведь я не знала наверняка, как он поступит. Или знала? Я как раз закончила размешивать сахар под недоумевающими взглядами Оливера и Крейга, когда дверь распахнулась, и в кабинет вошел Грин. Остановился перед столом, открыл рот...

— Кофе? — я пододвинула ему чашку.

Секундная пауза — и он усмехнулся в ответ. Приставил к столу стул, сел, отпил немного кофе и одобрительно хмыкнул.

Шесть вариантов ответа. В каждом — немного правды. Все вместе — большая ложь.

— Вы что-то хотели, доктор? — спросил Оливер, раньше инспектора придя в себя от удивления. — Помимо кофе?

— Перекусить не отказался бы. У вас нет печенья?

— Нет, — отрезал ректор.

— Есть сэндвич! — вспомнила я и вытащила из кармана завернутое в салфетку нечто. — Только он надкушенный и помялся немного.

— Пойдет.

— Не объясните, что тут происходит? — Оливер глядел то на меня, то на доктора, целиком засунувшего в рот мое угощение.

Я молчала, понимая, что не смогу ничего объяснить быстро и внятно, а Грин дожевал сэндвич и посмотрел на ректора.

— Что происходит? Я тоже хотел бы это знать.

ГЛАВА 34

Инспектор продолжал помешивать кофе. Звякнула о край чашки ложечка, а мне почудилось, будто это взгляды Оливера и Грина скрестились со звоном дуэльных клинков.

— О чем вы? — осведомился ректор холодно.

— Обо всем.

— Боюсь, «всё» не в вашей компетенции, доктор. Это внутренние дела академии.

— При всем уважении, милорд, — процедил целитель, — когда эти дела оказываются в моей лечебнице, они перестают быть вашими внутренними, а становятся нашими общими, вам так не кажется?

— Нет.

Не знаю, как долго они еще препирались бы, если бы не Крейг. Он негромко откашлялся, а когда буравящие друг друга взглядами маги никак на это не отреагировали, стукнул кулаком по столу.

— Простите, мисс, — извинился тут же, — стар я уже для расшаркиваний. А вы уймись оба, — тон его стал резким, один глаз уставился на Оливера, второй — на Грина, и мне пришло в голову, что никакое это не косоглазие, а редкая способность смотреть на все и сразу. — Ты, — морщинистый палец указал на ректора, — помолчи пока. А ты, — палец сменил направление, чуть ли не коснувшись лба доктора, — рассказывай, что знаешь и откуда.

— Мистер Крейг, — с укором выговорил Оливер, поглядев на полицейского, на меня и снова на полицейского.

— Ну простите, — хмыкнул инспектор. — Говорю же, стар уже, забываюсь. Никакого почтения ни к милорду ректору, ни к господину главному целителю. Только ить не вижу тут ни одного, ни второго. То ли петухи бойцовские — не знаешь, на которого ставить, — то ли детишки, игрушку не поделившие. Верно я говорю, мисс?

Миссхватило благоразумия промолчать.

— Давай, рассказывай...те, — потребовал Крейг, и оба его глаза сошлись на Грине. — А вы, милорд, кофейку нам еще сварите, замечательный он у вас выходит. И по шкафам посмотрите: не может быть, чтобы леди Райс съестного не припасла. Доктору нашему не помешает. — Полицейский потянулся рукой к Грину и оцупал воздух вокруг его головы: — Мальчишку починил? Силы вбухал немерено, вижу. Парня хоть сейчас

выписывай, да? А остаточный след от поводка не убрал, небось?

— Не умею, — заявил доктор, откинувшись на спинку стула.

— Не страшно, — растянул инспектор. — Само к утру развеется. Но если бы знающий человек подцепил...

— Случайно, — вставил Грин.

— Конечно случайно, — мрачно согласился Оливер. — Никто не подозревает вас в злонамеренных действиях.

— Мои действия исключительно добронамеренны.

Едва начавшийся второй раунд перервал гонг: инспектор снова стукнул кулаком по столу. Несильно в этот раз, но развести бойцов по углам хватило, и дальше разговор продолжился уже спокойно. На эльфийском.

Когда Грин без предупреждения перешел на язык длинноухих, я решила, что доктор хочет защитить мои нежные ушки от грубой брани, но, когда Оливер ответил, поняла, что меня оградили даже от пассивного участия в беседе, поскольку говорили маги не на новейшем эльфийском, который я худо-бедно знала, а на том малоизвестном диалекте, на котором Грин объяснялся с эльфами во время памятной операции.

Инспектор прислушивался, смотрел на обоих с отеческой гордостью. «Могут же, если хотят, оболтусы», — читалось в расфокусированном взгляде.

«Могут», — соглашалась я. До белого каления меня довести они могут.

Чем дольше они общались, тем ровнее становился тон разговора. Доктор избавился от желчной ухмылки, речь его стала менее эмоциональной, зато в голосе и лице ректора эмоций прибавилось, а это уже говорило о некотором расположении к Грину — милорд Райхон не со всяким позволял себе выйти из образа.

Договорятся. Но о чем? И когда уже?

Эльфийский язык, конечно, красивый, певучий. Даже обычно царапающая слух хрипотца Грина окрашивается мягкими нотками, когда он произносит незнакомые длинные слова, а баритон Оливера как никогда глубок и чувственен, и хочется слушать его, закрыв глаза, откинувшись при этом на мягкую кровать или утонув в душистом стогу, и чтобы милорд ректор говорил чуть тише, а мои руки обвивали его шею... Но нельзя же вот так! Или подайте мне сюда стог, или будьте людьми — говорите по-человечески!

Мои мысленные воззвания остались без внимания.

Не скажу, что маги на меня не смотрели — наоборот, смотрели всё чаще. То один, то другой. С сомнением, с тревогой. Похоже, дошли до

уготованной мне роли живца. Решать без меня мою же участь было уже наглостью, поэтому я улучила момент и обратилась к инспектору:

— Знаете, что я подумала, мистер Крейг? Библиотекарю наверняка уже известно обо мне. О том, что я все помню и мои записи не меняются. Думаю, он захочет меня устранить. Да?

Ректор и доктор враз прервали практические занятия по эльфийскому разговорному.

— Мисс Аштон, я вам обещаю... — начал Оливер, но смолк, перехватив мой сердитый взгляд: раньше надо было говорить. И на понятном языке.

— Библиотекарь попытается меня убить, а вы его поймаете, — закончила я оптимистично.

Мне казалось, когда я избавила их от необходимости лгать мне в глаза, ректор должен был вздохнуть с облегчением, инспектор — обрадоваться, что приманка сама вызвалась, а Грин... ну не знаю... рукой махнуть... Но вместо всеобщего воодушевления в кабинете воцарилась напряженная тишина.

Первым отмер Оливер:

— Элизабет, я разделяю ваше беспокойство...

— При чем тут беспокойство? Вы не поняли, что я сказала?

— А вы сами поняли? — вступил Грин. И продолжил, обращаясь к другим участникам сцены: — Мисс Аштон не в себе после недавних потрясений, не стоит принимать ее слова всерьез.

— Это экспертное мнение, доктор? — поинтересовалась я зло. — Вы-то сами как, в себе? После недавних потрясений?

Добавила бы, что резкий переход от любовных томлений к исполнению прямых обязанностей мог плохо сказаться на общем психическом состоянии, но сдержалась.

— Я в полном порядке, мисс Аштон, — не слишком достоверно копируя холодную невозмутимость ректора, проговорил Грин. — А вот вам... Как вы себя чувствуете?

Последний вопрос он задал уже с другими интонациями и посмотрел при этом странно.

— Я прекрасно себя чувствую, — ответила я. — Почему, собственно, должно быть иначе?

Спросила и сама поняла: потому что он рядом. Совсем близко. И пришел сюда сразу после того, как применял магию.

Дыхание перехватило, внутри заворочалась тошнота. Почувствовав, что меня сейчас вывернет, я вскочила из-за стола и кинулась в соседнюю

комнатку. Согнулась в углу, но смогла сдержать рвотные позывы. И в серые пески, к счастью, не провалилась. Кое-как дошла до кушетки. Легла. Свернулась трясущимся комком.

— Элизабет, — Оливер вошел и присел рядом. Провел рукой по моему плечу, унимая дрожь. — Очень плохо?

— Не понимаю, — простонала я. — Не было ничего, а потом...

— С этим мы тоже разберемся, — пообещал ректор.

— Да не с чем тут разбираться, — сказал от двери Грин. — И так ясно. Проблемы у вас не с магией. Проблемы у вас, мышка моя, с головой.

— Объяснитесь, доктор, — сурово потребовал Оливер.

— Объяснюсь. Но не с вами, милорд. Понятие врачебной тайны вам, думаю, известно. Состояние мисс Аштон я буду обсуждать только с мисс Аштон. Если она выразит такое желание. Я не привык навязывать свои услуги.

Я хотела подняться, но Оливер удержал:

— Еще будет время. А сейчас...

— Есть дела важнее, не так ли? — желчно предположил доктор.

— Не так, — зло бросил ректор. Хладнокровие изменило ему, но это и не диво: Грин кого угодно доведет. — Я хотел сказать, что сейчас Элизабет нужен отдых. Но я не целитель, и, если считаете, что вопрос не терпит отлагательств, спорить не буду. — Он встал и направился к двери. — Мы с инспектором подождем в коридоре.

Они с Крейгом вышли.

Мы с Грином остались.

Я сидела на кушетке в комнате для отдыха, а доктор стоял в дверном проеме, прислонившись к косяку. Долго глядел в сторону, словно специально, чтобы я могла оценить, что в профиль он куда интереснее, чем анфас.

— О чем задумались? — спросил, продолжая разглядывать что-то, несомненно, стократ интереснее полудохлой девицы.

— О том, что у его величества низкий лоб и нос картошкой, — ответила я честно. — Ваш клюв на монетах смотрелся бы лучше.

— Клюв? — наконец-то меня удостоили взгляда. Да какого! — На монетах?

— Ваш выразительный профиль, — исправилась я. — И не обязательно на монетах. Возможно, когда-нибудь учредят медицинскую премию и наградной знак имени вас, такой себе «Грин в петлице». Или медаль. На худой конец барельеф на стене лечебницы лет через... много... Почему бы и нет?

— Действительно, — хмыкнул доктор. — Не пропадать же такому выразительному клюву?

— Простите, я несу чушь, — пробормотала я виновато.

— Так боитесь услышать мой диагноз?

— Ваш — нет. Даже любопытно было бы. Но вы ведь собираетесь озвучить мой.

— Если у вас не осталось идей, к чему еще приспособить мой клюв.

— Вы теперь не скоро забудете, да?

— У меня отличная память, Бет. Но вернемся к вам. Почему вы интересовались тиморисами? Думали, не подселился ли к вам этот паразит?

— Не думала, — я покачала головой. Подселенец в этом теле — отнюдь не вызывающая навязчивые страхи эфирная сущность. — Это не связано...

Грин скептически поморщился.

— Или связано, — признала я. — Знакомый медиум работал с тиморисами, а я случайно оказалась поблизости.

— У вас был контакт? И что? Паразит, случаем, не моим голосом говорил?

— Нет. Моим.

Подозреваю, своими откровениями я могла бы сломать мозг Фрейду и Юнгу вместе взятым, но Грин оказался покрепче этих господ.

— Что ж, — пожал он плечами, — мою теорию это не опровергает. И какие вы сделали выводы из того разговора?

— Никаких. Тогда не было времени. Сейчас — сил и желания. Простите, доктор, но день был суматошный, в том числе и вашими стараниями, и разгадывать загадки я не в состоянии. Вы хотели что-то сказать, так говорите прямо.

— Первый шаг к исцелению — осознание сути недуга, — философски изрек Грин. — И лучше бы вам осознать ее самостоятельно. Но, если не желаете напрягать ум, так и быть, пойдем окольным путем. Я считаю, что с вами случилось что-то, вызвавшее эмоциональный дисбаланс, вследствие чего вы утратили связь с даром. Возможно, это произошло на полигоне, когда исчез ваш однокурсник, а возможно, эти события никак не связаны. Главное, что мы имеем, — эмоциональный дисбаланс, потеря контроля над силой, разрушение естественной защиты и изменение полярности в некоторых аспектах восприятия. Вы не лишились магии, иначе вы реагировали бы на ее применение как обычный, не обладающий даром человек. То есть никак. Вы не видели бы ее, не слышали бы и не

чувствовали.

— Я не вижу и не слышу.

— Но чувствуете. Причем исключительно негатив. Притягиваете его к себе, вбираете, словно губка. Это я и подразумевал, говоря о смене полярности. Так не должно быть, понимаете? Понимаете, конечно. Но уже привыкли бояться. И это тоже странно. Сколько времени вы прожили без магии? Чуть больше месяца? Месяц против долгих лет, в течение которых вы день за днем осознавали свой дар? Почему вы забыли об этих годах?

Я могла бы ответить, но... не могла. Только соглашалась с ним мысленно.

— Бет, подумайте, что спровоцировало разрыв с даром. Почему вы сконцентрированы на негативе? Почему... хм... Рискну показаться человеком с завышенной самооценкой, но почему именно я стал для вас воплощением этого негатива? Я чем-то вас обидел?

— Вы назвали меня малолетней пьянчужкой, — припомнила я шепотом. — И на следующий день высказали... и потом...

— Простите, я в вас ошибался, — извинился он тихо.

— Не ошибались, — вздохнула я.

— Ошибался. Да и вообще я умею производить неблагоприятное впечатление. Но признайтесь, вы давно меня раскусили и уже не видите нужды бояться. А ваш организм постепенно восстанавливает естественную защиту, и, когда вы не пытаетесь осмысливать свои ощущения и поступки, а действуете интуитивно или отвлекаетесь на что-то... Как сегодня, к примеру. Вы развлекались. Догадались, что я приду за объяснениями. Вы умная девушка, просчитали мою реакцию и поджидали с готовым кофе и сэндвичем...

— Вы тоже развлеклись, придумывая для меня причины, по которым решили помочь Норвуду. Остановились на седьмом пункте. Не помните, что это должно было быть?

— Отчего же? — вздернул бровь целитель. — Прекрасно помню. Мисс Раскес. Она была у меня, пока вы спали рядом с ее приятелем. В смысле, вашим приятелем и ее... не знаю, как это сейчас называется. Рвалась в палату, а когда ее не пропустили, потребовала заведующего. Интересная девица. Такая...

— Наглая?

— Целеустремленная, — не согласился Грин. — Чем-то похожа на вас, но несколько лучше.

— В чем же? — любопытствовала я уязвленно.

— Она знает, чего хочет, — ответил доктор. — Мне импонируют такие

люди. Я сказал ей, что с ее другом не произошло ничего ужасного, повреждения поверхностные, и утром они смогут поговорить. Не мог же я позволить ей завтра уличить меня во лжи?

— Значит, если бы не Шанна...

— Это седьмой ответ, Бет. Ранее я назвал еще шесть, и два из них вам вроде бы понравились. Об остальных можете забыть.

— Уже не получится. В конце концов, они все неверны. Вы просто хотели расспросить Норвуда о случившемся.

— Хотел, — кивнул доктор. — И не обязательно было его лечить. Вы же слышали инспектора: достаточно было подцепить остаточный след поводка, и раны не помешали бы вашему другу ответить. Так что я вас не обманывал. Почти.

Я почувствовала себя неловко и, хоть он ни в чем меня не упрекал, даже подумала, не стоит ли извиниться. Но с этим у меня вечные сложности.

— Зачем вы вызвались на роль приманки? — сменил тему Грин.

— Не вижу других вариантов. А вы? Сами же говорили, что каждый должен заниматься своим делом. И тут решили влезть в эту историю, еще и так бесцеремонно. Из-за миссис Кингслей?

— В том числе.

— И что будете делать теперь?

— Я по-прежнему не сыщик. Но, надеюсь, смогу чем-то помочь. Бездействие меня угнетает. Или провоцирует на странные вещи.

— Вроде сегодняшнего эксперимента? — усмехнулась я.

— Вроде него, да, — не обиделся Грин. — Каждый расслабляется по-своему. Вот вы как отдыхаете?

— Дерусь. Был неплохой бойцовский клуб, но... Остались только тренировки с мистером Вульфом, вы с ним знакомы.

— С Саймоном? Мы соседи. А увлечение у вас интересное. Выходит, испытание приворота нам обоим пошло на пользу. Я развлекся экспериментом, а вы смогли размяться. Кстати, как ваша рука?

— Рука?

— Местами я очень твердый, — улыбнулся целитель. — Предполагаю ушиб.

Он присел на корточки рядом с кушеткой и взял меня за руку. Костяшки и правда чуть-чуть припухли, и при нажатии чувствовалась боль.

— Да, — с шутливой мечтательностью протянул Грин, — отличный был хук. Но вам ведь не нужны болезненные воспоминания? Поэтому... — Он накрыл мою кисть ладонью. По ощущениям это напоминало сухой

прохладный компресс. — ...вот так будет лучше. Только пообещайте мне одну вещь.

— Какую?

— Не теряйте сознания, когда поймете, что сейчас произошло.

Пообещать я ничего не успела. Но и сознания не потеряла. Запуталась в удушливой вате, заложившей уши, и повисшей перед глазами белесой паутине, и голос Грина, пусть тот и отошел сразу же, едва пробивался ко мне.

— Вы сами все понимаете, Бет. И поняли не сегодня. Но, если оставались сомнения, надеюсь, избавил вас от них. Теперь, чтобы решить проблему, вы...

— Должна забыть о ней? — прошептала я с трудом.

— Не забыть. Вспомнить. Вспомнить, что магия вам не враг. Снова стать собой.

Логично. И просто, как и все гениальное. А Грин у нас гений. Вот только я и была собой. В новом мире, в новом теле, я оставалась собой. И магия никогда не была частью меня.

Когда вернулись ректор с инспектором, я сказала, что устала и хочу к себе, в общежитие. Меня ждал еще разговор с подругами. Нужно было без паники рассказать о случившемся с Норвудом, наврать о несчастном случае, уверить, что Рысь в полном порядке, а в лечебнице его оставили, чтобы перестраховаться. Потом — ванна с успокоительными травами, чай с успокоительными травами, несколько капель лавандового масла на наволочку и желанный покой...

Но покой мне только снится.

Вернее, даже не снится. Снилось мне другое.

Темный терминал, свет из-за приоткрытой двери, негромкая музыка. Лишь миг сомнений — и решительный шаг в неизвестность... Или в известность?

В огромном зеркале отражается белоснежное платье: сверкающий атлас расшит бисером и искусственным жемчугом, пышная юбка, спущенные плечи. Веночек на голове — словно корона из заиндевелых цветов. Фата невесомым облаком...

— Принцесса, — улыбается отец.

— Принцесса? — Фыркаю, задираю нос: — Королева!

Подбираю юбки, люблюсь новыми туфельками... только бы не натерли, нужно пластырь захватить...

— Ваше величество, карета прибыла, — рапортует мама, выглядывая в окно. — Принц уже торгуется с челядью у подъезда... Слушайте, я вообще

не знаю, кто это такие. Ну, те, что выкуп с жениха требуют. Из наших только бабу Маню вижу. Мариш, посмотри, что за предприимчивые граждане решили поживиться на чужой свадьбе.

— Мам, да ну их...

А сердце колотится.

Сейчас он войдет, увидит меня и замрет на пороге. Выдохнет восхищенно, букет, который должен был отдать мне, сунет от волнения маме, протянет руки, и мое счастье отразится в его глазах...

Мое счастье. Яркое, пронзительное. Все, о чем только можно мечтать, чего только можно желать и в этой жизни, и во всех остальных.

А за спиной, отрезая путь к отступлению, закрывается медленно ведущая в терминал дверь...

— Нет! Не хочу!

Казалось, я орала в полный голос, и крик разбудит все общежитие, но Мэг на соседней кровати даже не заворочалась.

Значит, и это приснилось.

— Не хочу, — прошептала я, уголком одеяла вытирая слезы. — Не хочу снова...

...пережить это.

Сказки не получилось.

Карета превратилась в тыкву, королева — в мышь, жизнь — в разбитое корыто.

И этого не переписать.

ГЛАВА 35

Случившееся с Норвудом, ненамеренный, но болезненный тычок от Грина, заставивший вспомнить, кто я есть, и последовавший за разговором сон, слившись, стали той самой каплей, что переполнила чашу, склонила весы, закоротила сложную схему...

Открыв поутру глаза, я поняла, что «устала» — не то слово, которым можно охарактеризовать мое состояние, что в голове у меня ни одной путной мысли, а где-то в районе солнечного сплетения за ночь свил гнездо страх, и неясно, чего я боюсь сильнее: библиотекаря, не выполнить миссию и застрять в этом мире или выполнить и вернуться в свой.

Если бы я верила, что слезы помогут, — поплакала бы.

Но я встала, почистила зубы и пошла в лечебницу. Поздоровалась с леди Пенелопой и поднялась на второй этаж. Заглянула в палату, где лежал Рысь, убедилась, что чувствует он себя уже лучше, намного лучше, судя по тому, как резко отпрянула от него при моем появлении Шанна, перебросилась с ними обоими парой слов, заметила вслух, что Норвуду идет короткая стрижка, а про себя — отсутствие шрамов на лице оборотня, и вернулась к наставнице.

Обход, осмотр, истории, листы назначений. От леди Пенелопы пахло кровью и болью, веяло холодом целительской магии — раньше я этого не чувствовала...

А Грин даже не зашел.

Думала, он захочет обсудить то, о чем говорили вчера. Заберет меня к единорогу, чтобы спокойно пообщаться, а там — уткнуться в теплую шею, пальцами в гриве запутаться; глядишь, и отпустило бы.

Но нет.

Обед.

Столовая.

Главный корпус.

Дорогой — навязчивое ощущение чужого взгляда. Слабость в коленях и полынная горечь на языке.

Ректор меня ждал. Но не один. У чайного столика — последней моей надежды на душевный покой — умостились инспектор и профессор Брок, а после обмена любезностями мне вместо чашки чая подсунули стопку бумаги и письменный набор.

— Так все же некромант?

— Возможно.

— Не слишком ли данный факт бросается в глаза? Либо преступник настолько беспечен, либо намеренно пытается нас запутать.

Уткнувшись в бумаги, я не поняла, кто что сказал, но с последним замечанием мысленно согласилась: слишком очевидно. Со слов Шанны, Рысь дважды за последние дни бывал на факультете некромантии. Один раз свернул туда во время их прогулки, сказал, что нужно что-то узнать. Во второй они случайно столкнулись у корпуса, когда Норвуд выходил оттуда. Она не спрашивала, что он там делал, но подозревала, что это как-то связано с его стажировкой в полиции.

Полиция... Когда они успели поговорить с Шанной? Как связали допрос с произошедшим с ее другом «несчастливым случаем»? Что сам Рысь говорит о случившемся?

— Элизабет, а что вы думаете?

— Я? — подняла глаза на ректора. — Я думаю, да.

Рысь был у некромантов. Ошейник, который на него нацепили, — из инструментария некромантов. Это факты.

Библиотекарь — некромант? Не факт.

Брок сказал, что плетение несложное, взято с небольшими дополнениями из общей практики. А Оливер говорил, что библиотекарь, скорее всего, не ставил целью убить Норвуда. Огонь должен был уничтожить формуляры и след поводка. Облитая маслом бумага сторела бы наверняка, но с ошейником гарантий не было. Мог ли спланировавший все маг предположить, что подчиняющее плетение не удастся скрыть? Мог. Должен был. Тогда знающие поймут, что заклинание из арсенала мастеров смерти, а если выяснится, что Рысь бывал в их учебном корпусе... Любой мог зайти туда в разгар дня, остановиться на лестнице, дожждаться парня, задать несколько вопросов или взять у того копии протоколов — это не вызвало бы подозрений: мы в академии, тут то и дело передаются из рук в руки конспекты и шпаргалки, а студенты гоняются за преподавателями, чтобы всучить не сданную в срок контрольную...

Библиотекарь — преподаватель? Почему бы и нет? Он мог стать кем угодно, переписав свою судьбу.

— Элизабет.

— Да, я думаю...

— Я спросил, не хотите ли вы сделать перерыв на чай?

Хотела. Чаю. И чтобы Брок с инспектором ушли.

Крейг вздыхал сегодня чаще обычного, терзал свой многострадальный платок и совсем не смотрел в мою сторону. Брок, наоборот, глядел не

отрываясь. Сначала меня это раздражало, а потом я вспомнила, что ему совсем недолго осталось и он прекрасно знает об этом. Знает и продолжает жить. Игнорирует сочувствующие взгляды, а на вопрос о самочувствии, если какому-то болвану придет в голову брякнуть такое, наверное, отвечает с ухмылкой: «Не дождетесь!» Сейчас у него новое развлечение — он расследует самое невероятное в истории академии, а то и всего мира преступление. А если некая девица не пожалеет пары унций крови, он, быть может, успеет совершить очередное открытие, пусть не особо значимое для науки, но нужное ему самому как знак, что он все еще жив и не собирается сдаваться.

Стоило вдохновиться его примером, но вместо этого я еще сильнее ощутила, насколько слаба даже в сравнении с умирающим стариком.

Змееподобный мистер Адамс, принесший чай, — и тот, казалось, смотрел на меня с жалостью. Потому что я и была жалкой. А когда ректор с инспектором решили просветить меня относительно дополнительных мер безопасности, едва не расплакалась. Какой толк меня защищать? От меня самой какой толк?

С этим нужно было что-то делать. Взять себя в руки, встряхнуться. Я знала действенный способ. Слушала Оливера, рассказывающего о сигнальной сети и скрытых щитах, а мыслями была на ринге с Саймоном.

— У вас ведь назначена тренировка с мистером Вульфом? — будто прочитал мои мысли ректор.

— Да.

— Он, наверное, не смог вас предупредить. У старшекурсников практика за пределами академии, вернутся поздно.

Виски свело холодом, руки предательски затряслись. Ну что за день такой? словно кто-то намеренно испытывал меня на прочность и не останавливался, не понимая, что я давно уже провалила эту проверку...

А впереди выходные.

Два дня без занятий, без посещения лечебницы, без встреч с Оливером и тренировок с Саймоном. Без насмешек Грина.

Всего два дня — такая мелочь.

Была бы.

Если бы не пошел дождь...

Он настиг меня на полпути к общежитию. Первая капля, тяжелая и холодная, в издевку ударила по носу, вторая скатилась невыплаканной слезой по щеке. Третья, четвертая... Потом кто-то наверху отвинтил до упора кран, одинокие капли сменились сплошными потоками, и лужи вокруг пузырились, предупреждая, что это надолго...

Как в тот день.

На миг почудилось, что я все еще сплю и вижу картины прошлой жизни: ранняя весна, низкое небо, ливень, голые деревья застыли безмолвными наблюдателями. Не хватало только боли, выпавшего из рук мобильника, какое-то время еще подмигивавшего разбитым экраном, металлического заборчика, в который я вцепилась тогда, понимая, что все равно не удержусь на ногах, и равнодушно спешащих мимо людей...

Я даже постояла минуту, а то и все десять, ожидая, что меня вот-вот скрутит в дугу, но лишь вымокла насквозь.

Скрутило меня уже в общежитии, после того как ушла Мэг. Приехала ее сестра с маленькой дочерью, остановилась в гостинице при академии, и Мэгги получила разрешение пожить с ними на выходных.

— Сибил встречается вечером с Яном, — сказала она мне, собираясь. — Сейчас выбирает, что надеть, так что лучше даже не заглядывай к ней — ты же знаешь, какая она нервная, когда дело доходит до нарядов.

— С каким Яном?

Хотелось кинуться к подруге и умолять не бросать меня. Разве она не видит, что я промокла и дрожу от холода? Не чувствует, как мне плохо и страшно? Прошное вцепилось в меня с новой силой, настоящее размыто дождем, а будущего вообще нет...

— Ох, Элси, — Мэг укоризненно покачала головой. — Она с ним месяц назад познакомилась. Некромант, помнишь?

Да, было. Сибил познакомилась с каким-то парнем, когда они с Мэг и Норвудом собирали информацию о пропавших студентах. Потом встречалась с ним пару раз, обещала нас познакомить, но все не складывалось. Наверное, и имя его называла, но я забыла...

— Не скучай, — помахала от порога соседка. — Завтра загляну.

Хлопнула дверь, и...

...скрутило...

Боль подкралась сзади, обняла за плечи, поцеловала в затылок. Закрывает мои глаза горячими ладонями: угадай кто? Кто не придет к тебе, не утешит, не посидит рядом? Никто...

Летти нашла меня поздно вечером.

Боль к тому времени отступила, и я просто лежала на полу, там, где застал меня приступ. Слушала шум дождя, смотрела, как через окно вползает в комнату мрак, и не думала ни о чем. Мне так это понравилось — не думать, что я даже не пыталась понять, что говорила мне горничная,

зачем тянула меня на кровать, кого звала, выбежав в коридор.

Меня хлопали по щекам, что-то подсовывали под нос, но запахи я разбираю еще хуже, чем слова, и по-прежнему не думала. Лишь одна мысль проскочила украдкой, что было бы неплохо, останься так навсегда.

Но этому желанию не позволили сбыться.

Свет стал ярче, звуки громче. Вернулось обоняние.

— Элизабет.

Грейпфрут и ветивер. Теплая кожа...

— Элизабет, посмотрите на меня.

Черные глаза, глубокая складка между бровей, во взгляде — тревога...

— Я послал за доктором Грином, но его нет ни в лечебнице, ни дома.

Оцепенение медленно сползало, словно кто-то стягивал с меня холодное покрывало. Проснувшись затаившаяся в висках боль, и я покачала головой, прогоняя ее.

— Не нужно, — прислушалась к голосу, чуть больше месяца ставшего моим, и снова потрянула головой. — Я просто...

...уже привыкла лгать.

— Я попала под дождь. Замерзла...

— У вас жар. Если Грин не найдется, переправлю вас в лечебницу.

— Так и следовало поступить, а не лишать меня единственного за неделю свободного вечера, — проскрипел от двери легкий на помине доктор, и я закрыла глаза, не желая видеть его недовольного лица.

— Мистер Грин, я бы попросил...

— Вы уже попросили, милорд, и я пришел. Теперь извольте подождать в коридоре.

Я услышала, как дверь открылась, закрылась снова. Потом — приближающиеся шаги.

— Что с вами стряслось, Бет?

— Все хорошо.

— Хм... И как давно вам настолько хорошо?

— С утра. А вам?

По моим ощущениям, он не походил на человека, у которого отобрали свободный вечер. Это было сродни мазохизму, но в глубине души меня радовало, что я могу это чувствовать: его усталость, опустошенность недавним откатом. Чувствовать, что не мне одной сейчас тяжело.

— Вы рассказывали об этом кому-нибудь? — спросил он, пропустив мой вопрос. — Леди Райс? Милорду Райхону? Подругам?

— Нет.

— Почему?

Я пожала плечами.

— Бет, вы умная девушка, я говорил это, но иногда... Иногда даже умным и сильным девушкам нужна помощь. Хотя бы медикаментозная, если другой вы не примете.

Обожгло. Слова, их смысл, участливый тон. Особенно тон. Грин никогда не говорил со мной так. Как... с пациенткой... Я не была готова к такому. К насмешкам, едким замечаниям — да. Но не к такому.

Захотелось спрятаться, и я натянула на себя покрывало, зажмурилась сильнее. Что-то горячее потекло по щеке, и от этого стало еще хуже. Но и лучше тоже.

— В этом нет ничего постыдного, Бет. Ни в приеме лекарств, ни в слезах. В умеренных дозах и то, и другое пойдет вам на пользу. Возможно, хватит даже слез. Но в лечебницу я вас заберу. По крайней мере на эту ночь. Хорошо? И не скажу ничего милорду Райхону, мы ведь помним о врачебной тайне. Главное, что ваше состояние не является следствием наведенных чар, а в остальном я соглашусь с вашей версией. Вы попали под дождь, у вас сильнейшая простуда, а поскольку решить эту проблему магией в вашем случае нельзя... Да?

— Правда не скажете никому? — прошептала я.

— Правда.

— А лекарство... горькое?

— Сладкое, — в голосе Грина послышалась улыбка. — С мятным привкусом.

Даже умным и сильным девушкам порой нужна помощь. Что говорить о таких никчемных дурочках, как я?

Меня устроили в маленькой палате на третьем этаже, в так называемом тихом крыле, которое курировал лично заведующий. Чуть дальше по коридору в такой же палате лежала Ева Кингслей, но, закутавшись в одеяло и носом уткнувшись в хрустящую от крахмала наволочку, я не думала об этом. В мыслях было другое.

Почему тогда, в моем мире, судьба не назначила мне врачом такого, как Грин? Почему никто не сказал мне так просто, как он сегодня, что нет ничего постыдного в том, чтобы признать свою слабость и принять помощь? Почему никто не вспомнил о пресловутой врачебной тайне, этике или, как бы оно ни звалось, о том, что не позволило бы шептаться за моей спиной, отсекло бы любопытные взгляды и слухи, переползавшие за мной из отделения в отделение?

Грин не отчитывался перед принявшими меня на свое попечение

сестрами, но и секретности не нагнетал. Несколько общих фраз. Четкие рекомендации. Нужно понаблюдать, да. Чтобы не возникло осложнений. Возможна аллергическая реакция на ряд препаратов, поэтому пока только покой и обильное питье.

Капли, те самые, не горькие, он принес мне сам и в листок назначений не вписывал. После них тело сделалось легким и в мыслях посветлело, словно порыв свежего ветра разогнал удушливый туман.

Доктор взял меня за руку, с минуту слушал пульс, а затем вынул из кармана низку стеклянных бусинок и намотал мне на запястье.

— Помните волоски из гривы единорога? Один из них тут вместо нити. Считайте альтернативным лечением.

«Снова ставите на мне опыты?» — хотела спросить я, но говорить стало лениво. Если бы не это, поинтересовалась бы заодно, откуда у него бусинки...

— Просто конский волос смотрится не очень, а стекляшки завалились дома, — и без моих вопросов сообщил он. — Хотя ювелир из меня так себе.

Я бы не сказала. Браслетик вышел симпатичный. И прозрачные бусинки нескольких оттенков голубого, нанизанные последовательно, так что один тон переходил в другой, вряд ли просто «завалились». А еще браслет делался явно для женщины: это было понятно и по его внешнему виду, и по длине нити, которая не сошлась бы на мужском запястье.

Тогда я и вспомнила о миссис Кингслей. Но, когда собралась спросить о ней, оказалось, что доктор уже вышел из палаты. А я даже за случайный подарок не поблагодарила.

Завтра успею. А сейчас — отдыхать. Закрывать глаза и не думать ни о прошлом, ни о будущем, ни о настоящем. И, пожалуйста, если кто-то там, наверху или в иных сферах, слышит меня, пожалуйста, никаких снов!

...Но бывают и приятные сны.

Такие, что входят украдкой, опускаются на корточки у кровати, трогают заботливо лоб, проверяя, спал ли жар...

— Элизабет, вы спите?

— Сплю, — отвечаю я, не открывая глаз.

— Может быть... Глупо сейчас, но, может, вы хотите чего-нибудь?

— Хочу, — улыбаюсь я. Желания должны сбываться, хотя бы во снах. — К единорогу.

— Значит, пойдем к единорогу.

— И цветы, — говорю, потягиваясь. — Голубенькие такие. Бродия,

кажется.

— Бродиэя, — повторяет сон.

Гладит по щеке.

— Спите...

И я сплю.

А утром, открыв глаза, натыкаюсь взглядом на перевязанный бумажной лентой букетик голубых звездочек...

Я улыбнулась спросонья, потянулась к букету и лишь затем вспомнила, где нахожусь и как сюда попала. За окном по-прежнему лил дождь, небо было затянуто тяжелыми тучами, и оттого в палате царил полумрак, но сейчас все это уже не имело значения: настроение у меня было не в пример лучше погоды.

К цветам прилагалось письмо — маленький конверт, запечатанный сургучом, хотя никаких тайн послание не скрывало, только обещание: «Увидимся через полчаса. О. Р.». Через полчаса после чего? С какого времени начинать отсчет? Я сняла со спинки кровати часы-кулон, которые повесила в изголовье с вечера, открыла крышку. Ажурные стрелки показывали без четверти десять, и, помня распорядок в лечебнице, я сделала вывод, что проспала и завтрак, и обход.

— Доброе утро, — дежурная сестра заглянула в палату, когда я уже натянула платье. — Как вы себя чувствуете, мисс Элизабет?

Тут меня многие знали как студентку леди Райс, и я знала многих, и эту немолодую, доброжелательную женщину тоже, но в лицо, а не по имени.

— Доброе утро, — отозвалась, опуская обращение. — Хорошо, спасибо. Скажите, доктор Грин...

— У него срочный пациент, — предупредила сестра мое желание встретиться с заведующим. — И сложный, говорят. Уже операционную готовят.

— Но он ведь не запрещал мне выходить из палаты?

— Нет. Наоборот, сказал, что вы, наверное, захотите навестить друга на втором этаже.

— Да, обязательно, — пробормотала я, мысленно коря себя за то, что позабыла о Норвуде.

— Но он это говорил, когда в первый раз зашел, затемно еще, — продолжила сестра. — А когда во второй — сказал, что уже не получится. Ушел ваш товарищ. Доктор сердился, но недолго. Сказал, раз ушел, стало быть, здоров. А студенты у нас частенько сбегают — кому в молодые годы

охота бока на казенной койке отлеживать?

Если кому и охота, то Рысь точно не из их числа.

Еще один камень с души.

Оливер появился в десять пятнадцать — ровно через полчаса после того, как я прочла его записку. Если хотел меня удивить, ему это удалось. Впрочем, секрет фокуса он раскрыл сразу же после того, как сообщил мне, что утро доброе, а я прекрасно выгляжу.

— Оповещение сработало, когда вы сломали печать.

— И вы тут же бросили все дела?

— Сегодня выходной, — напомнил ректор. — У меня нет дел, которые нельзя было бы отложить.

— Тогда... к единорогу?

— Я не успел переговорить с доктором Грином.

— Он не будет возражать, — заверила я. — Единороги же целебные. Только у меня верхней одежды нет.

Накануне милорд Райхон переправил меня порталом из комнаты общежития прямо в вестибюль лечебницы. Но телепортироваться на территорию эльфийского посольства равносильно вторжению.

Маг улыбнулся, глаза лукаво блеснули.

— Вы так и не забрали куртку, которую оставили в клубе Огненного Черепа, помните? А еще я захватил зонт. Готовы?

Оливер подал мне руку. Я подхватила полюбившиеся моему чуду цветы.

— Готова.

Погода разбушевалась не на шутку: ливень, ветер, норовивший вырвать у Оливера зонт и заглянуть мне под платье. Но, как сказал ректор, хорошо, что не гроза. В грозу отключают сеть порталов, так как те сбоят из-за атмосферного электричества.

Эльфю, дежурившему у калитки посольства, дождь был нипочем. Струи воды обтекали укрывавший его невидимый кокон, и, судя по тому, как аккуратно лежали на плечах стража длинные белые волосы, ветер тоже не мог пробить защиту. Мне даже показалось, что нелюдь усмехнулся, взглянув на наш зонт. Но, скорее всего, показалось: все знают, каковы эльфы по части эмоций; милорду Райхону жизни не хватит, чтобы достичь такой степени непробиваемости.

Впустили нас без лишних вопросов и никаких леди не приставили. У ректора были определенные преимущества в этом вопросе. Странно, что он

не бегал сюда ежедневно.

— Эноре кэллапиа не любят магов моего профиля, — сказал он, когда я спросила об этом. — Зачем лишний раз нервировать чудесное животное?

Увидев меня, единорог радостно заржал и шагнул навстречу, но тут же отступил, заметив ректора, и сердито забил копытами.

— Я же говорил, — вздохнул Оливер. — Мне лучше...

Уйти?

Я укоризненно поглядела на свое чудо: разве можно гостей гнать? Тем более этот угощение принес. Вынула из-под куртки букет, но единорог не сменил гнев на милость.

«Не тот человек, — фыркнул он сердито. — Не тот!»

— Все хорошо, — успокоила я ректора. — Он привык видеть меня с доктором и немного растерялся.

Просто растерялся, да, диво дивное? Ты же не испортишь мне свидание? Потому что это тот человек. Для меня — тот.

А для тебя — цветочки. Хочешь?

Взгляд его смягчился, но единорог не потянулся за лакомством. Втянул ноздрями воздух, кивнул одобрительно, а потом толкнул меня мордой в лоб.

Серьезно? Нужно обязательно воткнуть это в волосы? Извращенец! Скажи еще, за корсаж заправить!

Единорог с интересом обдумал это предложение и причмокнул губами: мол, в другой раз, когда платье подходящее наденешь.

С трудом сдерживая смех, я стегнула его букетиком по морде. И зачем ему с такими замашками именно девственницы?

«Свет, — донеслось в ответ. — Свет хороший, чистый. Не колючий».

Аура? А если уже не Девственница, свет колючий?

«Колючий, — фыркнул единорог. Затряс головой, будто хотел избавиться от прилипшей к морде грязи. — Много мужчины. Женщина принимает мужчину, берет его свет. Когда мужчина правильный — терпимо. Когда неправильный — колючий. Когда мужчин много... пф-ф-ф...»

Ну да. Когда мужчин много, не могут они все быть «правильными».

А мой свет — он какой? Я же все-таки...

«Вкусный. Сладкий, горький... Разный. Но вкусный».

Я поперхнулась от неожиданности. Он что, питается чужой энергией? Как вампир?

Единорог не обиделся на неудачное сравнение. Только головой покачал, намекая, что мне не понять, как можно впитывать свет ауры, не

отбирая при этом жизненной силы. А питаться он предпочитал чем-то материальным, о чем не преминул напомнить жалобным ржанием и выразительным взглядом на голубенькие цветочки.

Я выдернула из букетика цветок и, как был, на длинном стебле, воткнула себе в волосы. Смотрелось это, полагаю, нелепо, но смотреть-то никто и не собирался: диво дивное тут же слизало лакомство с моей головы.

А ведь ему нравятся эти цветы. Так не специально ли Каролайн утыкала меня тогда голубыми звездочками? Она ведь знала, куда я собираюсь. Украсила меня, как украшают кремом торт, и прислала в качестве презента?

Единорог печально вздохнул, и, чтобы утешить его, я заткнула за ухо следующий цветок, за что была благодарно облизана...

Фу! Знает же, что мне это не нравится!

— Пф-ф-ф! — смешливо выдохнуло мне в обслюнявленное лицо дивное создание и смачно захрустело зеленым стебельком.

Вредина!

— Вы хорошо ладите, — сказал за моей спиной Оливер.

Единорог дернул ухом, отступил от меня и сердито топнул на ректора. Гнать он его уже не гнал, но и слова не давал.

— Да, — я обняла сварливое чудо за шею. — Мы подружились. Но он очень ревнивый друг. К тому же эти создания не любят мужчин.

— Чем тогда занимается здесь доктор Грин?

— Наблюдает. Один раз взял образцы...

Зловредный эноре кэллапиа громко проржал. Пришлось почесать его за ухом и предупредить, что милорду Райхону не нужны «подарки».

— Элизабет, я хотел поговорить с вами, пользуясь случаем.

— О чем?

— О вашем участии в...

— Давайте обсудим это позже?.. И не садитесь на этот ящик! — успела предупредить я ректора, почувствовав нарастающий гнев единорога.

— Что не так с ящиком? — удивился маг.

— Ничего. Просто... на нем нельзя сидеть...

Несильно ткнула единорога кулаком: чего чудишь, чудо? На Грина ведь тоже фыркал, а тут, глядите-ка, взялся охранять персональное сидячее место!

«Он забавный».

Доктор? Ну да, бывает. Но это не повод топтать на Оливера.

«Темный», — неприязненно выдохнул единорог.

Не его вина. Я ему специальность придумала. Поддалась моде на темных магов.

Эноре кэллапия не поверил. Мэйтин тоже говорил что-то о непостижимости причинно-следственных связей. Возможно, Оливер, со мной или без меня, и не мог быть никем, кроме как специалистом по проклятиям. Но это же не значит, что он плохой? Темные материи как дисциплина изучают не только создание проклятий, но и способы избавления от них. И вряд ли Оливер проклинал кого-нибудь по-настоящему.

Единорог обозвал меня наивной дурочкой.

Проклинал?

Я недоверчиво заглянула в глаза эноре кэллапия. Будь это правдой, разве терпел бы он ректора рядом?

«Он искупил тьму, — дыхнули мне в ухо. — Сильный... Но трудный. Закрытый».

Работа у него такая. Сам, поди, не рад своей замкнутости, но как иначе на подобной должности?

Диво дивное выдало сумбурный поток мыслеобразов: что-то о людях, которые сами себе усложняют жизнь, да еще и являются, такие трудные и колючие, к мирным единорогам и аппетит портят. В подтверждение последнего заявления выхватил у меня оставшиеся цветы и сжевал, всем видом демонстрируя, что это не доставляет ему удовольствия.

— Элизабет, мне все же нужно с вами поговорить, — сказал так и не рискнувший никуда присесть ректор.

Единорог вместо того, чтобы снова на него топнуть, прислушался.

— У меня вошло в привычку начинать день с ваших заметок, сверять по ним собственные воспоминания...

— Что-то еще изменилось? — насторожилась я.

— Виктор Нильсен. Я не помню такого студента. С утра повидался с несколькими преподавателями с кафедры прикладной некромантии — они пока не забыли. Только во мнениях не сходятся: одни говорят, что он перевелся, другие — что вообще бросил учебу. Хотел поговорить с Грином, Нильсен ведь был его пациентом, но доктор занят.

— И, скорее всего, думает, что Виктор уехал после того, как он не дал ему разрешения на практику, — вздохнула я. — Времени все меньше.

— Да. Потому и не хочу тянуть с этим разговором. Профессор Гриффит работает над книгой памяти, обещает закончить к концу следующей недели. До этого момента вы будете под усиленной охраной, и, если библиотекарь посмеет к вам приблизиться, мы его поймаем. Но

если... Если мы не найдем преступника, а задумка Гриффита не увенчается успехом и записи не остановят изменений... Уезжайте. Я вас прошу, пожалуйста.

Я спрятала лицо в шелковистой гриве.

— Хорошо.

— Обещаете?

— Да. Но по-прежнему не хочу обсуждать это сейчас.

Единорог мотнул головой, посмотрел на ректора и недовольно оттопырил губы: сказал, что хотел, — можешь уходить. А когда маг никак на это не отреагировал, толкнул меня в плечо: отойдем, мол, подальше, а то стоят тут всякие, подслушивают, подсматривают, а нам посеCRETничать нужно...

Секреты, ага. У кого-то лоб в основании рога чесался — огромнейшая тайна. И шею еще погладить, и спину между лопатками... да-да, вот здесь... А что, говоришь, доктор сделал с образцами? Серьезно? Ну дает! Молодец! А то эльфы только и могут, что цветочки ценным материалом удобрять... Видела цветочки? Красивые? Во-от, теперь знаешь, кто старается...

Он дурачился, смешил меня, уводя от серьезных тем и невеселых мыслей, и я была безмерно благодарна ему за это. И так же безмерно горда. Что бы ни лезло порой в мою дурную голову, я не никто, не пустое место, раз уж дивный эноре кэллапия, пренебрежительно фыркающий на ректоров и меняющий девиц подле себя чаще, чем иные ловеласы, считает меня достойной дружбы. Грустинки, прячущейся в его глазах под искристым смехом, я старалась не замечать. Ни к чему. Только радость, тепло, мягкая шерсть под моей рукой. И музыка. Легкая, незамысловатая песня пастушьей дудочки, летящая над сочными лугами...

Я не сразу поняла, что эта музыка звучит в реальности, и, только когда единорог наострил уши, обернулась туда, где, позабытый нами, стоял Оливер. Прислонившись к стене, он насвистывал привлекшую наше внимание мелодию... На чем, интересно?

Заметив интерес эноре кэллапия, ректор свистеть перестал, демонстративно звякнул связкой ключей и спрятал их в карман.

— Элизабет, мне жаль отвлекать вас от вашего друга, но пора возвращаться.

Единорог растерянно затряс головой. Посмотрел на меня, и я виновато развела руками: я не могу указывать главе академии, что делать. И нет, я не буду просить его еще посвистеть.

— Вам удалось его заинтересовать, — сказала я Оливеру, когда мы

вышли.

— Полагаете, этого хватит, чтобы он не прогнал меня в следующий раз? — улыбнулся маг.

Я вспомнила взгляд своего чуда, которым он провожал нас, и уверенно кивнула:

— Не прогонит. Но репертуар нужно расширить.

ГЛАВА 36

Оливер оставил меня в вестибюле лечебницы. Позже обещал вернуться, чтобы расспросить Грина о Викторе. Я же планировала пообщаться с доктором немедленно: сообщить, что прекрасно себя чувствую и не нуждаюсь в продолжении лечения, поблагодарить и попрощаться. Как минимум до завтра.

На вопрос, закончилась ли операция, которую вел заведующий, дежурная сестра буркнула, что да, но его лучше не беспокоить.

А то я не знала! Но если не подходить к нему слишком близко, волна негатива пройдет вскользь, а если Грин сам постарается сдерживаться, я ему даже кофе сварю. Если только он уже не уснул за столом.

Я постучалась и, не дожидаясь ответа, открыла дверь в кабинет.

Доктор не спал — писал что-то.

— А, мисс Аштон, — он оторвался от бумаг и кивнул, — входите.

Остановившись на безопасном расстоянии, я с удивлением прислушалась к своим ощущениям: негативом от Грина тянуло, но не больше обычного. Сделала еще шаг...

— Это раздражает, — продолжая писать, бросил он. — Сядьте уже где-нибудь.

— Я...

— Хотели попрощаться? Всего доброго, не смею задерживать.

— Почему? — растерялась я.

— Потому что меня вы, очевидно, как своего лечащего врача не воспринимаете и следовать моим рекомендациям не собираетесь. А я не люблю тратить время на пациентов, которые безответственно относятся к собственному здоровью, нарушают режим и усложняют работу персонала.

— Чем я усложняю? Я...

Ненавижу, когда окружающие начинают вести себя необычно или непривычно. Ладно Оливер, подобно Суок насвистывающий на ключах веселую песенку, — это было неожиданно, но в хорошем смысле. Но Грин, методично и почти равнодушно высказывающий мне претензии в нарушении больничного распорядка, — что-то совсем странное. Лучше бы вызверился, как бывало, или съязвил.

— Пока вы отсутствовали, к вам приходили посетители, — ровным, немного рассеянным тоном пояснил доктор. — Вы поставили дежурных сестер в неловкое положение, уйдя без предупреждения. О друзьях,

которые о вас волнуются, тоже не подумали, как и о том, что нельзя покидать территорию лечебницы, не согласовав это со своим врачом.

— Но у вас была операция...

— Значит, нужно было подождать.

— Мы с милордом Райхоном были у единорога, — покаялась я в надежде, что Грин поймет, почему я не могла ждать.

— Знаю. Если бы у милорда Райхона хватило ума тащить вас к себе и загружать делами, у нас был бы другой разговор. У нас с ним, я хотел сказать.

Ничего не понимаю. Отчитывает меня за то, что ушла, никому ничего не сказав, а о единороге откуда-то знает.

Закончив писать, Грин наконец-то соизволил посмотреть в мою сторону.

— Улика, — вынул из внутреннего кармана пиджака голубой лепесток. — Было два, но второй я съел, чтобы убедиться, что не ошибся в выводах. Можете при случае наябедничать эноре кэллапиа.

Я с облегчением выдохнула: по крайней мере он не сердится, что я навещала единорога. Хотя вряд ли только об этом и тревожился, пока меня не было. Определенно что-то случилось. Доктор мало того что говорил странно, еще и выглядел так же: слишком спокойный, слишком опрятный, волосы аккуратно расчесаны, пиджак застегнут на все пуговицы...

— Как прошла операция? — спросила я.

— С летальным исходом, — ответил он без паузы и так невозмутимо, что в первую секунду я просто не поняла сказанного. Во вторую — не поверила. В третью...

— Как? — прошептала, осознав, что не ослышалась.

— Хотите почитать историю и отчет? Я как раз закончил.

— Нет, я... простите...

— За что? — искренне удивился целитель.

— За то, что пошла к единорогу без вас.

— У меня все равно не было бы времени. Его и сейчас немного.

— Простите, — снова извинилась я. — Я пойду... в палату, да? Когда освободитесь...

— Зайду к вам и решу, можно ли вам покинуть лечебницу, — закончил он. — Я предупредил сестру, чтобы вас покормили, не отказывайтесь. Потом выпьете лекарство, которое я оставил, и отдохнете, даже если вам кажется, что вы в этом не нуждаетесь.

Спорить я сейчас и не подумала бы.

В палате меня ждала леди Пенелопа. Наставница навещала своих пациенток даже в те дни, когда не работала по графику, а сегодня сестры рассказали ей обо мне, и она, конечно же, зашла. Врать ей о простуде я не смогла, только просила не говорить Грину: он-то честно хранил мою тайну.

— Ему сейчас не до этого, — вздохнула леди Райс.

— Да, я уже знаю. Это так... так...

В голове не укладывалось, что наш доктор, собиравший людей по частям и оперировавший эльфов «без рук», не сумел кого-то спасти.

— Он ведь не бог, — пожала плечами наставница. — Случай был безнадежный, другой хирург даже не взялся бы. И не думайте, что он впервые теряет пациента. У Эдварда это случается, наверное, чаще, чем у других. Но лишь по той причине, что он не отказывает тем, у кого есть хотя бы мизерный шанс. И многих ему все же удается спасти. Значит, оно того стоит... по его мнению...

— А по вашему? — спросила я, заметив ее сомнения.

— Это его выбор. Не мой.

Леди Пенелопа посидела со мной еще немного, проконтролировала, чтобы я съела принесенный дежурной сестрой суп и выпила лекарство. Через полчаса после ее ухода зашел, как и обещал, Оливер. Он успел поговорить с Грином о Викторе, и наши опасения подтвердились: доктор довольно смутно помнил парня, которому отказал в разрешении на практику. Хотя, быть может, сейчас просто не мог сосредоточиться на мыслях о прежних пациентах.

— Поговорю с нашими юристами, — сказал Оливер, когда разговор коснулся сегодняшней операции. — Административно лечебница не относится к академии, но у нас договор на медицинское обслуживание преподавателей и студентов, и мы организовываем тут практику для последних, так что нельзя сказать, что здешние проблемы не касаются ректората.

— Проблемы? Юристы? — Я не поняла ничего из услышанного: видимо, лекарство начало действовать, и расслабившийся мозг отказывался работать.

— Родственники умершего могут обратиться с жалобой в комиссию по здравоохранению или подать в суд.

— На Грина? Но ведь...

— Да, я говорил с доктором Стоуном. Тяжелый случай, от которого отказался уже не один врач. Но вы плохо знаете людей, Элизабет. Кто-то действительно верит, что целители способны творить чудеса и просто не приложили должных усилий. А кто-то ищет банальной выгоды, ведь, если

суд признает вину врача, наследникам выплатят компенсацию.

— Бред какой, — замотала я головой. — Неужели такое уже случилось?

— С Грином? На моей памяти... несколько раз. Но разбирают подобные дела, к счастью, не идиоты.

На месте Грина я давно разочаровалась бы в людях и, зная, чем это может обернуться, слала бы всех безнадежных лесом... что, собственно, и делают другие доктора. Правильные доктора. Но если со мной или кем-то из моих близких случится несчастье, хотелось бы все же попасть к «неправильному», который не поставит на тебе крест, лишь бы спать спокойно.

— Я спросил Грина о вас, — ушел от неприятной темы Оливер. — Он сказал, что к вечеру вы сможете вернуться к себе, необходимости оставлять вас еще на одну ночь в лечебнице он не видит. Но если захотите отдохнуть еще несколько дней, я предупрежу леди Райс.

— Нет. Мы ведь договорились, что я буду следовать обычному распорядку. Как иначе нам ловить библиотекаря?

— Элизабет...

— Мы обсуждали это, милорд.

Голова стала тяжелой-тяжелой, и я вспомнила, что мне велели отдохнуть после приема лекарства. Но не укладываться же в постель, когда у меня посетитель? Отвернувшись от мужчины, я сцедила зевок в кулак и зажмурилась, чтобы резко открыть глаза и стряхнуть с ресниц несвоевременную дрему...

— Бедная девочка...

— Что? — я вздрогнула.

— Что? — переспросил Оливер. — Я ничего не говорил.

— Не вы.

Голос был женский. Он шел откуда-то снаружи, но отдавался эхом внутри.

Вскочив, я выбежала из палаты и огляделась. Никого.

— Элизабет.

Никого и Оливер Райхон.

— Милорд, я... Я объясню, потом...

Он пойдет следом, но ничего не услышит. Уверенность, что эти слова предназначены мне и только мне, крепла с каждым шагом. И зов, которому невозможно было не подчиниться, усиливался по мере приближения к нужной двери. И запах цветов...

Грину казалось, будто имя у нее цветочное. Роза... нет, не роза. И не

фиалка... Ландыш. Сладковатый нежный аромат. Провидцы называют это флером. Сибил объясняла когда-то: иллюзорный покров из образов, музыки и запахов, сопровождающий магию прорицателей. Но музыки я не слышала, только голос.

— Бедная девочка...

Она сидела на кровати. Смотрела на меня и руки протягивала, так что захотелось упасть перед ней на колени, позволить тонким пальцам коснуться лица, погладить с материнской нежностью волосы...

— Бедная. Как долго ты блуждала, как далеко забрела, сколько горя впитала. Но теперь все хорошо. Ничего не бойся, ты...

— Ева!

— Оливер? — женщина моргнула и уставилась мне за спину. — Что вы здесь... О, боги, где я?!

Она испуганно осмотрелась. Поняла, что сидит на постели в одной сорочке, и замоталась в одеяло. Запах ландышей растворился в горечи ромашки, и окутавшее меня наваждение растаяло, отпустило, позволив вскочить на ноги и отступить к двери.

— Ева, вы... — ректор несмело приблизился к провидице. Выглядел он не менее ошеломленным, чем она, и явно не знал, о чем говорить. — Как вы себя чувствуете?

— Я позову доктора Грина, — сказала я, опомнившись.

— Да, — севшим от волнения голосом согласился Оливер. — Скажите, пусть сообщат Роберту... Роберту Кингслею...

— Что с Робертом? — встревожилась женщина. — Что... Что происходит?

Я могла бы объяснить. Но не стала. Нашла дежурную сестру, сообщила ей, что миссис Кингслей пришла в себя, вернулась в свою палату и, не снимая платья, забралась под одеяло. Хорошее лекарство — даже после случившегося только что сердце бьется ровно, а на душе легко. Но, может, и не от лекарства, а от нежданно полученного пророчества: все хорошо, ничего не бойся...

Знать бы, что она не успела сказать. Наверняка что-то важное. Я в этом не сомневалась, как по необъяснимым причинам не сомневалась в том, что Ева Кингслей уже не вспомнит, что говорила, очнувшись после долгого сна...

Шум дождя за окном и суета за дверью не помешали мне задремать. Проснулась я от того, что кто-то крепко сжал мою ладонь. Открыла глаза и увидела присевшего на кровать Грина. Руку мою он, заметив, что я уже не сплю, не отпустил, а я спросонья и не подумала вырваться, и какое-то

время мы молча смотрели друг на друга, пока до меня не дошел смысл сего действия.

— Все экспериментируете, доктор?

— Проверяю.

— И?

— Вы мне скажите.

— Ничего не чувствую. Кроме того, что вы сейчас раздробите мне пястные кости.

— Пястные кости, — повторил он. Поправил на моем запястье браслет, который сам надел вчера, и разжал пальцы. — Хоть что-то хорошее.

— К-хм... Что хорошего в переломах кисти?

— В переломах — ничего, — флегматично отозвался целитель. — Хорошо, что вы перестанете от меня шараться. Надоело до ужаса. И эта гримаса, словно вас вот-вот стошнит от одного моего вида... А, нет, гримаса осталась...

— Неправда! Это... Вы меня разбудили, отдавили руку... И в каком смысле «хоть что-то хорошее»? — Я села на кровати. — Миссис Кингслей пришла в себя, разве это не замечательно?

— Для миссис Кингслей — конечно, — кивнул Грин. — Но я к ее чудесному исцелению отношения не имею.

— Вы не можете просто порадоваться за человека? Нужно непременно почувствовать собственную причастность? Знать, что это вам, а не каким-то чудесам обязаны жизнью? Да вы... — наши взгляды пересеклись, и я запнулась на полуслове. — Простите...

— Вы правы, — согласился доктор. — Я такой. Однако в данной ситуации меня больше всего угнетает то, что я не понимаю, что произошло. Но знаю, что вам это известно.

— Да, я... Я все объясню. И то, что я сказала, — не обращайтесь внимания. Миссис Кингслей и в самом деле обязана вам жизнью, ведь, если бы вы не подпитывали ее все это время...

— Ближе к делу, Бет.

— Хорошо. К делу. Вы помните Виктора Нильсена?

Именно после исчезновения Виктора Ева Кингслей решила провести прорицательский сеанс, чтобы определить местонахождение троих (на тот момент) пропавших студентов. Теперь, когда все трое забыты, исчезла причина, по которой декан факультета пророчеств впала в кому. Ее болезнь — следствие и часть парадокса, но все парадоксы, как и говорил Мэйтин, разрешались сами собой. Пребыванию Евы Кингслей в лечебнице найдется

или уже нашлось другое объяснение, а ее выздоровление можно с чистой совестью отнести к заслугам доктора Грина...

— Бет, хватит об этом.

...но доктор таковых заслуг за собой упорно не признавал.

— С ума сойти, — выдохнул он, когда я закончила. — Как вы с этим живете?

— С ума схожу. Но вы ведь не по этой части доктор.

— Справочник по психиатрии вы брали именно с моей полки, — напомнил Грин отстраненно. — Но в нем нет ответов.

— Они вам еще нужны? Вы ведь интересовались этим делом из-за миссис Кингслей. Теперь она в порядке.

— Нет. Не из-за нее. Не только из-за нее.

— Из-за чего же еще?

Он усмехнулся, немного нервно, как мне показалось:

— Возможно, меня просто привлекают сложные задачи.

— Разве их у вас мало?

— Немало. Но все они издержки профессии. А мне хочется разнообразия.

И кто из нас сходит с ума?

— Как вы себя чувствуете, Бет? — поинтересовался доктор, меняя тему. — Нет желания задержаться в нашем гостеприимном заведении еще на ночь?

— Нет, благодарю.

— Тогда собирайтесь. Милорд Райхон отлучился по делам, но обещал вернуться и проводить вас. Но прежде зайдите ко мне: дам вам капли, что вы принимали тут. Попьете еще дней десять. Препарат мягкий, привыкания не вызывает. Моя собственная рецептура. Правду сказать, я готовил его для другой пациентки, но и к вашему случаю состав подошел.

— Мне прямо неловко, — смутилась я. — Обираю ваших пациенток: и браслет, и лекарство.

— Браслет... оставьте себе, — разрешил, на миг замявшись, доктор.

— Наверное, я что-то должна? Даже не знаю, как это принято...

Он встал, дошел до двери и уже оттуда бросил холодно:

— Я выпишу чек, мисс Аштон.

Он это сделал — выписал чек. Внес туда стоимость моего пребывания в больнице и лекарств. Показал мне эту бумажку и демонстративно сунул в лежавшую на его столе папку, заявив, что лечение студентов оплачивает академия.

— Я лишь хотела как-то отблагодарить вас за помощь, — пробормотала я сконфуженно.

— У вас странные представления о благодарности. Обычно люди говорят «спасибо», а не тянутся за кошельком.

— Спасибо, — пролепетала я запоздало.

— Пожалуйста, — брякнул доктор. Поставил на край стола пузырек: — Десять капель за час до сна.

— Хорошо.

— Всего доброго, мисс Аштон.

— Милорд Райхон еще не пришел.

— Подождете в холле. Или хотите посидеть у меня? За дополнительную плату, естественно?

— Не думала, что вас это заденет, — сказала я искренне. — Простите, пожалуйста.

Грин отвел взгляд. Вздохнул.

— Вы меня простите, Бет. С моей стороны это было грубо и непрофессионально, особенно учитывая ваше состояние.

Я могла бы сказать, что у него самого состояние еще то и ему тоже попить капли собственного приготовления не мешало бы, но вместо этого предложила:

— Написать для вас шпаргалку? Сможете отслеживать изменения реальности.

— Если вас не затруднит.

— Ничуть.

Имена, даты, последовательность и, вкратце, обстоятельства исчезновений. Я столько раз переписывала это — для ректора, для полиции, для комиссии, — что успела зазубрить каждое слово и сейчас писала, почти не задумываясь.

— Чарли, Германа и Виктора уже не помнят, — сказала, подводя итог. — Остались Мартин и Камилла... мисс Сол-Дариен...

— Камилла, — протянул доктор мечтательно.

Я застыла с занесенным над бумагой пером и посадила кляксу. Грин прошептал еще что-то, но слов я не разобрала, а переспросить было неловко...

И не получилось бы: присевший в стороне целитель спал, прислонившись к стене и уронив голову на грудь, а то, что я сочла нежными вздыханиями, было сонным бормотанием в ответ на последнее услышанное слово.

— Доктор, — я легонько похлопала его по плечу. — Доктор Грин.

— Угу, — отозвался он, не открывая глаз. — Камилла, да...

— Что «Камилла»?

— Без нее плохо. Она... подкармливает мою кошку, когда я задерживаюсь... а задерживаюсь я част-т...

— Бедная кошка, — прошептала я с сочувствием, глядя на окончательно вырубившегося целителя.

Подтащила еще два стула, поставила их вдоль стены, в ряд с тем, на котором сидел доктор, и, придерживая за плечи оказавшегося неожиданно тяжелым мужчину, уложила его на импровизированное ложе. Не очень удобно, но хоть на пол не свалится во сне. Только ноги затекут...

Стул под ноги я принесла из лаборатории. Прикрутила газовые рожки и вышла за дверь. Как раз вовремя: по коридору навстречу мне шел Оливер.

— О, Элизабет, вы уже готовы? Подождете минутку? Я хотел уточнить кое-что у доктора Грина.

— Его нет, — соврала я. — Сама думала попрощаться, но он уже ушел.

Дождь закончился, однако бродить по мокрым дорожкам, месить грязь, мне не хотелось, а ректор и не предлагал: открыл портал прямо к общежитию. Но не распрощался сразу же. Сначала заверил меня в очередной раз, что волноваться не о чем, меня охраняют и не позволят и волоску с головы упасть. Потом переключился на Еву Кингслей. Он тоже уже сложил два и два и понял, почему декан прорицателей очнулась именно сегодня, но — вот странность — ни слова не сказал по поводу того, что я вдруг помчалась в ее палату...

— Погодники обещают, что завтра снова будет солнечно, — сказал невпопад, высмотрев сквозь рваные облака бледное пятно луны. — А в пятницу эльфы открывают традиционную праздничную декаду полетом «Крылатого». Вы ведь не бывали на летучем корабле?

— Корабль! — спохватилась я. — Эльфы же не помнят приглашенных в лицо? Ну, если я позову подружку?

Оливер откашлялся.

— Я не предполагал никого больше приглашать, но если вы хотите взять подружку...

— Конечно хочу, — удивилась я. — У меня два пригласительных, не пропадать же-э-э... — жираф из известного анекдота в сравнении со мной обладал фантастической скоростью мышления. — Вы собирались пригласить меня на «Крылатый»? — вздохнула я, поняв, о чем он говорил.

— Собирался. Но меня кто-то опередил. Леди Райс или доктор Грин?

— Лорд Эрентвилль.

— Вы и посла очаровали, что он расщедрился аж на два пригласительных? — улыбнулся Оливер.

— Нет, второе мне отдал доктор Грин, он не хочет лететь. А что значит «и посла»? Кого я... Ой... Мне пора, простите, милорд...

Вот это точно была Элси, а не я! Я не теряюсь, если меня зовут на свидание, язык у меня не липнет к небу, когда мужчина пытается сделать мне комплимент, а краснеть я разучилась давным-давно.

Но это я, а Элизабет...

— Дура, — прошептала я, остановившись в холле у зеркала.

И улыбка у нее совершенно дурацкая.

ГЛАВА 37

На следующий день Грин взял внеплановый выходной. Весть об этом событии переходила из уст в уста, врачи, медсестры, медбратья, санитары и санитарки ломали головы над причинами, по которым заведующий, и плановых выходных не жаловавший, внезапно не вышел на работу в понедельник. Особо впечатлительные усматривали в этом предвестие ужасных катаклизмов, а если и дальше так пойдет — конца света. Кажется, только леди Райс не нервничала: она-то знала о связи между Грином и Евой Кингслей и, думаю, представляла его самочувствие.

Меня же все более чем устраивало. И доктор отдохнет, и мне не придется с ним встречаться. Казалось бы, вчера ничего такого не произошло, но, вспоминая, я отчего-то чувствовала себя неловко. Даже предстоящая встреча с Оливером после неудавшегося приглашения смущала меньше.

— Добрый день, мистер Адамс, — придя в ректорат, приветливо поздоровалась я с секретарем.

Тот глянул на меня с привычным недовольством, выдвинул ящик стола, взял что-то...

...а в следующий миг оказался у меня за спиной.

Перед глазами мелькнуло лезвие ножа.

— Думаете, добрый, мисс?

Я вскрикнула — единственная реакция, которой ожидала от себя в такой ситуации. А дальше, видимо, включились выработанные на тренировках рефлексy — извернувшись, я с силой отвела от себя руку с оружием и ударила секретаря локтем в живот. Потом, резко откинувшись, головой... не знаю куда... Безрезультатно. Он был сильнее, и не исключено, что использовал какие-то чары, так как движения давались мне с огромным трудом, но, наверное, в мыслях у него засело во что бы то ни стало перерезать мне горло, и сделать что-либо другое он даже не пытался: держал меня одной рукой, а ножом тянулся к моей шее...

— Джерри! — Голос Оливера раздался в тот момент, когда лезвие оцарапало мне подбородок. — Джерри, отпусти ее!

— Ты не понимаешь, — прошипел мне в ухо Адамс.

Джерри Адамс — идиотское имечко.

— Я все понимаю, — выставив вперед открытые ладони, ректор приближался к нам. — Понимаю, поверь. Ты же не хочешь навредить

Элизабет? Тебе ведь это не нужно...

— Нужно! — выцедил секретарь, и нож, который я отталкивала уже двумя руками, вжался в кожу на шее. — Я должен... тогда она вернется...

— Не должен, Джерри, — продолжал уверять Оливер. Взглянул на меня мельком, а после смотрел лишь на Адамса, и в глазах его не было ни злости, ни угрозы — только страх и непонятная мне боль. — Это не твое желание, Джерри. Тобой управляют. Ты же никогда не позволял никому управлять тобой. Вспомни: никому.

— Никому, — эхом повторил Адамс.

— Никому и никогда, — отчеканил ректор, не сводя с него взгляда. — И сейчас не позволишь.

— Не поз-з-з... — слова сменились скрежетом зубов.

— Отпусти нож, Джерри. Просто разожми пальцы, ты сможешь.

— Нет, — секретарь не говорил уже — шептал еле слышно. — Не смогу.

— Сможешь, я знаю.

— Что знаешь? — выдавил тяжело Адамс. Казалось, каждое осмысленное слово причиняет ему боль. — Что... со мной?

— Тобой пытаются управлять. Но ты сильнее, Джерри, я знаю. И ты знаешь: я никогда в тебе не сомневался.

А я уже очень сомневалась, что мне не распорют-таки горло.

— Думаешь, ошейник? — прохрипел секретарь. — Как на... том мальчишке?

— Возможно, — осторожно ответил ректор. — Если так, я его сниму. Это не сложно...

— Не сложно, — прошептал Адамс, медленно отводя руку с ножом. — Я сниму.

Я не шевелилась. Нельзя провоцировать человека, находящегося под действием темных чар. Разве что сделать все быстро, но на это у меня не хватило бы сил.

— Я сниму, — повторил секретарь. Резко толкнул меня в спину, и я полетела вперед, видя перед собой перекошенное лицо Оливера.

Прежде чем я упала на колени, позади меня рухнул и забился в судорогах Адамс. Ректор с утробным рыком рванул к нему. Когда я смогла подняться, он уже стоял на коленях рядом с секретарем, зажимая рану на шее молодого человека платком.

Платок был слишком мал, кровь сочилась между пальцев Оливера и впитывалась в темный ворсистый ковер, становившийся еще темнее.

— Вот, — я схватила висевший на стуле Адамса шарф.

Оливер рванул его с такой силой, что я, не успев разжать пальцев, оказалась на полу рядом с ним.

— Держи, — приказал он сквозь зубы, прижав мою ладонь к быстро напитавшейся кровью ткани. — Держи и не вздумай отпустить его.

Вцепился одной рукой в мое плечо, второй в уже не вздрагивающего секретаря, и нас втянуло в темную дыру портала, чтобы через долю секунды выкинуть в холле лечебницы, откуда я не так давно вышла в самом прекрасном расположении духа.

— Доктора! — проорал Оливер. — Быстро! Грина!

— Его сегодня нет, — прошептала я.

— Найдут. Убью тварь. Глотку вырву собственными руками.

Последние две реплики относились уже не к доктору, и, глядя на искаженное ненавистью лицо ректора, истинному их адресату я не завидовала.

В маленькой комнатке, где мы сидели, не было часов, но я и без них понимала, что операция идет уже долго. Это вселяло надежду: значит, мистер Адамс жив, с трупом Грин не возился бы.

Не знаю, как его вызвали так быстро — порталами, видимо, — но к тому моменту, как секретаря перенесли из холла в операционную, доктор был уже там. Мотнул головой, отказом ответив на неозвученную просьбу Оливера остаться с раненым, и дверь захлопнулась. Ректор долго сверлил ее взглядом, а после присел на одну из стоявших вдоль стен скамеек. Я могла бы уйти, но вместо этого села рядом, и он не глядя нащупал и сжал мою руку.

Так мы и сидели, молча, сцепившись перепачканными в чужой крови пальцами, пока не пришел Крейг.

— Как? — спросил коротко.

— Не рассмотрел, — с трудом шевеля губами, ответил Оливер. — Похоже, но другое. Крючки на ментальном уровне.

— Нашел, значит, гад, как за живое зацепить. Ладно, поищем.

Инспектор ушел, но позже вернулся. Может, через десять минут. Может, через час.

— Нашли? — спросил Оливер.

— Тебе не понравится.

— Я догадывался.

— Знал? — уточнил Крейг.

— Догадывался, — повторил ректор сквозь зубы.

— А кто-то знал. — Инспектора я за Оливером не видела, слышала

только, как он ворочается на скамейке, словно ищет что-то в карманах, потом — негромкое бульканье. — Глотни вот.

Оливер взял обтянутую кожей флягу и долго-долго смотрел на нее. А когда решился наконец пригубить, открылась дверь в операционную и вышел Грин. Каких усилий стоила ему операция, можно было представить по тому, как у меня потемнело в глазах, а рот наполнился горькой слюной.

Фляга вылетела из руки милорда Райхона и оказалась у доктора. Тот сделал большой глоток и шумно выдохнул.

— Жить будет.

Пальцы Оливера, сомкнувшиеся на моем запястье, задрожали.

— Он потерял много крови, — добавил Грин. — Надо делать переливание, и чем скорее, тем лучше. Кровь близкого родственника, думаю, подойдет, но нужно проверить...

— Я... — ректор вскочил со скамьи. — Я до гроба ваш должник...

— Я не ростовщик, — перебил взволнованную речь Грин. — Должники мне не нужны.

— Хотите кофе? — спросила я, прежде чем сама смогла понять зачем. Он выглядел изнеможенным, и в голове само собой всплыло: кофе, крепкий, три кусочка сахара.

— Вы идиотка? — со смесью злости и удивления поглядел на меня доктор.

— Нет.

— Да! — он скрылся в операционной, дверь захлопнулась. Но в следующую секунду открылась снова. — Да, я хочу кофе. Оставьте на столе... через пятнадцать минут...

Я дошла до уборной и долго отмывала руки, стараясь не смотреть ни в зеркало над раковиной, ни на стекающую с пальцев алую пену. По пути к кабинету Грина размышляла, остались ли у него еще чашки, или он все уже разгрохал.

— Ты?! — возопила рассеявшаяся на месте заведующего Белинда. — Что ты тут делаешь?

«А ты?» — могла бы спросить я. Вряд ли Грин поручил ей рыться в своем столе.

— Доктор закончил операцию. Попросил сварить кофе.

— Я сама всё сделаю! — заявила рыжая.

— Ему не нужно всё. Только кофе.

Просто кофе. Без слащавого сюсюканья и томных взглядов, иначе чашки и правда закончатся.

— А ты, выходит, знаешь, что ему нужно, да? — она вскочила из-за

стола и пошла в мою сторону. — Думаешь, я не понимаю, чего ты добиваешься? Он ведь тебе даже не интересен, я помню, как ты кривилась, когда я о нем заговаривала... Но протекция — это другое, да? Сколько тебе еще учиться? Четыре года? Хочешь провести их под крылышком у Грина? Обхаживаешь его, вертишь тут своим тощим задом... Думаешь, никто не знает, ради чего? Я видела твои экзаменационные листы. Подписанные! Он такого не заслуживает! Не заслуживает такого отношения! Он... Он жизни спасает!

Я оценила воинственный настрой и растопыренные пальцы с острыми ноготками и покачала головой:

— Пока ты не сделала какую-нибудь глупость, Белинда, напомню: я училась на боевом. А Грин не будет сидеть у твоей постели и держать за руку. Ему некогда. Он жизни спасает, да.

Рыжая оказалась не такой дурой, как можно было заподозрить. Прошипела что-то и вылетела в коридор, по пути чуть не сбив с ног Крейга.

Тот посторонился, пропуская девицу, вошел в кабинет и прикрыл дверь.

— Не берите в голову, мисс, — сказал мне с отеческой лаской. — Не ей вам о протекции говорить... Услыхал случайно, не обессудьте. Эту красавицу миссис Ридли Эду подсунула, та, что старшей сестрой здесь. Она дама толковая, дела ведет справно, ему ей отказать неудобно было, да и Анабель, как назло, уехала. Вот та большая умница была и с доктором нашим школу прошла хорошую. Он ить не только за-ради кофе девчонок берет, учит потихоньку... И парней бы брал, так у тех же гонор, и у Эда гонор, вот и не держатся они при нем. А с девчонок, говорит, будет толк... С девушек, в смысле. Только не с этой. Потерпит он ее еще немного и спровадит по-хорошему...

— Простите, инспектор, мне это не интересно.

— Понимаю, — закивал он. — Болтаю много. Находит иногда... А чашки новые Эд вон в том шкафчике держит, — подсказал, когда я зажгла спиртовку. — Беда у него с ними, бьются часто. Так я за обычай взял чашками с ним расплачиваться. Приду ногу починить — несу чашку. И сладостей каких. Доктор наш до сладостей падкий, особенно как полечит кого...

— Я спрошу у леди Пенелопы, — пообещала я, поняв намек.

— Спросите-спросите, — пробормотал себе под нос Крейг.

— Можно и вас спрошу? Кем мистер Адамс приходится милорду Райхону? Если это не тайна, конечно.

— Да какие тайны, — отмахнулся инспектор. — Все знают. Разве что кроме студентов — тем оно ни к чему. А то станут, как девица давешняя, болтать, что ректор племянничка на теплое место пристроил.

— Он его племянник?

— Сын старшей сестры. Покойной.

— Понятно.

— Да в том-то и дело, что непонятно, мисс, — нахмурился старик. — Непонятно, чего библиотекарь добивался. Только вас устранить или еще чего. К примеру, Оливера дестабилизировать.

— В каком смысле?

— В том смысле, что, если мастер проклятий уровня Оливера Райхона потеряет контроль, нам уже не до стертой реальности станет — будем думать, как эту сохранить. А тут уж больно много совпадений получается. Если бы Джерри приказали просто убить, он бы вас скорее проклятием достать попытался. Малефик он, как и дядюшка, и неслабый. Был бы слабый, мы бы с вами, мисс, не разговаривали, а так — сумел чужие чары пересилить... А матушка его общую теорию с горем пополам осилила. Совсем они с братцем разные были, даже внешне. Оливер отцовскую кровь взял, южную. А Вирджиния в мать-северянку пошла. На вас чем-то похожа была: такая же светленькая, тоненькая, росточком только пониже... Убили ее. В Ньюсби, в гостиничном номере. Горло перерезали. А тело Оливер нашел. Понимаете, к чему я, мисс?

Я представила себя... нет, не себя — девушку с распоротым горлом, лежащую на ковре в приемной ректора. Представила, как он увидел бы ее, выглянув на шум. Тут уж не станешь сверять рост, да и забрызганного кровью лица не разглядишь — только светлые волосы, тонкую фигурку и кровь, много-много крови.

Оливер сильный, а в жизни случаются трагические совпадения...

Но потом он увидел бы убийцу. Или еще одно тело на полу.

— Понимаю.

Мой ответ прозвучал спокойно, и руки, когда я сняла вспенившийся кофе с огня, не задрожали. Мне всего лишь оцарапали шею. Я даже испугаться толком не успела. Я не истекала кровью на хирургическом столе и не сходила с ума под дверью операционной в страхе за жизнь родного человека... не в этот раз...

— Попозже продолжим, мисс, — сказал инспектор. — Схожу посмотрю, как там...

— Хорошо.

Хорошо, продолжим. И «там» тоже все хорошо.

Я положила в кофе сахар и поставила чашку на стол. Сходила в кабинет леди Пенелопы. Она куда-то отлучилась, но в шкафу обнаружили кусочек бисквита и плитка горького шоколада. Подумав, что наставница не будет возражать, взяла то и другое, отнесла к Грину и оставила рядом с кофе.

Самого доктора я увидела, когда выходила из кабинета. Вернее, сначала почувствовала. А он, заметив меня, остановился в конце коридора. Далеко, но я видела, как он бледен, темная щетина лежит пыльным налетом на щеках, глаза блестят от усталых слез, и еще сильнее обозначилась горбинка на тонком, хищно изогнутом носу...

Шагнула навстречу, но вовремя одумалась.

«Ваш кофе готов», — сказала мысленно, кивнув на дверь кабинета.

«Все-таки вы идиотка», — наверное, подумал он.

К прерванному разговору, как и обещал инспектор, мы вернулись. Но сначала пришла от своих рожениц леди Пенелопа, заварила мне большую чашку чая на травах и поставила на стол не найденное мною, а потому не доставшееся Грину печенье. Потом достала салфетку и пузырек с маслянистой жидкостью и в прямом смысле стерла с моего лица и шеи саднящие полоски порезов. Никаких вздохов и ненужных причитаний, и даже жалость во взгляде, которую я отмечала в последнее время, ей удалось спрятать.

Когда подошел Крейг, наставница сварила ему и себе кофе. Себе налила со сливками, инспектору щедро плеснула в чашку бренди.

Так, под видом дружеского чаепития, мы и обсуждали сегодняшнее происшествие и дела давно минувших дней. Вернее, одно давнее дело.

Вирджиния Райхон, сестра Оливера, никак не проявила себя во время учебы, и сейчас о ней никто в академии не помнил бы, если бы не брат и не трагическая история ее смерти, которой предшествовала, в общем-то, банальная история жизни. Джинни была на одиннадцать лет старше брата, но, несмотря на разницу в возрасте, по словам Крейга, они были очень близки. Их мать умерла вскоре после рождения Оливера, а отец занимал ответственный пост в министерстве и не мог уделять достаточного внимания сыну, оставив это нянькам и не по годам умной и серьезной дочери. Даже учась в академии, она срывалась домой при каждой возможности, чтобы повидаться с братом.

В последний год учебы умненькая Джинни, от которой никто не ожидал подобного, влюбилась в сокурсника и скоропалительно вышла за него замуж. Отца она поставила в известность постфактум, понимая, что

согласия на брак с выходцем из низов, не лучшим образом зарекомендовавшим себя в академии, родитель не дал бы. По воспоминаниям инспектора, который, казалось, знал и помнил каждого учившегося или работавшего в академии на его веку, Лесли Адамс отнюдь не был воплощением людских пороков и коварным соблазнителем. Он был рвачом. Слабенький маг-теоретик, с горем пополам набиравший необходимый для получения стипендии балл, не мог рассчитывать на сколь-нибудь удачную карьеру, а потому, когда судьба в лице Джинни Райхон улыбнулась ему, он ухватился за шанс на безбедное будущее обеими руками. Отец новоиспеченной миссис Адамс не лишил дочь приданого и от дома не отказывал, лишь предупредил, что всегда рад ей, но не ее супругу. Вирджиния отреагировала предсказуемо: разругалась с родителем и уехала с мужем в его родную глухомань. Несколько лет они, как говорят, даже были счастливы: денег хватало, родился сын. А после начались проблемы. Какие — никто тогда не знал. Вирджиния не жаловалась даже Оливеру, с которым поддерживала теплые отношения и активную переписку, и приезжала неоднократно в академию, чтобы, по словам Крейга, вправить братцу мозги. Прошел не один год, прежде чем Джинни решила обратиться к отцу. Попросила его принять их с сыном на время. Объяснила это тем, что у Джереми обнаружился дар, а в провинции нелегко найти учителей. Лорд Райхон, уставший от затянувшейся размолвки, с радостью согласился. Джереми отправили к нему тут же, а Вирджиния хотела сначала встретиться с братом, тоже якобы по вопросам обучения начинающего мага. Якобы...

Лесли Адамс ввязался в какую-то сомнительную аферу и мало того, что задолжал большую сумму серьезным людям, так еще решил их обмануть. Кинуть, как говорят в моем мире. А методы у серьезных людей во всех мирах одинаковы. Дело было уже не в возвращении долга, а в том, чтобы показательно наказать обманщика и его близких, дабы другим неповадно было. Лесли повесили на крыльце его дома. Вирджинию нагнали уже в Ньюсби, городке в десяти милях от академии. Оливер не успел на встречу с сестрой всего на час.

— Тех, кто это сделал, нашли? — спросила я, когда инспектор закончил короткий и сухой, как полицейский рапорт, рассказ.

— Официально — нет, — ответил он, посмотрев на меня обоими глазами.

Затянувшуюся паузу нельзя было назвать ни неловкой, ни напряженной: просто молчание, когда все уже сказано и нет нужды что-либо добавлять.

— Ну что вы такое говорите, мистер Крейг, — всплеснула руками леди Пенелопа. — Элизабет еще невеста что подумает. Оливер тогда сразу же уехал в столицу, к отцу. Взял бессрочный отпуск. Нужно было организовать похороны, позаботиться о племяннике. Мальчик остался один в неполные тринадцать — опасный возраст, переломный период в формировании личности и дара. И старый лорд Райхон слег после смерти дочери. Оливер пригласил лучших целителей, но увы... А то, что писали в газетах о тех жутких случаях, о каких-то смертях, вроде как не совсем естественных, — передел власти, обычный в бандитских кругах. Такие люди ничем не гнушаются, хоть бомбами, хоть запрещенными артефактами. Верно, инспектор?

— Верно-верно, — показалось, Крейг усмехнулся. — Только мисс Аштон — девушка умная и без тебя, Пенни, все поняла. Так ведь?

Так. Много объяснилось. Не только подробности родственных связей Оливера, но и его непробиваемость, сдержанность любой ценой. А еще я подумала о мистере Адамсе. Джереми. О том, каким противным он казался, как раздражали его неприязненные взгляды. А на деле, может, и не было никакой неприязни — просто темный дар рвался себя проявить, а молодой малефик еще не достиг того уровня контроля, что его дядя. Для этого нужна практика. Нужно понять, на что ты способен, и четко оценивать последствия. Нужно сорваться однажды, чтобы обещать себе, что никогда больше этого не допустишь.

— Инспектор, скажите, — начала я осторожно, — если тогда убийц не нашли, можно так же не найти библиотекаря?

Леди Райс, извинившись, вышла из кабинета. Крейг посмотрел на закрывшуюся за ней дверь и покачал головой.

— Найти можно, если по вещи какой, по волосу. По ножу, который убийца в руках держал, по чужой крови, которую пролил. Но... — Полицейский бессильно развел руками: — Не наш случай.

Не наш. Нож держал Джереми Адамс. И кровь пролил он. Свою.

— А поводок? По нему не отследить?

— Не поводок это был. Если милорду нашему верить, посложнее плетение. Только кровь, как и огонь, такие чары рушит.

— Значит, опять ничего? К чему тогда этот разговор? Только чтобы я записала, что случилось?

— Записать — это конечно, — согласился инспектор. — А еще чтобы уразумели, с какой гадиной мы столкнулись.

— С какой, с какой... С умной и расчетливой, — пробормотала я себе под нос. — Осведомленной. Одаренной. Какая нужна специализация,

чтобы сплести то, что подчинило Норвуда и мистера Адамса?

— Разная, — почесал макушку Крейг. — Некромантия, основы ментального воздействия... А там — кто знает, на что еще этот гад горазд?

Я выругалась. Неизвестно где и от кого услышанные слова сами сорвались с языка и смысл некоторых я представляла смутно, однако, судя по тому, как инспектор сфокусировал на мне оба глаза, на Трайсе подобные выражения тоже использовали. Но не юные дочери аристократических семейств.

— Отдохнуть вам надо, мисс, — сказал старик сочувственно. — Или развеяться, с подружками погулять. Я уж прослежу, чтобы ничего...

— Проследите? — переспросила я, представив себе, как Мэг набрасывает мне на шею удавку, а малышка Сибил вытаскивает из рукава стилет.

— Считайте, уже проследил. Мы-то, когда еще с мистером Эрролом приключилось, проверять начали. Только на Джерри не думали, ваш ближний круг шерстили. Чары подчинения на человеке разглядеть нелегко, особенно когда они на ожидание настроены, но если знать, что искать... А можно еще общую очистку провести. Сказали, пакостного духа ловим, которого первогодки вызвали и не удержали. Знаете, сколько от таких существ хлопот? Вот и зачистили под это дело все общежития и столовую заодно.

— Представляю, сколько энергии это сжирает, — вздохнула я.

— Поймаем библиотекаря и за это с него тоже спросим.

— Заставите возместить в тройном размере? — усмехнулась невесело.

— А и заставим, — поддержал Крейг. — До смерти отрабатывать будет. И после еще, некроманты у нас свое дело знают. А вы не берите дурного в голову, мисс. Вряд ли гад этот решится еще кого на вас натравить. Понимает же, что мы теперь знаем.

— Наверняка понимает, — вздохнула я. — И придумает что-нибудь еще. Кстати, что мешает ему приложить меня смертельным заклинанием с расстояния? Или безо всякой магии выстрелить в голову?

— Что-то мешает, — улыбнулся полицейский. — Крепко мешает, вы уж не сомневайтесь.

— Издали навредить он мне не сможет, подослать кого-нибудь теперь тоже, — рассуждала я вслух. — Придется самому идти на контакт. На это рассчитываете?

— Вроде того, — смутился от моей откровенности инспектор.

— Хорошо.

Не скажу, что меня распирали решимость и жажда действий, но

раскисать нельзя. Я себя знаю: не встряхнусь вовремя — завязну так, что ни лекарства, ни даже единорог уже не спасут.

— Вы уж про Джереми никому, — предупредил меня Крейг, доставив к общежитию. — По официальной версии ему подбросили заговоренный на кровь нож. Читали про такое, наверное. А вы...

— Я была в кабинете ректора и выскочила вместе с милордом Райхоном на шум.

— Именно так, — одобрительно кивнул инспектор.

Попрощался и побрел обратно к portalу.

До подруг еще не добрались слухи о сегодняшнем происшествии в главном корпусе, и о случившемся Мэг и Сибил узнали от меня. Официальную версию, естественно, и долго ее не обсуждали. У Сибил намечалось свидание с некромантом Яном, а Мэг нужно было готовиться к контрольной.

Жизнь продолжалась.

ГЛАВА 38

Ночь и первую половину следующего дня Оливер провел в лечебнице. Сидел на стуле у постели племянника. Вокруг Джереми сновали доктора и сестры, но заговаривать с его дядей не решались. Меня самойхватило лишь на то, чтобы дойти до палаты, открыть дверь и смотреть на неестественно прямую спину ректора. Войти и взглянуть ему в лицо я не отважилась.

Даже Крейг его не беспокоил. Сказал, пока говорить не о чем.

Грин, с утра ведший прием, разобравшись с пациентами, поднялся на третий этаж и, остановившись рядом со мной, заглянул в палату, неодобрительно покачал головой, но вместо того чтобы попытаться вразумить Оливера, выдал флегматично:

— Свалится — устрою в соседней палате.

— А если не свалится? — спросила я.

— На стуле поспит. Подсказать вам, где можно раздобыть еще парочку на всякий случай?

Кровь прилила к лицу и тут же отхлынула.

— Сама найду, если понадобится. У меня есть опыт.

Грин усмехнулся.

— Хотите прогуляться? — предложил без вступлений. — К единорогу?

— Сейчас? — опешила я. — Когда тут такое?

— А что тут? — фальшиво удивился он. — Милорд ректор страдает у постели родственника, состояние которого, как я еще вчера сказал, стабильно. Операция прошла успешно, но, чтобы увидеть результаты, нужно время. Однако, если кто-то решил уморить себя бессонницей и голодом на пустом месте, не вижу причин ему мешать. Я тоже прикинулся бы страдальцем, чтобы не искать виновника. Это ведь может быть опасно, куда опаснее, чем недосып и истощение.

Хотелось ответить ему на обвинения в адрес Оливера, высказанные с такой издевкой, но от возмущения я не могла подобрать слов.

— Считайте до трех, — шепнул мне доктор.

Только после этого до меня дошло, что все сказанное ранее было произнесено громко и четко прямо у приоткрытой двери в палату, и милорд Райхон не имел ни единого шанса не услышать.

Раз. Два...

На «три» дверь распахнулась, с силой ударившись о стену.

Оливер, бледный, осунувшийся за ночь, мазнул по мне мутным взглядом и вперился в Грина.

— Вы действительно думаете...

— Нет, — не дал ему закончить целитель. — Но начну, если не докажете обратное.

— Докажу, — выдавил сквозь зубы ректор.

— Сначала идите домой. Поешьте и отдохните. Сейчас от вас толку мало.

— Я в полном порядке.

— Вы не в порядке, — отчеканил Грин. — И, начиная спорить, только подтверждаете это.

Осмысление услышанного далось Оливеру не без труда.

— Вы правы, — нехотя согласился он. — Пойду к себе. Сообщите немедленно, если Джерри очнется или появятся другие новости.

— Обязательно, — пообещал Грин. Проводил ректора взглядом, а когда тот скрылся из виду, обернулся ко мне. — Проблема решена, можно вернуться к моему предложению.

— Вы... — у меня снова не было слов.

— Я? — с любопытством приподнял бровь доктор.

— Вы невозможны! — выпалила я, потому что в этот момент Грин вызывал у меня массу самых разных эмоций, от злости до восхищения, и определиться, какое чувство сильнее, в самом деле было невозможно. — Не пойду я с вами никуда! — Подумала и уточнила: — Сегодня.

— Замечательно, — неожиданно довольно отозвался он. — Значит, я тоже отправлюсь домой и наконец-то высплюсь. Ведите себя хорошо, Бет, и постарайтесь, чтобы из-за вас или кого-то из ваших знакомых меня опять не лишили отдыха.

— Постараюсь, — буркнула я. — Кошку покормить не забудьте.

Сама я отдыхать не планировала. После обеда забежала в общежитие, переоделась и пошла к Саймону. Мы не виделись несколько дней, а случилось за это время достаточно, было о чем поговорить, да и просто размяться не мешало бы. Но не успела я отойти от общежития и на сто шагов, как дорогу мне заступил Рысь. Вышел из боковой аллеики и остановился, глядя на меня, словно ждал, когда я сама брошусь к нему на шею.

Долго ждать я не заставила. Бросилась. Ткнулась носом в грудь и стояла так, стояла...

— Ты еще под охраной? — шепотом спросил друг.

— Угу.

— Хорошо, — хмыкнул он. — Значит, где-то поблизости вертятся агенты, которые мне сейчас люто завидуют. Но давай не будем их слишком сильно дразнить. И... спасибо.

— За что? — удивилась я.

— За тебя. Думал, ты и говорить со мной не захочешь. Испугаешься или...

— Дурак ты, Рысь.

Правду сказать, я опасалась, что он сам не захочет общаться со мной как с первопричиной всех бед, и обрадовалась, что опасения не оправдались.

— Я не могу ничего с тобой обсуждать, — предупредил друг. — Ни того, что было в библиотеке, ни сегодняшней случай. Это временная мера, неприятная, но необходимая, поверь. Меня вообще должны были отстранить, а инспектор, наоборот... Он мне место предложил, представляешь? Не просто стажировку, а работу. Учиться продолжу по направлению от полиции. Не нужно из-за стипендии переживать, и жалование, небольшое, но будет. Учеба по свободному графику, а практика — по месту службы...

Была ли удача Норвуда следствием прозорливости инспектора, разглядевшего в парне перспективного сотрудника, или божьим промыслом, но друг казался счастливым, и я радовалась вместе с ним.

Еще одна радость поджидала меня в корпусе боевиков, по которому мне пришлось побродить, разыскивая Саймона.

Нашелся он не в тренировочном зале и не в пустой аудитории, где имел привычку засиживаться, проверяя контрольные, а в самом неожиданном для себя месте — на кафедре. За столом. Стол, как выяснилось позже, ему только утром выделили, чем официально признали за вчерашним аспирантом и позавчерашним студентом гордое звание преподавателя. Правда, со «вчера» прошло уже пять лет, не говоря уж о «позавчера», но у аксакалов магических наук память хорошая, и Саймон мог еще пару десятилетий числиться у них желторотиком, посему столу, к слову, маленькому, поцарапанному и засунутому в дальний угол общей преподавательской комнаты, он несказанно обрадовался, с момента окончания занятий сидел тут и с ним, со столом, за это время успел сродниться настолько, что я всерьез заподозрила, что тренировки у нас сегодня не получится.

Впрочем, о столе я узнала не сразу. Начал Саймон со ставшей уже ритуальной фразы «Я помню». Потом спросил, как дела, и я коротко

рассказала ему последние новости, начиная с пожара в библиотеке и заканчивая происшествием в ректорской приемной. Официальные версии событий боевик уже слышал; узнав неофициальные, нахмурился. Что-то подобное он, по его словам, подозревал, но надеялся, что подозрения не подтвердятся. Саймон предложил открыться ректору и Крейгу, рассказать об именах на его груди — возможно, это и другим дало бы способность помнить. Но я эту идею не поддержала. Не было гарантий, что у меня получится еще раз «врезать» в чью-либо память ускользающую реальность. А если получится... Шрамы с тела свести непросто. Как и с души. Что, если не удастся найти библиотекаря и обратить произошедшие перемены? Кому тогда нужны воспоминания о том, чего не вернуть? Саймон, поразмыслив, со мной согласился. А заметив, что я совсем сникла, представил мне Свой Собственный Стол.

Нельзя было не отметить наличия у судьбы некоего компенсационного механизма. Место в полиции для Норвуда и стол для Саймона смотрелись именно такой компенсацией. А самой мне, чтобы вернуть растроченный за последние дни оптимизм, хватило двухчасовой тренировки и дружеской беседы.

Жаль, слов не хватило, чтобы объяснить Саймону, как я нуждаюсь в наших встречах.

— Чувствую себя бесполезным, — сказал он, прощаясь. — Даже не знаю, что могу сделать.

— Не хотите снова собрать «Огненный Череп»? — предложила я серьезно.

Он так же серьезно обещал подумать.

Утро.

Завтрак. Лечебница. Пустой стул в палате мистера Адамса. Умиротворенное лицо Джереми, теперь казавшееся даже красивым. Леди Пенелопа со своими роженицами. Ее набежавшие невесты откуда студенты, вспомнившие о скорых экзаменах. Из наполнившегося гвалтом кабинета меня спас Грин, вызвав для «особого задания», а шумные студенты, умолкшие при его появлении, наконец-то обратили на меня внимание и успели позавидовать, пока я шла к выходу...

— Зачем вам это, доктор? — спросила я, вдоволь наобнимавшись со своим чудом. — Один раз мы взяли образцы, один раз вы их даже использовали. Но в целом — в чем смысл ваших исследований?

Я просто не знала, о чем с ним говорить. А то, что он сидит молча на своем ящике и смотрит на меня, начинало... раздражать, наверное...

— Цель — изучение влияния эноре кэллапиа на людей на энергетическом уровне, — отчитался целитель. — Я отслеживаю изменения в вашей ауре.

— Как? Мне говорили, что из-за блокировки дара мое энергетическое поле аномально спокойно.

— Оливер Райхон говорил?

— Инспектор Крейг.

Судя по тому, как скоро Грин избавился от скептической ухмылки, инспектор в таких вопросах был более чем компетентен.

— Это верно лишь в отношении магического поля, — все же не согласился доктор. — Но есть еще аура жизни, ее и оцениваю. И... ваша взяла. Мне нравится приходить сюда. Вы это хотели услышать? Мне нравится, вам нравится. Без меня вы сюда не попадете, а меня без вас единорог дольше пары минут не потерпит.

Разговор не клеился, поэтому, когда открылась дверь и в жилище единорога вошел эльф, я сначала обрадовалась ему и только потом задумалась, что этот эльф тут забыл.

— Здравствуй, Илси, — легким поклоном приветствовал меня он. Вежливо улыбнулся соскочившему с ящика целителю: — Доктор Грин? Леди Каролайн много о вас рассказывала.

Доктор поклонился. Я насторожилась. Матримониальные планы Грайнвилля плохо сочетались со знаками внимания, которые означенная леди оказывала Грину, и, будь это действительно дамский роман, поводов хватило бы на эпическую битву.

Единорог, подсмотрев мои мысли, фыркнул, подошел к эльфу и ткнул тому в плечо мордой, будто собирался поделиться подсмотренным. Но Грайнвилль сплетничать не пожелал, а чтобы на него не обижались за невнимание, ласково почесал ябеду в основании витого рога. Грин издал удивленный возглас, а до меня наконец дошло, что во всем этом не так: за юную девственницу Грайнвилля даже со спины не примешь.

— Значит, это правда, — проговорил, справившись с изумлением, целитель.

— Правда, — ответил эльф. — Вы не оставите меня с моим другом, доктор?

— Конечно, — согласился Грин. — Пойдемте, Бет.

— Вы не поняли, — Грайнвилль покачал головой. — Друг, с которым я хочу пообщаться, — Элизабет.

Целитель перевел на меня вопросительный взгляд, и я кивнула: да, это мой друг. Пусть до сего дня я неоднократно сомневалась в этом, но у меня

больше нет причин не доверять тому, кому эноре кэллапия разрешает чесать ему лоб. Но каким образом он, будучи мужчиной, «колочим», может так тесно общаться с единорогом? Как я знала, для эльфов дивные создания в этом вопросе исключений не делали.

— Таких, как я, называют говорящими с миром, — сказал Грайнвилль, когда за Грином закрылась дверь — Эноре кэллапия не видят в нас ни женщин, ни мужчин, ни целомудрия, ни разврата...

— Пф-ф-ф! — не согласился единорог.

— Видят, но не придают этому значения, — исправился эльф. — Мы одинаково чувствуем мир — это главное.

— Ясно, — усмехнулась я, прикидывая, сам ли он догадался, о чем я думаю, или меня единорог сдал. — Я никогда не слышала о говорящих с миром.

— Это тоже не тайна, — сказал эльф, словно продолжал наш предыдущий разговор. — Люди изучают нас, наш язык и культуру, но многое проходит мимо них. Говорящие не несут вашему народу ни угрозы, ни выгоды, поэтому неинтересны. Упоминания о таких, как я, можно найти в ваших учебниках, но чаще они встречаются в сказках и легендах.

И, судя по всему, Грин эти сказки читал. Нужно и мне заняться изучением мифологии. Кажется, там можно найти больше ответов, чем в научных трудах.

— Что еще умеют говорящие? — спросила я эльфа.

— Мы чувствуем мир, — пожал он плечами. — Но не можем влиять на происходящее в нем. Мы лишь созерцатели. Беспольный дар с вашей точки зрения.

— А с вашей?

— Это приятно, — сказал Грайнвилль, подумав. — И помогает в общении. Похоже на эмпатию, но иной принцип формирования ощущений. Я не улавливаю эмоций отдельного существа, но чувствую, как реагирует на него мир.

Он умолк и долго смотрел на меня, прежде чем сказать то, из-за чего просил Грина нас оставить:

— Ты заставляешь мир волноваться, Илси. Он даже из-за изменяющейся реальности так не волнуется. А еще я помню твои слова. Ты сказала, что должна его спасти. И я думаю, он этого ждет.

— И?

— Это все. Я решил, что должен тебе сказать, если ты не знаешь или забыла.

Забудешь тут. Я тяжело вздохнула... Вздрыгнула и ошалело уставилась

на Грайнвилля.

— Что ты сказал об изменяющейся реальности?

— Что мир реагирует на это не так остро, как на тебя.

— Но откуда? Откуда ты знаешь? Чувствуешь? Или...

— Чувствую. И «или» тоже. Наши маги заинтересовались происходящим в академии и пришли к выводу, что кто-то спровоцировал искажения.

— И вы никому не сказали?!

— Нас не спрашивали, — удивился моему негодованию эльф. — А мы не вмешиваемся в ваши дела.

— Но изменения могут отразиться и на вас тоже! Нарушен ход событий, искажения коснутся каждого!

— В какой-то мере, — согласился он. — Но наш народ не настолько связан с вашим, чтобы изменение судьбы одного из людей существенно повлияло на нашу жизнь.

— Так вы думаете, что кто-то из людей изменил свою судьбу? — спросила я, успокаиваясь и решив хотя бы информацией разжиться, раз уж помогать нам эльфы не собираются.

— Да. Один человек, одна судьба. Искажению подвергся короткий промежуток времени. От двадцати до пятидесяти лет.

— Это, по-твоему, короткий?

— По-моему, короткий, — кивнул он. — Но для человека — целая жизнь.

В следующие полчаса я окончательно убедилась, что с эльфами каши не сварить, а если что и получится, лучше скормить это варево врагу, дабы издох в муках. Искажения они заметили, причину их определили, но человеческую магию они не изучают, запрещенную — тем более, а все, что связано с драконами, — или не наше, людей, дело, или, наоборот, наше, но эльфы об этом знать ничего не знают. Не только говорящие с миром, все они — созерцатели. Но я все же собиралась рассказать о том, что узнала, Оливеру.

О Грине за время затянувшегося, но бесполезного разговора я позабыла, а между тем доктор честно дождался меня у ворот под начинавшим накрапывать дождиком. В компании леди Каролайн, естественно. Будучи оба телекинетиками, они развлекались, отгоняя от себя дождевые капли. Видно, решили порисоваться друг перед другом и наплели такого, что в глазах рябило: двойной контур, опора на воздух, концентрация на вертикально движущихся объектах, каждый из которых нужно зафиксировать в полете и отодвинуть на заданное расстояние...

В тот же миг, как я осознала, что вижу чужие чары, все пропало. Остался только дождь. И пустота, которую я вдруг почувствовала так остро, что пришлось закусить губу и зажмуриться с силой, чтобы не расплакаться.

— Что-то случилось, Бет?

Я выдавила улыбку и покачала головой.

Все хорошо, доктор. Как всегда.

В ректорской приемной на месте секретаря сидела незнакомая мне женщина неопределенного возраста. Не определялся он в интервале от «тридцать с хвостиком» до «столько не живут» — в зависимости от того, хотела ли обладательница миниатюрной фигурки, длинного носика и льняных буклей добавить себе годков для солидности с помощью огромного количества белил и румян или же, напротив, молодилась таким образом.

В нежно-сиреновом костюмчике, украшенном без меры рюшами, смотрелась она в строгом интерьере приемной фиалкой, неведомо как расцветшей на гранитной плите. Но только я, поздоровавшись и представившись, хотела пройти мимо нее в кабинет ректора, фиалка перевоплотилась в гибрид змеи и овчарки, обладающий к тому же некими магическими способностями, позволившими ей выстроить между мной и дверью Оливера невидимую стену, чтобы вдоволь на меня пошипеть и полаять. Высказав все, что думает о невоспитанной молодежи вообще и обо мне в частности, дама пыталась записать меня на прием к милорду Райхону «в будущий вторник и не раньше». Я отказалась. Лже-фиалка немного подумала и милостиво разрешила подождать, пока она освободится, чтобы доложить о моем приходе, после чего принялась с важным видом перебирать бумажки. Скандалить не хотелось, и я собиралась дождаться, пока она наиграется во владычицу врат, но внезапно вспомнила, что являюсь штатным протоколистом специальной комиссии, о чем немедленно сообщила запудренной даме. Та враз превратилась из овчарки в курицу и закудаhtала, что знать не знает ни о каких протоколитах, но, если таковые имеются, милорд ректор должен был поставить ее в известность. Раскрыла толстый блокнот и уставилась на первую страницу. По затянувшейся паузе стало понятно, что если не о протоколите, то о некоей Элизабет Аштон эту клушу точно предупреждали.

Стена исчезла, и я беспрепятственно прошла в кабинет.

Оливер работал. В прямом смысле с головой закопался в бумаги, так что от входа видна была только его макушка.

— Добрый день, Элизабет, — поздоровался он, не поднимая головы. — Простите, мне нужно еще минут десять, чтобы закончить... или двадцать... Без Джерри я совсем запутался...

— Доктор Грин говорит...

— Да, я был в лечебнице, — судя по уверенно звучащему голосу, с потрясением милорд Райхон уже справился и не позволял себе раскиснуть снова. — Он выкарабкается, не сомневаюсь. Но я к тому времени рискую сойти с ума без толкового секретаря. Видели, какое сокровище подыскал мне мистер Крафт?

Делиться впечатлениями от «сокровища» я не стала. Присела в кресле у чайного столика и задумалась о жизни, в которой все так сложно и перепутанно.

Освободился ректор через полчаса. Может, и не закончил всё, что планировал, но сгреб решительно бумаги и отодвинул на край стола. Поинтересовался, не хочу ли я кофе, а узнав, что хочу, спросил, не возьму ли я на себя труд его сварить, так как доверять эту миссию даме в приемной ему не хотелось.

Известие об осведомленности эльфов его не удивило, а мои выводы, что ту осведомленность можно только принять к сведению, были в целом одобрены. Говорить снова стало не о чем, но Оливер сказал, что назначил на сегодня совещание комиссии, и предложил переждать оставшиеся два часа у него, если у меня нет других дел.

Дел у меня не было. А к кофе нашлось печенье и раскрошившийся шербет в мятом бумажном пакете.

— Расскажите что-нибудь, — попросил ректор, устроившись в соседнем кресле. — Неважно, о чем, только не о... Как прошел день в лечебнице? Или...

— Вы когда-нибудь видели лавандовое море? — спросила я и сама не поняла, откуда взялся этот вопрос. Может, наваяло цветом наряда временной секретарши.

— Однажды. Был проездом в одной из южных провинций, и мне порекомендовали как местную достопримечательность. Красиво.

— Наш загородный дом стоит посреди такого моря, — улыбнулась я, вспоминая. — Отец сделал маме подарок к моему рождению. С тех пор там на мили вокруг ничего не растет, кроме лаванды. Папа говорит, что он самый бездарный аграрий королевства.

— Лорд Арчибальд? — уточнил Оливер так, словно заподозрил у меня наличие еще одного отца.

— Он производит впечатление сурового и жесткого человека, да?

— Не то чтобы...

— Да. Он такой. С некоторыми людьми. Не всех же одаривать лавандовыми полями?

— Не все этого и заслуживают, — согласился ректор. — Но вас он, полагаю, подарками не обделяет.

— Ага. Однажды подарил мне целую яблоню.

— Любите яблоки?

— Не очень. Но на той яблоне висели качели.

На той яблоне и на другой тоже. Человеку не так много нужно для счастья. Иногда даже двум разным людям, оказывается, нужно одно и то же. Или все-таки не настолько разным? Или не двум?

Я рассказывала еще и еще, как тогда, в палате Норвуда, не чувствуя границ между собственной памятью и воспоминаниями Элизабет, а сама думала о родителях, уже не понимая чьих, и о магии.

Осознание. Первый опыт. Первые уроки.

Дар. Талант. Способности. Не три определения одного и того же, а три составляющие.

Дар есть у каждого мага. Он определяет умение человека взаимодействовать с преобразовательной энергией потоков.

Талант — то, к чему лежит душа. Область магии, в которой твой дар откроется лучше всего. При поступлении в академию нас заставили пройти десятки тестов, чтобы помочь определиться с выбором. Кто-то, как Сибил, знал свое предназначение еще до прихода сюда: провидцы отличаются от прочих магов, как совы от дневных птиц. У Мэг проявился талант к целительству. А я так рвалась на боевой, что не обратила внимания на другие результаты. Сейчас же надеялась, что я все-таки целитель.

Способности определяются направленностью фигур и плетений, которые тебе легче всего даются...

Размышления эти я продолжила и на совещании экстренно собранной комиссии. Тем паче для меня ничего экстренного и даже нового там не было. О магии думать было приятнее, чем вспоминать произошедшее с Джереми Адамсом или несколькими днями раньше с Норвудом.

Так вот, таланты и способности.

Обычно маг выбирает специальность, следуя за талантом. Но если не уверен или сомневается, что его талант будет востребован, идет туда, где сможет реализовать способности.

Вот Оливер — мастер проклятий со способностями телепортера. Пространственная физика, геометрия... еще что-то там пространственное. Высокая точность ориентирования на местности и отличный

вестибулярный аппарат. Не сложилось бы с темными материями — подался бы в транспортники, настраивал бы каналы телепортационного сообщения.

А Грин — целитель со способностями телекинетика. Не пошел бы в медицину — мог заниматься такелажными работами.

Я даже придумала, как бы они с Оливером работали вместе. И вывеску себе представила: «Райхон и Грин, порталные грузоперевозки».

На этом месте меня ненадолго отвлек Крейг, и я задумалась и о нем тоже. Какой у него талант, способности и специальность согласно диплому — я не знала, но, рассудив, что Олли и Эд при всех их достоинствах с такой серьезной фирмой не справятся, назначила инспектора исполнительным директором. Себя записала в секретари. Все равно ничего другого не умею...

Совещание?

Да, люди вокруг о чем-то совещались. Я ловила обрывки разговора, но улов был небогат. Книга Гриффита будет готова через пять дней, и меня усадят писать. Кровью. После того, сколько крови недавно пришлось смывать с рук, это не вызывало ни страха, ни брезгливости. А пока книги нет, остается ждать библиотекаря, который придет меня убивать...

— Еще вопросы? — Оливеру наскучила пустая болтовня, и он решил закончить собрание, которое не стоило и начинать.

— Если позволите, милорд, — подала голос леди Пенелопа, как и я, на протяжении совещания думавшая явно о чем-то другом. — Что бедняжка Лидия делает в вашей приемной? Эта особа...

— Эта особа — единственный человек, хоть что-то смыслящий в делопроизводстве и не занятый на данный момент другой работой, — несколько резко отреагировал ректор.

— Но она распугает вам всех посетителей.

— Вот и прекрасно.

Я сообразила, что они говорят о фиалко-овчарке, но чем она так страшна, не поняла.

Покинув вместе со всеми зал совещаний, притормозила в приемной, со стороны присматриваясь к дамочке в рюшах. Та провожала уходивших магов. Брезгливо покривилась на изуродованное лицо Гриффита. Улыбнулась в ответ на улыбку Брока. Нахмурилась при приближении леди Райс. Кивнула пожелавшей ей всего доброго мисс Милс, а после долго и сосредоточенно чесала нос. Ничего страшного и даже странного.

Я пожалала плечами и пошла к выходу, по пути не забыв попрощаться с секретаршей.

— Ага, — она подозрительно прищурилась. — Уморила ребеночка?

Я шарахнулась от стола, хапнула ртом воздуха, но тот горьким комом застрял в горле.

— Уморила, — припечатала секретарша. И захлопала растерянно ресницами: — А нового где взяла?

Сумасшедшая.

Я вылетела из приемной. Тяжело привалилась к стене в коридоре и перевела дух.

Однозначно сумасшедшая.

Зажмурилась. Уши заложило... как тогда от визга...

«Она же сумасшедшая! Ребенка! Украла! Ее в психушке запереть надо!»

— Что случилось, Элизабет? — подошла ко мне мисс Милс. — Лидия вам что-то сказала? Не обращайтесь внимания. Она странноватая, но безобидная.

— Что с ней не так?

— О, старая история! — махнула рукой драконша, и я подумала, что в последние дни только и узнаю старые, совершенно несекретные истории, до которых прежде мне и дела не было. — Лидия училась у профессора Крафта, когда тот еще не был проректором. А потом... Не знаю подробностей, какой-то несчастный случай. Ошибка в заклинании, ментальный удар... Иногда она вполне нормальна, если не замечать ее безвкусных нарядов, а иногда немного чудит. Мистер Крафт считает себя виноватым в том, что с нею случилось, вот и держит ее при себе столько лет. А сегодня у бедняжки настоящий праздник — она стала секретарем ректора, пусть и временно. Неудивительно, что разволновалась и могла что-то...

Объяснения не помогли.

Умом я понимала, что не нужно заикливаться на словах чудаковатой секретарши, но разбуженную этими словами память голос разума не заглушил.

Даже то, что Оливер догнал меня через пять минут после того, как я покинула главный корпус, не подняло настроения, и вместо прогулки я попросила ректора телепортировать меня к общежитию. Накапала себе успокоительных капель, для верности увеличив дозу, и завалилась в постель.

Снились мне, вопреки опасениям, не кошмары. Снилось мне процветающая фирма порталных грузоперевозок «Райхон и Грин».

По деревянному настилу отправной площадки бродил, утопив руки в широких карманах робы, Оливер Райхон, качал бритой наголо головой и

ругал заказчиков, проплативших доставку негабаритного груза.

В углу площадки сидел на стуле обряженный в серую хламиду Эдвард Грин. Курил трубку, задумчиво чесал длинную седую бороду, сверлил взглядом тот самый негабаритный груз — накрытое брезентом бесформенное нечто — и шептал удрученно: «Ты не пройдешь».

Белинда в коротеньком платице и с огромным бантом на голове прыгала вокруг Грина, ловила пускаемые им колечки дыма и пыталась надеть себе на палец.

Под брезентом что-то шевелилось. Где-то, не умолкая, звонил телефон. А вокруг площадки клубился густой сизый туман.

«Вы должны это записать», — строго велела мне, появившись из тумана, мисс Милс.

«Ага. А как же! — сказала ей я. — А вдруг оно сбудется?»

«Ну и пусть сбывается, — разрешил туман голосом Крейга. — Что плохого? Все живы, все здоровы, все счастливы»...

Поутру я долго еще подхихикивала, вспоминая то бритоголового ректора, то бородатого доктора. Когда после обхода Грин зашел к леди Райс, сдержаться было особенно трудно.

— С вами все в порядке, Бет? — поинтересовался он, справадив наставницу из кабинета за какими-то выписками.

— Угу, — промычала я, стараясь задавить неуместную улыбку.

— А со мной? — целитель поглядел на свое отражение в темном стекле, закрывавшем полочки с готовыми снадобьями. — Вы так смотрите, словно у меня рога выросли.

— Борода. В смысле, думаю, пошла бы вам борода.

Грин пристальнее всмотрелся в стекло.

— Вряд ли, — проговорил с сомнением. — Но можно попробовать.

— А трубка? — задалась я новым вопросом. — Вы ведь не курите? А курили когда-нибудь?

— Давно. Курил около десяти лет. Там, где я жил до академии, это считалось своеобразным признаком взрослости. Тут были уже иные мерил, но бросить удалось только к пятому курсу.

— Ясно, — кивнула я.

Пятикурсникам обычно от двадцати одного до двадцати трех, смотря в каком возрасте их приняли в академию. Минус десять лет... Где это так взрослость демонстрируют?

— Миллардский воспитательный дом, — удовлетворил мое любопытство доктор.

— Ясно, — повторила я. Поняла, что он ждет какой-то реакции, и пожала плечами: — Рога у вас по-прежнему не выросли.

А на что он рассчитывал? Леди Аштон, узнав его «тайну происхождения», должна была высокомерно сморщить нос? Или перевоплотиться в копию одной рыжеволосой девицы и восторженно захлопать глазками? В специализированные воспитательные дома переводили из приютов одаренных детей. Там они получали начальное образование и учились контролировать силу. После их, как правило, ждали профильная школа и трудоустройство по распределению. В высшие учебные заведения попадали единицы. Стипендию в Королевской академии мог получить только очень талантливый и упорный ученик. А то, что после окончания учебы он за каких-то двадцать лет стал заведующим лечебницей при этой самой академии... Да, пожалуй, второй вариант уместнее. Но гениальность Грина — факт общеизвестный, и я не видела смысла бурно реагировать на каждое его новое подтверждение.

Да и не успела бы: вернулась леди Пенелопа, принесла нужные заведующему выписки, и он ушел. С его уходом пропало отчего-то и навеянное сном беззаботное настроение.

К вечеру пришел в себя Джереми Адамс. Он еще находился под действием лекарств и восстанавливающих заклинаний и большую часть времени спал, но это был именно сон, а не болезненное забытие. Оливер наконец-то полностью уверовал, что жизни его племянника ничто не угрожает, и смог спокойно заняться подготовкой к грядущим праздникам.

Я решила, что и мне неплохо было бы заняться тем же, раз уж в расследовании затишье, а у Грина нет времени на походы к единорогу. Купила новые перчатки. Осчастливила приглашением Сибил. Заказать новое платье я уже не успевала и в назначенный день надела хорошо забытое старое, изумрудно-зеленое. Оно неплохо сочеталось с надетым сверху оливково-серым жакетом и подобранной в тон ему шляпкой из мягкого фетра.

Из общей цветовой гаммы выбивался только браслет из голубых стекляшек, но я натянула его повыше и спрятала под рукав.

ГЛАВА 39

Встречать наступление весны десятидневным празднованием — эльфийская традиция, но люди, которые тоже не прочь что-нибудь отпраздновать, эту традицию переняли и обогатили собственными представлениями о торжествах. Вычеркнули из программы купание в избавившихся ото льда, но еще прохладных водоемах. Исключили ночные танцы у костров. Ритуальные песни, которых у эльфов было десять, на каждый день праздничной декады, тоже учить не захотели, чтобы петь их по утрам восходящему солнцу, приманивая к земле тепло. С деревьями не разговаривали, не заплетали кос ивам, не дарили драгоценных украшений яблоням в обмен на будущий урожай. Не поили вином и медом поля. Но праздновали. Устраивали тематические маскарады, балы и званые ужины. Выпускали под это дело новые модели шляпок и зонтов.

Живущие рядом с людьми эльфы со временем приспособились, организовав торжества так, чтобы и свои обычаи соблюсти, и соседские уважить. Послы, обитавшие при академии, для этих целей приглашали друзей-человеков на «Крылатый».

Никто не знал, где он находится зимой и куда девается после праздников, но утром первого дня праздничной декады величественный трехмачтовый корабль под полупрозрачными голубыми парусами неизменно качался на воздушных волнах у деревянного причала-помоста, сооруженного на поле недалеко от посольства. Для многочисленных зрителей устанавливали трибуны. Для счастливых, удостоенных чести подняться на борт, стелили широкую ковровую дорожку от украшенной цветами арки на краю поля к помосту и вверх по ступенькам.

Пока мы с Сибил шли к кораблю, я все ждала, что какой-нибудь эльф сдернет меня с этой дорожки и заявит, что нас тут быть не должно. Но эльфы нами не интересовались. Только люди — знакомые и незнакомые преподаватели академии. Однако если им и было любопытно, как две студентки попали в число избранных, от вопросов они деликатно воздерживались.

— О, смотри, миссис Кингслей с мужем! — дернула меня за рукав подруга. — И твоя леди Райс.

— Она не моя, — буркнула я машинально.

— И твой Саймон! — не унималась Сибил.

— Не мой.

— И твой милорд Райхон!

Тут я решила не спорить. Только придержала устремившуюся к причалу подругу, а то мы оказались бы на «Крылатом» раньше ректора, которого маленькая провидица попросту отодвинула бы с дороги, а то и с трапа скинула бы.

Кому нужно было показывать золоченые карточки, я так и не поняла. Видимо, никому, и расчет был на то, что ни у кого не хватит наглости влезть на летучий корабль без приглашения. Хотя, может, кто-то и влез: корабль огромный, гостей много, и при желании не составило бы труда затеряться в толпе.

На палубах расставили столики с закусками и напитками, и некоторые из гостей тут же сбивались вокруг них в маленькие болтливые компании. Остальные занимали места вдоль украшенных живыми цветами бортов. Мы с Сибил нашли себе местечко на корме. Тут было не так много людей, эльфов и вовсе не наблюдалось, зато открывался хороший вид. Пока — на трибуны, но в полете мы рассчитывали на более интересное зрелище. Впрочем, подруга и за происходящим на палубах успевала следить и пересказывала мне, но половину ее реплик я пропускала мимо ушей, реагируя только на знакомые имена.

— Профессор Брок! Ян говорил, что его в последний год совсем не было видно, а теперь он везде. И на факультете его встречали, и в главном корпусе, и в библиотеке. С чего бы это?

Я могла бы ответить, но предпочла молча любоваться медленно удаляющейся землей.

— Твой Саймон и правда милый. А его мать, хоть и не красавица, хорошо одевается. И профессор Гриффит тут. Жалко его, да? Ян знаком с его сыном...

Брок, Милс, Гриффит, леди Райс. Вся комиссия в сборе.

— О! Грайнвилль! Грайнвилль, мы здесь!

Я смотрела на крыши академии и делала вид, что не знакома с прыгающей рядом восторженной девчонкой. Хорошо хоть на шею подошедшему к нам эльфу она не бросилась.

— Сибил, Илси, рад вас видеть, — поздоровался он церемонно. — Надеюсь, полет вам понравится.

— Он нам уже нравится, — затараторила провидица. — Тут все такое! Все такие! А вон тот эльф в красном — лорд Эрентвилль? А второй? А девушки с ними?

Через пять минут стараниями любопытной подружки наше общество пополнилось леди Каролайн и пухленькой блондиночкой, представленной

как леди Анет. Блондиночка была мне откуда-то знакома.

— Она же живет в нашем общежитии, — шепотом просветила Сибил. — Старшекурсница.

В разговоре это подтвердилось: Анет была нашей соседкой, а с дочерью лорда Эрентвилля они вместе учились и, как выяснилось, дружили с первого курса. И с Грайнвиллем они дружили — это известие расстроило Сибил, считавшую эльфа собственностью нашей компании. Зато стало понятно, почему мы с ним не виделись, бывало, по несколько дней. Дружелюбный наш...

— Доктор Грин не смог прийти, — отчиталась я перед полуэльфийкой.

— Жаль, — сказала она безо всякого сожаления и вернулась к разговору о несущих «Крылатый» артефактах.

Учитывая, что леди Каролайн и ее подруга учились как раз на артефакторов, продолжаться этот разговор мог до конца полета. Они рассказывали о кристаллах, найденных в недрах какой-то особой горы и особым же образом обработанных, о древесине, из которой построен корпус, о ткани для парусов. Но мне это было неинтересно, и, выслушав лекцию о плетениях, защищающих палубы от ветра, на высоте особенно холодного, я улизнула от эльфа и девушек. Куда они денутся с летучего корабля? А свежие фрукты, доставленные из южных областей эльфийского королевства, вот-вот разберут.

Я нацелилась на сочный персик, но взять его не успела: меня заметила леди Пенелопа.

— Элизабет! — воскликнула она громко, и показалось, будто все люди и эльфы обернулись посмотреть, что там за Элизабет, зачем, почему и по какому праву. — Рада вас видеть, дорогая!

Дорогой наставница меня прежде не называла. Наверное, подобное обращение было составляющей неформального общения: все же находились мы не в аудитории и не в лечебнице, и роли у нас тут были иные. Свою я знала из рук вон плохо, а потому лишь кивала с вежливой улыбкой, пока леди Райс, перевоплотившаяся из акушерки в салонную львицу, вещала о том, как нам повезло с погодой, пела дифирамбы радушным хозяевам и рассыпала комплименты моему наряду, в котором я, оказывается, являла собой олицетворение молодости, весны и красоты. За это время персики с ближайших столов растащили, а к леди Пенелопе присоединилась мисс Милс, полностью согласная с наставницей в том, что касалось погоды, хозяев и всего, мною олицетворяемого. Я заподозрила, что у трапа гостям раздавали шпаргалки с обязательными для употребления фразами, но нам с Сибил не досталось, ибо расхватывали их с той же

скоростью, что и фрукты.

— Саймон! — профессор Милс сцапала за рукав проходившего мимо сына. — Где ты пропадаешь, когда тут скучает такая очаровательная девушка? Ты же знаком с Элизабет?

Бывший куратор уставился на меня как на одно из мистических существ, коих изучают на курсе его матушки, потом с тем же выражением — на саму матушку и не в меру улыбчивую леди Пенелопу. Казалось, первым его побуждением было сказать, что он впервые меня видит, и сбежать от этих странных женщин.

— Знаком, — выдавил он, поняв, что попытка бегства успехом не увенчается. — Здравствуйте, мисс Аштон.

Видимо, шпаргалки Саймону тоже не досталось.

— Может быть, Элизабет хочет чего-нибудь? — подсказала ему мать.

— Хотите чего-нибудь, Элизабет? — обреченно спросил мистер Вульф.

— Яблоко! — ляпнула я, продолжая думать о персиках.

Получив задание, боевик умчался его выполнять. Или просто умчался, и до конца полета мы его не увидим.

— Такой милый мальчик, — проворковала леди Райс.

— Помните, каким он был чудесным крошкой? — спросила мисс Милс и посмотрела на целительницу так, словно готовилась выпустить когти и вцепиться ей в лицо, скажи та, что не помнит никаких крошек.

Но леди Пенелопа помнила. И дивный зимний день, солнечный и морозный, и одного из первых лично ею принятых малышей...

— Вот, пожалуйста.

Вернувшийся, вопреки ожиданиям, боевик протянул мне... персик. Странности продолжались. Может, эльфийская магия не только от ветра защищает, но и на людей влияет каким-то образом?

Взяв инициативу в свои руки, а Саймона — под руку, я утащила его к борту под одобрительное хмыканье наставницы и мисс Милс. Там позволила ему несколько минут любоваться расстелившимися внизу полями, уже покрывшимися бледной зеленью, и извилистой лентой реки, а сама с наслаждением слопала сочный фрукт.

— Я должен извиниться за мать, — пробормотал Саймон. — Она собиралась пригласить вас на ужин. Если маме что-то придет в голову...

— И часто ей такое приходит? — спросила я, отправив в полет крупную косточку.

— Случается, — вздохнул боевик, провожая взглядом реку, от которой мы теперь удалялись, взяв курс на горы. — Ваш доклад произвел на нее

впечатление, мало кто уделяет такое внимание ее предмету. И вы больше не моя студентка...

— К тому же умница, красавица и из хорошей семьи, — закончила я. — Странно, что вас что-то не устраивает.

— Ну не знаю, — улыбнулся Саймон. — Над ногами еще нужно работать.

Все-таки он замечательный. Сложись все иначе, я сама нарезала бы вокруг него круги и из кожи вон лезла, чтобы понравиться дракономаме.

— Вы уже видели? — сменил тему боевик, сопроводив вопрос загадочным взглядом.

— Видела что?

— Значит, нет. Помните, вы предложили собрать «Огненный Череп»? Я придумал, как это...

Договорить он не успел.

— Мистер Вульф, мисс Аштон, — подошедший к нам ректор лучился дружелюбием. — Наслаждаетесь полетом? Нам невероятно повезло с погодой...

Шпаргалки. Точно шпаргалки. И еще что-то подмешивают в питье.

— Саймон, профессор Эмерсби вас искал, — сказал Оливер, закончив обязательную речь о погоде и радушии эльфов. — Жаждет продолжить беседу о смешанных плетениях.

Боевик насупился, проворчал что-то недоброе в адрес неизвестного мне профессора, но все-таки решил нас покинуть.

— Невежливо с вашей стороны оставить меня без кавалера, — высказала я после его ухода ректору.

— Я в этом качестве не подхожу? — улыбнулся он, вызвав у меня то ли восторженный трепет, то ли нервную дрожь.

— Почему же? — пробормотала я, отвернувшись к борту. — Очень даже.

— Хотел переговорить с вами без свидетелей. Это касается «Огненного Черепа».

Я в очередной раз подивилась творящимся на «Крылатом» странностям, но по понятным причинам не стала говорить, что Саймон собирался рассказать мне о том же.

Оказалось, вчера во всех учебных корпусах на стендах объявлений появился длинный лист бумаги, на котором вверху было написано: «„Огненный Череп“ будет жить». И подпись: «Стальной Волк». Ко времени окончания занятий на листе было уже около двух десятков имен, а точнее, клубных прозвищ, сегодня утром — почти четыре десятка.

— На каком листе? — я непонимающе потрянула головой. — Если во всех корпусах... Нужно отметить на каждом?

Оливер снисходительно улыбнулся и объяснил, что все листы связаны специальным копировальным заклинанием, которое переносит надпись с одной бумажки на все остальные, и объявления в каждом корпусе выглядели совершенно одинаково.

— Талантливый юноша этот Волк, — добродушно похвалил ректор. — Далеко пойдет.

— Может, преподавателем станет, — подхватила я.

Дальше пообщаться нам не дали.

Сначала подошла Сибил. Оливер ее узнал, пригладил волосы, сегодня заплетенные в косу, и, не дожидаясь неудобных вопросов, сбежал к отиравшемуся у столов Гриффиту.

Потом Сибил увидела своего куратора и решила, что должна удивить ее присутствием в числе избранных, а ко мне подошла леди Пенелопа, поделилась восторгами по поводу украшающих корабль цветов и эльфийской магии, оберегающей их от увядания, а заметив кого-то среди гостей, поспешила к нему, сдав меня словно из воздуха появившемуся Броку. Некромант повеселил рассказом о прекрасной погоде и гостеприимстве эльфов и порекомендовал попробовать персики. Я благодарно похрюкала и, не дожидаясь, пока старик сам заведет этот разговор, сказала, что не прочь сдать немного крови для его опытов. Брок обрадовался и куда-то убежал. Хотелось верить, не за шприцами и пробирками.

После Брока была мисс Милс: попросила прощения за сына, который совершенно не умеет общаться с девушками. Я согласилась, что однозначно не умеет, но удержалась от перечисления тех мест, где у меня остаются синяки после нашего с Саймоном общения.

Потом подошла леди Каролайн, но чего она хотела, я не поняла.

Грайнвилль хотел, чтобы я спасла мир, но говорил о Змеистом Каньоне, над которым мы пролетали. Каньон был глубокий и широкий, а на дне его блестела узенькая речушка. Мир был большой и волновался из-за меня, и эльф вменил себе в обязанность не дать мне забыть об этом.

Затем подошла Ева Кингслей. Постояла рядом, заметила, что я выбрала хорошее место, откуда открывается прекрасный вид, и спросила, не знакомы ли мы. Я ответила, что мы виделись в лечебнице. Провидица сказала, что ей кажется, будто мы встречались где-то еще, задумалась над этим и такая задумчивая убрела вдоль борта.

Поток желающих пообщаться со мной на этом не иссяк. Был еще

профессор Гриффит, парочка преподавателей с боевого, только сейчас осознавших, что давно не видят меня на лекциях, и зеленокожий профессор Эррори, хвастливо заявивший, что он единственный гоблин, поднимавшийся в небо на эльфийском корабле.

Нужно ли говорить, что начинали все с традиционного погодного вступления? Интересно, если бы Грин не отказался от полета, тоже нес бы всякую чушь или остался бы верен себе? Его колкостей не хватало, чтобы разбавить приторную атмосферу.

Оставшись наконец в одиночестве, я долго не верила своему счастью. Всмотривалась в рваные очертания каньона и внутренне готовилась к очередному преувеличенно-радостному приветствию.

Но услышала только тихий треск. Что-то кольнуло руки через перчатки, корабль накренился, разворачиваясь, резные перила, на которые я опиралась, рассыпались в труху, в спину ударил резкий порыв ветра, палуба ушла из-под ног, а речушка на дне каньона начала стремительно приближаться...

Крик не вырвался — застрял в груди камнем. Тянул вниз.

Уши заложило.

Перед глазами... нет, не прожитая жизнь промелькнула — лицо Оливера Райхона... и исчезло... Бред...

А речка стала шире... еще шире... еще...

И скрылась вдруг за туманом.

Из тумана проступило вновь лицо Оливера... Протянулась рука, схватила меня за воротник и резко дернула вниз. К земле...

Я зажмурилась в преддверии удара, и...

— Поймал, — выдохнул сжавший меня в объятиях мужчина.

Не худший вариант предсмертного бреда.

Нас швырнуло куда-то вверх, книжным разворотом распахнулось перед глазами небо с редкими облачками и снова исчезло в тумане... портала?

До того как я поверила, что это действительно портал, а обнимающий меня маг состоит из крови и плоти, а не из моих фантазий, Оливер открыл следующий проход. Нас резко тряхнуло, мужчина вскрикнул и, все еще держа меня на руках, завалился со стоном на спину. Я, соответственно, рухнула на него сверху. Стоны стали громче...

Я поспешно сползла с распластавшегося на земле мага, но он вцепился в мое плечо.

— Идиот, — процедил сквозь зубы. — Я. Держись, иначе долго, пока подберут. Потяну еще один...

Он говорил о еще одном портале, но я поняла это, лишь провалившись в знакомое марево, а когда оно развеялось, увидела не менее знакомый вестибюль лечебницы. Сжимавшие мое плечо пальцы разжались, рука Оливера со стуком упала на пол, а я с ужасом поняла, что сознание он потерял еще при переходе, и вынесло нас наружу только чудом.

Вот тут точно нужно было кричать, звать на помощь, а я села на пол и заплакала, тихо-тихо, почти беззвучно, но это же лечебница, а не необитаемый остров, значит, однажды нас найдут...

ГЛАВА 40

Нашли нас быстро. Набежали, обступили со всех сторон. Галдели, пока над головами не разнесся отданный громко и четко приказ:

— Санитаров и щит-носилки сюда, и позовите доктора Розена.

Я как раз созрела для полноценной истерики, но при появлении Грина резко передумала. Утерла слезы и поднялась на ноги.

— Ну? — хмуро спросил у меня доктор, подойдя вплотную. — Что на этот раз?

— Я упала. С «Крылатого». А милорд Райхон меня поймал. А потом... вот...

— Ясно. Идемте.

Я посмотрела на Оливера. Хотела сказать, что не оставлю его, но не нашла в себе сил спорить. Позволила Грину взять меня за руку и отвести в свой кабинет. Послушно села на стул. Заметила на платье грязное пятно, похожее очертаниями на центральный материк Трайса, и попыталась найти на нем Арлонское королевство, а в королевстве — нашу академию...

— Выпейте.

Поданный доктором стакан опустошила не задумываясь. Вкуса не почувствовала. Какого-либо эффекта — тоже.

— Сможете по порядку рассказать, что произошло?

Я рассказала. По порядку. Уже в середине рассказа поняла, что не стоило пересказывать все события, начиная с того, как мы с Сибил поднялись на борт, но Грин слушал не перебивая, до тех пор пока я не дошла до трещащего под ладонями дерева и толкнувшего в спину ветра.

— Перила сломались? — переспросил он.

Снял трубку телефонного аппарата, подергал рычаг и попросил кого-то на другом конце провода соединить его с полицией. Затем у абстрактной полиции потребовал конкретного инспектора Крейга.

— Это Грин. У меня тут мисс Аштон и милорд Райхон. Будет неплохо, если и вы присоединитесь.

И положил трубку, ничего не объясняя. Не телефонный разговор.

— Почему вы здесь? — спохватилась я. — Почему не с милордом Райхоном? Ему нужна помощь!

— Ему ее оказывают, — уверил Грин. — Доктор Розен — хороший специалист, а травма милорда Райхона как раз по его профилю. Но я могу сходить и узнать, как у него дела. Вы побудете одна? Или позвать кого-

нибудь из сестер?

— Зачем? Не я же пострадала!

Кажется, у доктора были возражения на этот счет, но он их не озвучил. Ушел, а я продолжила изучать пятно-карту.

Отсутствовал Грин недолго. Вернувшись, уселся за стол, заглянул в пустую чашку, неизвестно сколько простоявшую рядом с чернильницей, и тяжело вздохнул.

— Что с милордом Райхоном? — спросила я.

— Скажите сами, — предложил доктор, словно речь шла о какой-то игре. — Представьте себе: летит по небу корабль, и вдруг с этого корабля выпадает девушка. Вслед за девушкой прыгает отважный герой. Реакция у героев обычно хорошая, поэтому прыгнул он сразу же, а с планом действий определялся уже в полете. Настроился на девушку и попытался проложить к ней портал. Открыть проход из одной движущейся точки к другой — дело непростое, но герой справился. Поймал девушку, и на этом, видимо, мозги у него отключились. Вместо того чтобы настроиться на одну из знакомых стационарных точек, герой прокладывает портал на лужайку, которую краем глаза заметил в полете. Воронка выхода получается нестабильной, еще и зависает на некотором расстоянии от земли, в связи с чем герой не выходит, а выпадает из портала со спасенной девушкой на руках. Не спрыгивает, а падает на ноги. Какую травму он при этом получает? Думайте, Бет. Могу подсказать, что с ногами у него все в порядке.

— Позвоночник? Компрессионный перелом?

— Ну вот, — Грин с ухмылкой потер ладони. — А вы боялись, что вам незаслуженно засчитали экзамены. Компрессионный перелом поясничного отдела позвоночника. Неосложненный. Костных обломков не выявлено, спинной мозг не задет, хирургическое вмешательство не требуется. Доктор Розен — отличный специалист, а милорд Райхон в состоянии оплатить скоростное восстановление. К вечеру встанет, хоть я и не советовал бы.

— Откуда вы знаете, как все было?

— От самого героя, конечно же. Только сам себя он так не называл. Скромничал.

— В ваших устах это тоже не комплимент, — заметила я, чувствуя, как на смену запоздалому страху и нервной заторможенности приходят раздражение и обида.

— Не комплимент, — согласился Грин. — Недолголюбиваю я героев.хлопот от них много. Времени требуют, силы тянут, койки в лечебнице занимают.

— Предпочли бы, чтобы я разбилась?

— Предпочел бы, чтобы Райхон лучше следил за вами на корабле и не позволил сбросить вас за борт, — жестко отчеканил целитель. — Вы же понимаете, что не случайно выпали? Случайно перила из элсарского дуба не ломаются. И ветра на палубы «Крылатого» не задувают.

— Я знаю! Целую лекцию об этом выслушала! И не орите на меня!

Вообще-то он не орал, лишь немного повысил голос. А вот я орала, да. Потому что нервы у меня не железные. Меня пожалеть нужно, а не экзамены на профпригодность устраивать. И не обзывать спасшего меня человека почему зря героем!

— Вы бы за мной, небось, не прыгнули! — закончила с обидой.

Что ему стоило сказать, что прыгнул бы? Я бы сразу успокоилась. Приятно же, когда ради тебя на все готовы, хотя бы на словах.

Но от Грина приятностей не дождешься.

— Не прыгнул бы, — подтвердил он спокойно.

— Нет?! — взвилась я. Подлетела к столу, схватила пустую чашку, размахнулась, но в последний момент передумала, и чашка разбилась не об голову доктора, а об стену за его спиной. — Нет? И что бы вы делали? Смотрели бы, как я в пропасть лечу? Ручкой вслед махали бы? Да вы... вы...

Хотелось ударить его, и он дал мне такую возможность. Подошел вплотную, но злости хватило лишь стукнуть несколько раз кулаком по его груди, а потом самой в эту грудь уткнуться и разреваться.

Зато теперь меня пожалели. Обняли, слезы вытерли. Сказали: так и надо и что-то там позади. Я хотела спросить, что тогда впереди, но мне ткнули пальцем в лоб и пообещали, что больно не будет, потому что это всего лишь второй уровень...

— Я телекинетик, Бет, — донеслось издалека. — Мне не пришлось бы прыгать.

Зеленый луг. Солнце. Запах трав и теплой земли. Это куда лучше серых песков. Особенно когда в лоб ласково тычется мордой мое звезднооое чудо.

Если бы тут был еще и Мэйтин, я бы попросила его провести меня в терминал, чтобы оттуда открыть дверь и посмотреть, что происходит, пока я сплю. Но можно обойтись и без божьей помощи. Кажется, я догадалась, как это работает.

Я зажмурилась и представила себя в темноте терминала. Не до конца уверенная, что из этого что-нибудь выйдет, вытянула вперед руки, наткнулась на что-то и толкнула. Единорог одобрительно фыркнул.

Получилось?

Получилось! Дверь открылась прямо посреди луга, и вела она в кабинет Грина, где доктор, вооружившись веником и совком, пытался собрать осколки разбитой мною чашки.

За этим занятием его и застал Крейг.

— Снова посуду бьешь?

— Не поверите, случайно уронил, — лучезарно улыбнулся Грин.

— Не поверю, — проворчал инспектор, устраиваясь на стуле.

— Вы долго. Успели побывать у Райхона?

— Успел, ясно дело. Тут медлить нельзя. Девицу куда дел?

— Она спит.

— Где спит? — требовательно уточнил инспектор.

— Там, — доктор кивнул на дверь мини-лаборатории.

И как это понимать? Почему там? Мыши к мышам, что ли?

Инспектора тоже заинтересовал этот вопрос.

— В палату далеко тащить было, — объяснил Грин.

— А я уж подумал, лично ее стеречь решил, — хмыкнул старик.

— С чего бы? Охранников у мисс Аштон хватает. По пятам за ней ходят, даже полетать не дадут.

Единорог над ухом заржал, а мне смешно не было. К демонам такие полеты!

— Как она вообще? — спросил Крейг.

— Для человека, который едва не погиб, — отлично.

— Да уж, — полицейский вздохнул. — Не углядели. Хорошо, что Олли не сплеховал. А сейчас твоя помощь нужна. «Крылатый» вот-вот причалит, хочу, чтобы ты со мной пошел. Поглядим, что там.

— Видящему нужна помощь, чтобы что-то рассмотреть? — не поверил Грин.

И я бы не поверила.

А инспектор, выходит, видящий. Я могла бы и раньше догадаться: Оливер ведь говорил, что если кто-то и разглядит остаточный след заклинаний, то это Крейг.

— Не рассмотреть, — сказал старик. — С эльфами контакт наладить. Кораблик их, всякого не пустят. А у тебя с послем другие счета, вот и...

— Хорошо, — не дослушав, согласился целитель.

— Если бы, — вздохнул полицейский. — Судя по тому, что Олли рассказал, хорошего мало. Нам-то понятно, кого убрать хотели, а вот что эльфы увидели... Если увидели, конечно. Тогда да, хорошо было бы. И библиотекаря они нам уже скрученного выдали бы. Только нет у меня на то

надежды. Библиотекарь — мастак следы путать, а на «Крылатом» такой фон от артефактов, что любое эхо враз забудет. Да и если бы эльфы кого поймали, уже б нашли способ связаться. А они корабль разворачивают, к причалу заходят... Если не поняли, кто и что там плел, могут ведь и в покушении на посла обвинить, да?

— Вряд ли, — пожал плечами Грин. — Но академия может поспешить и предъявить претензии лорду Эрентвиллю, не обеспечившему должную безопасность гостей. Лучшая защита — нападение.

— Международный скандал хочешь? Защитник! Нам это дело потихому решить надо. Да и вообще лишнее оно, панику сеять. Если не пойдем, кто мисс нашу столкнул, то и не надо всем знать, как оно на деле было. Что упала — видели, а почему... Может, заклинание какое сплела, не подумавши, и корабельную защиту ненароком пробила.

Что?! Меня чуть не убили, а скажут, что сама виновата? Может, и счет выпишут за нанесенный эльфийскому имуществу ущерб?

— Что? — не меньше моего возмутился Грин.

— То! — рявкнул на него инспектор. — И глазищами не сверкай. Сверкал уже один, малефик, между прочим. Не берет меня такое. А вы бы думали вперед оба. Вот разстреляют сейчас, что нашу мисс пытались к праотцам спровадить, а вечером, самое позднее завтра с утра, прибудет по портальной ветке ее батюшка. Шум, может, и не поднимет — Арчи Аштон не дурак, поймет, чем оно чревато, — но дочурку увезет. А без нее об этом деле можно забывать, не дожидаясь, пока оно само забудется. Понимаешь?

— Угу, — скривился Грин. — Сначала сделали из Элизабет приманку для убийцы, дважды позволили ему к ней подобраться, чудом в последний момент спасли, довели девушку до нервного срыва, а теперь выставим ее идиоткой перед всей академией?

М-да... Нерадостная картина вырисовывается.

— Эд, ты меня знаешь, — проговорил Крейг устало. — Я сам такие игры не люблю. Да и это так пока, предложение. Неизвестно, примут ли его эльфы и что мисс наша скажет. Захочет домой — удерживать не стану. Но если согласится остаться, то лучше сделать, как я говорю. Родителей опять же не волновать.

— Артефакт, — глядя не на Крейга, а в сторону, сказал целитель. — Если она согласится — не ошибка в заклинании, а артефакт со скрытыми свойствами. Купила или кто-то подарил, а вещь оказалась несовместима с магией эльфов. Браслет или кольцо — что-то, чем она могла коснуться перил, чтобы защита разрушилась вместе с деревом.

Мы с единорогом переглянулись и единогласно решили, что такое

объяснение лучше, чем предложенный Крейгом вариант «Элси — дура».

Инспектору было все равно.

Он побурчал еще немного, посмотрел на часы и велел Грину собираться. Вышел, а целитель, словно спешить ему некуда, вернулся к сбору осколков. Смел, выбросил в корзину и направился в смежную комнату, где, как он сказал, спала я. Пробыл там не дольше минуты, а возвратившись в кабинет, остановился перед столом, и я увидела растянувшиеся во все стороны нити охранной паутины. А может, почудилось. Не исключено, что и разговор Грина с инспектором мне приснился...

Как бы то ни было, уйти с зеленого луга, посреди которого, как на сюрреалистичной картине, стояла открытая дверь, не получалось. Видимо, целительская магия, даже второго уровня, действовала на меня все же странно, и оставалось только дожидаться окончания наведенного заклинанием сна. А чтобы ждать было не так скучно, я взялась плести венки. Цветов вокруг росло немного, но и травы для моего занятия подходили. Особенно хорошо смотрелись пушистые желтоватые метелочки. Они задорно торчали из веночка во все стороны, и не так бросались в глаза огрехи плетения. Закончив, я надела венок на голову и растянулась на траве с мыслью, что надо поспать, если уж проснуться не получается.

И тут же проснулась.

Инспектора Грин не обманывал: я лежала на кушетке в комнатке-лаборатории. Кто-то был так заботлив, что снял с меня жакет и ботинки и укрыл пледом. Если бы под голову что-нибудь подложил, цены бы ему не было. А так шея затекла. Поднявшись, я растерла ее, покрутила головой и удивленно уставилась на свесившуюся к моему носу метелочку.

— С пробуждением, — показался в дверях доктор. — Как вы себя чувствуете?

— Хорошо, — я быстро стащила с головы непонятно как попавший сюда из подпространства венок. — А вы уже вернулись?

— Откуда?

«От эльфов, конечно», — захотелось ответить мне и посмотреть на его выражение лица.

— Ну, вы же ходили к милорду Райхону, узнать, как он... да?

— Он стремительно идет на поправку, — усмехнулся целитель, но без ехидства, по-доброму. — Слишком стремительно, на мой взгляд, но герои редко прислушиваются к рекомендациям простых лекарей.

— Вы так скромны. Давно ли?

— Недавно. Решил воспитывать в себе эту добродетель. Говорят, что скромность украшает.

— Не всех. Некоторым она просто не к лицу.

— Намекаете, что это качество не идет к моему выразительному клюву?

Судя по настроению Грина, переговоры с эльфами прошли неплохо, однако радовать меня новостями доктор не торопился. Не дождавшись моего комментария относительно сочетаемости его клюва с таким украшением, как скромность, он вышел, дав мне возможность привести себя в порядок. Жакет я оставила висеть на спинке стула, а примявшийся веночек взяла с собой. Не первостепенный вопрос, но стоило поинтересоваться у кого-нибудь, насколько нормально приносить что-то из подпространства.

Грин веночком не заинтересовался. Даже не поллюбопытствовал, где я раздобыла летние травы ранней весной, да еще и не выходя из комнаты.

— Наверное, хотите увидеть милорда Райхона? — спросил он.

На самом деле спросонья я рассчитывала на чашечку кофе. А еще думала, что доктор хоть словом обмолвится об их с Крейгом визите к эльфам, а он вместо этого по пути в травматологический блок рассказывал об артефактах, ускоряющих регенерацию поврежденных тканей. Лекция закончилась у палаты Оливера.

— Вот ваш герой, — громко отчитался Грин, пропуская меня вперед. — Можете бросаться на грудь и орошать слезами благодарности.

Шут гороховый! Хорошо, что мой герой спал так же крепко, как я недавно, и шуточек доктора не слышал.

— Я же сказал «увидеть», а не «поговорить», — разъярил Грин. — Но если доктор Розен позволит... Найду его.

Идите-идите, а я тем временем к героической груди припаду. А что? Герой не сбежит и сопротивляться не будет.

Я дотронулась до его щеки, погладила по волосам... А затем — сама не знаю зачем — расправила веночек, который мяла все это время в руке, и надела ректору на голову. Собранная на промежуточном уровне трава вдруг заискрила, превратившись в переплетение светящихся нитей. Оливер вскрикнул, выгнулся дугой, словно тело прошел электрический разряд, а лицо исказила гримаса боли...

О боже! Что я наделала?!

Вместо помянутого всуе белобрысого мальчишки в палату влетел Грин. Подскочил к ректору, окунул пальцы в окружившее того сияние, охнул, но рук не отдернул — придавил Оливера за плечи к кровати. Следом

за заведующим примчался доктор Розен, пухленький лысый коротышка, и тоже запрыгал вокруг пациента.

— Это от ваших камней? — сердито высказал травматологу Грин. Оливер уже не бился в судорогах, только дышал тяжело и громко.

— Нет. — Розен суетливо перебрал расставленные на столике у кровати стекляшки. — В них столько не было. Это... — он огляделся, заметил меня и обвинительно ткнул пальцем. — Это она! Точно она! Сплела что-то... непонятное...

Грин посмотрел на меня, укоризненно покачал головой и неожиданно улыбнулся:

— Ничего страшного. Идите, доктор, мы разберемся.

— Но...

— Идите, — повторил Грин. — Позже осмотрите своего пациента и убедитесь, что он не нуждается в помощи.

— Да уж, я думаю, — проворчал травматолог. — После такого...

— Так что вы сплели, Бет? — ласково поинтересовался Грин, когда Розен вышел за дверь.

— Мне тоже... интересно... — просипел Оливер.

Поднялся. Сел на кровати, свесив босые ноги. Простынка соскользнула с груди, и не знаю, что там ниже, но рубашки на милорде Райхоне не было. Только вот ситуация не располагала любоваться мускулистым торсом.

— Что вы сплели? — повторил доктор.

— Веночек, — пискнула я.

— Веночек? — переспросил ректор.

— Меня доктор усыпил, — затараторила я, оправдываясь. — Целительской магией. А я на нее неадекватно реагирую. Меня опять... в подпространство. Но там не песок был, а трава. Я сидела, сидела и веночек сплела... с метелочками. И как-то вынесла оттуда. А потом я его на вас... случайно...

Оливер и Грин переглянулись.

— Элизабет... хм... — ректор откашлялся. — На промежуточном уровне нет травы. Там ничего нет, кроме магии. Чистая концентрированная энергия. Маги видят, как правило, нити, удобные для создания плетений. В вашем случае сначала был песок — не приспособленная для преобразований субстанция. Теперь трава. Необычно, но с травой уже можно работать. Понимаете?

Я кивнула. Потом подумала, что обманывать нехорошо, и замотала головой.

— Я вам как-то навредила?

— Не навредили, — Оливер улыбнулся, вновь обменявшись взглядами с Грином. — Вы ведь не думали о чем-то конкретном, когда сплетали травы?

— Но вы так...

— Подобные процедуры требуют подготовки. Если сразу влить в человека большой объем чистой энергии, это... как ведро ледяной воды на голову.

Я вспомнила, как его ломало, и поняла, что сравнение слишком мягкое.

— Вам теперь плохо? — поинтересовалась робко.

— Ему теперь хорошо, — ответил вместо ректора доктор. — Целительские заклинания сработали все как одно, но и без них такого количества энергии хватило бы на самопроизвольное обновление организма.

— Точно хорошо? — спросила я Оливера. Мало ли что Грин говорит, это ведь не его чистой силой шарахнуло.

— Прекрасно. Чувствую себя немного странно, но это пройдет.

Он улыбнулся, и я улыбнулась в ответ.

Романтику момента испортил Грин: издал невнятный звук и начал медленно сползать по стене.

— Веночек, — провыл он, закрыв лицо руками. Уселся на пол и уронил голову на согнутые колени. — Веночек она сплела!

— Нервное, наверное, — шепотом пояснила я Оливеру, чувствуя, как саму начинает трясти в преддверии истеричного смеха.

Милорд Райхон хрюкнул в кулак и отвернулся.

— Вено-очек! — протянул издевательски доктор, взглянул на меня и снова спрятал лицо в ладонях, зайдясь беззвучным хохотом.

— Ничего смешного! — заявила я и тотчас зажала себе рот. Лучше давиться тихими всхлипами, чем ржать как лошадь. Или как ректор.

— Правда ничего, — сквозь смех поддержал он меня, уголком простыни смахнув с ресниц слезы. — Ну, сплела... веночек...

— У-у, из травки, — согласился с пола Грин. — Веночек...

— Веночек! — подтвердила я и опять зажала рот, хоть это уже почти не помогало.

На месте Крейга, появившегося спустя пару минут, увидев трех хохочущих придурков, я позвала бы на помощь медиков. Но инспектор этого не сделал. Видимо, потому, что в компании веселящихся идиотов уже был доктор.

ГЛАВА 41

На самом деле повода для смеха не было. Из услышанного после я поняла, что Оливеру безумно повезло, что я — это я. Добрый нрав и чистое сердце, как выразился Крейг. Позитивное мышление и свойственная молодости беспечность, по словам милорда Райхона. Грин от комментариев воздержался. Пожалел меня: он-то всегда называет вещи своими именами. Я ведь могла не только энергией ректора зарядить, а вплести в «веночек» обиду, страх или злость и его накачать этими эмоциями. Возжелать мести и вложить это желание в сильнейшего малефика, не знающего, кому именно мстить и за что. Даже убить его могла. Никто не сказал этого прямо, но догадаться несложно. Как и о том, что случилось бы, мечтай я в момент плетения о неземной любви. Видела я, что может сделать с умным интересным мужчиной приворот, опасите боги от такого счастья.

Из палаты я ушла с Грином. Оливеру нужно было одеться, а инспектор остался с ним за компанию и чтобы, как я предполагала, рассказать о визите к эльфам. Передо мной же никто отчитываться не собирался.

Доктор, вдоволь насмеявшись, сделался необычно серьезным. Привел меня в свой кабинет и уселся за стол. Не удивило бы, спроси он, на что я жалуюсь. Я даже ответила бы: так, мол, и так, жалуюсь на всеобщее непонимание и сокрытие важной для меня информации. Но целитель молчал.

— Угостите кофе или чаем? — заговорила я первой.

— Чай. Кофе вам сейчас нежелателен. И... Помните, я рассказывал о своем знакомом, увлекавшемся созданием плетений на промежуточном уровне? Он умер, не дожив до тридцати.

— Может быть, он заблудился? — предположила я. — Говорят, с промежуточного уровня можно попасть в иной мир и иную версию себя.

— Говорят, — согласился Грин. Взглянул на меня с новым интересом. — Вернее, говорили когда-то. Теория не получила широкого распространения. И лично я не встречался с подобными путешественниками.

Завозился у спиртовки и не видел моей улыбки. Встречались, доктор. Но я не стану вас разубеждать. И экспериментировать с травами-потоками больше не буду. По крайней мере пока не разберусь, как это работает.

— Странно, что никто из летевших с нами до сих пор не объявился, — сказала я. — Никому нет дела до нас с милордом Райхоном? Или они

думают, что мы разбились, и обшаривают каньон в поисках тел?

Грубая уловка. Грин разгадал ее, но до ответа снизошел. Оказывается, пассажиров «Крылатого» давно известили, что мы живы, но до выяснения обстоятельств эльфы задержали всех в посольстве. Ну, как задержали — пригласили на банкет, который и так намечался после полета. Угощают перепуганных магов деликатесами и винами, развлекают в меру сил.

Развлечения я представила живо: достаточно вспомнить каменное лицо лорда Эрентвилля, чтобы догадаться, какое веселье царит сейчас в посольстве. А вот полакомиться эльфийскими деликатесами не отказалась бы.

Я громко сглотнула наполнившую рот слюну, и Грин мгновенно среагировал на недвусмысленный звук.

— Я брал из дома сэндвичи. Один остался. Даже не надкушенный.

— Злопамятный вы человек, — проворчала я в ответ на его усмешку.

— Так будете?

— Издеваетесь? Конечно!

А потом придет Оливер, и я стребую с него шоколадные пирожные и ответы на вопросы, от которых уклоняется доктор.

Но ректор не торопился. Я и сэндвич сжевала, и чая Грин мне налил уже вторую чашку, а их с инспектором все не было. Зато явились леди Каролайн и Грайнвилль.

— Добрый вечер, — полуэльфийка улыбнулась Грину и лишь затем перевела взгляд на меня. — Рада видеть вас живой и невредимой, Элизабет. Отец взволнован произошедшим. Он попросил нас с лордом Грайнвиллем узнать подробности.

— Я думала, эльфы не вмешиваются в дела людей, — проговорила я, глядя на беловолосого лорда, которого до этого дня звала исключительно по имени.

— Мы не вмешиваемся. — Улыбка коснулась его губ, отразилась в ледяном взоре и расплавила контур рисунка на щеках.

— Мы здесь на правах ваших друзей, — проворковала Каролайн, присаживаясь рядом со мной на пододвинутый Грайнвиллем стул. — А моих знаний в области артефакторики достаточно, чтобы определить, что стало причиной несчастного случая.

— Вы принесли это что-то с собой?

— Нет. Браслет-артефакт разрушился, и его обломки — на дне каньона.

— Надеюсь, руку мне при этом не оторвало? А то ведь придется соответствовать.

— Если вам так угодно, — не спорила леди Каролайн. — Но мне кажется, хватит и ожога. И вылечить его не так сложно, да, доктор?

Вслед за ней я обернулась к Грину и мысленно выругалась в свой адрес. Услышав про артефакт, нужно было удивиться, а не язвить!

— Что-то не так, доктор? — я сделала вид, что не понимаю, отчего он смотрит на меня так пристально. Да, никто и ничего мне не рассказывал, но, может быть, я просто догадливая?

— Прошу прощения за задержку, — извинился, входя в кабинет, Оливер. Присутствию эльфов он не удивился: видимо, Крейг, плетущийся следом, успел разъяснить план в деталях.

Интересно, со мной его обсуждать собирались?

— Мисс Аштон, мы не могли бы...

Значит, собирались. Только как теперь?

Грин быстро кивнул на дверь в смежную комнату и с улыбкой хлебосольного хозяина предложил гостям на выбор чай или кофе. Полуэльфийка согласилась на чай, Крейг — на кофе, Грайнвилль вежливо отказался и от того, и от другого. Все дружно сделали вид, что не заметили, как мы с ректором сбежали из их компании.

— Элизабет, — тихо начал милорд Райхон, когда мы оказались в маленькой лаборатории. — Я...

— Тут хорошая звукоизоляция. Можно говорить свободно.

Он заинтересованно приподнял бровь. Я прикусила язык.

— Мне доктор говорил, — пояснила, стараясь казаться беспечной. — Когда рассказывал о своих опытах. У него тут... мыши...

— Ясно, — кивнул Оливер. — Значит, можно поговорить. Грин вам все рассказал?

— Ни слова. Наверное, ждал вас.

— Да, наверное, — ректор сконфузился. — Я зашел к Джереми. Раз уж попал сюда...

— Доктор ничего мне не говорил, но нетрудно догадаться, что библиотекаря не нашли, — решила я облегчить ему задачу и заодно прикрыть тылы, сообщив о своей сообразительности. — А леди Каролайн упомянула какой-то артефакт. Как я поняла, планируется представить дело так, будто некая моя вещь разрушила защиту корабля...

— Элизабет...

— Это разумно, — не позволила перебить себя я. — Не хочу, чтобы слухи о покушении испугали моих друзей и дошли до родителей. Давайте успокоим всех и вернемся к расследованию. Вернее, к ловле на живца. Возможно, в следующий раз мы окажемся быстрее и умнее библиотекаря.

Кто бы знал, как мне хотелось забиться в какую-нибудь темную дыру и носа не показывать. Но Мэйтин не оставил мне этого варианта.

— Вы действительно согласны на это? — уточнил ректор, то ли впечатленный моей отвагой, то ли заподозривший у меня суицидальные наклонности.

— Есть другие предложения? Кроме того, чтобы спрятать меня в каком-нибудь монастыре с перспективой переезда в лечебницу для душевнобольных? Но мне нужно связаться с родителями. Боюсь, они все же могут узнать о происшествии.

— Телефонуйте отцу.

— У нас нет телефона, — растерялась я, — даже в столичном доме.

— Свяжитесь с приемной канцлера. Возможно, удастся застать лорда Арчибальда там. Если только вы хотите.

— Хочу!

Спроси кто-нибудь — не объяснила бы, но, бог мой, смешливый мой, вечно юный бог, как мне хотелось хотя бы голос услышать. Может, виной тому лавандовые поля и качели на яблоне — воспоминания последних дней... Или другие, горечь которых не смоешь годами и не развеет по разным мирам...

Мы вернулись в кабинет, и Оливер связался с телефонной станцией, назвал по памяти номер, затем — добавочные цифры, известные в королевстве не каждому. Представился и попросил соединить его с лордом Аштоном.

— Лорд Арчибальд? Оливер Райхон. Простите, что...

Я бесцеремонно вырвала у ректора трубку.

— Папа! Это я...

— Элси? — радость с волнением вперемешку. — Что случилось, малышка?

Голос — сквозь треск коммутатора и ломаные зеркала раздвоившейся памяти — чужой и одновременно нестерпимо родной.

— Папочка, не волнуйся только... Ты же знаешь, какая я неуклюжая? Я с корабля упала. С воздушного. Меня эльфийский посол пригласил, а я... Но меня милорд ректор поймал, я не ушиблась даже...

А еще я дурочка у тебя, несу непонятно что. Прости.

— Элси, — мягко, но строго. — Милая, скажи честно, с тобой все хорошо? Ты была у доктора?

— У доктора? — я взглянула на Грина. — Конечно. У самого лучшего. Он меня чаем напоил и велел впредь быть осторожней. Я буду, не беспокойся ни о чем. Расскажи лучше, как у вас дела. Как мама? Если бы

можно было, я бы каждый день с тобой говорила, но телефона в общежитии нет, а я не могу постоянно попадать в неприятности, чтобы...

— Ты можешь, малышка, — улыбка. А после серьезно: — Но постарайся все же быть осторожной. Ради нас с мамой, обещаешь?

— Обещаю. Хочешь поговорить с милордом Райхоном?

— Он скажет что-то, о чем ты умолчала? Нет? Тогда не хочу. Твой ректор — редкостный зануда. Мне интереснее узнать, чем занимается в академии моя дочь, когда не падает с летучих кораблей.

Если бы в кабинете никого больше не было, разговор затянулся бы надолго. Но никто и не подумал, что я нуждаюсь в приватности, чтобы пообщаться с отцом, которого не видела с осени, поэтому рассказ о студенческих буднях получился коротким и скомканным. Веселым, насколько мне это удалось. Но в глазах стояли слезы...

— Папа, я не могу долго говорить, ты же понимаешь.

— Конечно, милая.

— Скажи маме, что я ее люблю. И тебя...

— Я знаю, Элси. И я тебя люблю, малышка. Береги себя.

Я опустила трубку на рычаг и решительно развернулась к рассеявшимся вокруг стола людям и эльфам.

— Да, у меня есть семья. Это кого-то удивляет? Нет? Тогда вернемся к делам.

Пока я не передумала и не перезвонила отцу, чтобы он забрал меня отсюда.

С дальнейшими действиями определились быстро. Решили отправиться в посольство, предъявить народу нас с Оливером и озвучить выводы экспертов относительно происшествия. В роли экспертов выступали ректор академии, инспектор Крейг и лорд Эрентвилль. Выводы: нечего покупать амулеты у артефакторов-недоучек. Крейг планировал под шумок организовать проверку нескольких лавочек, по слухам, приторговывающих поделками студентов, еще не имевших лицензий. Вроде бы поступали жалобы на работу таких артефактов и кто-то даже травмировался. Вероятно, Грин слышал об этом, и идея «официальной версии» возникла не на пустом месте.

В посольстве я с душой отыграла роль счастливо спасенной девицы. Смущенно улыбалась, позволяла тискать себя всем желающим, шептала с придыханием, как сильно я испугалась и какой милорд Райхон герой. Героя тоже тискали — в основном дамы, давно искавшие повода прильнуть к ректорской груди. Мужчины скромно жали руку. Лорд Эрентвилль, с

невозмутимым лицом глядя на потолок, принес извинения кованой люстре за то, что ни он, ни владельцы других кораблей не предусмотрели возможных последствий столкновения человеческой и эльфийской магии, и объявил, что будут приняты соответствующие меры. Например, запретят людям проносить магические предметы на эльфийские корабли. При всей видимой отстраненности эльфы своей выгоды не упустили. В том, что подобное решение им выгодно, я не сомневалась.

Сибил с момента моего появления в церемониальном зале вертелась рядом, но на шее не висла и от радости не визжала. Заявила, что не особо волновалась, ибо сразу знала, что ничего со мной не случится. Зато в гостях у эльфов побывала, успела обсудить с куратором курсовую и объелась до икоты экзотическими закусками. Стоило бы обидеться, но подруга и обо мне не забыла: набрала в салфетку эльфийских вкусок, пока их не смели со столов.

А Саймон принес яблоко. Признался, что взял его еще на «Крылатом», но не успел отдать. Сибил сообщила шепотом, что слышала, как мисс Милс выговаривала сыну за то, что оставил меня без присмотра. Блажь это или расчет, но, кажется, она всерьез присматривала меня на роль невестки. Конечно, не дело, когда такие перспективные кандидатки падают за борт. По словам подруги, мисс Милс даже поплохело после этого... Хотя не повод для шуток: Саймон ведь говорил, что у матери проблемы со здоровьем.

Ко мне она подходила, как и другие. Не тискала, только по плечу погладила ласково и сказала, что рада, что все обошлось. Все-таки внешность обманчива, а бездушная драконша не воспитала бы такого чудесного сына.

Леди Райс обняла от души. Расцеловала в обе щеки. Грозилась оторвать беспечным эльфам уши, а недоделанным, в смысле, недоученным артефакторам — руки. Оливера благодарила так, словно я ей дочь родная. Потом схватила за рукав Грина, оттащила в угол и пыталась его там, пока леди Каролайн в буквальном смысле не вырвала доктора у нее из рук. За тем, как полуэльфийка кокетничает с Грином, наблюдали и ее отец, и Грайнвилль, но Каролайн до них и дела не было. Грину тем более. Стоило отказываться от полета, чтобы потом позволять развязной красавице виснуть у себя на руке и нашептывать что-то на ухо? Или дочурка посла тоже изготовлением приворотов увлекается? А что? Единорог под боком, недостатка в сырье нет. И вид у доктора — чисто «объект Б». Снова стукнуть его, что ли?

От благих намерений отвлек очередной желающий поздравить меня со

спасением. Когда я от него избавилась, выяснилось, что Каролайн уже выпустила доктора из цепких лапок, и целителем завладела мисс Милс. Однако стоило матери Саймона благодарно закивать, заканчивая разговор, как полуэльфийка вновь устремилась к Грину.

Я оставила Сибил в сторонке и быстро пересекла зал.

— Простите, леди Каролайн, вы не проводите меня...

Три чашки чая — чем не повод?

— Конечно, — улыбнулась она мило. — И я уже говорила, зовите меня Карой.

Небесной, угу.

Она проводила меня в гостевые покои.

Воспользовавшись благами цивилизации, я все же решилась высказаться.

— Леди Каролайн, вы предложили мне дружбу, и, надеюсь, как другу мне позволено будет заметить, что оказываемые вами доктору Грину знаки внимания несколько выходят за рамки приличий.

Фух. Выговорила.

— Приличия? — отстраненно повторила она. — Позвольте мне самой определять допустимые границы.

— А как же Грайнвилль? Он мой друг, и вы ему нравитесь...

— Он хочет на мне жениться. И занять место моего отца.

Звучит не очень романтично. И Грайнвилль именно так и говорил, даже не поспоришь. Но я попыталась:

— Одно не исключает другого. Мне кажется, вы ему по-настоящему нравитесь.

— Вы ничего не понимаете, — вздохнула полуэльфийка. — Лорд Грайнвилль — потомок древнего рода, по знатности, богатству и силе родовой магии сравнимого только с родами владык. Он обладает редкими и высоко ценимыми среди эльфов талантами. А пост представителя владыки в человеческой академии магии — это ссылка. Добровольная ссылка, на которую обрек себя мой отец, чтобы не оставлять меня одну среди людей. Бремя, которое он хочет навязать моему мужу, чтобы тот не увез меня к эльфам, где я буду считаться уродом и позором дома. Это не награда. Это жертва, которую придется принести мужчине, решившему взять меня в жены. А я не хочу таких жертв.

Вот теперь — романтично. Но грустно.

— Думаете, лучше вам выйти замуж за человека? Даже за нелюбимого?

— Нет. Люди, за редким исключением, мне неинтересны. И отец не

позволит. Он не желает мне мужа, которого я переживу в силу эльфийской крови, и детей, в которых эта кровь разбавится людской еще сильнее. Разве вы хотели бы хоронить собственных детей?

Я замотала головой. Прикусила губу...

— Моему отцу это предстоит, — сказала она. — Но он сильный. А я нет. Если я выйду замуж, то только за эльфа. Но за другого. А доктор Грин — хороший человек, один из немногих...

— Вы же не хотите замуж за человека.

— Не хочу, — кивнула Каролайн. — Но если я себя скомпрометирую, лорд Грайнвилль передумает на мне жениться. Или отец откажет ему: нельзя предлагать недостойную в жены тому, кого уважаешь и ценишь. Найдется другой эльф, кто-то из младших родов и не такой... не такой...

— А Грин?

— Ему ничто не угрожает. Отец обязан ему жизнью и не переступит через этот долг. А я и не планировала ничего такого, за что принято мстить... Может, немного нарушить приличия, как вы заметили. Какие-то слухи пустить. Я не слишком опытна в таких вещах...

— Но зачем вам для «таких вещей» именно доктор?

— Я же объяснила, он достойный человек.

— Достойный чего?

— Достойный меня скомпрометировать, — как скудоумной разъяснила мне Каролайн, недоумевая, как можно не понимать настолько простых вещей.

Действительно, она же эльфийская леди, ей с кем попало компрометироваться нельзя.

— Послушайте... Кара. Зачем губить свою репутацию? Просто скажите Грайнвиллю, что не хотите быть его женой.

— Так будет лучше.

— Ему? Кто еще может судить, что ему лучше?

— Нам пора возвращаться к гостям, Элизабет.

Ну и ладно. Можно подумать, мне своих проблем мало.

— Прежде чем мы выйдем из комнаты, — леди Каролайн остановилась в дверях, перегородив проход, — пообещайте, что никому не расскажете об этом разговоре.

— А если я не могу этого обещать?

— Тогда мы не выйдем.

Мило. Интересно, какое наказание предусмотрено за нанесение легких телесных повреждений эльфийским леди? А то ведь я могу. И средней тяжести, при желании.

— Обещаю, — проговорила я со вздохом. — Никому и никогда.

В конце концов, это не мои проблемы. Грин далеко не дурак, чтобы позволить себя использовать, а Грайнвилль пусть сам разбирается с избранницей.

— Спасибо, — улыбнулась Каролайн. — Я не сомневалась, что мы с вами подружимся.

Не стоило спорить с этим утверждением. При таком отношении к тем, кого дочь лорда Эрентвилля считала возлюбленными, друзьями и всячески достойными людьми, и думать не хотелось, как она поступает с теми, кого полагает врагами.

В зале она безуспешно вертела головой и обшаривала взглядом полутемные ниши — Грина не было среди гостей. Наверное, стоило намекнуть новой подруге, что достойные мужчины по умолчанию не способны скомпрометировать девушку. Некоторые и под действием приворота пытаются соблюсти формальности и скручивают в кольцо канцелярские скрепки.

— Чему вы улыбаетесь? — подошел ко мне Оливер.

— Жизни. Забавная штука. Временами.

— Приятно видеть, что вы не унываете.

— Стараюсь. Тут ведь как на ринге: опустишь руки — пропустишь удар.

— Подумываете о возвращении в клуб Огненного Черепа? — ректор то ли не понял иронии, то ли решил сменить тему.

— Пока — только о том, как поставить свое имя под воззванием Стального Волка, чтобы никто не заметил. Впереди выходные, студентов в учебных корпусах будет немного. Попробую. А с понедельника хочу попросить леди Райс пристроить меня в одну из групп. Похожу на лекции, вспомню, каково быть обычной студенткой...

— Подразните библиотекаря, — в тон мне закончил Оливер.

— Наверняка он здесь, — продолжила я, взглядом скользя по собравшимся в зале людям. — Один из них. Запустить бы сюда единорога...

— Я уже объяснял, это не поможет.

— Помню. Просто мечтаю.

— О единороге? — Оливер вновь увел разговор в сторону. — Думаю, лорд Эрентвилль не будет возражать, если мы навестим, пользуясь случаем, вашего любимца.

Лорд Эрентвилль не возражал. Но сначала я нашла леди Пенелопу, поделилась с ней желанием заниматься в группе и сообщила между делом,

что у меня как раз имеется подруга-целительница. Вопрос решился тут же: наставница отыскала среди гостей куратора группы Мэг, представила меня ей и попросила, а по сути, поставила перед фактом, что с понедельника я буду ходить на занятия с ее студентками. Кто бы отказал героине дня?

Хотя правильнее было бы назвать меня жертвой дня. Герой в это время ждал у выхода, чтобы проводить меня к моему белогривому чуду.

— Я так и не поблагодарила вас, милорд.

— Разве? А веночек?

Единорог весело фыркнул — помнил веночек. Только обсуждать нашу встречу в подпространстве не желал, притворяясь, что не слышит задаваемых мысленно вопросов. Но хоть на Оливера не топал сегодня — то ли в благодарность за мое спасение, то ли задобренный новой песенкой, исполненной ректором все на тех же ключах.

— Где вы этому научились? — не сдержала я любопытства.

— Тут, в академии. Если говорить о ключах.

— А если не о ключах?

— Вы никогда не учились музыке? — вопросом на вопрос ответил он.

— Училась... Вернее, меня учили в детстве. Но мне всегда не хватало терпения и усидчивости.

— Жаль, — по-доброму усмехнулся Оливер. — Нелишние качества для мага. Как и навыки игры на музыкальных инструментах. Клавиши и струны — отличная гимнастика для пальцев, духовые учат контролировать дыхание.

— Что выбрали вы?

— Я не выбирал, — улыбка не исчезла с его лица, но стала задумчивой и печальной, как случается, когда вспоминается что-то хорошее, но безвозвратно ушедшее. — Сестра играла на фортепиано и на флейте. Когда бывали гости — только на фортепиано. Говорила, что с флейтой у нее глупый вид, занималась ей только из-за рекомендаций целителей: слабые легкие... Фортепиано и флейта, да. — Он встряхнулся, улыбка пропала. — Это помогает в работе с потоками и плетениями, когда требуется совершать сложные пассы. Многие стараются так или иначе развивать мелкую моторику. Нет способностей к музыке — занимаются лепкой или рисованием...

Словно устыдился невольной сентиментальности и поспешил превратить душевный разговор в лекцию. Но лекции — не то, что мне сейчас было нужно. Я попрощалась с единорогом и вернулась с Оливером в банкетный зал, чтобы найти Сибил и пойти с ней в общежитие.

Ректор должен был задержаться до официального окончания вечера, но

недостатка в провожающих у нас с подругой не было: сначала Саймон, получив от матери локтем в бок, изъявил желание пройтись, потом с той же инициативой выступили наши эльфийские друзья. Грайнвилль и Каролайн все равно планировали провожать Анет, и Саймон смог избежать почетной миссии, но до ворот с нами дошел, и Сибил многозначительно улыбалась, поглядывая то на него, то на меня.

У калитки щупленькая дамочка прыгала на привратника и требовала ее пропустить. Тот вежливо и, видимо, в сотый раз объяснял, что вход только для приглашенных, но, если она хочет встретиться с кем-то из посольства или гостей, пусть скажет с кем и назовется, и о ее приходе сообщат. Дама называться отказывалась.

Присмотревшись, я узнала Лидию. Вряд ли у кого-нибудь еще в академии такое же болезненное пристрастие к пудре и рюшам, нашитым даже на пальто. Розовое.

— Добрый вечер, мисс, — поздоровалась я. — Помните меня? Элизабет Аштон, мы встречались у милорда Райхона. Вы, наверное, хотите его увидеть?

— Кого? — секретарша удивленно захлопала ресницами.

— Ректора.

— Думаете, он знает?

— Что?

— Хоть что-то!

Да уж... Алиса и Безумный Шляпник. Или Алиса и Гусеница. Но скорее, Алиса и гриб. Причем грибом я чувствовала себя.

— А вы знаете? — прищурилась Лидия.

— Нет, — ответила я. Сибил, Каролайн, Анет и Грайнвилль в странный разговор благоразумно не вмешивались. Саймон остановился в стороне, прислушивался, но, видимо, тоже ничего не знал.

— А она? — не сдавалась секретарша.

— Кто? — вздохнула я, понимая, что ответа не получу.

Но Лидия изменила себе.

— Леди Райс, — сказала неожиданно внятно. — Она должна знать.

И она целительница, что в данном случае нелишне. Хотя наставница, как говорит другой мой знакомый целитель, не по этой части доктор.

Попросив эльфа передать леди Пенелопе, что ее жаждут лицезреть, я с чистой совестью покинула территорию дружественной державы. Общежитие, ванна, постель — вот все желания, что у меня остались к концу еще одного безумного дня. И волшебных капель себе накапать, пусть еще что-нибудь веселенькое приснится.

ГЛАВА 42

С утра, собираясь на завтрак, я ожидала, что в столовой все будут тыкать в меня пальцами и шушукаться, ведь слухи, как ни крути, должны были просочиться в народ. Однако то ли в выходные сплетни расплзались медленнее, то ли подана новость была как рутинное, не стоящее внимания событие, но даже Рысь, подошедший к нашему столику, чтобы поздороваться, не выказал обеспокоенности и расспрашивал о случившемся, казалось, только из вежливости. Упала? Поймали? Вот и хорошо. А его там Шанна ждет, они в Ньюсби собираются с почтовым дилижансом, нужно успеть места занять.

Одна Мэг, узнав обо всем вечером, испугалась по-настоящему. Сказала, что умерла бы еще до того, как ее поймали бы, и пустырника себе накапала. Но у нее свой пунктик на высоте, да и то ночи хватило, чтобы подруга отошла от переживаний.

— Может, и нам в город выбраться? — предложила она.

— У меня другие планы, — отказалась я.

— Свидание с Саймоном, — наябедничала Сибил, слышавшая, как накануне мы с боевиком договаривались о встрече.

— Тренировка, — поправила я. — С мистером Вульфом.

Шутки шутками, но кто-нибудь мог услышать, а мне не нужны сплетни подобного толка.

— Тренировка, — покладисто согласилась провидица. — А у меня свидание. Сосед Яна уезжает к родителям на выходные, и комната будет свободна. Мы как раз хотели попробовать кое-что нетрадиционное... Ох, нет! Ну не делайте такие глаза! Я о магии. Мы хотели совместить наши способности. Расскажу, если получится.

— А я поеду, — решила Мэг. Допила чай и бросилась догонять Норвуда.

Похоже, и в эти выходные меня все бросили.

Нового приступа я не боялась, но настроение испортилось. Наверное, я отвыкла быть одна. Раньше мне это нравилось: тишина, покой, можно почитать или подумать о чем-нибудь отвлеченном. Но об отвлеченном в свете последних событий не думалось, а почитать можно было только учебники или книги о драконах, которые я до сих пор не сдала в библиотеку.

Или ту, что дал Грин. Ту, которая «Эдварду. С теплом и нежностью»...

Может, Камилла все подарки так подписывала? С теплом. Что такого в тепле? И в нежности, если подумать... А книгу нужно вернуть. И доктора предупредить, что с понедельника меня не будет в лечебнице. А еще я чашку разбила, а они у него и без меня долго не живут.

В общем, я нашла, как убить время до тренировки.

Уже на крыльце лечебницы поняла, какая это глупость, и понадеялась, что доктор для разнообразия решил отдохнуть в выходной, но дежурная сестра сообщила мне, что сегодня чуда не свершилось. Однако в кабинете заведующего не оказалось, и я вздохнула с облегчением. Я не умею извиняться. А так и совесть чиста, и самолюбие не пострадает...

Не пострадало бы, успею я вовремя уйти.

— Доброго дня, Бет, — раздалось у меня за спиной в тот момент, когда я, крадучись, выбралась из кабинета и прикрыла за собой дверь.

Я медленно развернулась.

— Здравствуйте, доктор.

— Не ожидал увидеть вас сегодня, а то побрился бы, — он демонстративно потер подбородок.

— Я проходила мимо и решила вернуть вашу книгу, — сказала я, силясь не смотреть в смеющиеся серые глаза.

— Случайно проходили мимо с моей книгой?

— Почти так... Я оставила ее на столе.

— Да? — Грин толкнул дверь и заглянул в кабинет. — Хм... Книгу вижу. А на ней стоит какая-то чашка. Не знаете, что она там делает?

— Стоит, как вы заметили, — я нервно передернула плечами. Не умеешь извиняться — лучше и не берись.

— И почему она там стоит?

— Потому что у нее плоское донце. Иначе скатилась бы на пол.

— Логично, — кивнул доктор. — Но знаете, что меня смущает? Это совершенно незнакомая мне чашка.

— Хотите, чтобы я представила вас друг другу? — спросила я раздраженно. Вот что за человек! Стоит чашка — пусть себе стоит. Нет же, прицепился!

— Хотя бы скажите, откуда она взялась, — ухмыльнулся Грин.

— А вы не догадываетесь? — разозлилась я. — Я ее принесла. Вместо той, которую разбила. Хотела извиниться. Если считаете, что это смешно, — смейтесь. Но, сделайте одолжение, после того как я уйду.

Развернулась и пошла по коридору, гордо задрав голову.

— Бет!

Остановилась.

— Я не смеялся. И не собирался, правда. Задержитесь? На чай?

— Нет. У меня много дел.

— Жаль. Тогда в понедельник? Я разрешу вам пить из моей новой чашки.

Заманчивое предложение, но я покачала головой:

— С понедельника я буду заниматься с группой третьекурсников. Моя внеурочная практика в лечебнице затянулась.

— Значит, вы зашли попрощаться?

До того как он спросил, я не думала об этом так. Но получалось, что...

— Нет, конечно! Я все равно буду заходить к леди Пенелопе. И к вам. Я же вам еще нужна?

Боже, надо же ляпнуть такое!

— Нужны.

— Как мышь, — добавила я и почувствовала себя еще глупее.

— Я понял, — без тени насмешки сказал Грин. — Тогда... До свидания, Бет?

— До свидания, доктор.

Все-таки выставила себя не слишком умной девушкой.

Шоколадный торт этого не исправил, но было вкусно. Хотя и не стоило так наедаться перед тренировкой.

Впрочем, с тренировкой не сложилось отнюдь не из-за моего обжорства: Саймон неважно себя чувствовал. Мучился с утра головной болью и винил в этом эльфийские вина. Выпил он немного, но неписаное правило всех застолий «Главное — не смешивать!» актуально в любом мире, а боевик, по его признанию, попробовал несколько сортов.

Я размялась на тренажерах, попинала набитого опилками болвана. Обычно и этого хватало, чтобы прочистить мозги, но сегодня не помогло. Сегодня и мысли были другие, и тревоги. Не из-за библиотекаря. Или не только из-за библиотекаря. И лучше было совсем не думать об этом. Занимаясь самокопанием, можно отрыть в себе такое, что потом при всем желании не получится закопать снова: чем глубже станешь прятать его, тем больше будет дыра, которую оно прогрызет в душе, вырываясь наружу. А мне дырявая душа не нужна, хватит того, что гордость в заплатах.

Эклеры этого не лечат, так же как и шоколадные торты, но по пути в общежитие я опять заглянула в кондитерскую. Вернувшись поздним вечером Маргарита увидела лишь пустую коробку, а рядом с ней — грустную меня. К тому времени я успела диагностировать у себя нервную булимию, сломать ноготь о дверцу шкафчика, в котором соседка хранила стратегический запас сладостей, и смириться с тем, что жизнь кончена.

Но оказалось, что не жизнь, а всего лишь еще один день.

Следующий обещал быть лучше.

Мэг простила мне взлом шкафчика и приготовила отвар, после которого меня перестало мутить и снова захотелось жить и есть. Жить я решила вопреки всему, а есть — поменьше.

Сибил вообще есть не собиралась. Когда мы зашли за ней, чтобы вместе пойти на завтрак, даже не открыла. Пробубнила через дверь, что еще спит.

— Во сколько она вчера вернулась? — строго спросила меня Мэг.

Я пожалала плечами. Тут себя не контролируешь, где уж за другими следить? В результате всю дорогу до столовой слушала, какая я безответственная, и мысленно соглашалась. И правда, нужно было хотя бы убедиться вечером, что подружка не осталась у своего некроманта. Но она ведь не осталась? Значит, все в порядке.

Однако к обеду Сибил снова не вышла. Снова, не открывая, бормотала что-то об усталости и бессовестных нас, не дающих ей отоспаться.

— Она не спит, — нахмурилась Мэг, втянув носом воздух у двери. — Она страдает.

— Сандал?

— Хуже. Гвоздика.

Я принялась. Гвоздика и базилик — хуже некуда.

— Будем ломать дверь, — решительно заявила подруга.

— Будем, — согласилась я.

Ключ консьержка не даст, хоть полдня ее упрашивай, — уже проверено. А дверь потом всего за час починят. И это проверено. Как и то, что, если Сибил вовремя не растормошит, гвоздика сменится горьким мандарином и страдания затянутся на две недели. А то и на три.

Я в оба конца оглядела пустой коридор, подобрала юбки и примерилась пяткой к замочной скважине.

Хватило одного удара. И Саймон еще говорит, что у меня слабые ноги?

Но гордиться собой было некогда, ибо страдания Сибил уже перешли в активную фазу.

Со стороны активная фаза смотрелась довольно пассивно: окна зашторены, под чашечкой с ароматическими маслами горит короткая толстая свечка, провидица на полу в позе увядшего лотоса, — но после трех лет общения с Сибил нас с Мэг не обмануть иллюзией медитативного покоя.

— Элси, окно, — скомандовала деятельная соседка.

Я отдернула шторы, впуская в комнату дневной свет, и распахнула створки, чтобы со светом впустить еще и воздух, свежий и холодный.

По полу потянуло, но Сибил лишь съежилась сильнее.

— Платье, — одними губами шепнула мне Мэг.

Платье, которое мы с ней с почтительным страхом именовали Тем Самым Платьем или Тем Жутким Платьем, красочнее иных атрибутов характеризовало глубину готовившейся поглотить Сибил бездны отчаяния. Бесформенная серая хламида с треугольным вырезом и широкими рукавами надевалась по исключительно трагичным поводам, и, как показывала практика, после того как провидица облачалась в этот наряд, шоколад и алкоголь теряли свою волшебную силу.

Все это: свечи, благовония и Жуткое Платье — смотрелось театрализованным представлением, но мы с Мэгги знали, что Сибил не притворяется. Она действительно страдала и, будучи натурой творческой, нуждалась в соответствующем антураже. Нам оставалось только принять правила, оградить любимую подругу от жестокого мира и запастись терпением, потому как процесс примирения Сибил с миром — дело небыстрое.

Мы подняли ее с пола, уложили на кровать, укутали одеялом и хорошенько проветрили комнату. Выслушали длинный монолог о том, что есть нечто, чего нам никогда не понять, согласились с данным утверждением, но все-таки предложили проверить его опытным путем, после чего Сибил надолго умолкла. На моей памяти это был самый сложный случай, и я не сомневалась, что виной всему некий некромант. Мэг была со мной солидарна.

— Рассказывай, — не выдержала она, переходя от ласкового сюсюканья к строгому тону. — Он тебя обидел? Приставал к тебе? Если он что-то сделал, я пойду к нему и...

— Мы пойдем, — поддержала я. — И оторвем ему все выпирающие части тела.

— Все? — Сибил испуганно заморгала.

— Не все, — утешила ее Мэг. — Одной хватит.

Провидица всхлипнула:

— Как вы можете? Оторвать... Вы же целительницы!

— И правда, — спохватилась я. — Мы же целительницы. Нам отрывать нельзя.

— Точно, — кивнула Мэг. — Непрофессионально.

— Возьмем скальпель иотрежем! — закончили мы хором.

Сибил разрыдалась — у нас наметился прогресс.

Хлюпая носом, подруга уверяла, что коварный некромант совсем не коварный, и грозилась, что не потерпит хирургического вмешательства в свою личную жизнь. Когда слезы закончились, она согласилась на шоколад. Теперь главное было не спугнуть момент. Я отправила нервно цыкающую Мэг в буфет, а сама осталась сидеть с провидицей, поглаживать теплую ладошку и представлять, как отделаю незнакомого мне некроманта Яна, если выяснится, что он все же обидел нашу девочку.

Выпив шоколада, Сибил созрела для откровений. Правда, начала настолько издалека, что за десять минут рассказа мы узнали лишь о том, что вчера она была у своего кавалера, и они действительно занимались разбором нетрадиционных плетений.

— На столе схемы, — махнула она рукой. — Смотрите, если интересно. Все равно они не работают.

Понять, какие схемы она имела в виду, не представлялось возможным: стол был завален исписанными листочками и рисунками. Я вытащила несколько штук наугад. Два незнакомых заклинания. Одно — простенькое, из бытовой магии, для сведения чернил с пальцев. Рисунок без подписи: круг, разделенный на шесть равных секторов, в каждый из которых вписан символ вроде тех, что красуются на футболке Мэйтина. Еще на одном листочке — отрывок из любовной поэмы, а на последнем — ума не приложу, зачем это Сибил, — инструкция по строительству печи для обжига кирпичей.

— Что было после того, как вы поняли, что заклинания не работают? — поинтересовалась Мэг.

Сибил опять расплакалась, но со слезами ее, что называется, прорвало, и мы наконец-то узнали то, чего не могли выпытать два часа.

Суть сводилась к тому, что Сибил понравился парень. Очень понравился. Тут шло подробное перечисление его достоинств, от незаурядной внешности до столь же незаурядных талантов. Затем шло не менее подробное перечисление недостатков самой Сибил. Она так описывала себя, что вместо милой миниатюрной девушки, умной и доброй, представлялся уродливый карлик-олигофрен. Естественно, незаурядный некромант ни за что не польстился бы на этакое чудовище. О том, что ходячее скопище добродетелей первым назначило ей свидание, подруга позабыла напрочь. Решив, что она, такая как есть, не может быть интересна, Сибил придумала новый образ, который, по ее мнению, должен был поразить некроманта прямиком в польый мышечный орган, ответственный за перекачку крови и формирование нежных чувств. То, что она сочинила себе второе имя, предков-эльфов по материнской линии и

прадеда, прошедшего посвящение у гоблинских шаманов, по отцовской, — мелочи. То, что новому образу, судя по ее нежеланию знакомить нас с избранником, не соответствовали старые подруги, обидно, но можно понять. Но ко всему перечисленному эта творческая личность невесты с чего отнесла к перечню дефектов свою неопытность в вопросах взаимодействия полов и начиная с первого свидания строила из себя роковую женщину. Естественно, прямо ничего не говорилось, но парень понял то, что от него требовалось понять, и поверил. О том, что ему захочется еще и проверить, Сибил по наивности не подумала.

Нет, отрезания чего бы то ни было Ян не заслужил. После неудачных магических экспериментов они пили чай, разговаривали, целовались. Немного увлеклись и непонятно как оказались на кровати. И Сибил испугалась. То ли самого действия, что должно было последовать за поцелуями, то ли того, что в ходе сего действия ее обман раскроется, то ли всего сразу. Она вlepила парню пощечину и сбежала, перед этим успев собрать свои конспекты. Конспекты — это святое. А бедняга Ян, видимо, так ошалел от неожиданной развязки, что Сибил могла вернуться через час за забытой тетрадкой, и он по-прежнему сидел бы, потирая щеку и пытаясь понять, что сделал не так.

Однако причина страданий подруги была намного глубже. До того как она сбежала, где-то между чаепитием и поцелуями, обожаемый некромант признался ей в любви. Не думаю, что сделанному в таких обстоятельствах признанию можно полностью верить, но Сибил поверила и радости по этому поводу не испытала, ибо выходило, что любит Ян не ее, а придуманный образ. А о ней самой он ничего не знает, даже того, что на самом деле она блондинка.

Я могла бы примерить ситуацию подруги к себе и задуматься, можно ли построить какие-либо отношения с мужчиной, принимающим меня за другого человека. Но из головы не шел расчерченный на шесть частей круг. Шесть точек соприкосновения с окружностью и точка пересечения в центре — семь, число основы. Символы в каждом секторе. Где-то я все это уже видела. И поцелуи там тоже были...

— Сибил, милая, что это? — я протянула провидице рисунок.

— Что? — она захлопала мокрыми ресницами. — Я тебе душу открываю, а ты...

— Это важно. Скажи, пожалуйста, что это за схема?

— Нет, — она опустила голову. — Об этом нельзя никому рассказывать. И вообще, я тебе...

— Душу открываешь, я помню. Но такой рисунок я нашла в комнате

Мартина Кинкина после того, как он пропал, и хочу убедиться, что это никак не связано, потому что волнуюсь за тебя.

— Это не связано, — проговорила Сибил, но так неуверенно, что не только я, но и ничего не понимающая Мэг насторожилась.

— Выкладывай, — потребовала она.

Возможно, в другой ситуации провидица заартачилась бы, но сегодня все меркло рядом с глубокой личной драмой, и, чтобы скорее вернуться к ее обсуждению, нам было рассказано, что схема — часть заговора на удачу.

— Я состою в одном тайном обществе... Вы же смеетесь над таким, а я состою. И оно правда тайное. Мы друг друга не знаем и никогда не собираемся вместе, а переписываемся через книги. Обмениваемся знаниями, которым не учат на занятиях. Ничего запрещенного, просто заклинания не из программы...

— Переписываетесь через книги? — сердце забилось так громко, что я почти не слышала за ним собственного голоса. — Через библиотечные книги?

— Да. У нас особый шифр, а книги нужно брать в определенных секциях, с отдельных стеллажей. Это интересно, потому что сначала нужно найти...

— Ты использовала этот заговор? Его случайно не кровью нужно было переписать?

Она и сказать ничего не успела, только посмотрела на меня, и я поняла, что не ошиблась.

— Сибил, солнышко, — голос задрожал. — Что ты загадала?

— Роль. И получила ее. Заклинание работает.

Работает, но исполнение желаний — не результат, а условие, при соблюдении которого тебя не сотрут из новой реальности. На это намекал Мэйтин, когда говорил, что исчезновения связаны с тем, чего люди хотели для себя.

— Элси, ты объяснишь, что происходит? — потребовала Мэг.

— Объясню. Только сама сначала разберусь. Ты помнишь определение ритуала?

— Последовательно совершаемые действия, направленные на...

— И ни слова о том, что нужно встать в кружок и зажечь свечи? — уточнила я, не дослушав.

— Ну, обычно так и бывает: кружок, свечи...

Обычно — да. Но не обязательно.

— Переодевайся, — приказала я Сибил. — Хотя... Нет времени. Скажем, что ты репетировала в этом балахоне.

— Кому скажем? — жалобно пискнула подруга.

— Ректору. Полиции. Кто спросит, тому и скажем.

Куда бежать и кого искать в выходной день в огромной академии? Я решила, что никуда и никого. Выглянула в окно и заорала:

— Помогите!

Осталось дожидаться, когда примчится моя охрана и проводит куда следует.

ГЛАВА 43

Не прошло и пяти минут после моих криков о помощи, как мы с подругами оказались в кабинете ректора. Мэг отпустили почти сразу же. Клятву о неразглашении, само собой, обновили.

С Сибил говорили долго. Сначала ее спрашивали Оливер и Крейг, вежливо и спокойно, но мне все равно было неловко перед подругой, словно не она сама, а я втянула ее в эти перипетии. Потом пригласили менталиста, чтобы помог девушке в деталях вспомнить проведенный еще осенью ритуал. Инспектор тем временем начал поиск свидетелей и других пострадавших. Подчиненные Крейга, аки странствующие проповедники, обходили общежития, стучались в комнаты и рассказывали их обитателям о нехороших людях, через тайное общество «Свет скрытых знаний» распространявших искаженные формулы заклинаний, воспользовавшись которыми, доверчивые маги рисковали подцепить пожизненное проклятье. Всем, состоявшим в данном обществе, рекомендовалось прийти непосредственно к ректору — лучшему в академии специалисту по проклятиям — и провериться.

Что касается свидетелей, то первым в этом качестве вызвали незаурядного некроманта Яна. Сибил познакомилась с ним уже после ритуала и вряд ли что-то ему рассказывала, но, когда Крейг спросил меня, с кем подруга близко общалась... Наверное, мне просто хотелось увидеть, из-за кого сегодня извлекли из недр шифоньера Жуткое Платье.

Ян мне понравился. Не внешностью, хотя парень он, надо признать, симпатичный: голубоглазый блондин, высокий (для Сибил так даже слишком) и сложен неплохо. Понравился он мне тем, что после вчерашнего тоже страдал. Основательно страдал, древним испытанным способом, прямо шатало его от страданий, и пах он не гвоздичным маслом. Но голова у него и в лютой печали работала. Сложив воедино бравых полицейских, доставивших его пред несветлые очи ректора, присутствие здесь же Крейга и прозвучавшее имя Сибил, парень пришел к выводу, что подруга обвинила его в посягательствах на ее честь, тут же в этих посягательствах признался и заявил, что не покроет свое имя позором и в тюрьму не сядет — или пусть его сразу казнят, или, если Сибил согласится, он на ней женится, чтобы до конца жизни искупать недостойное поведение. Когда Крейг несколькими пассажами его протрезвил... в смысле, вывел из состояния глубокого уныния, Ян слегка позеленел и сказал, что погорячился насчет

казни, но от остальных слов не отказывался.

Хороший парень. Жаль, помочь не мог.

Зато Сибил с помощью менталиста восстановила детали ритуала, а обходившие общежития полицейские нашли еще одного участника. Вернее, они нашли семерых студентов, обменивавшихся внепрограммными заклинаниями через библиотечные книги, но четверо из них никакого «заговора на удачу» не получали, а еще двое не стали использовать.

Оливер созвал экстренное заседание комиссии. Не нашли только леди Райс — она уехала навестить родственницу. И я ей завидовала. Наставнице, а не ее родственнице. Хотя и родственнице немного: ей ведь не пришлось вслед за обедом пропустить ужин, выслушивая и записывая одну за другой версии того, как именно происходит замещение реальностей. С таким режимом на фоне постоянных нервотрепок можно и язву заработать. Надо у Грина что-нибудь для профилактики попросить. Хотя когда теперь увидимся?..

Однако с ритуалом более-менее разобрались.

Во-первых, составляющие его основу заклинания по структуре практически не отличались от бытовых заговоров, и это, как и отсутствие особых условий вроде полнолуния, необходимости вычерчивать ритуальный круг средним пальцем покойника рядом с его разрытой могилой и приносить в жертву черных кошек, создавало иллюзию безопасности. Кровь же использовалась для усиления заклинаний достаточно часто, чтобы кого-то насторожил этот пункт, тем более кровь нужна была собственная для исполнения собственного же желания. То есть участники ритуала думали, что для их собственного.

Но это уже «во-вторых». Библиотекарь так мастерски поработал над текстовой составляющей заклинаний, что любой крючоктвор, не одну собаку съевший на каверзных договорах, плакал бы от зависти. Сибил даже под руководством менталиста не сумела воспроизвести весь текст, но и обрывков хватило, чтобы понять, как провели охотников за удачей. Они жертвовали кровь и отдавали силу в залог того, что «исполнится воля просящего», упуская тот момент, что фразой ранее называли себя дающими, а просящий — это уже третье лицо, в пользу которого и заключался контракт с судьбой. Желание же дающих являло собой условие, при выполнении которого они сохраняли отданную в залог силу.

С залогом было не совсем понятно. Мисс Милс предположила, что упоминание силы без привязки ко времени позволяло высвободить одновременно всю энергию, которой маг мог воспользоваться в течение жизни: якобы велись теоретические изыскания в данной области и кто-то

даже доказал, что на какую-то долю секунды это возможно. А все присутствующие согласились с тем, что этой доли секунды хватило бы заранее все подготовившему магу, чтобы запустить свою судьбу по новому сценарию. Вопрос только, как он знал, когда все, получившие инструкцию по проведению ритуала, решатся ее использовать.

Ответ подсказал Гриффит. Оказывается, как и с любым юридическим документом, вступление в силу магического контракта, заключением которого, по сути, являлся ритуал, можно отложить до определенной даты или привязать к выполнению неких условий. Библиотекарь мог установить таким условием нужное количество участников, после чего уже прописанные изменения вплетались в реальность. А Брок рассмотрел в частично восстановленной Сибил схеме элементы плетения-переноса вроде того, которым Саймон зачаровал объявление о возрождении «Огненного Черепа». Оно обеспечивало копирование подписей всех участников под желанием инициатора.

А еще библиотекарь каким-то образом устроил так, что старую реальность забывали даже участники ритуала. Это шло вразрез с тем, что мы знали из легенд, но та же Сибил помнила пропавших лишь немного дольше, чем другие. А библиотекаря из прошлой реальности она забыла, думаю, сразу же после ритуала.

— Наверняка узнаем, когда его самого найдем, — резюмировал Крейг. — Давайте решать, что с пострадавшими делать.

— А что с ними делать? — нахмурилась мисс Милс. — Девушке, как я понимаю, уже ничего не грозит. А мистер...

— Джанри, — подсказал Гриффит. — Алан Джанри.

— Мистеру Джанри я организовала бы внеплановую аттестацию, — сердито выдала драконша. — Если он простейшую инструкцию не понял, думать не хочу, как он справляется с остальным.

Об инструкции мы знали от Сибил. Согласно ей, загадываемое желание должно быть реально осуществимо в краткосрочной перспективе. А мистер Алан Джанри, алхимик-третьекурсник, возжелал стать канцлером Арлонского королевства. Не знаю, насколько это реально, но в краткосрочной перспективе парню точно не грозило.

Теперь, если не удастся обратить последствия ритуала, а Алан не займет в течение жизни вождеденную должность, после смерти его сотрет, как и других, и все, что он когда-либо сделает, исчезнет. Вслух никто ничего не говорил, но, подозреваю, подумали мы все об одном — о том, что честолюбивого мистера Джанри нам следует самолично придушить сейчас, пока его жизнь и деяния еще не слишком сильно повлияли на картину

мира.

— Никого не смущает имя мисс Сол-Дариен в этом списке ловцов удачи? — спросил Гриффит. — Тайное общество, зашифрованные записки в книгах — все это игры для студентов. Камилла не производила впечатления человека, склонного к подобным авантюрам. Но, возможно, я недостаточно хорошо ее знал.

Все присутствующие одновременно посмотрели на Оливера и так же одновременно отвели глаза, почувствовав неловкость.

— Я тоже не думаю, что она состояла в этом обществе, — произнес ректор, сделав вид, что ничего не заметил. — Но она могла быть знакома с библиотекарем в забытой реальности.

— И все же маг ее уровня... — снова высказал сомнения правовед, но договорить ему не позволили.

— Библиотекари тоже маги, — напомнила мисс Милс. — А Камилла никогда не отказывалась от советов. Если тот человек неоднократно помогал ей и она считала, что его мнению можно доверять, то и новое заклинание у него взяла бы.

— Даже такое? — со скепсисом уточнил Гриффит.

Драконья профессорша пожала плечами:

— Камилла была еще молода, открыта, доверчива. К таким людям несложно подобрать ключик, особенно если они по простоте делятся проблемами.

Взгляды присутствующих снова сошлись на ректоре.

— Мисс Милс, я бы просил вас... — Оливер посмотрел на драконшу из-под нахмуренных бровей, — ...и остальных не говорить о Камилле в прошедшем времени. Она не была — она есть. Как и другие из списка. Вернуть их — наша задача.

Засим заседание закончили. Постановили организовать наблюдение за Сибил и нашим будущим канцлером и поискать новых участников ритуала. А инспектор вручил мне кулон с крупным синим камнем, вдавливающимся вглубь толстой металлической оправы, — тревожная кнопка в местном исполнении, чтобы больше не пугала народ воплями.

Провожал меня Оливер. Как-то само собой повелось, что он вменил себе это в обязанность, и до сегодняшнего вечера я радовалась, считая такое поведение признаком симпатии с его стороны. Сегодня же предпочла бы пройтись в одиночестве. Сложно было отделаться от мысли, что он пошел со мной — пошел, а не перебросил к общежитию порталом, — чтобы продолжить разговор о Камилле, напомнить, кто сорвал их примирение и виноват в том, что она пропала. И пусть давить упреками не

в его духе, зато накручивать себя — вполне в моем.

В результате я сама и не выдержала.

— Не мучьте себя, Элизабет, — прервал меня Оливер на первых же секундах покаянного бреда. — Я уже говорил: ваш розыгрыш лишь ускорил события.

— Если бы вы узнали всё при других обстоятельствах...

— Если бы я узнал всё, — он выделил последнее слово, — поверьте, было бы только хуже. Закончим этот разговор.

— Вы узнали, с кем она встречалась?

— Закончим, — с нажимом повторил ректор.

— Я могла бы записать это для вас. Если вдруг...

— Если вдруг — мне хватит того, что вы уже записали.

Я не настаивала. И, кажется, догадалась, с кем провела последнюю ночь Камилла. В памяти всплыли обрывки слышанных, но не понятых когда-то фраз, и картинка сложилась.

— Я все-таки запишу, — обдумав все, сообщила я молча вышагивающему рядом магу. — Не для вас — для следствия. Ведь библиотекарь как-то узнал об этом. Если мы поймем, как и от кого, сможем его вычислить.

Оливер замер на месте.

— Вы... — он не мог подобрать слов, а я не могла понять, чего больше в его взгляде: удивления, беспокойства или все же обиды на то, что я не послушалась и продолжаю неприятную для него тему.

— Догадалась. Только что. У меня случаются озарения. «Должен убить, тогда она вернется», «ментальные крючки», «тебе не понравится», — я перечислила по памяти ключевые моменты, которые в свое время оставила без внимания. — Если собрать все воедино, это несложно. А еще ваша реакция на мой вопрос.

— Вы умная девушка, Элизабет, — без эмоций похвалил ректор. — И вы правы: если бы мы знали, откуда эта информация у библиотекаря... Но мы не знаем. Инспектор Крейг проверяет эту зацепку, пока без результатов. А записывать ничего не нужно. Камилла пропала последней. Когда ее забудут, изменить что-либо станет невозможно. Вы обещали мне, что уедете, если это случится, помните?

— Уеду, — пообещала я повторно.

Можно давать любые клятвы — они потеряют смысл, если мы не остановим искажения. Как и в том случае, если я не добьюсь взаимности от Оливера. Вернее, его любви. Теперь я понимала, что это, увы, не тождественные понятия.

К моему приходу подруги наколдовали из шоколада, мороженого и спирта графин шоколадно-молочного ликера. Мэг, как истинная целительница (я таковой до официального перевода не считалась), заявила, что нам надо снять стресс, а с целителями спорить чревато. Тем паче я сама была не против спиртного, но по другим причинам: сегодня мне нужен был особый сон, и полагаться на удачу не хотелось. Добавить еще немного капель Грина... Рискованно, но в случае чего моя бесславная кончина будет на совести одного белобрысого божка. Хотя, учитывая, как давно он не появлялся, впору усомниться в наличии у него этой самой совести.

Смешивать лекарство с ликером я не стала. Уже после ухода Сибил закрылась в ванной, накапала в чашку двойную дозу, мысленно пожелала себе удачи и залпом выпила. Эффекта не почувствовала — в сон меня клонило и до этого. Глаза начали слипаться еще за столом под болтовню подруг, обсуждавших сюжет какого-то любовного романа. Занятная, видимо, книжица: о юной охотнице за артефактами, то и дело попадающей в немыслимые ситуации, и отважном герое, вытаскивающем ее из всех передряг до тех пор, пока не решил, что проще жениться на этой искательнице приключений, чтобы сидела дома и воспитывала детей, а не лазила по древним гробницам, — по крайней мере, я так поняла его финальный подвиг.

Засыпая, я продолжала думать о нелегкой судьбе героев, обреченных спасать прекрасных дам от хтонических монстров и кровожадных библиотекарей. Встряхивалась, приказывая себе сосредоточиться на видении изумрудного луга, но вновь возвращалась мыслями к беспокойным героям, которым после их геройств еще обеспечить квалифицированное лечение и отдельное койко-место.

— Зачатки профдеформации сознания? — насмешливо осведомился мальчишеский голос в моей голове.

— Цитирую знакомого целителя, — ответила я.

— Кого ты там цитируешь? — проворчала со своей кровати Мэг. — Спи!

— Сплю, — заверила я подругу.

Вдохнула, чувствуя, как тело наполняется легкостью, медленно выдохнула и, провалившись сквозь матрас, мягко опустилась на пушистое облачко рядом с Мэйтином.

Облачко. Раньше такого не было.

— Раньше ты и алкоголь с антидепрессантами не мешала, — отозвался бог. — Знаешь, как это опасно?

— Мы этого еще не проходили, — заявила я беспечно, рассудив, что, будь я сейчас при смерти, он не таким тоном со мной говорил бы.

— Все равно не делай так больше. Грайнвилль показывал тебе путь, ты в состоянии пройти по нему без вспомогательных средств.

— Я не помню.

— Я не сказал, что ты помнишь. Я сказал, что ты можешь.

И все же облачко. Висит себе в имитирующей небо голубой пустоте, беленькое и волнистое, как на картинке в детской книжке. На ощупь гладкое, упругое, но при небольшом усилии можно погрузить в него руку по локоть, а затем легко вытащить. Получившееся отверстие тут же затягивалось. А если попробовать отщипнуть кусочек...

— То отщипнешь, — закончил Мэйтин. — Долго собираешься экспериментировать?

Я пожала плечами: мои манипуляции разговору не мешали. Если только их божественность снизойдет до разговора.

— Снизойду. Что ты хотела спросить?

— Всё. Расскажи всё что можешь. Сейчас. Сразу.

— Спрашивай, я отвечу.

— Нет. Рассказывай сам.

Если я что-то поняла в правилах божественных игр, то на неправильный вопрос получишь неправильный ответ, а правильных я задавать так и не научилась.

— Это не игры, — сказал Мэйтин. — А что до правил — я и так обходил их, где это было можно. Поэтому спрашивай.

— Ты знаешь, кто провел ритуал?

— Уже да.

— Скажешь?

— Нет. Есть условия, которые ты должна выполнить самостоятельно, помнишь?

Дурацкие условия. Не мог придумать что-нибудь попроще!

— Ты так и не поняла? — усмехнулся бог. — Не я их придумал. Ты. Ты написала это и сделала Элизабет центральной фигурой.

М-да. Кой черт понес меня на эти галеры?

— Это вопрос? — уточнил Мэйтин.

— А у тебя есть ответ?

— Конкретно о чертях и галерах — нет. Остальное я тебе объяснял.

Причинно-следственные связи, я помню. Но если мир существовал до того, как я о нем написала, я никак не могла повлиять на события и заложить обязательные условия, о которых он мне талдычит.

— Теоретически могла, — не согласилось с моими умозаключениями божество. — Ты писала, находясь в другом мире. Воздействовала на систему извне.

— В каком смысле?

— В метафизическом.

Да уж, каков вопрос — таков ответ.

— Имея точку опоры, можно перевернуть мир, — расщедрился на объяснение бог. — Но эта точка не может находиться в том же мире.

Что ж, это объясняет, почему, оказавшись на Трайсе, я потеряла власть над событиями. Но искажения реальности на меня не влияют.

— Побочный эффект, — предположил Мэйтин. — Все же ты автор.

А то и демиург, да.

Я вспомнила знакомство с божественным семейством: небожители тогда так и не пришли к согласию. Но они обсуждали не только это.

— Две проблемы, — я утопила пальцы в облаке. — Мне нужно закончить историю на Трайсе, чтобы восстановить естественный ход событий и границы миров. Закончить не извне, а именно на Трайсе. Чтобы не перевернуть его ненароком?

Мэйтин кивнул, и я продолжила:

— Вторая проблема — изменение реальности. Я не писала об этом, только создала предпосылки. Но сам ритуал... — я задумчиво отщипнула кусочек облака, скатала в шарик и подбросила на ладони. — Ритуал придумали драконы, которые ушли с Трайса, но которых, как я слышала на вашей семейной встрече, можно было бы вернуть, чтобы все исправить, если бы ты не считал, что это неправильно.

— Время драконов прошло.

— Расскажи о них, — попросила я. — То, чего я не знаю. Чего нет в учебниках.

Надеюсь, это правильный вопрос.

— Не совсем, — тряхнул светлой челкой бог. — В учебниках есть все, чтобы получить ответ. Кто был на Трайсе, когда никаких других народов еще не существовало? Кто обладал безграничными знаниями? Кто наделил людей магией? Кто вообще способен дать кому-либо подобную силу?

Если задуматься, а не относиться ко всему этому как к разделу древней истории, щедро приправленному мифологией... Нет, ерунда. У Эдриана Кроншайского упоминалось, что некоторые древние племена почитали драконов как богов, но Кроншайский, как и другие ученые до него, опроверг подобную вероятность, исходя из того, что зафиксированное в летописях число драконов в разы превосходит количество известных на

Трайсе богов. Кроме того, драконы, по многим свидетельствам, были смертны.

— Тяжелейший случай, — вздохнуло божество. — Магу, изучавшему драконов по книжкам, ты веришь, а мне — нет?

— С количеством и смертностью и правда неувязка.

— В местных религиях нет такого понятия, поэтому Кроншайскому простительно. Но ты-то знаешь, что такое аватара?

— Ну... Тогда только с количеством.

— Считаешь, существует лимит на воплощения? Боги — личности многогранные.

Интересно, как нужно реагировать, когда тебе внезапно открывается одна из тайн мироздания? Потому что я определенно отреагировала неправильно.

— Семь ипостасей, значит? — спросила, прокрутив в голове божественные откровения.

— Больше, — улыбнулось божество. — В нашем случае это тоже не лимитируется. Просто семь — хорошее число.

Особенно когда речь идет о количестве участников некоего любопытного ритуала.

— Вот только обвинять не надо! — приказал Мэйтин, погасив улыбку. — Ты не знаешь всего.

— А что тут знать? — я с раздражением швырнула облачный шарик в синюю пустоту. — Хотели как лучше, а получилось как всегда. Только расхлебывать это мне.

— Не я назначил тебе эту роль. И с драконами все не так просто; не уверен, что ты поймешь.

Мы мыслим разными категориями. Сознание человека не способно принять божественную мудрость. И божественную глупость тоже.

— Вы склонны подводить все под собственные представления, — сказал Мэйтин, — упрощать, подменять понятия. В итоге получаете сказки, в которые сами после не верите.

— Расскажи мне сказку, боже. Я постараюсь в нее поверить.

— Хорошо, — кивнул он. — Слушай. Мир был молод тогда. Дети его едва покинули колыбель и делали первые шаги...

Я растянулась на облачке и закрыла глаза. Все равно этот майский мальчишка не скажет больше, чем хочет, а каждое его слово содержит скрытый смысл, и, может быть, сегодня мне повезет его разгадать.

— Нужен был кто-то, кто учил бы их и направлял, — продолжил рассказчик. — Кто-то мудрый и терпеливый. Кто-то устрашающий, ведь

порой только страх останавливает расшалившихся детей. Так появились драконы. Они не были богами, но боги были драконами какой-то частицей себя. Ты права, мы мыслим иными категориями. Но, разделив сознание и прожив не одну смертную жизнь, мы стали ближе детям Трайса, а они стали понятнее нам. И все же мы допустили несколько ошибок. Эльфы и люди были нашими отражениями в этом мире — тенями, которые, как гласят ваши легенды, боги бросили на землю в дни творения. Как твоё отражение в зеркале не имеет твоих сил и знаний, так и наши отражения не обладали ими: мы вложили в них только искру разума и позволили развиваться и пользоваться энергией мира. Но эльфы были первыми. Они отразились в мире чистой силы, приняли ее, и она приняла их. Даже попыталась скопировать, породив гоблинов и троллей. Люди же оказались похожи на эльфов лишь внешне. Они появились позже. Блики на поверхности мутного зеркала. Мир впустил их, но не принял. Не дал им магии, обделил веками жизни. Драконы сочли это несправедливым. Даже гоблины получили частичку дара. Даже тугодумы тролли, родившиеся из камней, пользовались примитивными чарами. А люди, бывшие пусть не лучшим, но все же божьим подобием, остались ни с чем.

— И вы решили это исправить?

— Не мы, — покачал головой сказочник. — Драконы. Они не могли переделать мир, но они переделали людей. Открыли их для потоков силы. Научили сплетать первые заклинания. Но стать с миром единым целым люди так и не смогли. Попытки объединить их силу с природной давали странные результаты. Вроде обратной, например... Но маги-оборотни — это уже другое дело, да?

— Да, — не могла не согласиться я. — Маги-оборотни у вас получились. У драконов, вернее. А с изменением реальности что пошло не так?

— Все. Не нужно было вмешиваться в подобные материи. Даже драконам. Или нужно было вмешаться драконам, и только. Но они научили людей.

А люди всё извратили.

— Я не могу осуждать их, тех, первых, — сказал Мэйтин. — Они были любознательны. Не удовлетворились готовыми решениями, захотели во всем разобраться. И разобрались. Чтобы обойти время и изменить уже свершившееся, неважно когда, день назад или сто лет, нужно использовать силу вне времени. Тебе рассказывали об этом сегодня: вся та энергия, которой человек мог бы воспользоваться в течение жизни, становится доступна ему в один миг. И в этот миг возможно все. Огромный соблазн, не

так ли? Поэтому пришлось внести коррективы в ритуал. Заложить условие добровольного участия, подтвержденного кровью. Сделать так, чтобы исполнялось лишь то, что с общего согласия записывалось в книгу судеб. Определить наказание для осмелившихся нарушить эти условия. В идеале желание должно быть одно, то самое, что записывалось в книгу и не могло не исполниться. Но всегда находился кто-то, кто пытался обойти правила. И его желания становились для него ловушкой. Принцип ты уже знаешь.

— Ты мог сказать мне раньше, — укорила я бога.

— Не мог. Сейчас я только добавил подробностей к тому, что ты уже узнала сама. Это не нарушит естественного хода событий.

— А драконы? Вдруг я расскажу кому-нибудь?

— Валяй. И тебя ткнут носом в труды того же Кроншайского. Не стану повторно вещать о кризисе веры у людей.

— У людей, — повторила я за ним. — А эльфы? Они знают, да?

— Ага, — мальчишескую физиономию божества осияла злорадная улыбка. — Они посмели усомниться в мудрости драконов, представляешь? Драконы демонстративно обиделись и покинули Трайс, предварительно открыв эльфам, кем они были. Бедняг до сих пор совесть грызет. К тому же приходится врать людям, замалчивая тот факт, что выжили с Трайса воплощения богов, и от этого совесть больнее кусается.

— Жестоко вы с ними.

— Не мы. Драконы. С эльфов нужно сбить спесь. Но пока не получается: они и своей виной, похоже, втайне гордятся, ибо она величайшая и неизгладимая.

— Но ведь драконы ушли не только для того, чтобы преподать эльфам урок?

— Мир изменился. Драконы тоже. Если бы они остались, не ограничились бы уже ролью терпеливых наставников. Отчаявшись добиться справедливости, они подчинили бы себе Трайс и заставили бы его жить по своим правилам. Но справедливостью это уже не было бы.

Познавательная беседа, но ответов на свои вопросы я не получила.

— Ты их не задавала, — парировал бог.

— О библиотекаре ты не ответишь, а все остальное... Что случится, если мы уничтожим книгу судеб? Вернутся пропавшие, и все изменения обнулятся? Но тогда получится...

— Что ритуала не было, как и расследования, — понял мою мысль Мэйтин. — Как и последних месяцев твоей жизни.

— Да? — испугалась я, вспомнив, сколько всего случилось за это время.

— Нет, — успокоил он. — Это сложно. Скажем так, сформируется некая третья реальность, которая учтет события обеих версий. Пропавшие вернуться, основные изменения аннулируются, парадоксы разрешатся сами собой, но кое-что останется неизменным. Например, если кто-то погибнет...

— Кто-то погибнет? — встревожилась я.

— Не исключено. Ничего нельзя исключать, ты же понимаешь?

— Мэйтин...

— Я буду рядом, — пообещал он. — Но у моей власти есть предел. Я не смогу повернуть время вспять или воскресить умерших. Но... Я дам тебе еще одно чудо. Ты сама решишь какое, когда придет пора.

— Сейчас еще не пора? Вдохновил бы библиотекаря на чистосердечное признание.

— Это было бы уже не чудо, — усмехнулся Мэйтин. — Это был бы роуль.

Упругое облачко подо мной превратилось в туман, и я пролетела сквозь него, чтобы очутиться в темноте терминала.

Вот так всегда.

Убедившись, что бог не последует за мной, чтобы продолжить разговор, я нащупала стену, но, прежде чем открыла дверь, подумала, что не обязательно сразу же возвращаться к себе. Можно попробовать заглянуть куда-нибудь. Только решить, куда и когда. Я не знала ни времени, ни места, поэтому просто пожелала увидеть, с чего все началось. Расплывчатая формулировка — этак могло и в эпоху Творения занести...

Но не занесло. Пару минут я смотрела на счастливую дурочку, красующуюся перед зеркалом в свадебном платье, на мужчину и женщину рядом с ней, к которым хотелось броситься, обнять обоих, попросить прощения за все... за эту дурочку, еще не знающую, что ее ждет... и закрыла дверь.

Открыла другую и села на постели в своей комнате. Прислушалась к мерному сопению Мэг и, вытянув вперед руку, медленно разжала кулак. Оторванного в последний момент кусочка облачка я не увидела, но чувствовала его — маленький сгусток силы на ладони. Я удерживала его с минуту, а после позволила энергии впитаться под кожу, медленно-медленно, ощущая, как учащается сердечный ритм, кровь бежит быстрее и дыхание становится горячим. Не опуская руки, соединила большой и средний пальцы, потерла и улыбнулась вспыхнувшему между ними огоньку. И тут же погасила его.

Спать пора.

ГЛАВА 44

Утро понедельника было полно открытий.

Во-первых, оказалось, что на целительском я знаменитость. Благодаря практикантам обмен новостями и сплетнями между факультетом и лечебницей был налажен на высшем уровне, и девица, внезапно перевернувшаяся с боевого и угодившая тут же под крылышко леди Райс, не могла избежать внимания. Плюс моя работа с Грином — помнится, однажды он ляпнул что-то об особо важном задании при студентах леди Пенелопы. И падение с «Крылатого», после которого я — и тому имелись свидетели! — доставила травмированного ректора в лечебницу, а затем практически в одиночку исцелила, зарядив восстановительные амулеты. Доказывать кому-либо, что все было не так или не совсем так, по словам Мэг, было бесполезно.

Во-вторых, между лекцией по ботанике и практическим занятием по химии обнаружилось, что я подписалась под «агиткой» Стального Волка. Вернее, не я, а Черная Мамба. Точнее, Последний Дракон, чье имя стояло ниже, и, присмотревшись, можно было заметить, что оба прозвища написаны одной рукой. Я долго топталась у стенда с объявлениями, раздумывая, хотел ли он сделать мне приятное или дал понять, что в клубе я не появлюсь без охраны.

На этом моменте ко мне присоединилась Мэг и осчастливила «в-третьих»:

— Завтра вместо истории фармации слушаем доктора Грина, я тебя записала.

— Э?

— Да. Доктор Э. Грин. Вот, — подруга подтащила меня к соседнему стенду. — Ты не знала, что он читает лекции на факультете?

Знала. Но почему сейчас? И фармацевтам? Он же практикующий хирург.

В ответ мне высказали, что стоило бы интересоваться достижениями некоторых выдающихся личностей, раз уж жизнь меня с таковыми личностями свела, а Грин не только хирург, но и владелец десятка патентов на лекарственные препараты, и лекция его стояла в плане с начала семестра, только без указания времени, а теперь это время у доктора, видимо, появилось.

Действительно, говорил же он, что готовил те капли по собственному

рецепту. И мышь от него сбежала, к единорогу ходить не с кем, можно вместо этого со студентами встретиться. Только...

— Не делай так, — попросила я подругу. — Пожалуйста.

— Как? — не поняла она.

— Так, — я прижала к груди сложенные лодочкой ладошки и захлопала ресничками точь-в-точь как Мэг, когда говорила о Грине. — Ты становишься похожа на одну девушку.

— Что не так с той девушкой?

— Она рыжая.

С Оливером, к которому я по устоявшемуся графику пошла после обеда, мы столкнулись в приемной. Ректор, недобро ворча, рылся в столе секретаря, вынимал документы из ящичков, рассматривал и бросал прямо на пол.

— Здравствуйте, милорд, — я бочком обошла образовавшуюся в проходе бумажную гору. — Что-то случилось?

— Я увольняюсь, — бросил он мрачно.

— Как?!

— Если завтра у меня не появится нормальный секретарь — увольняюсь!

— А где Лидия?

— Лидия... — он скрипнул зубами, проглотил все, что хотел высказать в адрес «фиалки», и закончил спокойно: — Не вышла сегодня. Оказывается, у нее такое бывает, но меня забыли предупредить.

— Я могу чем-нибудь помочь? Я же протоколист...

И кто меня за язык тянул?

Следующие два часа мы разбирали учебные планы и расписание милорда Райхона и складывали все, что он успел разбросать по приемной. Иногда к ректору заглядывали посетители, и он, не имея возможности свериться с записью, принимал всех без разбора, а бардак объяснял проказами брауни, которого в отсутствие мистера Адамса никто не подкармливал.

В это охотно верили. Что там брауни, когда по Оливеру видно, что и его в последнее время никто не подкармливает. Он похудел за те дни, что племянник находился в больнице. Щеки ввалились, сильнее обозначив высокие скулы, глубже сделалась складка между бровей. Его это не портило — напротив, добавило этакой inferнальной привлекательности. Ставшие резкими черты, жесткая линия рта и тени на веках мужчины будили во мне странные желания... Действительно странные. Увести его из

рабочего кабинета, усадить на теплой кухне, картошечки с лучком нажарить по-быстрому, хрустящие огурчики выложить из банки на тарелку, сальца с чесночком подрезать. Поставить на стол запотевшую бутылку водки — не пьянства ради, а здоровья для, как любил говаривать дед...

«Жениться тебе надо, милоч, — мысленно вздохнула я по-старушечьи. И добавила, вспомнив о своей секретной миссии: — На мне».

Как там говорят о пути к сердцу мужчины? С точки зрения кардиохирургии не слишком верно и довольно рискованно, но мне же не коронарное шунтирование проводить.

— Простите, милорд Райхон, вы обедали сегодня? — спросила я, когда мы закончили в приемной и перебрались в кабинет.

Оливер взглянул на меня с недоумением, словно не понял вопроса.

— Я могу принести что-нибудь из столовой, — предложила я.

— Не нужно. Я и без того злоупотребляю вашим временем и...

Чем еще он злоупотребляет, маг сказать не успел, ибо явился новый посетитель. Посетительница.

— Добрый день, милорд, — заглянула в кабинет мисс Милс. Заметив меня, приветливо улыбнулась: — Здравствуйте, Элизабет. Надеюсь, что застаю вас здесь.

— Добрый день, — ректор поднялся навстречу драконше, лишив меня возможности узнать причину ее надежд.

— Я не собиралась вас беспокоить, Оливер, — профессор пребывала в хорошем настроении и позволила себе маленькую фамильярность. — Хотела забрать у секретаря программы, если они уже согласованы, но приемная пуста.

Программы, программы... Я вспомнила, куда их сложила, и подтолкнула нужную папку ректору.

— Лидия не вышла на работу, — объяснил он, отыскивая среди прочих бумаги мисс Милс. — Наверное, ей снова нездоровится.

— Вы не посылали к ней? Возможно, бедняжке нужна помощь? Я видела ее в посольстве в день приема, мне показалось, что она взволнована. Больше чем обычно.

— В посольстве? — нахмурился Оливер. — Что она там делала?

— Искала леди Пенелопу, — ответила мисс Милс. — Хотела срочно что-то обсудить, а когда мы с леди Райс к ней вышли, не смогла и двух слов связать. А за день или два до этого напугала Элизабет.

Она обернулась ко мне, и я вынуждена была кивнуть.

— Как напугала? — забеспокоился ректор.

— Уже не помню, — солгала я. — Что-то сказала...

— О ребенке, — услужливо напомнила мисс Милс. — Снова заговаривалась: откуда бы у Элизабет взялся ребенок?

Я выдавила улыбку. Хорошо, что Оливер не смотрел на меня, а то решил бы, что у меня кишечные колики.

— Вы правы, — сказал он мисс Милс. — Нужно послать кого-нибудь к Лидии.

Снял трубку телефона, вспомнил, что в приемной некому ответить, извинился и вышел, оставив меня наедине с кровожадно скалящейся драконшей.

— Элизабет, дорогая, вы не заняты завтра вечером?

Я помотала головой и опомниться не успела, как оказалась приглашенной на ужин.

— Приходите, — профессорша улыбалась так, словно на предстоящем ужине я главное блюдо. — Саймон будет рад.

Возвратившийся Оливер привел с собой толпу преподавателей и, отвернувшись от них, мученически закатил глаза. Видимо, это надолго. Мисс Милс поспешила откланяться, и мне оставалось только последовать ее примеру.

Правда, через полчаса я вернулась, успев сбегать в столовую и разжиться куском мясного пирога. Постучалась в кабинет, отвлекая Оливера от общения с подчиненными, сунула ему в руки теплый сверток и, ничего не объясняя, вышла.

Забегала в общежитие, переделалась к тренировке и отправилась сообщать Саймону, как рад он будет завтра вечером.

Боевик и без меня был счастлив: с утра ходил под впечатлением от подписи Последнего Дракона. Бубнил с мальчишеской обидой, что лучше бы тот ему план семинаров подписал, и грозился, если ректор снова его вызовет, жестоко отомстить за навязанный факультатив. На известие об ужине отреагировал спокойнее и обещал позаботиться, чтобы я не оказалась в неловком положении.

А вечером в нашей комнате Мэг устроила грандиозную примерку, выбирая, в чем пойти завтра на лекцию доктора Э. Грина, и мне советовала поступить так же, чтобы не ударить в грязь лицом перед девицами со старших курсов и «зарвавшимися первогодками».

Я подумала, что мир сошел с ума — не все же себя в этом обвинять? — посоветовала подруге обратиться за помощью с выбором образа к Сибил и улеглась спать. Получилось ли у меня сразу же уснуть — другой вопрос.

То, что лекция доктора Грина — событие неординарное, я поняла уже по реакции Мэг, но истинные масштабы значимости сего мероприятия оценила лишь на следующее утро.

Соседка разбудила меня в несусветную рань и погнала в ванную. После порывалась нарисовать мне «здоровый румянец» и «подчеркнуть глаза» и требовала надеть «приличное платье», словно в моем, скромном и неброском, было что-то неприличное. Когда я не позволила ничего себе подчеркивать, она махнула рукой и заявила, что лучше прийти на лекцию в компании бледной моли, чем опоздать.

Вторую порцию упреков я выслушала, когда выяснилось, что мы все-таки опоздали. До начала лекции оставалось не меньше часа, но первые ряды в большой полукруглой аудитории уже заняли разряженные, словно на премьеру в столичном театре, девицы, на фоне которых я и правда гляделась бледно, о чем мне и было сообщено дружным, прямо-таки лошадиным фырканьем. Я смутилась напоказ и воспользовалась случаем забиться на галерку. Мэг кривилась, но стоически последовала за мной.

Место я выбрала в дальнем углу верхнего ряда, откуда прекрасно просматривался быстро наполняющийся слушателями зал. Тут были не только будущие фармацевты, но, как я поняла, и студенты других специальностей, обоих полов. Парней я мысленно разделила на две категории: те, что пришли ради знаний, и те, что явились порисоваться перед девицами. Намерения девиц определить было сложнее. Кто-то пришел ради тех же парней: внепрограммные лекции, собирающие студентов разных курсов, — удобный случай произвести впечатление на красавчика, с которым пару раз столкнулась в коридоре. Кого-то действительно интересовала лекция. А кого-то — и лектор.

Когда Грин вошел, по забитой под завязку и оттого душной аудитории пробежал ветерок, поднятый хлопающими ресничками, а на лицах некоторых слушательниц проступили черты незабвенной Белинды Лемон. Да-да, восторг и немое обожание, глаза навывкате и приоткрытые рты... жаль, что не лето — муха не залетит...

Зато я определилась с классификацией прекрасной половины представленного тут студенчества: «кокетки» — те, что продолжали строить глазки парням, «заучки» — которые принялись конспектировать речь доктора уже со слова «здравствуйте», и «белинды». Было еще несколько нейтрально настроенных девушек вроде меня и с десятков таких, как Мэг, успешно сочетавших в себе признаки всех трех типов.

Сам Грин к лекции тоже подготовился. Принарядился — не так, как к обеду в посольстве, но и не в повседневном пиджачке заявился: надел

длинный двубортный сюртук с высоким воротником, галстук повязал. Причесался, побрился. Наодеколонился еще, небось. Что у нас там для особых случаев? Мандарин, лайм и бергамот — свежий, чуть резковатый цитрусовый аромат с тягучим мускусно-древесным шлейфом... м-да... Но маловероятно, что народ набился в аудиторию только затем, чтобы лицезреть светило местной медицины при полном параде.

Светило небрежно бросило на кафедру тоненькую папочку, откашлялось, поправило галстук и начало говорить. Последние сомнения отпали тут же — определенно не лицезреть.

Грин не совмещал работу в лечебнице с преподавательской деятельностью, и, как выяснилось, зря. Или не зря, если думать о пациентах, которые в противном случае лишились бы внимания опытного доктора. Но читал он... Даже не читал в прямом смысле, папка так и лежала на кафедре. Он рассказывал. В его рассказе не было привычной учительской сухости и отстраненности: самые скучные факты доктор мешал с сопутствующими научным событиям курьезами, каждое прозвучавшее имя снабжал краткой биографической справкой, отчего ученые, знакомые студентам по учебникам, представляли перед ними обычными людьми, такими же как они, и многие из присутствующих, наверное, уже поставили себя мысленно в один ряд с изобретателями вакцин и чудодейственных лекарств. Чем дольше Грин говорил, тем реже и тише шушукались на рядах, парни все меньше уделяли внимания сидевшим рядом красавицам, красавицы почти не смотрели на парней, и даже на лицах тех, кого я окрестила «белиндами», появилась искренняя заинтересованность. Конечно, если не конспектировать, как это делали «заучки», рассказ, каким бы интересным он ни был, со временем забудется, но я, хоть и взяла с собой тетрадь, даже не открыла ее.

С самого начала лекции Грин приглашал присутствующих к диалогу, но, пока никто не решался, сам задавал себе вопросы и сам же отвечал на них. Естественно, что рано или поздно кто-то из студентов отважился бы подать голос.

— Простите... э-э... доктор... э-э...

Молодой человек, долговязый и нескладный, привстал на третьем ряду. Доктор ответил на первый вопрос, и понеслось.

Некоторые умники желали блеснуть познаниями и отчего-то считали, что лучше всего это получится, если уличить лектора в недостаточной осведомленности. Это они, конечно, зря. Девицы, похихикивая, пытались смутить Грина «неудобными» вопросами. Тоже зря. Со стороны их потуги выглядели примерно так: «Скажите, доктор, я дура?» — «Ну, если вы

настаиваете...» Но подобных выступлений было не так уж много, и вопросы задавались в основном по теме. О редких растениях, о возможности производства каких-то препаратов в домашних условиях, о целесообразности затрат на изготовление заряженных заклинаниями снадобий при существовании аналогов в немагической фармацевтике...

Вдруг хихикающие девицы разом притихли, а за ними и вся аудитория, и во втором ряду поднялось с места белокурое ангелоподобное создание. Начала красавица настолько издали, что и провидец не догадался бы, куда она в итоге свернет. Древняя рецептура, утраченные знания, проблемы законности и морали... В общем, ангелочка интересовали привороты.

— Это моя десятая, юбилейная лекция для студентов вашего направления, — тоже издали начал Грин. — И ни одна наша встреча не обходилась без того, чтобы кто-нибудь не поднял тему изготовления и применения препаратов воздействия или, как их называют в обиходе, приворотных зелий. Обычно я ограничиваюсь напоминанием о том, что закон запрещает использование подобных средств, кроме случаев, когда препараты применяются в слабой концентрации и с согласия лица, являющегося объектом воздействия.

Несколько десятков разочарованных вздохов слились в один.

— Как правило, я даже теоретическую сторону вопроса не беру освещать, — продолжил Грин, — поскольку не занимался целенаправленно его изучением. Но недавно мне в руки попали материалы любопытного исследования. Мой знакомый по заказу некоего научного общества взялся изготовить и протестировать препарат, вызывающий направленное влечение. И я бы был разочарован, если бы в этот раз никто не спросил бы о приворотах, потому что, — он взял с кафедры папку, о которой не вспоминал с начала лекции, — запись того эксперимента у меня с собой.

Студенты оживились.

Я зависла на обдумывании слов «по заказу некоего научного общества». На правду это походило больше, чем «от нечего делать страдал ерундой».

Доктор тем временем успел рассказать, что его «знакомый» провел первые опыты на мышах, и зачитал какие-то выкладки, но аудитория жаждала бурных страстей, и он перешел к описанию испытания чудодейственного препарата на людях.

— Что мы знаем о препаратах воздействия? — спросил Грин у слушателей и тут же сам дал ответ: — Если не говорить о полностью магических средствах, подобные снадобья делятся на два типа. Первые стимулируют определенную реакцию объекта, непосредственно

получившего дозу препарата. Как это было сделано — в виде питья, инъекций, ингаляций, всосалось в кровь через кожу или слизистые, — значения не имеет. Реакция на приворот в этом случае проявляется в виде повышенного физического и, в идеале, эмоционального влечения к тому, кого заранее обозначают координирующим плетением. Если этого не сделать, объектом страсти становится первый встречный, что приводит к непредсказуемым осложнениям. Препараты второго типа направлены на то, чтобы сделать одного человека более привлекательным для другого. В этом случае снадобье принимает не тот, на кого желают оказать воздействие, а тот, кто это воздействие оказывает. Приворот меняет его тембр голоса или запах тела, что привлекает особей противоположного пола. Мой знакомый тестировал как раз средство второго типа...

— Простите, доктор, — перебила лектора какая-то девица, — вам не кажется, что нельзя сводить проблему формирования чувств к физиологии?

— Простите, мисс, — в тон ей ответил он, — но мы не обсуждаем проблему формирования чувств. Мы говорим о действии на организм определенных веществ, а они влияют в первую очередь на физиологические процессы. Иллюзию чувств при этом формирует воображение. У человека со скудной фантазией подобные средства не вызовут ничего, кроме животной похоти. Натура же творческая легко построит в своем сознании ситуацию, при которой физическое влечение будет восприниматься следствием глубокой сердечной привязанности.

Натура особо творческая еще и обручальное кольцо из скрепки скрутит...

— Все знают, что приворот не имеет отношения к чувствам, — заявила одна из «заучек». — Истинные чувства сильнее, и ни одно средство не подействует на того, кто по-настоящему любит!

— Вы так думаете, мисс? — улыбнулся Грин. — Что же, предлагаю проверить верность тех или иных суждений на примере исследования моего друга.

Он открыл папку, и в аудитории воцарилась полная тишина.

— Итак, мой товарищ, выдающийся целитель и замечательный ученый, хорошо известный в научных кругах...

А главное — скромник, каких свет не видывал!

— ...решился испытать приворот, и, чтобы составить полную картину, сам вызвался быть объектом этого исследования. Далее я буду именовать его «объект Б». На роль «объекта А», то есть лица противоположного пола, на котором приворот должен был сконцентрировать его мысли и желания, он выбрал особу заведомо малопривлекательную, чтобы наверняка знать,

что возникшие у него в ходе эксперимента эмоции не являются отголоском его собственных симпатий. Тут на ум приходят мифы, гласящие, будто приворот не имеет силы, если привороженный и без того не испытывал чувств к тому, кто его приворожил. Этот миф мой товарищ опроверг в первые минуты эксперимента. Объект А, прежде вызывавший у него исключительно негативные эмоции, стал восприниматься как, цитирую: «Прекраснейшее создание, трепетное и нежное», ну и так далее. Объект Б даже стих посвятил объекту А, но я вам его зачитывать не стану, я не настолько жесток. А ведь он знал, что находится под действием приворота, и все равно не смог ему противостоять, и это опровергает еще один миф, будто бы достаточно доказать человеку, что его чувства иллюзорны, как обман тут же разрушится. Знания мало. Иллюзию может разрушить только... что?

— Поцелуй истинной любви! — выкрикнули из зала.

— Хм... — Грин потер переносицу. — Вообще-то я говорил об антидоте, нейтрализующем приворот. Если такого средства нет, следует изолировать раздражающий объект до окончания действия препарата. А что до волшебной силы истинных чувств в данной ситуации, то мой товарищ проверил и это. Начиная с третьего часа он изменил условия протекания эксперимента, пригласив в лабораторное помещение девушку, которая ему нравится. Без приворотов нравится, как вы понимаете.

Хоть бы улыбался, когда шутит.

— Или даже больше чем нравится, — растянул задумчиво, взглядом обводя аудиторию.

— Элси, ты чего? — зашипела на меня Мэг, когда я спряталась за раскрытой тетрадью для конспектов.

— Голова, — ткнулась лбом в столешницу, борясь с желанием об нее побиться. — Разболелась.

Если бы подо мной разверзлась бездна, было бы весьма кстати. Но бездны по вторникам не разверзались. Пришлось дослушивать лекцию из укрытия.

— Опровержение еще одного мифа: истинные чувства — плохая защита от правильно приготовленного приворота. Но их наличие вызывает резкий эмоциональный диссонанс, повышение артериального давления, тахикардию...

Я думала о том, способен ли нормальный человек фиксировать медицинские показатели в таких условиях, а студенты вокруг хохотали: доктор зачитывал им мои заметки. Я была уверена, что он выбросил их в тот же день. Тогда столько всего случилось: пожар в библиотеке, Рысь,

Оливер, Крейг... надкушенный сэндвич и разговор о магии...

— И у нас остался еще один миф, — Грин подошел к финальной стадии испытаний. — Поцелуй истинной любви, о котором тут упомянули.

— Она его поцеловала?! — воскликнула какая-то девушка.

Я осторожно выглянула из-за тетради. Если бы он сказал, что да, — смеялась бы дальше вместе со всеми...

— Нет. Ударила. Но, думаю, поцелуй тоже сработал бы. Суть реабилитационных мероприятий в подобных случаях — в том, чтобы сделать нечто неожиданное, переключить внимание попавшего под приворот человека, заставить его усомниться в реальности происходящего. Так что поцелуй — это тоже было бы достаточно неожиданно. И приятнее... Поэтому окончательно разрушать данный миф мы не будем.

Он ответил еще на несколько вопросов. Вежливо отшил девиц, пытавшихся выведать рецепт чудо-средства. Согласился с восторженной «заучкой», что истинная любовь — она, несомненно, лучше и менее травмоопасна...

— Скажите, доктор, в чем смысл описанного эксперимента? — спросил какой-то парень. — Только в том, чтобы в очередной раз подтвердить, что использование приворотов есть насилие над личностью?

— Нет, конечно, — ответил Грин. — Целью было испытать действенность препарата. После внесения в рецептуру изменений, которые сделают его непригодным для людей, средство можно будет применять в животноводстве для лучших результатов скрещивания пород и увеличения поголовья племенного скота.

Трепетные девы дружно возмутились столь пошлому завершению лекции... наверное... Я не видела, потому как из-под тетрадки выбралась, когда аудитория уже опустела.

— Болит? — поинтересовалась сочувственно Мэг, пока я ощупывала отдаленный о стол лоб. — А выглядишь здоровой. Даже румянец появился.

Еще бы ему не появиться.

— Мэгги, ты не против, если я посижу тут еще немного? Не пойду на... что там дальше?

— А, ерунда, — махнула рукой подруга. — Я тоже могу пропустить. Хочешь, с тобой останусь? Или... О! Нужно было Грину сказать, что тебе нехорошо. Он же тебя знает, вот и вылечил бы. Давай посмотрю, может, он еще не ушел? Или кого-нибудь из преподавателей спрошу? В общежитии я бы тебе что-нибудь из лекарств подобрала бы...

— Пойдем в общежитие? — предложила я. — Не будем отвлекать

преподавателей. Только подождем еще немножко, хорошо?

...В общежитии меня ждала посылка: маленькая картонная коробочка и записка от милорда ректора, предупреждавшего, что сегодня наша встреча откладывается, так как он вынужден срочно выехать в Ньюсби. А в коробочке лежало пирожное: песочная корзиночка, наполненная сливочно-шоколадным кремом.

Это было так мило, что я тут же забыла обо всем остальном. Минуты на три. Потом еще час, после того как Мэг напоила меня настойкой от мигреней, я медитировала на пирожное, пытаюсь вызвать перед мысленным взором образ приславшего сладкий подарок мужчины. Когда мне это надоело, слопала пирожное, вспомнила, что мне еще сдавать экзамен профессору Эррори, и достала учебник. Лучше читать о плоских червях, чем бороться с мозговыми тараканами, от которых даже паразитологи не придумали защиты.

О том, что меня ждут на ужин, вспомнила только чудом.

Дорогу к дому мисс Милс я знала.

Открыла мне хозяйка. Сообщила, как рада, что я пришла. Извинилась, что не подумала, каково мне будет добираться, не имея возможности воспользоваться портальной сетью, а то обязательно бы попросила Саймона меня встретить и провести. Сам Саймон кивал и улыбался.

Затем, пока в духовке доходил гусь, меня пригласили в кабинет посмотреть что-то, что мне непременно понравится. По канону это должен был быть альбом с младенческими фотографиями: «Саймон в чепчике», «Саймон с погремушкой» и — мамина радость — «Саймон, сияющий беззубой улыбкой и голыми ягодичками». Но оказалось, профессорша хотела похвастать домашней библиотекой. Книги на полках стояли в основном по ее специальности — мистические существа. Драконы меня после божьих откровений не интересовали, а вот двухтомное издание, посвященное единорогам, любопытно было бы почитать. Я как раз думала, насколько удобно просить книги у преподавательницы, по всему, метящей мне в свекрови, когда в дверь позвонили.

— Кто бы это мог быть? — проворчала хозяйка.

— Наверное, доктор Грин, — с наигранной беспечностью отозвался Саймон. — Мы сегодня случайно столкнулись, и я пригласил его на ужин. Ты же давно собиралась...

Если бы мисс Милс решила прибить сына за подобное самоуправство, я с радостью помогла бы ей спрятать труп.

— Не волнуйтесь, — прошептал мне Саймон, когда его мать пошла

открывать. — Не прогонит же она его? Грин — ее доктор и наш сосед, друг семьи, можно сказать. И ужин у нас будет дружеский. Я же обещал избавить вас от двусмысленных ситуаций?

— Спасибо, мистер Вульф, — произнесла я с чувством. — Вам это удалось.

ГЛАВА 45

О чем я думала? Ни о чем. Думать было некогда.

— Добрый вечер, Саймон... О, мисс Аштон.

Улыбка вежливо-безучастная. И это прохладное «мисс Аштон»... Только в глазах смешинка, но в глаза я не смотрела.

— Здравствуйте, доктор.

— Какая неожиданная встреча. Но, видимо, это судьба.

— О чем вы? — я обернулась на Саймона, но боевик прислушивался к обмену любезностями без интереса. Ждать помощи от его матери тоже не приходилось.

— Ожидал увидеться с вами сегодня, — без стеснения поведал Грин. — Но полагал, что это произойдет утром. Я читал лекцию на целительском.

— Очень хотела послушать, — заверила я, надеясь, что он не почувствует фальши. — Но пришла слишком поздно, в аудиторию было не протолкнуться.

— Гусь! — спохватилась драконша. — Простите, я должна проверить, как там гусь.

Она сбежала на кухню, и Саймон принял эстафету хозяйских обязанностей:

— Мама великолепно готовит, Элизабет. Уверен, вам понравится.

— Мисс Милс сама готовит?

Причину укоризненного взгляда Грина поняла лишь после следующих слов Саймона.

— Мама долгое время не могла позволить себе кухарку, — проговорил он хмуро. — Сейчас таких проблем нет, но ей нравится кулинария, и ничего зазорного в этом нет.

— Я хотела сказать, что при ее занятости на кафедре...

— Я тоже люблю готовить, — сообщил Грин, переключая внимание на себя. — Правда, устраивать званые ужины не рискну. Потому что «люблю» не значит «умею». Но яичница мне обычно удается, даже не подгорает, так что могу пригласить на завтрак.

Он широко улыбнулся, и я быстро перевела взгляд на книжные полки.

— Мистер Вульф, простите, могу я взглянуть? — указала на заинтересовавшие меня книги.

— Да, пожалуйста.

— Все-таки решили подтянуть теорию? — оценил мой выбор Грин. — Если угодно, у меня тоже есть книги о единорогах.

Да-да, давайте пойдём к вам, книжки полистаем... а там и позавтракаем...

Вспыхнув от собственных мыслей, я закрылась книгой и притворилась, что читаю. Хобби у меня такое — читать вверх ногами.

Грин, поняв, что я не настроена на беседу, переключился на Саймона. Я не прислушивалась к их разговору. Перевернула книгу и просмотрела первые главы. Ничего любопытного не нашла, но продолжала читать до тех пор, пока не появилась мисс Милс и не объявила, что гусь готов и уже дожидается нас в столовой.

Однако оценить кулинарные таланты ведущего драконоведа академии мне не довелось. Едва мы сели за стол, кто-то позвонил в дверь. Хозяйка посмотрела на сына, вопрошая недовольным взглядом, кого ещё он пригласил без её ведома, но он пожал плечами и пошел открывать. Из прихожей послышались взволнованные голоса, и через несколько секунд в столовую, обгоняя Саймона, влетел запыхавшийся мужчина в криво застегнутом пальто.

— Доктор! — кинулся он к Грину. — Хвала всем богам, я вас нашел! Марта!

Больше он ничего не сказал, но все, кроме меня, кажется, поняли, в чем дело.

— Сейчас буду, — пообещал целитель. Окинул прощальным взглядом блюдо с гусем и поднялся из-за стола. — Мне понадобится ваша помощь, Бет.

— Но как же... — пыталась возразить мисс Милс.

— Мне нужна помощь, — повторил Грин. — Посылать в лечебницу долго, а мисс Аштон — целительница, хоть пока только учится.

Когда он говорил так, уверенно и веско, и мысли с ним спорить не возникало. Надо — значит, надо. Там, может быть, человек умирает.

— Какая жалость, что так вышло, — сокрушалась, провожая нас, хозяйка. — Но вы же ещё придете?

— Непременно, — заверил её Грин, хотя приглашение адресовалось мне. Подхватил с полки свой саквояж, который таскал, как выяснилось, и на званые ужины, и буквально вытолкнул меня на крыльцо. Обогнал на ведущей к ограде тропинке, услужливо распахнул передо мной калитку, а там уже немного сбавил шаг.

— Объясните же, что случилось, — опомнилась я, пройдя уже добрую сотню ярдов по освещенной желтыми шарами фонарей дорожке.

— Все ради вас, мышка моя.

— О чем вы?

— Только не останавливайтесь, — приказал доктор.

Сам он не притормозил ни на миг, словно не сомневался, что я побегу следом. В принципе, правильно не сомневался: должна же я понять, что происходит.

— Я о том, Бет, что мисс Милс — чудесная женщина и заботливая мать. Но иногда она не отдает себе отчета в том, что своей заботой ставит сына в неловкое положение. А Саймон слишком мягкосердечен, чтобы прямо сказать ей об этом. Вот и выкручивается, как умеет. Сегодня зашел ко мне в лечебницу и попросил прикрыть его за ужином. Уверен, вы понимаете причины.

— Значит, вы это подстроили? Чтобы меня увести?

— Нет, я честно намеревался полакомиться гусем.

— Но куда мы идем?

— Уже пришли.

Он указал на обнесенный живой изгородью домик, на пороге которого нервно переминался с ноги на ногу выдержавший нас из-за стола человек.

— Идемте, Бет. Помощь мне в самом деле не помешает.

Времени на расспросы мне не оставили. Подлетел нервный мужчина, вцепился в доктора и потащил в дом. Я пошла следом.

— Это мисс Аштон, — представил меня Грин, помогая избавиться от пальто. — Сегодня она моя ассистентка.

Нас повели в комнаты. Хозяин шепотом рассказывал о чем-то доктору, тот так же негромко что-то уточнял, но особой обеспокоенности не выказывал, и я подумала, что случай не настолько опасный, как мнилось поначалу. А затем услышала женский плач. Или стон? Протяжный, вымученный стон-плач, показавшийся знакомым. До боли.

Сердце сжалось, а ноги приросли к полу, не желая переступить порог комнаты, за которым...

— Не бойтесь, Бет, — ободряюще улыбнулся Грин. — Многого от вас не потребуется. Просто смотрите, слушайте и следуйте моим указаниям.

Нужно было извиниться и уйти, но все мысли и чувства отключились, а из инстинктов остался один — подчиняться тому, кто старше, умнее и опытнее.

— Не нервничайте, Бет. У миссис Ланфорд это четвертые роды. Вы и опомниться не успеете, как все закончится.

...Он не соврал: опомниться я не успела. Двигалась как в тумане.

Делала все, что он говорил. Только внутри жгло все сильнее, и даже плакать не хотелось от пришедшего давным-давно осознания, что слезами этот жар не залить. А потом словно лопнуло что-то. Прорвалось. Выплеснулось наружу, и оказалось, что это не кровь, не яд, не гной от запущенной раны — пустота. Застоявшийся в легких мертвый воздух, мешающий сделать новый вдох. И так стало... нет, не хорошо. Больно. Но это была уже другая боль, не та, что живет годами, а чистая острая боль от свежего пореза, который однажды затянется. Оставит шрам на долгую память, но болеть уже не будет. Разве что самую малость. Иногда...

— Бет, — Грин выглянул на крыльцо, куда я вышла, как только он отпустил меня. — Замерзнете без пальто. Пойдемте в дом.

— Мне не холодно, — сказала я, удивляясь тому, что умею говорить.

— Холодно. Вы просто не чувствуете этого сейчас, — он сжал в ладонях мои руки и заглянул в глаза, и я снова удивилась, что не отвернулась. — Простите меня, пожалуйста. Я не подумал, как это может подействовать на девушку... неопытную и...

— Нет, это... Это прекрасно. Ребенок. Живой здоровый ребенок. Он же здоров?

— Абсолютно. Чудесный сильный мальчик.

— Мальчик, — кивнула я. — У меня тоже был мальчик. Я видела, на УЗИ. И потом тоже, но... на мониторе он был живой. И здоровый. Отец говорил, нужно «жигуленок» наш покрасить, а то стыдно будет такого богатыря в обшарпанной колыхаге возить... А потом «жигуленок» всмятку, и возить некому и некого. Такая вот вселенская справедливость...

Посмотрела на мужчину, все еще греющего мои ладони в своих, и улыбнулась. Не специально — просто почувствовала, что улыбаюсь.

— Наверное, думаете, что я сумасшедшая?

— Нет, — он покачал головой. — Сумасшествие я распознал бы. Но я не все понял из вашего рассказа. Что такое «жигуленок»? И «монитор»? А самое главное... кто вы такая?

Станный вопрос. Но ответ на него еще страннее: я не знаю.

— Пойдемте.

Я опять подчинилась. Послушно надела пальто, так же послушно переставляла ноги, позволяя вести себя куда-то. Когда идти стало некуда, а темнота и прохлада позднего вечера сменились уютным теплом и светом ламп, зажмурилась, на миг ощутив себя падающей в темноту терминала, а вернувшись в реальность, огляделась.

— Где мы?

Просторная гостиная. Мягкое кресло, в которое меня усадили,

развернуто вполоборота к очагу, где тлеют за решеткой угли. На каминной полке — часы: два грифона, сложив крылья, поддерживают блюдодциферблат, по которому движется, вздрагивая, тоненькая стрелка...

— У меня дома, — ответил целитель.

— А где кошка? — спросила я, чувствуя, что должна что-то сказать.

— Гуляет. Или спит где-то. Она же кошка.

— А у меня кот.

Какая теперь разница? А кот — не самая страшная правда.

— Кот, — повторила, словно хотела убедить присевшего на корточки рядом со мной доктора, в существовании этого кота. — Граф. Зовут его так — Граф. А вашу кошку?

— Кошка.

— Просто Кошка?

— Зачем что-то усложнять?

Он вышел из комнаты. Отсутствовал недолго... или долго — я не следила за временем... а вернувшись, вложил в мои ладони чашку с золотистым питьем, пахнущим травами и медом.

— Успокоительное?

— Чай, — ответил он.

И не спрашивал ни о чем. Хотя он ведь уже спросил. И все еще ждал ответа.

— Хотите знать, кто я? — усмехнулась, представляя, каким бредом покажутся мои следующие слова. — Я автор. Самый бездарный автор, которого только можно представить.

Мэйтин не говорил, что я не имею права рассказывать об этом. И я рассказывала. О своей книжке. О поисках кота на чердаке, оказавшемся терминалом. О самом Мэйтине, ни капли не похожем на свои изображения в храмах, язвительном, но добром мальчишке, не способном игнорировать звонки-молитвы и играть не по правилам. О том, что не писала ничего о ритуале, изменяющем реальность, а потому не знаю, кто его провел и зачем. И вообще ничего не знаю — слишком отличается этот мир от того, что я представляла, сочиняя свое женское романтическое, а причинно-следственные связи — сложная штука, и не исключено, что никакой я не демиург и не автор даже, а случайная жертва, по ошибке оказавшаяся в иномирной версии себя...

Рассказ закончился вместе с чаем.

— Вы сказали, что начали писать книгу, чтобы отвлечься, — произнес Грин так, словно поверил во всю ту чушь, что я несла. — Что с вами произошло? Вы потеряли ребенка?

— Я потеряла все.

Он хотел знать. На самом деле хотел, будто для него это имело какое-то значение.

— «Жигуленок» — это автомобиль, — сказала я, не глядя на него. — «Жигули». У отца был. А монитор... сложно объяснить. Волшебное зеркало, только не зеркало и не волшебное. В том мире нет магии. Если бы была, то... У меня должен был быть ребенок, да. Вернее, он был. Только не родился еще. В апреле должен был. А в феврале...

В феврале я оказалась на Трайсе. В этом феврале.

Совпадение? Возможно.

Все возможно, когда даже бог ничего не говорит наверняка.

— Родители ехали на работу, они врачи оба. Отец — невропатолог, а мама — детский инфекционист... были... Гололед на дороге... Нет, папа всегда аккуратно водил, и резину он на зиму поставил хорошую... Со встречи машина вылетела... со встречной полосы. Отец — сразу. Мама — в реанимации через две недели...

Не приходя в сознание. Ни сказать ничего, ни просто в глаза посмотреть. На кладбище, потом — к ней. На кладбище, к ней...

После — только на кладбище.

Похороны, одни за другими. Бабки у подъезда. Цветочные лепестки в грязи. Наташка Мальцева крестится поминутно. Муж обнимает за плечи, и под ребрами бьется тревожно...

— Одна женщина мне сказала, что бог невиновных не карает. И, наверное, была права. Я виновата. Мы ведь могли, как раньше, все вместе жить. Жили же так. Дедушка, бабушка, мама, папа и я. Квартира трехкомнатная, места хватало... Бабушка умерла, когда я еще в школе училась. Дед — когда институт заканчивала. Он тоже врачом был. Хирургом. Лучшим в городе, к нему отовсюду съезжались. А я его подвела, не пошла по стопам. А когда замуж вышла... У нас своей квартиры не было, не накопили еще, а муж не возражал, чтобы с моими жить. Это я хотела отдельно, «как взрослые». Уговорила его квартиру снимать. Но отец не позволил. У нас дача была в поселке в двадцати километрах от города, хороший дом, с удобствами... Они с мамой туда перебрались. Сказали, там и воздух лучше, и на работу им недалеко — всего полчаса на машине...

Но Наташка все равно не права. И бог ее. Если наказывать, то меня нужно было. В смысле, только меня.

— Через неделю после маминой смерти... через восемь дней... на улице скрутило. Прохожие скорую вызвали...

Когда я уже в голос орать начала — вызвали. А до того шли мимо.

Головами качали или отворачивались. Живот-то под широкой курткой почти не заметен — ползет себе какая-то вдоль забора, пусть ползет. Телефон, вон, выронила, пьянь... подзаборная...

— Срок большой был. При удачном стечении обстоятельств обошлось бы... Только обстоятельства не стеклись... А потом...

Да, доктор, было еще потом. Сами хотели знать, так слушайте. Потому что я теперь не умолкну, пока до конца не выговорюсь...

— Меня в роддоме оставили, в послеродовом блоке. Должны были перевести, но там врач — мамина знакомая. Она меня оставила. Сказала, понаблюдать надо. А за мной не наблюдать, а следить нужно было и днем, и ночью. Но днем еще куда ни шло, а ночью... Там палаты рядом, девочки с детками лежат, с новорожденными. Медсестра на посту. Но медсестра ночью идет в пустую палату спать... стул в дверях ставит и халат на него вешает, чтобы видели, где ее искать, и спит... А дети плачут... Не все, с ними же матери — покачают, накормят... А если мать вышла...

В туалет она вышла и задержалась. У многих после родов с этим проблемы. А малыш плакал. Рядом совсем. И грудь болела. Это я потом узнала, что мне должны были сразу дать что-то или уколоть, но там суматоха такая поднялась, что забыли, наверное.

— Я просто пошла и взяла его. Думала... что это мой ребенок. Не знаю почему... Унесла к себе в палату. Покормила. А когда его мать вернулась... Ей плохо было, она и легла сразу, даже в кроватку не заглянула. Решила, что ребенок спит, раз не плачет... Утром кинулась...

Не помню ее лица. Только крик. Визг, от которого уши закладывало. Сумасшедшей меня называла. В психушку грозилась сдать. И ребенка требовала обследовать, потому что я его могла неизвестно чем заразить. Мой же отчего-то умер...

— Не «умер», — я зажмурилась от ставшего слишком ярким света. — Она сказала не «умер». Сдох... Но я ее понимаю. Я и сама так ругалась бы, если бы... А меня в гинекологию перевели. Только я там не осталась...

Слухи приползли за мной следом. Неизвестно откуда, но люди вокруг знали обо мне все. О моих родителях, моем ребенке. О чужом ребенке и о том, что я на голову больная.

— Попросила мужа забрать меня домой. А через три недели попала в то же отделение. В этот раз — через операционную. Нужно было сразу пролечиться, но... Не до того было. Не до чего... Врач все допытывался потом, не мог понять, как я раньше не почувствовала, болеть же должно было. Может, и болело... Но не все так плохо. Пятьдесят процентов женщины во мне еще осталось. При желании и при должном контроле

можно попробовать... Найти бы, с кем пробовать, — и можно...

— А ваш муж? — впервые с начала моего рассказа подал голос Грин.

— Мы развелись.

— Он...

— Бросил меня? Нет. Я его отпустила. Когда мужчина приходит домой, он хочет видеть свою женщину, а не молчаливое, едва ползающее по квартире существо, забывшее о существовании душа и расчески. Он старался, честно, но... Сказал, что не готов еще умирать, даже вместе со мной. Я думала, что это оттого, что он никогда не любил меня на самом деле. А потом поняла, что, наверное, и я его не любила. Потому что, когда любишь человека, ради него будешь готов не только умереть, но и жить... Так ведь? Да я и сама не умерла. Выкарабкалась как-то, сделала модную стрижку, навела порядок в квартире... И начала писать эту дурацкую книжку.

— Чем же она дурацкая? Разве здесь так ужасно?

Такого вопроса я не ждала.

— Вы серьезно? — уточнила растерянно. — Серьезно спрашиваете?

— Да.

— Вы мне верите?

— Я думал, вы это поняли, раз уж рассказали все.

С минуту мы смотрели друг на друга, и я первой отвела глаза. Повисла тишина, нарушаемая лишь тиканьем часов.

— И что теперь? — спросила я, устав считать каждый «тик» и «так».

— Могу предложить вам еще чая, если хотите.

— Вы такой странный. Как будто ничего не произошло.

— Ничего не произошло, — кивнул он. — Мой мир не рухнул, если вы об этом. И не рухнет, даже если он действительно возник из ваших фантазий. Но вы сами в этом сомневаетесь, а мир в любом случае неплох. И мое место в нем меня вполне устраивает. Если я получил его вашей волей, могу лишь поблагодарить.

— Нет, о вас я не писала. Только имя пару раз.

— Тогда спасибо за имя, — легкомысленно отозвался целитель. — Им я тоже доволен. Хотя, признаться, «только имя» — не то, на что я рассчитывал. Эпизодический герой, тогда как я уже мнил себя заглавным персонажем, — обидно, право слово.

— Смейтесь? — голос дрогнул, в глазах защипало.

— Даже не улыбаюсь. Но был бы рад, если бы улыбнулись вы.

— А если заплачу?

— Значит, сейчас вам это нужнее.

Я не заплакала. Согласилась на еще одну чашку чая и, пока целитель выходил, чтобы его заварить, протянула руки к очагу и наслаждалась ласково глядящим ладони теплом.

А Грин все-таки невозможный. И хорошо, что он не заглавный герой и не обязан мне ни судьбой, ни характером, ни внешностью, но, даже будь это так, вряд ли господин доктор согласился бы признать себя плодом моего воображения. С последовательностью звеньев в цепочке причинно-следственных связей он, похоже, определился сразу. Что с того, что даже бог сомневается в том, как все есть на самом деле? Грин-то не бог, ему сомневаться незачем и некогда: у него работы полно, то калечится кто-то, то рожают, даже на гуся с яблоками времени нет, где уж тут на вопросы мироустройства отвлекаться.

— Чай, — сообщил доктор, вернувшийся в комнату с подносом. — И еще кое-что, что нашлось на кухне.

Маленький столик, до этого мирно стоявший в углу, подпрыгнул резвым пони, подлетел к моему креслу и замер, позволяя сгрузить себе на спину чашки, пузатый фарфоровый чайник и блюдо с бутербродами.

— Расскажите и вы что-нибудь, — попросила я Грина. — О себе.

Он удивленно приподнял брови.

— Тайны на обмен, — объяснила я, пытаюсь улыбнуться. — У меня есть друг, эльф, вы его знаете, он однажды назвал это так: тайны на обмен. Своеобразный акт взаимного доверия. Чтобы я не чувствовала себя... не чувствовала себя еще глупее...

— Боюсь, у меня нет тайн для равноценного обмена, — виновато развел руками доктор. — Боюсь, их у меня вообще нет.

— Неправда, — возразила я. — Я наводила справки: никто ничего не знает о вашей личной жизни.

— Наверное, это оттого, что ее у меня тоже нет.

Ответил он спокойно, словно озвучивал давно установленный диагноз, но от осознания в очередной раз собственной дурости меня это не избавило.

— Я о жизни... жизни вообще. Вас не было несколько лет в академии, и никому неизвестно, как и где вы провели эти годы...

— Наводили справки, — повторил он мою предыдущую фразу. — Можно спросить зачем?

— Вы были моим первым подозреваемым, — призналась я, подумав, что это уж точно его не расстроит. — Когда я только оказалась здесь, не сразу поверила в реальность этого мира и долго воспринимала его как

книгу. А те эмоции, которые вы у меня вызывали, ощущала как тревожное предчувствие. В романе вы обязательно оказались бы злодеем: харизматичный гений, будящий в героине подсознательный страх, — подходящий образ для антагониста, согласитесь.

— Харизматичный гений, — протянул Грин. — Умеете вы делать комплименты. Даже стыдно, что я вас разочаровал. Но кто вам сказал, будто неизвестно, где я был и чем занимался?

— Леди Пенелопа.

— Так я и думал, — усмехнулся целитель. — Защищает мое доброе имя, как ей кажется, а на деле поддерживает репутацию таинственного злодея. Жаль, нельзя объяснить ей это на вашем примере. — Он отпил немного чая, откусил кусок хлеба с сыром, прожевал задумчиво и так же задумчиво посмотрел на меня. — Я был на каторге, Бет. И вашей наставнице об этом известно. Находился я там не по приговору суда, а по контракту с управлением тюрем. Они за минимальную оплату получили квалифицированного врача, а я — обширную практику и добровольцев для испытания новых лекарств.

— Мыши, — пробормотала я.

— Люди. И я лечил этих людей, хоть многие из них и заслуживали смерти. От обычных пациентов их отличало лишь отсутствие у них претензий к моим методам и вьедливых адвокатов, бегущих с этими претензиями в суд. А за участие в тестировании лекарств я им даже приплачивал. Не из того скудного жалованья, что мне там положили, конечно. У меня есть деньги, если вас и это интересует. Один из первых пациентов упомянул меня в завещании. Сумма была невелика, но мне удалось выгодно ее вложить. Крайне подозрительный факт в моей биографии, если не знать, что умер тот человек не от моего лечения — утонул во время морского круиза. А что до должности в здешней лечебнице, доставшейся мне, как вы, верно, слышали, незаслуженно и в обход более достойных кандидатов и делающей меня еще подозрительнее в глазах романистки, так я ее не хотел. Но и отказаться не мог. Эта больница, такая, как она есть сейчас, — детище моего учителя. Он не желал оставлять ее человеку со стороны и попросил меня приехать, когда я почти уже нашел практику в столице. И ходатайство о назначении успел написать перед смертью. А леди Райс поддержала. Об этом она не говорила? Впрочем, это же не делает меня злодеем. А о том, что с лечебницей я унаследовал и состояние Грэма Ричардса — столько, что могу себе позволить бросить работу и до конца дней нежиться на южном побережье?

Я ошиблась: мои подозрения его задели, напомнили о тех обвинениях

и непонимании, с которыми он сталкивался и продолжает сталкиваться.

— Не представляю, чтобы вы бросили работу, — сказала я, зная, что снова не сумею извиниться. — А на южном берегу не так хорошо, как рассказывают. Слишком сухой воздух, и солнце палит нещадно.

— Бывали там?

— В год поступления в академию ездила с родителями...

Я осеклась и уставилась на доктора с мольбой. Но что он мог сделать, если я сама не властна над собственной памятью? И собственной ли?

— Вы удивительная, — вдруг улыбнулся он. — Я поражался, как вы живете между двумя реальностями, а теперь пытаюсь представить, как вы балансируете между двумя мирами и двумя совершенно разными жизнями.

— С ума схожу? — ответила я, как и в прошлый раз. — Или уже сошла. Придумала для себя фантастический мир и поселилась в нем.

— А я, стало быть, ваша галлюцинация? Нет, Бет, вы не сумасшедшая. Просто запутались. И вопрос, кто вы такая, все еще актуален.

Я хотела спросить, что он имеет в виду, но не успела.

— Тайны на обмен, говорите? — уточнил сосредоточенно доктор. — Хорошо, я открою вам свою самую большую тайну. Но поклянитесь, что никому ее не выдадите, потому что об этом никто в академии не знает.

— Клянусь! — торжественно произнесла я, а сердце взволнованно забилося: от Грина всего можно ожидать.

— Пойдемте, — он подал мне руку. — Это нужно увидеть.

У последней в длинном коридоре двери он велел подождать. Вошел в комнату, зажег там свет и вышел.

— Мое увлечение драконами в свете происходящего тоже казалось вам подозрительным? — сказал скорее утвердительно, чем вопросительно. — Но мой интерес несколько иного толка. Вот. — Он распахнул дверь. — Не знаю, как это назвать, но, может быть, вам понравится.

Я переступила порог и застыла. Сначала от удивления, а после боялась пошевелиться, чтобы не сломать, что-нибудь.

А я ведь сломала бы! Кинулась бы к огромному макету города, начала бы ощупывать зубцы крепостных стен, тыкать пальцами в бойницы или снимать с башен солдат-арбалетчиков. И подвешенных на тонких ниточках драконов раскачивала бы, а тех, что стояли на возвышающейся над городом горе, ждала ужасная участь: разве я прошла бы мимо, не проверив, открываются ли у них пасти и расправляются ли крылья, как у тех, что летают под потолком? А в лесу это кто? Эльфы? Такие маленькие, но с ушками. Как можно сделать такие ушки?!

— Это...

— Папье-маше преимущественно, — пожал плечами Грин, словно речь шла о корявой поделке. — Еще картон, дерево, глина местами.

— Колодец из спичек, — прошептала я с придыханием, вспоминая, как сама пыталась склеить такой, увидев в гостях у одноклассницы спичечный терем, собранный ее мамой.

— Угу, — кивнул доктор. — Из спичек.

— А озеро из стекла?

— Угу, из стекла.

— А крылья у драконов?

— Угу, у дра... Ткань, натянутая на проволочный каркас. Вам правда это...

— Нравится? Конечно!

— Это Ангеамарр. Та книга, «Город Драконов», которую вы не могли найти, как раз об этом городе. Но я и раньше читал о нем. План нашел, когда еще учился, его восстановили по фундаментам, обнаруженным при раскопках. Надземную часть построек моделировал по уцелевшим образцам архитектуры того периода и гравюрам, так что не факт, что Ангеамарр выглядел именно так. Драконы тоже с иллюстраций. Они сжигали своих умерших, поэтому нет останков, по которым можно было бы воссоздать их реальный облик.

— Они прекрасны! И все это... Когда вы успеваете?

— Ну... это сделано не за один день...

Подозреваю, и не за один год.

— Нельзя жить только работой, — вывел он философски. — Даже любимой. Вот, отвлекаюсь иногда.

Не в силах бороться с соблазном, я осторожно дотронулась до головы сидевшего на башне дракона. Подумалось, что, если рассказать Грину и о них, о том, что я узнала во время последней встречи с Мэйтином, доктор поверит в это так же, как и в мою невероятную историю. Но ему уже хватило сегодня откровений.

— Вы хотите вернуться? — спросил он. — В тот мир, где вас не ждет никто, кроме кота?

— Мне не предлагали выбора. И там... там моя жизнь. И тут моя, только другая. Так что в каком-то смысле я все равно останусь. Если, конечно, найдем библиотекаря.

— Найдем.

Он приблизился, всего на шаг, но я тут же отступила. То ли сработала привычка держаться от него на расстоянии, то ли испугалась непонятно чего... Задела дракона, и тот рухнул с башни. Но удариться о землю-стол не

успел: Грин подхватил его с помощью телекинеза, поймал в ладонь и протянул мне.

— Возьмите, если он вам нравится.

— Есть еще два условия, — сказала я вместо того, чтобы принять подарок. — Условия для сохранения этого мира. Их всего три, как в сказке. Первое — отменить последствия ритуала и вернуть исчезнувших. Второе — закончить академию. Точнее, уладить все вопросы, связанные с учебой, как я поняла. А третье... Я же женский роман писала, а они обычно заканчиваются свадьбами. Героиня должна выйти замуж за любимого мужчину.

— Значит, вам, кроме библиотекаря, нужно найти еще этого мужчину? — серьезно спросил доктор.

— Не нужно, — уставившись в пол, я отступила еще на шаг. — Он уже есть. Главные герои, как правило, появляются уже в первой главе.

— Да, точно. Простите, не подумал. И кто он, если не секрет?

Заглушив волнение, я подняла глаза. Он стоял у макета, одной рукой опершись на стол, а во второй вертел не отданного мне дракона. Глаза прищурены, на губах усмешка. И ничего.

Просто я дура. Но к этому уже нужно привыкнуть.

— Оливер Райхон.

— Герой, конечно. Мне следовало догадаться. Да и в кого еще тут влюбляться?

Усмехнулся, вернул дракона на башню и достал из кармана часы.

— До полуночи вам нужно быть в общежитии. Значит, у нас еще полчаса, чтобы допить чай и обсудить, что можно сделать... Если вы хотите что-то обсуждать сейчас. А нет — просто допьем чай, и я провожу вас порталами, пока сеть не отключили на ночь.

— А вы разве...

— Нет. Пространственной магией я не владею.

— Но в лечебнице...

— Проложено несколько ходов. Ничего особенного, но время экономит.

Он дождался, когда я выйду в коридор, погасил свет и плотно закрыл дверь. Видимо, чтобы кошка не забралась и не сломала драконий город. Кошки — они такие: и не хотят, но что-нибудь сломают.

Я тоже в некотором роде кошка...

— Я дам вам пару книг, — сказал он, когда мы вернулись в гостиную. — Можете не читать, просто возьмите. Вас охраняют, если помните, а отчеты о том, где и с кем вы проводите время, ложатся на стол

вашего любимого мужчины. Не хотелось бы поставить вас в неудобное положение. Поэтому: мы с вами встретились у Милсов, оттуда меня вызвали на роды, а вы мне ассистировали, и поскольку это был для вас первый подобный опыт, вы хотели это обсудить, и я пригласил вас к себе — не говорить же нам на улице? А книги — о единорогах. Потому что так долго обсуждать акушерские мероприятия скучно, и мы, естественно, сменили тему и немного увлеклись. Да?

— Да, — согласилась я.

— А еще, — он посмотрел на меня долго и испытующе, — могу дать вам тот приворот, помните? Завтра вечером будете уже леди Райхон. В крайнем случае послезавтра.

— Спасибо, не нужно, — отказалась я вежливо. — Я не тороплюсь замуж. Только в общежитие.

Он провел меня порталом, как и обещал. Не отпуская моей руки, развернул меня к себе, посмотрел в глаза...

— У вас учащенный пульс, Бет, и, кажется, температура поднялась. Те капли, что я вам давал, еще остались?

— Да.

— Замечательно. Вы знаете, что делать.

Если бы. Но лекарство выпью.

ГЛАВА 46

Ночь прошла спокойно, утро было добрым — чего еще желать и о чем жалеть? Только о том, что не взяла дракона. Зато огорошила Мэг известием, что ассистировала на родах «самому Грину». К счастью, накануне подруга легла спать до моего прихода, и не пришлось делиться свежими впечатлениями. А Сибил вечером встречалась со своим некромантом, объяснилась с ним и поутру так лучилась счастьем, что, глядя на нее, не хотелось думать о грустном.

Я и не думала.

Завтрак с подругами, занятия на факультете, встреча с Оливером. С мужчиной мечты, да.

В приемной сидела за столом секретаря незнакомая мне девушка. Если Джереми Адамс был змеем, а Лидия — фиалкой, то новенькую я с первого взгляда окрестила солнышком. У нее были курчавые светло-рыжие волосы, усыпанное золотистыми веснушками личико, ясные голубые глаза и жизнерадостная улыбка.

— Вы, наверное, мисс Аштон, — прощепетала она, прежде чем я успела представиться. — Милорд Райхон сказал, что вы придете.

Никогда еще меня не встречали здесь так радостно. Но в ректорский кабинет солнечное настроение не проникало: Оливер был не в духе, и выведенная через силу улыбка скорее подчеркивала это, нежели маскировала.

— Добрый день, милорд, — я подумала, что гримасничаю не лучше. — Как прошла поездка?

— Не так хорошо, как хотелось бы. Но к нашему делу это отношения не имеет.

— Милорд, — я взглянула на него с укором: если и дальше будет держать все в себе, точно язву заработает.

— Четверо наших студентов ввязались в драку в трактире, — сказал он нехотя. — Зачинщиками были не они, но несколько горожан пострадало. Один — серьезно. Мэр Ньюсби хотел видеть меня лично, чтобы удостовериться, что будут приняты меры.

— Но ведь они защищались, как я поняла?

— Защищались. Будучи пьяны и с использованием атакующих плетений четвертого уровня. Вы должны знать, как на это смотрят власти. Суда не избежать, если не договориться с пострадавшими. Двое не против

финансовой компенсации, но третий, как я уже сказал, очень плох. Его транспортировали в нашу лечебницу, однако пока он не придет в себя, прогнозы делать рано... И Лидия пропала.

— Как пропала? — встрепенулась я. — Когда?

— Возможно, еще в тот вечер, когда приходила в посольство. У Лидии определенные проблемы с общением, близких друзей нет, а соседи не смогли вспомнить, когда видели ее в последний раз. Она живет в аспирантском общежитии. Знаете трехэтажное здание у южного парка? Там такие небольшие квартирki для младших преподавателей, лаборантов и... библиотекарей.

— Вы думаете...

— Что она была знакома с библиотекарем в прошлой реальности и тоже участвовала в ритуале? Я этого не исключаю. Но все же надеюсь, что у Лидии просто случилось обострение ее недуга и скоро она найдется.

— Она и прежде пропадала? — спросила я.

— Так — нет, насколько известно. Бывало, закрывалась на несколько дней в квартире, не хотела никого видеть. Она не сумасшедшая, если вы так подумали. Лидия получила магическую травму много лет назад и полностью так и не оправилась. У нее своеобразное мировосприятие, но в целом она умна и достаточно организованна. И неплохой секретарь. Лучше той лучезарной феи, что сидит сейчас в приемной.

Все познается в сравнении. Помнится, Лидией он тоже был недоволен после Джереми.

— Профессор Гриффит закончил работу над книгой, — сменил тему ректор. — Хотите взглянуть? Он принес мне ее с утра.

Книгу Оливер достал из сейфа. Кожаная обложка, около двадцати пергаментных листов — с лихвой хватит, чтобы записать все, что нам известно.

— Когда мне начинать? — спросила я.

— Думаю, уже завтра. У нас с профессором Броком возникла одна идея. Мы не знаем, чем обусловлены ваши способности, но можно предположить, что именно ваша кровь лучше всего подошла бы для наших целей, однако вы... э-э...

— Быстро испишусь, — напомнила я шутку Гриффита.

— Да, — вскользь улыбнулся ректор. — Поэтому мы подумали смешать вашу кровь с кровью других участников для придания конечной субстанции нужных свойств. Утром я обсудил это с Грином — свойства крови по его части, — и он подтвердил, что задумка заслуживает внимания. Но сказал, что, если для письма нам нужна живая кровь, просто смешать не

получится.

— Не все доноры подойдут, — поняла я. — Кровь должна быть совместима, как при переливании.

— Вы просто настоящая целительница, — восхитился Оливер. — Я и не знал о таких нюансах. Да, кровь должна быть совместима. Доктор Грин возьмет сегодня образцы у членов комиссии и у нескольких постоянных доноров лечебницы, а если вы завтра утром подойдете к нему, он закончит тесты и обеспечит первую порцию состава.

— Завтра? Почему не сегодня? Мы могли бы сходить сейчас, это ведь недолго...

— Я уже был у Грина, когда перевозили того раненого. Заодно обсудил и наш вопрос. И не только, — он улыбнулся, и я сцепила в замок задрожавшие пальцы. — Доктор рассказал о вашей совместной работе вчера. Как знал, что вы поскромничаете и промолчите. Хвалил вас — еще одно подтверждение, что специальность вы сменили не зря. Но впредь, пожалуйста, предупреждайте меня или инспектора о таком. Я не о родах, естественно. Об ужине. В этот раз вас пригласила мисс Милс, и в гости к ней никто, кроме Грина, не заглянул, а в следующий раз вы рискуете оказаться в обществе библиотекаря, и, если это случится на частной территории, где установлена личная защита хозяев...

— Полиция может не успеть, — заключила я по многозначительной паузе. — Не волнуйтесь, меня не так часто куда-либо зовут.

— Нужно это исправить.

— Не нужно. Меня устраивает такое положение.

Перехватила его взгляд, немного растерянный, и прикусила язык. Но поздно. В результате мне даже кофе не предложили.

Зато Саймон во время тренировки передал, что его драгоценная матушка будет рада видеть меня в любой день, и снова обещал в случае моего согласия не допустить неловких ситуаций.

До ночи, пока я не уснула, напившись волшебных капель, в голове вертелись несуразные мысли, и я гнала их вместе со смутным чувством, будто упускаю что-то важное...

Дорога в лечебницу показалась длиннее, чем обычно, словно с последнего моего похода туда пространство растянули, проложили ярды новых тропинок, а крыльцо сделали выше на десяток ступеней.

Мне нужна была передышка, и я решила зайти к леди Райс, но дверь оказалась заперта, а на стук никто не откликнулся.

Почти никто...

— Леди Пенелопа вернулась к работе на факультете, — сказал от своей двери выглянувший в коридор Грин. — В лечебнице появится только послезавтра.

— На самом деле я к вам, — призналась я, словно в чем-то предосудительном.

В этом не было ничего странного, я с первого дня так вела себя в его присутствии: терялась, отводила глаза, приближалась медленно и с опаской.

А он точно так же смотрел вприщур и усмехался.

— Я догадался. Проходите, много времени это не отнимет. Если только сами не захотите задержаться.

— Зачем?

Он передернул плечами, тоже совершенно обычно.

— Поговорить, быть может.

— Я имела в виду, зачем это вам?

— Оказать посильную помощь в деле спасения мира — цель благородная, как мне кажется. Да и ваш случай сам по себе интересен.

— Занятная мышка попалась, как не изучить, — пробормотала я, стягивая пальто.

— Радует, что вы понимаете мои мотивы, Бет.

— Разве есть варианты?

— Ни единого, как и у вас.

Но Грин не был бы Грином, если бы успокоился на этом. Разве можно упускать шанс прикоснуться к неизведанному?

Прикоснуться, медленно провести пальцем от запястья до сгиба локтя...

— Я возьму унцию для тестов и еще три для изготовления чернил.

— Хватит? — спросила я, наблюдая, как входит в вену игла.

— В отношении свойств крови качество не привязано к количеству. Но, полагаю, успех мероприятия зависит в первую очередь от того, кто будет писать. Вы автор, и именно поэтому ваши записи не меняются.

Он не спрашивал, говорил утвердительно, но я все-таки кивнула.

— Вы удивились тому, как быстро я поверил в вашу историю, — продолжал целитель, вынув иглу. Вместо ваты со спиртом прижал место прокола большим пальцем, и я знала, что, когда он уберет руку, не останется ни царапины, ни кровоподтека. Но он не убирал. — Дело в том, что ваш рассказ, как бы странно ни звучал, объяснил все то в вас, что прежде я объяснить не мог.

— Например?

— Помимо того, что вы помнили прежнюю реальность? Единорог. Его интерес к вам. Ваша первая встреча. Помните, я просил вас описать свои чувства и ассоциации? Когда речь заходит о чем-то приятном, знаете, что должна сказать любая студентка академии магии? Что они, собственно, и говорят — те девушки, что помогают в исследованиях теоретикам из научного отдела?

— Магия? — я вспомнила, как энергия «облачка» наполняла меня и как колола пальцы собранная в подпространстве трава. Прикосновение к шерсти единорога дарило похожие ощущения.

— Магия, — кивнул Грин. — Вы даже не вспомнили о ней. Вы не считаете эту силу своей, не чувствуете ее.

— Не чувствовала, — поправила я.

Отняла у него руку, опустила рукав и, протянув над столом ладонь, разожгла огонек. Скатала пальцами в шарик, а затем позволила золотистому пламени вернуться ко мне, впитавшись под кожу.

— Это сложно, доктор. Но я разберусь. Сама. Не желаю больше быть вашей мышью.

— Я лишь хочу помочь, Бет. Пока не знаю как, но мы по-прежнему можем ходить к единорогу. К слову, леди Каролайн заходила и напомнила, что всегда рада видеть нас в посольстве.

— Вас, — не удержалась я от поправки.

— Против вашего присутствия она тоже не возражает.

Я ожидала другой реакции. Мог бы отшутиться, снова сказать, что слишком стар для прекрасной полуэльфийки...

— Мы закончили? — я поднялась из-за стола. — Я могу идти?

— Если не хотите остаться на чай.

— Спасибо, в другой раз.

Через пару дней. Или через неделю. Через год. А лучше никогда.

Но мы увиделись вечером того же дня, когда нашли Лидию.

Ее нашли в старом склепе. Стойкие эманации смерти, исходящие от кладбищенской земли, не хуже искажающих чар прятали от поисковиков свежий труп, но некроманты, работавшие в полиции академии, не зря ели свой хлеб и подозрительное эхо все-таки засекали.

Тело доставили в морг при лечебнице. Туда же, в лечебницу, отложив пергаментную книгу, в которой я успела написать всего страницу, прибыли и мы с Оливером и профессором Броком. Присутствие некроманта оказалось кстати: хотя у Крейга был свой эксперт, инспектор не отказался от консультации старого мастера.

Грина к вскрытию не допустили, но позволили произвести первичный осмотр тела, и он сразу же поделился выводами с ректором, а последующая necropsia лишь подтвердила их. Лидию задушили. Без применения магии, голыми руками. Способ убийства и кровоподтеки на коже несчастной выдавали обладателя недюжинной силы и больших ладоней. Судя по следам от ногтей, он подошел к ней со спины и был достаточно силен и высок, чтобы сжать шею бедной секретарши и приподнять Лидию над землей, судя по смещению позвонков...

— Вы уверены, что вам нужно все это слушать, мисс Аштон? — спросил, прервавшись, Грин.

— Уверена, — голос в отличие от рук не дрожал.

— Полагаете, убийца — мужчина? — уточнил Оливер, с которым целесообразность моего присутствия здесь мы обсудили раньше, чудом не разругавшись.

— Инспектор скажет наверняка. Но для дела предпочтительнее, чтобы это была женщина. Даму с подобной фактурой мы отыщем за пару часов.

— Вы и перед смертью будете паясничать, доктор? — раздраженно поморщился ректор.

— Обязательно, — заверил Грин. — Если только мне, как бедняжке Лидии, не сломают гортань.

— Он и после смерти будет, — добавил вошедший в кабинет заведующего Крейг. — Если такую вот штуку ему под язык не воткнут.

Иногда у инспектора получалось появляться донельзя эффектно. И реплики его ладно цеплялись к предыдущему разговору, и хирургический лоток, накрытый салфеткой, интриговал и притягивал взгляды.

Крейг поставил лоток на стол и жестом фокусника сдернул салфетку.

— С убийством гад без магии управился, а вот на эту вещичку чары наведены интересные. Ежели отследим...

— Ничего не узнаем, — закончил заглянувший в лоток Оливер. — Это булавка самой Лидии. Она прикалывала ее к воротничку, я заметил еще в первый день.

— Защита от проклятий? — заинтересовался Грин.

Шагнул к столу одновременно со мной, но в последний миг притормозил, пропуская вперед с шутовским поклоном, и тоненькую серебряную булавку с круглой головкой я увидела раньше него. Сразу — ничего особенного, но, если присмотреться, заметны опутывавшие булавку паутинки силы.

— От всего понемногу, — ответил ректор. — От сглаза, как говорят обыватели.

— Да, — поморщился Крейг. — Угодила убийце. Серебро, еще и заговоренное! Ее теперь и некромантский ковен не дозвется.

Библиотекарь снова нас обошел. Пускай и не было никаких подтверждений, что смерть Лидии — его рук дело, но я и без доказательств не сомневалась. И, видимо, не только я.

— Зачем Лидия приходила в посольство, выяснили? — спросил Оливер Крейга.

— Выяснишь тут, — вздохнул старик. — Пенни требовала... Леди Пенелопу. Говорил я с ней, ничего не понял. Она и сама не поняла.

— Я видела Лидию в тот вечер, — сказала я. — Она спрашивала леди Райс, думала, что та что-то знает, но мы не поняли что...

— «Мы»? — переспросил Оливер. — Кто еще там был?

— Я, Сибил, лорд Грайнвилль, леди Каролайн, ее подруга Анет. Саймон... То есть мистер Вульф.

— Саймона спрошу еще, — без надежды на успех решил инспектор. — С матушкой его пообщался уже, она с Пенни к воротам выходила. Леди наша сурова бывает, что там Лидия лопочет, слушать не стала, а Аделаида успокаивала горемычную. Домой отсылала, обещала к хорошему доктору сводить.

— Мисс Милс заходила ко мне в понедельник, — кивнул Грин, на которого полицейский посмотрел на последних словах. — Спрашивала, не возьмусь ли я осмотреть некую ее знакомую, страдающую повышенной возбудимостью.

— И вы только сейчас говорите?! — разозлился Оливер. По-настоящему разозлился: от него потянуло колючим холодом, я отшагнула назад, а Крейг машинально выставил вперед ладонь с подогнутым безымянным пальцем — незаконченная фигура, но хватит секунды, чтобы завершить защиту.

Один целитель остался невозмутим.

— Во-первых, я понятия не имел, о ком идет речь, — ответил он. — Во-вторых, что бы вам это дало?

И быстро добавил несколько слов на эльфийском.

Оливер посмотрел на меня и отвернулся. Когда повернулся опять, раздражение исчезло из его взгляда, спряталось под завесой искусственного спокойствия.

— Простите, — проговорил он ровно, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Расходиться пора, — вывел Крейг. — Вы мне только потом, мисс, записочку про это все набросайте, своими словами, без протоколов. Вам,

чай, и так сегодня крови хватило.

— Кстати, как чернила? — поинтересовался Грин. Он что-то добавил в кровь, чтобы предотвратить свертывание и обеспечить жидкости нужную консистенцию.

— Спасибо, пишут.

— А как вам само занятие?

Не знаю, на какой ответ он рассчитывал, но я пожала плечами:

— Обыденно. Вы же сказали: чернила. Я отношусь к этому так же.

Зачем создавать лишние проблемы, когда с теми, что есть, разобраться не получается? И это я не только о крови.

На улице уже стемнело, накрапывал мелкий дождик, но Оливер тем не менее предложил прогуляться.

— Хочу извиниться за то, что там произошло. Я вас напугал?

— Не только меня, — улыбнулась я, надеясь обернуть все шуткой. — Инспектор почти сплел щит.

— Щит? Вы видели?

— Не плетение. Начальную фигуру. Вот такую.

Я повторила жест Крейга.

Ректор неожиданно рассмеялся. Только веселья в этом смехе не было: горечь, обида, затаенная злость — что угодно, кроме веселья.

— Постоянно забываю, что вы лишь третьекурсница. Это не защита. Начальная фигура универсального щита выглядит немного иначе, — он взял меня за руку и погладил ладонь, заставляя распрямить пальцы. Осторожно согнул безымянный и отвел в сторону большой: — Вот это — защита. А то, что показывали вы, — подготовка к ментальному удару. Ледяной душ для разгоряченных мозгов. Думаю, помогло бы. Но мы бы сейчас не гуляли.

— А что бы мы делали?

Глупый вопрос, но я растерялась. От эмоций, которые он в кои веки не скрывал, от того, насколько устало звучал его голос.

— Не знаю, — Оливер устроил мою ладонь на своем предплечье и неспешно зашагал по дорожке, увлекая меня за собой. — Наверное, вас провожал бы кто-нибудь другой, а я отлеживался бы в лечебнице.

— Инспектор не стал бы... — начала я, но умолкла под изучающим взглядом мага.

— Третьекурсница, — со странной улыбкой подвел он итог осмотру. — Инспектор Крейг — милейший человек, этаким общим дядюшка. Доктор Грин — целитель, чей главный принцип — «Не навреди».

Но и тот, и другой недолго думали бы, если бы я потерял контроль.

Я бы поинтересовалась, что сказал Грин, чтобы заставить Оливера успокоиться, но тему пора было сменить. Ректор подумал так же.

— Как продвигается славное дело возрождения «Огненного Черепа»? — спросил он.

Ответа у меня не было. Зато я вспомнила, что так и не поблагодарила милорда Райхона за помощь с подписью, и, пользуясь случаем, исправила эту оплошность. После поблагодарила еще и за пирожное. Потом справилась о самочувствии его племянника...

В общем, не получалось у нас говорить не о делах.

— Знаете, Элизабет, я подумал, что не стоит затягивать с книгой.

— Хотите, чтобы я сейчас...

— Нет, конечно, — он успокаивающе погладил меня по руке, словно опасался, что я вырвусь и убегу. — Завтра. Я не умаляю значимости вашей учебы, но...

— Книга важнее, — закончила я. — Буду у вас к восьми. Если нужно, то раньше.

— Позже. В восемь у меня назначена встреча с деканами факультетов. Приходите к десяти. Выспитесь, позавтракаете...

Так я и сделала: выспалась, сходила в столовую, а оттуда уже пошла в ректорат с твердым намерением дописать сегодня кровавую книгу и хоть с одним делом покончить.

Но у судьбы, как обычно, имелись иные планы на мой счет.

В порядке исключения в этот раз внесенные фортуной коррективы мне понравились. До восторженного визга в самом прямом смысле.

ГЛАВА 47

Визжала я громко, но, на счастье окружающих, недолго. Подлетела к перекрывшему дорожку мужчине, повисла на шее, прижалась щекой к пропахшему столичным смогом и сигарами пальто, провела пальцами по лацкану, чувствуя, как приятно щекочет подушечки мелкий рубчик габардина...

Лишь на миг кольнуло упреком: не тронь, не твое. Но было задавлено тут же сметающей все нежностью: мое. Мое, родное, любимое, как-же-сильно-я-соскучилась!

— Помогите, душат, — притворно прохрипели мне в ухо. — Покушение на первого помощника канцлера.

Если охрана и выскочит из кустов, то только моя, но и это вряд ли: о приезде отца я наверняка узнала последняя, куда позже ректора, инспектора и прочих заинтересованных лиц.

— Откуда ты тут? — радовалась я, все еще не веря, что это действительно он. — Мама писала, вы не вырветесь раньше апреля.

— Тс-с! — лорд Арчибальд Аштон, освободившись из захвата дочерней любви, прижал палец к губам. — Маме ни слова! Она такого не простит. Я был по делам неподалеку... каких-то двести миль... Увидел порталную станцию...

— Это же жутко дорого! На такое расстояние!

— А как после этого мутит, — пожаловался отец. — Представляешь, какой был бы конфуз, если бы меня стошнило в кабинете твоего ректора?

— Ты был у ректора? — заволновалась я.

— Естественно, был.

Он отстранился, тряхнул густой платиновой гривой, и я в который раз залюбовалась им: высокий, широкоплечий, эльфийская кровь и сильный магический дар даже к пятидесяти пяти годам не позволили морщинам изрезать красивое лицо, голубые, как и у меня, глаза молодо блестели, а взгляд их до сих пор смущал романтических дев, что не раз давало маме повод устроить профилактическую сцену ревности.

— Знаешь, Элси, — продолжил он, настораживающе серьезней, — я озадачен. Обычно наши беседы с милордом Райхоном проходят в ином ключе. А сегодня он так тебя расхваливал. И улыбался. Улыбался и улыбался. В последний раз мне так улыбался Колин Крайфор, когда просил твоей руки.

— Что? Я... Я не знаю никакого Колина Крайфора!

— Вот и я так подумал, — улыбнулся отец. — Ты его не знаешь, он тебя не знает, на кой он тебе сдался со своими залежами коксующегося угля и родословной на три тома? Традиции дворянских браков, чтоб их... Да и уголь у него так себе. Но с ректором-то что случилось? Вернее, что с тобой случилось, малышка?

— Я перевелась на другую специальность! — отрапортовала я бодро.

— Это я знаю. И то, что за месяц ты сдала экзамены за три курса.

— Еще не все, но я стараюсь.

О том, как я сдавала экзамены, отцу, по-видимому, не сообщили, и я этого тоже делать не собиралась.

— Милорд Райхон сказал, что после занятий ты работаешь.

— Да, — все так же воодушевленно закивала я, предоставляя родителю самому сказать, кем я работаю по версии милорда Райхона.

— Протоколистом комиссии по чрезвычайным происшествиям, — закончил он.

— Протоколистом, — кивнула я снова. Не люблю его обманывать, да это и не так просто, а протоколист — практически чистая правда.

— И чем же занимается эта комиссия?

— Чрезвычайными происшествиями.

— Например?

— Например, на днях несколько студентов ввязались в городе в драку... — По взгляду отца поняла, что он об этом случае знает, возможно, от того же ректора, и продолжила уже увереннее: — Это несправедливо. Законы защищают немагов от магов, а как же наоборот? Почему принято считать, что тот, кто сильнее, тот и виноват? Что же, тем парням нужно было ждать, чтобы их избили, но не использовать силу?

— Элси, мы не обсуждаем несовершенство законодательства, хоть в чем-то ты и права. Мы говорим о тебе. Ты вдруг решила сменить факультет, вдруг стала демонстрировать успехи в том, чем прежде не занималась. Непонятно почему тебя берется курировать леди Райс.

— Кому еще поручить заботу о единственной наследнице самого лорда Аштона? — попыталась отшутиться я.

— Не думаю, что леди Райс взяла тебя потому, что ты моя дочь.

Мнение о наставнице отец явно составлял не с чужих слов.

— Из-за этого она, скорее, мне отказала бы, — подтвердила я. — Но я убедила ее, что буду хорошей ученицей и мне не нужна ничья протекция.

— Так дело в этом? — нет, он не нахмурился, лишь на миг обозначилась между бровями озабоченная складочка и тут же исчезла. —

Хочешь доказать всем, что способна сама проложить себе дорогу в жизни?

— Не всем, — проямлила я неуверенно. — Скорее, самой себе.

— Разве до этого тебе что-то не удавалось? Не я сдавал за тебя экзамены два года, Элси, не я проходил практику.

— Это совсем не то. Раньше все казалось игрой. А теперь я нашла себе настоящее дело, и оно мне нравится. Все, чем я сейчас занимаюсь, мне нравится. Надеюсь, ты это поймешь.

— Постараюсь, — проговорил отец, обдумав мой ответ. — Если расскажешь, что скрывается за словами «все, чем я занимаюсь». Мне кажется, целительским факультетом и работой это не ограничивается.

Узнаю любимого папочку. Думай теперь: то ли вправду что-то заподозрил, то ли забросил крючок наугад. Будешь думать слишком долго — наверняка поймет, что от него что-то скрывают.

— Лорд Аштон! — Оливер, как и положено герою, появился, когда меня пора было спасать. — Доброе утро, Элизабет, — поклонился легко и вновь обернулся к отцу. — Приношу свои извинения за то, что сразу не смог уделить вам должного внимания. Но сейчас я уже свободен и хотел бы пригласить вас на обед. Вас с дочерью, конечно же.

Лицо отца, мгновение назад такое живое, закаменело, а глаза подернулись пленкой прозрачного льда. Рука потянулась за часами.

— Девять пятьдесят. Не рановато для обеда, милорд Райхон?

— Простите, — ничуть не смутился ректор. — Мой рабочий день начинается рано, порой теряю счет времени. Тогда завтрак? Или просто кофе?

— Кофе вы меня угощали полчаса назад, — холодно напомнил лорд Арчибалд. — Тогда же я сказал, что у меня есть лишь три часа, которые я желал бы провести с дочерью. Был уверен, вы меня поняли.

— Я вас понял, — ответил Оливер, не теряя самообладания. Обычно подобный тон первого помощника канцлера заставлял людей спешно прощаться, а то и сбегать без прощания, но ректор даже улыбнулся: — Простите эту маленькую уловку. У меня не так много развлечений здесь, надеялся, удастся приобщиться к приятной беседе в приятном обществе. Хитрость не удалась, так что не стану более отнимать у вас драгоценное время.

— Уж сделайте милость, — проворчал отец, недовольный тем, что и его уловки не дали должного эффекта.

— Всего доброго, — откланялся ректор.

— Каков наглец! — лорд Аштон смотрел ему вслед чуть ли не с восхищением. — Ты слышала, хотел развлечься за наш счет? И улыбается

опять. Я и не знал, что он это умеет.

— У человека хорошее настроение, — отмахнулась я. — А ты и правда всего на три часа?

Попытку Оливера избавить меня от расспросов наедине я оценила, но, если времени так мало, хорошо, что его задумка не удалась. А с расспросами разберусь как-нибудь.

— Увы, — отец виновато вздохнул. — Но надеюсь, мы все-таки успеем поговорить. Обо всем.

Делать было нечего, и я ему рассказала. Все. Умолчала только об искажениях реальности. И о пропавших студентах. И о том, что Джереми Адамс пытался перерезать мне горло до того, как проделал это с собой. Ну, и еще некоторые вещи утаила.

Небо хмурилось, морщилось тучами, грозило разразиться дождем, но сдерживалось пока, позволяя нам бродить по аллеям академгородка. После кабинетной работы отцу прогулки были в радость, а я радовалась уже тому, что он рядом. Главное — не дать ему понять, что от него что-то скрывают. Поэтому начала издалека. Повела о перипетиях своего перевода на целительский. Первый разговор с леди Пенелопой и показательную сборку мозгов живописала в красках. О лечебнице рассказывала с искренним энтузиазмом. О работе докторов, обходах и осмотрах. О нестрашном морге и мерзостном хобби доктора Кленси. О раненом эльфе.

На эпизод с операцией я возлагала особые надежды. Отец ищет, за что подозрительное зацепиться? Вот, пожалуйста: арбалетный болт в груди посла. Подозрительно? Еще как! Имеет ли отношение ко мне? Конечно нет.

Задумка успехом не увенчалась. Находчивость и таланты Грина родителя впечатлили, а сама история оставила равнодушным. Во-первых, о происшествии он уже знал, во-вторых, как заметил вскользь, проблемы эльфов — это проблемы эльфов, и делать их своими опасно для психики. Немного пообщавшись с длинноухими, я была полностью согласна с данным тезисом.

Заговорив об эльфах, нельзя было не вспомнить единорога. А рассказав о единороге, как не похвастать личным знакомством с послом и его дочерью?

— Она тебе не нравится? — перебил рассказ мой во всех смыслах замечательный отец. — Леди Каролайн?

— Она странная. Пытаешься воспринимать ее как человека, как девушку и свою ровесницу, а натыкаешься на эльфийские заморочки.

— Она не совсем человек. И не твоя ровесница. Каролайн родилась за год до того, как я закончил академию. Сейчас ей тридцать один.

— Шутишь? Она же только на пятом курсе учится.

— А куда ей торопиться? Мне бы век продлили, и я еще парочку специальностей получил бы.

Действительно, почему бы нет?

— А ты не знаешь, кто ее мать? И где она сейчас?

— Понятия не имею, — ответил отец, неприязненно морщась. — Ветреная была особа. Иллюзионистка... Мы же не будем сплетничать?

— Будем, — закивала я. Заодно отвлечемся от обсуждения моей персоны.

— Некрасивая история, — он снова поморщился. — Девица поспорила с подружками, что сумеет окрутить эльфа. Понятия не имею, чего она хотела добиться, но добилась того, что провела с ним ночь и забеременела. Полагаю, не случайно. Возможно, думала, что он на ней женится. Он не женился, но и от ребенка избавиться не позволил. В результате эта особа родила девочку, получила от ее отца солидную денежную компенсацию и уехала, бросив учебу.

— Может, он вынудил ее уехать?

— Ты слишком хорошо думаешь о людях, малышка. Или слишком плохо — об эльфах. И к леди Каролайн, мне кажется, относишься предвзято. Я верю, что у нее есть определенные странности, но попробуй поставить себя на ее место.

Ой, нет, мне и на своем проблем хватает.

— Думаю, ей в самом деле хотелось бы с тобой подружиться, — добавил отец. — Она же пригласила тебя на «Крылатый».

Как и ожидалось, от разговора о после и его дочери мы перешли к истории моего падения и спасения. Я с удовольствием расписала бы случившееся в деталях, уделив особое внимание героизму милорда Райхона, но пришлось представить происшествие как нечто заурядное и не стоящее волнений. Я купила артефакт-недоделку, нечаянно задела защитную сеть корабля, перильца сломались и я упала, но ректор меня тут же поймал, так что я и испугаться не успела. А если интересно, что не так было с браслетом-артефактом, то инспектор Крейг объяснит лучше, потому что я в этом смысле мало и поняла только, что в следующий раз подобные вещи на эльфийские праздники надевать не стоит.

По ходу рассказа не забыла и о друзьях. Было бы подозрительно, не вспомни я о них, ведь прежде я первым делом вываливала новости о нашей компании, даже если новости эти ограничивались парой курьезов и тем, кто, что и кому сказал. А тут настоящие события: Сибил получила роль и встречается с милым некромантом, Норвуда взяли в полицию. Мэг? Ну, у

нее все хорошо, варит отвары и настаивает настойки. А Грайнвилль, оказывается, обладает редким даром и дружит с единорогом.

Но друзья отца все же не интересовали, и я решила открыть ему настоящую тайну — рассказала об «Огненном Черепе».

Лорд Арчибальд отнесся к моему новому увлечению не только с пониманием, но и с одобрением. Хорошая физическая форма еще никому не помешала, как и умение сдерживать силу.

— Порадуй меня и скажи, что ты побила всех тамошних девчонок.

— Не всех, — признала я с сожалением. — У меня было всего четыре боя. Два я выиграла. Один проиграла. А еще один пришлось прервать, но мы к нему еще вернемся, и победа будет за мной. Я же тренируюсь и, Саймон говорит, делаю успехи...

— Саймон? — строго переспросил отец.

— Мистер Вульф. Но он уже не мой куратор, а во время спаррингов удобнее обращаться по имени. Что в этом плохого? У нас прекрасные отношения, почти дружеские. Саймон — замечательный учитель, так что скоро я и правда всех побью.

— Хороший учитель, говоришь? — смягчился родитель. — Значит, правильно, что на некромантию не пошел.

— На некромантию? — удивилась я. — Зачем?

— Снова сплетничать будем?

На самом деле это не сплетни. Конфиденциальной или непроверенной информацией отец не делился бы даже со мной. Зато под настроение из него можно было вытащить много чего интересного: по долгу службы и просто так, для себя, папочка знал почти всё и почти обо всех, а тем более о тех, с кем учился когда-то в академии.

С мисс Милс они даже один факультет оканчивали, только она — на три года раньше и сразу поступила в аспирантуру. Когда отец перешел на последний курс, мать Саймона уже читала свои три часа в неделю у младших курсов. И встречалась с некромантом. По словам отца, странной они были парой. Он первый красавец выпуска и разгильдяй, а она страшненькая отличница (правда, с неплохой фигурой). Она помогала ему с диссертацией, а он пугал ее соседок по общежитию, регулярно устраивая им ночные побудки фейерверками и серенадами в исполнении свежих зомби. Сплошная романтика.

На балу в честь окончания очередного учебного года он сделал ей предложение, а через неделю после этого погиб, сорвавшись с купола обсерватории, куда неизвестно зачем полез во время грозы. А через месяц мисс Милс узнала о пожаре в родительском доме. Но все же она не

сломалась и смогла сохранить сына. Не то что некоторые.

Я сбилась с шага. Крепко обхватила руку отца, ткнула носом ему в плечо и глубоко вдохнула, запахом сигар и большого города окуривая мысли, изгоняя из них видение покореженного автомобиля, втоптаных в грязь цветов, белых больничных стен и алых пятен на простынях...

— Элси?

— Прости. Я такая сентиментальная. Саймон говорил, что мать хотела, чтобы он выбрал другую специальность. Но не всем же идти по стопам отцов?

— Тебе по моим точно не нужно, — улыбнулся первый помощник канцлера. — Суета. А Саймон, как я знаю, утешил матушку изучением некромантии факультативно. Профессор Брок рассказывал как-то.

— Ты и с Брокком знаком?

— Я со всеми тут знаком, — заявил отец снисходительно. — Это ведь и моя академия. И должен же я знать, кто и чем здесь занимается и на что идут мои деньги?

Интересуйся я этим прежде, давно расспросила бы его обо всем, и теперь многое не было бы для меня сюрпризом. Но сейчас не время удовлетворять любопытство, а воспоминания отца о библиотекаре, если они и были, остались в другой реальности.

— Элси, — он убрал в карман часы, отсчитывавшие минуты до нашего прощания, и посмотрел мне в глаза. — Не хочу обижать тебя недоверием, но мне кажется, ты не до конца откровенна. Я чувствую, что с тобой что-то происходит, малышка, а твое нежелание делиться этим заставляет подозревать какие-то жуткие вещи. Прежде между нами не было тайн.

— Прежде не было.

Я опустила глаза, уже зная, какими будут мои следующие слова. Это многое объяснит, но ближе мы уже не станем, потому что я давно не та девочка, для которой он делал качели на яблоне... Я вообще не та девочка, как ни хотелось бы верить в обратное...

— Папа, я... Я влюбилась.

— Эм-м... — Он настраивался на другое признание, на что-то действительно жуткое, но и это известие его напугало и сбilo с толку. — Сейчас я особенно пожалел, что не взял с собой маму. Даже не знаю, что говорить.

— Ничего, — сказала я тихо. — Не о чем.

— Ты... То есть вы...

— Да, — кивнула я. — В смысле, нет. Между нами ничего нет. Мне кажется, я ему нравлюсь, но, возможно, мне это только кажется.

— Хорошо, — отец выдохнул с облегчением, но, взглянув на меня, тут же напустил на себя озабоченный вид. — Плохо, конечно. Ты же, наверное... э-э... страдаешь?

Теперь уже я расслабилась и искренне, хоть и не без горечи, рассмеялась:

— Страдать мне некогда. У меня учеба, работа, тренировки и единорог. Я слишком занята для подобной ерунды.

— Понятно, — лорд Аштон спешно пересматривал свои выводы относительно произошедших с дочерью перемен. — Может, так и лучше. Я видел немало девиц, которые сходили с ума от надуманной любви, потом беременели и выскакивали замуж за кого попало... Прости...

— Не извиняйся. Я тоже таких видела.

— Наверное, я должен спросить, кто он?

— Честный и достойный человек.

— Воплощенная добродетель без недостатков? — нахмурился родитель, вновь заставив меня улыбнуться.

— Все-таки не веришь, что я не сошла с ума? Есть у него недостатки, как и у всех.

— Например?

— Он не владеет залежами коксующегося угля.

Отец шутки не оценил.

— Он целитель? — задал вопрос в лоб.

— На целительский я перешла не из-за него, если ты об этом. И не нужно расспросов. Пусть лучше между нами будут тайны, чем обман.

— Элси...

— Папа, не обижайся, я и так сказала больше, чем собиралась.

— А я узнал больше, чем хотел, — вздохнул он. — И меня это не успокоило.

— Ты в любом случае будешь волноваться за меня.

— Буду, — он обнял меня и с нежностью поцеловал в лоб. — Я не готов к тому, что в твоей жизни появится еще один мужчина.

— Тебя он не заменит.

— Надеюсь. Но все же обидно... Обидно, что и тут с углем не повезло...

От порталной станции, где простилась с отцом, пошла напрямик в главный корпус: работа — лучшее средство от лишних мыслей и переживаний. И от безумия, хотелось верить, если только я уже не сошла с ума, заблудившись в своих-чужих чувствах и воспоминаниях,

перепутавшихся так, что уже не разобрать, когда это было, было ли, со мной ли. И вопрос, кто я такая, все еще актуален, как сказал Грин, о котором я тоже не хотела сейчас думать.

Я — это я. И мне срочно нужно заняться чем-нибудь полезным и утомительным.

Пролетела, не здороваясь, мимо солнышка в приемной и ворвалась в кабинет ректора.

— Элизабет? — он встревоженно вскочил из-за стола. — Что случилось?

— Кто-то изменил реальность, поджег моего друга, едва не отправил на тот свет вашего племянника, задушил Лидию... Продолжать?

— Кофе? — что-то поняв, предложил Оливер.

— И книгу. Если начну сейчас, к вечеру закончу.

— Вы уверены?

— Если не буду отвлекаться.

— Нет, вы уверены...

Что хочу заниматься этим сейчас — об этом он собирался спросить. Я молча кивнула. И убедилась в очередной раз в том, что Оливер Райхон — мужчина-мечта. Понимает без слов, варит вкусный кофе и готов снабжать шоколадом в неограниченных количествах — что еще нужно для счастья?

В следующие два часа я успела написать пять страниц, а в кабинете ректора за это время собралась в полном составе чрезвычайная комиссия. Не знаю, позвал ли их Оливер, или они сами явились, ведомые общим предчувствием, но факт оставался фактом: пришли, расселись вокруг, пили кофе, что-то обсуждали, подходили время от времени к столу, заглядывали мне через плечо и даже пытались вносить какие-то предложения по тексту, который мы давным-давно согласовали, — в общем, отвлекали как могли. С корректировками особенно усердствовал Гриффит. Видимо, профессиональное. Смысла его поправки не меняли, но, если бы ректор, заметивший мою страдальческую гримасу, не осадил его тактично, правовед уточнял бы формулировки до бесконечности.

Брока занимала кровь. То, как она ложится на пергамент, как расплывается от острия пера и впитывается в обработанную кожу. Если бы некромант макнул в чернильницу палец, а после его облизал, я не удивилась бы.

Леди Райс окружила меня заботой, и вырваться из этого окружения не было ни малейшего шанса. Наставница то и дело интересовалась, не устала ли я, не проголодалась ли, не хочу ли чая и не много ли ем шоколада.

— Я ужасная сластена, — призналась я со смиренной улыбкой после очередного упрека. — Лучше пожертвую фигурой, чем откажусь от конфет.

На это леди Пенелопа ответила, что мою отощавшую фигуру и низшие демоны в жертву не примут, и требовала у милорда Райхона «нормальную еду для девочки». Впрочем, пользы от целительницы было больше, чем от остальных. Увидев, как я, отложив перо, разминаю пальцы, она подошла и накрыла мою руку ладонью.

— Не выше второго, — предупредила коротко.

Так же, в одно касание, смахнула усталость с моих век.

Мисс Милс тоже была, но ее присутствия я почти не ощущала. Она лишь в самом начале спросила, может ли чем-то помочь, а получив отрицательный ответ, скромно присела в сторонке. Заговаривала время от времени с другими «чекистами» или делала пометки в ежедневнике.

Зачем они собирались, я не поняла, но примерно через час все дружно попрощались, оставив меня наедине с Оливером и недописанной книгой. После их ухода и новой порции кофе работа пошла быстрее, и без четверти десять я поставила последнюю кровавую точку.

Оливер завернул книгу в искрящую от наложенных чар ткань и убрал в сейф.

— Ну вот, — проговорил растерянно. — Мы сделали всё, что могли.

— Не всё, — покачала я отяжелевшей головой.

— На данном этапе, — исправился он. — Вы устали. Позволите? Я не целитель, но это одно из общих заклинаний...

Я с готовностью подала руку, но он взялся за нее лишь за тем, чтобы поднять меня с кресла и притянуть к себе. Бережно обхватил лицо ладонями, сжал легонько виски, провел пальцами по векам, заставляя закрыть глаза... и отпустил. В голове осталась прохладная легкость вперемешку с сумбурными мыслями.

— Лучше?

— Да, спасибо.

Но на прогулку сил не было, и он доставил меня к общежитию порталом.

— Не ходите завтра на занятия, — сказал, задержав мою ладонь в своей. — Отдохните.

— Я не собиралась на лекции. Думала зайти в лечебницу к леди Райс, у нее дежурство, а мне... — он стоял так близко и смотрел так пристально, что я начинала путаться в словах. И обманывать я не люблю. — Мне нужна консультация по нескольким вопросам...

— После зайдете в ректорат? Я буду свободен после полудня.

— Конечно. Я же ваш протоколист и работу никогда не прогуливаю. Шутка не удалась. Нужно было улыбнуться, наверное.

— Мисс Аштон, вам посылка, — не отвлекаясь от вязания, окликнула меня консьержка. На столе перед ней лежала толстая книга, перетянутая бечевкой.

— От кого?

Моя охрана наверняка ее проверила, но я все равно занервничала.

— Там записка, — безразлично отозвалась женщина.

Я вытащила вложенный под бечеву листочек. Развернула. Прочла. Снова сложила и зачем-то стала запикивать бумажку обратно, за что, судя по сердитому щелканью спиц, была мысленно обругана консьержкой. Сунула записку в карман, схватила посылку и припустила бегом в свою комнату.

Мэг лежала в кровати, но еще не спала.

— Снова книга? — приподнялась она, увидев мою ношу. — Когда ты их все прочтешь? Эта еще и толстенная!

— Это не книга. Это шкатулка.

Достаточно провести пальцем по срезу страниц, чтобы понять, что он цельный. Открывалась только обложка.

— Что это? — еще сильнее удивилась Мэг, глядя на извлеченное из шкатулки чудо.

Что-что... Папье-маше преимущественно. Глаза-бусинки, проволочный каркас и ткань. Ненужные проблемы — вот что это.

— Подарок. От друга. — Я поставила дракончика на прикроватный столик. — А ко мне сегодня отец приезжал, представляешь? Точнее, порталами пришел...

Я сменила тему, отвлекая подругу и от подарка, и от дарителя, а книгу-шкатулку убрала на полку. Положила внутрь голубой браслет и записку в два слова: «Он ваш. Э. Г.»...

ГЛАВА 48

Дракон улыбался. Смотрел с ехидцей, склонив набок увенчанную короной шипов голову.

— Тебе что-то не нравится? — спросила я у него.

Мне и самой не нравилось. Платье слишком нарядное для будней. Волосы уложены слишком тщательно. Розовая пыльца румян на бледных щеках, аромат духов: жасмин и фиалка, немного ванили, — все слишком.

— Я иду к леди Пенелопе, — сообщила я дракону. — Я и Оливеру вчера сказала, что пойду, и планы из-за тебя менять не собираюсь.

Мэг ушла раньше, и никто не мешал этому странному разговору. Но, как я ни старалась, убедить нахально лыбящегося ящера, что я собираюсь к наставнице, мне не удалось. Как тогда убедить себя?

Тем более зная, что это не так.

Настроение у погоды было такое же, как у меня. Когда я выходила из общежития, накрапывал мелкий дождик, но через пять минут он прекратился, и выглянуло солнце, а к тому времени, как я добралась в лечебницу, поднявшийся ветер снова согнал разбредшиеся по небу облачка в огромную темную тучу, накрывшую академгородок. Поэтому леди Пенелопа первым делом спросила, взяла ли я с собой зонт, а уже потом поинтересовалась, зачем я пришла. Ответ был придуман заранее: мне неинтересно заниматься в группе фармацевтов, и, если наставница не возражает, я продолжу учебу и подготовку к оставшимся экзаменам под ее чутким руководством. Наставница не возражала. Дала переписать свой новый график дежурств и откорректированное расписание занятий на факультете. И отправила обратно в общежитие.

— Учеба никуда не денется, Элизабет, — сказала она мне строго. — И экзамены вы сдадите. Но сейчас займитесь собой. Мне не нравится ваше состояние. Вы нормально спите? Завтракали сегодня? Уверена, что нет. Дать вам настойку для аппетита?

В результате я сама сбежала от заботливой целительницы и улепетывала так, что чуть не пролетела мимо кабинета заведующего. Возможно, так было бы и лучше, но я все-таки остановилась и постучалась. Не дожидаясь ответа, толкнула дверь.

Никого.

Вошла. На цыпочках приблизилась к столу, на котором заметила знакомый блокнот. Пролистать бы его, пользуясь случаем, не появилось ли

новых рисунков...

— Доброе утро, мисс Аштон, — послышалось за спиной.

Я виновато вздохнула: второй раз попадаюсь на проникновении, хоть, правда, без взлома.

— Доброе утро, доктор, — сказала, не оборачиваясь.

— Вы по делу или?..

— Поверите, если скажу, что случайно проходила мимо?

— Если вы этого хотите — поверю.

Смеется?

Я развернулась, готовясь к драконьей ухмылке, и опустила глаза, наткнувшись на серьезный взгляд.

— Я хотела... поблагодарить за подарок.

Поблагодарить и уйти. Ни к чему ему мои проблемы. А к единорогу можно ходить с Оливером. Даже нужно.

— Я освобожусь через час, — Грин будто бы отвечал на вопрос, которого ему не задавали. — Максимум через полтора. Если подождете, сможем прогуляться в посольство.

— Леди Пенелопа думает, что я уже ушла...

— Пусть думает. Посидите здесь.

— А если кто-то зайдет? Какая-нибудь... Белинда?

— Белинда со мной уже не работает, а дверь закрывается на ключ. Где кофе, вы знаете. А чтобы не скучать, можете почитать. — Из ящика стола он достал толстую книгу. — Думаю, вас заинтересует.

— Что это?

— Сказки.

О своем намерении попрощаться и уйти я вспомнила, когда он уже вышел. Не могла же я теперь сбежать, не предупредив?

Оставалось пить кофе и читать сказки.

Но прежде я заглянула в блокнот. В нем действительно появился новый рисунок: довольная кошачья морда на всю страницу.

— Не похоже, что ты голодаешь, — прошептала я, щелкнув нарисованную кошку по носу. В том, что это та самая кошка, и сомнений не возникло.

Затем нашла деву и единорога... и еще...

Захлопнула блокнот и взялась за книгу.

Это и правда были сказки. Точнее, легенды, рассказывающие о различных мирах и людях, там побывавших. Вряд ли сборник случайно оказался у Грина. И да, меня он заинтересовал.

Первая история повествовала о разорившемся купце, решившем

свести счеты с жизнью. Когда петля затянулась на его шее, человек потерял сознание и увидел себя бредущим в кромешной мгле. Потом перед ним забрезжил свет, и купец оказался на шумной рыночной площади. Он сидел на земле, вытянув вперед короткие культы ног, костлявые его руки цеплялись за одежды прохожих, дергали, привлекая внимание. Иногда ему кидали монету, иногда отталкивали в сторону. Кто-то ударил его тростью по голове, и, ощупывая место удара, он почувствовал под пальцами бугристый лысый череп, покрытый рубцами. Лицо же его, напротив, заросло почти до бровей густой бородой, и, судя по тому, как зудела кожа под грязным спутавшимся волосом, в бороде той расплодились обильно паразиты. Купца охватил страх, но об этом страхе тут же было забыто: чужие мысли и заботы заполнили разум. Он знал лишь, что должен просить милостыню, а после ползти куда-то, чтобы добыть еды, да еще успеть занять топчан в ночлежке, чтобы снова не коротать ночь на холодном земляном полу.

К счастью, веревка, на которой повесился несчастный, оборвалась, и он упал. От удара пришел в себя и возблагодарил богов за то, что жив. После своего путешествия он не искал уже смерти и не считал горе, постигшее его, непоправимым. Ведь он не был увечным старцем и мог еще выкарабкаться из нищеты.

В следующей истории говорилось о юноше, который во время тяжелой болезни провалился в иную реальность — туда, где был он могущественным правителем, имел несметные богатства и прекрасных наложниц, соперничавших за место у него в ногах. Трижды он попадал в тот мир и чувствовал себя его властителем. Когда же болезнь его стихла, дивные видения прекратились. Но юноша уже не желал прежней жизни, он хотел вернуться в ту, другую, хоть и был там лишь созерцателем: ему достаточно было, что он слышит хвалебные гимны и звон золота, ощущает вкус вина и нежность женской кожи...

Он перерезал себе вены. Успел ли он до смерти перенестись в иной мир и слиться сознанием с тамошней версией себя, легенда умалчивала.

Я прочла еще одну. И еще. И еще. Разные истории, но через все проходила красной линией общая мысль: в чужом мире ты лишь гость и не управляешь ни новым телом, ни новой судьбой. Грайнвилль говорил то же, и это было бы ужасно, если бы только попавший в подобную ситуацию человек осознавал ужас своего положения...

А Грин задерживался.

Он не пришел ни через час, ни через полтора. Вернулся через два. Почти через два с половиной. Остановился в дверях, взглянул удивленно,

словно не ожидал застать меня тут. Вслед за удивлением промелькнула в глазах обеспокоенность, но он все-таки подошел. Остановился намеренно близко.

— Снова экспериментируете, доктор?

— Проверяю.

Защита восстановилась, я теперь не испытывала тех неприятных ощущений, что больше месяца сопровождали каждую нашу встречу. Но теперь я знала, как это работает, и, если на секунду открыться, поборов протестующие инстинкты, ослабить щиты и коснуться упершихся в столешницу бледных пальцев...

— С ума сошли?! — он отдернул руку и отшагнул от стола.

— Тоже проверяю. Случай не слишком сложный. Кратковременное воздействие четвертого, максимум пятого уровня... Хотите кофе?

— Угу.

Он заметил свой блокнот, бросил на меня подозрительный взгляд, но ничего не сказал, а блокнот сунул в ящик стола. Взамен достал бутылочку из темного стекла, повертел в руках и отставил в сторону.

— Трое студентов пострадали на полигоне, — сказал, не дождавшись расспросов. — У одного перелом ребер, у двоих — ожоги. Простите, нужно было предупредить, что задерживаюсь.

— Нужно было, — согласилась я, разжигая спиртовку. — Не мечтала бы до последнего о единороге.

— Сейчас я свободен. Но вы, наверное, спешите? Милорд Райхон ждет?

— С чего вы взяли? — я отвернулась, сделав вид, что занята кофе. Да, я собиралась к Оливеру, но он не уточнял время.

— Догадался. Платье, прическа, новые духи. Не для меня же это все?

— Какой вы... догадливый, — я утопила в кофе три кусочка сахара и поставила чашку перед успевшим расположиться за столом доктором. — Вы правы, мне пора.

— Но вы хотели о чем-то поговорить.

— Неважно, — как ни странно, улыбка далась мне без труда. — Простите за беспокойство. И спасибо за сказки.

— У вас чернила на подбородке.

— Что? — не поняла я, слишком резким был переход.

— Чернила. Маленькое пятнышко справа.

Он достал платок, свинтил крышку у бутылочки, которую вынул до этого из ящика, и подошел ко мне. Спокойно, словно целыми днями только тем и занимается, что приводит в порядок неряшливых девиц, стер что-то с

моего лица.

— Не скажу, что оно вас портило, но у героя может быть иное мнение на этот счет.

Я стиснула зубы. Прощемила «благодарю» и пошла к вешалке за пальто. Сняла и, не оборачиваясь, вышла в коридор.

Останавливать меня никто не собирался.

— Милорд Райхон ждет вас, мисс Аштон, — пропело, заведя меня, неизменно радостное солнышко.

— Прекрасно, — буркнула я.

Посмел бы он не ждать. У меня же платье. И прическа. И духи. И чернил на подбородке уже нет.

— В зале для торжеств, — закончила секретарша, после того как я трижды безуспешно дернула закрытую дверь кабинета. — Выпускники факультета искусств закончили новое оформление и пригласили милорда ректора оценить работу.

— Ясно.

— Большая двустворчатая дверь в конце коридора, — подсказала девушка. — Налево от приемной.

— Может, еще карту нарисуете? — огрызнулась я.

Солнышко потускнело от незаслуженной обиды, и я почувствовала себя еще паршивее.

— Извините, — промямлила неловко. — Я... — Махнула рукой и отправилась искать большую двустворчатую дверь.

Я не бывала в зале для торжеств до реконструкции и не могла судить, что именно переделали искусники, но, судя по тому, как Оливер жал руку их декану и благодарил стоявшего рядом юнца, раздувавшегося при этом от гордости, что-то они переделали-таки, и, видимо, к лучшему. Но все же смотрелся зал уныло: паркет елочкой, темно-зеленая драпировка стен, скамейки из темного дерева в четыре ряда, разделенные узким проходом, трибуна на небольшом возвышении. Мандариновые деревца по углам и пианино не оживляли обстановку — они в нее просто не вписывались.

Если это — обновленный интерьер, страшно представить, что тут было раньше.

— О, Элизабет! — заметил меня ректор. — Здравствуйте.

— Добрый день, милорд. Господа.

— Жаль, что вы не успели к демонстрации, — глава академии обвел взглядом зал, давая понять, что я чего-то тут не вижу. — Но посмотрите на открытия.

— Будет еще лучше, — с жаром пообещал декан факультета искусств.

— Не сомневаюсь, — ответил на это заявление милорд Райхон.

Они обменялись еще парой взаимно-вежливых фраз, после чего искусники удалились, оставив нас с ректором в пустом зале.

— Тут мило, — сказала я, чтобы не молчать.

— Когда включаются иллюзии — да, — согласился маг. — Если хотите...

— Нет, не стоит тратить энергию артефактов. Посмотрю на открытии, когда будет еще лучше.

— Хорошо, — не спорил он. — Просто не знаю, чем еще вас занять. Дел у нас с вами сегодня нет.

— Я могу уйти, если не нужна.

— Нет, что вы. Я ничем не занят, и, если вы останетесь...

Будем бездельничать. Пить чай, есть шоколадные пирожные и говорить о всякой ерунде, смеяться, шутить. Было бы здорово, но я даже представить себе подобного не могла. Не с Оливером, зажатым до скрипа в тиски норм и правил.

Но можно попытаться. Предложить ему пойти в посольство? Или?..

— Сыграете что-нибудь? — я указала взглядом на пианино. — Вы обещали однажды.

— Я? — он растерянно оглянулся на инструмент. — Наверное. Но... давайте в другой раз?

— Давайте, — вздохнула я.

Иногда он позволяет себе расслабиться, поднимает забрало и показывает истинное лицо, к слову, довольно симпатичное. Но сегодня не тот день.

— Впрочем... — ректор посмотрел на мою кислую физиономию, потом — на закрытую дверь. — Почему бы не сейчас? Правда, музыкант я так себе...

Поскромничал.

Играл он великолепно — не мог иначе. Он же идеал, и все, что он делает, должно соответствовать гордому званию... Но когда зазвучала музыка, я уже не думала о таком. В конце концов, этот его талант придумала не я. Я и представить не могла грозного мастера темных материй в роли одаренного пианиста. И это было замечательно. Прекрасно, как и поднимающаяся к потолку мелодия — та самая пастушья песенка, которую он насвистывал на ключах. Но теперь к свирели пастушка добавилось эхо окружающих пастбище гор, звон ручьев, щебет птиц, протяжная песня заблудившегося в ущелье ветра... Хотелось закрыть глаза

и раствориться в нарисованной звуками картине. Но тогда я не видела бы лица музыканта, его взгляда, иногда обращающегося ко мне, задумчивого и мечтательного, его пальцев, парящих над клавишами, казалось, едва касаясь их, а без этого невозможно было до конца почувствовать и понять...

Но я и так не поняла. Слишком тонко, слишком неуловимо.

Когда прозвучал последний аккорд, я еще несколько минут вслушивалась в тишину, надеясь, что меня вот-вот посетит озарение, но этого не случилось: Оливер Райхон остался для меня загадкой.

— Сыграйте еще, — попросила я.

— Нет, — он поднялся. — Теперь ваша очередь.

— Моя? — опешила я.

— Вы говорили, что учились когда-то. Не может быть, чтобы все забылось.

— Забылось, — закивала я, но меня уже усадили на стул. — Милорд, я...

— Уверен, вы вспомните.

И это будет последней каплей в наших так и не начавшихся отношениях. Издевательств над своим слухом, в отличие от хвоста, он мне не простит.

— Вы сами напросились, — предупредила я.

Учили... Чему же меня учили? Не сутулиться, не болтать ногами... Каким-то гаммам. Отец демонстративно затыкал уши, не обращая внимания на то, как мама шикает и дергает его за рукав... Это в этой жизни. В другой у нас и пианино дома не было, но был музыкальный класс в школе и добросердечная Машка, учившая всех желающих играть «Собачий вальс», а особо «одаренных» — «Лунную сонату». Еще «К Элизе»... Элизабет...

Партию правой руки я худо-бедно помнила, а попытавшись взять аккорд, сфальшивила. Дважды. Поморщилась и сыграла с самого начала только правой и лишь первые такты. Умудрилась не ошибиться, но как же это было убого!

— Элизабет...

— Знаю, это ужасно. Простите.

Я встала и закрыла крышку пианино. Погладила отполированное дерево.

— Вам не за что извиняться, — пальцы Оливера словно невзначай коснулись моих. — У вас определенно есть слух, чувство ритма... и... что-то еще... Что-то, что отличает вас от других. Магия, которая спит в вас.

Ваше бессилие. Это так...

— Жалко? — выдохнула я.

— Трогательно, — с нежностью, от которой у меня перехватило дыхание, мужчина погладил меня по руке и, сжав мою ладонь, уже не думал отпускать. — Вы кажетесь такой хрупкой, что порой хочется...

Не договорив, он медленно подался ко мне, и я почувствовала его горячее дыхание на своих губах...

И наваждение схлынуло. Сердце, замершее на несколько долгих мгновений, забило снова, быстрее и быстрее, разгоняя по венам вскипающую от злости кровь. Я резко отвернулась, и губы мужчины ткнулись мне в висок.

— Простите, милорд. Это... не то, что вы думаете.

От удивления он отпустил мою руку, и я, не теряя времени, бросилась к двери. Чем раньше уйду, тем лучше.

— Элизабет!

— Простите, — извинилась я снова.

Растерянный и обескураженный моим бегством, он был так мил, так непохож на себя обычного... И это добавило мне решимости.

Ненавижу, когда мною манипулируют! Даже из лучших побуждений. Я не знала, что сделаю, но спустать подобное не собиралась.

Погода тоже определилась с настроением. Солнце притаилось за тучами, прячась от разбушевавшегося ветра. Темное небо сердито ворочалось и, когда-нибудь, вниз срывались мелкие капли. Но, даже начнись ливень, я не повернула бы к общежитию.

— По-вашему, это смешно, да? — спросила я со злостью, ворвавшись в кабинет Грина. — Невысокого же вы обо мне мнения, если думали, что я ничего не пойму!

— А вы обо мне, очевидно, слишком высокого, раз считаете, что я сейчас что-то понимаю, — отозвался доктор.

— Чернила у меня на лице, да?! — я стукнула кулаком по столу. А могла бы и по чьей-то физиономии.

— Успокойтесь, Бет. Нет у вас на лице чернил. Было маленькое пятнышко, но...

— Издеваетесь?! Чем вы меня намазали?

— Вы об этом? — он достал знакомую бутылочку. — Это лосьон. Увлажняющий. Раствор для дезинфекции рук сушит кожу, поэтому держу на всякий случай.

— Лосьон? — я проскрипела зубами, из последних сил сдерживаясь. — Так это из-за лосьона Оливер Райхон вдруг полез ко мне с

поцелуями?!

Он не применял телекинез, только поднял глаза, но меня как будто отшвырнуло от стола. А лучше бы вообще вынесло прочь из кабинета. Но нет...

— Во-первых, мисс Аштон, — он поднялся с кресла, — использование приворота запрещено. Да, я предлагал вам его, но лишь затем, чтобы понять, как далеко вы готовы зайти в своем стремлении спасти мир. Во-вторых, — Грин сделал шаг в мою сторону, а я, пятась, два к двери, — если бы я и решился пойти против закона и собственных принципов, не сделал бы этого без вашего согласия. В-третьих, — он продолжал приближаться, но мне некуда было уже отступать: дверная ручка уперлась в поясницу, — даже захоти я осчастливить вас без вашего ведома, я выбрал бы более подходящий момент, а не отправил бы вас намазанную, как вы выразились, через всю академию, чтобы все встречные мужчины увязались за вами, как кобели за... хм... И в-четвертых, — он стоял уже совсем рядом. Даже не на расстоянии вытянутой руки — ближе, намного ближе, — я понимаю, что вы не слишком хорошего мнения обо мне, но почему вы так недооцениваете себя, Бет? Вы красивая девушка. Красивая, неглупая, чуткая, обладающая удивительными способностями. Разве странно, что мужчина, проведший немало времени в вашем обществе, заметил это и... Захотел вас поцеловать? Кто бы не захотел?

Последний вопрос он задал тихо, словно и не мне...

— И вы? — так же тихо спросила я, прежде чем успела подумать, нужно ли мне знать ответ.

— Я? — он резко отстранился. Губы искривила привычная ухмылка. — А что я? Я персонаж эпизодический.

— Вы идиот, — выпалила я, досадуя больше на себя, чем на него.

— Эпизодический? — уточнил Грин.

— Феерический!

Я развернулась, потянула на себя ручку, но дверь, едва приоткрывшись, тут же захлопнулась.

— Знаете, Бет, — приблизившись со спины, прошептал мне на ухо доктор, — вас тоже не назовешь умной. Мужчина вашей мечты проявляет явную заинтересованность, а вы сбегаете от него. Ко мне.

Я зажмурилась. Подавшись вперед, уперлась лбом в закрытую дверь.

Сбежала, да. С кулоном-передатчиком на шее, с охранниками. Если Оливер хотел узнать, куда я пошла от него, он уже знает. Может быть, стоит прямо сейчас в коридоре.

Но меня это совершенно не волновало.

Я представила, как обернусь. Ясно представила. До дрожи, до головокружения. До нервного покалывания на кончиках пальцев и готового сорваться с губ стоны. До брызнувших из-под век слез...

— Это недоразумение, — собственный голос, негромкий и на диво спокойный, показался чужим.

— Конечно. Есть ведь условия.

Его интонаций я не уловила, занятая тем, что сдирала с себя щиты — с болью, как кожу, стряхивая шелуху ненужных мыслей. Теперь, когда между мной и магией нет барьеров, защита восстановится в одно мгновение. Но, быть может, этого мгновения хватит.

— Условия. — Обернулась, успев глотнуть отрезвляющей горечи. Выдержала направленный на меня взгляд. — Спасибо, что помните.

Чего я ждала? Чтобы он сказал, что не помнит? Или не верит в возложенную на меня богами миссию? Или что помнит и верит, но ему плевать и на богов, и на весь этот мир?

Нет, последнее было бы слишком. Даже для него.

Он и останавливать меня во второй раз не стал.

А я направилась к леди Райс.

Если Оливер и правда решит узнать, где я была, ему доложат, что у наставницы. А ей я скажу, что пришла за советом...

Сказала бы. Но вместо этого проревела полчаса, не слушая ни увещаний, ни угроз, которые леди Пенелопа все равно не осуществила бы.

Выплакалась. Извинилась и ушла, ничего так и не объяснив.

По дороге в общежитие мне никто не встретился. А консьержка не передала ни коробочек с пирожными, ни новых драконов...

Хотелось лечь и умереть назло всем, включая Мэйтина. Но я все-таки переоделась и пошла на тренировку. Вползла на ринг и поняла, что сейчас снова расплачусь.

— Вам нехорошо? — забеспокоился Саймон. — Можем не заниматься сегодня.

— Все в порядке, — соврала я.

— Точно?

— Да, только... Саймон, скажите, я вам нравлюсь?

— Конечно.

— Хотите меня поцеловать?

— Зачем? — растерялся он.

— Просто так. Если я вам нравлюсь... Поцелуйте меня.

Шагнула к нему и зажмурилась, когда боевик обнял меня за плечи...

Захват, подсечка, бросок.

— Вы ненормальный? — простонала я, скрючившись на матах.

— А вы? — резонно осведомился Стальной Волк.

Но мне было не до резонов.

— Так, значит? — всхлипнула, поднимаясь. — Девушка просит ее поцеловать, а вы...

Кинулась на него с кулаками, глупо так, по-девчоночьи. Как закономерный итог, снова оказалась на полу.

— Не знаю, что у вас случилось, Элизабет, но напомним: я не целитель. Поэтому или сойдите с ринга, или буду лечить вас, как умею.

Оказалось, некоторые недуги боевики умеют лечить лучше любых докторов, болезненно, но эффективно. А если учесть, что под конец тренировки Саймон вскользь задел меня по лицу и разбил губу, и в общежитие я шла, прижимая ко рту завернутый в платок кусочек льда, поцелуи — последнее, о чем я думала.

ГЛАВА 49

Утром на прикроватном столике обнаружился запечатанный сургучом конвертик. Сидевший рядом дракон ехидно скалился, но я ничего забавного не видела.

«В любое удобное вам время. Пожалуйста. О. Р.»

Короткое послание источало аромат знакомого парфюма и раскаяния. Каждая буква виновато сутулилась и кренилась к соседке, а стоящие отдельной строкой инициалы, казалось, и вовсе норовили сбежать с листочка.

Что в голове у этого мужчины?

Переживает, что испугал юное создание неуставным проявлением чувств? Опасается, что это создание растрезвонит о случившемся по академии или сообщит отцу?

Ерунда! Он знает меня достаточно, чтобы не тревожиться на этот счет.

Говорил с леди Пенелопой и думает теперь, что довел «бедную девочку» до нервного срыва?

Нет, я никогда его не понимала, и сейчас был только один способ разобраться во всем: выбрать удобное мне время и, видимо, идти в ректорат, потому что место в послании не оговаривалось.

Записку я под укоризненным взглядом дракона положила в книгу-шкатулку. Все, довольно глупостей, пора вспомнить, зачем я здесь.

— Элси, что случилось? — вышедшая из ванной Мэг присела рядом со мной и обняла за плечи. — Ты с вечера сама не своя... А что у тебя там?

— Ничего, — я разжала кулак, демонстрируя подруге браслетик из голубых бусин.

Совсем ничего.

Я надеялась, что ненужные мысли потеряются по дороге в главный корпус. Шла, намеренно не спеша, пыталась наслаждаться весенним солнцем и птичьим щебетом. Но, не пройдя и половину пути, вдруг наткнулась на невидимую преграду. Чужая, смутно знакомая сила подхватила меня, мягко приподняла и так же мягко опустила... на диванчик в ректорском кабинете.

Я тотчас вскочила и наткнулась на еще одну стену, на этот раз вполне зримую, живую и немного смущенную.

— Простите... — Оливер обнял меня за плечи, удерживая от падения, но, убедившись, что я твердо стою на ногах, сразу же отпустил. — ...за

такое приглашение. Я...

— Сэкономили мне время, — пробормотала я.

— И себе, — добавил он. — Элизабет, я должен объяснить свое вчерашнее поведение.

Собран. Спокоен. Это постановочное спокойствие бесит порою больше, чем все подначки Грина.

— Вы уверены, что это нужно, милорд? — Отвела руку за спину и с силой сжала пальцы так, чтобы ногти до боли впились в ладонь. Снова мысли не пойми о чем, снова испорчу все. — Объяснять что-либо? Искать причины?

Как там было? Вы привлекательны, я чертовски привлекательна. Не совсем так, но... К чему время терять?

Сделала шагок навстречу.

— Иногда просто...

И запнулась. Но все же сделала еще один шаг. Положила ладонь на плечо Оливера, приподнялась на цыпочки и коснулась губами его губ.

И отпрянула тут же. Боже, что я творю?

Не задумываясь, что это выглядит точным повторением моего вчерашнего бегства, я рванула к выходу. Но милорд Райхон стоять столбом сегодня не собирался и телепортировался к двери раньше, чем я дотянулась до ручки.

— Элизабет, не нужно, пожалуйста. В третий раз я вам сбежать не позволю.

— В третий? — я разглядывала носки его туфель, соображая, какой еще случай включили в число моих побегов.

— Осенний бал, — напомнил ректор и, видимо, чтобы освежить мою память, как в танце за талию притянул меня к себе. — Не только вы владеете заклинанием ночного зрения. И я думаю, нам все же нужно поговорить.

Поговорить — это я запросто. Но почему-то казалось, что мой «упрощенный» способ выяснения отношений сочли более эффективным, чем разговоры, и сейчас мне продемонстрируют его усовершенствованную версию...

На столе зазвонил телефон, и я подпрыгнула скорее от радости, чем от неожиданности. Спасибо тебе, добрый человек, кем бы ты ни был!

— Райхон, — отрывисто бросил в трубку оставивший меня у двери маг. — Кто? Соединяйте.

На последнем слове тон его выровнялся, выражение лица изменилось с сосредоточенного на еще более сосредоточенное, заставив меня

отказаться от мыслей о бегстве и прислушаться к разговору.

— Да. Да... Где? Хорошо, сейчас буду.

Я понадеялась, что вырвавшийся у меня вздох не достиг ректорских ушей.

— Это инспектор, — Оливер положил трубку и тоже вздохнул, но не так счастливо, как я. — Мне нужно идти.

— Это касается нашего дела? — схватилась я за возможность отвлечься от беспощадной романтики последних минут.

— Да, — он задумался на миг, прежде чем продолжить. — Хотите, пойдём вместе? Вас ведь не пугают кладбища?

— Нет.

В отличие от разговора, от которого теперь не отвертеться.

На кладбище переместились порталом. Оливер держал меня за руку, и в этом не было уже и намека на интимность, но, едва мы оказались на месте, я отступила от него. И чуть не упала в какую-то яму. Вернее, я в нее уже падала, когда кто-то сцапал меня за шиворот и поставил на дорожку.

— Рысь! — узнала я, обернувшись, своего спасителя.

— Стажер Эррол, — важно поправил он.

Ректор, убедившись, что оставил меня в надежных руках, отошел тем временем к Крейгу, стоявшему у перекрытого решеткой входа в склеп в компании двух незнакомых мне мужчин.

— Где бы мы еще встретились? — без улыбки сказала я другу, окинув взглядом кладбищенский пейзаж.

— Я сюда не собирался, — шепотом сообщил Рысь. — Старик сдернул прямо с завтрака. Сказал, будет интересно.

— Только тебя и сдернул? — я отметила, что других полицейских поблизости не наблюдается.

— Видно, в приемники присмотрел, — заявил с усмешкой оборотень.

В стажерах без году неделя, а уже на место Крейга метит. Хорош! Впрочем, о том, что Норвуд Эррол однажды умрет от скромности, я никогда не беспокоилась.

— В этом склепе убили секретаршу, — разъяснил друг. — А вон те угрюмые господа — некроманты. Внутри еще один, заканчивает с зеркалами. Обещают вытянуть проекцию.

— Проекцию? — в некромантии я была не сильна и понятия не имела, о чем он говорит.

— Преступник зачистил место, но небрежно. Можно попробовать высветить несколько минут до смерти и после. Или несколько секунд —

как получится. Работа тонкая, во второй раз вывести изображение уже не выйдет, вот и позвали сразу всех заинтересованных.

— Значит, мы увидим, как убили Лидию? — ладони стали влажными от волнения, и я вытерла их о пальто, сделав вид, что поправляю наряд.

— Увидим, кто ее убил, — уточнил Рысь. — Если повезет.

Повезет? Почему бы и нет? Должно же когда-нибудь?

Я запустила пальцы под рукав и нащупала «счастливый» браслетик. Странное чувство, словно управляющие моей судьбой светила вдруг сошлись в нужной точке или заседающие в конференц-зале боги наконец договорились о чем-то. Милорд ректор проявляет недвусмысленный интерес к студентке, когда-то не вызывавшей у него ничего, кроме недовольства. Загадочное преступление вот-вот раскроется с помощью десятка зеркал и троих некромантов, прежде не фигурировавших в истории даже в эпизодах. Так не бывает в правильных книжках. Но это ведь не книжка, и уж точно не правильная. И ощущение близкого финала такое же неправильное, как бывает, когда видишь, что до конца романа всего десяток страниц, и не можешь понять, каким образом автор собирается распутать так быстро все интриги. Либо скомкает концовку, оборвет, оставив недомолвки, либо будет вторая часть, на которую читатель, жаждущий развязки, никак не рассчитывал. И не знаешь, что лучше...

Если речь о книге — не знаешь. В жизни все не так.

Я отвела взгляд от видневшегося за кладбищенской оградой здания лечебницы и по-детски скрестила пальцы. Пусть все получится. Пусть все закончится. Чем скорее, тем лучше.

— Готово, — послышалось гулко из склепа. — К сожалению, удастся визуализировать только происходившее внутри, снаружи слишком много свободных потоков...

— Элизабет, — позвал меня Оливер. — Не уверен, что вам нужно это видеть, — сказал, когда я подошла и поздоровалась с Крейгом и некромантами.

Инспектор согласно закивал, некроманты флегматично пожали плечами.

— Я справлюсь, — обещала я. В крайнем случае закрою глаза.

В склепе, каменной коробке без каких-либо украшений, если не считать таковыми выщербленные временем пилястры и искривленные ромбы решетки на окнах и двери, вопреки ожиданиям, было довольно светло и не обнаружилось саркофага. Я подумала, что обитателя усыпальницы непочтительно выдворили, но, увидев перильца уходящей вниз лестницы, поняла, что здесь есть еще и подземная часть. Нам туда

было не нужно.

Зеркала, о которых говорил Рысь, тоже не соответствовали тому, что я успела себе представить. Маленькие, ненамного больше того, что я носила в кармане, квадратные или прямоугольные. Они были расставлены на металлических штативах или прикреплены к стенам чем-то похожим на комки оранжевого пластилина. Общая обстановка наводила скорее на мысль о площадке для фотосъемки, а не о месте проведения некромантического ритуала. Но напряжение наряду с едва уловимым запахом гнили витало в воздухе.

Высокий бородатый мужчина, чем-то похожий на Антона Павловича с портрета в школьной хрестоматии, бывший у некромантов, судя по всему, главным, указал каждому, где ему встать, чтобы не мешать зеркалам-проекторам, и приложил палец к губам, призывая соблюдать тишину. Минуту-две он настраивался. Ловил направление энергетических потоков, и бледно-зеленое свечение, окутывавшее его руки, медленно наливалось силой. Затем гнутые лучики-щупальца осторожно поползли от кистей мага в разные стороны. Я старалась не смотреть слишком пристально, ведь и Крейг, и Оливер до сих пор считали, что я отрезана от магии. Но побороть любопытство было нелегко, и я вглядывалась тайком в сплетаемый некромантом рисунок неизвестного мне заклинания и сжимала невольно пальцы Оливера, чтобы не потянуться к тонкому кружеву.

— Не волнуйтесь, — шепнул мне ректор. Воспользовался ситуацией и обнял за плечи.

Растянувшаяся между зеркалами туманная паутина дрогнула, и в просвете дверного проема проявилась узнаваемая фигурка Лидии. Пока — ничего пугающего, но сердце забилось быстрее. Женщина, точнее, ее тень, шагнула вперед, взмахнула рукой; сотканное из сиреневой дымки лицо стало четче.

Я подумала, что ей бы понравился цвет.

— Она что-то говорит? — едва слышно пробормотал Оливер, разглядевший, как и я, движение губ призрака. — Кому?

Ответом на его вопрос за спиной у сиреневой Лидии расплылось темное пятно. Выпустило толстые длинные отростки и вцепилось в шею женщины. Быстро, резко. Сдавило, приподняло над каменным полом гробницы...

И все.

— Дольше готовились, — Крейг разочарованно вздохнул. — Ну, кто что видел? Рассказывайте.

— Мужчина, — уверенно сказал Оливер. — Приблизительно моего

роста. Скорее всего, маг.

— Да известно, что маг, — поморщился на это замечание инспектор. Обернулся к убирающим зеркала некромантам. — Чары на нем искажающие, или картинка не успела стабилизироваться?

— И то, и другое, — отозвался бородатый. — Времени не хватило, конечно, но и работающее заклинание на нем было.

— Как знал, гад, — выплюнул Крейг со злостью. — А ты чего молчишь, стажер? Я тебя как самого глазастого звал.

— Я плохо рассмотрел, — виновато признался Рысь. — Тут, прямо передо мной, пятно на паутине было...

— У-у, пятно, — укоризненно покачал головой полицейский.

— Было пятно, — вступился за оборотня один из некромантов. — Наверное, сеть расплелась. — Поглядел на старшего, на недовольном лице которого крупными буквами проступило, что его сети не расплетаются, и выдвинул новую версию: — Или фонило что-то в этом углу. Артефакт на ком-то из присутствующих или сам склеп, место-то старое.

— Ясно, что опять ничего не ясно, — вздохнул Крейг. — Расходимся, что ли?

— Почему она пришла именно сюда? — спросила я ректора, разглядывая склеп уже снаружи. — Кто тут похоронен? Может быть, есть связь?

— Если и есть, мы ее не нашли, — ответил он. — Возможно, библиотекарь просто выбрал место подальше от ворот и сторожки.

— А сторож...

— Он тут не ночует. Кладбище охраняется заклинаниями.

— Плохо охраняется.

— Не от того, — поправил меня Оливер и тут же сменил тему: — Вы же не откажетесь от чашечки кофе?

От ответа я ушла весьма оригинальным образом — в яму, в которую не упала сразу после прибытия. Норвуда в этот раз поблизости не было, а у милорда Райхона реакция оказалась хуже, чем у оборотня, и разверзшаяся земля приняла меня в неласковые объятия. При том, что сегодня я не мечтала никуда проваливаться, было особенно обидно. И больно.

А провалиться мне захотелось, когда я оказалась в приемном покое лечебницы и человек, с которым я надеялась не встречаться в ближайшие дни, спросил с привычной насмешкой:

— Признайтесь, Бет, вы специально это сделали?

Я лежала на смотровом столе, в обуви и в пальто, только без шляпки, оставшейся на дне ямы, а он прохаживался вокруг. И никого больше в

помещении, врачебная тайна же.

— Если соскучились, могли сами прийти. Или вам нравится, когда вас носят на руках?

— Мне нужен другой доктор, — выговорила я. — Который будет меня лечить, а не упражняться в острословии. Можете его позвать?

— У вас вывих голеностопного сустава, гематома на затылке, ушиб правого локтя, правого бедра и левого плеча, — проигнорировал мою просьбу Грин. — И это я еще не все перечислил. Сколько раз вы упали?

— Плечо — вчера, на тренировке, — я закрыла глаза. — Уже не беспокоит, только синяк остался. Часть ушибов наверняка тоже с тех пор. Ерунда.

— Все равно нужно смотреть.

— Не нужно, — запротестовала я. — Мне почти не больно, я...

— Что? — перебил он. — Встанете и уйдете? С вывихнутой ногой? Вы ничего не чувствуете, потому что я наложил обезболивающее плетение. Но оно вас не исцелит.

— Мне нужен другой доктор, — прошептала я снова. — Есть же другие? Почему вы? Почему вы не дома? Сегодня выходной — вы вообще знаете, что это?

— Не поверите, знаю, — усмехнулся Грин. — И я был дома. Читал интереснейшую книгу, наслаждался бездельем, пока мне не сообщили, что вы пытались убиться, на этот раз даже без посторонней помощи. Другой доктор, которого вы требуете, Бет, не знает о ваших проблемах с магией. А милорд Райхон, как я понимаю, не знает о том, что эти проблемы в прошлом, и опасается, что другой целитель вам навредит. Скажем ему, что опасения напрасны? Или позвольте мне вас вылечить и вернуться к книге, а сами сможете... чем вы собирались заниматься до того, как преждевременно сошли в могилу?

— Это была могила?

— Яма, — изрек доктор задумчиво. — На кладбище. Да, думаю, это была могила. Недавно разбирали безымянные захоронения и, видимо, не успели привести в порядок участок. Так что сегодня ваш герой в прямом смысле вытащил вас из могилы. Звучит, да? Мне же остались сущие мелочи...

— Мы были в склепе, где убили Лидию, — сказала я, глядя в потолок. — Некроманты вывели проекцию, чтобы увидеть, как это произошло. У них получилось. Потом я упала. Случайно.

Голос дрогнул, и я умолкла, не успев сказать ему, чтобы продолжал являть, если считает, что мне недостаточно перепало сегодня.

— Простите, — проговорил он тихо. — Я не нарочно. Это, как защита, активизируется самопроизвольно.

— Защита от чего?

— Сейчас я сниму с вас ботинок и вправлю сустав, — продолжил он, сделав вид, что не услышал моего вопроса. — Думаю, ничего серьезнее вывиха у вас нет, и, если задействовать вспомогательные артефакты для восстановления, вечером можете идти на тренировку за новыми синяками.

— Оставьте меня в лечебнице, — попросила я, не глядя на него. — Хотя бы до завтра.

Расспросов не последовало. Короткая пауза, и:

— Хорошо. Сейчас будет немного больно.

Из-за анестезирующего заклинания я почти не чувствовала, как он разувал меня, как ощупывал ногу, но, когда сустав с хрустом встал на место, боль прорезалась. Без магии она была бы намного сильнее, но и в том случае я вряд ли придавала бы ей значение...

— Спасибо.

— Пока не за что. Я распоряжусь приготовить палату и попрошу, чтобы кто-то из сестер помог вам раздеться.

Через десять минут я уже лежала в кровати, до кончика носа укрытая одеялом.

— Точно как ребенок, — усмехнулся, увидев меня, доктор.

От этой усмешки захотелось вообще с головой спрятаться — и от мысли, что сейчас он потребует на обозрение мои ушибы, а тонкая сорочка с низким вырезом для подобных осмотров совсем не приспособлена. И штаны с кружевами и забавными бантиками...

— Сделайте мне одолжение, Бет, — он пододвинул к кровати стул и сел. — Выучитесь на полного целителя. Не становитесь сестрой или лаборанткой. И в акушерство не идите. Станьте хирургом.

— Зачем? — удивилась я такому воззванию.

— Будете принимать застенчивых дев. Избавите какого-нибудь доброго, но нервного доктора от дополнительного источника стрессов.

Я пристыженно засопела, но избавлять доктора от стрессов не торопилась.

— Ногу хоть покажите, — вздохнул он.

Ногу показала. Медленно отвела в сторону, попутно подтягивая вверх одеяло, чтобы открыть припухшую лодыжку, но не продемонстрировать ненароком кружева и бантики.

Грин хмыкнул, и я с опозданием поняла, что мои маневры смотрятся

увертками кокетки, в напускной скромности приподнимающей подол, чтобы выставить напоказ ножку. Покраснела, но целитель этого не заметил, сосредоточившись на отеке.

— Я сниму обезболивающее заклинание, — предупредил он. — Иначе не пойдем степень повреждений. Сейчас... чувствуете?

— У-у!

Почувствовала я все и сразу, от кончиков пальцев на ногах, которые отчего-то тоже болели, до шишки на затылке.

— Потерпите, — от ощупывавших мою голень пальцев пошел успокоительный холодок. — Уберу отек, и, возможно, даже фиксировать не понадобится. Не шевелитесь пока.

Уложив мою ногу на кровать, он встал, и я вжалась в подушку, увидев протянувшиеся ко мне руки.

— Вы ударились головой, — напомнил Грин. — Нужно исключить вероятность сотрясения мозга.

Было бы чему сотрясаться.

Я закрыла глаза и позволила ему запустить пальцы мне в волосы. Неспешные мягкие движения были бы даже приятны, получишь у меня расслабиться.

— Проблема целителей в том, что для наших плетений не годится чистая энергия потоков, — проговорил доктор, продолжая массировать мне голову. — Ею можно усилить действие уже наложенных заклинаний и вспомогательных артефактов, но непосредственно для врачевания нужно использовать только силу жизни — ту, что маг пропускает сквозь себя и отдает нередко с частицей собственного здоровья. Статистику вы, думаю, знаете. Леди Пенелопа пугает ею студентов уже на первом занятии. Но если сумеете расширить внутренний резерв или научитесь мгновенно трансформировать энергию потоков, проводя через себя, будете жить долго и, при удачном стечении обстоятельств, счастливо.

— Вы научились? — спросила я, не открывая глаз и чувствуя его прикосновения уже на шее.

— Учусь. Что-то получается, что-то нет. Во всяком случае, ваш вывих ничего мне не стоил. А с вашей способностью черпать энергию в подпространстве при соблюдении разумной осторожности можно добиться огромных успехов.

— Зачем вы мне это говорите?

— Отвлекающий маневр.

При этих словах он даже не сдернул — спокойно откинул с меня одеяло, которое я перестала придерживать, и так же спокойно скомандовал:

— Не дергайтесь. И запомните еще одно: когда беретесь кого-то лечить, доводите дело до конца. Поверхностная диагностика и частичное исцеление — признак некомпетентности или подлости. Либо целитель слаб и плохо обучен, либо жаден и берется лечить только то, за что ему заплатили, либо намеренно игнорирует замеченные заболевания в надежде, что спустя время сможет заработать на умножившемся недуге.

— Я не собираюсь никого лечить, — сообщила я, мужественно снося ощупывание ребер. — Займусь патологической анатомией.

— Патологоанатомы работают не только с трупами.

— Но они не занимаются непосредственно исцелением.

— А вы будете уникалом: будете выявлять патологии и тут же их исправлять, — под нос себе пробубнил Грин. Ему что-то не нравилось в большом кровоподтеке, который я ощущала расплывшимся по внешней стороне бедра пятном. А мне не нравилось, что доктор слишком долго держит на месте ушиба ладонь.

— Что тогда будет делать хирург? — спросила, чтобы отвлечь его.

— Любоваться вами... Вашей работой, я имел в виду.

— Угу, — сказала я, всем видом давая понять, как верю, что это он и имел в виду.

— Угу, — задумчиво согласился он непонятно с чем. Укрыл меня и уселся на стул, забросив ногу на ногу. — Не буду я вас лечить.

— Как? — опешила я.

— Никак не буду. У меня выходной. А вы и сами справитесь. Самоисцеление дается обычно труднее даже опытным целителям, но вы не так сильно пострадали: достаточно сплести восстанавливающее заклинание и замкнуть на себя. Хотите, покажу, как это делается?

— Если скажу, что не хочу, оставите меня страдать?

— А вы так скажете?

...Дверь в палате не запиралась, и он подпер ее стулом. Ни к чему случайные свидетели. Незачем кому-либо видеть, что я снова владею магией.

Хотя такой магией я и не владела. Даже не знала ее до того, как почувствовала внутри себя разбуженное бережным прикосновением чужого дара тепло.

До этого момента я не задумывалась, действительно ли у меня есть целительский талант, а если бы и задумалась, то не нашла бы ответа. Получить его можно только так — через собственную боль, отстранившись от иных ощущений. Пережить, осознать, поверить. Понять, чем отличается энергия внешних потоков от той, что течет внутри тебя, со скоростью твоей

крови, подгоняемая ударами твоего сердца. Увидеть, прикрыв глаза, как эта энергия наполняет тебя, питая каждую клеточку тела и одновременно питаясь от них, вбирает твою жизнь, отдает тебе же, приумножая, и просится наружу. Не удержишь — вырвется непокорная, растратишь все до капли, ничего не оставив себе. Научишься управлять ею, отдавать постепенно — и она будет множиться так, что хватит и тебе, и другим.

А когда поймешь все это, можно идти дальше: срисовывать узор незнакомого плетения, ловить ускользящие ниточки энергии, протягивать сквозь себя, как через канву, связывать с теми, что пробегают внутри. Кутаться в получившуюся паутину, чувствуя, как растворяется в ней боль, а твоя жизнь, слившись на мгновение с силой мира, возвращается к тебе...

Когда я пришла в себя, вырвавшись из омута новых затягивающих ощущений, Грин стоял уже в дверях. Мне нужно было сказать ему что-то. Поблагодарить? Поделиться тем, что сейчас казалось мне божественным откровением? Попросить не уходить? Я открыла рот... и выдохнула обреченно...

— Отдыхайте, Бет.

— Вы...

— У меня выходной. И книга, я говорил. Интересная. Когда дочитаю, могу одолжить.

ГЛАВА 50

Все-таки это было предчувствием — ощущения, преследовавшие меня с первой встречи, навязчивая мысль, что этот человек станет причиной моих бед. Кто знал, что оно исполнится так?..

В дверь постучали, и я натянула одеяло на плечи.

— Можно, мисс? — заглянул осторожно Крейг. — Поговорить хотел, покуда минутка есть. Наедине.

— А где...

— Милорд наш? — понял инспектор. — Явится сейчас. С доктором только побеседует на ваш счет да еще по одному дельцу. Про мальчишек слыхали, что в городе начудили? Эд тут их жертву выхаживает.

Эд. Так странно. Оливера я с самого начала называла по имени, пусть и мысленно. А Грин всегда был Грином. Или доктором. Но не Эдвардом и тем более не Эдом...

— Я бы жертве этой еще и добавил, — продолжал инспектор. — Да ребят жалко. Потому и вот... Но вам я другое сказать хотел. Кулон мой при вас?

Я потянула за цепочку артефакт, с которым приучила себя не расставаться даже на время ночного сна.

— Хорошо, — кивнул Крейг. — Еще пару человек с вами оставлю, на всякий случай. Так что не волнуйтесь особо.

— Из-за чего я не должна волноваться? — уточнила я, насторожившись.

— Милорд ректор вам с утра ничего не сказал?

Я замотала головой. С утра милорда занимало иное.

— Тревожить не хочет, — по-своему перевел полицейский. — Мартин Кинкин у нас не пропал уже. Уехал он, перевелся.

— Забывают, — поняла я. — Останется мисс Сол-Дариен, и все.

— То-то и оно, — прокряхтел мой собеседник. — И от кровавой вашей книжки, выходит, толку нет. Потому сегодня некромантов и торопил. Думал, разглядим что. И разглядели. Стажер-то у меня и впрямь глазастый, пятно на паутине приметил. И искажению, на которое те умники пеняли, там взяться неоткуда. Не с сетью проблема была. Библиотекарь в некромантии спец, не мог не знать, что после попробуем проекцию вывести. Так что, думаю, следы он нарочно не до конца затер.

— Лидия говорила с кем-то, когда вошла в склеп, — вспомнила я. —

Но убийца подошел к ней со спины, значит, она обращалась не к нему...
Получается, у библиотекаря есть сообщник?

— Или опять гад чужими руками действует. Чары на убийце были.
Отчего бы не тот же поводак?

— И мужчина, задушивший Лидию, — не преступник, а такая же жертва?

— Может быть. Но искать все равно будем. А тем временем попробуем
библиотекаря расшевелить.

— Как?

— Вот об этом и пришел поговорить. Оно, конечно, сразу нужно было,
до того как все решил, но вы уж не ругайте старика. Устроил я тут... утечку
информации. Слушок пустил про книжку вашу. Ничего конкретного, народ-
то не в курсе, что к чему, но слова ключевые: аномалия, фиксация событий,
обращение изменений. Кто знает — тот поймет. А попутно с этим взял
артефакты, воздействующие на память, — такие, знаете, для модуляции
приятных снов, некоторые с ними еще задания учат, только без толку,
забывается быстро. Но несколько дней наведенная память держится.

— Память о чем?

— О пропавших. Немного, но имена в разговорах начнут всплывать.
Вроде как вспомнится, что были такие. Там-то жили, там-то учились.
Слухи поползут.

— Милорд Райхон согласился? — не поверила я. — Это же
несанкционированное воздействие на сознание...

— Экие вы слова знаете, — не дал мне закончить Крейг. —
Несанкционированное! Только мне от Оливера что согласие, что запрет —
все едино. Мне на подобное в другом месте санкции запрашивать
нужно, — слово «санкции» он выговорил со вкусом, напоминая мне,
глупой студентке, что ему знакомы как заумные термины, так и законы. —
Но в том месте я тоже не спросился, не обессудьте. Я сволочь эту поймать
хочу, мне писульки с пояснениями строчить некогда. Тем паче с такими
пояснениями, за которые меня в смирительную рубашку обрядят да в тихий
дом упекут. Смекаете?

— Смекаю. Могли ведь и мне не рассказывать.

— Мог, — признал он. — Да подумал, что вы сами не прочь с этим
разобраться поскорее. И в отличие от милорда нашего щепетильничать не
станете.

— Думаю, если бы вы все ему объяснили, он закрыл бы глаза на
вопросы законности.

— Закрыл бы, — согласился инспектор. — Но тут дело такое...

Он умолк, поглядел на меня с сомнением, но не косил, смотрел прямо, и это давало надежду на откровенность.

— Непростое это дело, мисс. И когда я говорю, что хочу его закрыть, это значит, что закрыть хочу раз и навсегда. Старик я уже, свое пожил. И хорошо пожил. А другие... Комиссию нашу возьмите. Как считаете, если попадется им библиотекарь со всеми работами по тому ритуалу, что они с ним сделают? Со знаниями его? Так уж и уничтожат? Кто? Гриффит, у которого единственный сын — калека? Пенни, которая своего и вовсе схоронила, а мужа теперь на возке из комнаты в комнату передвигает? Аделаида, в один год всех родных потерявшая и одна с дитем оставшаяся? Или Оливер, который со смерти сестры больше на каменного болвана похож, чем на живого человека? Как думаете, мисс, ни у кого соблазнов не появится?

И думать не о чем. Я сама, появившись у меня шанс переписать свою судьбу, разве отказалась бы от него так легко?

— Хотите убить библиотекаря? — спросила, опуская философские рассуждения.

— Верно мыслите, мисс. И не осуждаете, гляжу.

— Не осуждаю. Но могут остаться какие-то записи.

— Найду и спалю к демонам.

— Успеете?

— Постараюсь. Пока никто не знает, что мы с вами замыслием, и мешаться не будет.

— Мы с вами? — восхитилась я его заявлением. — Ловко вы меня в соучастницы записали. А главное, не пойму, с какой стати. Не доверяете людям, которых знаете столько лет, а со мной вдруг делитесь планами?

— Тяжело одному. Надо ж хоть с кем обсудить. Да и... сон мне был. Считайте, знаменье божье. Хоть смейтесь, но я в такое верю.

Я тоже верила. А если вещие сны Крейга — привет от Мэйтина, тут уж не до смеха.

— Библиотекарь решит, что мои записи возвращают старую реальность, и возобновит попытки от меня избавиться? — уточнила я, встряхнувшись. — Спасибо, что предупредили. И не волнуйтесь, я никому ничего не скажу. Даже милорду Райхону. Кстати, что-то долго его нет.

— Так это, — Крейг повел плечами, взгляд его стал рассеянным, глаза затуманились и уставились опять в разные стороны, вернув старому магу облик неловкого простака. — Я ж Эда попросил задержать его маленько, а тот кого угодно заболтает.

— Не сомневаюсь, — вздохнула я. — А ему вы доверяете? Грину? У

него есть причины для ритуала?

— Может, и нет, — ответил, подумав, полицейский. — Может, и доверяю. Но впутывать не хочу. Натура у него беспокойная. Еще влезет куда, кто нас с вами лечить будет?

И то правда. Беспокойная натура. Екнуло что-то внутри, кольнуло — то ли старая тревога, то ли новая уже. Не было времени с этим разбираться: Мэйтин без веской причины знаменьями не разбрасывался бы.

Но сам не пришел.

Вместо бога явился ректор и остановился в дверях. Я терла глаза и зевала, надеясь, что он тактично удалится, дав мне время отдохнуть, но, похоже, Оливер твердо решил разобраться в наших отношениях, не откладывая.

— Как вы себя чувствуете? — начал он издали, присев на стул у кровати, успевший послужить доктору и инспектору. — Грин сказал, что оставляет вас под наблюдением до завтра, но не объяснил причин.

— Ничего серьезного, надеюсь.

— Возможно, вам нужно что-нибудь?

— Нет, благодарю, — отказалась я.

А руку под одеяло спрятать не додумалась и опомниться не успела, как ее уже баюкали теплые мужские ладони. Касались с такой нежностью, что я едва не взвыла, почувствовав себя последней тварью. Повторяла мысленно, что Элси, настоящая Элси, влюблена в него, но не находила внутри себя поддержки этим словам. Давно не находила. Другие чувства Элизабет, ее воспоминания о родителях, о друзьях, о магии, становились день ото дня ярче, а придуманная любовь меркла. Оливер нравился ей так же, как и мне. Нравился даже больше чем раньше, уже не далекий идеал, а живой человек, прекрасный человек, по-прежнему олицетворявший мечты любой женщины, но...

— Элизабет...

— Не говорите ничего, — попросила я, отвернувшись. — Особенно того, о чем будете потом сожалеть.

— Почему я должен о чем-то сожалеть?

— Мартина уже забывают. Реальность продолжает меняться, но, когда мы это остановим, все вернется на свои места. Понимаете, о чем я?

— О ком, — догадался он. — Но вы ошибаетесь, если думаете, что мои поступки продиктованы тем, что я начал забывать Камиллу. Я ничего не забыл, — он гладил мои пальцы, и через прикосновения, сильнее даже, чем через голос, мне передавалась его тихая грусть. — И, надеюсь, не забуду. Но все, что было у меня с Камиллой, в прошлом. Я не хотел этого

признавать, как и она, наверное. Нас слишком многое связывало, и до последнего казалось, что можно еще что-то исправить. Но лишь казалось, теперь я это полностью осознал. Поэтому я сделаю все, чтобы вернуть ее, но не наши отношения. Их давно уже нет, и вы к этому непричастны. Вы появились уже после, и я...

— Милорд, пожалуйста, — прошептала я жалобно.

— Я рад, что узнал вас, мисс Аштон, — закончил он. — И не прошу о большем. Во всяком случае, пока вы продолжаете называть меня милордом. Но, быть может, вы хотите что-нибудь попросить? Например, шоколада, пока леди Райс не видит?

Я закивала, не оборачиваясь.

— Значит, договорились. Шоколад и пирожные.

«Вы самый лучший, — сказала я ему мысленно. И пусть он не мог услышать, добавила на всякий случай: — Милорд».

В палате он больше не появлялся, а обещанные сладости передал через сестер — столько, что я еще угощала примчавшихся вскоре Мэг и Сибил. Подруги пробыли у меня недолго. Убедились, что я жива и относительно здорова, пожурили за неосторожность, судя по лицам, особо не надеясь, что через пару дней я опять куда-нибудь не свалюсь или что-нибудь не свалится на меня, и ушли.

Оливер повел себя так, что прятаться от него в лечебнице уже не было нужды, но я не отменила добровольного заточения, намереваясь пострадать от души с перерывами на сон и поглощение лишних калорий.

Предаться тоске мне не позволили. Зато калориями обеспечили сверх меры. Не минуло и часа с визита Мэг и Сибил, как появился Рысь в компании Шанны и большого пакета с бутербродами. Бывшая соперница по курсу отлеживалась в прошлом году в лечебнице после травмы на практике и осталась не в восторге от местной кухни, а потому решила, что меня не помешает подкормить. Это было неожиданно, но приятно.

После пришел Саймон, неизвестно от кого узнавший о моем очередном несчастье. Принес огромный кусок пирога авторства своей дражайшей матушки и ворох приветов от нее же. Хотелось рассказать ему о проекции, о «пятне», которое заметил Рысь, и задумках инспектора, но я сдержалась, ограничившись благодарностями за угощение и ответными приветами мисс Милс. Саймону я доверяла, но Крейг прав: нужно беречь от неприятностей беспокойные натуры.

А когда за окнами уже стемнело, появился Грайнвилль.

— Мир волнуется, Илси, — сказал он мне.

— Из-за того, что я упала в яму?

— Даже если бы ты не падала.

— Реальность снова меняется, — сказала я, почти не сомневаясь в том, что он ответит на это.

— Мир справится. Одна переписанная судьба — песчинка. Мир отторгнет ее, если не сможет принять. Сведет к минимуму ее влияние на других. Лишит того человека друзей, не позволит иметь потомков, обесценит его деяния. Мир волнуется из-за тебя, Илси. Только из-за тебя.

— И что мне делать? Я не ты, мне мир не дает подсказок.

— Он никому не дает подсказок, — безмятежно улыбнулся эльф. — Он просто говорит, а я слушаю. Каждый может научиться слышать, хотя бы немного. Это помогает определиться со своими мыслями и чувствами.

— Угу, с чувствами не мешало бы, — пробормотала я. — Правда помогает? И что же мир говорит тебе о леди Каролайн?

Я не собиралась заводить разговор о его «пока еще», а возможно, «никогда уже» не невесте и даже не думала нарушать данного ей слова, но меня задело то, с какой уверенностью он вещал об умении слушать и слышать, когда у самого под носом беспринципная девица флиртует с «достойным» человеком.

Но эльф не заметил издевки. И улыбаться не перестал.

— О ней мир не говорит. О ней он поет.

Я позавидовала ему в тот миг.

Мой мир не пел, только всхлипывал тихонько...

Утро было не мудренее вечера. О ночи, прошедшей в странных снах и тревожных пробуждениях, и вспоминать не хотелось.

В последний раз, испуганно вскочив на кровати, я решила больше не засыпать, а когда небо за окном посветлело и затопали по подоконнику светлые голуби, натянула полосатый больничный халат и пошла в уборную. Долго умывалась, словно надеялась смыть остатки невнятных страхов, свинцовыми тенями залегшие вокруг глаз. Репетировала перед зеркалом улыбку. Собирала растрепанные волосы. За все это — долгую возню и переглядывание со своим отражением — незнакомая тетка с вьевшимся в лошадиную физиономию выражением брезгливой злобы обозвала меня бесстыжей девкой. Я пожелала тетке доброго утра и вернулась в палату.

Заглянула пожилая сестра — спросила, буду ли я овсянку с чаем. На чай я согласилась, а вместо овсянки у меня были булочки с корицей, которые принесла леди Пенелопа.

Кроме булочек я получила недлинную лекцию об осторожности на кладбищах и совет заказать у артефакторов специальный оберег, защищающий хронических неудачников, а попутно узнала, кем была встреченная мною в уборной неприятная дама. Была она, как оказалось, племянницей мэра Ньюсби и в лечебнице присутствовала в качестве сиделки той самой жертвы набедокуривших студентов, о которой говорил накануне Крейг. Дамочка состояла в комитете чего-то-там-блюстителей и, по ее словам, охраняла в нашем гнезде разврата против воли попавшую сюда невинную душу. Невинная душа ютилась в дебелом теле сорокалетнего мужика, гуляки и пьяницы, который со своими собутыльниками приставал в трактире к девчонке-разносчице, бывшей то ли подружкой, то ли просто знакомой одного из вступившихся за нее молодых магов. Наставница полагала, что именно тот факт, что ссора завязалась из-за хорошенькой девушки, и не давал покоя чванливой комитетчице, которая красотой не блистала и была старой девой в самом дурном смысле. Бесстыжие девки виделись ей повсюду, не только в больничных уборных; в трактирах же, по ее мнению, работали окончательно павшие особы, ибо не желали бы, чтобы их щупали пониже спины, — шли бы служить в пристойное место или сразу в монастырь. В сиделки эта блюстительница однобокой морали пошла не из человеколюбия, а чтобы помешать руководству академии заключить мировую с «невинной душой». Леди Пенелопа считала, что племянница ньюсбинского градоправителя науськивает «жертву» непременно судиться и, кажется, уже преуспела в этом подстрекательстве.

— Противники магов у власти могут так раздуть этот случай, что академию измучают проверками, — добавила наставница. — В конце учебного года, представляете? А на милорда Райхона некоторые давно зуб точат.

— Думаете, эту блюстительницу специально подослали?

— Думаю, она тупая курица, — со свойственной ей прямоотой ответила настоящая леди. — Но если ей не помешать, найдутся люди, которые сумеют использовать ее тупость и жадность ее дядюшки, надеющегося что-то выиграть от грядущего процесса.

Академии и непосредственно ректору грозили серьезные неприятности. Не серьезнее, чем искажение реальности, но с этим тоже нужно было что-то решать. И, как ни странно, я нашла решение. Как раз странное решение и нашла, когда после ухода наставницы перебирала, в надежде разложить по полочкам, ту ерунду, которой была завалена моя голова.

Запахнула плотнее халат, пригладила волосы и отправилась на первый этаж, пока запал не иссяк. Выходной, да, но разве для Грина это повод не явиться на работу?

Не повод, подтвердила дежурная, но по выходным доктор приходил обычно ближе к десяти.

— Доброе утро, Бет. — Он появился без пяти десять и ничуть не удивился тому, что я топчусь у его кабинета. — Что-то случилось?

— У меня просьба... несколько необычная. Можно войти?

— Да, конечно, — он распахнул передо мной дверь.

В кабинете я дождалась, пока он снимет пальто и повесит его на вешалку.

— Так о чем вы хотели попросить?

— То приворотное зелье — вы его не уничтожили? Оно у вас? Здесь?

— Предположим.

— Можете мне его дать? Это не для меня. Для... общего блага.

— Да-а, — растянул он. — Ну что же, внимательно вас слушаю.

План я изложила быстро и четко, на удивление ни разу не сбившись.

— Какое коварство! — восхитился Грин. — Воистину в духе женских романов. А вы уверены, что реакция последует именно та, на которую вы рассчитываете? Вдруг дама воспримет... э-э... происшествие благосклонно?

— Я доверяю мнению леди Райс, — сказала я, пропустив шпильку о романах. — А она составила четкий психологический портрет. К тому же тот тип не стихи читать начнет, полагаю. Вы же сами говорили, что действие приворота зависит от фантазии. Не думаю, что у завсегдатая питейных заведений ее хватит на что-либо, кроме поиска удобной поверхности.

— Согласен. С фантазией там неважно.

— Так вы дадите мне приворот?

— Нет.

— Но...

— Во-первых, с вашей удачей, мышка моя, вы половину флакона выльете на себя, а это чревато телесными повреждениями. Для тех, кто встретится на вашем пути. Я помню, как неласковы бывают эти ручки. А во-вторых, у вас, в отличие от меня, нет причин наведаться к несчастной жертве злокозненных магов.

— То есть...

— Да, — он ухмыльнулся, подтверждая, что маги таки злокозненны, по крайней мере некоторые из них. — Возвращайтесь в палату и ждите

результатов. Полагаю, вы их услышите.

Видимо, комитетчица и опекаемая ею «жертва» успели порядком его раздраконить, раз уж Грин согласился так легко. Или же понимал, какие неприятности ждут академию из-за этих двоих, и, как и многие, хотел их избежать. Вряд ли он пошел бы на такое только потому, что я попросила, ведь это самое настоящее преступление.

А мы теперь, получается, сообщники.

Думать об этом оказалось приятно, а после того как через полчаса после моего возвращения в палату тихое крыло, оглашенное возмущенным визгом, перестало быть тихим, — еще и весело. Визг постепенно перешел в ругань, требования вызвать полицию и отправить «мерзкого негодяя» в тюрьму, а лучше сразу на эшафот. Затем, словно по волшебству, все стихло.

Когда эта тишина уже начала нервировать, в палату наконец-то вошел Грин. Закрыв дверь, привалился к ней спиной и спрятал лицо в ладонях.

— Бет...

Я вскочила навстречу.

— Бет, вы не представляете, как мне стыдно, — голос его звучал сдавленно, плечи мелко подрагивали. — Как мне стыдно за то, что я не позволил вам это увидеть...

Доктор опустил руки, и я поняла, что он едва сдерживает смех.

— Это нужно было видеть! Это... Вы понимаете, что я сделал? И что сделают со мной, если кто-нибудь узнает?

— Но ведь никто не узнает?

— Нет, конечно. Натуральные компоненты, да и нейтрализатор убрал следы. Но... Уф, даже жаль, что я никому не смогу об этом рассказать! Это... У меня слов нет. Вас уж точно в недостатке фантазии не упрекнешь, мышка моя. Странно, что вы не смогли дописать свою книгу.

Напоминание о книге после ставшего привычным шутливого обращения неприятно царапнуло, да и доктор улыбался уже не так искренне.

— Что там? — я кивнула на дверь.

— Там, — он обернулся через плечо, будто мог что-то увидеть, — новую жертву отпаивают чаем. Старую жертву, утратившую права на данный статус, сторожат санитары. Ждем прихода полиции и, наверное, ректора. Думаю, разрешится все быстро. Ходатайствовать за «безвинно пострадавшего» мэр и его племянница вряд ли захотят, как и разглашать подробности только что произошедшего: доброе имя дамы и все такое. А «пострадавший» теперь сам попросит уладить дело миром; еще и благодарен будет, если с ним станут разговаривать, а не вытолкают

пинками.

— Значит, мы спасли академию от скандала, да?

— Да, — он уже совсем не улыбался. — Оказывается, это может быть так просто. И так... не по геройски.

— Злопамятный вы все-таки человек, — я опустила глаза.

— Нет. Просто памятный. Память хорошая. Помню, кто что сказал и когда. Например, когда вы слышали, чтобы я говорил, что действие приворота зависит от фантазии, если вас не было на той лекции?

Я вздрогнула, подняла на него взгляд, но не смогла произнести ни слова.

Да и нужно ли?

— Вы сидели на верхнем ряду, в углу. Если бы я вас не видел, то и не сказал бы... того, что сказал. Это предназначалось вам. Только.

С каждым словом он делал шаг ко мне, а я пятилась, пока не уперлась спиной в стену, совсем как тогда, в его кабинете. И в остальном не оставляло ощущение, словно все это уже было когда-то.

Или должно было быть.

Именно так.

Близкое тепло и холодок по коже.

Дразнящая усмешка.

Вопрос и ответ в его глазах.

Пальцы, скользнувшие по моей щеке и запутавшиеся в волосах на затылке.

— Я все еще жду, Бет.

— Чего?

— Когда вы меня ударите.

— Вы... — Моя рука уперлась ему в грудь и скользнула вверх, обвила шею. — ...не сделали ничего, чтобы заслужить...

— Я как раз собирался.

Сумасшествие.

Но я подумала, что заслужила право хоть ненадолго сойти с ума. И это, в принципе, все, о чем я успела подумать.

Как там пишут в книгах, вспоминаясь сегодня по поводу и без: время остановилось? Замедлилось?

Чушь!

Время шло. Секунды вздрагивали на ресницах. Тянулись минуты — поцелуями, редкими прерывистыми вздохами, жадными прикосновениями. Время шло, отказываясь застывать или растягивать мгновения, не давая забыть, что у нас нет ни вечности, ни даже получаса.

Ни двери, которая закрывалась бы на ключ.

Хотя последнее и к лучшему, иначе неизвестно, как далеко зашло бы это безумие. И без того нелегко было остановиться, чувствуя, как в груди плавится свечным воском сердце...

Но я остановилась. Отстранилась. Поправила сползший с плеча халат. Пошатываясь, словно пьяная, дошла до окна, облокотилась на подоконник и прижалась лбом к холодному стеклу.

— Бет, — хриплый голос, ладони на моих плечах. — Не делайте так. Не убегайте. Это от своего героя вы могли сбегать, когда вам хотелось, а я ведь не герой, я вам этого не позволю.

— Вы не понимаете, — мой шепот отразился от стекла, оставив на гладкой поверхности мутное пятнышко. — Я...

— Что «вы»? — он развернул меня к себе. — Должны? Обязаны кому-то? Если бог, что привел вас ко мне, сделал это только для того, чтобы потом отдать другому, пусть скажет об этом. Сообщит устно или письменно, пришлет телеграмму или комету. Покуда я подобных посланий от всемогущего Мэйтина не получил, я не признаю никаких условий.

— Вы сумасшедший, — вздохнула я.

— Нет, я пытаюсь рассуждать здраво. А боги, если верить мифам, могут ошибаться или менять решения. Глупо отказываться от чего-либо, даже не попытав удачи.

— А если нам не скажут? Если по умолчанию нельзя нарушать условия?

— То есть Мэйтин допустит гибель мира просто оттого, что его ослушались, и никак не попытается этому помешать?

— Нет, но... Я не знаю. Правда не знаю. Можно... Можно мне пойти к себе, в общежитие? Я...

— Снова сбегаете, — усмехнулся он с грустью.

— Нет. Мне нужно время, и я... Я приду завтра. У леди Райс дежурство, и я приду, честно.

Так глупо это прозвучало, так по-детски, но я не нашла других слов.

— Завтра? — переспросил он серьезно. — Хорошо.

Сжал мои руки, быстро поднес к губам, развернулся и вышел.

Боже, мой боже, если ты слышишь, дай мне знак. Может, и правда не все твои-мои условия обязательны? А если все-таки да, дай мне сил. Но прежде дай мне несколько дней. Всего несколько дней с ним, пожалуйста, и чтобы после он забыл навсегда. А я — навсегда запомнила...

ГЛАВА 51

Да, я снова сбежала. Оглядывалась в больничных коридорах, пережидала за углами, избегая ненужных встреч, мчалась со всех ног в общежитие, чтобы быстрее очутиться в своей комнате и, сказаться хоть больной, хоть мертвой, лишь бы остаться одной.

Мне нужен был сон-забытье, сон-путешествие. Зеленый луг, успокаивающий свет единорога и бог-мальчишка, который, хотелось верить, не будет так жесток, чтобы не понять и не помочь... если это в его силах...

Одно «если» — и я трусливо медлила. Боялась задать вопрос, на который мне могли ответить виноватым пожатием плеч.

Зато знала, к кому можно обратиться, прежде чем беспокоить просьбами верховное божество.

— Элси? — удивилась Сибил, увидев меня на своем пороге. — Я собиралась к тебе в лечебницу.

— Меня уже вылечили, — вздохнула я. — Но не от всего. Погадаешь мне? На одного человека? Имя не скажу, но у меня есть его подарки.

Браслет и дракона я положила на расчищенный от бумажных завалов угол стола. Провидица достала карты.

— Это тот же человек? — спросила она, тасуя колоду. — Тот, кем ты интересовалась в прошлый раз?

Тогда я не интересовалась никем конкретным. Это она сказала, что я уже повстречала своего избранника — умного серьезного мужчину, на которого не произвела должного впечатления. Я думала об Оливере и даже не вспомнила о визите в лечебницу и уставшем докторе, спавшем за столом после ночной операции.

— Да, — кивнула я. — Тот же.

— Того, что он дарит тебе такие чудесные вещи, недостаточно, чтобы понять, как он к тебе относится? — гадалка коснулась браслета, провела пальцем по драконьему гребню. — Сделано с душой. Браслет — специально для тебя... Уверена, что нужно гадать на то, что и так ясно?

— На то, что ясно, не нужно, — согласилась я. — На то, что неясно. Я хочу знать, что нас ждет, если мы будем вместе. Точнее, стоит ли нам быть вместе?

— Но если вы любите друг друга...

Я усмехнулась про себя. При чем тут любовь? Что это вообще такое?

Существует ли она, если каждый зовет этим словом совершенно разные, непохожие, неповторимые чувства?

— Погадай мне, Сибил. Просто погадай.

Карты легли на стол рубашкой вверх. Три по центру, с четырех сторон от них — еще по две. Сибил поводила над ними ладонью и начала медленно переворачивать одну за другой. Нахмурилась — мое сердце пропустило удар — и покачала головой.

— Наверное, ты неправильно задала вопрос, — пробормотала она, изучая расклад.

С правильными вопросами у меня вечная проблема. Но сейчас я спросила именно то и именно так.

— Что говорят карты? Что-то плохое?

— Нет, — подруга неуверенно улыбнулась. — Непонятное. Карты показывают выбор. Ты спрашиваешь, что будет, а они не дают ответа — только выбор. Неограниченный выбор с неограниченным количеством вариантов, как хороших, так и плохих. Чтобы закончить расклад, нужно просчитать их все, а это...

— Займет всю жизнь, — прошептала я.

Замечательная подсказка! Ну спасибо тебе, боже.

Я вернулась к себе и только успела поставить на место дракончика и надеть браслет, как в дверь постучали с посланием от ректора. Через час мне нужно было прийти в главный корпус. «Хорошие новости», — радостно подпрыгивали буквы короткого письма, но меня эта радость не тронула. Видимо, задумка Крейга воплощалась в жизнь, и кто-то уже «вспомнил» пропавших. То, в чем Оливер углядел добрый знак, мне сулило новую встречу с библиотекарем.

Но об этом никто, кроме нас с инспектором, не знал, и настроение у членов экстренно собранной комиссии было взволнованно-приподнятое. Только леди Райс хмурилась, но лишь от того, что смотрела чаще других в мою сторону и не обманулась натянутой улыбкой.

— Думаю, мы можем продолжить обсуждение и без протоколиста, — заявила она во всеуслышание. — Элизабет только из лечебницы и еще нуждается в отдыхе.

Оливер стушевался под обвиняющим взглядом целительницы и согласился, что протоколист им и правда не нужен. А я порадовалась возможности опять сбежать: ведь, останься я до конца совещания, он наверняка пошел бы меня провожать.

— Завтра можете не приходите, — сказала мне леди Пенелопа. — Устройте себе выходной.

— Завтра? — Какая-то часть меня, маленькая и трусливая, ухватилась за это предложение, но я не позволила ей взять верх. — Нет, я приду. К восьми, как всегда.

Выбор? Я выберу.

И пусть Мэйтин, если не согласен, засветит мне в лоб молнией.

Хотела бы я сказать, что принятие решения сняло камень с души и я, отринув все обязательства, кроме обязательств перед собственным сердцем, устремилась навстречу грядущему счастью. И возможно, однажды так и скажу. Когда буду пересказывать эту историю внукам, например. Не признаваться же им, что бабуля Бет, проснувшись, и с кровати встать не хотела, малодушно мечтая, чтобы на нее рухнул потолок, после чего она либо навсегда избавится от проблем, либо попадет-таки в лечебницу, минуя все стадии сборов и сомнений?

Потолок падать отказывался. Пришлось вставать, идти в ванную, умываться, причесываться, одеваться. И думать-думать-думать...

По дороге в лечебницу я размышляла сначала о том, что было бы неплохо, прояви себя библиотекарь как-нибудь, и возможное покушение страшило меня меньше предстоящего разговора. Когда половина пути была пройдена, я резко изменила мнение, решив, что со стороны преступника будет непозволительной наглостью вмешаться в мою жизнь именно сейчас. А завидев больничное крыльцо, вернулась все же к первоначальному плану: пусть меня лучше убьют... только не до конца. Чтобы невозможный мой доктор лечил меня, сидел рядом, держал за руку... А там оно как-нибудь само...

— Элизабет!

Повернувшись на голос, я увидела Саймона. Он стоял у больничной ограды, в тени разросшегося куста сирени, чьи крупные набухшие почки уже дразнились зелеными язычками будущих листиков.

— Доброе утро, — я подошла к боевику. Несмотря на волнения, ему я была искренне рада. — Что вы здесь делаете?

— Решил до начала занятий узнать, как у вас дела, — улыбнулся он. — Все хорошо?

— Да, конечно.

— Вот и замечательно. Это, — он достал из кармана маленький бумажный мешочек, перевязанный розовой ленточкой, — вам.

— Спасибо, — поблагодарила я. Сквозь шелестящую обертку пробивался запах шоколада и миндаля. — А вы...

— Хорошего дня! — Саймон помахал рукой уже от портала.

— Хорошего, — согласилась я, с наслаждением принохиваясь к подарку. Такие конфеты продавались в кондитерской не на фунты, а поштучно, и стоили недешево. Но и вкус у них был — м-м-м...

Развернула мешочек, но полакомиться его содержимым не успела.

— Здравствуйте, Бет.

Я обернулась, спрятав сладкий подарок за спину.

— Доброе утро, доктор.

Внутри все переворачивалось от волнения, а губы невольно расплывались в улыбке.

— Что это у вас там? — он попытался заглянуть мне через плечо.

— Ничего.

— Ай-ай-ай, не стыдно обманывать старших?

Вот только этого не надо! Мне тоже не двадцать лет. Не совсем двадцать...

— Конфета, — призналась я, выставив вперед ладонь с шоколадным шариком. — Саймон угостил.

— Саймон, — насупился он притворно. — Мало мне одного героя, так у вас то оборотни с букетами, то боевики с конфетами. Видимо, придется на вас жениться, чтобы воспрепятствовать наплыву соискателей.

Конечно же, он шутил. Но... Мэйтин его разберет! С человека, признающегося в чувствах на лекции, станется сделать предложение посреди больничного двора.

Пока я думала что сказать, он как ни в чем не бывало протянул руку и взял с моей ладони шоколадку.

— Верните мою конфету! — потребовала я, так и не найдясь с ответом.

— Вашу? — усмехнулся он. — Привыкайте, Бет. Когда мы поженимся, все конфеты будут общими. Я бы даже сказал, они будут в основном моими. На прочее ваше имущество я не претендую, но сладости...

Он подбросил обсыпанный миндалем шарик и поймал ртом. Хмыкнул самодовольно и внезапно так и замер — с поднятой рукой, задранном вверх подбородком и медленно сползающей с лица усмешкой. Из уголка рта потекла тонкая шоколадная струйка.

— Доктор? — я невольно отступила на шаг, но тут же бросилась к нему.

Успела подхватить. Удержала каким-то чудом, не позволив рухнуть на землю. Уложила.

— Кто-нибудь... Помогите! — заорала, срывая связки.

Нащупала на груди кулон-передатчик и до отказа вдавила камень в

оправу. С такой же силой стиснула его холодеющую руку.

— Доктор, пожалуйста... Эдвард! Эд!

Появились люди. Много людей.

Они что-то делали, кричали, тормозили меня зачем-то, по щекам хлопали, словно это я лежала на земле без сознания.

Потом возникли откуда-то стены. Светлый проем окна в полупрозрачных волнах занавесок. Знакомая кушетка. Чьи-то руки, содравшие с меня пальто.

Стакан, в котором плескалась вода. Его подсовывали мне под нос, чередуя со смятой салфеткой, и я долго не могла понять, зачем мне эта салфетка. Насморка у меня нет. Испачкалась, может быть?

Затем будто спала невидимая завеса, отрезавшая меня от реальности, и я почувствовала резкий запах спирта и гвоздики.

Тут же вернулись все остальные чувства.

Я вскочила, но властная рука легла на плечо, вернув меня на кушетку.

— Посиди, девочка, — Крейг никогда прежде не обращался ко мне на «ты» и девочкой не называл, и от этого ощущение, что случилось что-то из ряда вон выходящее и ужасное, усилилось. — Посиди. Там знающие люди занимаются, а ты мне про конфету расскажи.

— Откуда вы... — начала я и умолкла: всплыло на границе сознания, что я говорила уже кому-то о конфете. Но не ему — кажется, доктору Кленси. Или леди Пенелопе, сейчас стоявшей рядом с полицейским. — Что с... доктором Грином?

— Занимаются, — повторил Крейг.

— Там был яд? Яд, да? — я смотрела на старика почти с ненавистью. Добился своего? Расшевелил библиотекаря? — Вы о таком, естественно, не думали! Не магия, не убийца на поводке — просто яд!

— Не просто. Про яд мы сразу думали и защиту сделали хорошую. Распознавание заложили. Сеть сработала бы, ты и дотронуться не успела бы. Думаешь, легко было такую защиту вокруг тебя держать и днем и ночью? Думаешь, чего ты жива до сих пор?

Крейг не кричал — рычал рассерженным зверем, и причин винить в случившемся меня у него было больше, чем у меня для упреков в его адрес. Это ведь я отдала эту чертову конфету Эду — его Эду, не моему. Моим он еще не стал, а со стариком, судя по тому, как они общались, их связывало многое. И если сейчас случится непоправимое...

— Саймон, — сказала я, отогнав последнюю мысль. — Саймон принес шоколад.

И заскулила, ссутулившись и закусив рукав платья, — теперь уже из-за Саймона.

Я же верила ему! Он поддерживал меня. Успокаивал. Выбивал из меня дурь на ринге и носил пироги своей мамочки...

Терпел боль, когда я вырезала на его теле имена пропавших.

Зачем? Чтобы получить оправдание тому, что помнит прежнюю реальность?

— Не Саймон, — новый голос заставил меня поднять заслезившиеся глаза.

Оливер. Он тоже был тут. Я даже огляделась, чтобы проверить, кого еще не заметила в комнатушке, примыкавшей к кабинету леди Райс.

Никого больше: я, наставница, Крейг и ректор.

— Это был не Саймон, — повторил он. — С семи утра мы вместе находились на полигоне еще с тремя преподавателями. Готовили площадку для комплексного экзамена. Этого не было в планах, окно освободилось неожиданно. Я сам посылал к Вульффу рано утром, чтобы предупредить. Тот, кто выбрал его личину, чтобы подобраться к вам, не мог этого знать. Хотя для него это вряд ли имело значение. Целью ведь было не Саймона скомпрометировать, а дать вам яд.

Не Саймон. Облегчение выплеснулось слезами.

Боже, за что? Почему не полосы даже, черные и белые, как у нормальных людей, а тонкие штрихи, распестрившие жизнь? Смех-слезы-радость-печаль...

Мне почти предложение сделали, и я почти согласилась, а тут...

— Сможете показать, где встретили того человека? — спросил ректор.

— Да.

Встала. Правое колено болело, и я не сразу вспомнила, как ударилась, стараясь удержать Эдварда. Но колено — мелочи, сама потом вылечу, как он научил.

— Милорд, — я сделала вид, что не заметила протянутой мне руки. — Что с доктором Грином? Как... — обернулась на Крейга: — Вы же сказали, что защита сработала бы, что я не взяла бы яд... А другой... Другой — да?

Полицейский и ректор переглянулись. Всклипнула леди Пенелопа.

— Защита основывается на распознающих заклинаниях, — сказал Оливер. — Базовое плетение включает информацию о большинстве известных ядов и их компонентов, но может не сработать, если речь идет об уникальной рецептуре или веществах, которые не включены в базу из-за их редкости. Мы не всё проверили, и...

— Что там было?! — не выдержала я.

— Похоже на яд василиска. Сейчас проводят тесты.

— Яд василиска, — повторила я. — Он же не смертельный? Только если запустить укусы, да? Я читала...

— Не смертельный, — тяжело выговорила Райс. — У тех тварей, что еще встречаются в природе. А тут... тут...

— Боюсь, тут использовали яд реликтового василиска, — закончил Оливер. — Настоящего василиска, обращавшего живое в камень.

— Но это... — показалось, что воздух превратился в удушливый дым. — Для него же...

Нет антидотов. Этот яд, как и взгляд мистического змея, превращал отравленного в камень. Не мгновенно, но тоже быстро. Всего за несколько часов...

— Можно его увидеть?

— Увидишь, — пообещал мне инспектор. — Только сперва покажи, где того человека встретила. Если следы остались, времени лучше не терять.

Я показала.

Ограда, куст сирени.

— Слепое пятно, — зло сплюнул Крейг. Поглядел на ректора, будто тот в чем-то виноват. — Слепое пятно, фон от портала, ты понял? Даже если бы она видела сквозь иллюзии, ничего не разглядела бы!

— А ваши люди? — спросил Оливер.

— Мои говорят, Саймон был. Отклонений не заметили. Но время — не больше пяти минут. Если качественная маска: слепок ауры, кровь, личные вещи... Скажу, чтобы поработали с ним. Менталистов подключу, пусть вспоминает, где и с кем пересекался, что терял, царапины, кровь из носа...

Мне это было неинтересно. Мелькнула мысль, как измучают Саймона полицейские спецы, выжимая нужную информацию, но в голове надолго не задержалась. Он же Стальной Волк, а ментальные щупы — не более прямого в челюсть.

— Если я уже не нужна, можно мне...

— Элизабет, мне кажется, вам не нужно...

— Вам кажется, — перебила я ректора, так же, как он не позволил договорить мне. Посмотрела на Крейга: — Инспектор, вы обещали.

— Идем, — вздохнул тот. — А ты, милорд, за старшего пока побудь.

— Я и так тут за старшего, — горько прозвучало в ответ.

Крейг остановился перед закрытой дверью. Взялся за ручку.

— Ты только не плачь при нем, ладно? А выйдешь, тогда уж...

Сам он не зашел. Сказал, что был уже и после еще заглянет, а постоянно там сидеть — тяжело.

Правильное слово. Мне тоже было тяжело. И тем докторам и сестрам, что находились в хирургической палате, где на высокой кровати лежал, по плечи накрытый простыней, их заведующий.

Глаза закрыты. Лицо серое, словно запыленное. Но не каменное. Пока...

— Мисс Аштон, — доктор Кленси заступил мне дорогу. — Вам нельзя здесь находиться.

— Почему?

— Это...

— Кленси! — хриплый голос заставил вздрогнуть не только любителя поить чаем мертвых котят, но и всех, кто был рядом. — Выйдите. И остальные... кроме Бет...

— Но, доктор Грин, я...

— Во-первых, я пока еще тут главный. Во-вторых... уважайте желание умирающего, что ли...

Не знаю, какой из доводов подействовал, но скоро в палате не осталось никого, кроме нас с Эдвардом. С Эдом. Теперь я могла его так называть. Пусть пока еще не вслух.

— Бет, вы здесь? — глаз он не открыл, но голову с трудом повернул.

— Да.

— Наверное, я вас... скомпрометировал, когда выгнал всех, чтобы остаться с вами наедине.

— Не страшно, — я погладила его по волосам. — Вы достойный человек, вам можно.

— Я... умираю, кажется...

— Нет! — я затрясла головой.

— Да. Так бывает...

— Нет! Даже не думайте! Слышите? Вы у меня еще поживете!

— У вас? — на посеревших губах появилась знакомая усмешка. — Нет, Бет, нет... Кто мне позволит жить в женском общежитии?

— Вы...

— Невыносим. Невозможен. Я помню. Но это ненадолго, потерпите...

— Не смейте так говорить, — всхлипнула я.

— Это правда, Бет. Я всегда говорю правду... почти всегда. А они не говорят... Василиск, да? На вас защита от ядов, но если это что-то экзотическое... Я подумал: василиск, гидра или мисайский гриб — редкие, но достать можно. Мне вводят антикоагулянты, разжижают кровь... Значит,

василиск. Я прав?

— Да, — сказала я коротко, чтобы он не услышал в моем голосе слез.

— Голова работает. Вы понимаете... все, что я скажу дальше, тоже не предсмертный бред. А я скажу...

— Не нужно...

— Все еще убегаете, мышка моя?

— Нет. Не хочу так.

— Думаете, я хочу? Но это... скромная просьба. Две просьбы. Во-первых, сейчас вы уйдете. Уйдете и не вернетесь, пока все не кончится. Даже если вам скажут, что я хочу вас видеть. Я боюсь, что не до конца буду в здравом уме и... Видеть вас я все равно не могу. Глаза уже... Не приходите. Обещайте, что не придете.

— Нет...

— Обещайте, Бет. Простимся сейчас, как... друзья...

— Друзья? — мне уже не плакать хотелось — выть в голос.

— Да. И вторая моя просьба, как к другу... Пойдите в мой кабинет. В верхнем ящике стола... ежедневник... Заберите его. Не хочу, чтобы он попал в чужие руки. Там нерабочее... не только рабочее.

— Рисунки, я видела. Извините.

Погладила его по щеке и закусил губу, поняв, что он не чувствует моих прикосновений. Но говорит еще. Улыбается, хоть и заметно, каких усилий ему это стоит.

— Видели? И как?

— Красиво. Эльфы. Эльфийки. Едино...

Я осеклась на полуслове. Сглотнула комом стоявшие в горле слезы.

— Единорог, — проговорила осторожно, боясь спугнуть робкую надежду. — Вы говорили, его кровь — абсолютное противоядие. Значит...

— Никто не позволит...

— Только не умирайте, — приказала я. — Дождитесь меня.

— Бет...

Я не слышала, что он говорил мне вслед. Гораздо важнее, что он скажет, когда я вернусь. И что скажу ему я.

Добираться в эльфийское посольство бегом слишком долго, но, чтобы воспользоваться порталной сетью, нужен был проводник из старших магов. Например, ждавший в коридоре Крейг. Я вцепилась в него и поволокла к выходу, попутно объясняя свой план. В глазах полицейского, сейчас ни капельки не косивших, вспыхнула радость, но тут же потухла. Потому что эльфы. Законы, правила, дипломатические отношения и прочая

внешняя политика.

— Нужно попытаться, — сказала я убежденно. — Я сама поговорю с послом, как частное лицо. Не можем же мы просто сидеть и ждать, пока он умрет?

То ли инспектор не хотел сидеть и ждать, то ли, посмотрев на меня, решил действовать по принципу «чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало», но через минуту мы стояли у ворот посольства.

— Леди Элизабет Аштон, — представилась я стражу у калитки. — К лорду Эрентвиллю. Полагаю, он знает, по какому вопросу.

Общения с Грэйнвиллем хватило, чтобы понять: эльфы в курсе всего, что происходит в академии, и новости, неизвестно по каким каналам, они узнают одними из первых.

Страж склонил на несколько секунд голову, словно раздумывал, что ответить, а затем, распрямившись, проговорил с равнодушной вежливостью:

— Лорд Эрентвилль вас примет. Без сопровождения.

Крейг, сам не желавший влезать в международные отношения, не протестовал.

На крыльце особняка меня встретила леди Каролайн, прекрасная и печальная.

— Мне очень жаль, — проговорила она с почти человеческой искренностью и истинно эльфийской сдержанностью.

Ее отец, ожидавший меня в малой приемной на втором этаже, был еще более скуп на слова. Выслушал и бросил коротко:

— Нет.

— Умоляю вас! — если бы я думала, что это поможет, и на колени упала бы. — Это единственное средство против яда василиска.

— Эноре кэллапиа неприкосновенны. Это незыблемый закон.

— Когда речь шла о вашей жизни, доктор Грин не побоялся нарушить незыблемые законы!

— Он не нарушал законов, — парировал посол. — Он нашел способ их обойти. В данном случае обойти закон невозможно.

— Это исключительный случай! — сорвалась я на крик. Сложно держать лицо, когда это лицо в слезах. — Так сделайте исключение!

— Подобное исключение создаст прецедент.

— Но он же умрет!

Идя сюда, зная о непробиваемости эльфов, я все равно отчего-то не сомневалась, что все получится. Лорд Эрентвилль разбил мои иллюзии в прах еще до того, как открыл рот, одним своим видом, но надежда долгие

секунды теплилась в душе. Теперь и этот огонек гас.

— Доктор Грин — хороший человек, — сказал посол. — Я скорблю вместе с вами.

— Чтоб вы сдохли, — прошептала я. — Чтоб вы...

— Вам нужно на воздух, — леди Каролайн, достойная дочь своего отца, властно взяла меня под руку и потащила к двери, только вывела не на внутреннюю лестницу, а на открытую галерею, тянущуюся на уровне второго этажа вдоль боковой стены здания.

Свежий воздух меня не успокоил...

А вот пощечина подействовала.

— Соberись, — процедила сквозь зубы внезапно растерявшая аристократичные повадки девица. — Платье не мешает тебе прыгнуть?

— Куда? — спросила я ошалело.

— Туда, — она кивнула вниз, на домик единорога. — Поговори с ним. Возможно, он придумает, как тебе помочь. Но придется меня ударить. По-настоящему.

— Зачем?

— Твоя магия в этих стенах бессильна. А меня тут слишком хорошо знают, чтобы поверить, что я просто так тебя упустила. Поняла?

— Поняла, — кивнула я, в самом деле начиная что-то понимать.

— Ударись меня, спрыгнешь. Отобьешься от стража, что бросится к тебе от ворот. Он плохой боец, это будет легко. Помнишь, как открывать дверь? Рычаг вниз. Внутри тоже есть рычаг, справа. Поднимешь, повернешь, и снаружи никто уже не откроет.

— Давно ты меня узнала? — это не имело значения, особенно сейчас, но я не могла не спросить, потому что сама узнала ее только теперь, по шипящему шепоту и ставшей хищной ухмылке.

— Давно. Ты двигаешься одинаково и в жизни, и на ринге. И ведешь себя одинаково — всегда и во всем сомневаешься. А в последний вечер Волк назвал тебя по имени. Но, думаю, ты все же не так проста.

Видимо, это был комплимент. Странный от дочери эльфийского посла и в чем-то лестный из уст Дикой Кошки.

— Пора, — шепнула она, когда мы дошли до середины галереи. — Только не вздумай обидеть его.

— Не обижу, — пообещала я.

Сделала шаг в сторону и без предупреждения, по-настоящему, как она и просила, ударила Каролайн кулаком под дых, оттолкнула от себя и, подобрав юбки, забралась на широкие перила. Примерилась к высоте и спрыгнула на поросший молоденькой травкой газон. Недавно

травмированная голень и сбитое колено напомнили о себе, но боль не могла меня остановить. Что до кинувшегося за мной стража, то Кара-Кошка сильно его переоценила: он меня даже не догнал.

Первый рычаг вниз. Второй — вверх и повернуть.

Ну здравствуй, диво дивное. Я к тебе.

ГЛАВА 52

Теплое дыхание высушило слезы. Губы в мелких ворсинках коснулись лба. Но сегодня его близость не уняла дрожи в руках и не прогнала тревогу из сердца. Я обняла гибкую шею и расплакалась. Не для того, чтобы разжалобить, а потому что поняла вдруг, насколько глупо было прийти сюда.

— Дура, — прошептала обреченно.

Стук в дверь, гомон под окнами...

Я улыбнулась через силу и поцеловала свое чудо между раздувающихся ноздрей.

— Кара передает привет.

Она хорошая. Только ума у нее не больше моего. Добраться сюда было несложно. А выбраться?

— Они ведь меня не выпустят, если я возьму твою кровь? А если не возьму, зачем мне выходить?

Останусь тут. Буду спать на сене, любоваться своим белогривым дивом и слушать ругань эльфов под окнами. А когда надоест, заберусь на ящик в углу, закрою глаза и уйду в подпространство. Найду дверь в мир, где лето пахнет яблочным пирогом, и останусь там, забыв уже о двух своих не сложившихся жизнях...

Боже, за что?

Если я не заслуживаю счастья, зачем лишать меня его так, вместе с дорогими людьми? Хочешь причинить мне боль — оставь их жить, сделай счастливыми. Без меня счастливыми, чтобы я смотрела со стороны и мучилась, чувствуя свою ненужность. Это ведь больно. Все говорят, что больно, хоть самой мне не довелось испытать подобного. Так, может, теперь?

Что же ты молчишь, боже?

Или не слышишь снова? Потому что я не верю, да?

А я не знаю, как в тебя верить. И как верить тебе. Ты обещал, что будешь рядом! Обещал чудо, когда оно понадобится. И что? Единственное тут чудо глядит на меня печально и молчит...

В домик перестали ломиться. На несколько секунд стало тихо, а затем в дверь громко и как-то неожиданно вежливо постучали: тук-тук.

Так и хотелось ответить: «Кто там?» Но вряд ли это почтальон, принесший заметку про нашу девочку, в очередной раз оказавшуюся

идиоткой. В последний раз — только это и утешает.

— Элизабет! — донеслось до меня. — Элизабет, вы меня слышите?

Я вас прекрасно слышу, милорд. Быстро вы добрались.

— Отзовитесь, пожалуйста!

Говорить хотелось, но я ответила — прошла к внешней двери и стукнула по ней кулаком.

— Элизабет, умоляю, — голос стал тише, но и тревожнее. — Выходите. Уверен, что вы не причинили вреда эноре кэллапиа. А если так, лорд Эрентвилль не станет выдвигать обвинений...

О! Так все официально и цивилизованно. Обвинения, после — видимо, суд. А я уж думала, что меня просто встретят на выходе эльфийские сабельчики и изрубят в капусту. Или из арбалетов расстреляют — зачем-то же они держат в посольстве арбалеты?

— Пожалуйста, — ректор перешел на шепот. — Не делайте ничего, что... иначе они не выпустят вас живой. Я не смогу защитить вас...

Так все-таки не выпустят? И суда не будет? Запуталась я в этих эльфийских законах.

— Элизабет, я... не хотел говорить так, но в этом нет смысла. Уже поздно...

Нет.

Не может быть.

Я открыла рот, но не смогла издать ни звука. Не смогла сказать ему, что он, наверное, ошибается и ничего еще не поздно...

Не поздно ведь?

Тихо переставляя ноги, будто опасалась, что за дверью услышат мои шаги, я вернулась к единорогу.

Не может же так? Глупо — из-за какой-то конфеты...

Боже, я помню, ты обещал мне чудо! И что не в твоих силах вернуть того, кто уже ушел за грань, я тоже помню. Но разве чудо — это не что-то невозможное? Настоящее чудо? Сотвори его! Бог ты или беспомощный мальчишка?

Я опустила на пол, и когда рядом появился долгожданный тинейджер в черной футболке, даже ползти к нему не смогла.

— Я говорил, что не могу никого воскресить.

Значит, конец? Нет! Не верю!

— Не верь...

Он приблизился, присел на корточки.

— На что ты готова, чтобы защитить небезразличного тебе человека?

На все.

— И на ложь? На такую ложь, которую тот, за кого ты борешься, может никогда тебе не простить?

Да, да, да! Тысячу раз да!

— Значит, поймешь, зачем он это сделал.

Кто «он»?

— Оливер Райхон.

Все равно я не понимала.

Долго не понимала...

А когда поняла, схватилась за грудь в том месте, где сердце билось о ребра и рвалось наружу.

— Так это... это неправда, что...

— Я же сказал: не верь, — слабо усмехнулся самый лучший во всех вселенных бог.

— Мэйтин, ты...

— Слышал. Самый лучший бог. А если сотворю чудо?

Лучше ты уже не станешь, боже, дальше просто некуда. Но я тебя расцелую.

— Не угрожай мне. И еще... — лицо его стало серьезным. — Взамен ты должна пообещать мне кое-что.

Все что угодно!

— Сделай все правильно.

Я кивнула, не задумываясь, чем придется поступиться ради выполнения этого обещания.

— Умеешь ездить верхом? — Мэйтин подошел к единорогу и ласково потрепал его по шее. — Без седла и уздечки неудобно, но еще ни один единорог не уронил свою наездницу.

— Что?

— Наездница. Ты. Слышала же эти легенды? Эноре кэллапия не каждую девственницу к себе подпустит, а уж влезть себе на спину позволяет только избранным.

— Ты серьезно?

— А ты думала, я хлопну в ладоши, и твой доктор исцелится? И что это было бы? Единичный случай в истории медицины. Человек, организм которого справился с ядом реликтового василиска. Нет, я обещал чудо, а не научную сенсацию. Так что давай подсажу.

Он забросил меня на спину весело фыркающему в предвкушении прогулки единорогу и пошел к входной двери, в которую до сих пор кто-то стучался, на что-то меня уговаривая. Взялся за рычаг и подмигнул:

— Готова? Тогда вперед!

Я не видела никого и ничего: крепко обхватила ногами бока единорога, припала к его шее, зажмурилась и, хоть и не было причин не верить Мэйтину или в Мэйтина, не переставала молиться, чтобы не опоздать. Но нашлись свидетели, рассказывавшие потом, как эльфы замирали и благоговейно склоняли колени перед ожившей легендой, а сам лорд Эрентвилль чуть ли не плакал, с крыльца наблюдая, как дева и единорог покидают посольство через ворота, без посторонней помощи распахнувшиеся перед ними.

Я не слишком доверяла бы этим рассказам. Потому что говорили после многое. И о том, что волшебный эноре кэллапия летел, не касаясь копытами земли. И что дева восседала на нем, гордо выпрямив спину, а ее длинные волосы и белоснежные одежды развевались на ветру...

Волосы лишь растрепались немного. Темно-синее платье задралось на бедра, и развеяться мог разве что краешек выглядывавшей из-под него сорочки. Прямая спина? Вот уж действительно миф! Только когда мой скакун сбавил шаг, я решилась открыть глаза и приподняться. Узнала больничный двор, высокое крыльцо.

Ниц никто не падал, и хвалебных песнопений я не слышала, пока мы пробирались по коридорам и лестницам к дверям нужной палаты. Ойкали несколько раз, шарахаясь с нашего пути, а я думала о том, как хорошо, что в лечебнице такие высокие потолки, и о том, что Кленси теперь точно не посмеет меня не впустить, даже если Эд уже не сможет поставить его на место...

Он не смог бы.

Лежал неподвижно.

Не услышал, когда я позвала.

Каменная пыль полностью покрыла его лицо. Спаяла веки. Облепила растрескавшейся коркой приоткрытый рот, из которого еще вырывался с тихим сипением воздух.

Оливер не сильно погрешил против истины. Ничего уже нельзя было сделать. Привычными средствами нельзя, магией и лекарствами. Но у меня было чудо.

Единорог склонился над Эдвардом, моргнул, и из больших звездных глаз покатались слезы. Текли по белой искристой шерсти, оставляя влажный след, и падали вниз. Смывали серый налет, впитывались в ожившую кожу...

Слезы!

Я отступила от постели и зажала ладонью рот. Если бы кому-то из

находившихся тут врачей или сестер бледная девица стала внезапно интереснее творящегося на их глазах дива и они обернулись ко мне, решили бы, что меня душат рыдания. А я едва сдерживала смех.

Все рассчитал чудотворец белобрысый!

И чудо настоящее, хоть щупай его. И эльфы международный скандал не устроят, еще и уверять будут, что у них и в мыслях не было мне мешать и тем паче убивать, а в домик ломились, чтобы узнать, не нужно ли чего прекрасной деве. И прецедентов нарушения законов мы не создали, священной крови не пролили. А на слезы запрета нет. Используйте себе, если получится заставить эноре кэллапия прослезиться.

Мне нужно было остаться в палате, рядом с Эдом, быть первой, кого он увидит, когда откроет глаза, первой, кому улыбнется, когда поймет, что каменная смерть отступила. Но я снова струсила.

Единорог, почувствовав мои намерения уйти, обернулся и кивнул, прощаясь до следующей встречи.

Он сам возвратится в посольство. Если захочет. А нет — убежит в горы. Странно, что прежде я думала, будто его держат в загородке, словно обыкновенного коня. Кто или что может его удержать? Но у эльфов ему неплохо: кормят, поят, девственниц приводят, шприцами колоть не позволяют. Вернется, наверное.

Я спустилась в кабинет леди Пенелопы, прошла в смежную комнатку и забралась с ногами на кушетку. Наставница отсутствовала, а значит, можно было спокойно подумать. Только не о том, чего теперь не изменить...

Лучше о библиотекаре. О том, как он провел очередное покушение. О том, кто мог это организовать.

Положим, то, что я приду сегодня, знал любой, кому известны нюансы моего обучения и расписание леди Райс. Но кто знал о Саймоне? Наши тренировки — тоже не тайна, но человек, надевший личину Стального Волка, должен был понимать, что отношения у нас не только рабочие и шоколад меня не удивит. Кто знал о шоколаде? Библиотекарь, раз уж решился избавиться от меня этим способом, был осведомлен о моих взаимоотношениях со сладостями не менее хорошо, чем о дружбе с бывшим куратором. Кто...

Схема, начавшая рисоваться в моем мозгу, смылась подступившими слезами. Мысли о библиотекаре стерлись другими. Если бы пришла леди Пенелопа, я снова разрыдалась бы на ее плече...

Но вместо наставницы пришел ректор.

— Не нужно ничего объяснять, милорд, — сказала я прежде, чем он открыл рот. — Я понимаю, что ваш обман был продиктован благими

намерениями, и не могу осуждать вас. Но говорить с вами не хочу.

— Элизабет...

— Простите, я желала бы побыть одна.

Хотя бы сейчас. А потом я выполню обещание, сделаю все правильно, и мы с ним будем жить долго и счастливо. Каждый в своем наглухо закрытом мирке.

Когда Оливер ушел, стало еще хуже. Тоскливо и одиноко.

Даже то, что через пять минут вернулась леди Пенелопа, не отменило этого одиночества. Как и то, что еще через полчаса появились Мэг и Сибил, а следом за ними — Рысь и Шанна: весть о моей поездке на чудесном эноре кэллапия облетела академию быстрее, чем это сделал бы сам единорог.

Наставница обняла меня, надолго прижав к груди, а затем, словно позади остался длинный разговор, в котором все уже сказано, предложила чаю.

Друзья жаждали объяснений. Подробностей. Подтверждений и опровержений. Я отвечала коротко и сухо, но они не замечали моего настроения, продолжая сыпать вопросами. Пришлось намекнуть, что инспектор Крейг ждет своей очереди узнать нюансы сегодняшнего происшествия.

— Приготовить тебе что-нибудь к возвращению? — спросила Сибил напоследок. — Что-то особенное?

О, да! Постель из розовых лепестков и ванну с шампанским... Хотя последняя идея не так плоха. Не исключено, что вечером я захочу выпить.

Если бы я решила вернуться в общежитие с подругами, с этим никто не спорил бы, но с моей стороны было откровенной трусостью сбежать еще дальше. Поэтому я просто ждала.

И дождалась.

Он вошел тихо, остановился в дверях. Волосы растрепаны, мятая рубашка застегнута наспех всего на две пуговицы, на ногах — тапочки, какие выдают местным пациентам. Посмотрел на меня и, кажется, сразу все понял. Но все-таки улыбнулся:

— Думал, только мне с вами нелегко, Бет. Но, говорят, вы и единорога умудрились до слез довести.

— Угу. И лорда Эрентвилля до предынфарктного состояния. Надеюсь.

В груди защемило. Руки задрожали от безумного желания — броситься к нему, прикоснуться, пригладить волосы, пуговицы застегнуть... или расстегнуть, оторвать к демонам... Зацеловать всего. И

пощечину вlepить, чтобы не смел есть мои конфеты. И умирать чтобы больше не смел...

Он сам подошел. Сел рядом. Не на кушетку — на пол. Уткнулся лбом мне в колени.

— Я просил телеграмму от бога, — проговорил негромко, в то время как я, не сдержавшись, запустила пальцы ему в волосы. — Телеграмму или комету. А это была отравленная конфета. И не от бога, а от библиотекаря. И не мне, а вам. Не считается.

— Не считается? — хотелось кричать, но голос прозвучал спокойно. — По-вашему, это игра?

Он перехватил мои руки, поднял голову.

— По-моему, это случайность. Боги не имеют к ней никакого отношения.

Я отвернулась, не выдержав его взгляда.

— Боги имеют отношение к плачущим единорогам. Мне напомнили об условиях, и я намерена их выполнить.

— Бет, это же чушь. Неужели ваши боги так жестоки?

— Мои? — взвилась я. — Это ваши боги! И ваш мир. Ваш, не мой. Я тут не задержусь. Поэтому мне безразлично... безразлично, что за условия. Я их выполню и вернусь домой. А вы...

Я собиралась сказать, что его вообще не должно было быть в этой истории, но не успела. Потому что он был: руки, обнявшие меня, укутавшие теплом, губы, недавно окаменелые, а сейчас мягкие и нежные...

Он был, и я не могла его потерять. Собрала силу на кончиках пальцев и отшвырнула его от себя.

— Даже приближаться ко мне не смейте, — приказала дрожащим от злости голосом. — Никогда.

Потому что у меня нет больше в запасе чудес.

Вылетела в коридор, растолкала собравшуюся под дверью толпу и ринулась к выходу. Пальто? В первый раз мне его забывать, что ли? У калитки кто-то схватил меня за руку, и я, не глядя, ударила коротким разрядом.

— Не кипятись, — Крейг будто ничего и не заметил. — Не надо. Живы все, и ладно. Остальное — потом как-нибудь.

— Как? — всхлипнула я, чувствуя, что самообладания осталось ненадолго.

— Мне-то откуда знать? Это ж ты у нас... аномалия. Пойдем-ка, провожу, чтоб не замерзла.

Вывел меня порталом к общежитию.

— Магию потерявшуюся поймала? — спросил задумчиво. — Хорошо. И что не сказала никому, тоже хорошо. Может, кой-кому сюрприз сделаешь. Хотя, боюсь, после сегодняшнего этот кое-кто от тебя любых сюрпризов ждать будет.

Я глубоко вдохнула и медленно выдохнула. Прав инспектор: потом как-нибудь.

— Что, по-вашему, он теперь сделает?

Полицейский пожал плечами:

— Кто ж скажет? Либо поостережется впредь к тебе лезть, либо вразнос пойдет. Я на второе ставлю. Он-то уверен, что старая реальность возвращается, про единорога знает уже. Бойтся тебя. Должен бояться. Выезжающие у меня давно на контроле, если сбежать задумает. А тебе охрану усилю, посмотрю, что мы, кроме ядов, упустили.

— Простите, — пробормотала я.

— За что? — удивился Крейг.

— За то, что раньше не думала, сколько сил уходит на мою охрану. Если бы не... я, наверное...

— Пустое, — отмахнулся он. — Работа у нас такая. Мороки много, да. Зато схему составили — ух! Особ королевской крови так не стерегут! Да только, — старик нахмурился, — не все так ладно. Тебя-то уберегли, но и библиотекарь наши ловушки обходит, словно сам их ставил.

— Думаете, утечка?

— Думаю, умный гад. И это-то мне не нравится. У меня все умники обычно под учетом. По-хорошему, в основном. Вот как приятель твой. Или... — Крейг проглотил продолжение, но я знала те два имени, что он мог назвать. — А эту сволочь, выходит, у себя под носом проглядел!

— Может, и не проглядели, — утешила я. — В прошлой реальности. А в этой он сразу другим был, а только потом, после слияния...

— Знать бы, чего он добился тем ритуалом. Хотя понять, чего хотел-то.

Ну да. Узнаешь мотив — найдешь преступника. А еще: ищи, кому выгодно. Или... Не помню уже, как там в детективах было.

— Потом все, — улыбнулся, отогнав тревожные мысли инспектор. — Поговорим еще. Про единорога мне расскажешь. И про остальное. Я теперь и за тобой приглядывать буду, чтоб чего интересного не пропустить.

— Зачем за мной? Вы же умников коллекционируете. А я...

— И ты умница. Только молодая еще. По молодости оно... Да хоть батюшку своего расспроси, ежели он расскажет, конечно. А у тебя еще и ненужного много, что в голове, что на сердце. Брось ты это дело, глупости собирать, тогда правильным вещам место останется. И беги уже, пока не

замерзла. А то ить придется в лечебницу тебя вернуть.

Возвращаться в лечебницу мне было нельзя, поэтому я попрощалась с инспектором и взбежала на крыльцо. За то время, что мы с Крейгом стояли у общежития, на ступеньках собралось с десяток жиличек во главе с престарелой смотрительницей. Таращились на меня с любопытством, ровненько выстроившись по обе стороны от двери, но спросить ни о чем не решились. Я оглядела этот почетный караул и подумала, что, пожалуй, смогу привыкнуть к такому проявлению народной любви. Лишь бы волосы на сувениры не драли. А там — забудется. Глория мунди, как известно, быстро проходит.

Все проходит со временем.

А время бежит быстрее в дружеской компании под душевный разговор и крепкую настойку — подруги все-таки приготовили мне «что-то особенное».

Еще бы не отвлекали четырежды приходившие посланцы лорда Эрентвилля!

Но когда выяснилось, что розовая эльфийская бумага, сгорая, источает аромат фиалок и искрит как маленький фейерверк, дело пошло веселее. А «посланцы посла» — вообще презабавное словосочетание. Как и «послать посланцев посла», что я регулярно делала.

Утром мне даже не понадобился антипохмельный эликсир, хоть не скажу, что чувствовала я себя настолько хорошо. Скорее, настолько плохо, что последствия вечерних возлияний на фоне всего остального просто не ощущались. Однако на вопрос соседки, чем собираюсь сегодня заняться, бодро ответила, что уж никак не прятаться, и принялась собираться, чтобы пойти с ней на факультет, где леди Райс сегодня проводила занятия.

В принципе, провести день с наставницей было равносильно прятанью. В аудитории она меня не брала, а студентов, толпившихся под дверью ее кабинета, и преподавателей, которым срочно что-то нужно было у нее узнать, выпроваживала на раз. Исключение сделала только для милорда Райхона. Но на то он и ректор.

— Леди Пенелопа, — Оливер поклонился целительнице. Обернулся ко мне: — Мисс Аштон. Лорд Эрентвилль сообщил мне, что вчера неоднократно пытался связаться с вами, но вы не отвечали на его послания.

— Я их даже не читала. Там было что-то важное?

— Приглашение. Сегодня в посольстве пройдет торжественный прием, закрывающий десятидневные весенние празднования, и лорд Эрентвилль хотел бы видеть вас на нем в качестве почетной гостьи.

Праздничная декада, точно. Тихо ее эльфы отгуляли, без огонька. Если бы не я, совсем скучно было бы.

— Эльфы с почтением относятся к эноре кэллапия, — продолжал ректор. — Не меньшего почтения, по их мнению, заслуживает и та, кого чудесное создание избрало наездницей. Подобное — большая редкость. Неудивительно, что новость уже достигла дворца эльфийского владыки. Его младший брат, принц Антайвилль, прибудет в академию, чтобы познакомиться с вами.

— Младший брат? — я сморщила нос. — Всего лишь? А почему не сам владыка?

— Он не может покинуть подданных в последний день торжеств, — серьезно, словно не понял сарказма, ответил Оливер. — Я знаю, что вчера у вас с лордом Эрентвиллем вышли некоторые разногласия, но, думаю, вы понимаете, что виной тому не его враждебность, а различие наших культур.

Я вспомнила холодное лицо посла и высказанные мне прежде слова соболезнования и сжала под столом кулак.

— Так что мне сказать эльфам? — спросил ректор, чувствуя, что пауза затягивается.

— Скажите, пусть идут в задницу, — выговорила я четко.

— Элизабет! — возмущенно воскликнула леди Райс.

— Простите, леди Пенелопа. Я имела в виду, что им не помешало бы заняться исследованием толстого кишечника, но прежде отыскать туда путь и ненадолго задержаться на входе.

— Так-то лучше, — одобрила наставница. — Но над формулировками все же следует поработать.

Милорд Райхон поглядел на нас обеих по очереди и кивнул своим мыслям.

— Я предвидел подобный ответ, — сказал он мне. — Но с вами еще кое-кто хотел побеседовать.

— Кто же? — осведомилась я без интереса.

— Ваш отец. Он телефонировал мне вечером, и я обещал, что с утра организую вам разговор.

С этого и нужно было начинать, а не с каких-то там эльфов!

Для разговора пришлось переместиться в кабинет ректора. Оливер подошел к телефону, снял трубку, но тут же вернул на рычаг.

— Элизабет, прежде я должен сказать вам... Лорд Арчибальд, как и многие другие, не знает подробностей вчерашнего происшествия. История об отравленном шоколаде успела просочиться в народ, но подобные случаи всегда обрастают слухами до появления официальной версии.

Официальная же версия такова, что доктор Грин пострадал при работе с редкими ядами. Это его собственная идея. Правдоподобно — ведь все знают о его любви к экспериментам, — не вызовет паники в академии и не заставит ваших родителей тревожиться за вашу жизнь.

Будто библиотекаря нам мало, так еще мы сами пишем новую реальность. Официальную. Джереми Адамс стал жертвой взбесившегося ножа-артефакта, другой артефакт испортил защиту эльфийского корабля, и я выпала за борт, Лидия свернула себе шею, когда бродила ночью по кладбищу, а теперь Эдвард Грин отравился, экспериментируя с редкими ядами.

— Но если вы решите открыться отцу, — продолжил Оливер, — и, возможно, уехать, я это пойму. Даже одобрю, наверное.

— Значит, вы обсуждали случившееся с Грином? — сменила я одну неудобную тему на другую.

— Да. И он знает, что я сделал, вернее, пытался сделать, если вы об этом.

— Не сомневаюсь, — усмехнулась я. — Знает, обид не держит и, конечно, сказал, что на вашем месте поступил бы так же.

Вчерашний день оставил мутный осадок в душе, и я еще не разобралась, кто виновен в том, что сейчас мне так мерзко, — ректор, эльфы или же я сама.

— Доктор принял приглашение лорда Эрентвилля и будет на сегодняшнем приеме, — добавил Оливер.

«В качестве новой почетной жертвы?» — хотела съязвить я, вспомнив, что на открытии праздничной декады эта роль была моей.

— Вы обещали мне разговор с отцом, милорд.

Он вернулся к аппарату и продиктовал телефонистке номер. Дождавшись ответа, передал мне трубку и вышел из кабинета.

— Здравствуй, папа. Это я.

Забери меня отсюда, пожалуйста...

— Здравствуй, малышка. Снова дружественный народ обижаешь? Сначала корабль им сломала, теперь коня волшебного свела.

— Папа, скажи честно, эльфы достали тебя в столице, чтобы ты уговорил меня пойти на их идиотское торжество?

Он обиженно вздохнул.

— Я хотел узнать, как ты там. Теперь понимаю, что плохо. И нет, меня не эльфы достали. Лорд Эрентвилль телефонировал в частном порядке, но о приеме не заикался. Сказал, что у меня чудесная дочь, будто я сам этого не знал. Потом объявился советник министерства иностранных дел... Не

бери в голову. Хочешь, буду у тебя через час?

— Зачем?

— Просто.

Это было бы здорово, но совсем не просто.

— Извини, малышка.

— За что?

— За то, что ничего не могу изменить в этом мире. Даже чудеса тут протоколируют, согласовывают и подшивают в архивные папки.

— Хочешь, чтобы я пошла на этот прием? — спросила я прямо.

— Если честно, я хочу, чтобы тебе опять было семь и ты каталась бы на моей шее, а не на единорогах. Что до приема — реши сама. Не хочешь — не ходи. Будут докучать — сообщи мне. Отобьемся как-нибудь от великой славы. Могло ведь быть и хуже.

Тон последней фразы, резко серьезный, выбивающийся из его обычной полусутоливой манеры, насторожил.

— Насколько хуже?

— Я знаком с лордом Эрентвиллем, Элси. И считаю его неплохим... неплохим эльфом. К тому же он сам отец. Думаю, он искренне сожалел бы, если бы ему пришлось передавать мне твой труп. А я сожалел бы, что не могу свернуть ему шею. Хотя, может, и нашел бы способ.

— Папа...

— Ты сильно рисковала, малышка, и я хочу понять, ради чего. Вернее, ради кого. В прошлую встречу ты рассказывала...

— Это никак не связано, — прервала я его. — Мы с доктором Грином вместе изучали единорога, я тебе говорила. Потому я и догадалась, что может стать противоядием. И пошла в посольство...

— Он тебе не нужен.

— Что?

— Он тебе не нужен. Этот доктор. Потому что, прости за прямоту, он придурок, если верит в то, что ты сейчас сказала. А придурка можно найти и посOLIDнее, уж поверь, выбор богатейший.

— Папа, пожалуйста. Я говорила, что не стану обсуждать подобное.

— Прости, — сказал он после паузы.

— Не извиняйся. Это я должна просить прощения за то, что доставляю столько хлопот в последнее время. Постараюсь не делать больше ничего такого.

— Не ездить на единорогах? — в голосе отца снова послышалась улыбка.

— И не падать с летающих кораблей, — улыбнулась я в ответ. — И

успокой иностранного советника, я пойду на прием. Там ведь будет настоящий эльфийский принц.

И не только принц. Но я запретила себе об этом думать.

Милорд Райхон сдержанно порадовался моему благоразумию, узнав, что я решила принять приглашение лорда Эрентвилля, и предложил проводить меня в общежитие. Казалось, объяснений не избежать, но никто из нас не отважился начать первым, и в итоге молчали всю дорогу. А у самого общежития нам встретился Саймон.

— Он настоящий, — сказал Оливер, когда я с силой вцепилась в его руку. — И не виноват, что преступник использовал его личину.

— Знаю, — пробормотала я пристыженно.

— Думаю, мистер Вульф хотел бы поговорить с вами. Увидимся вечером, Элизабет.

С этими словами он исчез, а я, глубоко вдохнув и приказав себе не дрожать, направилась к Саймону.

— Можете меня ударить, — разрешил он.

— Обязательно, — пообещала я. — Завтра, на тренировке.

— Вы придете? — радость смешалась с недоверием.

— Если вы не отмените занятий.

Я по-прежнему считала Саймона другом, но, видимо, понадобится немало времени, чтобы он перестал ассоциироваться с событиями вчерашнего дня. И он чувствовал мое отношение. Разговор не затянулся, но оставил горькое послевкусие.

«А ведь еще не вечер», — подумала я с тоской и пошла к себе — выбирать достойное встречи с эльфийским принцем платье. Жаль, что у нас с Сибил разные размеры, а то бы я одолжила кое-что из ее гардероба.

ГЛАВА 53

Я была уверена, что в посольство меня проводит Оливер. Но вместо ректора явилась Каролайн. Зашла прямо в комнату, когда я при помощи подруг заканчивала сборы. В ее внешности и манерах снова не было ничего, что напоминало бы о задиристой Дикой Кошке, и от осознания, как много людей и нелюдей прячут за масками истинные лица, становилось одновременно и смешно, и грустно.

— Вы умеете удивлять, Элизабет, — улыбнулась она вежливо-отстраненно. — У вас неплохой удар и реакция, когда это нужно.

— Боевой? — спросила я у нее, когда мы спустились к выходу.

— О чем вы?

— Ваша первая специальность — боевая магия?

— Нет, конечно, — она рассмеялась легко и непринужденно, и я подумала, что у некоторых, может, и нет никаких масок — только несколько лиц, каждое из которых настоящее в какой-то момент. — Я закончила факультет искусств по музыкальному направлению. Потом увлеклась артефакторикой. Остальное — для души. Не во всем ведь нужно искать практическую пользу, как, например, в этом?

Она приподняла рукав, демонстрируя уже виденный мной браслет-телепортатор, взяла меня под руку, и мы переместились во внутренние покои посольства, в комнату Каролайн.

— Мое собственное изобретение, — похвасталась она. — В нем ключ, чтобы можно было проходить через здешнюю защиту.

— Но ведь посольство защищено магией эльфов, — не могла не заметить я, хоть все это — артефакты, телепорты и прочие магические штучки — волновало меня сейчас в последнюю очередь.

— Вот именно, — важно кивнула Кара. — Поэтому телепортационное заклинание на браслете — из арсенала людей, а для вплавления я брала кусочки эльфийских плетений, не нарушая их структуры. Отец помог.

При последних словах она посмотрела на меня, желая знать, какую реакцию вызовет упоминание ее дражайшего родителя. Реакция была ожидаемой: зубы свело, а рот перекосило, словно вместо сочного апельсина мне поднесли такой же сочный лимон, и захотелось не менее сочно выругаться...

— Ваш наряд не подходит для сегодняшнего торжества, — выдала вдруг полуэльфийка, оглядев мое платье, цвет которого портниха когда-то

назвала розовой лавандой. — Раздевайтесь, наденете что-то более подобающее событию.

— Белоснежное и развевающееся? — предположила я.

— Белый не твой цвет, — Кара, не меняя тона, перешла на «ты». — Голубой будет лучше.

— Благодарю за заботу, но вряд ли мне подойдут ваши платья.

— Я не собираюсь давать тебе свои. Я пошила платье специально для тебя.

— Как? — опешила я.

— Я же искусница. И артефактор. Мне это несложно.

Когда она подошла к занимавшему половину комнаты шифоньеру, я невольно затаила дыхание. Сразу виделось нечто волшебное, как в сказке о Золушке, и Каролайн в свете последних событий органично вписывалась в образ доброй, хоть и немного странной феи. Затем мысли сменили полярность, и я представила, как мне предложат нечто «эльфийское» — то, что нужно надевать на голое тело.

Однако платье обмануло все ожидания. Классический фасон не предполагал отсутствия белья, и ничего волшебного я в наряде не почувствовала.

— Что в нем... такого?

— Какого? — не поняла вопроса Кара.

— Необычного?

— Ничего. Это платье.

— И чем оно лучше моего?

— Оно голубое! — полуэльфийка всплеснула руками, досадуя на мою недалекость.

Не хотелось обижать ее отказом, помня о вчерашнем, и да, голубой — мой цвет. Хотя я не ставила целью блистать на сегодняшнем приеме...

— Совсем другое дело, — улыбнулась Каролайн, когда я надела ее подарок.

Не знаю, что за чары она использовала в работе, но платье сидело идеально и тут же было причислено мною к ряду любимых вещей. Все же оно совсем не простое. Возможно, вещи, сделанные специально для кого-то, обретают собственную магию.

— Я хотела бы поговорить с вами, пока есть время, — полуэльфийка вернулась к отстраненному «вы». — Вы все еще сердиты на моего отца?

— Подарками вы пытаетесь загладить его вину? — предположила я.

— Нет, — ответила она. — Он ни в чем не виноват перед вами.

— Угу. Различие культур и никакой враждебности.

— Вы любите своего отца, Элизабет. Я помню, как вы говорили с ним по телефону. Вы не умеете скрывать эмоций. Я умею. Но своего отца тоже люблю. И мне неприятно, когда его считают хуже, чем он есть.

В искусстве сокрытия эмоций она и правда преуспела: речь, которая в моем исполнении звучала бы с возмущением и упреком, у нее вышла совершенно ровной. Потому и сложно верить в искренность эльфов: они кажутся бесчувственными. Но лишь кажутся, и Каролайн я поверила.

— Я не считаю вашего отца плохим или жестоким, — сказала я ей. — Но мы слишком разные. Мы, люди, не можем так легко отказываться от того, что нам дорого, ради каких-то принципов.

— С чего вы взяли, будто эльфам отказываться легко? Мы так же дорожим теми, кого любим. Но мы должны думать о последствиях, хотя иногда это тяжело.

— Вас не было в лечебнице, когда ранили вашего отца, — вспомнила я. — Почему?

Меня порадовало бы, прояви она чуть больше чувств и скажи, что не отправилась со всеми, потому что боялась изменить незыблемым законам нелюдей, расшвырять стражей и лично тащить лорда Эрентвилля на операционный стол, чтобы люди-целители спасли его, нарушая все запреты...

— Потому что в посольстве нет оружейной комнаты.

Я не сразу сообразила, о чем она говорит. В то, что лорд Эрентвилль случайно выстрелил в себя, я никогда не верила. Но... Каролайн?!

— Я телекинетик. Мне нужно тренироваться. Увеличивать вес поднимаемых предметов. Оттачивать скорость реакции... Официальная версия почти правдива: в отца никто не стрелял, он стрелял сам. Но не в себя. В меня. Это весело... было прежде. Он стрелял, я отбивала или ловила болты. На мне всегда была защита, отец сам ее ставил. Я доверяла ему в этом. А он доверял мне и щитов не держал. Болт развернуло так неудачно, что он почти не потерял начальной скорости... или это я оттолкнула его с силой...

Под внешним спокойствием Каролайн почувствовалась такая боль, что захотелось броситься к девушке, обнять, пожалеть... Но она не поняла бы.

— Это была случайность, — сказала я.

— Я знаю.

— Но продолжаете винить себя... А единорог без вас скучает.

— Тебе не понять, — Кара покачала головой.

— Мне? — я хмыкнула: кому разбираться в таких вопросах, как не последней наезднице? — Он видит далеко за пределами своего домика и

знает, что случилось и как. И от вас... от тебя он не отвернулся.

Грайнвилль наверняка говорил ей что-то подобное, и ему можно было верить, с оглядкой на его дар и знания. Но Грайнвилль, по мнению Кары, пристрастен. Можно ли принимать как истину слова равнодушного к тебе мужчины? Обманет и сам поверит, что непростительный проступок — всего лишь случайность...

...И боги не шлют вместо комет-телеграмм отравленного шоколада...

Я встряхнулась, заставив себя снова думать о Каролайн.

Хотя думать уже не о чем. Все у нее сложится. Не сегодня, так завтра наберется решимости и заглянет к единорогу, а уж он ей мозги вправит. И с Грайнвиллем они разберутся: он ждет, время у него есть. И у нее есть, пусть и намного меньше.

...Недавно я просила всего несколько дней, и мне бы этого хватило. Или нет. Теперь я этого не узнаю...

Пытка.

Можно было сколько угодно кусать губы и ломать пальцы, впиваться ногтями в ладони — мысли все равно рвались к нему.

Зачем? Почему? Почему он?

Я пыталась осмыслить это уже не раз. И нашла объяснение. Говорят, что чувства не поддаются логике, но я нашла. Что бы я ни испытывала к нему, с первого дня и до последнего, болезненный страх или не менее болезненную страсть, с ним я всегда была сама собой. Именно так. Не зная и не понимая, кто я, была все-таки собой.

Кем стану теперь без него?

— Пора, — отвлек от размышлений голос Кары.

Я думала, что прием будет закрытым, но народу в зале собралось даже больше, чем после полета «Крылатого». Если бы я догадалась спросить, мне, наверное, разрешили бы пригласить подруг.

— Нужно подойти к отцу, — сказала Каролайн, кажется, еще сомневаясь в том, что я смогу достойно держаться рядом с лордом Эрентвиллем.

Раздавшийся тут же громкий хлопок и магниевая вспышка слева заставили меня испуганно дернуться.

— Простите, не успела предупредить: отец разрешил репортерам и фотографам нескольких изданий присутствовать на вечере.

Дым от вспышки втянулся в маленький ящичек, стоявший на полу рядом с фотоаппаратом, но неприятный запах успел раствориться в воздухе. Заставил сощуриться и осел на губах горькой пылью.

— Леди Элизабет, — посол расщедрился на улыбку, и еще одна

вспышка поведала о том, что сей невероятный случай войдет в историю.

Воздух сделался горше, но я улыбнулась в ответ:

— Лорд Эрентвилль.

В конце концов, он не виноват в том, что эльф. Да, они странные, другие, но они смогли сохранить единорогов и свой мир, в котором корабли летают по небу без воздушных пузырей и паровых движителей.

— Мисс Аштон, — Оливер Райхон изяществом манер почти не уступал эльфам.

— Добрый вечер, милорд.

— Прекрасно выглядите.

— Благодарю.

Стандартный набор фраз и комплиментов. Поклон. Поцелуй руки. И — словно в танце — смена партнера.

— Здравствуйте, мисс Аштон.

— Здравствуйте, доктор.

Дрожащие пальцы не успевают отогреться мимолетным прикосновением теплых губ.

Вспышка.

Деревянные коробочки, зачарованные на то, чтобы убирать дым, не справлялись. Отчего бы еще все плыло, подернутое белесым туманом? И эта горечь...

— Тебе нехорошо? — Кара заботливо взяла под руку.

— Это от дыма. Наверное, у меня аллергия.

Аллергия — чудесное объяснение, особенно если глаза заслезятся.

— После официальной части можно будет уйти, — утешила полуэльфийка. — Никто не станет тебя задерживать.

С официозом эльфы, вопреки расхожему мнению об их церемонности, не затягивали. Посол произнес короткую речь. Ректор сказал несколько слов от лица академии. Затем народу показали принца.

Принц был прекрасен и очень стар. Я поняла это по его глазам, еще более прозрачным и отрешенным, чем у всех ранее виденных мною эльфов, и по тому, насколько мертвым казался въевшийся в острые скулы рисунок.

Меня представили ему лично. Я присела в глубоком реверансе и вздрогнула, когда его ладонь коснулась моей макушки: показалось, что с этим прикосновением он считывает мои мысли, как это делал Мэйтин.

— Мир волнуется, — сказал принц словами Грайнвилля. — Но волнения напрасны. Ты знаешь, что делать.

Он отвернулся, переключив внимание на Каролайн. Что-то сказал ее отцу на непонятном мне эльфийском наречии. Тот кивнул, а полуэльфийка

опустила глаза и покраснела совсем по-человечески. Однако ее смущение было слишком счастливым, чтобы переживать по этому поводу.

Официальную часть можно было считать законченной, но я не ушла. Бродила по залу в одиночестве. Когда я выпала за борт «Крылатого», от желающих пообщаться отбоя не было, а сегодня на меня лишь смотрели со стороны и улыбались. Наверное, статус жертвы более располагает людей, нежели гордое звание героини. Хотя и к сегодняшней почетной жертве внимание было не слишком повышенное. Я не следила специально, но... Следила. Отметила сразу, до чего к лицу ему строгая серая тройка. И само лицо украдкой рассмотрела до мелочей. Казалось, слезы единорога смыли не только каменный налет: морщинок стало меньше, разгладились жесткие складки у рта, глаза посветлели. А может, отдохнул в кои-то веки, выпался...

Кольнуло обидой: я страдаю, а он спит как ни в чем не бывало! Но ведь сама хотела, чтобы ему было хорошо без меня, а боги, если судить по одному моему знакомому, совсем не злы, могли и прислушаться к этому пожеланию...

Боги не злы, им лишь нужно, чтобы все было правильно.

Смежила веки. Нет, не дым. Не слезы. Просто память. Воспоминания о том, от чего я собиралась отказаться. И мечты о том, чего уже никогда не будет, если только...

Открыла глаза и, словно на стену, наткнулась на пристальный взгляд. С вами все в порядке, Бет? Дышите ровнее. Все хорошо. Боги не злы и не размениваются на отравленный шоколад. А мир не рухнет, если кто-то в нем будет счастлив.

Я отвернулась.

Взяла с подноса бокал. В горле пересохло, а сейчас придется много говорить. Объяснять. Объясняться.

— Простите, милорд Райхон, — я вклинилась в беседу ректора с одним из эльфов. — Не уделите мне несколько минут?

Видишь, боже, я больше не убегаю. Я все сделаю. Правильно.

Небольшая комната рядом с залом предназначалась специально для того, чтобы уставшие от праздничной суеты гости могли передохнуть немного. Посидеть в удобных креслах. Поговорить.

Садиться я не стала. Прошла до закрытого тяжелыми бархатными портьерами окна и обратно. Остановилась перед ректором.

— Милорд, я... — Набрала полную грудь воздуха и выпалила на выдохе: — Вы меня любите?

Он опешил от такого напора, но с ответом не тянул.

— Вы чудесная девушка, — проговорил медленно. — Во многих смыслах чудесная, единорог подтвердит. Вы мне очень нравитесь, и, думаю, я мог бы полюбить вас со временем. Но сейчас... Нет, я вас не люблю.

— Слава богу! — вырвалось у меня.

Этого восклицания он ожидал еще меньше, чем моего вопроса, и я устыдилась неуместной в свете недавних событий радости.

— Простите, милорд. Это так... странно, наверное. Но, помните, вы говорили о мисс Сол-Дариен? О том, что трудно отказаться от старых увлечений? Это не совсем то, но...

— Не нужно ничего объяснять, — прервал он меня. — Помнится, вы говорили, что не считаете меня идиотом.

— Не считаю. Я считаю, что вы... вы самый лучший.

— Так уж и самый? — усмехнулся он. Обида, которую я все-таки ему нанесла, выплеснулась с этой усмешкой, но, на мое счастье, она была не так велика, чтобы нельзя было превратить ее в шутку, а со временем и вовсе забыть.

— Самый, — подтвердила я, не лукавя. — Просто вы слишком хороши для меня.

Вот это я считаю правильным, боже. А теперь можешь присылать свою комету.

Я специально не вернулась после разговора с Оливером в зал, чтобы гнев божий не обрушился на невиновных. Но если комета и пролетела где-то там, волоча за собой пылающий хвост, я не видела ее за задернутыми шторами.

Зато, когда мне почти наскучило ждать, явился Мэйтин собственной персоной. Встал передо мной, сунув руки в карманы джинсов. Вдохнул угрюмо.

— И что ты творишь, позволь узнать?

— Поступаю правильно, — заявила я. — Для меня правильно. И для Эда. И для Оливера. Если не согласен, можешь шарахнуть в меня молнией. Но ты этого не сделаешь, потому что тогда некому будет спасать твой мир. А если посмеешь причинить вред Эдварду, я сама перережу себе вены, и итог будет тем же. Понял?

— Угу, — кивнул он. — Это ты меня сейчас шантажируешь? А с чего ты решила, что я буду во что-то вмешиваться?

— Я нарушила твои условия.

— Они не мои, я говорил. И пока ты ничего не нарушила. С учебной порядок. Личное счастье, если не напорочишь в последний момент,

считай, тоже в кармане.

— Ты же сказал, Оливер...

— Я сказал «Оливер»? — возмутился бог. — Я сказал: любимый мужчина. А Райхона ты сама приплела. Ну, я и подумал, что тебе виднее. Или уже не помнишь тот разговор?

Не помнила. Но если он говорит, то так все и было.

Я закрыла горящее лицо руками. Боже, надо же быть такой дурой!

— Не надо, — согласился он.

— Но ты спросил, что я творю...

— Спросил. И еще раз спрошу. Что ты творишь? Почему ты сидишь тут, когда твой мужчина давно ушел?

— Как? Зачем?

Бог передернул плечами:

— Может, вспомнил, что кошку забыл покормить? Или видел, как ты под ручку утащила ректора в укромный уголок, и решил не присутствовать при продолжении?

Боже...

— Да тут я, тут. И он никуда не денется. Завтра встретитесь.

Ну уж нет!

— Стоять! — резко приказал бог, когда я кинулась к двери. За окном что-то гроыхнуло, и по стеклам забарабанили тяжелые капли. — Теперь иди.

Дождь? Маленькая божественная месть за то, что я накинулась на него с угрозами, тогда как сама все запутала? Или...

— Или, — ухмыльнулось божество. — Это не просто дождь. Это гроза. А во время грозы...

— Отключается сеть порталов, — дошло до меня.

— Именно. Так что далеко твой доктор не уйдет.

Гроза? В марте? А говорил ведь, что даст мне только одно чудо...

— Это не для тебя, — проворчал Мэйтин. — Для него. Хотя уже не знаю, нужно ли ему такое непутевое счастье... Ну чего ты встала опять? Флажком тебе махнуть?

Однажды я тебя все-таки расцелую, боже!

А счастье я, может, и непутевое, зато быстрое. И если бы не каблуки, не пышные юбки, не норовившие кинуться мне под ноги люди и эльфы, была бы еще быстрее. Если бы не тяжелая входная дверь и не охранявший ее страж, то ли тугоухий, то ли тупоумный, не понимающий с первого раза, что да, леди уже уходит. Если бы не мокрые ступеньки и скользкая дорожка. Не дождь, в секунды намочивший меня до нитки...

Вылетев за калитку, я остановилась и огляделась неизвестно зачем, ведь от посольства вела всего одна дорога, и расчерчивающие небо молнии уже высветили на ней одинокий силуэт.

Но я осмотрелась все-таки. Наверное, не до конца еще поверила, что все будет так легко. Испугалась, что кто-нибудь или что-нибудь помешает...

И побежала еще быстрее.

— Бет? — он обернулся, когда между нами осталось всего несколько ярдов. Видимо, услышал шаги за спиной. — Бет, что вы... О боже!

— Я не боже, я счастье, — бормотала я, пока он кутал меня в свое пальто и оттирал щеки от слез вперемешку с дождевыми каплями.

— Горе вы, — прижал меня к себе, коснулся губами мокрого лба. — Давно в лечебнице не лежали? Простудиться хотите? Разве так можно?

— Нельзя, конечно, — всхлипнула я, подставляя лицо под дождь и поцелуи. — Нельзя. Я за ним... а он про простуду... Немедленно говорите... Говори, что любишь и жить без меня не сможешь!

— Смогу, — он обнял меня так, что дышать стало трудно. — Смогу, но не хочу этого безумно.

А о любви он ничего не сказал. Но это было и не нужно. И если бы выключили дождь, стало бы совсем хорошо. Но Мэйтин то ли забыл о нас, то ли скромно решил не подглядывать.

Однако следили за нами не только боги, но и люди. Причем люди инспектора Крейга. Они не отводили стыдливо глаза и об увиденном докладывали сразу начальству. А начальство было не менее благосклонно к нам, нежели один белобрысый чудотворец, и вскоре нас нагнал «случайно» проезжавший мимо автомобиль с красующимся на дверце значком полиции академии, который не догадались или не посчитали нужным спрятать.

— Добрый вечер! — перекрикивая рев мотора и шум дождя, проорал из притормозившего авто улыбочивый до оскомины дядька. — Сеть накрылась? Подвезти?

— В Северный поселок, если вам по пути, — ответил Эд, не выпуская меня из объятий.

— По пути. А куда мисс?

— Миссис, — поправил мой невозможный доктор. Задняя дверца машины распахнулась перед ним, и меня бережно сгрузили на сидение. — Миссис Грин. Моя жена. И ей, естественно, туда же, куда и мне.

Сел рядом со мной, и я уткнулась ему в плечо, пряча покрасневшее лицо. Глупая мышка: поздно прятаться, мышеловка захлопнулась. Маленькая уютная мышеловка с кусочком сыра щелкнула перед носом

дверцей, а мышка осталась снаружи, свободная и испуганная этой свободой.

Потом был дом. Тепло очага. Снова вспыхнувшие щеки, когда с меня со смешливым ворчанием стягивали вымокшее насквозь, липнущее к телу платье. Дрожь по коже, вовсе не от холода...

Толстый махровый халат, мягкое кресло и чай с лимоном.

Обманчивое умиротворение домашнего вечера, которому просто невозможно было закончиться так, хоть в какой-то момент и показалось, что ничего сегодня уже не случится. Только и душа, и тело отозвались на эту мимолетную мысль таким возмущением, что остатки сомнений смело напроочь.

Да и были ли они, эти сомнения?

Только счастливое недоумение от того, каким пугающим и волнующим ощущается каждое прикосновение, каждый поцелуй, каждая ласка. Словно и не было той, другой жизни, не было других мужчин... глупый сон...

Лишь теперь все по-настоящему.

И неловкость первых движений.

И жгучая отчаянная решимость, захлестнувшая вдруг с головой, не оставив никаких мыслей и желаний, кроме одного.

И боль — обязательная, но ничтожная плата за счастье обладать и принадлежать. Ничтожная, несоизмеримая с пришедшей неизвестно откуда уверенностью, что никогда и ни в чем больше он не причинит мне боли, и с тем, как легко и хорошо стало после, когда, прижавшись щекой к его плечу, засыпала с улыбкой, зная, что самый главный и сложный выбор сделан, а все остальное не так уж важно, чтобы нельзя было забыть о нем хоть до утра, хоть до конца жизни...

ГЛАВА 54

Что может быть лучше, чем проснуться рядом с любимым мужчиной? И ничего, что вместо него на соседней подушке разлеглась бесцеремонно полосатая серая кошка; означенный мужчина ведь тоже рядом: сидит на полу у камина, закутавшись в халат, и шуршит какими-то бумагами.

Удивительно, насколько то, что мы видим, зависит от того, как мы смотрим. Эд ничуть не изменился, минувшая ночь не превратила его в прекрасного принца, но в нем не было ни единой черточки, которая мне теперь не нравилась бы. Я помнила, какими нежным могут быть его губы, как щекочут шею его волосы, а пальцы вычерчивают узоры на моей коже. Знала уже, что тело у него гибкое и поджарое, а силы хватает, чтобы без всякой магии носить меня на руках...

— Чему ты улыбаешься? — перехватил он мой взгляд.

— Всему, — ответила я честно. — Что делаешь?

— Разбираю почту.

— Почему здесь?

— Чтобы ты проснулась и спросила.

Как ему это удается — говорить все и ничего? Ведь ясно же, что действительно устроился здесь, чтобы быть со мной, когда я проснусь, — так почему бы и не сказать прямо? Хотя прямо — неинтересно. Наверняка, если вспомнить наши прежние разговоры, в них найдется не одна подобная фраза.

Но одно уже сейчас понятно: дела ради меня не забросят.

— Потом в лечебницу? — спросила, готовясь услышать: «Конечно да».

— Нет. У нас выходной.

— У нас?

— У меня точно, я уже предупредил Кленси, — он сложил часть писем в стопку, остальные сгреб и швырнул без сожаления в камин и через секунду уже лежал на кровати рядом со мной. — А ты куда-то собираешься?

— Ага. В ванную. Не подсматривай.

Зная, что он все равно не послушается, быстро выпуталась из одеяла и натянула висевшую на спинке кровати сорочку.

Единственной моей проблемой сейчас было отсутствие зубной щетки, но один раз можно было обойтись и пальцем. Обо всем остальном я решила сегодня не думать: ни о библиотекаре, ни о том, что едва

обретенное счастье скоро закончится... Для меня. Но боги не злы: я вернусь в свой мир, а у Эда останется его Бет...

Из ванной я вернулась в подпорченном настроении, и это не осталось незамеченным.

— Что-то не так?

— С чего ты взял? — улыбнулась я, забираясь к нему под одеяло. — Хотя... Да, кое-что не так. Я понимаю, что ты старый солдат и не знаешь слов любви, но можно же хоть что-то сказать?

Маленькая почти не ложь. Он разгадал ее, как и мое желание не говорить ни о чем серьезном. Дунул шутливо в лицо.

— Во-первых, я не солдат. Во-вторых, смею надеяться, еще не так стар. А в-третьих, я могу объясняться в любви на пяти языках. Например...

Староэльфийский, конечно же. Невероятно красивый язык. И исполнение не подкачало: глубоко, прочувствованно... Но я ни слова не поняла.

— Что ты сказал?

— Если дословно: «Насыть меня пищей, женщина, как уже насытила любовью. Пусть кофе будет горячим, как моя страсть, и сладким, как твои поцелуи»...

— И? В чем подвох?

— Дальше у меня закончились сравнения, и я просто перечислил все, что хочу на завтрак.

Завтрак — это замечательно. Поцелуями, даже самыми сладкими, сыт не будешь. Ими в принципе невозможно насытиться...

— Не знаю, что ты там пожелал, — сказала я, переведя дух, — но я не отказалась бы от яичницы в твоём исполнении. Ты так ее нахваливал.

— Возможно, я несколько преувеличивал, — попытался пойти на попятную Эд.

— Нужно попробовать, чтобы знать наверняка, — заявила я, за что была названа бессердечной женщиной. — С меня ужин, — пообещала, чтобы унять наигранное недовольство.

Встала с постели вслед за ним. Прошла по спальне, которую с вечера некогда было рассматривать, но не нашла ничего интересного, кроме своего платья, успевшего высохнуть за ночь, и решила одеться. Это Элси Аштон могла бы беззастенчиво разгуливать по дому в сорочке, а миссис Грин не выйдет к завтраку в negligé.

Одевшись, заглянула в комнату с макетом. Но полюбоваться фигурками из папье-маше не вышло. Стоило взглянуть на драконов, как размышления сами собой свернули к библиотекарю.

Итак, что, если забыть известное «ищи, кому выгодно» и начать искать того, кто просто имел возможность проверить подобное?

Кому хватило бы знаний, чтобы разобраться с найденным в старой книге описанием ритуала?

Кто мог подсунуть схему студентам — ясно: библиотекарь, знавший о тайном обществе. Но кто мог всучить ее Камилле? Кто был достаточно близок с ней в обеих реальностях, чтобы знать о ее отношениях и с Оливером, и с его племянником?

Кто был в курсе того, что ищет в библиотеке Рысь?

Кто мог подобраться к нему и накинуть поводок?

Кто встречался с оборотнем в корпусе некромантов? У кого была возможность входить туда и выходить, не привлекая лишнего внимания, если только он сам не некромант?

А он не только некромант, если вспомнить чары подчинения, наложенные на Джереми Адамса. Подойти к секретарю мог любой, но у кого хватило бы сил подчинить неслабого, по словам Крейга, малефика?

На «Крылатом» были в основном преподаватели, и это сужало круг подозреваемых. Но кто находился в непосредственной близости от меня?

Кто заманил Лидию на кладбище?

И последнее: отравленная конфета. Кто знал о моей дружбе с Саймоном и сладостями? И где этот кто-то раздобыл яд реликтового василиска?

При воспоминании о василиске промелькнуло смутное воспоминание. Что же это было? Василиск из бестиария, в ту самую ночь скакавший под окнами ректора? Нет, тот был обычный, болотный. А реликтовый... Голова в стеклянном ящике и табличка с подписью. Если яд такой сильный, что его действие не проходит ни со смертью чудовища, ни со временем, стекло — нелишняя предосторожность. Только где я видела эту голову? Кто мог открыть ящик и отодрать кусочек мумии, чтобы выделить яд?

— Мисс Милс, — подсказал из коридора Эд.

Точно! На ее кафедре я видела ту голову. А кафедра расположена в одном корпусе с факультетом некромантии, и, хотя для студентов входы отдельные, внутри наверняка есть дверца для своих. И с Камиллой они работали... в этой реальности, во всяком случае...

До меня вдруг дошло, что Эдвард не мог отвечать на мои мысли.

— Что ты говорил? — спросила я, выглянув в коридор. — При чем тут...

В дверь позвонили.

— Мисс Милс, — Эд вышел из спальни, на ходу натягивая сюртук. —

Я видел в окно, как она несется через лужайку. Наверное, что-то случилось. Подожди здесь. Или хочешь на правах хозяйки принять первую гостью?

Он улыбался, а у меня язык прилип к небу от волнения.

Мисс Милс. Она подходит. Я сразу сказала, что она подходит, и, если бы не принцип, по которому Оливер отбирал членов комиссии, не уверенность в том, что библиотекарь обязательно изменил свою жизнь к лучшему, если бы не Саймон, из-за которого не хотелось думать плохо о его матери...

Но из-за Саймона она подходила еще больше. Она знала о нашей с ним дружбе, могла легко воссоздать его личину, воспользовавшись личными вещами, и не боялась навлечь на сына подозрения, зная, что сам ректор обеспечит алиби.

Из ступора меня вывел звук открываемой двери. Не заботясь о приличиях, я кинулась в прихожую. Успела к моменту, когда незваная гостья, всхлипывая и вытирая глаза рукавом пальто, переступила порог.

Ее слезы оказались для меня полной неожиданностью и заставили забыть о только что сделанных выводах.

— Это ужасно, просто ужасно, — причитала женщина, бросившись Эду на грудь.

— Успокойтесь, пожалуйста, — он участливо погладил ее по плечу. — Уверен, ничего ужасного...

— Нет, — затрясла она головой. — Ужасно...

Эд вдруг отшатнулся от нее, наткнулся спиной на стену и стал медленно оседать на пол. Показалось, что тот день повторяется и сейчас он снова начнет каменеть. Воздух застрял в горле. Ноги подкосились, и я рухнула плашмя на живот и осталась лежать так, не в силах шевельнуть даже мизинцем.

— Надо же, как легко, — раздался над головой удивленный голос, в котором еще слышались остатки рыданий. — Что же инспектор так сплеховал? Неужели думал, что вы до утра будете пить чай?

Мозги парализовало вместе с телом: я ни слова не понимала. В чем инспектор сплеховал? И где, во имя Мэйтина, этот инспектор? А защита, которой я обвешана, как новогодняя елка гирляндами?

— Никто не помнит основ? — Мисс Милс присела и погладила меня по голове, зная, что я неспособна уклониться от непрошенной ласки. — Действительно ужасно... Что, доктор? Вы помните? Стоило вспомнить ночью. Теперь поздно, — она снова погладила меня, будто и правда жалела. — Поздно, Элизабет. Не только единороги замечают изменения в ауре девушки, которая становится женщиной. Некоторые наложенные

заклинания теряют силу в таких случаях. Те, что настроены на жизненные параметры. Поэтому, если вы ждете, что сейчас появится ваша охрана, не мучьте себя напрасными надеждами. Осталась только одна сеть — та, что отслеживает, живы ли вы. А вы живы. И будете жить, если наш дорогой доктор сделает все правильно. Я даю вам уникальный шанс убедиться в искренности его чувств, Элизабет. Не каждой влюбленной дурочке предоставляется такая возможность.

Видимо, я должна была быть благодарна за это. Ладно, отблагодарю, как только закончится действие парализующего заклинания.

— К делу, мистер Грин, — тон женщины стал сухим и строгим. — Если мисс Аштон нужна вам, придется постараться. Достаньте книгу — ту, которую писала Элизабет. Кровавая книга, вы ведь знаете о ней, Эдвард? Позвольте вас так называть? Так вот, Эдвард, сейчас вы сможете говорить. Но берегите дыхание, я дам вам свободы ровно столько, чтобы вы поклялись мне кровью и жизнью, что никого не поставите в известность о нашем разговоре. Это в ваших интересах. Книга, которая мне нужна, хранится либо у Крейга, либо у Оливера Райхона, а вы знаете этих людей. У них свои, высшие, так сказать, цели. Думаете, их волнует судьба Элизабет так, как она волнует вас? К слову, клясться вам предстоит ее жизнью. И ее кровью, естественно.

Я почувствовала, как мою руку выдернули вперед, и лезвие рассекло запястье. Обездвиживающие чары не притупляли боль, но вскрикнуть или хотя бы застонать я не могла. Из пульсирующей раны потекла кровь.

— Клянись, доктор.

Первое обещание он дал мне:

— Все будет хорошо, Бет. Ничего не бойся.

Затем повторил слова навязанной клятвы: кровью этой женщины... не выдам ни словом, ни буквой... жизнь моя станет залогом...

— Это так трогательно, — умилилась мисс Милс. И тут же поправила жестко: — Ее жизнь станет залогом. Повторите: ее жизнь. Не нужно принимать меня за дурочку.

Нет, она не дурочка. Просто сумасшедшая.

Съехала с катушек осенью, после ритуала, когда реальности столкнулись. Саймон рассказывал, что у матери именно тогда начались проблемы с нервами.

Почему я не обратила внимания на это совпадение? Никто не обратил. Факты были перед нами, а мы переступали через них и продолжали искать непонятно что.

— Хочу предупредить, Эдвард. Если вы решите, что жизнью Элизабет

все же можно пожертвовать, я не ограничусь столь малой жертвой. Моих сил хватит, чтобы организовать вашей возлюбленной достойную компанию. Еще человек двадцать. Или тридцать. Случайный выбор — кто-то же окажется менее защищен и более слаб? Студенты. Или кто-нибудь из обслуги, не маги. Но ведь для целителя ценность жизни не определяется наличием дара, да?

Сумасшедшая.

Присела снова рядом со мной. Надела мне на ногу слетевшую во время падения туфлю.

— Вчера вы сбежали с праздника без пальто, — проговорила задумчиво. — Но так даже лучше. Там, куда мы отправимся, прохладно, и у доктора будет повод поторопиться... Мы с Элизабет вас покидаем, Эдвард. Через несколько минут вы сможете двигаться. Когда достанете книгу, принесете ее в закрытый корпус менталистов. Знаете, где это?

Рука женщины скользнула по моей спине, теперь в обратном направлении, будто против шерсти погладила, и с силой сдавила шею. Меня приподняло над полом и тут же швырнуло вниз... на растрескавшиеся от времени доски. Нос и рот забились пылью, в щеку врезался осколок обвалившейся штукатурки, порезанная рука подвернулась... Но крик прозвучал только в моей голове.

— Надо же, — опять удивилась... библиотекарь? библиотекарша? — Получилось. А ведь чистейшей воды импровизация, вы сами облегчили мне задачу... Или не вы? Как думаете, Элизабет? Не мог же Крейг не понимать? Он умен. Возраст уже сказывается, конечно, но... Полагаете, это ловушка? В этом случае я бы обиделась на вашем месте. Я ведь могла убить вас, просто и без затей. Возможно, выдала бы себя... Но так рисковать вашей жизнью — это же непозволительно! Обидьтесь обязательно. Пожелайте ему чего-нибудь нехорошего... сдохнуть, например... Или ваши желания исполняются лишь тогда, когда написаны кровью?

«А ваши?» — спросила бы я, если бы могла говорить.

И что это за желания? Что она получила после ритуала? Жених и родители погибли, сына воспитывала сама, и денег не хватало даже на кухарку...

Какой же была та жизнь, от которой она отказалась?

В носу защипало от пыли, и я чихнула. Попробовала пошевелиться. Только пальцы дернулись, но уже что-то.

— Чары слабеют, — подтвердила драконша. — Можно их подпитать, но не вижу необходимости. Вы ведь умная девушка, Элизабет, и не

доставите мне проблем больше, чем уже это сделали, да? И нужно перевязать вашу руку, не мне же этим заниматься? Мне не нравится вид крови. Неприятные воспоминания. Тогда ее столько было... Мне сказали после, что от такой кровопотери можно было и умереть...

Собравшись с силами, я перекатилась на спину: хоть пылью не дышать. Попутно осмотрелась. Окна, заколоченные досками, в прорехи между которыми без труда проникал солнечный свет, обвалившиеся стены и потолок ровным счетом ничего не сказали о том, где я нахожусь. Милс говорила о каком-то закрытом корпусе, но я не помнила в академии настолько заброшенных зданий.

— Старый учебный корпус менталистов, — сказала она, угадав, о чем я думаю. — Вряд ли вы слышали об этом месте. А вот Лидия могла бы немало рассказать о нем. Она о многом могла бы рассказать... Возьмите, — женщина выдернула из рукава платок и бросила мне на живот. — Перетяните запястье. С магией было бы проще, но у вас с этим, помнится, сложности. А сама я в целительстве не сильна. Пожалуй, единственное, что мне никогда не давалось.

«Рожденный убивать лечить не может», — подумала я мрачно.

Не желая прежде времени продемонстрировать, что мои сложности с магией остались в прошлом, я воспользовалась платком и, помогая себе зубами, перетянула запястье чуть выше раны. Главное — остановить кровь, а потом я за пару минут залечу порез, как показывал Эд... Только бы он не наделал глупостей! Хотя глупости — это по моей части, а он умный, он придумает что-нибудь...

В теле еще чувствовалась слабость, но я смогла сесть. Стряхнула с волос мусор и, подтянув к животу колени, обняла себя за плечи. Тут действительно было холодно.

— Где мы? — спросила, чтобы проверить, вернулся ли ко мне голос.

— Вы невнимательны, Элизабет, — тоном строгой учительницы выговорила драконша. — Я же сказала, это старый корпус менталистов. Он пострадал во время несчастного случая чуть больше тридцати лет назад. Факультет перевели в другое здание, а это закрыли и спрятали под иллюзиями от любопытных студентов. Тогда случился слишком большой выброс силы. Только чудом никто не погиб. Но остаточное излучение не удалось полностью нейтрализовать, и руководство решило оградить это место до тех пор, пока фон не нормализуется. Должна сказать, сейчас тут уже получше. Прежде вряд ли получилось бы сюда телепортироваться даже при наличии маячка. Но защита периметра исказит след. Так что, если вы полагаете, что кто-то заметит, как вы переместились из поселка сюда, и

явится вам на помощь... — она пожала плечами и легкомысленно отмахнулась: — Забудьте.

— Все равно вы себя выдали, — прошептала я. — Меня охраняли не только заклинания. За домом наблюдали. Видели, как вы вошли, но не вышли. Когда поймут, что я исчезла, и засекут открытие портала, обязательно свяжут это с вами.

Библиотекарша — пусть будет так — расхохоталась.

— Полно вам, — сказала она, утирая выступившие от смеха слезы. — Никто меня не видел! Три минуты. Минимум три минуты требуется на взлом многослойной иллюзии. Если, конечно, есть подозрения, что перед тобой иллюзия. А кто заподозрит спешащую домой кошку? Основная сложность была в том, чтобы верно рассчитать угол отражения: со стороны дороги меня видели кошкой, а при взгляде из дома вашего дорогого доктора, если бы он выглянул в окно, прежде чем открыть, я смотрелась бы сама собой. Но когда знаешь базовую формулу, подобные расчеты не составляют труда.

— Бедная кошка, — я поежилась от холода, пробравшегося под шелк платья. — Вы и ее подставили, как Саймона.

— Грязная тварь, — со злостью выплюнула Милс. И уточнила, кривясь: — Кошка ваша. Вечно отирается у порога, норовит влезть в дом. Но из ее наглости тоже можно извлечь выгоду. Кусочек ветчины в обмен на клочок шерсти... Вы же знаете, что для построения сложных иллюзий нужен образец?

Когда она успела? Утром, пока мы еще спали, а кошка гуляла на улице?

Чистой воды импровизация, как она это назвала.

Удачная импровизация.

Действительно странно, что Крейг проглядел такую умницу. Допустим, некромантию она знала, так как помогала жениху с диссертацией, — отец говорил об этом. Но ментальное воздействие? Сложные иллюзии? Неужели изучала по книгам?

— Все равно вас раскроют, — сказала я, не выдержав самодовольства, светившегося на ее сейчас каком-то особенно некрасивом лице. — Яд реликтового василиска слишком редкий. Подумают хорошенько и вспомнят голову, которая хранится у вас на кафедре.

— Вы и правда умная девушка, Элизабет, — восхитилась библиотекарша. — Вашу работу по драконам я ставлю в пример своим студентам. А единорог? Вам же прямой путь был на мою специальность! Изучали бы мистических существ в теории и на практике. Но вот с головой

вы немного ошиблись, — она мерзко усмехнулась. — Совсем немного. Вы умны, но не умнее Крейга. Он давно заподозрил бы меня, если бы не знал, что голова василиска — подделка. Муляж. Когда-то была настоящая, но четыре года назад при проверке выяснилось, что она испускает ядовитые миазмы, и ее решено было уничтожить. Только прежде, — улыбка стала еще гаже, — я отщипнула несколько чешуек с кожей. Хотела выделить яд и продемонстрировать его действие студентам. На лягушках, к примеру. Но концентрата оказалось слишком мало, чтобы использовать его на занятиях... А выбрасывать было глупо...

Она умолкла. Задумалась о чем-то, с силой морща лоб.

— Странно, да? — спросила у меня. — Это ведь случилось уже в новой жизни. В прежней достать яд мне было бы негде. Но он и не пригодился бы...

Библиотекарша отошла к заколоченному окну и замерла там. Удобный случай для удара. В спину, да, но я не остановилась бы перед этой «подлостью», если бы не подозревала, что на драконше защита в несколько раз мощнее любого атакующего заклинания из моего небогатого арсенала. Вот если бы прорваться на миг в подпространство, собрать веночек из чистой энергии и усилить ею плетение...

— Мне придется убить вас, — не глядя на меня, сказала мисс Милс. Тихий печальный голос заставил зашевелиться волоски на моих руках. — И вас, и доктора, как только он принесет книгу. Лучше бы он добыл ее поскорее, а то я не успею приготовить ужин. Обещала Саймону испечь лимонный рулет на десерт... Вам нужно было выбрать моего сына, Элизабет, — она повысила голос и резко обернулась. — Я давала вам такой шанс. Вы могли стать чудесной парой, и никому не пришлось бы умирать. Даже Лидии. Пусть бы себе болтала — кто бы ее слушал, когда прежняя реальность забылась бы? Если бы вы не стали о ней напоминать, забылась бы, и все были бы счастливы.

— Я не перестала бы о ней напоминать, — покачала я головой. — Никогда. И дело не только в пропавших студентах. Если не вернуть все как было, мир погибнет. — И добавила доверительным шепотом: — Я знаю, мне Мэйтин сказал.

Библиотекаршу перекосило. Шок — это по-нашему.

— Вы сумасшедшая? — вытаращила она глаза, и я с трудом сдержала смех: кто бы говорил! — У вас... голоса? Видения? Или это место действует? Лидия так и не оправилась после того всплеска. Но вы... Бедная девочка!

Самое смешное: она искренне жалела меня. Собиралась убить, но

переживала из-за моего возможного помешательства.

Бедная девочка...

Ева Кингслей назвала меня так же в тот день, когда пришла в себя в лечебнице. Хотела сказать мне что-то важное, но не успела. Тогда я забыла об этих словах почти сразу же, а теперь почему-то вспомнила. Должно быть, это и правда важно, и нужно успеть понять... До смерти? До того, как я умру в этом мире и окажусь в другом?

Нет, умирать сегодня я была не намерена. Другой мир подождет. Ему ведь без разницы: Мэйтин говорил, что понятия времени между мирами не существует. А Грайнвилль — о том, что в этих мирах мы можем быть кем угодно...

Я улыбнулась, чем еще больше озадачила вглядывавшуюся в мое лицо женщину.

— Вы не в себе, — сделала вывод она. — Это трудно — хранить память об обеих реальностях. Я сама... Впрочем, это неважно.

— Почему же? — возразила я. — Мне интересно, как вы справились.

В финале злодеи обычно делятся секретами, думая, что герой унесет их с собой в могилу. А герой выживает, как правило.

Я надеялась, что не стану для этого правила исключением.

— Справилась как-то, — не пожелала откровенничать мисс Милс. — Не сидите на полу, там холодно, встаньте...

— А то что? Простужусь? Побрезгуете убить меня с насморком?

Вместо того чтобы устыдиться своих намерений, библиотекарьша разозлилась:

— Вы сами виноваты! Я перебрала все источники, нигде и слова нет о подобных аномалиях! Но если и так, зачем нужно было поднимать переполох? Ставить в известность ректора? Писать заметки на память? Вы сами в это влезли и не оставили мне другого выхода! А ведь вы мне понравились, Элизабет. Думаете, много студентов уделяет внимание истории мистических существ? Единицы! А у вас хороший потенциал... был... Как и у Германа. Вы не представляете, как я расстроилась, когда поняла, что он был в числе бездельников, мечтавших получить желаемое за одну каплю крови. Глупый мальчишка! Загадал бы научную степень сразу же после окончания академии — ему это удалось бы. Но нет, ему захотелось победы в дурном мордобое. Вот и поплатился!

— Саймон не знает, — поняла я. — Не знает, что это вы провели тот ритуал.

— Не знает, конечно, — женщину насторожили мои слова. — Зачем ему знать?

— Они с Германом дружили.

— Правда? Бедный мой малыш, он совсем никому не нужен. За годы так и не нашел друзей, кроме мальчишки, которого заведомо не могло быть в его жизни, и девчонки, которой тоже скоро не станет. Думаете, так будет всегда? Мир не примет его?

— Саймона? Почему?

— Потому что его не должно быть, — словно удивляясь тому, что приходится объяснять, сказала библиотекарьша. — Он умер вскоре после рождения.

ГЛАВА 55

Можно представить, какое у меня стало лицо, если она рассмеялась.

— Лидия ведь говорила вам, не назвала только моего имени. Но если бы никто не знал о том, что реальность меняется, она могла рассказывать обо мне что угодно — это не воспринимали бы всерьез. Понимаете? Понимаете, что в случившемся с Лидией тоже виноваты вы?

— Да, — вздохнула я. Много становится понятно после того, как судьба отвесит тебе подзатыльник, заставив смотреть в нужную сторону. — Лидия сказала, что ребенок не умер. Его умили. Думала, что леди Пенелопа тоже помнит об этом. И она помнила до определенного момента. Не вас, а саму ту историю. Еще удивлялась, что забыла ее продолжение.

Мне следовало обратить внимание на такую забывчивость, ведь я тогда уже знала, что реальность меняется. Хотя вряд ли связала бы историю о замерзшем на кладбище младенце с рассказом о рождении чудесного малыша. Тогда, на «Крылатом», мисс Милс буквально вытягивала из наставницы эти воспоминания, чтобы убедиться, что та уже не помнит изначальной версии.

— Помнила? — скривилась библиотекарьша. — Кто бы мог подумать? В легендах описывались случаи, когда кто-то сохранял память о стертых событиях, если они произвели на него глубокое впечатление. Не думала, что ваша наставница настолько чувствительна. Лидия — другое дело. Она и до несчастного случая была слишком правильной и мягкотелой, а потом... Мы жили по соседству, больше тридцати лет на одном этаже. И тридцать лет она плевала на мою дверь. Каждый день, проходя мимо... В той жизни. А в этой улыбалась при встрече и могла часами нести всякую чушь. К счастью, встречались мы редко. Или к сожалению. Я не видела ее после ритуала до того дня, как она заменила Джерри. Откуда мне было знать, что она все вспомнила? — Женщина задумчиво нахмурилась: — Или она и не забывала? Как правильно?

— Правильно — не убивать своих детей, — выговорила я, стуча зубами.

Трясло меня скорее от волнения, чем от холода. С одной стороны, все разъяснилось, с другой — запуталось еще сильнее. Если она изменила реальность ради Саймона, а мы все вернем...

— Своих детей, — повторила она вслед за мной. — Но то был не мой ребенок. То вообще был не ребенок, — злость и отвращение проступили на

ее лице и в голосе. — Чудовище, долгие месяцы отравлявшее меня изнутри и едва не убившее своим рождением. Вы не представляете, какая это боль... Какая боль, когда тебя предают. Когда любимый мужчина говорит, что ты нужна была лишь для того, чтобы помочь ему получить научную степень, и в дальнейших его планах для тебя места нет. Когда родители вместо помощи отказывают от дома. Когда куратор, обещавший место на кафедре, вдруг объявляет, что на эту должность есть еще два кандидата... А тут еще маленький монстр внутри. Тошнота по утрам. Изжога к обеду. Отекшие ноги к вечеру... Зато я научилась строить иллюзии, чтобы скрыть его существование. Мне ведь нужна была работа, и я ее получила... А потом потеряла. Ваша наставница постаралась. Меня признали невиновной, согласились, что мерзкое отродье появилось на свет уже мертвым... Но ваша дорогая леди Райс в это не верила. И заразила неверием других. Мне отказали от места. Хотели лишить комнаты в общежитии, раз уж я не работала больше в академии. Шушукались за спиной и тыкали пальцами. Лидия плевала на дверь... Никто не понял. Никто не посочувствовал. Одна только Джинни. Джинни Райхон, мы учились вместе. Она была добра ко мне... Она ко всем была добра, и у нее имелись связи в руководстве. Она выхлопотала мне место в библиотеке. Милая Джинни, ее смерть меня расстроила, хоть к тому времени мы уже не общались. В старой жизни. А в новой — переписывались, и она слала для Саймона старые вещи Джерри — тот был на два года старше, но такой мелкий и subtilный, что Саймон к своим семи годам его перерос. Он всегда был крепышом, — женщина улыбнулась, и злоба, которой веяло от нее миг назад, растворилась в этой улыбке. — Мой мальчик. Единственная радость в жизни. Все, что осталось мне от любимого человека... Не обязательно, чтобы любимые люди всегда были рядом. Намного важнее проститься с ними в нужный момент. Навсегда. И сохранить о них добрую память. Когда я нашла описание ритуала, долго думала, что хотела бы изменить в своей судьбе. Я могла бы вычеркнуть из нее мерзавца Вульфа и его отродье... Но кто дал бы гарантии, что дурочке, какой я была тогда, не встретился бы другой негодяй, и уже исправленная жизнь не покатила бы под откос? Поэтому я нашла иное решение. Ритуал не меняет людей, он меняет события. Предавшие меня в прошлой жизни и в этой однажды поступили бы так же. Но я не дала им такой возможности. И была счастлива без них. До этой осени, когда все вернулось. Память... Я смогла забрать ее у других участников ритуала, но не у себя. Это плата. Но я справилась. Ваш доктор помог. Немного успокоительного, снотворное на ночь... У меня нет проблем со сном, вовсе нет. Но однажды ночью я

поняла, что стою в комнате сына с ножом в руке. А ведь он не виноват, что так похож на своего отца...

Интересно, все герои, дождавшиеся в финале злодейских откровений, чувствуют себя так же паршиво?

— Вы использовали его, чтобы убить Лидию? Нацепили поводок? Саймон жаловался на следующий день на головную боль...

— Как вы могли подумать! — неприятно возмутилась женщина. — Я лишь налила снотворного ему в чай, чтобы он не заметил моего отсутствия. А Лидия... Я не собиралась ее убивать... Не так, во всяком случае. А потом встретила того студента... Студенты не должны находиться вне общежития после полуночи. А этот ко всему был пьян — настолько, что к утру и без постороннего вмешательства ничего не вспомнил бы.

Ради блага того парня хотелось, чтобы память к нему никогда не вернулась...

— Я никому не желала зла, Элизабет, — сказала драконша. — Ваш друг копался в библиотеке. Наверное, у оборотней особое чутье, и он почуял, что с Саймоном что-то не так... Я ведь не убила его? Я дала вам шанс отступить, но вы им не воспользовались. Пришлось идти на более жесткие меры. Думаете, мне не жаль было Джерри? Его мать была добра ко мне... Но Джинни умерла. И Камилла пропала... Дурочка. Мальчик так любил ее, и она его, наверное. Что с того, что он племянник ее бывшего любовника? Или младше ее на несколько лет? Но она вбила себе в голову, что должна порвать с ним и вернуться к Оливеру. А Джереми страдал. Я подумала, что избавлю его от страданий, если он избавит меня от вас. И Оливер отвлечется от расследования... Но не получилось. А потом, на корабле, я увидела вас с Саймоном и решила, что из вас может выйти хорошая пара и больше никого не придется убивать...

— Вы столкнули меня, — напомнила я.

— Нужно же было хотя бы попробовать? — удивилась моим претензиям библиотекаря. — И радости мне это не доставило. Вы милая девушка и хорошая студентка. Я так расстроилась, а доктор говорил, что мне нужно избегать волнений... Что вы только нашли в нем? Я ведь так замечательно все спланировала, а потом увидела вас обоих у себя, на том испорченном ужине. Он так смотрел на вас, а вы так на него не смотрели... Даже безразлично было, кто из вас отравился бы той конфетой. Но вы снова продемонстрировали неожиданные способности. Единорог — кто бы мог подумать? Ожившая легенда... Но вы же знаете, что герои легенд не живут долго и счастливо? Так уж повелось, и моей вины в этом нет...

— Конечно. Вы ни в чем не виноваты.

— Не нужно иронизировать, мисс Аштон, — она вернулась к строгому тону. — Я объяснила, что не питаю к вам неприязни и ваша смерть меня огорчит, как и смерть доктора Грина. Зачем усугублять ситуацию? Мне нельзя волноваться, помните? И в ближайшее время не у кого будет взять лекарств.

Ох, Эд, как ты ее не разглядел? А хвастался, что сумасшествие сразу распознал бы... Или искаженный фон заброшенного корпуса еще сильнее выворачивал больное сознание этой женщины? Послушаю ее и сама тронусь умом. Хотя времени на помешательство мне не оставят.

Тело окоченело от холода и долгого неподвижного сидения. Подумалось, что не будет ничего странного, если я вдруг отключусь на несколько секунд или даже минут.

— Плетение правильное, Илси, — долетело до меня сквозь туманы памяти. — Но чтобы мумии двигались, а не дергались, требуется больше силы. Я могу сказать, как ее собрать. Нужно почувствовать потоки. Почувствовать, как воду. И нырнуть...

Почему я вспомнила это только теперь? Бестиарий, сидящего на ступеньках эльфа с папкой карандашных набросков на коленях? Наверное, время пришло.

Время плести веночки.

— Элизабет! — голос мисс Милс казался еще дальше, чем голос Грайнвилля. — Элизабет, вам плохо?

Смешно. Она в самом деле волновалась...

Луг сегодня выглядел иначе: шире, ярче, сочнее. Трава отсвечивала тысячами неповторимых оттенков, воздух пах грозой, а небо ежесекундно озарялось цветными вспышками. Но дверь исчезла, и единорога нигде не было видно. Как и Мэйтина. Я не надеялась, что он вмешается, но мог бы хотя бы подсказать, как нейтрализовать негативные последствия ритуала и не задеть позитивные — они у смены реальностей тоже были. Одно, во всяком случае. Но большое, важное и очень хорошее...

Однако бог на мольбы не отзывался.

Когда я вернулась, солнце по-прежнему заглядывало в заколоченные окна, но теперь уже с другой стороны. Несколько минут, проведенных на промежуточном уровне, тут превратились в несколько часов.

— Рада, что вы пришли в себя, Элизабет, — проворковала библиотекаряша, заметив, что я открыла глаза. — Помочь вам подняться?

Она протянула руку, и мне вспомнились уроки ее сына: сжать ладонь, потянуть на себя, одновременно подавшись вперед...

— Благодарю, сама спра...

Я умолкла на полуслове, заметив, что драконша, по-прежнему протягивая мне руку, второй прижимает к груди книгу. Мэйтин сказал, что я узнаю ее, когда увижу, и был прав: из-под темной обложки рвалась наружу ни с чем не сравнимая сила, хранящая в себе частички безвременья терминала.

— Да, — важно кивнула мисс Милс, заметив мой взгляд. — Это она. Вам любопытно?

— Более чем, — я облизала пересохшие губы.

Огнешар или молния — и книга сгорит в одном мгновение. Мир будет спасен, исчезнувшие вернутся...

— Я знала, что вам будет интересно, — сказала библиотекарша. — Но не надейтесь, я не позволю вам взять ее в руки.

— И не надо.

Сейчас я могла говорить себе и наверняка наблюдавшему за мной со стороны богу, что бездействую потому, что не уверена в том, что мой удар достигнет цели. Если книга будет у меня, эти отговорки потеряют смысл. А мне нужно найти другой способ.

— Наконец-то, — улыбнулась, прислушавшись к чему-то, драконша. — Я же говорила...

Улыбка превратилась в гримасу негодования.

— Что?! Да как он посмел!

Если бы ее разорвало от злости, это был бы лучший вариант. Но подобные мои желания никогда не сбываются.

— Поднимайтесь, — толкнула она меня в плечо. — Живее!

Кое-как встав на ноги, я тут же получила тычок в спину:

— В коридор, — ядовито шипела библиотекарша. — Он у меня пожалеет. Он у меня...

В коридоре, широком и длинном, куда свет проникал не только через окна, но и сквозь дыры в потолке, причина ее бешенства объяснилась. Из-за угла, ярдах в пятнадцати от нас, появился сначала Саймон, помятый и понурый, а за ним уже, прячась за широкой спиной боевика, — Эдвард.

— Я достал книгу, — отчитался он громко. — Но решил подправить условия обмена.

— Я вас уничтожу! — с ненавистью пообещала драконша.

— Попробуйте, — серьезно согласился мой доктор. — Но сначала отпустите Элизабет. Когда она выйдет из корпуса, я отдам вам вашего сына

и книгу.

Глупый план. Не стоило вмешивать Саймона. Он ни в чем не виноват и ничем не поможет, потому что в один миг может превратиться для своей матери из любимого сына в ненавистное «отродье»...

— Нет, доктор, — не согласилась на новые условия библиотекаря. — Вы отпустите... — она всхлипнула вдруг, — ...отпустите моего мальчика немедленно. С книгой. И снимете с него ту дрянь, которой его опутали. А я отпущу вашу... Элизабет. Одновременно...

— Хорошо, — не препирался Эд. — Но страховку я оставлю. Саймон будет полностью свободен только тогда, когда мы уйдем отсюда. Ясно?

Я присмотрелась к Стальному Волку, но моих знаний не хватало, чтобы понять, что за чары опутывают его. Видимо, что-то опасное, если мисс Милс так разволновалась.

— Яснее некуда. — Она ткнула меня книгой между лопаток, и по позвоночнику прошелся холодок. — Идите. Но медленно. И помните, что все равно не уйдете.

Я пошла.

Медленно, как мне и велели, глядя прямо перед собой, но не на Саймона. На него я смотреть не могла. Чувствовала вину за то, что случилось... или еще случится... Лишь на миг бросила взгляд и поразились тому, как он спокоен. Спокоен, собран, словно на ринге. А когда мы поравнялись, он будто невзначай задел меня рукой.

— Бет, быстрее, — прочла я по губам Эда.

Ускорила шаг и через несколько тревожных секунд была в его объятьях.

— Все хорошо, — зашептал он мне торопливо. От макушки до пяток прокатилась волна тепла: — Чисто.

Это слово прозвучало уже не шепотом, и смотрел Эдвард при этом не на меня, а на происходившее за моей спиной.

— Мама, — услышала я голос Саймона. — Ты только не волнуйся...

Продолжение фразы смазал всплеск силы.

Я обернулась и увидела, что библиотекаря придавило к стене, а Саймон стоит рядом и удерживает сеть. Ловчую сеть, которую он сплетал в секунду и требовал на практике, чтобы мы научились делать это так же быстро.

— Предатель, — выцедила мисс Милс. — Такой же, как...

— Нет, мама, я хочу помочь тебе.

— Заканчивать это пора, — появился рядом с нами инспектор Крейг.

— Давно пора, — согласился вслед за ним вышедший из портала

ректор.

Некогда было гадать, как они здесь оказались и каким образом Эд сумел обойти клятву: я смотрела на книгу, которую драконша выронила из рук, и думала, что должна во что бы то ни стало добраться до нее первой.

Но не успела. Саймон посмотрел под ноги и увидел ее. Наклонился, поднял...

Я хотела закричать, но слова застряли в горле. А он уже заглянул под обложку. И застыл.

Сеть, удерживавшая библиотекаря, спала, и она тут же воспользовалась этим. Отшагнула от стены, встряхнула руками, и воздух вокруг нее задрожал.

— Я предупреждала вас, доктор! — проорала она со злостью, не обращая внимания на сына. — Предупреждала!

— Купол, — скомандовал Крейг. — Олли, под купол ее!

Ректор среагировал мгновенно, но даже моих скудных знаний хватило, чтобы понять, что заклинание мисс Милс, сплетенное заранее и усиленное с помощью амулетов, разрушит воздвигнутую вокруг нее стену и вырвется наружу. Смертельное заклинание, которое, как она и грозились, накроет огромную площадь и поразит каждого, кто не успеет почувствовать опасность и выставить защиту. Жертв будет куда больше, чем обещанные два-три десятка.

Купол Оливера был слишком слаб для такого плетения. Даже с силой инспектора. Даже с помощью Эдварда.

А с моей?

Когда накрывший библиотекаря заслон, похожий в свете магического зрения на хрустальную полусферу, готов был разлететься на осколки, я схватилась за выставленную вперед дрожащую от напряжения руку ректора и зажмурилась, отдавая ему всю ту энергию, что собрала на своем волшебном лугу... и силу из собственного резерва — на всякий случай...

Колени затряслись, но Эд успел подхватить меня до того, как я рухнула на пол. Воздух содрогнулся снова. А может, уже и не воздух, а само здание затряслось. По поверхности защитного купола пробежали сверкающие разряды. Мисс Милс сдавленно вскрикнула, когда ее заклинание разбилось, не прорвавшись наружу. Смертельные чары разрушились, но отката библиотекаря не избежала — наоборот, под куполом, не имея возможности рассеяться, негатив должен был ощущаться в разы сильнее, и женщина упала навзничь, видимо, потеряв сознание.

— Что это было? — спросил ошалело Крейг.

— Веночек, — одновременно ответили ему Эд и Оливер.

Оба были бледны, обоих шатало, руки Эдварда были ледяными, а у Оливера сосуды полопались в глазах, но оба улыбались.

Только я знала, что радоваться нечему.

— Саймон, — выдавила через силу. — Книга...

Некогда было объяснять. Высвободилась из объятий своего доктора и пошла туда, где замер с книгой в руках Стальной Волк. Переступила по пути через другую книгу — бесполезную пергаментную книгу, написанную кровью, которую так хотела заполучить мисс Милс.

— Бет! — встревоженно окликнул меня Эдвард.

Я сделала ему знак не приближаться. Ни ему, ни ректору, ни инспектору не нужно знать, что держит в руках Саймон. Это моя миссия, я сама должна разобраться.

И это мой друг. Хороший друг, которого я не готова потерять.

Боже, помоги. Я знаю, что у меня больше нет права просить о чуде, но ты же добрый бог: помоги, подскажи, как поступить.

— Саймон.

Я не была уверена, что мой голос прорвется сквозь сковавшее его оцепенение, но боевик услышал. Моргнул, отрывая взгляд от совершенно пустой страницы, и посмотрел на меня.

— Я знаю, — сказал он так, как прежде при встречах говорил: «Я помню». — Я все знаю, Элизабет.

— Откуда? — спросила я. Сложно было придумать вопрос глупее.

— Из книги, — улыбнулся он. От его улыбки веяло покоем и умиротворением, а мне вдруг захотелось плакать. — Это необычная книга. Ее не нужно читать. Показать вам?

Зелень его глаз в одно мгновение заполнила мир, а потом стало темно и тихо. Но это продолжалось недолго: темнота немного рассеялась, вверху засияли звезды, и вокруг меня проступили силуэты засыпанных снегом надгробий.

Старый склеп.

Решетка.

Изморозь на каменном полу. И ребенок. Лежит на обрывке окровавленной простыни — маленький вздрагивающий комочек, обмотанный витой веревкой пуповины. Не плачет уже, только сипит едва слышно.

Рядом... Мать? Нет, мать не выдержала бы. Подняла бы, укутала, отогрела бы — хоть последним дыханием. А эта сидит, зажмурившись и заткнув уши, раскачивается вперед-назад и шепчет без перерыва:

— Сдохни, сдохни, сдохни...

Я пожелала не видеть этого, и теплая ладонь закрыла мне глаза.

— Это не моя мама, — вздохнул над ухом Саймон. — Моя была замечательная. Жаль, не могу вас познакомить, ее не стало осенью.

— Мне тоже... жаль... Я не знала, что так получится...

— И я не знал, — он убрал ладонь. Склепа уже не было, только звезды над головой и под ногами. — Когда шел сюда, думал о матери, что она запуталась и нуждается в помощи... Хотите расскажу, как мы прошли?

— Разве это важно? — всхлипнула я.

— Наверное, нет. Но у нас есть время, а я не могу придумать, о чем еще говорить. Это по крайней мере интересно.

— Саймон...

— Слушайте, я расскажу. Это доктор придумал. Он умный, я вам говорил. Когда она вынудила его дать клятву, он допустил ошибку в формулировке. Специально, потому что знал, что она заметит. И она заметила, конечно. Но не обратила внимания, что ошибка была не одна. Он сказал: ни словом, ни буквой. А полный текст клятвы: ни словом, ни буквой, ни жестом, ни каким другим способом не выдам... Он не мог ничего рассказать или написать, но мог кивать, например, если его о чем-то спросили бы. А инспектор Крейг умеет задавать правильные вопросы... Так странно, — Саймон почесал макушку и по-мальчишески сморщил нос. — Меня там не было, но я знаю, как все происходило. Это очень необычная книга... А потом они пришли за мной. Нужно было отвлечь ее, чтобы милорд Райхон и инспектор открыли портал. Привлекать больше людей было опасно, и мы не знали, что с вами, — только то, что вы еще живы... Дальше вы видели. Простите, что упустил сеть.

— Ничего, мы справились.

— Я знаю, — он опять улыбнулся, светло и безмятежно. — Я многое теперь знаю. Хоть, конечно, не все. Например, я не знаю, что будет... потом...

Я моргнула и вместо звезд увидела обваливающиеся стены старого корпуса. Казалось, прошло не больше секунды с того момента, как я подошла к Саймону. Эд, Оливер и Крейг были там же, где я их оставила. Возможно, время разделилось, мы жили сейчас в разных потоках...

— Мы что-нибудь придумаем, — я схватилась за книгу, но вырвать ее из крепких рук боевика не удалось. — Нужно найти описание ритуала, все источники, которые использовала ваша... она...

— Все в нашем доме. Но другого выхода нет. И времени тоже. Вы были заняты эти дни и не слышали: Мартина никто уже не помнит, а Камилла, как говорят, нашла другое место и уехала.

— Но...

— Есть еще кое-что, чего я не знаю, Элизабет. Я понятия не имею, что нужно говорить в таких случаях. Просто... бегите...

Книга вспыхнула у него в руках, но и тогда Саймон не отпустил ее.

— Бегите, — повторил он.

И улыбнулся опять. На прощание.

Полный отчаяния крик заставил меня обернуться.

Мисс Милс пришла в себя и увидела горящую книгу. Ненависть изуродовала ее лицо, глаза налились тьмой... Я ничего не успела бы сделать. Даже если бы вспомнила нужное плетение. Никто не успел бы. Библиотекарша выбросила вперед руку, и я, как никогда четко, рассмотрела пущенное в меня заклинание. Смертельное. Наверное, она держала его на крайний случай...

— Бет!

Поздно.

Но я поняла, отчего так спокоен Саймон: это совсем не страшно, когда знаешь, что сделал все правильно. Только обидно...

Горячая волна сбила меня с ног, и, падая, я успела увидеть, как закрутившаяся вокруг боевика воронка подхватила пламя с книжных страниц и подползла к мисс Милс. Вынырнула из огненного вихря рука, обняла библиотекаршу — ласково и крепко — и втянула внутрь...

А я так и не упала.

Сначала воздух — или какой-то телекинетик? — поймал меня у самого пола, а затем, когда с потолка посыпалась пыль и куски штукатурки, я почувствовала, как меня всасывает в портал.

Вот тебе и грузоперевозки «Райхон и Грин»...

— Бет! Бет, пожалуйста, посмотри на меня...

— Или затрясешь меня до смерти?

А еще целитель! Должен же чувствовать, что я жива.

Что, конечно, странно.

Но сейчас об этом некогда было думать: здание, из которого мы только что телепортировались, рушилось. Стены и крыша мялись, словно были сделаны из бумаги, и через минуту перед нами был только уменьшающийся на глазах бесформенный ком.

Вместе с развалинами заброшенного корпуса таяла и надежда, за которую я держалась до последнего. Никто больше не выберется из развалин. А вскоре и развалин не осталось.

Я прижалась к плечу Эда и пообещала себе, что не заплачу.

— Нет худа без добра, — вздохнул Крейг, присаживаясь на землю

рядом с нами. — Сколько лет не знали, что с этим сараем делать. Теперь скверик разобьем, да, милорд?

Оливер не ответил.

— Хорошее платье, — сказал инспектор, который на нервах, наверное, просто не мог молчать. — Эльфийский шелк?

Я пожала плечами.

— Эльфийский, — кивнул себе старик. — Магия на нем эльфийская. Сама нить зачарована. Даже не нить, а еще шелкопряды, что эту нить тянут. Значит, это не нервное.

А платье — не только голубое, но еще и волшебное.

— Хороший шелк, — продолжил Крейг, глядя на оставшийся на месте развалин пустырь. — Жалко, силы в нем уж нет, сгорела вся.

Значит, уже не волшебное.

Но Кару я при встрече поблагодарю.

— Волна мощная прошла, — не умолкал полицейский. — Многие заинтересуются. Там тоже, — ткнул пальцем в небо. — Понаедут теперь... Как отбиваться будем? Теперь-то все вспомнится...

— Отобьемся, — сказал угрюмо Оливер.

— Куда мы денемся? — согласился Крейг.

— Книги, — вспомнила я. — Саймон сказал, что они в их доме.

Нужно довести это до конца, чтобы его жертва не была напрасной.

Новый портал перенес нас к крыльцу оставшегося без хозяев дома. Крейг без хитростей выбил дверь.

Где искать нужные книги — никто не знал, а привлекать к этому делу еще людей было рискованно: мало ли кто еще захочет изменить свою судьбу? Судя по взглядам, которые бросал на нас инспектор, он и нам не очень-то доверял. В кабинете Крейг снял с полки первый подвернувшийся том, открыл и внезапно отшвырнул от себя. Из-под обложки вырвалось серое облачко.

— Проклятье!

— Оно самое.

Оливер устало привалился к дверному косяку.

На что ушли остатки его сил, растроченных еще в заброшенном корпусе на поддержание защитного купола, я поняла, когда Эдвард открыл еще одну книгу, и превращенные в пепел страницы осыпались на ковер.

Я и не подозревала, что можно проклясть книги. Зато теперь не нужно переживать, что описание ритуала попадет не в те руки.

— Ловко, — похвалил Крейг. — Все накрыл?

— Все в доме, — подтвердил ректор.

Эд, относившийся к книгам с особым пиететом, скривился, но промолчал. А мне нужно было найти еще кое-что. Найти и забрать. Потому что это не для следователей и специальных комиссий. Это даже не для меня. Для Германа, с которым мы пока не знакомы и который в этот момент, быть может, появился, перепугав соседей, в своей комнате. Стилет — хорошее прозвище. Но Стальной Волк лучше.

Интуиция меня не подвела: мальчишки — всегда мальчишки, все самое ценное они хранят под кроватями.

Оливер, увидев маску, нахмурился сильнее, но ни о чем не спросил. Меня вообще никто ни о чем не спрашивал, словно все и так знали, почему Саймон исчез вместе с книгой. А может, не хотели этого знать.

Но я им не позволила. Секунду назад казалось, и слова не выговорю, а тут вдруг прорвало. Мэйтин говорил, что возникшая после ритуала версия реальности не исчезнет бесследно, а значит, был шанс, что Саймона не забудут, и я хотела, чтобы его запомнили правильно.

Когда говорить стало не о чем, прижала к груди стальную маску и вышла на крыльцо. Остудить мысли, подышать свежим воздухом и утереть тайком от всех слезы, которые обещала не лить...

Зажмурилась и тут же распахнула глаза, испугавшись знакомой темноты.

Но темнота настигла меня.

— Нет! — заорала я на весь терминал. — Не смей!

— Ты выполнила миссию и вернешься в свой мир.

— Это и был мой мир!

Мой мир. Мои родители. Мои друзья. Моя академия. Мой мужчина.

Мое!

— А как же Элизабет? — спросил, проявившись в луче света, Мэйтин.

— Я Элизабет! — топнула со злостью ногой и провалилась в пустоту.

После того, сколько раз сегодня мне пришлось падать, это не пугало. Если не думать о том, что я упаду на площадку рядом с чердачной лестницей старой трехэтажки...

Но я опустила на знакомое мягкое облачко. И, кажется, догадалась, к чему этот антураж: на облачке Мэйтин рассказывает мне сказки.

— Лучше я тебе лекцию о вреде пьянства прочитаю, — ухмыльнулся он, падая рядом.

Нет, сказки интереснее. Например: жила-была девочка Элси...

— Которая любила выпить, — вставил вредный бог.

Не любила. Но случалось иногда. Почему бы и нет, если меру знать? Но с мерой Элси немного ошиблась...

— Раза в два.

Неважно.

— Неважно у тебя получается сказки рассказывать, — вздохнул Мэйтин. — Давно поняла?

— Сегодня. И раньше мысли были, но... не складывалось...

— Просто ты из тех, кого нужно по голове стукнуть, чтобы она заработала.

— Мог объяснить в первый же день.

— И ты поверила бы? Сомневаюсь. Потому я и выбрал для тебя ту правду, которую тебе легче было бы принять.

Как ни странно, он прав: тогда мне проще было поверить в то, что я попала в мир, который сама придумала, чем в то, что вернулась домой спустя долгих семь лет.

Семь лет — именно столько времени прошло со дня моей свадьбы. Со свадьбы Марины, в жизнь которой я случайно заглянула и в которой осталась, забыв себя.

Кто поверил бы в такое?

Но в одном мире может быть только одна версия человека, и это будет его изначальная версия, другая личность растворится в ней. Грайнвилль так говорил.

— И я сказал тебе тогда: ты услышала от него все, что нужно, — напомнил Мэйтин. — Трайс — мир Элизабет. Думал, ты поймешь.

— А еще ты говорил, что Элизабет — моя героиня.

Он пожал плечами:

— Одно другому не мешает. Пишут же люди автобиографии? Ты заблудилась, попала в мир Марины и приняла ее память. Свадьба, любовь — это так заманчиво для романтической девушки. Ты должна была застрять там навсегда и умереть для Трайса. Но спустя несколько лет в жизни Марины произошла трагедия, с которой она не смогла справиться. Ее личность переживала кризис и в какой-то момент почти перестала существовать... И тогда проснулась Элси, которая, в отличие от Марины, все еще хотела жить. Причем хотела жить в своем мире. Ты начала вспоминать... Но это ничего не изменило бы, не запиши ты свои воспоминания. Я говорил, что на мир можно влиять извне. А ты такого понаписала, что я сам теперь не знаю, действительно ли все так и было или ты исказила реальность, вплетя в нее представления Марины о других мирах, магических академиях, красавцах ректорах и еще тысяче разных вещей. А потом еще и бросила книжку. Вернее, я предполагаю, что это Марина, с твоей помощью победив кризис, не захотела продолжать.

Пришлось срочно возвращать тебя назад.

— Срочно? Прошло несколько лет!

— Времени между мирами не существует. Иначе ты умерла бы на Трайсе в тот миг, когда открыла дверь на Землю.

Логично. Если во всем этом вообще есть логика.

— Я ждал удобного случая, — сказал Мэйтин. — Повезло, что кот вылез на крышу, Марина пошла искать его и упала...

— Я все-таки упала?!

— С лестницы, — успокоил бог. — Небольшое сотрясение, ничего серьезного. Зато ты... или она... Короче, все потеряли сознание, и я смог вытянуть тебя в терминал. Но ты слишком многое успела взять от Марины. Даже то, что я вернул тебе прежнюю память, не помогло. И подсказки ты игнорировала.

— Твои подсказки больше похожи на загадки.

— Да? Ну и ладно, — отмахнулся он. — Зато неплохо провели время.

Спасли мир и все такое.

— А как же Саймон?

— Его не забудут, если ты об этом.

— Не об этом. Он...

— Вы больше не встретитесь. Это исключено.

Я тяжело вздохнула.

— Но у него все будет хорошо, — улыбнулся бог. — Где-нибудь. Или когда-нибудь.

— А у меня?

— Не знаю. Помнишь гадание Сибил? Выбор. Никто, кроме тебя, его не сделает.

— А как же Марина? Ты говорил, что вернешь меня в ту жизнь, когда все закончится.

— Разве все уже закончилось? Я думал, все только начинается. Но я не сделаю тебя прежней Элси. Ты многое пережила там, и этот опыт останется с тобой. Но это ведь неплохо, да? А Марина... однажды ты проживешь ту жизнь. Или уже прожила. Я говорил: между мирами не существует понятия времени и какой-либо последовательности. Но та твоя жизнь никуда от тебя не денется, не волнуйся.

Было бы о чем волноваться. Разве только о Графе.

— Ох, Марибет, — лукаво усмехнулся Мэйтин, — пользуешься ты моей добротой.

Передо мной появилась знакомая книга.

— Читать?

Бог вынул из кармана ручку и протянул мне:

— Писать. Но то, что уже прожито, переписать нельзя только наметить дальнейшее развитие сюжета.

Писать?

Я замерла над чистой страницей. Вдруг опять что-нибудь не то сочиню, и придется еще в одной жизни мир спасать? А мне бы спокойного такого счастья... Точнее, Марине... Которая тоже я, но другая...

Боже, я правда не сошла с ума?

— Не-а, не сошла. Тебе твой доктор это уже сказал.

Мой доктор. Мой...

Это снова была подсказка?

— Скажем так, — проговорил Мэйтин неторопливо, — есть миры, где вы никогда не встретились. Есть такие, где, встретившись, по каким-то причинам разошлись. Есть несколько, где вам не повезло родиться в одну эпоху. Но если брать полную статистику, то... да, можешь расценивать как подсказку.

Хорошо, так и буду расценивать.

Я шумно выдохнула, придвинула к себе книгу и начала писать. Ничего конкретного. Намеки, наброски, полутона...

— Ничего себе полутона! — присвистнул Мэйтин, заглянув мне через плечо.

Ну, такие вот полутона.

А что-то можно и поконкретнее написать.

«...У крыльца стоял роскошный ярко-красный „Porsche“ последней модели.

— Ух ты, — вырвалось у меня. — Не знала, что врачи у нас столько зарабатывают.

Мужчина загадочно улыбнулся и под руку повел меня к машине...»

Во как!

Довольная собой, я захлопнула книгу и вместе с ручкой отдала Мэйтину.

— Точно все, что нужно, написала? — спросил он.

Я кивнула. Не все, конечно, прямым текстом, но создала предпосылки к счастливой и безбедной жизни. Следующей. Или предыдущей.

Нет, однозначно пора возвращаться в настоящую, пока я с ума не сошла.

Мэйтин услышал это желание и поспешил его исполнить...

День еще не закончился, а суета, связанная с внезапным возвращением людей, о которых все успели позабыть, только начиналась, но мы с Эдвардом решили, что дальше обойдутся без нас, и пошли домой.

Мне нужно было многое ему рассказать: о себе, о Саймоне, о богах, драконах и других мирах. И спросить нужно было. О нас.

— Мы будем жить долго и счастливо, — сказал он уверенно.

— Нет, — не согласилась я. — Мы будем жить счастливо и всегда.

ЭПИЛОГ

— Дурочка ты, Маринка. На голову больная. О чем только думаешь?

Я отчитывала себя уже минут пять, но безрезультатно: в зеркале вместо унылой физиономии со следами глубокого раскаяния отражалась довольная улыбка.

Ну, больная. Ну, на голову. Что с того? У меня и справка есть.

— Мариш, готова? Поехали.

— А выписка?

— Какая выписка, Марина Сергеевна? Вы до конца недели числитесь на дневном стационаре.

М-да... Нет у меня справки.

В коридоре Олег поймал меня за руку и отобрал пакет с вещами.

— Куда рванула?

— К выходу. На улице тебя подожду. Это... конспирация...

— Какая же это конспирация? — усмехнулся он. — В кино про шпионов не так было. Учись.

Притянул меня к себе и поцеловал. Прямо в коридоре, рядом с манипуляционной, на глазах у троицы молоденьких медсестер и угрюмого мужика с перебинтованной головой.

— Я дежурство сдал и до среды могу делать что хочу, — сказал строго — уже не мне, а заулыбавшимся от увиденного сестричкам. — А у вас тут что за несанкционированный митинг?

Через секунду под дверью манипуляционной остался только угрюмый мужик, ждущий, когда его позовут на уколы.

Ох, Маринка, вновь возвала я к себе мысленно. Одумайся, дурочка без справки. Оно тебе нужно такое? Такой? Ты же у него по квартире строевым шагом ходить будешь и тапки в зубах носить! И это в самом лучшем случае, если выйдет что-нибудь из этого сумасшествия.

И тут же сама себе сказала, что выйдет обязательно. А тапки у меня требовать — так можно ими же в лоб получить, и Олег это прекрасно знает.

Откуда ему это знать, когда мы познакомились только на прошлой неделе, я понятия не имела, но в том, что он знает, ни капельки не сомневалась. Ни в чем не сомневалась с той минуты, как его увидела.

Сцена, конечно, была — внукам не расскажешь. Хотя, если правильно подать...

Зимний вечер. Приемный покой нейрохирургии. Красавец-доктор,

словно со съемок какого-нибудь буржуйского сериала про скорую помощь: серьезное лицо, внимательные серые глаза, светло-голубой медицинский костюм, ручка с погрызенным колпачком в тонких пальцах. И я — только из скорой, совсем не сериальной: на голове далеко не живописный беспорядок и огромная шишка, куртка поверх домашнего халата и сапоги на босу ногу. Зато цвет лица с докторским костюмом гармонирует.

Смотрю на него — на доктора, не на костюм, — в ушах гудит, голова кружится, мыслей ворох, но всего одна связная: как объяснить, что я не всегда так выгляжу, а только когда по чердакам за котами лазаю? А все остальное время я — красавица писаная, и вещи у меня приличные есть, платья всякие. Могу даже белое найти... с фатой...

Потом он что-то спрашивал. Голову ощупал. Руки теплые, ласковые, одним касанием лечат. В таких руках забыться и уснуть, а я вспомнила о коте, и меня накрыло. Что квартира нараспашку — заходи любой, бери что нравится, — даже не думала, а Графа, грелку эту мохнатую, до слез жалко: как он там один будет, кто накормит, кто за ухом почешет. Разревелась, идиотка... А Олег — я, правда, тогда еще не знала, что он Олег, — достал из стола упаковку салфеток, пододвинул ко мне и поинтересовался, по тому же адресу, что я при поступлении назвала, сбежавший кот проживает, или нет. Я сказала, что по тому же, и на этом вроде как тему кота закрыли.

Меня переодели в казенную рубашку и отволокли на томографию. Потом в палате устроили. Вкололи что-то. Доктор зашел. Сказал, что у меня сотрясение мозга и еще что-то там ему не очень нравится, поэтому нужно меня недельку-другую в отделении подержать, и неплохо было бы кому-нибудь об этом сообщить, чтобы мне привезли предметы первой и второй необходимости и регулярно подкармливали, ибо кухня в больнице, конечно, есть, но «сами понимаете»... И я опять чуть не разревелась, потому что сообщать о своем сотрясении мне было некому. Только директору — предупредить, что с аудиторами придется разбираться без меня. А кому еще? Лене, с которой мы с осени не виделись? Светлане, которую я уже два месяца забывала поздравить с рождением ребенка? Бывшему мужу, которого тоже скоро забуду поздравить с таким же событием? В общем, был у меня повод оплакать свою никому не нужную жизнь, но голова кружилась, глаза слипались, я их закрыла и уснула. А Олег Евгеньевич так и сидел на стуле рядом с кроватью.

Утром он зашел ко мне до обхода. Положил на тумбочку ключи от моей квартиры. Те самые, которые я с вечера бросила на полочке в прихожей. Сказал, что там их и нашел. Сообщил, что, судя по тому, что телевизор и компьютер на месте, ограбить меня не успели. А кота он нашел

под дверью. Предъявил соседкам и, после того как те опознали в нем Графа, забрал к себе. Но, чтобы окончательно удостовериться, что обогретое и накормленное животное не самозванец, мне продемонстрировали фото довольной кошачьей морды, сделанное моим же телефоном, который Олег захватил из квартиры на случай, если я решу все-таки кому-нибудь позвонить. А еще он привез мою зубную щетку и тапочки...

Первая мысль после всего этого: я слишком сильно ударилась головой, и простым сотрясением не обошлось. Потому что если и бывают такие мужчины, то обитают они, наряду с эльфами и единорогами, где-то в параллельных вселенных, и появление одного из них в моей жизни можно объяснить только посттравматической шизофренией.

Когда он признался, что съел не дождавшемуся меня пиццу, потому что она вкусно пахла, а он проголодался после работы, я на время пришла в себя и почти уверовала в его реальность. Но взамен пиццы он привез мне картофельное пюре и овощные котлеты. И суп в термосе.

Нужно было как-то отреагировать на все это, и я не придумала ничего лучше, чем спросить, как его жена относится к тому, что он привозит домой незнакомых котов и подкармливает пациенток. А когда невероятный доктор ответил, что не женат и «до вчерашнего дня не планировал», я сошла с ума окончательно. Даже признание, что провиантом он запасся в кафе, потому что сам умеет готовить только яичницу и бутерброды, меня не исцелило.

Но, с другой стороны, ничего безумного в случившемся и не было. Мне понравился мужчина, а я, несмотря на свое сотрясение, понравилась ему. Остальное — нюансы. Кто придумал, что отношения должны развиваться постепенно и неспешно? Что нужно тратить недели, а то и месяцы, чтобы узнать человека и понять, хочешь ли ты быть с ним? А если тебе хватило нескольких дней, что, все равно тянуть и ждать чего-то, потому что так положено?

Нам хватило. И ждать мы не собирались.

В первый день Олег заходил несколько раз. До обхода, во время обхода, само собой, через час, чтобы узнать, как я себя чувствую, и после обеда — с тем же вопросом, а еще забрать посуду. Спросил, чего бы я хотела на ужин. Мне хотелось сухого вина, жаренного на костре мяса, бродить босиком по теплой кромке прибоя и любоваться звездами. Но я согласилась на творог со сметаной. Олег принес заказ, когда его рабочий день уже закончился, и мы проговорили до позднего вечера. Я ела творог под присмотром лечащего врача, а он пил кофе из автомата в вестибюле.

Потом прибежала взволнованная медсестра и затараторила, как хорошо, что Олег Евгеньевич еще здесь, потому что привезли мужчину, которого сбила машина, и случай очень тяжелый. Я думала, Олег напомнит ей, что он свое сегодня отработал, а в отделении есть дежурный врач, но он извинился — передо мной извинился — и пошел переодеваться в свой голубой костюм.

Домой он тогда так и не попал. Спал после операции на диване в ординаторской и на утреннем обходе выглядел немного помятым. Но вполне довольным. И щетина ему шла...

Я позвонила все-таки Лене, и, хоть мы не были близкими подругами, скорее, приятельницами по институту, она примчалась уже через час. Привезла мандарины и упаковку йогурта. Сама вызвалась съездить ко мне домой и собрать все необходимое.

А Олег по-прежнему заходил, когда у него было время. Разговоры, еда из кафешки, кофе из автомата...

К вечеру третьего дня на меня уже приходили посмотреть. Просовывались в приоткрытую дверь любопытные носы и морщились брезгливо: «Что он в ней нашел?» Сама я этим вопросом не задавалась. Главное, что нашел.

Я рассказала ему о родителях. Они работали в другой больнице, но город-то один, а мир вообще тесен, особенно медицинский, и Олег, оказалось, был когда-то знаком с отцом.

И о себе я рассказала. Так легко получилось, без слез. Только боялась, что он станет меня жалеть. Не стал. Сказал, что у него институтский товарищ в третьей гинекологии работает, хороший специалист. Фамилию назвал знакомую — мне этого врача Света советовала, она сама у него наблюдалась.

Ей я тоже позвонила. Извинилась за запоздавшее поздравление. Обещала сразу после выписки приехать, с малышом познакомиться...

А позавчера у Олега было ночное дежурство, на диво спокойное, и он, сделав вечерний обход, сидел у меня в палате. Сначала просто сидел. Потом мы поцеловались. Как-то само собой получилось. Через несколько минут оказались в темной перевязочной, где никто не стал бы нас искать и дверь, в отличие от палатной, закрывалась на ключ. Стекла в окне белые, непрозрачные, и подоконник широкий.

И никаких сомнений. Иначе и быть не могло. Не случись этого ночью, с утра я набросилась бы на него прямо во время обхода. Или он на меня. В любом случае неудобно получилось бы. Неудобнее, чем на подоконнике...

— Мариш, что-то не так? Голова закружилась?

— Нет. Все хорошо.

— Хорошо — это хорошо, — вывел Олег серьезно. — Но если ты собираешься сбежать, пока я буду ходить за куртками, напоминаю: у меня в заложниках твой кот.

— Дурачок.

— Кот?

— Ты. Куда я от тебя сбегу? Тем более без куртки?

На улице все еще была зима. Я поежилась от холода, невыносимо резкого после тепла палаты, и натянула капюшон почти до подбородка, рискуя навернуться на ступеньках и вернуться в отделение, откуда меня еще даже не выписали.

— В машине согреешься, — пообещал мне лечащий врач и любимый мужчина в одном лице. — Я специально поближе припарковался.

Я выглянула из капюшона и ошарашенно замерла: рядом с больничным крыльцом стоял ярко-красный «Porsche».

— Ух ты, — выдохнула, не сдержав восторга. — Не знала, что врачи у нас столько зарабатывают.

Олег загадочно улыбнулся и под руку повел меня к чуду автомобилестроения.

— К огромному моему сожалению, — говорил он при этом, — врачи у нас столько не зарабатывают. Зарабатывают они приблизительно столько, — обогнул по дуге блестящую отполированными боками машинку, и моему взору открылся стоявший за ней черный «Hyundai». — А если не зарабатывают, берут в кредит.

— Какое разочарование, — пробурчала я, устраиваясь на пассажирском сидении. — Думала, что закадрила преуспевающего нейрохирурга, а у него кредит.

— Кредит я уже выплатил, меркантильная моя, — успокоил Олег, заводя мотор. — И у меня осталось достаточно денег, чтобы угостить тебя ужином.

Замечательно. Значит, с меня завтрак.

Светловолосый паренек в черной футболке, сунув руки в карманы широких джинсов, бродил по засыпанному снегом газону, невзирая на мороз и срывающийся ветер. Его необычный вид не привлекал внимания прохожих, и за все время, пока подросток топтался тут, им заинтересовался только старый бродячий пес: подошел, обнюхал протянутую руку, вильнул хвостом и потрусил дальше по своим делам. Даже молодая женщина, к которой парнишка приблизился вплотную, чтобы заглянуть под капюшон,

его не заметила. Может быть, потому, что смотрела только на своего спутника.

Мальчишку это не расстроило. Он проводил взглядом выехавший со двора больницы автомобиль и пошел к стоявшему у ограды мотоциклу.

— Видел? — спросил у сидевшего на мотоцикле человека.

— Видел. — Байкер стащил с головы черный шлем, украшенный изображением серо-стальной головы волка, и тряхнул светлой челкой. На открытом молодом лице светилась улыбка.

— Ничего не меняется, — усмехнулся мальчишка. — Предпосылки она создала! Как не умела писать, так и не научилась. Ну да ладно, и так неплохо вышло. В конце концов, не в «поршах» счастье.

Он устроился за спиной вновь надевшего шлем байкера, и мотоцикл сорвался с места. Рев мотора не испугал копошившихся рядом голубей, и птицы продолжали деловито выискивать что-то в снегу, на котором не осталось следов протекторов...